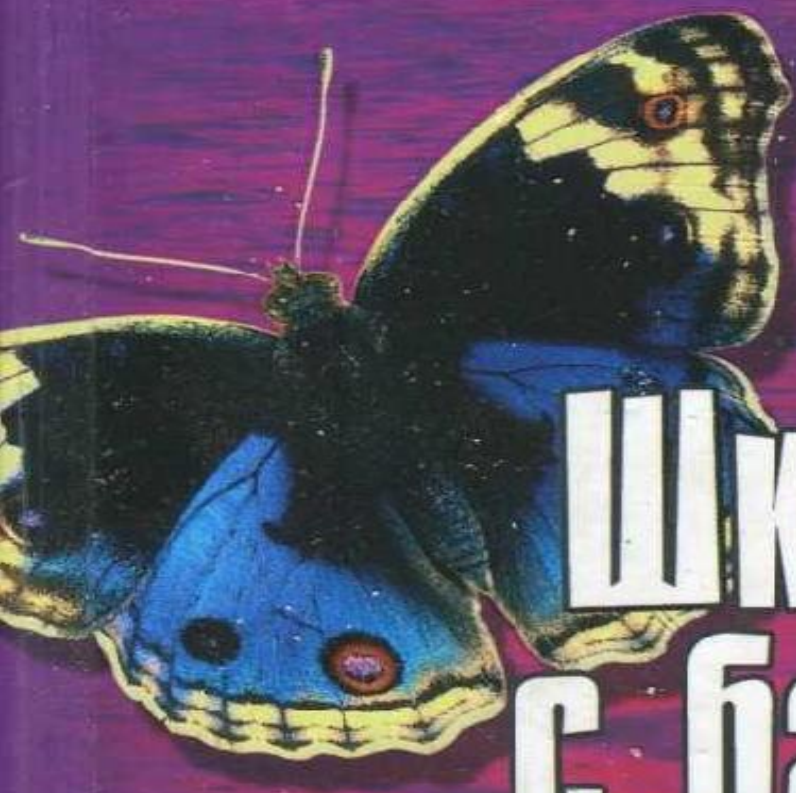

УПАКОВКА
№ 77

Санта Монтефиоре

Шкатулка с бабочкой

События в романе происходят в конце XX века в Чили и Англии.

Федерика Кампione обожала отца, хотя он проводил долгие месяцы вдали от семьи. В один из приездов он подарил ей волшебную шкатулку, принадлежащую когда-то принцессе инка, и пообещал, что она принесет дочери счастье. Феде поверила, что отец всегда будет рядом с ней, но родители расстались, и мать увезла шестилетнюю девочку в Англию.

Новая страна, новые друзья, первая любовь и первое разочарование — через все это предстоит пройти героине до встречи с состоятельным красавцем, который становится ее супругом.

Что принес этот брак Федерике, оказавшейся в «золотой клетке», кто пришел ей на помощь в минуты полного отчаяния и какую роль в этом сыграла волшебная шкатулка — в новом романе Санты Монтефиоре «Шкатулка с бабочкой».

- [Санта Монтефиоре](#)

- [Об авторе](#)

-

-

-

- [Глава 1](#)

- [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)

- [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)

- [Глава 9](#)

- [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)

- [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)

- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)

- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)

○

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Санта Монтефиоре

Шкатулка с бабочкой

Санта Монтефиоре родилась в Англии. Ее мать была англо-аргентинского происхождения. Санта Монтефиоре преподает испанский и итальянский в Эксетерском университете. После года преподавания английского языка в Аргентине она провела большую часть 90-х годов в Буэнос-Айресе. В настоящее время она живет в Лондоне со своим мужем, историком Саймоном Себагом Монтефиоре, и дочерью Лили. Ее первый роман «Встретимся под деревом омбу» был напечатан в издательстве «Коронет».

Очень хорошо написанный... старомодный роман о любви.

«Evening Standard»

Увлекательный.

«Vogue»

Освежающе... с воображением, шармом и утонченностью. Санта — это новая Розамунда Пильчер. Написано восхитительно.

«Daily Mail»

Далекий от жизни, страстный роман о любви.

«Dorset Evening Echo»

Хорошая старомодная сага со всеми классическими составляющими. Федерика наделена неподдельным пафосом и шармом, и этими качествами проникнута вся книга... захватывающая и очаровывающая.

Penny Vincenzi, «Mail on Sunday»

Хочу выразить глубочайшую признательность моей кузине Андерли Харди за ее помощь по вопросам, касающимся реалий Чили, Сьюзан Флетчер, моему редактору, а также Джо Фрэнку, моему агенту, за их советы, мудрость и поддержку.

Посвящается родителям

Любовь не дарит ничего, но лишь себя, и не лишает ничего, но лишь себя.

*Любовь ничем не обладает, и ею обладать нельзя;
Ведь для любви довольно лишь любви одной.*

Калил Гибран. Пророк

Федерика открыла глаза и окунулась совсем в другой мир. Было жарко, но влажность оставалась умеренной благодаря прохладе морского бриза, подхваченной им в холодных волнах Тихого океана. Ее комната медленно просыпалась в бледном утреннем свете, который пробивался сквозь неплотно задернутые шторы, разбрасывал свои лучи по полу и стенам и поглощал остатки ночи, освещая аккуратно разложенных в ряд спящих кукол. Непрерывный лай пса сеньоры Бараки, доносившийся с дальнего конца улицы, уже давно перешел в хриплую тональность, но упрямая собака, как обычно, продолжала исполнять свои однообразные звуковые этюды. В один прекрасный день он совсем потеряет голос, подумала Федерика, что вовсе недурно, — по крайней мере, он перестанет будить всех соседей. Однажды по дороге в школу она попыталась угостить его пирожным, но мама сказала, что лучше держаться от него подальше.

— Не стоит трогать его, ведь неизвестно, где он шляется, — посоветовала та своей шестилетней дочери, удерживая ее на расстоянии от собаки. Хотя парадокс заключался в том, что этот пес никогда и нигде не шляется. Федерика вдохнула сладковатый запах апельсиновых деревьев, которым был буквально пропитан воздух, и почти ощутила во рту вкус сочных оранжевых фруктов, важно восседавших на ветках, словно стеклянные шары на рождественской елке. Она отбросила одеяло и встала на колени на краю кровати, выглядывая сквозь занавеси в мир, который заметно изменился после вчерашнего захода солнца. Новый восход вызвал приятное ощущение в ее худеньком тельце и радостную улыбку на бледном лице. Сегодня ее отец возвращается домой после многомесячного путешествия.

Рамон Кампионе был настоящим гигантом во всех отношениях: не только из-за своего роста — он был выше шести футов, что являлось весьма значительным как для чилийца, так и для жителя Италии, откуда родом была его семья, — но и в силу своего воистину колоссального воображения, которое, подобно галактике, казалось бесконечным и полным неожиданностей. Странствия забрасывали Рамона в отдаленные уголки земли, где его вдохновляло все необычное и прекрасное. Он путешествовал, писал и снова отправлялся в путь. Семья была практически лишена возможности нормального общения с ним. Он никогда не оставался дома на такой срок, которого было бы достаточно для того, чтобы домочадцы могли полноценно ощутить все обаяние личности, стоявшей за написанными строками и волшебными фотографиями, которые он делал. В сознании своей дочери он был могущественнее самого Бога. Однажды она сказала падре Амадео, что Иисус был никем по сравнению с ее отцом, который мог сделать нечто значительно большее, чем превратить воду в вино.

— Мой отец может летать, — гордо сообщила она. Ее мать с извиняющейся улыбкой спокойно пояснила священнику, что Рамон опробовал в Швейцарии новое приспособление, позволяющее слетать с горы на лыжах. Падре Амадео понимающе кивнул, но чуть позже покачал головой, забеспокоившись, что девочка будет морально травмирована, если ее отец однажды упадет с того высокого пьедестала, на который она слепо его вознесла. Ей следовало бы переключить свою привязанность на Бога, благочестиво подумал он.

Федерика с нетерпением ожидала времени, когда можно будет встать, но было еще слишком рано. Небо оставалось бледным и неподвижным, подобно подсвеченной поверхности огромной лагуны, и только лай пса и щебетание птиц нарушали тихую поступь рассвета. Прямо из спальни она могла наблюдать за океаном, простирающимся до серой дымки горизонта, где он плавно сливался с небесным сводом. Мать часто ходила с ней на пляж Калета Абарка, поскольку у них не было бассейна для плавания, где можно было бы охладиться от жары, хотя морская вода почти всегда оказывалась слишком холодной для купания. Иногда они отправлялись в маленькую приморскую деревушку, находившуюся в часе ходьбы вдоль берега, чтобы провести время с родителями отца, которые были владельцами чудесного летнего дома с тростниковой крышей, окруженного высокими пальмами и акациями. Федерика любила море. Отец однажды сказал ей, что это объясняется тем, что она родилась под знаком Рака, символом которого является водная стихия и краб. Однако к крабам она подобной привязанности вовсе не ощущала.

После долгого и томительного ожидания Федерика услышала шаги по ступеням, за которыми последовали звуки голоса ее младшего брата Энрике. Его звали Хэлом, как в шекспировском «Принце Генри». Это была идея Рамона, поскольку его жена, будучи англичанкой, тем не менее не интересовалась ни литературой, ни историей, если только это непосредственно не касалось ее.

— Дорогая, ты уже оделась! — удивленно воскликнула Элен, когда Федерика, перепрыгнув лестничную площадку, появилась в спальне Хэла, где мать одевала его.

— Сегодня папа возвращается домой! — пропела она, не в силах и секунды оставаться в покое.

— Да, это так, — подтвердила Элен, глубоко вздохнув, чтобы сдержать негодование, которое вызывал у нее вечно отсутствующий супруг. — Хэл, дорогой, постой спокойно хоть минутку, иначе я не смогу надеть на тебя туфельки.

— А он успеет приехать до обеда? — спросила Федерика, раздвигая шторы и позволяя теплым солнечным лучам ворваться в тускло освещенную комнату с такой стремительной скоростью, которая возможна только ранним утром.

— Самолет прилетает в десять, так что он должен успеть появиться дома до обеда, — терпеливо ответила мать. — А ты, моя прелесть, выглядишь просто красавчиком, — добавила она, мягко зачесывая щеткой назад черные волосы Хэла. Он мотал головой и визжал в знак протеста, а затем ловко соскочил с кровати и выбежал из комнаты.

— Я надела для него свое лучшее платье, — похвасталась Федерика, бодрым шагом следуя за матерью по ступеням.

— Вижу, — коротко ответила та.

— Сегодня я хочу помочь Лидии с обедом. Мы приготовим любимое блюдо папы.

— И что это будет?

— *Пастель де чокло*, а еще мы сделаем ему *мереньйон де лукума* — это будет пирог под девизом «Добро пожаловать домой», — сообщила Федерика, отбрасывая с плеч свои прямые светлые волосы, которые богатой россыпью заструились по ее спине. Затем она с помощью банданы убрала волосы со лба, благодаря чему, с учетом ее маленького роста, стала выглядеть еще младше, чем на шесть лет.

— Сегодня к нам приедет папа, — сказала Федерика Хэлу, помогая матери накрывать на стол.

— А он привезет мне подарок? — спросил Хэл, который в свои четыре года помнил отца только по подаркам, которые регулярно получал от него в день приезда.

— Конечно, дорогой. Он всегда привозит тебе подарки, — ответила Элен, ставя перед ним чашку холодного молока. — Сейчас Рождество, и у тебя будет много подарков.

Федерика наблюдала за тем, как Хэл запустил ложку в банку с порошковым шоколадом и высыпал ее содержимое в молоко. Затем она взяла из раковины тряпку, чтобы убрать шоколад, который не попал в чашку.

— Феде, круассаны готовы, и я уже чувствую, как они начинают подгорать, — сообщила Элен, закуривая сигарету. Озабоченно посмотрев на настенные часы, она прикусила нижнюю губу. Она понимала, что должна была бы привезти детей в аэропорт, чтобы встретить мужа как полагается. Но она не выдержит этого, ведь во время обратной поездки из аэропорта Сантьяго на побережье придется поддерживать разговор и делать вид, как будто все обстоит наилучшим образом. Нет, будет намного лучше дожждаться его здесь, поскольку дом достаточно велик и позволяет в любой момент уединиться друг от друга. Глупо получилось, с горечью подумала она, но они очень давно потеряли друг друга в бесконечных пространствах, которые их разъединили. Далекие страны и выдуманные персонажи оказались для Рамона гораздо важнее, чем люди, окружавшие его в реальной жизни, люди, которые по-настоящему в нем нуждались. Элен пыталась что-то сделать, действительно пыталась, но сейчас она ощущала только внутреннюю опустошенность и усталость от постоянного пренебрежения собой.

Федерика намазала маслом круассан и, со вкусом прихлебывая шоколад со льдом, одновременно продолжала болтать с братом с таким возбуждением, что даже ее голос изменил тональность на более высокую. Это дико раздражало и без того уже натянутые нервы матери, которая стояла у окна, пуская сигаретный дым в стекло и размышляя о том, что когда-то у них была любовь, и даже вспыхивавшая порой ненависть являлась ее выражением, но только в несколько ином облике. Теперь же Элен не испытывала к нему даже ненависти, что само по себе служило достаточным основанием для того, чтобы никуда не ехать. Сейчас она ощущала только равнодушие, что немного ее пугало. От этого ничего хорошего ждать не приходилось. Это было совершенно бесплодное чувство, настолько бесплодное, что его можно было сравнить разве что с холодным ликом луны.

Элен связывала свои жизненные планы с Чили, поскольку верила, как позже стала верить и ее дочь, что Рамон был Богом. Он действительно считался самым очаровательным и красивым мужчиной в Польперро. В то время в «Нэшнэл Джиогрэфик» появилась его статья с фотографиями старых пещер — излюбленного пристанища контрабандистов, и разрушенных замков, которые в свое время показала ему Элен. Эти фотографии были выполнены в каком-то необычном свете, который, казалось, не имел отношения к природе. В них просматривалось нечто мистическое, но что именно, объяснить было невозможно. Каждое написанное им слово буквально пело в ее душе и оставалось в памяти еще долго после того, как она перевернула последнюю страницу. Сейчас она понимала, что имя этой магии — любовь, и она оставалась с ними первые шесть лет их совместной жизни, превращая самые простые вещи, даже такие, как заправка машины бензином, в волшебное переживание. Их занятия любовью ощущались как нечто выходящее далеко за рамки физической плоскости, и она верила, что это связано с той энергетикой, которая окружала его и принадлежала только ему. Когда все закончилось, она осознала, что их связь

оборвалась, как электрический провод. Магия любви была общей для двоих и прекратилась, когда один из них ощутил, что чары развеялись. И когда они исчезли, то исчезли навсегда. Волшебство такого рода обладает мощной энергетикой, но, увы, оно слишком быстротечно. Вначале они вместе путешествовали в отдаленные уголки Китая, в безводные пустыни Египта и к восхитительным озерам Швеции. Когда она забеременела Федерикой, они вернулись, чтобы обосноваться в Чили. Тогда «магия» еще сопровождала их в этих краях, где кристально белые песчаные пляжи и пасторальная простота жизни очаровала ее душу. Но сейчас, в той пустоте, которую она остро ощущала в себе, осталось только эхо воспоминаний, потому что любовь, наполнявшая ее, исчезла навсегда. Она устала от притворства, устала обманывать себя. Она соскучилась по своей молодости, ассоциирующейся с холмами, покрытыми буйно цветущей зеленью, и это ощущение вызвало сильную дрожь в ее руках. Закурив очередную сигарету, Элен снова устала на часы.

После завтрака Федерика убрала со стола, бормоча что-то себе под нос и вприпрыжку передвигаясь по кухне. Хэл играл в детской со своей железной дорогой, а Элен все еще оставалась на занятой у окна позиции.

— Мама! — закричал Хэл. — Мой поезд сломался, он не хочет ездить.

Элен взяла пачку сигарет и вышла из кухни, оставив Федерику завершать уборку. После того как стол был протерт, а посуда вымыта, девочка надела фартук и стала ожидать появления Лидии.

Когда Лидия торопливой походкой прошла в калитку, она заметила маленькое улыбающееся личико Федерики, в нетерпении прильнувшее к оконному стеклу.

— *Хола*, сеньорита, — запыхавшись, произнесла она, появляясь в гостиной. — Ты как ранняя пташка уже в полной готовности.

— Я даже успела убрать после завтрака, — сообщила Федерика на испанском. Хотя ее мать прекрасно владела испанским, в семье они всегда разговаривали на английском, даже когда дома был ее отец.

— Я знаю, что ты хорошая девочка, — пропыхтела Лидия, следуя за ребенком в кухню. — Да ты просто ангел — все подготовила, — произнесла она, окидывая взглядом своих темных глаз чаши для смешивания продуктов и ложки, разложенные на столе.

— Я хочу, чтобы для папы все было сделано идеально, — доверительно произнесла Федерика, и ее щеки окрасились румянцем. Она едва сдерживала свое нетерпение и с трудом подавляла в себе желание не ходить, а передвигаться прыжками. Ей пока удавалось справляться с нервным возбуждением, возникшим где-то в районе живота, хотя и не слишком успешно. Лидия облачилась в розовый рабочий халат, а затем тщательно вымыла пухлые смуглые руки. Федерике она предложила сделать то же самое.

— Ты всегда должна мыть руки перед тем, как заняться стряпней, потому что никогда не знаешь, где они успели побывать, — сказала она.

— Как пес сеньоры Бараки, — хихикнула Федерика.

— *Побречито*, — добродушно вздохнула Лидия, наклонив голову набок и доброжелательно улыбнувшись. — Он ведь целый день привязан в этом маленьком дворике, поэтому и неудивительно, что лает день и ночь.

— Разве она никогда не выводит его погулять? — спросила Федерика, подставляя руки под струю воды.

— Да, сеньора Барака иногда берет его с собой, но она, увы, слишком стара, — ответила

Лидия, — и у нас, стариков, уже не хватает энергии на такие дела.

— Ты не старая, Лидия, — любезно возразила Федерика.

— Не старая, но толстая, — подытожила на английском Элен, входя в кухню с моторчиком от игрушки Хэла в руках. — Она была бы гораздо энергичнее, если бы не ела так много. Представь себе, как тяжело таскать такой вес целый день. Неудивительно, что у нее одышка.

— *Буэнос диас*, сеньора, — поприветствовала ее Лидия, которая не знала английского языка.

— Доброе утро, Лидия. Мне нужен нож, чтобы отремонтировать этот проклятый паровоз, — произнесла Элен на испанском, не пытаясь выдавить из себя даже легкое подобие улыбки. Она была сейчас слишком озабочена, чтобы думать о ком-либо еще, кроме себя.

— Я бы так не беспокоилась об этом, ведь скоро дон Рамон будет дома и сможет все исправить сам. Это ведь мужская работа, — жизнерадостно порекомендовала Лидия.

— Благодарю тебя, Лидия, за полезный совет. Феде, дай мне нож, — раздраженно произнесла Элен. Федерика протянула нож и проводила ее взглядом до двери.

— Ах, это так здорово, что твой папа возвращается домой, — восторженно сказала Лидия, нежно обнимая Федерику. — Я готова поспорить, что ты за ночь не сомкнула глаз.

— Так и было, — ответила та, посматривая на часы. — Скоро он уже будет здесь, — сообщила девочка, и Лидия заметила, что ее маленькие руки задрожали, когда она стала резать масло на куски.

— Будь осторожна, чтобы не порезаться, — сказала она мягко. — Ты ведь не хочешь, чтобы твой папа вернулся к дочери, у которой только семь пальцев. — Она засмеялась, но тут же задохнулась и закашлялась.

Элен, которая обычно была очень искусна в ремонте вещей, окончательно сломала двигатель от паровозика, и Хэл расплакался. Мать взяла его на руки и попыталась успокоить, обещая купить новый, более мощный и красивый. — Все равно этот мотор уже отработал свое. Какой от него толк? И вообще, поезд без него выглядит гораздо лучше, — мягко сказала она и почему-то подумала, что ей вряд ли понравилось бы оказаться вагоном без двигателя.

Она снова закурила. Дверь во двор была открыта, приглашая в гости нежный морской бриз, вкусно пахнувший апельсинами и озоном. Сейчас слишком жарко, чтобы сидеть в доме, им следовало бы отправиться на берег, подумала она, предчувствуя, что привычный уклад жизни уже рушится. Вытерев пот со лба тыльной стороной ладони, она посмотрела на часы. Ее горло конвульсивно сжалось — его самолет должен был уже приземлиться.

Федерика и Лидия летали по кухне, как дуэт пчел по цветочной клумбе. Федерика обожала такую совместную работу и выполняла указания Лидии с величайшим энтузиазмом. Она ощущала себя взрослой, и Лидия обращалась с ней соответствующим образом. Они непринужденно болтали о проблемах Лидии: болях в ее спине, о ее желудочных коликах и о бородавке ее мужа, которая причиняла домочадцам множество неудобств.

— Я даже боюсь ступить босиком там, где он проходил, — поясняла она, — даже в душе не снимаю носков.

— Я поступила бы точно так же, — соглашалась Федерика, не совсем понимая, что это

такое — бородавка.

— Ты такая же чувствительная, как и я, — ответила Лидия, с улыбкой глядя на маленькую девчушку с поведением, соответствующим гораздо более старшему возрасту. Лидия подумала, что она слишком развита для ребенка, которому нет еще и семи лет, но достаточно взглянуть на ее мать, чтобы понять причину этого явления. Элен взвалила на ее хрупкие плечи столько ответственности, что это дитя, пожалуй, могло бы справиться со всем домашним хозяйством и без ее помощи.

Когда Элен вошла в кухню, запах *пастель де чокло* ударил ей в ноздри, и ее желудок конвульсивно сжался от смешанного импульса голода и вызванного ожиданием напряжения. Лидия мыла кухонную утварь и миски, а Федерика протирала посуду полотенцем. Элен ухитрилась завладеть остатками крема, прежде чем пухлые руки Лидии отправили посудину в мыльную воду. Она провела пальцем вокруг дна чаши и затем поднесла его к своим бледным губам.

— Очень вкусно, дорогая, — произнесла она с чувством, поскольку действительно была поражена отменным вкусом крема. Она улыбнулась дочери и провела чистой рукой по ее блестящим светлым волосам. — Ты очень хорошо готовишь.

Федерика тоже улыбнулась, поскольку уже давно привыкла к переменчивому характеру матери. В какой-то момент она могла быть раздражена, а буквально через минуту ею овладевало миролюбивое настроение, совсем не так, как у отца, который всегда был веселым и беззаботным. Похвала матери, как обычно, воодушевила Федерику, и она чувствовала себя так, будто подросла не меньше чем на дюйм.

— Она не только хорошая кулинарка, сеньора, но и отличная хозяйка, — ласково сказала Лидия, и большая черная родинка на ее лице вздрогнула, когда оно расплылось в широкой улыбке. — И сама убрала все после завтрака, — добавила она слегка осуждающим тоном, поскольку сеньора Элен всегда оставляла черновую работу дочери.

— Я это знаю, — ответила Элен. — Что бы я делала без нее, просто не могу себе представить, — произнесла она безразличным тоном, который никак не соответствовал смыслу сказанного, стряхнула пепел с сигареты в ведро для мусора и вышла из кухни.

Она отправилась наверх, ощущая неожиданно нахлынувшую усталость, такую, что каждый шаг давался с трудом. Когда она проходила по прохладному белому коридору, ступая босыми ногами по деревянным доскам, то не смогла по пути даже поднять руки, чтобы оборвать засохшие цветы в горшках с бледными орхидеями. В ее спальне белые полотняные занавеси шаловливо играли с легким ветерком, будто пытаясь самостоятельно раздвинуться. Она раздраженно раздернула их и посмотрела на открывшийся морской пейзаж. Море было трепетным и радужным, призывая уплыть по манящим волнам в другие края. Горизонт обещал ей свободу и новую жизнь.

— Мама, можно я помогу тебе убрать в твоей комнате? — тихо спросила Федерика. Элен повернулась и посмотрела в искренние глаза на миловидном личике дочери.

— Я полагаю, ты хочешь сделать это для папы? — задала она риторический вопрос, взяв пепельницу и загасив в ней сигарету.

— Ну, я собрала немного цветов... — застенчиво проронила Федерика.

Сердце Элен сжалось. Она жалела свою дочь за любовь, которую та испытывала к отцу, несмотря на его длительные отлучки, которые, казалось, должны были вызвать в ней совсем противоположные чувства. Тем не менее она любила его беззаветно, и чем больше он отсутствовал, тем более счастлива она была видеть его, когда он возвращался, безоглядно

бросаясь в его объятия. Элен не торопилась раскрыть ей глаза и развеять иллюзии, поскольку сама еще не вполне от них освободилась. Она считала, что мир дочери наполнен безоблачным счастьем, и испытывала к ней своего рода зависть.

— Хорошо, Феде. Ты подготовишь ее для папы, и цветы ему понравятся, я уверена, — произнесла она напряженным голосом. — Не обращай на меня внимания, — добавила Элен, заходя в ванную комнату и закрывая за собой дверь.

Федерика услышала, как она включила душ, и поток воды, льющейся в эмалированную ванну, весело забарабанил по ее стенкам. Девочка застелила постель, надушив простыни свежей лавандой, как научила ее бабушка, и поставила маленькую голубую вазу с жимолостью на туалетный столик у кровати отца. Она сложила постельное белье матери и положила его в старый дубовый шкаф, попутно превратив обнаруженный на полках хаос в образцовый порядок, достойный витрин солидного магазина. Затем она распахнула окна, насколько это было возможно, так, чтобы садовые и морские ароматы смогли вытеснить въевшийся запах сигаретного дыма. Потом она присела у туалетного столика матери и подняла старую фотографию отца, улыбавшегося ей из-под стекла витиеватой серебряной рамки. Он выглядел чудесно со своими блестящими черными волосами, смуглой кожей, сияющими карими глазами, излучавшими искренность и ум, и большим ртом, улыбавшимся ироничной улыбкой человека, обладающего острым чувством юмора и бесспорным обаянием. Она провела пальцем по стеклу, одновременно поймав в зеркале свое задумчивое отражение. В нем она уловила сходство только с матерью. Светлые волосы, голубые глаза, бледно-розовые губы и светлая кожа — все это никак не напоминало смуглую итальянскую внешность отца, которую она так хотела бы унаследовать. Он был очень красив, и, несомненно, Хэл будет таким же красавцем. Тем не менее Федерика привыкла к повышенному вниманию к своей персоне именно из-за этих волнистых светлых волос. Все другие девочки в ее классе были такими же смуглыми, как Хэл. Когда она приезжала в Вальпараисо вместе с матерью, люди с откровенным удивлением смотрели на нее, а сеньора Эскобар, которая держала закусочную на площади, называла ее «ла Анжелита» (маленький ангелочек), поскольку не могла поверить, что у человека могут быть такие светлые волосы. Лучшая подруга Элен, Лола Мигуэнс, попыталась скопировать этот цвет, осветлив свои черные волосы перекисью водорода, но потеряла терпение на половине пути, так что теперь щеголяла с шевелюрой цвета их терракотовой крыши, что, по мнению Федерики, смотрелось совершенно ужасно. Ее мать не беспокоилась о своей внешности, как это было принято у чилийских женщин, которые всегда славились длинными ухоженными ногтями, идеально нанесенной губной помадой и безупречной одеждой. Волосы Элен чаще всего свисали небрежными прядями, а изо рта обычно торчала сигарета. Федерика считала, что ее мама может быть привлекательной, когда прилагает к этому какие-то усилия, и, судя по старым фотографиям, раньше она действительно была настоящей красавицей. Но с недавних пор она махнула на себя рукой, хотя Федерика и надеялась, что мать еще сможет сделать попытку в связи с приездом отца.

Элен вышла из ванны, сопровождаемая облачком пара. Ее лицо порозовело, а глаза приобрели привлекательный блеск. Федерика лежала на белом узорчатом покрывале и следила за тем, как мать одевается, готовясь к встрече с отцом. Вдыхая аромат лаванды и запах спелых апельсинов, Элен воздержалась от очередной сигареты. Ее охватило чувство вины. В то время как Федерика была так возбуждена, что вся дрожала, как будто беговая

лошадка у стартовой площадки ипподрома, она сама ждала возвращения Рамона с тревогой и подсознательным пониманием того, что сейчас в любой момент она сможет собраться с силами и покинуть его навсегда. Нанося макияж на лицо, она смотрела в зеркало на дочь, которая не подозревала, что за ней тоже ведется наблюдение. Федерика вглядывалась в морской пейзаж, видневшийся за окном, будто в ожидании, что отец приплывет на лодке, а не приедет на автомобиле. Ее профиль выглядел по-детски нежным, но выражение лица вполне соответствовало образу взрослой женщины. Напряженное ожидание, затаившееся в нахмуренных бровях и на едва заметно дрожащих губах, выдавало слишком большую для ребенка ее возраста осведомленность о происходящем вокруг. Она обожала отца с собачьей преданностью, в то время как Хэл был очень привязан к матери, которая, как считала сама Элен, в большей степени заслужила эту любовь.

Когда Элен, облачившись в узкие белые брюки и тенниску, была почти готова, несмотря на спутанные и еще не высохшие волосы, она присела на кровать возле дочери и провела рукой по ее лицу.

— Ты выглядишь превосходно, дорогая, — сказала она и с чувством поцеловала дочь.

— Он скоро уже приедет, да? — тихо произнесла Федерика.

— В любую минуту, — ответила Элен с умением, отшлифованным годами практики, скрывая дрожь в своем голосе. Затем она резко встала и поспешно спустилась по лестнице. Она не могла курить в спальне после того, как Федерика приготовила ее с такой любовью, но ей срочно нужна была сигарета. Как только ее каблуки коснулись холодных каменных плит холла, парадная дверь распахнулась и Рамон, как большой черный волк, заполнил собой весь проход. Элен мгновенно ощутила приступ удушья и спазм в желудке. Они уставились друг на друга, молчаливо оценивая то отчуждение, которое возникало между ними каждый раз, когда они оказывались в одном помещении.

— Феде, папа уже здесь! — крикнула Элен, но ее голос был таким же бесстрастным, как и выражение лица. Темно-карие глаза Рамона оторвались от окаменевшего лица жены в поисках дочери, восторженный визг которой он услышал еще раньше, чем мягкий топот маленьких ног, промчавшихся по деревянному полу, а затем проскакавших через две ступеньки по лестнице. Она пробежала мимо матери и бросилась в сильные объятия отца. Обхватив тонкими ручками его жесткую шею, она прижалась к нему и вдохнула крепкий, острый запах, который отличал его от всех остальных людей в этом мире. Он поцеловал ее в теплую щеку, поднял на вытянутых руках и рассмеялся так громко, что она ощутила во всем теле вибрацию, подобную толчкам землетрясения.

— Ага, значит, ты по мне скучала, — произнес он, закружив ее так, что ей, чтобы не упасть, пришлось обхватить его ногами.

— Да, папа! — засмеялась она, прильнув к нему и ощущая, как счастье сдавливает ее горло.

В тот же момент в холле появился Хэл, посмотрел на отца и ударился в слезы. Элен, благодарная за такую реакцию, подбежала к нему, подхватила на руки и расцеловала мокрые щеки сына.

— Хэл, дорогой, это папа, и он приехал домой, — сообщила она ребенку, стараясь придать своему голосу хоть чуточку энтузиазма, но тональность ее речи, как обычно, оказалась безразличной. Хэл это мгновенно ощутил и снова завопил. Рамон опустил дочь на землю и подошел к сыну, завывавшему на руках у матери.

— *Хальчито*, это папа, — сказал он, широко улыбаясь испуганному ребенку. Хэл

спрятал лицо на шее у Элен и крепко к ней прижался.

— Извини, Рамон, — произнесла она спокойно, ощутив его замешательство, но внутренне получая удовольствие от того, что сын не узнал своего отца. Ей хотелось бы сообщить ему, что не следует ожидать любви от детей, в жизни которых он не принимает участия, но она видела пылающие щеки Федерики, искренний восторг в ее взгляде и понимала, что все обстоит не совсем так, как ей хотелось бы представить. Как бы то ни было, он ничем не заслужил такой любви дочери.

— Хэл, у меня есть для тебя подарок, — сказал он, возвращаясь к своему чемодану и расстегивая на нем молнию. — И еще один для тебя, Феде, — добавил он, почувствовав во время поисков подарков руку дочери на спине. — Вот, это для тебя, Хэл, — произнес он, подходя к малышу, глаза которого широко раскрылись при виде ярко раскрашенного деревянного поезда в руках отца. Малыш тут же забыл про свой страх и нетерпеливо протянул руки. — Держи, я думаю, что тебе это понравится.

— Я сегодня сломала моторчик от его старого паровозика, — призналась Элен, делая эту попытку ради детей. — Это сейчас именно то, что нужно, правда, Хэл?

— Хорошо, — откликнулся Рамон, снова возвращаясь к багажу.

— Ну, Феде, теперь твоя очередь. Я приготовил для тебя очень необычный подарок, — сообщил он, глядя в ее лицо, полное ожидания. Он снова ощутил на спине ее руку. Это было так похоже на Федерику, которая всегда старалась достичь физического контакта, чтобы чувствовать себя ближе. Его руки глубоко погрузились в чемодан, который был наполнен не одеждой, а блокнотами, фотографическим оборудованием и сувенирами из дальних стран. Наконец его пальцы ощутили шероховатую поверхность оберточной бумаги. Он аккуратно вытащил упаковку, стараясь не повредить ее о металлические поверхности своей аппаратуры. — Вот, — сказал он, вкладывая подарок в дрожащие руки дочери.

— Спасибо, папа, — выдохнула она, осторожно разворачивая обертку. Хэл уже убежал в детскую, чтобы насладиться новым поездом. Элен закурила сигарету и, нервно затягиваясь, прислонилась к перилам.

— Как у тебя дела? — спросил он, не приближаясь.

— Нормально, ты же знаешь. Ничего не изменилось, — холодно ответила она.

— Понятно, — произнес супруг.

Элен устало вздохнула:

— Мы должны поговорить, Рамон.

— Не сейчас.

— Ну, разумеется.

— Позже.

* * *

Федерика развернула бумагу и увидела деревянную шкатулку, украшенную довольно примитивной резьбой. Она вовсе не была красивой. Она даже не была симпатичной. Девочка ощутила, как слезы начали предательски наполнять ее глаза, а горло сжалось от разочарования. И не потому, что ей нужен был лучший подарок, поскольку она не была меркантильной или избалованной, но только из-за того, что подарок Хэла был несравненно лучше, чем ее. Она понимала, что подарки отца были отражением его любви. Если он даже

не позаботился о том, чтобы подыскать ей хороший подарок, значит, он не слишком сильно ее любил.

— Спасибо, папа, — сдавленно проронила она, стараясь сдержать слезы. — Она очень красивая. — Но ей все же не удалось справиться с нахлынувшим потоком эмоций. Первоначальное возбуждение было слишком велико, а наступившее разочарование охватило ее так внезапно, что слезы ручьем хлынули по ее горящим щекам.

— Феде, *ми амор*, — ласково произнес он, заключая ее в свои объятия и целуя мокрое от слез лицо дочери.

— Она красивая, — упрямо повторила она, стараясь говорить убедительно, чтобы не обидеть его.

— Открой ее, — прошептал он ей в ухо. Она колебалась. — Давай, *аморчита*, открой ее.

Трясущейся рукой она открыла крышку. Маленькая шкатулка снаружи казалась совсем незамысловатой и даже несколько уродливой, но внутри это была самая прекрасная вещь, которую она когда-либо видела, и, что удивительное, она играла самую необычную и завораживающую мелодию, которую она когда-либо слышала.

Глава 2

Федерика с благоговейным трепетом уставилась на шкатулку. Вся ее внутренняя поверхность была покрыта плотно подогнанными камешками всех цветов радуги, которые сверкали так, будто в каждом самоцвете содержался собственный маленький источник света. Между излучающими гипнотический свет кристаллами не видно было ни единого кусочка дерева. Выложенная драгоценными камнями, изнутри шкатулка напоминала кристаллизованный срез скалы. На дне этой волшебной сокровищницы трепетали нежные крылышки бабочки, которые меняли свой цвет от темно-синего чернильного до бледного аквамаринового и, наконец, до янтарно-желтого. Они были настолько изящными, что Федерика даже прикоснулась пальцем к их поверхности, чтобы убедить себя в том, что это действительно камни, а не блестящие капли воды из какого-то волшебного источника. Завораживающее флюоресцентное свечение заставляло бабочку вздрагивать, как будто она собиралась расправить свои крылья и отправиться в полет. Федерика стала медленно поворачивать шкатулку, чтобы разглядеть, откуда идет свет. Она была заморожена чарующими движениями бабочки, которая, когда она наклоняла шкатулку, вспыхивала калейдоскопом цветовых тонов — от синих до розовых, красных и оранжевых. Она затаила дыхание и вернула шкатулку в горизонтальное положение. Бабочка вновь приобрела холодный оттенок морской воды, а через мгновение снова заиграла огненной радугой, когда Федерика еще раз наклонила шкатулку.

— Она прекрасна, — прошептала девочка, не в силах оторвать глаз от сверкающего сундучка сокровищ.

— Красота не всегда находится снаружи, Феде, — тихо произнес Рамон, обнимая ее. Он посмотрел на жену, которая все еще чопорно стояла на месте, прислонившись к перилам и выпуская, подобно сказочному дракону, клубы дыма. Она раздраженно вздохнула и покачала головой, прежде чем выйти из холла в коридор, оставив за собой призрачный шлейф. Ей очень хотелось высказать ему, что он не сможет всю жизнь покупать подарками любовь своей дочери. К собственному разочарованию, она понимала, что в этом нет никакой необходимости, ведь он получал эту любовь безо всякой оплаты.

Рамон встал и отвел глаза от дымного следа, который, вместе с ощущением горечи, оставила после себя его жена. Он снова посмотрел на сияющее личико дочери, не обращая внимания на напряжение, наполнявшее воздух невидимой атмосферой разочарования. Он провел рукой по своему небритому лицу и по невымытым черным волосам, которые отросли уже до плеч. Было жарко. Он ощутил острую нехватку свободного пространства и желание поплавать. Он так ждал возвращения домой, строил планы, идеализируя свое возвращение. Но теперь, оказавшись дома, он уже вновь испытывал желание поскорее уехать. Дом всегда оставался в его воображении образцовым местом, поэтому сейчас лучше всего было покинуть его, чтобы не потерять его очарование навсегда.

— Пойдем, Феде, — сказал он. — Давай отправимся на берег — только ты и я. Шкатулку возьми с собой.

Федерика вскочила на ноги, прижимая свое сокровище к груди, и, взяв отца за руку, последовала за ним через входную дверь.

— А как же мама и Хэл? — спросила она, обезумев от счастья, что она и только она

избрана, чтобы сопровождать его.

— Хэл счастлив со своей новой игрушкой, а мама останется с ним. Кроме того, я хочу рассказать тебе, как мне удалось найти эту волшебную шкатулку. С ней связана одна очень печальная легенда, а я ведь знаю, как ты любишь мои рассказы.

— Я обожаю твои истории, — отозвалась она, передвигаясь вприпрыжку, чтобы успеть за его размашистыми шагами.

Элен беспомощно наблюдала за тем, как муж вышел из дома, прихватив с собой подавляющий авторитет своего присутствия. Неожиданно она ощутила себя обманутой, как будто то напряжение, которое возникло в ее груди, не имело никакого смысла. Дом теперь снова казался спокойным и даже большим, чем в те редкие моменты, когда могучая фигура хозяина заставляла его как бы сжаться в размерах. В отчаянии она прикусила губу. Как он посмел бросить нас, подумала она с горечью, и почему он не нашел в себе сил хоть немного побыть в доме?

* * *

Несмотря на прохладный морской бриз, полуденное солнце жгло беспощадно. Они проходили по улице мимо пса сеньоры Бараки, который, увидев людей, натянул свою привязь и начал отчаянно их облаивать. Федерика рассказала отцу о том, что собака постоянно лает по той простой причине, что в маленьком дворике ей не хватает места для того, чтобы побегать.

— Тогда давай возьмем его на прогулку, — предложил Рамон.

— Правда? А разве мы сможем? — возбужденно отозвалась дочь. Она с чувством гордости проследила за тем, как ее отец нажал на звонок, и застыла в ожидании в тени миндального дерева. В воздухе разносились крики детей, игравших на улице, и их смех напоминал щебетание морских птиц на берегу. Федерика не испытывала потребности присоединиться к ним. Единственное ее желание состояло в том, чтобы отец на этот раз остался и никуда больше не уезжал.

— *Си?* — раздался голос из-за двери. Он был низким, гортанным и приглушенным.

— Сеньора Барака, это Рамон Кампione, — представился он с той самоуверенностью, которая была присуща всем его действиям. Федерика вытянулась на пальчиках, стараясь казаться повыше, чтобы походить на отца, который всегда казался ей великаном.

— Сам Рамон Кампione, — констатировала хозяйка, выглядывая из дома, как робкая ворона из-за ветки. Это была старая, согнутая от груза прожитых лет женщина, которая постоянно носила черную траурную одежду, хотя ее муж умер больше десяти лет назад. — А я думала, что вы где-то на другом конце света, — проворчала она.

— Сейчас я дома, — ответил он, слегка смягчив свой голос, чтобы не испугать ее. Федерика крепко держала его за руку. — Моя дочь очень хотела бы взять вашу собаку на прогулку к берегу. Мы могли бы оказать вам услугу и устроить ему неплохую тренировку.

Старуха какое-то время в нерешительности шевелила беззубыми деснами.

— Ладно, я вас знаю, поэтому вы не сможете его украсть, — подытожила она свои раздумья. — Полагаю, ему полезно будет немного встряхнуться. Когда я не схожу с ума от горя, я схожу с ума от его лая.

— Мы сделаем все наилучшим образом, — заверил он и учтиво улыбнулся. — Не правда

ли, Феде? — Федерика съезжилась за его массивной фигурой и скромно опустила глаза. Узловатые пальцы сеньоры Бараки неловко возились с привязью, а старческие волоски на ее подбородке светились на солнце, словно паутинки. Наконец она открыла калитку и вручила Рамону поводок вместе с псом. Собака мгновенно перестала лаять и начала скакать вокруг, пыхтя и фыркая с энтузиазмом узника, получившего наконец долгожданную свободу.

— Его зовут Раста, — сказала она, уперев руки в бедра. — Сын оставил мне его, прежде чем исчезнуть навсегда. Этот пес — все, что у меня осталось, но я бы предпочла сына — от него было бы меньше шума.

— Мы вернем вам Расту до обеда, — пообещал ей Рамон.

— Как вам угодно, сеньор Рамон, — ответила она, моргая на солнце с неловкостью человека, привыкшего к меланхолическому полумраку собственного дома, который она почти не покидала.

Рамон и Федерика спустились с холма к морю почти рысью, чтобы поспеть за Растой, который прыгал перед ними в разные стороны, стремясь обнюхать каждые ворота, каждый столб, каждый клочок травы или дерево, без разбора поднимая ногу в любом месте, где ощущался запах другого животного. Он был безоблачно счастлив. Федерика наблюдала, как тощая черная дворняжка впитывала ощущение свободы, возможно, впервые за долгие месяцы, и чувствовала, как ее сердце наполняет восторг. Она посмотрела на отца, и ее щеки зарделись от восхищения. Не существовало ничего такого, чего бы он не смог сделать.

Они пересекли дорогу, протянувшуюся вдоль берега, а затем по каменным ступеням спустились на берег Калета Абарка. Здесь было почти безлюдно, кроме пары-тройки людей, расхаживающих взад-вперед, и ребенка, игравшего с маленькой собачкой, бросая для нее в море мячик. Федерика сбросила сандалии и ощутила на своих розовых пятках мягкий, как мука, песок. Рамон переделался в купальные шорты, оставив кучку своей одежды и кожаные мокасины под присмотром Федерики, и бросился освежаться в холодных водах Тихого океана. Она наблюдала, как отец трусцой бежал к морю вместе с неотступно следовавшим за ним Растой. Отец был высоким, сильным и волосатым, с могучим торсом человека, способного легко карабкаться по горам, но его движения в то же время были удивительно легкими и изящными. Федерика выросла на его увлекательных рассказах, и каким-то мистическим образом именно это помогало ей менее остро переносить его отсутствие. Воображение Рамона было таким же глубоким и непостижимым, как океан, наполненный обломками кораблекрушений и затонувшими континентами. Когда она оглядывалась назад на свою еще такую короткую жизнь, то видела лишь длительные путешествия по бесконечным дорогам щедрого на выдумки разума ее отца. Ее память удивительным образом хранила только эти необычайные приключения, а вовсе не долгие месяцы ожидания. Она с восторгом наблюдала, как отец вместе с Растой плещется в мерцающей воде. Лучи света играли на гребнях волн и черном шелке его волос. Если бы она точно не знала, что это он, то вполне могла бы принять его за резвящегося тюленя. Федерика положила шкатулку на колени и провела рукой по шероховатой деревянной поверхности. Ей оставалось только гадать, кому эта дивная вещь когда-то могла принадлежать. При одной мысли об очередной волшебной истории по ее спине пробежала приятная волна предвкушения. Она открыла шкатулку под звон маленьких колокольчиков и еще раз изумленно посмотрела на сверкающие камешки, заставлявшие трепетать крылья бабочки.

Вдоволь наплававшись, мокрый Рамон опустился рядом с ней на горячий песок, чтобы просушиться на солнце. Раста, не желая ни на мгновение прекращать наслаждаться неожиданно нагрывавшей свободой, носился по берегу, играя с волнами в пятнашки. Рамон был доволен, что его дочери понравилась шкатулка. Она заслужила это. В конце концов, Элен была права в том, что он не был хорошим отцом. Рамон понимал, что хорошие отцы уделяют достаточно времени своим детям, но он не смог быть таким — это не было присуще его натуре. Он был типичным бродягой, странником. Его мать не раз говорила ему, что дети получают то, что вкладывают в них родители. Да, он должен сделать что-то достойное преданной любви Федерики — любви, которая так ясно читалась на ее лице. Он устремил свой взгляд к синеве горизонта и подумал о том, как долго ему удастся пробыть на этих берегах, пока им снова не овладеет жажда странствий и ветры новых приключений не унесут его в дальние дали.

— Расскажи мне эту легенду, папа, — попросила Федерика. Рамон усадил дочь перед собой так, что оказался позади, обхватив руками ее худенькое тельце, и прижался щекой к ее щеке. Они вместе стали вглядываться в завораживающую мозаику кристаллов и прислушиваться к тихому перезвону крошечных колокольчиков.

— Когда-то эта шкатулка принадлежала прекрасной принцессе народа инка, — начал он. Федерика восхищенно вздохнула. Она обожала его рассказы и прижалась к нему крепче, предвкушая на этот раз нечто совсем особенное. Шкатулку она держала открытой, поместив ее в складках своего лимонного платья. Время от времени она проводила по камешкам пальцами и поворачивала шкатулку из стороны в сторону, любуясь игрой цветов, происходящей как по мановению волшебной палочки. — Принцессу инка звали Топакуай, и жила она во дворце в деревне Писак, расположенной на склоне холма в Перу. Инки были древней индейской цивилизацией, поклонялись Солнцу — Инти и чтили своего императора, правящего инку. Императору подчинялась знать «Капак Инкас» — потомки основателя империи Манко Капака. Топакуай принадлежала к одному из таких правящих домов, который назывался *панакас*. У нее была нежная смуглая кожа, круглое открытое лицо, зоркие зеленые глаза и длинные черные волосы, которые она заплетала в косу, свисавшую с ее спины почти до земли. Ее красота вызывала всеобщее восхищение, и все знатные молодые люди мечтали на ней жениться. Но Топакуай тайно была влюблена в человека низшего происхождения, члена *йанакуна* — класса, который обслуживал *панакас*. Брак между представителями двух столь различных классов был немислимой вещью. Но Топакуай и Ванчуко — так звали ее возлюбленного — любили друг друга настолько беззаветно, что посмели нарушить законы своей страны и начали тайно встречаться. Иногда Топакуай переодевалась в женщину *йанакуна*, и тогда они могли незаметно прогуливаться по тем местам, где жили представители неимущих классов, вдали от подозрительных взглядов ее родственников, и даже целоваться, когда их никто не видел. Топакуай тогда исполнилось только тринадцать лет. Ты можешь подумать, что в таком возрасте девушке еще слишком рано думать о замужестве, но в те времена женская зрелость начиналась именно с этого возраста, и родители уже занимались поисками достойного ее жениха в высших кругах. Топакуай ощущала себя пленницей мира, в котором четко обозначены законы жизни общества, — законы, не допускающие исключений. Она понимала, что вскоре вынуждена будет выйти замуж за представителя знати и навсегда расстаться с Ванчуко. И тогда влюбленный юноша решил сделать для нее шкатулку, внешне совсем невзрачную, чтобы она

могла спокойно брать ее с собой повсюду, не вызывая подозрений. В ней содержалось тайное послание, предназначенное только для ее глаз и напоминавшее о его любви. Он стал мастерить простую деревянную шкатулку и сделал ее настолько грубой снаружи, что она казалась почти уродливой.

Когда шкатулка была готова, он обыскал все холмы и пещеры в поисках самых красивых камней, которые только смог найти. Некоторые из них были драгоценными, другие — самыми обычными кристаллами, а прочие — редкостными самоцветами, обнаруженными им на дне озера и имевшими такие удивительные оттенки синевы или зелени, что казалось, будто это застывшие капельки воды. Собрав все камни вместе, он заперся в своей маленькой комнате и работал от рассвета до заката, высекая, вырезая и тщательно закрепляя на внутренней поверхности деревянной шкатулки каждый камень. Затем он сконструировал значительно меньшую шкатулку, содержащую изобретенный им особый механизм. Когда большую шкатулку открывали, внутри звучала необычная музыка, похожая на перезвон маленьких колокольчиков. Легенда гласит, что эта шкатулка считается магической, поскольку наполнена силой его неземной любви. Благодаря этому высшему воздействию камни удерживаются на месте, как по волшебству. Видишь ли, при ее изготовлении он не использовал ничего, подобного клею, как это делали другие. Камни уложены таким образом, что удерживают друг друга, как в колдовской мозаике. Если ты вытацишь один из камней, то все остальные рассыплются и создаваемый ими неповторимый рисунок будет утерян навсегда. Так что, как видишь, все это было создано силой магии, потому что другого объяснения нет. На дне шкатулки он поместил бабочку, символизирующую красоту Топакуай и ее заточение. Когда он передал ей шкатулку, она заплакала крупными серебряными слезами и сказала, что хотела бы иметь крылья, как у бабочки, чтобы улететь далеко-далеко вместе с ним. Но Ванчуко не знал, что символизм бабочки простирается гораздо дальше таких понятий, как заточение и красота. Бабочки живут всего один день, и жизнь Топакуай должна была оборваться, как у бабочки, в зените ее расцвета.

— Империя инка находилась на пике своего великолепия. Это была самая большая и могущественная империя, которую когда-либо знала Южная Америка. Но ее существование должно было закончиться ужасной катастрофой.

* * *

Прибытие испанцев для завоевания Перу стало одним из самых кровавых эпизодов в истории империи. Когда все надежды оказались напрасными и кровь тысяч инка реками потекла с холмов в долины, они принесли в жертву своему богу войны самую прекрасную и восхитительную девушку — Топакуай, рассчитывая, что божество спасет их. Ее одели в изысканные узорчатые шерстяные одежды, волосы заплели в косу и украсили сотней сверкающих кристаллов. На ее голове развевался огромный плюмаж из белых перьев, которые должны были унести ее в иной мир, отпугивая по пути демонов. К груди она крепко прижимала деревянную шкатулку. Ванчуко был не в силах спасти ее. Его сердце было разбито, и он мог только беспомощно наблюдать, как она шла к вершине маленькой горы, сопровождаемая эскортом высших жрецов и сановников. Когда она проходила мимо него, ее большие зеленые глаза посмотрели на него с такой силой любви, что вокруг ее головы разлилось сияние, свет иного мира. Его губы дрожали, а протянутая рука схватилась за

шерстяную накидку в тщетной попытке спасти ее. Но все было напрасно — процессия проследовала дальше и скрылась в тумане, окружавшем гору, направляясь к мосту, соединяющему этот мир с миром иным, который Тобакуай должна была пересечь в одиночестве. Он был слишком убит горем, чтобы плакать, и напуган, чтобы следовать за ней. Окаменев, он застыл в ожидании, желая только одного, — чтобы все поскорее закончилось. Разжав руку, он обнаружил на своей дрожащей ладони яркий клочок шерсти. Спустя миг Ванчуко услышал короткий пронзительный крик. Он поднял глаза к горе, где этот крик эхом пронесся над остроконечными скалами и растворился в порывах ветра. Когда он снова перевел взгляд вниз на свою руку, то увидел, что обрывок шерсти превратился в прекрасную бабочку. Пораженный, он следил за тем, как она, вздрагивая, какое-то короткое мгновение сидела на его ладони, будто ошеломленная собственным превращением. Потом она взмахнула своими хрупкими крыльями и улетела. Тобакуай теперь стала бабочкой, а ее душа обрела желанную свободу.

Федерика была настолько взволнована этим рассказом, что с ее щек стали медленно стекать слезы, попадая с губ на подбородок и, наконец, в шкатулку, просачиваясь на кристаллы.

— Как же эта шкатулка попала к тебе, папа? — прошептала она, будто опасаясь, что звук ее голоса нарушит очарование момента.

— Я обнаружил ее в деревне, называемой Пука Пукара. Семья Тобакуай ухитрилась спасти ее, прежде чем девушка была похоронена на склоне горы. Они принесли шкатулку в свою деревню, где хранили ее до тех самых пор, пока не пришли испанцы со своим оружием и не началось страшное кровопролитие. Именно тогда мать Тобакуай отдала ее Ванчуко, потому что всегда знала о тайной любви своей дочери. Она посоветовала ему покинуть Перу до тех пор, пока не наступит возможность безопасно возвратиться на родину. Ванчуко последовал ее совету с тем, чтобы вернуться туда спустя многие десятилетия, уже будучи стариком. Он никогда не был женат, поскольку дал в своем сердце обет до конца своих дней любить только Тобакуай. В одиночестве он скитался по миру, думая лишь о ней. В мечтах, во время бодрствования и во сне ее незабываемое лицо и смеющиеся глаза являлись ему, принося с собой успокоение в его одинокой жизни. Когда он вернулся в Писак, то уже никого не узнал. Его семья погибла в жуткой резне вместе с семьей Тобакуай, ведь смерть не знает социальных различий. Все они — повелители и слуги — умерли вместе. В приступе отчаяния он прошел тот же путь, что и Тобакуай в тот роковой день много-много лет назад. На вершине горы он, к своему удивлению, обнаружил маленькую старую женщину, сидевшую на траве и взиравшую на величественный мир горных отрогов. Она была совершенно одна. Подойдя ближе, он узнал сестру Тобакуай — Тобакуин. Время покрыло морщинами ее кожу и высушило тело, но он все-таки узнал ее. Когда он подошел еще ближе, она тоже вспомнила его и предложила сесть рядом. Они вместе вспоминали Тобакуай, ее короткую и трагическую жизнь, оборвавшуюся так рано и несправедливо, говорили о жестоких испанцах, навсегда уничтоживших их культуру и образ жизни. Ванчуко отдал шкатулку Тобакуин, сообщив ей, что душа Тобакуай танцует в свете кристаллов и поет под перезвон крошечных колокольчиков. Затем он лег на то самое место, где у Тобакуай так безжалостно отобрали жизнь, и умер. Ванчуко тоже пересек мост, соединяющий эту жизнь со следующей. Но он не был одинок, потому что с ним была Тобакуай, и ее любовь повела его туда, где никакое Зло уже не способно было добраться до него и помешать им

соединиться.

Шкатулка попала в Пука Пукара и оставалась там все это время, передаваемая от одного поколения к другому. Самое странное заключается в том, что мне ее отдала старая женщина, которая сказала, что в ней заключена особая сила и что мне это нужнее, чем ей. Похоже, она просто бесценна, так же, как и ты, Феде. Ты должна бережно хранить ее и, поскольку она была сделана с большой любовью, обращаться с ней тоже нужно с любовью.

— Я всегда буду беречь ее, папа. Спасибо тебе, — отозвалась Федерика, переполняясь благодарностью и настолько взволнованная его рассказом, что ее губы, казалось, потеряли свой цвет и стали совсем бледными.

Пока дочь сидела, погруженная в переживания от услышанного, и бережно прикасалась к бабочке дрожащей рукой, Рамон глянул на часы.

— Нам уже пора отправляться на обед, — прошептал он ей на ухо, нежно погладив шелковистую кожу на ее белоснежной шейке. Отец встал и потянулся, прежде чем одеться. Федерика закрыла шкатулку и, помедлив, последовала его примеру, поднимаясь на ноги.

— А где Раста? — воскликнул он, обшаривая глазами берег. Старательно расправив складки на своем прелестном лимонном платье, она стала звать Расту. Он тут же появился, весь мокрый и в песке, но еще полный энергии и с мячиком в пасти.

— Сюда, Раста! — крикнула она, хлопая себя по бедрам. Он примчался к ней и положил мяч на землю. Она покачала головой. Возможно, какой-то бедняк захочет вернуть этот мяч, подумала она, поднимая его двумя пальцами, чтобы не запачкаться. — Что мне делать с этим мячом, папа?

— Ну, я думаю, что можно оставить его псу. Бедный старый Раста. Ему больше не с чем играть. К тому же я не вижу, чтобы этот мяч кто-то искал, — ответил он, надевая на ноги мокасины. Федерика швырнула мяч подальше, и Раста тут же понесся за ним. — Пошли, нам пора, — сказал он, взяв ее за руку и направляясь вверх по ступеням.

— Это была такая прекрасная история, папа.

— Я знал, что она тебе понравится.

— Она мне очень понравилась. И шкатулка тоже — я буду беречь ее всегда. Она будет самой дорогой для меня вещью, — произнесла Федерика, крепко прижимая ее к груди.

Когда по дороге домой они поднимались на холм, Рамона охватило грустное настроение. У него было плохое предчувствие, ему казалось, что Элен решила на развод. В ее глазах появилось то отсутствующее выражение, которого он раньше никогда не замечал, — нечто вроде молчаливого заявления об отставке. В чертах ее лица уже не ощущалось былой отваги, а поведение свидетельствовало о том, что она уже устала от сражений и желает уйти на покой. Он глубоко вздохнул и посмотрел на Федерику, которая все еще витала где-то в Писаке в компании с Тобакуай и Ванчуко и молчаливо взбиралась на холм рядом с ним.

Они вернули Расту сеньоре Бараке, которая была весьма благодарна за то, что он перестал лаять, а только тяжело пыхтел и помахивал своим тощим хвостом от удовольствия. Она сказала, что Федерика может брать его с собой, когда только захочет.

— Раз он тебя не покусал, значит, ты ему понравилась, — констатировала она без тени улыбки.

Федерика шла вслед за отцом по улице.

— Мама говорит, что я не должна к нему прикасаться, потому что мы не знаем, где он побывал до этого, — доверительно сообщила она.

— Ну, сейчас-то мы это точно знаем, — ответил он, улыбаясь. — Но давай поступим так, как говорит мама, и вымоем руки перед обедом.

— Мы с Лидией приготовили твое любимое блюдо, — с гордостью доложила она.

Он улыбнулся, и его белоснежные зубы засверкали на фоне темной кожи.

— *Пастель де чокло*, — догадался отец, и она кивнула. — Я не заслуживаю того, что ты у меня есть.

— О, заслуживаешь, заслуживаешь! Ты самый лучший отец во всем мире, — радостно ответила она, прижимая к груди волшебную шкатулку и стискивая его руку настолько крепко, что Рамон поверил, что это действительно так.

Вслед за отцом Федерика прошла через ворота сквозь полуденные тени раскидистых акаций к парадному входу. Не успели они подойти, как появилась Лидия с раскрасневшимся и озабоченным лицом.

— Дон Рамон! Сеньора Элен ожидает вас к обеду. Она сказала, чтобы я нашла вас, — сообщила она, тяжело вздыхая от усердия.

Рамон направился к ней с обезоруживающей широкой улыбкой.

— Хорошо, Лидия, но тебе не нужно нас искать, поскольку мы уже здесь. Я слышал, что на обед будет *пастель де чокло*, — сказал он, проходя в холл.

— Да, дон Рамон. Федерика приготовила его сама, — уточнила она, закрывая за собой дверь и следуя за ними в кухню.

— Пахнет вкусно, — заметил он, вдыхая жаркий аромат лука. — Не забудь помыть руки, Феде, — добавил он, подставляя свои ладони под струю воды.

Глаза Федерики сияли счастьем, а с ее лица не сходила улыбка. Вымыв руки, она помчалась в гостиную, чтобы рассказать матери о легенде, связанной со шкатулкой.

— Мама! — закричала она, пробегая по коридору. — Мама!

Элен появилась с усталым выражением на лице и Хэлом на руках.

— Где ты была, Феде? — спросила она, проводя рукой по растрепанным ветром волосам ребенка. — Хэл умирает от голода.

— Мы ходили на берег и взяли с собой Расту, пса сеньоры Бараки. Знаешь, он больше не лает и так обрадовался, что мы взяли его на прогулку. Пока папа плавал, а я присматривала за его вещами, Раста тоже плавал. А потом папа рассказал мне легенду.

— Что за легенда? — спросила Элен, сопровождая дочь в столовую.

— Про Топакуай — принцессу инка и ее возлюбленного Ванчуко. Эту шкатулку, которую подарил мне папа, Ванчуко сделал для принцессы.

— Вот как. Очень мило, — спокойно произнесла Элен. Она посмотрела на мужа, входившего в комнату, и напряженная атмосфера снова вернулась в дом. На мгновение их взгляды встретились: они походили на двух странников, которые впервые в жизни с любопытством смотрят друг на друга. Элен первая отвела глаза.

— Я хочу сидеть рядом с папой, — радостно заявила Федерика, отодвигая стул и хозяйски занимая место возле отца.

— Ты можешь садиться куда хочешь, дорогая, — сказала Элен, осторожно усаживая Хэла. — Надеюсь, ты вымыла руки, — добавила она, припомнив упоминание дочери о собаке.

— О да. А сеньора Барака выглядит как ведьма, — рассмеялась Федерика.

— Это точно, — согласился Рамон, хмыкнув и пытаясь хоть как-то разрядить обстановку.

— Надеюсь, она не наложила на тебя заклятие, — сказала Элен, делая эту попытку ради детей. Ее горло и грудь сдавило напряжение, вызванное необходимостью поддерживать видимость благополучия. Ей просто необходимо было объяснить с Рамоном наедине и освободиться от бремени одолевающих ее мыслей. Нужно было найти выход из возникшей ситуации. Так продолжаться дальше не могло — это было бы нечестно со стороны каждого из них.

— Вовсе нет. Она была очень благодарна за то, что мы гуляли с ее собакой, — сказала Федерика.

— Я хочу посмотреть на собаку, — захныкал Хэл, нетерпеливо ерзая на стуле. В этот момент вошла Лидия, неся дымящийся *пастель де чокло*.

— Утром Феде приготовила это для тебя, — сообщила Элен, усаживаясь на другом конце стола напротив мужа.

— Мне уже рассказали. Ты очень добра ко мне, Феде, — искренне сказал он.

— Это действительно так, — сухо подтвердила Элен. Больше всего ей хотелось бы добавить, что он совершенно не заслуживает ее привязанности, но она подавила в себе этот импульс с помощью глотка воды. — Она работала все утро, не правда ли, Феде?

— Папа еще не видел своей комнаты, — добавила та с застенчивой улыбкой на лице.

— Признавайся, озорная мартышка, что ты сделала с моей комнатой?

— Ты должен увидеть все сам, — сказала она.

— А Феде утром рвала цветы, — раздался предательский голос Хэла. — Правда, Феде?

— Мама! — протестующе закричала Федерика, чувствуя, что ее сюрприз находится под угрозой.

— Тебе понравился поезд, Хэл? — спросил Рамон, пытаясь отвлечь ребенка от последующих разоблачений.

— Он ярко раскрашен и очень быстро едет, — сказал тот, издавая подобающие поезду звуки «чуда-чуда-чуда-чуда». Лидия поставила перед ним тарелку с горячей едой. — Я не люблю сладкую кукурузу, — заворчал он, откидываясь назад на стуле и скрещивая руки на груди.

— Нет, ты будешь ее есть! — крикнула Федерика. — Он упрямится только потому, что готовила я.

— Нет, не буду.

— Будешь!

— Нет!

— Да.

— Ладно, вы, двое. Хватит препираться, — твердо сказал Рамон. — Хэл, ешь свою кукурузу, или отправишься в комнату без обеда и останешься без поезда.

Хэл хмуро смотрел на сестру потемневшими от негодования карими глазами.

Разговор Рамона с Элен вертелся вокруг детей. Когда дети замолкали, что происходило довольно часто после очередного спора, они вынуждены были говорить между собой, к чему ни один из них не стремился, по крайней мере, с той фальшивой любезностью, которая заставляла их ощущать себя парой актеров в плохо написанной пьесе. Рамон предоставил Федерике возможность изложить матери историю о принцессе инка, прерывая ее только тогда, когда она сама обращалась за помощью в отношении некоторых подробностей, которые забыла. Рамон был поражен тем, как много ей удалось запомнить. Элен слушала, пару раз поворачиваясь, чтобы ответить сыну, когда тот хныкал «мама» только для того, чтобы привлечь внимание к своей особе. Федерика привыкла к таким провокациям со стороны брата — так же, как и к тому, что мать постоянно потворствовала ему, произнося коронную фразу «В чем дело, любовь моя?» ровным и бесстрастным тоном. Она уже не обращала на это внимания, инстинктивно осознав, что людям часто приходится терпеть некоторые вещи исключительно в силу привычки.

— Какая прелестная история, дорогая. А шкатулка теперь твоя, и ты станешь очень-очень удачливой маленькой девочкой, — констатировала Элен. Однако она не добавила «и я надеюсь, что ты будешь ее беречь», как сделала бы любая другая мать, поскольку прекрасно знала, что Федерика в отношении вещей гораздо более ответственна, чем она сама.

— Я подумал, что мы могли бы на пару недель съездить в Качагуа, — осторожно предложил Рамон, делая вид, что все в порядке и он не заметил изменений в поведении Элен. — Встретили бы Рождество с моими родителями. Они были бы так рады увидеть тебя и детей.

— О, пожалуйста, мама, — восторженно завизжала Федерика. Она обожала гостить у родителей отца. У них был уютный домик с тростниковой крышей и видом на океан. Элен не понравилось, что он позволял себе подобные высказывания в присутствии детей. Вначале им следовало бы обсудить это наедине, но он даже не изволил посоветоваться с ней. А сейчас, если она скажет, что они не смогут поехать, это расстроит их. Проблема состояла в том, что она не могла позволить себе разочаровать их. Хэл следил за ней полными надежды карими глазами.

— Да! Да! — завизжал он, бросая вилку на стол. Он тоже любил поездки к старикам. Они щедро снабжали его мороженым и возили к берегу верхом на пони. Дед читал ему занимательные истории и катал на плечах.

— Ладно, мы поедem в Качагуа, — вяло уступила она. — Рамон, я хотела бы поговорить с тобой после обеда. Пожалуйста, не исчезай снова на пару с Феде. — Она старалась говорить ровным голосом, чтобы не встревожить детей. Мысленно она вполне четко представляла, что именно собирается сказать, но боялась, что ее волнение может отразиться на словах и выдать ее истинное настроение.

— Я буду дома, — ответил он, хмуро глядя на нее. В тональности его голоса прозвучал заключительный аккорд, который не понравился даже ему самому. Женщины всегда стремятся к тому, чтобы расставить все точки над «i», и Элен не была в этом смысле исключением. Она не могла допустить, чтобы события просто шли своим чередом, и наблюдать, что из этого получится. Она должна была сама принимать решения и затем материализовывать их путем озвучивания.

После первого блюда, за которое Рамон выразил дочери свою благодарность, нежно поцеловав ее, она убежала вместе с Лидией, чтобы внести последние штрихи в *мереньон де лукума* — блюдо, имеющее домашнее название «Добро пожаловать домой». Пока она отсутствовала, Элен и Рамон по большей части обращались не друг к другу, а к Хэлу, который, ощутив, что все внимание сосредоточилось на нем, начал распевать песенку об ослике, выученную совсем недавно. Оба родителя внимательно смотрели на сына, что позволяло им избегать взглядов друг на друга. В конце концов дверь открылась и вошла Федерика, держа в руках белый меренговый торт с водруженной на нем единственной свечой. Хэл вдруг непосредственно запел «Хеппи Бёсдэй», отчего Рамон и Элен невольно рассмеялись. На мгновение напряжение, сжимавшее шею и грудь Элен, исчезло, и она смогла наконец дышать нормально.

Федерика торжественно поставила торт перед отцом и следила за тем, как он задувает свечку. Хэл захлопал своими маленькими ручками и захихикал, когда свеча, будто по волшебству, снова загорелась. Рамон изобразил удивление и вновь подул на нее. Дети рассмеялись уже вместе, уверенные, что отец действительно был сбит с толку неугасимым

пламенем. Наконец он опустил пальцы в свой стакан с водой и затем сжал фитиль. Пламя протестующе зашипело и, превратившись в дым, улетучилось.

— Добро пожаловать домой! — громко прочитал он надпись, выполненную неровным детским почерком с помощью коричневой сахарной глазури на белой волнистой кремовой поверхности, напоминающей морскую зыбь. — Спасибо тебе, Феде, — сказал он, обнимая ее и нежно целуя в щеку. Пока он разрезал торт, Федерика оставалась у него на коленях. Хэл потянулся ложкой к тарту, подцепил кусок меренги и проворно засунул его в рот, прежде чем кто-либо сумел ему помешать. Элен сделала вид, что ничего не заметила. Она чувствовала себя слишком уставшей, чтобы использовать остаток энергии, который приберегла для разговора с Рамоном, на отчитывание непослушного сына.

После обеда Федерика неохотно присоединилась к Хэлу, отправившемуся в сад, в то время как ее родители поднялись наверх для разговора. Она гадала, что им так срочно понадобилось обсудить, и обиделась на мать за то, что та лишила ее общества отца. Она принесла шкатулку с собой и, устроившись в тени апельсиновых деревьев, открыла ее, погрузившись в размышления об истории, которую поведал ей отец.

— Можно посмотреть твою шкатулку? — спросил Хэл, усаживаясь рядом с ней.

— Да, если ты будешь осторожен.

— Я буду осторожен, — пообещал он и взял шкатулку в руки. — Вау! — взвизгнул он. — Она очень красивая.

— Да, так и есть. Когда-то она принадлежала принцессе инка.

— А кто такие инка?

— Инка — это народ, который жил в Перу, — ответила она.

— А что случилось с принцессой? — спросил он.

— Разве ты не слышал мой рассказ за столом? — удивилась она, снисходительно улыбаясь.

— Я хочу послушать его еще раз, — попросил он. — Пожалуйста.

— Хорошо, я повторю все сначала, — согласилась старшая сестра. — Но ты должен слушать и помалкивать, или я ничего тебе не расскажу.

— Я буду вести себя тихо, — пообещал он и сонно зевнул. Было очень жарко даже в тени. Тихое жужжание пчел на клумбах и отдаленный рокот прибоя создавали умиротворяющий фон для медлительных часов сиесты^[1]. Федерика обняла Хэла, который утомленно положил голову на ее колени.

— Давным-давно в древнем Перу... — начала она. Хэл закрыл глаза и погрузился в странный, неведомый ему мир.

Рамон последовал за женой наверх. Оба они молчали. Он следил за тем, как она шла по коридору со сгорбленными плечами и опущенной головой. Когда он приблизился к своей комнате, его ноздрей достиг запах лаванды, напомнивший о доме его матери в Качагуа. Как будто почувствовав его мысли, Элен сообщила, что Федерика приготовила для него простыни со свежей лавандой из их сада.

В комнате гулял ветерок, в ней было чисто, пахло апельсинами и розами. Он окинул взглядом место, где стояла постель, которую они делили большую часть из семи лет их двенадцатилетнего брака, но не ощутил своей принадлежности к ней. Несмотря на цветы и прочие усилия Федерики, это была комната его жены, а холодность ее поведения

свидетельствовала о том, что его присутствие является здесь нежелательным.

Он бросил на пол свой чемодан и присел на край кровати. Элен подошла к окну и стала смотреть на море.

— Итак, что ты хочешь обсудить? — спросил он, хотя прекрасно знал ответ.

— Нас, — коротко ответила она.

— Что насчет нас?

— Разве это не одно и то же?

— Не совсем.

— Я устала притворяться перед детьми, что все в порядке. Все не в порядке. Я не счастлива. Тебе хорошо путешествовать по миру, подобно цыгану, и сочинять свои книги и рассказы. А я здесь, в этом доме, сижу без тебя как в ловушке. Мне неоткуда ждать помощи. Я вырастила двоих детей практически в одиночку, — сказала она и ощутила, как напряжение в ее шее поднялось к голове и сжало виски будто тисками.

— Но ведь ты всегда знала, что такова моя жизнь. У тебя не было на этот счет никаких иллюзий — ты сама так говорила. И ты предоставила мне свободу, поскольку понимала, что я не могу без нее существовать, — возразил он, нахмурившись и качая головой.

— Это я понимаю. Но я не знала, как все будет происходить в действительности. Вначале мы ездили вместе. Это было похоже на волшебный сон. Меня любили, и я любила тебя. Но сейчас... — Ее голос оборвался.

— Сейчас? — печально повторил он.

— Сейчас я больше тебя не люблю. — Она повернулась к нему. Обнаружив, что обида затуманила его лицо, она быстро добавила: — Любовь нужно лелеять, а не оставлять на произвол в забвении, Рамон. Я любила тебя когда-то, но сейчас я больше тебя не понимаю. И я безумно устала от одиночества, а ты оставляешь меня одну на долгие месяцы. И ты всегда будешь так поступать.

— Так что ты предлагаешь?

Она неуверенной походкой подошла к нему и села рядом с ним на кровати.

— Если ты боишься потерять меня, Рамон, то останешься и будешь писать здесь. Тебе придется изменить своим привычкам ради меня. Но ты не пойдешь на это, не правда ли? — Он на какое-то время задумался, но это молчание было красноречивее всяких слов. — Ты любишь меня, Рамон? — задала она прямой вопрос.

Во взгляде его сверкающих каштановых глаз ощущалась безнадежность.

— Да, я люблю тебя, Элен, но... по-своему. Я все еще люблю тебя, но этого недостаточно, чтобы я смог измениться так, как хочешь тебе. Если я останусь здесь с тобой и детьми, то высохну, как дерево в пустыне. Разве ты этого не понимаешь? Я не хочу потерять тебя и детей, но я также не в состоянии стать другим, — устало сказал он, качая головой. — Извини, но как только я приехал домой, то тут же подумал о том, когда смогу уехать снова.

После этих слов они оба погрузились в тягостное молчание. Элен, дав волю своим чувствам, всплакнула и ощутила, как спадает напряжение, сдавливавшее ее виски. Рамон сидел и гадал о том, что она собирается предпринять. Он не хотел терять ее, поскольку она была его страховкой. Ему нравилось иметь дом, чтобы было куда возвращаться. Несмотря на то что он нечасто появлялся здесь, тем не менее находиться дома ему было приятно. Он любил своих детей, хотя и не мог привыкнуть к ежедневному рутинному общению с ними. В сущности, он не был семейным мужчиной в полном смысле этого слова.

— Так что мы будем делать дальше? — спросил он после некоторой паузы.

— Я хочу уехать домой, — ответила она, вставая и снова направляясь к окну.

— Ты хочешь сказать — в Англию?

— Да.

— Но это же на другом конце земли, — запротестовал он.

— Почему это тебя беспокоит? Ты постоянно находишься на другом конце земли, и так будет всегда. Какая разница, где будем мы? Ты в любом случае окажешься на другом континенте.

— Но как же дети?

— Они пойдут в школу в Англии. Мы уедем и будем жить в Корнуолле с моими родителями. — Она подошла к нему и опустилась на колени у его ног. — Прошу тебя, Рамон. Позволь мне забрать их домой. Я больше не в силах жить здесь. По крайней мере, такой жизнью, как сейчас. Пойми, что без тебя в этом нет никакого смысла. Я не здешняя, как ты. Я хотела и надеялась ею стать, но сейчас я хочу домой.

— И что ты им скажешь?

— Я скажу им, что мы уезжаем домой. Что ты будешь приезжать и видеться с нами, как обычно. Но только мы будем жить в другой стране. Они еще очень малы и примут это, — убежденно сказала она, испытующе глядя на него. — Пожалуйста, Рамон.

— Ты хочешь развода? — хладнокровно спросил он.

— Нет, — быстро ответила она. — Нет, я этого не хочу.

— Тогда речь идет о раздельном проживании?

— Да.

— А потом что?

— Потом ничего. Я просто хочу уехать, — подытожила Элен и опустила голову.

Предчувствие не обмануло: она уходит от него. Ей нужно его согласие, чтобы увезти детей из этой страны, и он его даст. Как он может отказать ей в этом? Если судить по времени, которое дети проводили с каждым из них, они в гораздо большей степени были ее, чем его. Она абсолютно права в том, что, где бы они ни были, он всегда находился на расстоянии тысяч миль.

— Хорошо, ты можешь забрать детей в Англию, — с горечью согласился он. — Но вначале я хочу отвезти их навестить моих родителей в Качагуа. Хочу подарить им такое семейное Рождество, которое они запомнят навсегда.

— Рамон, — прошептала она, и ее голос охрип от волнения, — ты ведь будешь приезжать к нам, правда? — Она подняла на него глаза, испытывая страх, что из-за разрыва их отношений он больше не захочет принимать участие в жизни их детей.

— Ну, конечно, — ответил он, кивая своей лохматой головой.

— Дети будут ужасно скучать без тебя. Ты не должен предавать их, Рамон. Они очень нуждаются в тебе.

— Я знаю.

— Не наказывай их из-за меня. Это происходит между нами, взрослыми, а они тут ни при чем.

— Я понимаю.

— Феде любит тебя, и Хэл тоже. Я не смогу спокойно жить, если ты бросишь их из-за меня. — Она выпрямилась. — Я не смогу уехать, если ты намерен оставить моих детей без

отца. Я готова пожертвовать своим счастьем ради них, — сказала она и всхлипнула.

Рамон был смущен. Он погладил ее светлые волосы.

— Я не предам их, Элен, — заверил он ее.

Она посмотрела на него увлажнившимися глазами:

— Спасибо тебе.

Внезапно его рот прижался к ее рту. Не осознавая своих действий, их тела восстали против холодного отчуждения разума. Они стали срывать свою одежду, как жаждущие животные, почуявшие воду. Элен ощутила жесткую щетину его подбородка и мягкую влажность его губ. За долгие месяцы его отсутствия она могла только мечтать о физической любви с мужчиной. У нее были возможности вступить в близкие отношения с мужчинами, но она их отвергла по той простой причине, что была женой другого, хотя практически лишь номинально. Сейчас же она отдала себя ласкам мужа, хотя и не чувствовала к нему ничего, кроме благодарности. В эти пылкие мгновения интимности они могли обмануться, поверив в то, что их любовь может возродиться. Но Элен осознавала, что само по себе сексуальное наслаждение создавало лишь иллюзию любви, быстро исчезающую бесследно, как мираж. Она закрыла глаза, отсекая унылую реальность, и позволила себе отдаться приятным ощущениям, когда его руки стали нежно касаться округлостей ее тела, будто исследуя их впервые.

Прошло много времени с тех пор, когда они были вместе, и поэтому они почти позабыли свои взаимные телесные ощущения. Элен чувствовала, что уже не может контролировать себя, ее пальцы проšliсь по его спине и гладили волосы, рассыпанные по его плечам, как в те счастливые времена, когда их чувствами владела любовь. Она провела языком по его коже, ощущая вкус моря, смешанный с терпким мужским ароматом. Когда его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица и он целовал ее, Элен открыла глаза и обнаружила, что его глаза закрыты. Ей оставалось только гадать, о ком он сейчас думает и какие у него были возможности во время его бесконечных путешествий, хотя у нее и не возникло никакого желания узнать об этом. Потом он вошел в нее, разбудив дремлющее долгие месяцы желание, и она уже не думала о других женщинах, которые могли у него быть. Они забыли обо всем, слившись в единого, неистово извивающегося зверя и не обращая внимания на рычащие звуки и страстные стоны, которые резонансом отзывались в глубинах их сплетенных тел. Когда они в изнеможении застыли, а густой запах их потных тел смешался со сладковатым ароматом лаванды и роз, то, глядя в потолок, они думали о том, каким же образом смогли позволить себе унести в то прошлое, которое уже нельзя было вернуть.

Элен была слишком смущена, чтобы смотреть на него, и застенчиво закутала свое разгоряченное тело в покрывало. После всего, что произошло, это выглядело достаточно нелепо. Она потянулась к ящику прикроватной тумбочки за сигаретой. Нашарив одну, зажгла ее дрожащей рукой и нетерпеливо вдохнула дым. Как странно происходит в жизни, что мы оказываемся так близко, как только возможно для двух людей, и вдруг, спустя всего секунду, лежим рядом, но по сути находимся в тысяче миль друг от друга. Она посмотрела на него, и он тут же повернулся к ней.

— Все было хорошо, — сказал он.

— Да, было хорошо, — ответила она сдавленным голосом.

— Не сожалей об этом, Элен. Нет ничего плохого в телесном удовольствии, даже если ты не ощущаешь ничего, кроме физического желания.

Она глубоко вздохнула.

— Я ни о чем не жалею, — сказала она. На самом деле она не могла сказать определенно, так это или нет. Действительно ли она занималась любовью без любви? Она отогнала эти мысли вместе с сигаретным дымом. Теперь это уже не имело никакого значения, и главное то, что она сможет отправиться домой.

Рамон следил за тем, как его жена одевалась при тусклом освещении спальни. Оба они молчали. Дым сигарет уже заглушил аромат лаванды и садовых цветов, которые Федерика с такой любовью собрала и поставила на туалетном столике в блестящей синей вазе. Разбросанная постель — это все, что осталось от их страсти. Ему оставалось только гадать, сохранилось ли хоть что-то от их любви. Вскоре он услышал нежный голосок Федерики и осознал, что дети и являются физическим воплощением любви, которую они когда-то с радостью дарили друг другу, но тут же содрогнулся от мысли, что может остаться без них.

Тело Элен по-прежнему оставалось крепким, изящным и сохранило ту почти прозрачную бледность, которая так манила его к ней двенадцать лет назад. Сейчас ей тридцать, и она все еще молода и по-своему привлекательна, чтобы остаться в одиночестве без внимания любящего мужчины, который будет о ней заботиться, подумал Рамон. Когда он встретил ее на холодном корнуолльском побережье, она была еще совсем юной и готовой пожертвовать всем ради того, чтобы быть рядом с ним. Они вместе путешествовали по всему миру, объединенные жаждой приключений и ее желанием быть любимой. Так продолжалось до тех пор, пока домашние заботы не разлучили их. Рамон задумчиво смотрел, как она проводила щеткой по своим длинным светлым волосам и закалывала их шпильками в пучок. Ему больше нравилось, когда она носила их распущенными по плечам. Когда-то ее волосы цвета соломы доходили до пояса, и он с наслаждением вплетал в них цветки жасмина. Тогда она была прекрасна, а сейчас выглядит усталой: разочарование обесцветило ее лицо так, что ее бледность, некогда такая привлекательная, теперь утратила свой блеск. Если он не отпустит ее, подумал Рамон, то от ее былой красоты скоро вовсе ничего не останется.

Она заметила в зеркале, что он смотрит на нее, но не улыбнулась, как делала это раньше.

— Когда ты собираешься ехать в Качагуа? — спросила она.

— Завтра. Я позвоню родителям и сообщу, что мы приезжаем.

— Что ты собираешься им сказать?

— Про нас?

— Да.

Он вздохнул и сел на кровати.

— Пока еще не знаю.

— Они будут думать, что я бессердечная особа. Они осудят меня, — сказала она, и ее голос задрожал.

— Нет, этого не будет. Они знают меня лучше, чем ты думаешь.

— Я чувствую себя виноватой, — сказала она и посмотрела на свое отражение.

— Ты просто сделала свой выбор, — бесстрастно возразил Рамон и встал.

Элен хотела, чтобы он попросил ее остаться. В душе она надеялась, что он упадет на колени и пообещает измениться, как это делают другие мужчины. Но Рамон не был похож на других мужчин — он был уникальным в своем роде. Именно эта его особенность в свое время и покорила ее сердце. В то же время он был настолько самостоятельным человеком, что не нуждался в чьем-либо обществе. Ему нужен был только воздух свободы, чтобы дышать полной грудью, зрение, чтобы видеть все те удивительные места, по которым он путешествовал, и ручка, чтобы записывать свои впечатления. Он не нуждался в ее любви, но

она отдала ее ему, не требуя взамен ничего, кроме его одобрения. Однако человеческой натуре свойственно всегда требовать больше, чем уже имеется. Завоевав его любовь, она посягнула и на его свободу, от которой он не намерен был отказываться. Задержать его на одном месте было так же трудно, как поймать облако. Ей давно следовало понять, что он никогда не сможет стать другим. Его душой владел весь бескрайний мир, а у нее больше не осталось сил для дальнейшей борьбы. Тем не менее чисто по-женски ей хотелось, чтобы он поборолся за нее. Элен мучил вопрос, мог ли он продолжать любить ее, отказавшись при этом сражаться за свою любовь? Такое равнодушие заставляло ее ощутить собственную ненужность.

Элен вышла в сад, шурясь под яркими лучами солнца, и обнаружила Хэла спящим в тени апельсинового дерева. Федерика каталась на качелях, что-то напевая вполголоса. Сердце Федерики будет разбито, если придется покинуть Вину, но отдельное проживание родителей ранит ее еще сильнее. Элен смотрела, как она раскачивается, наслаждаясь прекрасным днем и ничего не подозревая о предстоящих проблемах. Увидев мать, стоявшую у дверного проема, она соскочила с качелей, подняла волшебную шкатулку и бросилась к ней.

— Вы с папой уже закончили свой разговор? — спросила она.

— Да, дорогая. Завтра мы отправляемся в Качагуа, — ответила Элен, зная, насколько это обрадует дочь.

Федерика улыбнулась.

— Я рассказала Хэлу историю о принцессе инка, а сейчас он заснул. — Она рассмеялась, оглянувшись на Хэла, который лежал на спине, раскинув руки и ноги в блаженном забытьи.

— Хорошо, не будем его будить, — сказала Элен, нежно глядя на сына. Хэл так напоминал своего отца. У него были такие же, как у Рамона, темные волосы и карие глаза, разве что без блеска самодовольства, так раздражающего Элен в последнее время. Федерика была вполне счастлива, находясь в одиночестве, а вот Хэл нуждался в постоянном внимании. Он был частицей Рамона, которого она любила, и был очень привязан к матери.

Федерика бросилась в дом и нашла отца в гостиной — тот говорил по телефону на испанском языке. Она подошла к нему со шкатулкой в руках и уселась на подлокотник, ожидая, когда он закончит, чтобы поболтать с ним. Прислушавшись, она поняла, что он разговаривает с ее бабушкой.

— Скажи Абуэлите про мою шкатулку, — возбужденно сказала она.

— Нет, ты сообщишь ей все сама, — возразил он, вручая ей трубку.

— Абуэлита, папа привез мне шкатулку, которая когда-то принадлежала принцессе инка... да, настоящей принцессе... да, я расскажу тебе завтра... крепко целую тебя, *йо тамбиен те куэро*, — произнесла она и чмокнула губами телефонную трубку, что так умилило ее отца.

— Ладно, Феде, а чем мы сейчас займемся?

— Я не знаю, — ответила она и улыбнулась, зная, что у отца всегда имеется заготовленный план.

— Давай пойдем в город и купим подарок для твоей бабушки.

— И купим сок, — добавила она.

— Сок и сэндвич с *палта*, — добавил он, вставая. — Пойди и скажи маме, что мы вернемся к чаю.

Мариана Кампионе положила телефон и стала звать своего мужа Игнасио, который лежал в гамаке на террасе, оседлав очками свой орлиный нос и опустив панаму на кустистые брови — явное свидетельство того, что он не желает, чтобы его беспокоили.

— Начо, Рамон вернулся и завтра он будет у нас вместе с семьей, — радостно сообщила она. Игнасио никак не отреагировал, не считая того, что перевернул страницу. Мариана, полная и ширококостная женщина с серебристо-седыми волосами и добрым открытым лицом, вышла из дома и направилась к тому месту, где в тени акации расположился ее муж. — *Ми амор*, ты меня слышишь? Рамон уже дома. Завтра они приедут к нам в гости, — повторила она, и ее щеки порозовели от удовольствия.

— Я слышал тебя, женщина, — произнес он, не отрывая взгляда от своей книги.

— Начо, ты не заслуживаешь своих внуков, — упрекнула она его, улыбаясь и укоризненно качая головой.

— Он исчезает на долгие месяцы, даже не удосужившись написать письмо. Кто так поступает со своей семьей? Я опасаясь, что Элен в конце концов потеряет свое ангельское терпение. Со мной это случилось уже много лет назад, но я ведь не состою с ним в браке, — резонно заметил он и посмотрел на жену поверх книги, чтобы увидеть ее реакцию.

— Не говори глупостей, — мягко укорила она его. — Элен хорошая жена и мать. Она прекрасно относится к Рамону. Я не хочу сказать, что он поступает правильно, постоянно оставляя ее в одиночестве, но она воспитана в старых английских традициях, и она понимает его. Я очень взволнована тем, что они приезжают. — Ее крупное лицо вновь расплылось в улыбке.

— Как долго они собираются у нас гостить? — спросил супруг, все еще глядя на нее.

— Не знаю. Он не сказал.

— Тем не менее полагаю, что мы должны испытывать чувство благодарности, — саркастически произнес он. — Из наших восьмерых детей реже всего мы видим Рамона, так что его появление — это поистине историческое событие.

— Не следует так явно выражать свое недовольство.

— Ради бога, Мариана, ему уже сорок лет или около того. В этом возрасте пора уже брать на себя ответственность, если не хочешь потерять все, что имеешь. Если его многострадальная жена когда-нибудь уйдет от него, то ему останется пенять только на себя, причем я на сто процентов буду на ее стороне.

Мариана засмеялась и медленно пошла обратно в спасительную прохладу дома. Она уже неоднократно выслушивала его доводы, так что знала их наизусть. Рамон — свободная душа, а Игнасио не понимает его, так же, как и Элен, подумала она, направляясь в кухню, чтобы сообщить своей молодой служанке Эстелле о предстоящем появлении гостей. Он настолько талантлив, что было бы большой ошибкой лишить его свободы действий и таким образом загубить столь великолепную творческую деятельность. Мать с восхищением читала и заново перечитывала все его книги и статьи и испытывала безмерную гордость, когда люди говорили, как им нравятся его произведения. Его очень ценили в Чили, и он, бесспорно, заслужил каждую частицу того уважения, которым пользовался. «Я понимаю, что я его мать и не могу быть до конца объективной, — любила говорить она мужу, — но он действительно замечательно пишет».

Эстелла проснулась после сиесты и готовилась к нарезке овощей для обеда, когда в кухне появилась Мариана. Как и в большинстве зажиточных чилийских хозяйств, кухня являлась частью женской половины дома, вместе с ее спальней и ванной комнатой, и располагалась в задней части дома, скрываясь среди пышных кустов бугенвиллей^[2]. Эстелла работала в этом доме недавно. После того как умерла Консуэло, проработавшая у них служанкой в течение двадцати лет, им очень повезло, когда с помощью друзей, у которых был летний дом в соседней деревне Запаллар, они нашли эту милую девушку. Она сразу же понравилась Мариане. Консуэло была слишком старой, чтобы хорошо справляться с уборкой, и чересчур угрюмой, чтобы готовить с вдохновением. Эстелла сразу же с энтузиазмом взялась за работу. Она полировала мебель, подметала и мыла полы, проветривала комнаты с энергией, присущей молодости, и с улыбкой, свидетельствующей о ее дружелюбном характере и желании доставить хозяйке удовольствие. Эстелла была любезна, рассудительна и схватывала все буквально на лету, что было жизненно важно для Игнасио, который отличался раздражительностью и педантизмом.

— Эстелла, завтра к обеду приезжает мой сын Рамон с женой и двумя маленькими детьми. Пожалуйста, позаботься, чтобы для них были приготовлены голубые комнаты для гостей, а также соседние комнаты, поскольку мой сын любит простор.

— Да, сеньора Мариана, — ответила та, стараясь скрыть свое возбуждение. Она очень много слышала о Рамоне Кампионе, много раз видела его портрет в газетах и даже читала некоторые из его статей. Поэтический стиль его описаний взволновал ее сердце, и она мечтала о встрече с ним с того самого момента, как только поняла, кем были ее новые хозяева. Эстелла обожала расхаживать по дому, рассматривая фотографии, расставленные на столах и каминных полках. Рамон был так красив и романтичен со своими длинными черными волосами, пронзительным взглядом карих глаз и четко очерченным ртом, который казался слишком большим для его лица, но в то же время необычайно привлекательным. Во время каждой уборки она проводила достаточно много времени, протирая стекла, предохраняющие от пыли его изображения на многочисленных фотографиях. Сейчас, когда предстояла личная встреча с ним, ей едва удавалось держать себя в руках.

— Надуши белье лавандой, и еще я хочу, чтобы во всех трех спальнях были свежие цветы. Не забудь сделать это, Федерика очень любит природу — она такая милая девочка. Да, и, разумеется, чистые полотенца, свежая питьевая вода и фрукты, — перечислила Мариана, не забыв ни одной детали.

— Как долго они собираются гостить, сеньора Мариана? — спросила Эстелла, стараясь, чтобы ее не выдал предательски дрожащий голос.

Мариана пожала плечами.

— Не знаю, Эстелла. Дней десять, а может, больше. Я собираюсь уговорить их остаться на Новый год, но моего сына очень тяжело удержать на одном месте. Рамон воспринимает каждый новый день только тогда, когда он наступает, и никогда ничего не планирует заранее, — с гордостью сообщила она. — В одно мгновение он здесь, и ты думаешь, что он остается, но внезапно мой сын резко поднимается и уходит, вот так-то. А потом мы месяцами не имеем от него никаких вестей. Но таким его создал Бог, так что я ни о чем не жалею.

— Да, сеньора Мариана, — сказала Эстелла.

— Мои внуки обожают *манджар бланко*, так что позаботься, чтобы в доме его было вдоволь. Я не хочу их ни в чем разочаровать, — добавила она, прежде чем покинуть комнату.

Эстелла с облегчением вздохнула и сразу же приступила к подготовке комнат. Она пронеслась по детской как торнадо, застилая постели настоящими ирландскими льняными простынями, подметая дощатые полы и вытирая пыль на всех доступных поверхностях. Комнатой для супругов она занялась более тщательно, надушив белье лавандой и открыв ставни для доступа свежего морского воздуха и пения птичек, порхавших среди эвкалиптов. Распахнув дверь в комнату Рамона, она глубоко вздохнула, прежде чем медленно и с нежностью заняться приготовлением его постели, разглаживая своими изящными смуглыми пальцами подушку, чтобы убрать малейшие морщинки. Предавшись мечтам, она представляла себе, как он лежит здесь и смотрит на нее, делая знак присоединиться к нему. Она прилегла на кровать и закрыла глаза, вдыхая терпкий аромат туберозы, которую поставила в вазу на туалетном столике. Эстелла улыбнулась, подумав, что, возможно, завтра его голова будет лежать именно на этом месте, но он никогда не узнает, насколько они были близки.

Как бы то ни было, она надеялась, что он задержится здесь подольше.

Игнасио отложил книгу и выбрался из гамака, борясь с нахлынувшей сонливостью. Вечер был холодным, тени высоких деревьев усугубляли сумерки, а волны, словно полуночные хищники, тихо выползали на берег. Он стоял на террасе, опираясь о поручни, и смотрел на гладкую поверхность моря, сиявшую почти гипнотическим блеском. Солнце стало склоняться к горизонту, и его свет приобрел теплый оранжевый оттенок. Игнасио вдруг охватило тревожное ощущение, а смуглый лоб прорезали морщины озабоченности, когда он попытался понять причины своего беспокойства. Возможно, дело было в обычной меланхолии заката, который навевает подобное настроение, подумал он с надеждой, хотя инстинктивно осознавал, что не все происходит так, как следует.

К нему присоединилась Мариана, принеся его традиционный вечерний стакан виски, разбавленного водой.

— Вот, — сказала она, вручая ему напиток. — Что-то ты сегодня так притих, — добавила она, улыбаясь.

— Дремота одолела, — ответил он, делая глоток.

— Ты слишком много читаешь.

— Да, это правда.

— Все это чтение может кого угодно уморить, — мягко произнесла она, поглаживая его по спине пухлой рукой.

— Да, — снова согласился он.

— Ничего, завтра тобой займутся Рамон с Элен и их прелестные дети.

— Конечно, — кивнул он без особого энтузиазма.

— Он подарил Феде шкатулку, которая когда-то принадлежала принцессе инка. По крайней мере, так она мне сказала, — произнесла она, наблюдая, как солнце наполняет море жидким золотом.

— Это похоже на один из рассказов Рамона.

— Верно, действительно похоже, — усмехнулась она. — Его неиссякаемое воображение никогда не перестает меня удивлять.

— Ну да — принцесса инка.

— Феде верит в это.

— Конечно, верит, Мариана. Ведь она поклоняется отцу, — сказал он, качая головой, —

обожеествляет его, а он каждый раз покидает ее, и все это очень грустно.

— О, Начо, перестань. Не в этом ли причина твоего молчания? Я имею в виду стиль жизни Рамона. Но это вовсе не твое дело. Если их это устраивает, значит, не должно беспокоить ни тебя, ни меня.

— А ты уверена, что это их устраивает? — возразил он, пристально посмотрев на нее. — Не думаю, что да. Я своими старыми костями чувствую, что что-то не так.

— Это очень древние кости, Начо. Я удивлена, что они вообще еще способны что-то чувствовать, — засмеялась она.

— Да, это старые кости, женщина, но они такие же чувствительные, как и в былые времена. Не желаешь ли пройтись со мной на берег? — внезапно спросил он, опустошая свой стакан.

Мариана выглядела удивленной.

— Сейчас?

— Ну конечно. Мы, старые люди, должны что-то делать, пока еще способны на это. Завтрашний день всегда может оказаться последним.

— Что за чушь, *ми амор*, ты иногда несешь? Ну ладно, я схожу с тобой на берег. Мы снимем там обувь и намочим в море ноги, как обычно, держась за руки.

— Мне это очень по душе, — согласился он, снимая панаму и целуя ее в мягкую морщинистую щеку.

— Ты закоренелый романтик, — сказала она и рассмеялась над их шалостями, ведь они были уже слишком стары, чтобы играть в эти игры.

* * *

Укладывая Федерику в постель, Рамон заметил, что шкатулка заняла почетное место на тумбочке возле ее кровати.

— Я испугалась, что, когда я проснусь, шкатулки здесь уже не будет, — внезапно сказала она, и ее гладкое личико исказило выражение тревоги.

— Не беспокойся, Феде, когда ты проснешься, она будет на месте. Обещаю, что, пока ты будешь спать, никто к ней не притронется.

— Это самая замечательная вещь, которая у меня когда-либо была, и я никогда с ней не расстанусь.

— Так и будет, — заверил он ее, целуя в лоб. — А ты не заметила, лаял ли вечером пес сеньоры Бараки?

— Он счастлив и устал, так же, как и я, — сказала она, улыбаясь отцу.

— Наверно, он совсем выдохся.

— Как насчет завтра? Мы сможем погулять с ним перед поездкой в Качагуа?

— Конечно, сможем, — сказал он, касаясь ее щеки кончиками пальцев. — Мы снова возьмем его с собой на берег.

— Мне жаль сеньору Бараку, — призналась она.

— Почему?

— Потому что она такая печальная.

— Это ее выбор, Феде.

— Разве?

— Да. У каждого есть выбор. Люди могут быть счастливы или печальны.

— Но мама говорила, что у сеньоры Бараки умер муж, — возразила она.

— Мама права. Но ее муж умер около десяти лет назад, еще до твоего рождения.

Прошло уже так много лет.

— Но Вайчуко же грустил о принцессе всю свою жизнь.

— Да, но он не был обязан это делать. Иногда лучше идти вперед, а не пребывать в прошлом, — сказал он. — Следует учиться у прошлого, но не оставаться в нем на всю жизнь.

— Что должна была выучить из прошлого сеньора Барака? — спросила Федерика, зевая.

— Что ей следует уделять больше времени своей собаке, а не оплакивать давно умершего мужа. Ты согласна? — засмеялся он.

— Да, — ответила Феде и закрыла глаза. Рамон наблюдал за тем, как она погружается в мир принцесс и волшебных бабочек. Ее пушистые длинные ресницы ловили свет из коридора, придавая неземную красоту благородным и искренним чертам ее утонченного лица. Он ощутил, как горло сдавил комок при мысли о том, что придется навсегда оставить ее. И хотя это и не ослабило его намерений, но сделало их выполнение более болезненным. Он наклонился и снова поцеловал ее в лоб, ощутив своими сухими губами шелковистость детской кожи. Вдыхая исходящий от нее аромат мыла и чистый запах волос, он испытал непреодолимое желание обнять свою дочь и защитить ее от жестокой реальности мира, которая могла привести только к разочарованию.

Прежде чем лечь в постель, он тихо прокрался в комнату Хэла, чтобы понаблюдать, как тот спит. Рамон не ощущал особой близости с сыном. Ребенку было всего четыре года, и он едва знал своего отца. Хэл был более привязан к матери, он не нуждался в нем так, как Федерика. Рамон смотрел на сына, который спал, засунув в рот палец и прижимая к себе игрушечного кролика. Малыш выглядел как настоящий ангелочек, уложенный в кровать самим Богом. Его кожа была безукоризненно гладкой, а выражение лица — безмятежным и удовлетворенным. Рамон провел загрубевшей рукой по волосам мальчика. Хэл зашевелился и изменил положение, но не проснулся. Рамон удалился из комнаты так же тихо, как и пришел.

Несмотря на то что ночь была теплой, в постели ощущался холод. Элен спала, свернувшись на боку, на самом краю кровати в стремлении избежать прикосновения к Рамону, который лежал на спине, уставившись в потолок, освещаемый холодным лунным светом. От безумной дневной интерлюдии не осталось и следа, потому что ни один из них этого не хотел. Элен сожалела о случившемся и заливалась краской стыда, вспоминая о минутной слабости. Она чувствовала его присутствие рядом не потому, что он шевелился — Рамон лежал тихо, — а из-за атмосферы, которая была настолько напряженной, что, казалось, между ними находится еще и некто третий. Она боялась пошевелиться или издать звук, поэтому сдерживала дыхание и лежала абсолютно недвижимо. Когда сон наконец одолел их, он был мучительным и поверхностным. Элен снился приезд в Корнуолл, где она никак не могла найти Польперро. Рамон во сне стоял на берегу, а Федерика тонула в море, и он не мог ничего сделать, чтобы ее спасти.

Проснувшись, Федерика расстроилась, увидев, что за окном клубится плотный и серый морской туман, застлавший солнечный свет и заставивший примолкнуть птиц. Было холодно и сыро. Мать всегда говорила ей, что морской туман притягивает к берегу тепло Сантьяго. Когда в столице становилось по-настоящему жарко, Вина скрывалась в дымчатой мгле. Федерика ненавидела туман, который действовал на нее угнетающе. Но через несколько мгновений она уже забыла об угрюмых небесах и положила на колени свою шкатулку с бабочкой. Она открыла ее, стала поворачивать в разные стороны, проводить пальцами по камням, довольная тем, что таинственный свет никуда не исчез и по-прежнему заставляет трепетать радужные крылья бабочки. Мать застала ее погруженной в мечты о магическом мире ее отца, находящемся где-то среди горных вершин Перу.

Элен почти совсем не спала. По крайней мере, она чувствовала себя совершенно разбитой и невыспавшейся. В затылке ощущалась тяжесть, а в висках нарастала пульсирующая боль. Приняв болеутоляющее, она уповала на его быстрый эффект. Она вошла в комнату Федерики, уже одетая в платье и сопровождаемая Хэлом, который тоже был одет и на ходу умудрялся играть со своим новым поездом. Увидев мать, Федерика мгновенно заметила ее бледность и круги вокруг глаз и поинтересовалась, все ли у нее в порядке.

— Все хорошо, спасибо, дорогая, — ответила Элен, пытаясь улыбнуться. Но в ее глазах улыбки не было. Их взгляд был застывшим и равнодушным. Федерика нахмурилась и закрыла крышку шкатулки.

— Ты не очень хорошо выглядишь, мама. Можно я приготовлю тебе завтрак? А где папа? — спросила она, соскакивая с кровати.

— Папа еще спит, так что лучше его не беспокоить. Одевайся, и мы вместе позавтракаем, — предложила Элен, погладив по голове Хэла, который прошел мимо нее, издавая звуки, подобающие поезду. Федерика быстро надела платье и подумала о том, вспомнит ли отец о своем обещании взять ее на берег вместе с Растой. Она надеялась, что он все-таки скоро встанет, а не будет, как обычно, все утро валяться в постели. Федерика легким шагом спустилась по лестнице через холл в кухню. Хэл, разговаривая сам с собой и продолжая пыхтеть, как паровоз, устроился на полу, запуская игрушку по терракотовым плиткам пола под столом и стульями.

Федерика помогала матери накрывать в столовой завтрак. Когда отец появлялся дома, они прекращали питаться в кухне, что было типичной английской привычкой Элен, которую она никогда не забывала, и переходили в столовую, как это принято у чилийцев. Лидия должна была прийти в десять, чтобы убрать в доме и приготовить обед. Рамон редко появлялся в кухне. Он, в отличие от Элен, для которой семейная кухня являлась сердцем дома, вырос в семье, где кухня считалась местом для прислуги.

Рамон проснулся, обнаружив себя в одиночестве в непривычной постели. Ему понадобилось какое-то мгновение, чтобы вспомнить, где он находится, и вновь пережить неприятное ощущение от воспоминаний о том, что, увидев его, жена почувствовала себя несчастной. Он лениво взглянул в окно, где занавеси плясали под напором холодного бриза, дувшего с океана и приносящего с собой сырой морской туман. Вставать совершенно не хотелось. Атмосфера в комнате была душной и давящей. Хотелось закутаться с головой в простыни и представить, что он где-то далеко на облаках, парящих над зоной тумана и

страданий, плотной стеной окутавших стены этого дома. Он лежал, ощущая слабость в груди и подавляя в себе импульсивное желание встать, упаковать вещи и уехать.

Внезапно он услышал мягкие шаги дочери. Ощущение слабости превратилось в чувство вины, и он приподнялся в постели.

— Ты уже проснулся, папа? — спросила Федерика. Он увидел ожидание на ее лице и большие голубые глаза, смотревшие на него с надеждой. Она ступала тихо, будто считая, что он еще спит, и боясь его разбудить. Ее медленное приближение напоминало действия пугливой лани, не уверенной в том, что за зверь скрывается в постели — друг или враг. Рамон откинул покрывало, так что она могла ясно видеть, что он не спит. Ее лицо засияло и расплылось в широкой улыбке. — Я приготовила тебе завтрак, папа, — сказала она, и ее щеки засияли гордым румянцем. — А мы сможем пойти на берег, несмотря на туман?

— Мы можем отправиться на берег прямо сейчас, — сказал он, ощущая прилив бодрости при мысли о возможности поскорее выбраться из дома. — Мы возьмем с собой Расту. Ты ведь этого хочешь, не правда ли? А потом поедем в Качагуа.

— Мама сказала, что, когда мы доберемся до Качагуа, уже появится солнце, — доложила она, от нетерпения перескакивая с ноги на ногу.

Пока Рамон находился в ванной, Федерика сновала по комнате, раздвигая шторы и заправляя постель. Она привыкла убирать после матери, но та же процедура для отца доставляла ей больше удовольствия, поскольку в этом заключалась приятная новизна. Рамон терпеливо ел свой завтрак, чтобы доставить удовольствие дочери. Хэл тем временем уже покончил с едой и без особого шума играл в детской. Его интерес к поезду перевесил интерес к отцу, на которого он глядел с подозрением, подсознательно ощущая, как все маленькие дети, напряженную обстановку в доме. Элен сидела за столом, потягивая маленькими глотками черный кофе. Рамон обратил внимание на ее красные глаза и побледневшее лицо. Он вежливо улыбнулся ей, но не дождался ответной улыбки. Только когда появилась Федерика с тарелкой горячих круассанов, она выпрямилась и сделала попытку держаться так, как будто все было в порядке.

После завтрака Рамон взял Федерику за руку и отправился по знакомой дороге, ведущей к берегу, другой рукой удерживая на поводке Расту. Федерику уже не интересовало, солнечной или пасмурной была погода. Она находилась рядом с отцом, и, кроме них двоих, рядом не было никого. Крепко прижимая к груди шкатулку с бабочкой, она наслаждалась его заботой и своей исключительностью, хотя бы и сиюминутной. Они сняли обувь, и на фоне больших загорелых ног вечного бродяги Рамона маленькие розовые ступни Федерики казались еще более миниатюрными и эфемерными. Они спустились к берегу, позволив морю коснуться их пяток и обдать их пенными брызгами. Рамон рассказывал ей чудесные истории о тех местах, где побывал, и о людях, с которыми встречался. Федерика зачарованно слушала его, требуя новых рассказов еще и еще, пока, в конце концов, они не очутились в машине, мчавшейся сквозь туман по дороге на Качагуа.

Когда город остался позади, вокруг развернулись пасторальные сельские пейзажи. Они проезжали мимо ярко раскрашенных домов маленьких деревушек с гофрированными жестяными крышами и темными окнами без стекол. Вдоль дороги выстроились открытые лотки с фруктами, а маленькие лошадки под управлением смуглых до черноты чилийцев, закутанных в пончо, бодро тащили повозки по песчаным проселкам. Тощие собаки в поисках еды вынюхивали иссушенную землю, а грязные ребяташки играли пустыми банками из-под

кока-колы. Их блестящие черные глаза с любопытством следили за проносившимся мимо автомобилем. Дорога была пыльной и усеянной большим количеством хаотически разбросанных выбоин и ямок. Через некоторое время они остановились, чтобы немного размяться и выпить воды. Туман понемногу рассеивался, и сквозь его пелену уже проглядывало солнце. Тени стройных акаций сгущались по мере того, как свет позади них стал все больше усиливаться, пробиваясь сквозь туман. Федерика сидела с большим стаканом лимонной газировки, а Рамон жевал *эмпанада*. Темнокожие чилийские дети кучкой расположились у побелевшей стены хижины, широко раскрытыми глазами наблюдая за Федерикой и Элен и шепча что-то друг другу, прикрывшись ладошками и горя желанием подкрасться к ним и прикоснуться к их светлым ангельским волосам, чтобы понять, из чего те сделаны.

Выбравшись из дома, оба они — и Элен, и Рамон — чувствовали себя гораздо лучше по мере удаления от места, где находился их дом, — места, которое не принесло ничего, кроме несчастья для Элен и разочарования для Рамона. При появлении солнца они даже начали улыбаться друг другу и с удовольствием присоединились к радостной болтовне детей. Напряжение в глазах Элен спало, и легкий румянец вновь вернулся на ее бледные щеки. Рамон втайне надеялся, что, возможно, она изменит свое решение. Пара недель, проведенных в гостях, может оказать на нее благоприятное воздействие.

Мариана и Игнасио завтракали в столовой, поскольку морской туман делал процедуру еды на террасе не слишком приятной. Когда с тостами и кофе на подносе в комнату вошла Эстелла, одетая в свою свежую синюю униформу с тщательно ухоженной блестящей гривой волос цвета воронова крыла, ниспадавшей с плеч, Мариана заметила в ее внешности нечто необычное и сообщила об этом мужу.

— А по мне, так она выглядит как обычно, — возразил он, поднимая глаза над очками, чтобы разглядеть служанку получше. — Как обычно, — повторил он, возвращаясь к большому пазлу, который с увлечением складывал.

Мариана следила за тем, как служанка наливала кофе. В ней определенно что-то изменилось, подумала Мариана. И это что-то касалось ее лица. На нем появилось больше макияжа. Ее щеки порозовели, а глаза сияли, как влажные кристаллы цветного хрусталя. От нее пахло хорошим мылом и розами, а кожа блестела от масла, которое она тщательно в нее втерла.

— Думаю, что у нее появился бойфренд в Качагуа, — сказала она Игнасио, которого совершенно не интересовала частная жизнь прислуги. — Да, у нее есть поклонник, Начо. Но теперь я думаю, кто бы это мог быть? — произнесла она, в задумчивости потирая подбородок. Эстелла почувствовала, что Мариана пристально смотрит на нее, и вспыхнула от смущения. Она нервно улыбнулась хозяйке и быстро удалилась, боясь, что сеньора Мариана может разгадать причину ее необычного преображения и возбуждения.

К полудню цвет неба вновь вернул себе свою величавую синеву, а остатки тумана испарились в яростном жаре декабрьского солнца. Мариана устроилась в тени на террасе, прислушиваясь, не раздастся ли шум приближающегося автомобиля, и продолжала заниматься своей вышивкой. Игнасио был занят написанием писем, уютно устроившись в прохладной тишине дома. Она уже проверила состояние спален и ванн и осталась очень довольна своей новой служанкой, которая в точности выполнила все распоряжения и не забыла ни одной мелочи. Ей нравилось и то, что девушка проявляет инициативу, делая

несколько больше, чем ее просили. Мариана окинула взглядом своих мягких серых глаз темную деревянную террасу и горшки с растениями и пальмовыми деревьями, обеспечивавшими защиту от солнца, и заметила, что все они были недавно политы. Она хорошо помнила, что не просила Эстеллу заниматься цветами, а девушка выполнила эту работу по собственной инициативе. Вот это и есть добросовестный подход к своей работе, с удовлетворением отметила Мариана.

Когда автомобиль спустился по песчаной дороге в Качагуа, Федерика опустила стекло и высунула голову из машины. Качагуа была, пожалуй, самой очаровательной из приморских деревень. Каждый из крытых тростником домов был окружен низкой деревянной изгородью, частично скрытой пышными зелеными папоротниками и пальмами. Иногда единственным видимым доказательством наличия дома среди буйства природы оставалась высокая водонапорная башня. Это был настоящий оазис из великолепных деревьев — пальм, акаций и эвкалиптов. Их душистые ароматы смешивались с соленым запахом океана и сладковатой амброй жасмина, над которым кружили трудолюбивые пчелы. Извилистая песчаная дорога проходила сквозь *пуэбло* вниз к длинному золотому пляжу и синеве раскинувшегося моря. Дом Игнасио и Марианы бесспорно был самым красивым в деревне. Утопающий в зеленой пене густых деревьев, он напоминал огромную хижину на помосте с просторной террасой, нависающей над скалами со стороны моря. Внутри его украшали пестрые ковры ручной работы и ярко-красные диваны. Мариана всегда отличалась безупречным вкусом, а Игнасио ненавидел беспорядок. Он имел обыкновение сметать на пол все с тех поверхностей, которые считал слишком захламленными. У него был вспыльчивый характер, укротить который было под силу только Мариане с ее спокойным, умиротворяющим голосом и мягкими манерами. Она всегда ухитрялась заранее узнать об очередной вспышке, определяя ее приближение по покраснению его ушей.

Машина въехала через открытые ворота во двор, и Рамон нажал на клаксон. Сердце в груди Марианы вздрогнуло, причем в большей степени от неожиданности, чем от удовольствия, поскольку она как-то незаметно для себя увлеклась работой и перестала прислушиваться. Позвав мужа и медленно поднявшись — годы уже не позволяли ей двигаться с таким же проворством, как в молодости, — она направилась к парадному входу, чтобы приветствовать дорогих гостей.

Руки Эстеллы вспотели от волнения. Опершись одной рукой о кухонную раковину, другой она расправляла свою светло-синюю униформу. До нее доносились возбужденные голоса детей и приглушенный смех сеньоры Марианы, когда та обнимала малышкой и целовала их радостные мордашки, а затем громкий и скрипучий голос донна Игнасио. Эстелла напрягла слух, чтобы услышать голос Рамона Кампионе, но его заглушало непрерывное щебетание детей. Впрочем, она даже не знала, как он звучит.

Федерика выскочила на террасу, выставив перед собой шкатулку, чтобы похвастаться перед бабушкой. Элен мягко попросила ее не торопиться, поскольку у Абуэлиты будет еще масса времени, чтобы посмотреть ее сокровище позже, после того как она поговорит с папой. Федерика послушно отступила к гамаку, где свернулась в клубочек и следила за разговором родителей с бабушкой и дедушкой. Хэл восседал на коленях Элен, не выпуская из рук поезда, который усердно гонял по столу. Через какое-то время Федерике надоело ждать, и она с замиранием сердца открыла свою волшебную шкатулку, чтобы уже в который

раз окунуться в таинственный мир фантазий.

— Как долго вы собираетесь у нас гостить? — без обиняков спросил Игнасио, заметив в глазах сына раздражение. Рамон пожал плечами и уставился на гамак. Федерика уже не прислушивалась к разговору.

— Не знаю, — помедлив, ответил он.

— Вы ведь останетесь у нас на Рождество? — спросила Мариана. — Не собираетесь же вы уехать накануне Рождества, — добавила она, путаясь подобной перспективой.

— Конечно нет, — уверила ее Элен, изображая улыбку.

— Тогда почему бы вам не остаться до Нового года? Не знаю, кто еще приедет, возможно, Фелипе с Марией-Лусией и Рикардо с Антонеллой. Никто меня заранее не предупреждает, все вы появляетесь, когда захотите, — сказала она, делая вид, что выражает недовольство, но при этом радостно улыбаясь. Рамон по старой привычке посмотрел на Элен, хотя искусство молчаливого общения уже давно было ими утеряно вместе с близкими отношениями.

— Это было бы здорово, — ответила Элен, подумав о детях и лишней неделе, которую они смогут провести с отцом. В Англию можно уехать и после Нового года, про себя подумала она. Опытный глаз Марианы заметил их отчужденность, и ее оптимизм несколько приутих. Она посмотрела на мужа, который мог воспринимать ее мысли, даже не глядя на нее.

— Хорошо, — произнес тот и мрачно кивнул.

В тот самый момент, когда напряженное молчание стало тяготить всех присутствующих, на террасе появилась Эстелла с подносом *писко соур*. Она шла, опустив глаза, боясь споткнуться и выставить себя в невыгодном свете. Рамон поднялся, чтобы помочь ей.

— Осторожно, он тяжелый, — сказал он, принимая поднос.

Она посмотрела на него из-под густых темных ресниц и ответила мягким шоколадным голосом:

— Благодарю вас, дон Рамон.

Он улыбнулся ей, и она ощутила холодок в животе и огонь, вспыхнувший на щеках. Ее лицо было таким гладким, невинным и милым, что у Рамона внезапно возникла потребность изучить его более детально, но он понимал, что за ним наблюдают родители и жена. Он отвел глаза, испытывая искреннее сожаление, повернулся и поставил поднос на стол. Когда он украдкой посмотрел назад, то служанка уже исчезла в глубине дома, оставив после себя едва уловимый шлейф аромата роз.

Рамон наливал традиционный чилийский напиток из лимонов и *писко* и раздавал бокалы присутствующим. Усевшись на место, он обнаружил, что служанка появилась снова с двумя чашками апельсинового сока для детей.

— Эстелла недавно работает у меня, — сообщила Мариана. — Она просто чудо. А ты помнишь Консуэло? — спросила она. Рамон рассеянно кивнул, краем глаза наблюдая за молодой женщиной, быстрым шагом пересекавшей террасу. — Да, добрая старая Консуэло умерла прошлым летом. Оставшись без помощницы, я чуть не сошла с ума, правда, Начо? Я просто не знала, за что хвататься.

— И как же вы нашли ее? — спросила Элен, радуясь тому, что разговор снова оживился.

— Это Мендозы, у которых летний дом в Запалларе, разыскали ее для нас. Она — племянница их служанки Эсперансы. Той, у которой косоглазие, — уточнила она и затем,

поразмыслив, добавила: — Бедная старая Эсперанса.

— Значит, вы довольны Эстеллой? — спросила Элен, отводя волосы со лба сына и нежно целуя его в лобик.

— Очень. Она превосходно справляется с любой работой, очень трудолюбива, и с ней у нас вообще никаких проблем.

— Совсем не так, как у нашей Лидии, — засмеялась Элен. — У нее вечно что-то не так: болит то спереди, то сзади, то ноги, то лодыжки, которые распухают от жары. Она едва справляется с уборкой. Всем приходится заниматься нашей Федерике.

— Не может этого быть! — испуганно воскликнул Игнасио.

— Но ей это нравится, — быстро уточнила Элен.

— Похоже, что так, — подтвердил Рамон, чтобы защитить жену. — Элен хорошая мать, папа, — добавил он, посмотрев на супругу в надежде заработать улыбку, но она продолжала сидеть, поджав губы, будто и не слышала его.

— Конечно, так и есть, — сказала Мариана. — Феде, подойди ко мне и покажи мне свою драгоценную шкатулку, — позвала она внучку, которая выкатилась из гамака и быстро подскочила к ней.

— Я тоже хочу на нее взглянуть, — сообщил Игнасио, посадив девочку к себе на колени.

Федерика поставила шкатулку на стол.

— Когда-то она принадлежала принцессе инка, — авторитетно заявила она и, сделав паузу для создания нужного эффекта, медленно подняла крышку. К ее удовольствию, бабушка, затаив дыхание, поднес шкатулку к себе поближе, чтобы хорошенько разглядеть.

— *Пор Диос*, Рамон, где ты раздобыл такое сокровище? Должно быть, она стоит целого состояния.

— Мне подарили ее в Перу, — ответил он. Федерика затрепетала от гордости.

— В Перу, да? — удивился он и провел пальцами по камням.

— Это волшебная шкатулка, Абуэлито, — доложила Федерика.

— Я это вижу, — подтвердил Игнасио. — Эй, женщина, посмотри-ка на эту прелесть. Это нечто удивительное. — Он по столу пододвинул шкатулку к Мариане.

Элен в этот момент ощутила свою вину за то, что раньше не уделила дочери должного внимания.

— Дорогая, она просто чудо, — восхищенно произнесла она, чтобы как-то наверстать упущенное.

— Если вы будете перемещать шкатулку, то крылья тоже начнут двигаться. Посмотрите! — воскликнула Федерика, забирая шкатулку, и, подняв повыше, стала поворачивать ее из стороны в сторону. Все уставились на нее в изумлении.

— Моя дорогая, ты абсолютно права, — сказала Мариана, качая головой и не веря своим глазам. — Я в жизни ничего подобного не видела.

— Папа, а можно я расскажу им эту историю?

Рамон кивнул, и Федерика, большие голубые глаза которой сияли от возбуждения, начала излагать им легенду о шкатулке с бабочкой, а все затаив дыхание слушали ее рассказ.

Незаметно притаившись за дверьми, Эстелла наблюдала за красивым и мужественным лицом Рамона, нежно улыбавшегося дочери. В жизни он был еще более красив, чем на фотографиях, и обладал харизмой, которая с момента его появления заполнила весь дом и совершенно ошеломила Эстеллу. Она заворожено смотрела на Рамона, не в силах двинуться

с места, и ее разум погрузился в сладостный мир фантазий.

После позднего обеда, когда дети отправились спать, Игнасио и Рамон, прихватив свои напитки, спустились к морю и стали неспешно прогуливаться по самой кромке берега, позволяя ступням утопать в прохладной пене вечернего прибоя, точно так же, как это делал прошлой ночью Игнасио вместе с женой. Небо было на удивление синим и трепетным, а море заливал фосфоресцирующий свет луны, картинно повисшей прямо над ними. Вначале разговор крутился вокруг мелочей, касающихся последней книги Рамона и его недавних приключений в последней поездке. Наконец отец опустошил свой стакан и встал перед Рамоном.

— Что происходит, сынок? — задал он прямой вопрос.

Рамон какое-то мгновение молчал. Он действительно не мог дать точный ответ.

— Она уходит от меня, папа, — сказал он.

Игнасио остановился.

— Она уходит от тебя? — повторил он скептически.

— Да.

— Почему?

— Она меня больше не любит.

— Что за вздор ты несешь! — рявкнул Игнасио. — Ей просто катастрофически не хватает внимания, — это видно любому дураку. Но что еще? — потребовал он объяснений.

Рамон водил ногой по песку, сгребая его в небольшие кучки.

— Я редко бываю дома.

— Это очевидно.

— Она хочет, чтобы я изменился.

— Так в чем дело?

— Я не могу.

— Ты слишком эгоистичен.

— Да. Я слишком эгоистичен.

— А как же твои дети? — с болью в голосе спросил Игнасио. — Ты любишь их, разве нет?

— Да, люблю, но...

— Но! Не должно быть никаких «но», когда дело касается детей, сын. Они нуждаются в тебе.

— Я знаю. Но я не могу быть таким, как они хотят.

— Почему нет?

— Потому, что я не семейный человек, папа. Я не создан для этого. Уже в ту минуту, когда я переступаю порог дома после длительного отсутствия, у меня возникает желание снова уехать. Дома меня постоянно преследует нечто вроде клаустрофобии. Я не могу жить без движения, и мне нужна свобода. Я не могу оставаться привязанным к одному месту. — Он закашлялся.

— Рамон, бога ради, будь взрослым, — раздраженно произнес Игнасио.

Рамон замер. Он снова ощутил себя маленьким мальчиком, которого распекает отец. Они застыли в молчании, уставившись друг на друга в тусклом свете сумерек. Наконец они снова медленно зашагали по берегу к дому, каждый наедине со своими мыслями. Говорить больше было не о чем. Рамон не в состоянии был объяснить свою потребность в длительных

путешествиях, а Игнасио понимал, что сын не желает воспринимать его советы.

Элен вздохнула с облегчением, когда Рамон сообщил, что будет спать в другой комнате, и даже улыбнулась ему в знак благодарности. Он ничего не сообщил ей о своем разговоре с отцом. Жена перестала быть его союзником. Они превратились в случайных попутчиков — вежливых, отстраненных и недоверчивых.

Рамон забрался в постель. Вдыхая приятный запах лаванды и туберозы, он внезапно подумал об Эстелле. О ее руках, застеливших постель и поставивших цветы в вазу. Ему уже не было смысла подавлять свои желания, как в былые дни, еще до того, как адюльтер превратился в стиль его жизни. В те далекие счастливые дни он не желал никого, кроме своей жены. Тогда он верил, что она любит его так, как не смог бы никто другой. Он закрывал глаза и все же оставался с ней. Позже он закрывал глаза, чтобы быть с кем-нибудь другим, безразлично с кем именно. Сейчас он закрыл глаза и думал об Эстелле, ее нежном лице, одновременно испуганном и бесстыдно-манящем. Одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что ее трепещущие губы жаждали поцелуев, а блестящая кожа не могла скрыть желание, которое подобно пламени освещало ее изнутри. Он гадал о том, где находится ее спальня и сильно ли она удивится, увидев его стоящим на пороге ее комнаты. Он уже готов был выбраться из постели, чтобы разыскать ее, но затем умерил пыл, понимая безрассудство своего порыва. Все обстояло прекрасно во время путешествий, когда он оказывался наедине со своими секретами. Но здесь, в доме его родителей он не мог позволить себе подобную вольность. Вздохнув, он повернулся на спину. Холодный бриз проникал сквозь ставни, но он ощущал жар и беспокойство: его чресла переполняло желание.

Через некоторое время Рамон совершил абсолютно безумный поступок. Поднявшись, он направился к берегу. В серебристом свете луны он сбросил с себя полотенце и голым бросился в море. Холодная вода оглушила его, заставив задыхаться. Он плыл до тех пор, пока его тело не остыло настолько, что он уже не ощущал никакого желания. В могущественном величии этой бескрайней водной постели он уже не мог думать ни о чем. Его разум оцепенел, а сердце остыло и стало бесчувственным. Когда он наконец оглянулся, то увидел, что его отнесло от берега гораздо дальше, чем он предполагал. Яростными гребками он поплыл обратно, а в голове стали лихорадочно всплывать многочисленные рассказы, услышанные им еще ребенком, о людях, унесенных в море и утонувших в бездонной пучине. Когда он снова смог встать на ноги, его бешено стучавшее сердце успокоилось, и он побрел к берегу, испытывая радостное ощущение от того, что остался жив.

Эстелла стояла на террасе и с тревогой следила за берегом, пытаясь разглядеть дону Рамона, который исчез в море. Зная, что он спит под той же крышей, что и она, Эстелла была не в состоянии заснуть. Ее тело дрожало от желания, которое она едва могла контролировать. Поэтому она и вышла на террасу, чтобы подышать воздухом и прояснить голову. Именно тогда она и увидела, как он появился на песке, сбросил полотенце и в обнаженном виде нырнул в воду. Ей пришлось ухватиться за балкон, чтобы не броситься вслед за ним и не открыть ему свои чувства. Но время шло, а он заплыл так далеко и не возвращался. Она знала о людях, которые утонули в этих холодных водах, и ее сковал страх при мысли, что и он может попасть в число этих несчастных.

К ее величайшему облегчению, спустя достаточно большой промежуток времени из воды появилась темная фигура. Он был жив, и она снова могла дышать нормально.

Укрывшись в темноте, она наблюдала за тем, как он поднял полотенце и наскоро вытерся. Затем он направился к дому, небрежно набросив полотенце на плечи. Когда он приблизился, Эстелла отступила к стене. Ей ничего не оставалось, как только наблюдать, как он проходит мимо, равнодушный к ее любопытным глазам, лихорадочно обшаривавшим его обнаженное тело. Когда он ушел, служанка обессиленно опустилась на деревянный пол и прижала руки к лицу. Наверное, она сошла с ума. Что бы он подумал, если бы заметил ее здесь?

Когда Рамон снова устроился под простынями, то ощутил одновременно холод и успокоение. Закрыв глаза, он прислушался к уже ставшему размеренным ритму своего сердца. Его дыхание замедлилось, и он погрузился в сон.

Эстелла ретировалась в свою комнату в еще более возбужденном состоянии, чем раньше, где долго лежала без сна, одолеваемая самыми безумными фантазиями, главным героем и активным участником которых был несравненный дон Рамон.

На следующее утро Рамон проснулся от гомона детей, игравших на воздухе. Он лежал, лениво уставившись на ставни и тонкие стрелы света, проникшие сквозь зазоры в панелях. Он вновь подумал об Эстелле, и эта мысль заставила его с энтузиазмом выскочить из постели и распахнуть окно. С террасы доносился возбужденный голос Эстеллы и спокойная снисходительная речь его матери. Он натянул на себя шорты и рубашку и с босыми ногами вышел в залитый солнцем коридор. Заметив, что большая часть семьи сосредоточилась вне дома, он направился в кухню, надеясь застать служанку там. Однако ему пришлось испытать разочарование: кухня оказалась пуста. Правда, Эстела уже побывала здесь, поскольку на столе лежал хлеб, а овощи кучками были разложены на рабочей доске. Он ощутил знакомый аромат роз, смешанный с чем-то, что было свойственно только ей. Подобно зверю, выслеживающему добычу, он нюхал воздух, раздувая ноздри. Он ждал, но она не появилась. Разочарованный, он прошел в гостиную, сопровождаемый ее запахом, который стал усиливаться, что свидетельствовало о ее приближении. Его сердце забилося сильнее, подстегиваемое возбуждением охоты.

— *Буэнос диас*, сеньор Рамон, — раздался голос позади него. Он повернулся и обнаружил ее наклонившейся, чтобы сменить пластинку. Скользя взглядом по ее обнажившемуся бедру и плавной линии лодыжки, он испытал непреодолимое желание подойти и прикоснуться к ней.

— *Буэнос диас*, Эстелла, — ответил он и обнаружил, что при упоминании ее имени щеки девушки залились густым румянцем. Он улыбался ей до тех пор, пока давление его взгляда не заставило ее отвернуться. Дрожащей рукой она поставила иглу на вращающуюся пластинку граммофона. Комнату заполнил голос Кэта Стивенса. — Ты танцуешь, Эстелла? — игриво спросил он. Она стояла и ошеломленно смотрела на него.

— Нет, сеньор, — наконец вымолвила служанка, нервно моргая длинными ресницами.

— А вот я люблю танцевать, — сообщил он, покачиваясь в такт музыке и той легкости на сердце, которая заставляла его двигаться. Эстелла улыбнулась. Когда она улыбается, ее круглое лицо словно оживает, подумал он. Ее зубы казались особенно белоснежно-жемчужными и блестящими на фоне молочно-шоколадного цвета кожи. Шелковистые черные волосы были гладко зачесаны назад и заплетены в тугую широкую косу, свисавшую почти до пояса. Нетвердой рукой она убрала крошечный завиток, выбившийся из-за маленького ушка. Рамон следил за каждым ее движением. Она ощутила на себе его пристальный взгляд и вот уже в который раз густо покраснела. — Тебе здесь нравится? — спросил он, пытаясь вовлечь ее в разговор.

— Да, дон Рамон.

— Мама говорила, что ты очень хорошо работаешь.

— Благодарю вас, — сказала она и снова улыбнулась.

Внезапно он почувствовал, что обезоружен очарованием ее улыбчивого лица.

— Ты выглядишь просто превосходно, когда улыбаешься, — неожиданно произнес он. Она интуитивно почувствовала в его словах желание и нервно пожала плечами, поскольку знала, что не сможет скрыть собственных чувств.

— *Грасиас*, дон Рамон, — хрипло выдавила она из себя, опуская свои лихорадочно блестящие глаза.

— Это ты разбросала лаванду и поставила цветы в моей комнате?

— Да, сеньор, — ответила она, едва дыша, загипнотизированная его обаятельной напористостью. Он был настолько близко, что она чувствовала его запах.

— Они очень милые. Спасибо тебе. — Он смотрел на нее, размышляя, уйти ему сейчас или остаться, отчетливо понимая, что ей пора возвращаться в кухню, но она не в силах заставить себя это сделать. Эстелла судорожно провела языком по своим пересохшим губам. Он подошел еще ближе. Она затаила дыхание и удивленными глазами смотрела, как он внимательно изучает ее лицо.

— Ты находишь меня привлекательным, разве не так? — тихо сказал он, ощущая сквозь хлопок униформы запах ее пота.

— Я нахожу вас привлекательным, дон Рамон, — прошептала она и сглотнула слюну.

— Я хочу поцеловать тебя, Эстелла. Я очень хочу тебя поцеловать, — произнес он, приближаясь к ней почти вплотную. Шум прибора почти перекрыл голоса, доносившиеся с террасы. Остались только они с Эстеллой и меланхолическая мелодия пластинки Кэта Стивенса, который пел: «О бэби, бэби, этот мир такой безумный».

— Папа, а скоро мы пойдем на берег? — спросила Федерика, вбегая в гостиную и довольная тем, что отец уже проснулся и оделся. Рамон застыл на месте, а Эстелла с грациозностью пантеры развернулась и нырнула в спасительную прохладу кухни, где наклонилась над столом и уставилась в свою поваренную книгу. Ее сердце бешено колотилось, как крылья испуганной птицы, а ноги дрожали до такой степени, что ей пришлось облокотиться на стол. Она ощущала, как пот стекает по ее спине и между грудями. Служанку возбуждало осознание того, что хозяин тоже ее хочет, но одновременно сковывал страх, потому что она отдавала себе отчет, что не должна спать с женатым мужчиной, жена и дети которого находятся в том же доме. Она понимала, что из-за своей необузданной страсти может потерять работу, как понимала и то, что с его стороны это всего лишь легкое увлечение, спортивный интерес, который подталкивает его заняться с ней любовью, а затем оставить ее и вернуться в супружескую постель. Тем не менее Эстеллу это совершенно не смущало. Одну ночь, Господи, дай мне только одну ночь, и я больше никогда не буду вести себя недостойно. Она уже ничего не могла с собой поделать и была не в силах сопротивляться своему безумному желанию. Склонившись над столом, она стала яростно резать овощи, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы.

Рамон нерешительно последовал за дочерью на террасу и присел у стола, радуясь возможности скрыть возбуждение, от которого трещали его шорты. Он налил себе кофе и намазал маслом кусок хлеба. Элен сидела на другом конце террасы с его матерью и Хэлом. Она выглядела более счастливой и спокойной, но Рамона это уже совершенно не интересовало. Он мог сейчас думать только об Эстелле и о том, каким образом следует все организовать, чтобы заняться с ней любовью.

Федерика сидела возле него на стуле, нетерпеливо болтая ногами в воздухе. Она положила шкатулку на стол перед собой и постоянно открывала, закрывала, поворачивала и наклоняла ее, но Рамон был слишком погружен в свои мысли, чтобы уделить ей должное внимание.

— Доброе утро, сын, — сказал Игнасио, появляясь в своей неизменной панаме, просторных брюках цвета слоновой кости и небесно-голубой рубашке с короткими рукавами. — Я думаю, что сегодня мы можем отправиться в Запаллар и пообедать там, а

потом съездить в Папудо. Я знаю здесь кое-кого, кто хочет покататься на пони, — добавил он и хмыкнул, когда Федерика соскочила со стула и бросилась к нему.

— Да, пожалуйста, — восторженно завизжала она, обхватывая его руками. Игнасио снял панаму, чтобы проветрить голову, и пригладил седые волосы. Было жарко, и воздух наполнился густым ароматом эвкалиптовых деревьев.

— Это отличная идея, Начо, — согласилась Мариана. — Детям очень понравится эта поездка. Ты любишь мороженое, Хэл? — спросила она Хэла, копошившегося в ящике с игрушками, который Мариана всегда держала в доме для внуков. Хэл кивнул и снова погрузился в свою игру.

— Я собирался сходить с Феде на берег, — сообщил Рамон, в планы которого вовсе не входила поездка на обед в Запаллар. Он намеревался не далее как сегодня днем заняться любовью с Эстеллой.

— Я пойду с вами, Рамон, — заявила Мариана. — Мне нужно размяться. Ты не возражаешь, Элен? — спросила она.

— Конечно, а я побуду с Хэлом, — кивнула Элен и улыбнулась. Она надеялась, что Рамон сам сообщит своим родителям об их намерениях, поскольку не была уверена, что найдет в себе храбрость сделать это сама. Она проследила взглядом, как мать с сыном вошли в дом. Ей удалось хорошо выспаться и проснуться в хорошем настроении. Дом Марианы и Игнасио был безмятежным, прохладным и бесконечно далеким от того напряжения, которое, казалось, навсегда поселилось в стенах их жилища в Вине. Здесь она ощутила свободу. Им предоставили отдельные комнаты, и у нее появилось собственное пространство. В присутствии родителей Рамон уже не казался таким огромным и подавляющим, как наедине с ней. Она прилегла в кресле и задумалась о Польперро.

Рамон и Мариана прогуливались вдоль берега, а Федерика задорно бегала и скакала, играя в пятнашки с волнами, лизавшими песок. Для появления любителей позагорать, обычно заполнявших берег своими телами, щедро смазанными маслом для загара, было еще рано, так что пляж был в их полном распоряжении.

— Я так рада, что вы приехали, Рамон, — сказала Мариана. Она сняла сандалии, и ее босые ухоженные ноги с красным лаком педикюра при ходьбе погружались в песок. — Мы очень скучали, пока тебя не было, хотя я знаю твою натуру вечного странника и понимаю тебя, — грустно сказала она, — так что я ни о чем не жалею, ведь ты приносишь нам столько радости.

— Мама, — сказал он, взяв ее за руку. — Ты тоже приносишь мне радость. Но я не знаю, почему я долго не могу оставаться на одном месте. Что-то, что находится внутри меня, сигнализирует о том, что пора в путь.

— Я знаю. Это твоя творческая душа, *ми амор*, — сказала она, будто это поясняло и извиняло все на свете.

— Я хотел бы жениться на женщине, похожей на тебя, — вздохнул он.

— Элен понимает тебя в большей степени, чем ты думаешь. Хорошо, что вы решили погостить вместе. Вчера она была очень напряженной и усталой, но сегодня краска снова вернулась на ее щеки, и она выглядит вполне счастливой.

— Разве? — спросил он, поскольку почти не смотрел на нее.

— Да, конечно. Видишь ли, каждый раз, когда ты возвращаешься, ей нужно немного времени, чтобы снова привыкнуть к тебе. Ты должен быть терпеливым и не ждать слишком многого.

— Да, — согласился он, довольный, что отец не поделился с ней информацией об их разговоре. Он знал, что сам должен сообщить ей правду. Элен уходит от него, уезжает из Чили, чтобы начать новую жизнь на другом берегу. Когда мать узнает, что не сможет видеть, как растут ее внуки, это разобьет ее сердце. Понимая это, он никак не мог решиться начать разговор. Она ведь так радовалась, глядя на них. Так что момент был совершенно неподходящим, и он только молча улыбнулся ей.

— Мама, ты не возражаешь, если я не поеду со всеми вами в Запаллар? Я очень устал, и мне действительно нужно немного побыть одному. Ты понимаешь это лучше, чем кто-либо другой. Мне требуется немного побыть в тишине без детей, — сказал он осторожно, зная из многолетней практики, как обвести мать вокруг пальца.

Мариане удалось скрыть свое разочарование.

— Ладно, если ты у нас пробудешь еще достаточно долго, я дам тебе передышку, — сказала она и лукаво засмеялась.

— Четыре недели, — сказал он.

— Разве до Нового года еще столько времени? — изумленно спросила она. — Нет, должно быть меньше, *ми амор*, ведь уже наступил декабрь.

— Хорошо, тогда, может, немного меньше.

— Что вы подарите детям на Рождество?

— Не знаю, — честно ответил он. Они с Элен были настолько озабочены собственными проблемами, что совершенно забыли о Рождестве.

— Ты привез Феде эту потрясающую шкатулку. Думаю, что она так счастлива, что больше ничего и не ожидает, — сказала Мариана, припоминая невиданную красоту этого необычного предмета.

— Элен накупила им кучу подарков. В этом отношении они уж никак не обделены, — усмехнулся он.

— Какие они счастливые с такими родителями. У нас будет прекрасное Рождество, вот увидишь, — уверила она сына, сжимая его руку.

Федерика была разочарована тем, что отец не составит им компанию при поездке в Запаллар, и с трудом сдерживала слезы. Элен испытывала сложную гамму чувств. С одной стороны, она ощущала облегчение, предвкушая на некоторое время освобождение от его давящего присутствия, но, с другой стороны, она привыкла к нему как беспечная муха к голове быка. Она испытывала потребность находиться возле него, хотя бы для того, чтобы спровоцировать его реакцию на свое присутствие. Игнасио сухо прокомментировал ситуацию в том смысле, что у Рамона в течение последних трех месяцев уже было достаточно времени, чтобы побыть одному. Однако после их ночной беседы отец понял, что тайм-аут нужен сыну вовсе не для пребывания в одиночестве, а чтобы освободиться от жены, и это его беспокоило. Он еще не потерял надежду на то, что в один прекрасный день они проснутся и поймут, что их брак достоин того, чтобы его спасти.

Рамон проследил за удаляющимся по песчаной дороге автомобилем и помахал Федерике, которая прижалась к автомобильному стеклу своей светло-персиковой щечкой и тоже махала ему рукой.

Было очень жарко. Полуденное солнце обрушилось на землю со всей своей пылающей силой. Смахнув пот со лба рукавом, он возвратился в дом и сразу же направился в кухню в поисках Эстеллы, но там ее не застал. Он поспешно проследовал на террасу, но и там ее не

было. Сердце бешено стучало в его груди в предвкушении встречи, а глаза раздраженно обшаривали гостиную. Он не хотел терять время. Наконец он пошел по коридору к своей комнате. До его ушей донесся хруст белья и звуки ее голоса, радостно напевавшего какую-то песенку.

Когда он появился в дверях своей комнаты, Эстелла испуганно отскочила. Никто не предупредил ее, что дон Рамон не поехал со своей семьей в Запаллар. Она с тревогой смотрела на него, моргая в нерешительности.

— Дон Рамон, вы меня испугали, — произнесла служанка едва слышным голосом. Она положила руку себе на шею, будто пытаясь освободиться от невидимого хомута.

— Прошу прощения, я вовсе не собирался подкрасться незамеченным. Я вообще не знал, что ты здесь, — соврал он.

— Я могу заняться вашей комнатой позже, — предложила она, бросая простыню и обходя кровать с намерением удалиться.

— Да, ты можешь сделать это позже, — согласился он, останавливая ее и хватая за руку. Она задохнулась от волнения. Затем он положил обе руки на ее плечи и прижал к стене. Ее груди ритмично вздымались в ожидании. Он заметил каплю пота, выступившую в ложбинке между ними. Рамон положил на это место палец и затем поднял его.

— Ты нервничаешь? — спросил он. Его темные глаза изучали ее озабоченное лицо.

— Вы женаты, — испуганно сказала она.

— Только номинально, Эстелла. Только номинально, — возразил он извиняющимся тоном. Потом он мягко прижался губами к ее губам. Она нервно сглотнула и закрыла глаза. Он поцеловал влажную кожу ее шеи и провел языком в направлении уха. Вкус был солоноватый, а пахло розами. Его руки нашли подол ее униформы и забрались под него, а пальцы умело исследовали мягкие линии бедер. Эстелла затаила дыхание. Ошеломленная силой его харизмы, она ощутила, что ее тело обмякло и отдалось во власть воле, которая во много раз превосходила ее собственную. Ее мечты стали осуществляться, и она была твердо намерена получить свою порцию наслаждения, поскольку завтра это будет уже невозможно. Ощущение его щетины на своей шее на мгновение отвлекло ее внимание, и, когда его рот впился в ее губы, она почувствовала, что требовательные пальцы Рамона уже теребят ее трусики и ласкают нежную кожу внутренней поверхности бедер. Когда его язык начал исследовать ее рот, она окончательно потеряла голову. Его пальцы уже приспустили ее трусики и добрались до сердцевины ее желания. Они стояли, прижимаясь к стене и тяжело дыша в унисон, а их разгоряченные тела утопали в поту. Его пальцы нащупали бархат ее самых нежных мест, и он наслаждался, наблюдая, как ее ресницы взметнулись, словно крылья бабочки, когда она отдала себя его ласкам.

Он положил ее на кровать и снял одежду через голову, обнажив гладкую смуглую кожу и роскошные груди. Он уже представлял ее тело в своих безумных мечтаниях, и действительность не разочаровала его. Он осторожно снял с нее нижнее белье и одобрительно окинул взглядом ценителя женской красоты ее обнаженное тело. Она открыла глаза и посмотрела на него, оцепенев от удовольствия. Ее веки отяжелели и наполовину закрылись. Эстелла больше не ощущала нерешительности или стыда и лежала, распутно ожидая, когда он начнет делать с ней все, что захочет. Он освободился от рубашки и шорт и стоял теперь перед ней, демонстрируя все великолепие своего нагого тела, а она позволила своему восхищенному взгляду задержаться на нем. Ее лицо горело огнем, а губы стали малиновыми от его поцелуев. Она была прекрасна, и эта красота освободила его от невзгод

разрушающегося брака, поглотила и заставила обо всем забыть.

Потом они в истоме лежали на смятой постели, освещенные мерцающим солнечным светом, который пробирался сквозь ставни, закрытые Эстеллой, чтобы сохранить в комнате прохладу. Рамон наслаждался ощущением приятной опустошенности в своих чреслах и чувствовал, как успокаивается ритм его сердца. Он посмотрел на ее разгоряченное лицо и длинные волосы цвета черного дерева, рассыпавшиеся по его груди. Она заметила, что он смотрит на нее, и удовлетворенно улыбнулась. Он гладил ее обнаженную спину, и его пальцы отстраненно пробегали по ее позвонкам. С большинством женщин, которых он имел, у него возникало желание расстаться сразу же после того, как он получал свое, но с Эстеллой все было иначе. У него появилось незнакомое доселе теплое чувство и потребность оставаться с ней.

— Мне очень хорошо с тобой, — произнес он наконец.

Эстелла была опьянена любовью.

— Благодарю вас, дон Рамон, — ответила она, мечтая о том, чтобы этот полдень не кончался никогда. Она слышала, как в его широкой груди бьется сердце, и ощущала его волосы на своем лице. Ей тоже было с ним приятно и тепло. Она хотела сказать ему об этом, но, несмотря на физическую близость, понимала, что между их положением в этом мире лежит целый океан, а потому остереглась высказывать свои чувства вслух.

Федерика каталась по берегу на маленьком пони. Элен даже разрешила ей управлять лошадкой самостоятельно, в то время как сама она вела пони Хэла, удерживая его за уздечку. Папудо оказалась прелестной рыбацкой деревушкой, приютившейся у подножия подернутых дымкой тумана синих гор. Мариана купила детям мороженое, а Игнасио устроился в тени эвкалиптов, попивая кофе, и охранял драгоценную шкатулку Федерики, одновременно раскладывая пасьянс. Элен с удовольствием наслаждалась ланчем в Запалларе, дети очаровали их всех своей беззаботной болтовней и смехом, поэтому она уже почти не вспоминала о Рамоне.

В отличие от матери Федерика не переставала думать об отце. Она скучала без него. Ей было необходимо, чтобы он оценил ее езду верхом. Еще она вспомнила, как однажды он построил ей необычайно красивый замок на песке, украсив его белыми лепестками цветов и ракушками. Когда они снова забрались в машину, чтобы отправиться домой, она почувствовала, как ее душа парит от одной мысли, что скоро она увидит его снова.

Рамон занимался любовью с Эстеллой во второй раз. Она была лакомым деликатесом, в котором оставались еще не изученные им подробности. Удовлетворив свое вожеление и любопытство, он потащил ее, смеющуюся и протестующую, в душ, где они не спеша позволили воде смыть все следы их адюльтера. Только вытершись насухо полотенцем, он взглянул на часы. Наступило уже позднее послеобеденное время, и экскурсанты могли вернуться в любую минуту. Он сказал Эстелле, чтобы она сменила свою униформу, которая помялась и была покрыта пятнами пота. Она ужаснулась, когда увидела, в каком состоянии находится комната, и подумала о невыполненной работе, которая могла ее выдать. Рамон тем временем неспешно побрел на террасу, где уселся на солнце, взял книгу отца и приступил к чтению с абсолютно довольным выражением на лице, которое смягчило его резкие черты.

Эстелла помчалась в свою комнату, где наскоро заплела волосы в косу, сменила униформу и сбрызнула кожу одеколоном. Затем она без промедления приступила к уборке комнат. У нее не оставалось времени на то, чтобы обращать внимание на прелесть погожего дня и предаваться расслаблению после занятий любовью. Когда она услышала голоса детей у дверей в холл, то ощутила легкий приступ удушья, поскольку знала, что они захотят чая, а она не успела еще ничего приготовить.

— Папа, я сама ездила на пони! — закричала Федерика, бросаясь к отцу. Он был в благодушном настроении и усадил ее на колени.

— Все ты делаешь сама, ты просто умница, мартышка, — воскликнул он и хохотнул, целуя ее разгоряченную щеку.

— Хэл тоже катался, но его пони вела мама. Он еще слишком мал, чтобы ездить самостоятельно. Абуэлито присматривал за моей шкатулкой. Он караулил ее весь день, — гордо доложила Федерика, выставляя шкатулку на стол.

— Надеюсь, что ты не забудешь ее где-нибудь в один прекрасный день.

— Папа! Я *никогда* не расстанусь с этой шкатулкой, — ответила она, удивленная, что он допустил мысль, будто она может потерять свое самое главное сокровище.

— Феде каталась верхом сама, — сообщила Мариана, обмахивая себя руками и медленно продвигаясь к террасе.

— Ты выглядишь утомленной, мама. — Он тепло улыбнулся ей.

— Ничего страшного, Рамон. Так жарко, и я немного устала. Но в остальном все было превосходно. Нам не хватало тебя, *ми амор*, — нежно сказала она, опускаясь в легкое кресло.

— Да, а здесь было очень тихо, — сообщил он, зевая. — Я весь день отдыхал, читал папину книгу. Она довольно интересная.

— *Ме alegrо*. — Она вздохнула. — Я рада, что ты хорошо провел время.

— Как ты посмотришь на то, что мы с тобой отправимся вечером поплавать перед сном? — предложил Рамон Федерике, чтобы компенсировать ей свое отсутствие на ланче.

— Да, папа, с удовольствием, — она была в полном восхищении. — Абуэлито снова посторожит мою шкатулку, — сказала она, наблюдая, как тот появляется на солнце в своей неизменной панаме. — Ты сможешь, Абуэлито?

— В чем дело, Феде? — спросил Игнасио, широко открывая глаза и притворяясь испуганным. Федерика захихикала — она обожала, когда дед корчил рожицы.

— Ты будешь присматривать за моей шкатулкой, пока мы с папой будем плавать в море.

— Будь осторожна, чтобы тебя не слопали крокодилы, — в шутку посоветовал он.

— В море нет крокодилов, глупенький, — рассмеялась она.

Примчалась Эстелла с полным подносом чая, тортом и пирожными. Рамон помог ей разгрузить все на стол. Их глаза встретились, и между ними протянулась незримая нить соучастия. Она выглядела совершенно так же, как и утром, исключая то обстоятельство, что в уголках ее рта читалось удовлетворение, несмотря на все попытки его замаскировать.

— Думаю, что у Эстеллы появился любовник в деревне, — прокомментировала свои наблюдения Мариана после того, как Эстелла вернулась в дом.

— *Диос*, Мариана, какое это имеет значение? — сказал Игнасио, разрезая торт.

— О, это не имеет значения, Начо. Мне просто любопытно, кто бы это мог быть, — ответила она, взяв в руку чашку и передавая ее Элен, которая вышла вместе с Хэлом из

гостиной.

— Почему ты считаешь, что у нее появился любовник, мама? — изумленно спросил Рамон.

— Потому что она сияет. Это женские штучки. Я чувствую это в ее походке и в ее глазах.

— У тебя интуиция, как у старого дьявола, — засмеялся он. Элен села возле Федерики и закурила. Внешний вид мужа заставил ее ощутить беспокойство.

— Я, может, и стара, но вовсе не дьявол, *ми амор*, — ответила Мариана, и ее светло-серые глаза улыбчиво и с любовью посмотрели на сына.

— Так что из того, что у нее есть любовник? — сказал Игнасио, пожимая плечами.

— У кого это есть любовник? — спросила Элен, давая Хэлу кусок торта.

— У Эстеллы.

— Я согласна, — ответила она. — Это видно по ее глазам, и, как говорит Мариана, любой женщине это состояние сразу заметно.

Рамон искренне засмеялся.

— Хорошая девочка, отлично сложена. Да, она, безусловно, выглядит удовлетворенной, — сказал он с чувством гордости.

— Ну, надеюсь, если этот человек скомпрометирует ее, то непременно женится. Некоторые из мужчин не так порядочны, как им следует быть, — сурово подытожила Мариана. — Бедная девочка, надеюсь, она знает, что делает.

Рамон попробовал торт.

— Вкусно, правда, Феде? — сказал он, ласково глядя на дочь. Она улыбнулась в ответ и кивнула. Мариана посмотрела на внучку и заметила, что та не сводит глаз с отца. Она, конечно же, любила мать, а Элен была хорошей матерью. Но между Рамоном и его дочерью существовала какая-то особая связь. Ее очень огорчало, что он постоянно находится в отъезде и оставляет дочь скучать без него. Она глядела на очаровательное лицо внучки и ощущала сострадание к ней.

Следующие несколько недель оказались жаркими и томительными. Мариана проводила время, наслаждаясь обществом своих маленьких внучат и предоставляя Элен возможность отдохнуть от домашних забот. Для нее не осталось незамеченным, что ее невестка в обществе своего мужа часто выглядит напряженной и несчастной и выкуривает при этом в два раза больше сигарет, чем обычно. Она также заметила, что Элен постоянно за ним следит. Случалось, что она начинала ему что-то говорить и, когда он не обращал на это внимания, молча уходила, будто пытаясь спровоцировать какую-то реакцию. Временами Рамон едва замечал ее присутствие. Однако Мариана отказывалась верить, что их брак распадается, и относилась такое странное поведение на счет естественного отчуждения вследствие долгих месяцев, проведенных порознь.

Федерика с Хэлом играли на берегу, окунались в холодное море и развлекались, рисуя картины и показывая их гордым за них старикам и родителям, которые восхищались ими и любили, давая детям ощущение заботы и безопасности.

Игнасио наблюдал за сыном с возрастающим недовольством. Он скрывал свой пессимизм за маской клоуна, которую надевал ради внучат, валяя дурака. Но внутренне он знал, что если его сын не остепенится и не обратит пристальное внимание на свою семью, то Элен действительно уйдет от него. Ему оставалось только гадать, означает ли это одновременно и отъезд из Чили. Если она заберет своих чудесных детей в Англию, то это разобьет их с Марианой сердца. Они вырастут на берегу другого моря с другими стариками и забудут свою чилийскую семью. И все это будет на совести Рамона. Он оказался эгоистичным и безответственным. По сути, этот брак был обречен с самого начала, подумал вдруг Игнасио.

Любовная связь Рамона с Эстеллой продолжалась тайком, когда они могли выкроить немного времени, чтобы побыть вместе наедине. Ей приходилось украдкой пробираться в его комнату среди ночи, когда лунный свет окунал постель в серебро, а запахи жасмина и эвкалипта окутывали их густым ароматом. Они занимались любовью в те короткие часы, когда остальные обитатели дома были далеко, путешествуя в мирах своих сновидений. Вначале Эстелла вызывала в Рамоне лишь любопытство и желание. Девушка даже не помышляла о том, чтобы завоевать его сердце. Но понемногу, в те волшебные моменты, когда их переплетенные тела лежали рядом, Рамон чувствовал в ней странную силу, которая манила и не отпускала его. Он скучал без нее, играя роль мужа и отца в течение дня, и с нетерпением ожидал наступления ночи, когда она появится, чтобы любить его снова. Каждый раз, закрывая глаза, он видел ее лицо и ощущал ее присутствие задолго до того, как она заходила в комнату. Его ноздрей достигал присущий только ей аромат роз, напоминавший ему об их страсти и нежности, и он мечтал о том, как увезет ее с собой.

Пришло Рождество. Два его брата, Фелипе и Рикардо, тоже приехали к родителям на празднование и присоединились к их компании со своими женами и детьми. Так что у Федерики и Хэла появились партнеры для игр в лице их маленьких кузенов и кузин, и весь дом наполнился несмолкающим детским смехом, превратившись в большую игровую комнату с разбросанными повсюду игрушками. Только после их отъезда Рамон и Элен

решились поговорить с Марианой и Игнасио, чтобы сообщить им о своих планах.

— Мы с Элен будем жить отдельно, — прямо заявил Рамон, глядя в пол, поскольку не хотел быть свидетелем реакции матери на свои слова. За этим последовала гнетущая пауза, во время которой глаза Марианы наполнились слезами, а Игнасио потирал подбородок, пытаясь найти какие-то слова. Элен зажгла очередную сигарету и нервно курила, надеясь, что они не видят в ней главного виновника происшедшего.

Наконец заговорил Игнасио.

— Когда вы собираетесь рассказать все детям? — спросил он.

— Вы хотите рассказать все детям? — еле вымолвила Мариана, вытирая глаза. — Им будет очень тяжело, особенно Федерике. — И почему вы не можете оставить все как есть. Вы и так видите очень редко.

— Элен хочет забрать их в Англию, — осуждающим тоном сообщил Рамон. Сигарета Элен застыла на месте.

— В Англию? — задыхаясь переспросила Мариана. Она ощущала недостаток воздуха, будто кто-то ударил ее в живот. Она пыталась дышать как обычно, но дыхание оставалось коротким и поверхностным.

— Я так и знал, — сказал Игнасио.

— Прямо в Англию? — печально повторила Мариана, бессильно опуская плечи. — Мы даже не сможем увидеть, как они растут, — прошептала она.

— Я больше не могу так жить, — запинаясь, оправдывалась Элен. — Мне нужно начать все сначала.

— Но почему именно в Англию, это ведь так далеко? — беспомощно спросила Мариана.

— Только для вас. А для меня это родной дом. А вот Чили для меня — это другая сторона земли. Мы будем приезжать и навещать вас, и вы тоже в любое время сможете приехать повидаться с нами. Рамон обещал регулярно навещать детей, правда, Рамон? Ты говорил, что будешь, — поспешно проговорила Элен.

— Да, буду.

— Ты ведь не можешь бросить своих детей, сын. Ты проводишь половину своей жизни в дальних странах, так что Англия вряд ли будет тебе не по пути, — сердито произнес Игнасио.

— Я не хочу травмировать детей. Но я несчастлива, и они это чувствуют, — устало пояснила Элен. — Рамон почти не бывает дома и не помогает мне воспитывать их, а я устала делать это в одиночку. С меня хватит такой жизни.

— Но разве тебя не беспокоит, как эту новость воспримут дети? Особенно Феде, ведь она такая чувствительная. Она будет просто в отчаянии. Достаточно посмотреть, как она с обожанием смотрит на отца, чтобы понять — это разобьет ее маленькое сердце, — всхлипнула Мариана, взяв Игнасио за руку в поисках поддержки.

Элен ощутила болезненный укол — ведь Федерика любила и мать.

— Я знаю. Я думала об этом. Но ведь они еще слишком малы, а я не могу прожить жизнь только ради детей. Я должна подумать и о себе, — защищалась она, дрожащей рукой поднося сигарету к губам и делая длинную затяжку. Ей очень хотелось сказать «потому что никто больше обо мне не думает». Но она сдержалась.

— Рамон, разве ты не можешь попробовать исправить положение? Не можешь остаться хотя бы на несколько месяцев и сделать еще одну попытку? — предложил Игнасио, хотя и

понимал, что сила его убеждения была уже совсем не той, что раньше.

— Нет, — упрямо ответил Рамон, отрицательно мотая головой. — Это не поможет. Элен и я — между нами больше нет любви. Если мы останемся вместе, то возненавидим друг друга.

Элен почувствовала комок в горле и с трудом сдержала свои эмоции. Раньше он говорил, что любит ее.

— Значит, вот как, — печально сказала Мариана, опуская голову.

— Значит, вот так, — ответила Элен, тяжело вздохнув.

— И когда вы уезжаете? — мрачно спросил Игнасио.

Рамон посмотрел на Элен. Элен пожала плечами и качнула головой.

— Я пока еще не знаю. Думаю, что понадобится время, чтобы упаковать вещи. Я должна буду сообщить родителям. Полагаю, что мы уедем, как только будем готовы, — ответила она и стала в нетерпении кусать ногти. Больше всего ей сейчас хотелось встать и уйти отсюда.

— Развод — это не простая вещь, — сказала Мариана, думая о католической церкви, которая запрещает его.

— Знаю, — ответил Рамон. — Мы не хотим развода, поскольку не собираемся вступать в другой брак. Мы хотим только освободиться друг от друга.

— И я безумно хочу уехать домой, — добавила Элен, удивленная тем, что они с Рамоном наконец хоть в чем-то пришли к общему мнению.

В этот момент Рамон подумал об Эстелле и о том, что мог бы увезти ее с собой. Элен думала о берегах Польперро и уже ощущала себя ближе к ним.

— Когда вы намерены сообщить все детям? — холодно спросила Мариана. Она считала их действия абсолютно эгоистичными. — Только хорошо подумайте, прежде чем делать это, — предостерегла она. — Вы можете слишком сильно травмировать их психику. Надеюсь, вы знаете, что делаете.

— Мы скажем им завтра, перед возвращением в Вину, — решительно сказала Элен, внимательно наблюдая за мужем. Должно быть, его сердце сделано из камня, подумала она. Мариана встала со стула и побрела в дом. Внезапно она стала выглядеть совсем одряхлевшей.

— Ну, по крайней мере рядом с ними будут родители матери, — с горечью сказал Рамон, осуждающе глядя на жену.

— Это не моя вина, Рамон, — сказала она раздраженно. — По-моему, это ты отказался изменить свои привычки.

— Это не вина одного человека, Элен, — прервал ее Игнасио. — Это вина вас обоих. Но если вы этого хотите, то так тому и быть. Это жизнь, а жизнь — не всегда постель из розовых лепестков. — Рамон сразу подумал об Эстелле, которая пропитывала его постель ароматом роз, едва прикасаясь к простыням. — Поговорите с детьми завтра же и будьте с ними помягче, — добавил он, хотя и понимал, что не существует способа ласково рассказать детям, что их родители больше не любят друг друга.

Элен была слишком взволнована, чтобы заснуть. Она сидела под открытым небом при свете звезд и курила одну сигарету за другой, наблюдая, как дым струится на ветру, растворяясь в ночи. Она была глубоко опечалена и озабочена необходимостью предстоящего разговора со своими обожаемыми детьми, но понимала, что это неизбежно. Было бы еще хуже продолжать делать вид, что все в порядке. Они все равно в конце концов догадаются,

по крайней мере Федерика. Ей отчетливо представилось невинное личико дочери, и она ощутила, как сердце охватывает острый приступ вины. Закрыв лицо руками, она зарыдала. Немного успокоившись, Элен пыталась убедить себя, что все устроится, как только они обоснуются в Польперро. Они будут жить вместе с ее родителями, которых Федерика видела несколько раз, а Хэл лишь однажды. Им непременно понравится Англия, и у них появятся новые друзья. Она благодарила Бога, что всегда говорила с ними на английском, по крайней мере, среди прочих проблем им не придется преодолевать еще и языковой барьер.

Было, должно быть, уже час ночи, когда она по коридору тихо направилась в комнату, где спали дети. Она, крадучись, вошла и посмотрела на их безмятежные мордашки, освещенные тусклым лунным светом. Они спали, даже не подозревая о том землетрясении, которое перевернет их жизни завтра. Она нежно провела рукой по смуглой щеке Хэла и поцеловала его. Он пошевелился и улыбнулся, но не проснулся. Затем она на цыпочках подошла к спящей Федерике, возле которой на туалетном столике стояла магическая шкатулка с бабочкой. Элен взяла шкатулку и стала ее рассматривать, не открывая, чтобы не разбудить их музыкой. Ее сердце сжалось, когда она вспомнила счастливое лицо Федерики, с благодарностью смотревшей на отца и прижимавшей его подарок к груди, как сокровище, не потому, что он был ценным, а потому, что его подарил отец. Внезапно ее охватили угрызения совести. Она не может так с ними поступить, не сможет им сказать о своем решении, не может оставить их без отца. Ощущая необходимость отъезда для себя, Элен вдруг почувствовала неспособность использовать детей в качестве пешек в своей битве с Рамоном.

Всхлипывая, она отправилась по коридору в комнату Рамона, решив поговорить с ним о своих сомнениях. Она хотела сообщить ему, что осознала вдруг, что не в состоянии оторвать своих детей от всего, что было для них знакомо и привычно. Дрожа всем телом и задыхаясь от волнения, с затуманенным от слез взглядом Элен стояла у дверей его спальни, не решаясь войти. Она положила руку на дверную ручку и почти повернула ее, когда вдруг услышала голоса. Удивленная, она затаила дыхание, а прислушавшись, в ужасе отпрянула. Он занимался с кем-то любовью. Она мгновенно узнала его вздохи и услышала тихий шорох простыней. Когда прозвучал низкий удовлетворенный смех женщины, она ощутила, как ее сердце охватила ярость. Ей хотелось ворваться и поймать их на месте преступления, но она боялась Рамона, и так было всегда. Прижав ухо к двери, она попыталась распознать голос женщины. Послышался шепот и затем снова смех. Ее возмутило то, что он посмел заниматься любовью с другой женщиной, находясь под одной крышей со своими детьми. Потом ситуация прояснилась. Этой женщиной могла быть только Эстелла. Тут же она вспомнила их недавний разговор об Эстелле и ее любовнике и выражение гордости, появившееся в тот момент на самоуверенном лице Рамона. Без сомнения, он был доволен собой. Элен едва сдерживала свою злость и разочарование: ведь она была уже почти готова в очередной раз пожертвовать своим счастьем. А теперь стало очевидным, что он не был готов пожертвовать своим — даже ради собственных детей. Осознавая свое поражение, она повернулась и, вытирая слезы боли и унижения, отправилась в свою комнату.

На следующее утро Элен проснулась рано. Неудивительно, что спала она плохо и ее беспокойный неглубокий сон был наполнен тревожными сновидениями, вызванными озабоченным состоянием. Она ворочалась на простынях, сражаясь с последствиями измены мужа. Она была так близка к тому, чтобы поменять свое решение, но теперь уже ничто не

могло его поколебать. Даже его раскаяние. Беззаботный щебет птиц и робкий рассветный свет снова вернули ее в сознание, и она с облегчением подумала, что ночь уже позади. Элен приняла душ и оделась, прежде чем закурить, чтобы придать себе храбрости.

Распахнув окна, она впустила в комнату свежий утренний воздух. Серебристо-серая поверхность моря была гладкой, ритмичный прибой нежно ласкал пологий берег. Это напоминало ей Польшерро, хотя море в Корнуолле совсем другое. Там волны с силой ударялись о береговой песок, который был плотным, как глина, и очень удобным для строительства замков. Запахи ее родины тоже были совсем другими. Там в воздухе пахло соленым озоном, в крупном и влажном песке было полно крабов, а в лужах среди скал резвились шустрые мальчишки. Она погасила наполовину выкуренную сигарету в пепельнице и, глубоко вздохнув, направилась к двери.

Остановившись возле его комнаты, она заколебалась. Голосов не было слышно, но сквозь щелку в двери ее слух уловил довольное сопение удовлетворенных любовников. Припомнив унижительный шок, испытанный в момент своего ночного открытия, Элен решительно повернула дверную ручку и вошла. Рамон лежал на спине. Эстелла свернулась возле него, положив голову ему на грудь. Его рука лежала поверх ее длинных черных волос, которые свободно рассыпались по ее спине. Они были обнаженными, если не считать простыни, которая едва прикрывала их разгоряченные любовью тела. Элен стояла со скрещенными на груди руками, а ее рот превратился в тонкую линию, сжатую горечью. Рамон во сне ощутил ее присутствие и открыл глаза. Он не двигался, а лишь смотрел на нее, будто пытаясь понять, видит ли он ее в своих фантазиях или наяву. Рамон судорожно заморгал. Элен продолжала стоять, глядя на него с нескрываемым отвращением. Тут он осознал, что моргание не помогает избавиться от ее присутствия, и с ужасом понял, что это не сон. Он слегка толкнул Эстеллу, которая блаженствовала в полусне. Он снова толкнул ее, на этот раз более настойчиво. Девушка встревоженно открыла глаза и увидела Элен, стоявшую у кровати. Она задохнулась от ужаса, с воплем слетела с матраса и, проворно собрав свою одежду, выскочила из комнаты, всхлипывая от стыда. Рамон положил руки под голову и уставился на нее.

— Что ты себе позволяешь, Элен? — сказал он таким тоном, будто она несла вину за это вторжение.

Она замотала головой, не веря своим ушам.

— Что значит, я себе позволяю? — зашипела она в бешенстве. — Ты прелюбодействуешь со служанкой под одной крышей с женой и детьми. Ты что, совсем потерял совесть?

— Остынь, Элен, — произнес он менторским тоном. — Мы оба знаем, что от нашего брака остался только клочок бумаги. Ты ведь сама захотела со всем покончить. Лично я этого не хочу. В отличие от тебя я не желаю разрывать нашу семью на части. И какое тебе дело, сплю я со служанкой или с кем-то еще? — Он сел на кровати.

— Меня не интересует, Рамон, кого ты выбрал для адюльтера. Но я надеялась, что у тебя осталась хоть капля порядочности. Твои дети спят в комнате, расположенной в этом же коридоре. Что, если бы Феде приснился какой-нибудь кошмар и она спросонья прибежала бы к тебе? — приводила она свои доводы с горящими от возмущения глазами.

— Она этого не сделала, — спокойно произнес он.

— Спасибо Господу.

— Послушай, это ведь было твое решение оставить меня и забрать их в Англию, —

напомнил он, повышая голос.

— Только потому, что мы тебе больше не нужны, — парировала она, почти выкрикивая слова от расстройства. — Ты сам говорил, что в ту самую минуту, когда возвращаешься домой, у тебя возникает желание снова уехать. Как после этого мы должны себя чувствовать? Мы уже не семья, и ты это прекрасно знаешь. — Ей хотелось, чтобы он возражал, что все не так, что он хочет попробовать начать все сначала, но он лишь прищурил свои холодные темные глаза и равнодушно смотрел на нее.

— Ладно, мы уже это обсуждали, — произнес он и зевнул. — Сегодня мы, как и договорились, скажем обо всем детям, и ты можешь уезжать, как только будешь готова. Я не собираюсь тебя задерживать.

— Конечно нет, потому что задерживать меня не входит в твои планы. Я предоставляю тебе свободу. Полную свободу, — сообщила она. — Теперь тебе уже никогда больше не понадобится возвращаться домой.

В течение короткой паузы, пока они смотрели друг на друга со все возрастающим отвращением, под дверью неожиданно раздались громкие и надрывные всхлипывания Федерики. Элен ощутила приступ удушья, а Рамон побелел.

— О Боже, — прошептал он, вскочил и, натянув брюки, кинулся к двери. Они оба одновременно открыли ее и обнаружили дочь, которая, съезжившись и дрожа, сидела на полу. Она слышала все. Оказалось, что Эстелла, рыдая, пробежала мимо ее комнаты, разбудила ее и в панике послала в комнату матери. Обнаружив, что мать отсутствует, она отправилась к отцу именно в тот момент, когда началась их перебранка, и прекрасно поняла, что происходит.

— Феде, дорогая, — успокаивающим тоном сказала Элен, приседая и обнимая ее. — Все в порядке. Просто мы с папой немного поспорили.

— Мы вовсе не собираемся делать то, о чем сказали, — добавил Рамон, пытаясь забрать дочь из рук ее матери.

— Пожалуйста, Рамон, оставь нас в покое, — неожиданно произнесла Элен голосом, в котором зазвенела сталь. Рамон удивленно отшатнулся, пораженный ее тоном. Он беспомощно наблюдал, как жена взяла Федерику на руки и понесла по коридору в свою комнату. Там она заперла дверь, чтобы он не мог войти. Внезапно его накрыла грандиозная волна одиночества. Он побрел к себе и присел на кровать. Он не знал, что делать дальше. Его грудь сжимало чувство вины и раскаяния. Он уткнулся лицом в ладони и заплакал.

Элен сидела на кровати вместе с рыдающей Федерикой, прижавшейся к ней в приступе отчаяния. Она крепко обняла дочь и, пытаясь успокоить, нежно укачивала ее, целуя залитое слезами личико и поглаживая ее длинные волосы. Сердце Элен было разбито при виде страданий ребенка, и она почувствовала, что негодование по отношению к мужу переполняет ее, как разлившаяся желчь.

— Все хорошо, Феде. Папа очень любит тебя, — говорила она. — Мы оба очень тебя любим.

— Мы больше не нужны папе, — всхлипнула Федерика. — Если бы он нуждался в нас, то не находился бы постоянно в отъезде. — Элен захотелось застрелить мужа за ту боль, которую он причинял своим детям. Они были невинными жертвами мира взрослых и еще слишком малы, чтобы принять его жестокие законы.

— Мы нужны папе. По крайней мере ты и Хэл. Он так любит вас двоих. Именно поэтому мы с ним так несчастливы. Потому, что ему нужны вы с Хэлом, но, к сожалению, не

нужна я.

— Значит, ты больше не любишь папу?

— Все не так просто, дорогая, — сказала Элен, пытаясь смягчить удар. — Папа много путешествует, но не потому, что не хочет оставаться с нами. Это его работа, и он должен ее делать. Ты ведь помнишь все те чудесные истории, которые он тебе рассказывает? — Федерика кивнула. — Так вот, он не смог бы тебе их рассказывать, если бы не ездил во все эти таинственные места, разбросанные по всему миру. Он возвратился полный впечатлений и сюжетов фантастических приключений, чтобы поделиться ими с тобой, и специально для тебя привез эту волшебную шкатулку. Если бы он не любил тебя, то не сделал бы такой прекрасный подарок. Просто мама и папа больше не хотят быть вместе. Это совершенно не относится к вам с Хэлом. Это касается нас с папой и только нас. Ты меня понимаешь? — Федерика молча кивнула. — А сейчас мы отправляемся в путешествие. Ты, я и Хэл, — добавила она, стараясь говорить с воодушевлением.

— В Англию, — хмуро сказала Федерика.

Элен содрогнулась, получив доказательство того, что дочь слышала их разговор полностью.

— Да, в Англию, — подтвердила она. — Тебе очень понравится эта страна. Мы будем жить в прекрасном городе у самого моря. Там над берегом летают большие красивые чайки, а среди скал полно крабов и креветок. Ты сможешь рыбачить с дедушкой, а бабушка поедет с тобой на ярмарку. Там есть много разрушенных замков, которые можно исследовать, и тебя ждут новые друзья.

— А я когда-нибудь еще увижу Абуэлито и Абуэлиту? — спросила девочка упавшим голосом.

— Конечно, увидишь. И они, и папа будут приезжать и навещать нас. Но только у нас будет другой дом, а мы будем разговаривать не на испанском, а на английском языке. Мы будем жить с бабушкой и дедушкой, так что они постоянно будут с нами.

— А я могу взять с собой шкатулку с бабочкой?

— Ну конечно можешь, дорогая. Ты можешь взять все, что только захочешь.

— Я больше не увижу Расту, — сказала она растерянно. — Кто же будет с ним гулять?

— Кто-нибудь найдется. Не беспокойся.

— Но он снова начнет лаять.

— Возможно, мы купим тебе собственную собаку. Как ты на это смотришь? — предложила Элен, в отчаянии готовая ради своего ребенка пойти даже на такую жертву.

Федерика села и рукой вытерла нос. Ее глаза широко раскрылись от возбуждения.

— Я смогу иметь свою собственную собаку? — спросила она. Теперь упоминание об Англии не казалось ее таким уж плохим.

— Да. У тебя будет собственная собака, — подтвердила Элен, чувствуя облегчение при виде снова улыбающейся Федерики.

— Когда мы едем в Англию? — спросила та.

— Как только дома упакуем все вещи.

— Могу я пойти и сказать Абуэлите, что у меня будет своя собака? — спросила она, сползая с колен матери.

— Я пойду с тобой. Но только вначале оденься и разбуди Хэла.

Когда Рамон вышел на террасу, Элен, Федерика, Хэл и его родители уже завтракали за

столом. Его взгляд перескакивал с одного из присутствующих на другого, поскольку он предполагал, что жена все им рассказала. Федерика настороженно следила за ним из-за чашки с шоколадным молоком. Хэл, как обычно, болтал, будто ничего не случилось. Рамон сел возле матери и стал ждать, пока кто-нибудь не заговорит.

— Феде сказала мне, что, когда она приедет в Англию, у нее будет собственная собака, — сообщила Мариана, улыбнувшись, хотя в ее глазах застыло напряжение. Стоило ей только представить, как они уезжают, ее зрение затуманивалось страданием.

— Вот как, Феде? Это превосходно, — произнес он как ни в чем не бывало. — Как ты собираешься ее назвать?

— Раста, — ответила она, не глядя в его сторону. Рамон ощутил укол в сердце.

— А почему у меня не будет собаки? — Глядя на мать, Хэл захныкал.

— Ты тоже сможешь играть с Растой, — сказала та устало, стараясь, чтобы ее голос звучал радостно, но единственное, что ей сейчас хотелось сделать, — это спрятаться и вволю поплакать.

— Я хочу кролика, — заявил Хэл. — В Англии есть кролики?

— Если у тебя появится кролик, то Раста может его съесть, Хэл, — беззлобно сообщила Федерика.

— Лидия не любит собак, так что Феде придется оставить Расту в Англии, когда мы возвратимся, — сказал Хэл, взяв свою кружку обеими руками и принимаясь за шоколадное молоко.

Рамон и Элен встретились взглядами и надолго застыли, беспомощно глядя друг на друга. У Элен не хватило храбрости сказать Хэлу, что они уже никогда не вернутся обратно.

Когда на террасе появилась Эстелла, бледная и пристыженная, Рамон понял, что Элен никому не рассказала о его измене, поскольку Мариана прокомментировала ее появление с тем же любопытством, которое она продемонстрировала накануне.

— О Боже. Похоже, что у Эстеллы начались боевые действия с любовником. Что-то она выглядит не очень счастливой, — отметила она, потягивая свой кофе.

— Ничего, переживет, — равнодушным тоном произнес Игнасио.

— Конечно, переживет — согласилась Элен, не глядя на Рамона. — Некоторые мужчины совершенно не стоят слез, — едко добавила она.

Эстелла вернулась в кухню и снова ударилась в слезы стыда и жалости к себе. Она вспомнила лицо сеньоры Элен, искаженное яростью, и то, как та неподвижно, как изваяние Девы Марии, стояла у кровати. Дон Рамон теперь больше никогда не станет с ней общаться. Все в воле небес, но сейчас Бог точно наказал ее. Она просила всего одну ночь, а получила гораздо больше. Но этого оказалось недостаточно. Она полюбила его, зная, что не должна была этого делать. Он не был человеком из ее мира, а классовые различия между ними были столь же велики, как и суровы. Но ее сердце не знало границ и томилось без него.

После завтрака Элен попыталась предложить Федерике поиграть с Хэлом, но все, что малышке сейчас хотелось, — это свернуться клубочком на коленях у матери и пососать свой большой палец, что она перестала делать уже давным-давно. Элен собиралась поговорить с Марианой и рассказать ей о том, что Федерике уже сообщили, что она теперь будет жить в Англии. Именно после этого Федерика ворвалась к старикам с вестью о будущей собаке.

Рамон предложил Федерике сходить на берег, поплавать, но та, держа волшебную

шкатулку у груди, только теснее прижалась к матери. Рамон ощутил, как летит с пьедестала в бездну... Для мужского разговора с ним отправился Игнасио. Поскольку Элен сообщила им то же, что и Федерике, то Рамон не стал посвящать отца в дальнейшие подробности. Он не желал выставлять себя в невыгодном свете. Родителям вовсе не было нужды знать больше.

Федерика помогала матери упаковывать одежду, а Хэл развлекался тем, что выбрасывал обратно все, что они складывали в чемоданы. Федерика собиралась сама нести свою шкатулку, поскольку не хотела, чтобы та затерялась среди вещей и рождественских подарков. Рамон поспешно кинулся в кухню в поисках Эстеллы. Он знал, что у него осталось мало времени перед отъездом, и не хотел, чтобы его снова поймали на месте преступления. Он слонялся по дому, делая вид, что разыскивает фотоаппарат. Наконец он обнаружил служанку в ее комнате, рыдающую, уткнувшись в полотняный кружевной *пануэло*, сделанный для нее бабушкой. Когда он появился в дверном проеме, она всхлипнула и попросила его уйти. Но Рамон был не так прост, чтобы поверить, что она хочет именно этого. Он присел возле нее и обхватил ее заплаканное лицо своими грубыми руками.

— Я не брошу тебя, — сказал он. — Я вернусь за тобой, обещаю.

Она замерла от неожиданности. Ее искренние карие глаза глядели на него в изумлении.

— Но ведь мне придется уйти, — запинаясь, произнесла она.

— Почему? Элен ничего не рассказала моим родителям. Они решили, что ты поссорилась с любовником, — сообщил он. — Элен с детьми уезжает в Англию, а я потом приеду за тобой.

Она трепетно обняла его в порыве благодарности.

— Спасибо вам, дон Рамон, — прошептала она и всхлипнула у него на шее.

— Ради бога, зови меня просто Рамон. — Он засмеялся. — Я полагаю, что мы теперь достаточно близки, чтобы отбросить эти глупые формальности.

— Рамон, — выдохнула она. Звучание его имени так понравилось ей, что она снова произнесла: — Рамон.

Он прикоснулся к ее взволнованному лицу ладонью и прижался губами к ее губам, вдыхая в себя розовый аромат ее кожи и ощущая соленый вкус ее слез.

— Жди меня, Эстелла. Я вернусь, обещаю. — Он встал и оставил ее, предоставив возможность снова всплакнуть в свой *пануэло*.

Но теперь это были уже не слезы печали, а слезы надежды.

Мариана и Игнасио обнимали детей, испытывая горечь разлуки и не уверенные в том, что когда-нибудь увидят их снова. Подавляя в себе чувство обиды, они обняли и свою сноху, пожелав ей благополучного путешествия в Англию. Мариана втайне обвиняла ее за разрыв брака, вопреки здравому смыслу, который говорил ей, что Рамона следует осуждать в гораздо большей степени. Но, поскольку ей казалось неестественным обвинять в случившемся родного сына, то следовало найти для этого кого-то еще. Она поцеловала Рамона с любовью, которая была безграничной и намеренно слепой. Игнасио не был так прост. Он заранее предчувствовал, что это может случиться. Теперь, когда все именно так и произошло, он был глубоко огорчен, но подходил к происходящему вполне реалистично. Он обнял Рамона и пожелал им обоим добра.

— Не позволяй им исчезнуть из твоей жизни, Рамон. Ты им нужен, — это все, что он сказал, прежде чем его сын уселся в автомобиль. Старые и печальные глаза Игнасио и Марианы следили за дорогой до тех пор, пока перед ними не осталось только облако

дорожной пыли, поднятой колесами машины, а в их сердцах не застыла давящая печаль.

Эстелла отпрянула от окна, боясь, что ее могут увидеть, и возвратилась в кухню. Она принялась нарезать овощи и ждать, как ей и было сказано.

Федерика молча сидела на заднем сиденье. Ей хотелось плакать, но она понимала, что это будет слишком большим испытанием для матери. Поэтому она проглотила комок в горле и напрягла шею, чтобы не пролить слезы. Она посмотрела на брата, который быстро забыл о внезапной перемене, едва не разрушившей их жизнь. Она помнила каждое слово, произнесенное во время ссоры родителей, и гадала, правда ли то, что она уже не нужна отцу. Несмотря на ее героические попытки, крупная слеза все же предательски скатилась по щеке. Она поспешно вытерла ее, прежде чем кто-либо смог это заметить. Затем она открыла шкатулку и в приступе отчаяния попыталась разыскать в ее магическом сиянии любовь своего отца.

Последующие несколько дней пролетели в состоянии суматошной неопределенности. В то время как Элен паковала необходимые ей и детям вещи, Рамон брал Хэла и Федерику на длительные прогулки по берегу вместе с Растой в Калле Вальпараисо, чтобы полакомиться сэндвичами с *пальта* и соком. Внешне все, как и прежде, казалось нормальным, но под гладкой поверхностью происходящего бушевали тревожные волны.

В ту ночь, когда они вернулись, Федерика проснулась с плачем. Когда мать бросилась к ней, то обнаружила, что дочь промочила свою постель. Она обняла ребенка, целуя ее влажные щеки и уверяя, что все хорошо и что такое иногда случается даже со взрослыми. Федерика не понимала, что происходит, и от стыда спрятала лицо на груди матери. Но для Элен ситуация была совершенно понятной, и ей оставалось только надеяться, что в Польперро все изменится. Она могла бы взять Федерику к себе в постель, если бы нейтральное пространство между ней и Рамоном уже не оккупировал Хэл. С хныканьем он пришел в комнату родителей, сообщив, что ему приснился кошмар. Однако у Элен не вызывало сомнений то, что его страшный сон — это не что иное, как симптом, такой же, как недержание у Федерики, симптом того стресса, который обрушился на детей из-за разрыва отношений родителей. И винить в этом взрослые могли только себя.

Рамону снилась Эстелла, и проснувшись, он думал о ней. Только благодаря Эстелле он смог перенести те болезненные несколько дней, которые прошли со времени их приезда. Это были томительные дни, основными событиями которых была упаковка всех вещей в доме и общение с агентами по недвижимости, чтобы выставить его на продажу, и с транспортными агентами, чтобы обеспечить путешествие Элен и детей в Европу. Он мечтал снова очутиться в пути, почувствовать себя свободным от той турбулентности, которую Элен внесла в их жизнь. Ему нужно будет купить квартиру в Сантьяго, что-нибудь в качестве базы только для себя одного, куда он мог бы приезжать и уезжать без всяких пояснений. Он, безусловно, позаботился о переводе в Англию денег в количестве, достаточном для их безбедной жизни. Элен следовало бы испытывать благодарность, поскольку его предложение было щедрым и даже более чем щедрым, но она не ощущала ничего, кроме горечи. Рамон обнаружил, что ему легко покупать привязанность людей, лишь бы для этого не приходилось тратить свое время или изменять своим привычкам. Она приняла его деньги, поскольку должна была сделать это ради детей, но в ее глазах явственно читалось то, что она с огромным удовольствием предпочла бы швырнуть их ему в лицо.

Федерика свернулась в клубочек. Свет от уличного фонаря заливал ее комнату оранжевым мерцанием, придавая девочке уверенности. Он позволял ей ощущать себя в большей безопасности, но не более того. Она прижала колени к груди и сосала большой палец. За последние десять минут она уже дважды бегала в туалет. Не потому, что хотелось, а потому, что она боялась снова намочить постель. Отец заходил к ней перед сном и даже рассказал ей историю об одном из своих приключений. Она слушала, как обычно, сидя у него на колене, но, когда он поцеловал ее и пожелал спокойной ночи, она обнаружила, что этого слишком мало. Ей хотелось больше поцелуев и больше объятий. Когда отец вышел из ее комнаты, Федерика почувствовала себя обделенной, будто он уже не любил ее так, как раньше. Она уже не ощущала его заботы и не испытывала столь приятного состояния

безопасности и защищенности. А ей так необходимо было чувствовать себя нужной. Малышке захотелось, чтобы хотя бы мать обняла ее и прижала к своей груди. Она лежала в постели без сна, обдумывая, как бы объяснить свое появление в их комнате среди ночи. Кошмар был оправданием для Хэла, так что ей пришлось придумать нечто иное. Самое убедительное, что пришло ей в голову, — сказаться больной. Мать проявила сочувствие и позволила ей спать в их постели и на следующую ночь, но на третью ночь у Хэла снова был кошмар, так что ее быстро вернули в свою комнату, где она пыталась заставить себя заснуть. Федерика была напугана перспективой отъезда в Англию и не хотела покидать Вина дель Мар, Чили, Абуэлито с Абуэлитой. Ей совсем не хотелось менять свою привычную жизнь. Самым большим ее желанием было то, чтобы мама и папа снова стали друзьями. Но, несмотря на все их показные попытки, она знала, что они уже не любят друг друга. Она слышала это своими ушами.

Наконец наступил день отъезда. С мрачными лицами они смотрели, как Рамон загружает в машину их чемоданы. Федерика не смогла сдержать рыданий. Она не хотела расставаться с отцом и не знала, когда сможет снова его увидеть. В Вине она была рада ждать его сколько угодно, потому что это был его дом, куда он неизменно возвращался после длительных отлучек. Но теперь их новый Дом уже не будет его домом.

Он поднял ее в своих сильных руках и крепко держал, целуя в лицо.

— Папа любит тебя, Феде. Папа очень тебя любит. Помни это, *ми амор*. Папа всегда будет любить тебя, даже если его нет рядом с тобой. Когда светит солнце и ты ощущаешь тепло его лучей, помни, что это любовь папы. Ты понимаешь? — Федерика кивнула, слишком подавленная, чтобы отвечать. Она не хотела, чтобы он позволил ей уехать. Но он позволил. Они должны были успеть на самолет, и их уже ожидало такси до Сантьяго.

Элен полагала, что прощание с отцом дома, а не в аэропорту, пройдет для детей менее болезненно. Он взял на руки сына, который не вполне понимал суть происходящего, и поцеловал его пухлую мордашку.

— Папа тебя тоже любит, Хэл. Ты будешь добр к маме, правда? — сказал он сдавленным голосом и закрыл глаза, погрузив лицо в блестящие черные волосы сына.

Федерика вцепилась в шкатулку и помахала отцу, одиноко стоящему на дороге, словно великан, и пытающемуся криво улыбаться и неуклюже махать в ответ рукой. Она повернулась, чтобы посмотреть в заднее окно автомобиля, и махала до тех пор, пока они не свернули за угол и он исчез из виду. Потом она прижалась к окну, глядя, как мимо пролетают дома, и молча погрузилась в свои печальные мысли. Она ощущала себя так, как будто внутри у нее все вырвали, оставив зияющую пустоту, которую мог заполнить только ее отец. Всю дорогу в аэропорт она с тревогой вспоминала Расту. Ее беспокоило, что теперь никто не будет с ним гулять и он снова начнет лаять от полнейшей тоски и отчаяния. Только когда они оказались в самолете, Федерика отвлеклась и перестала плакать. Она никогда раньше не летала, и это новое ощущение захватило и взволновало ее. Когда они мчались по взлетной полосе, она взяла мать за руку. Элен улыбнулась и прижала дочку к себе.

Как только в салоне притушили свет, Хэл с Федерикой заснули в своих креслах. Элен вспомнила события последних нескольких дней и с облегчением вздохнула оттого, что они уже прошли. В Англии она начнет новую жизнь, оставив воспоминания о Чили и о Рамоне где-то позади. Она ощущала полный упадок сил и эмоциональную опустошенность. Припомнив телефонный разговор со своей матерью, она почувствовала, как ее сонные глаза наполняются слезами. Элен была так озабочена, разыгрывая спектакль перед детьми, что не

позволяла себе роскоши вдоволь поплакать. Сейчас, когда они спали, она беззвучно рыдала, ощущая, как напряжение медленно покидает ее тело, шею и подбородок. Голос матери заставил ее затрепетать от стремления побыстрее оказаться дома. А вспомнив неразборчивые слова отца, она внезапно больше всего на свете захотела побежать к ним, как она делала это ребенком, и позволить им успокоить себя теплыми словами и своим всееляющим уверенностью присутствием. Они были расстроены, услышав, что Элен уходит от мужа, но рады, что она с детьми возвращается домой.

В свое время Джейку и Полли Требека пришлось лишь беспомощно смириться с тем, что их дочь вышла замуж и отправилась жить на другой конец земли. Им обоим нравился Рамон, несмотря на значительную разницу в их среде и культуре, мешавшую им понимать его. Да у них, собственно, никогда и не было времени, чтобы хорошо его узнать. Они предпочли бы для своей дочери какого-нибудь приличного жителя Корнуолла, но Элен была полностью поглощена Рамоном с того самого момента, когда впервые с ним встретилась. При первом же проявлении его чувств к ней она готова была последовать, как тень, за предметом своего обожания, куда бы он ни отправлялся. Конечно, Полли знала об их проблемах и полностью возлагала вину за разрушение брака на Рамона. У нее с самого начала были свои аргументы против их союза. Этот мужчина был из другого мира, он был вечным странником, и все оставалось прекрасно, пока их было двое, но наступил момент, когда Элен захотела иметь семью. Рамон всегда оставался эгоистом. Весь мир вращался вокруг него одного, и Полли сомневалась, что он может когда-нибудь измениться. Сейчас все было кончено. Джейк и Полли были расстроены, но рассуждали здраво. Элен еще молода — ей только тридцать лет, и впереди у нее море времени, чтобы найти хорошего, добропорядочного мужчину из местных, который смог бы о ней позаботиться так, как она этого заслуживала. Рамон оказался ошибкой, но он уже остался в прошлом.

Получив это одновременно печальное и радостное известие, Полли немедленно занялась приготовлениями к их приезду. Она проводила долгие часы, размышляя, захотят ли Хэл и Федерика делить одно помещение или предпочтут отдельные комнаты. В доме было достаточно места для всех. Наконец после обсуждения с мужем она выбрала второй вариант с двумя кроватями в каждой из комнат, так что они могли объединиться, если бы вдруг ощутили себя одинокими. Она проветрила прежнюю спальню Элен, в которой вся ее одежда и безделушки были аккуратно упакованы и спрятаны в шкафы. Она сохранила все оставшиеся вещи дочери в целости, поскольку в ее сознании эта комната навсегда была комнатой Элен.

Рамон шагал по берегу и впервые в жизни ощущал острый приступ беспокойства. Наступил вечер, и он был в одиночестве. Он даже не смог взять на прогулку Расту, поскольку без Федерики в этом не было смысла. Поэтому он прошагал мимо маленькой собачьей тюрьмы, глядя в другую сторону и игнорируя возбужденное повизгивание и хриплый лай пса. Его сердце охватила боль раскаяния и ненависти к самому себе. Тем не менее он не пожелал изменить свой образ жизни, как просила его Элен. Он даже не захотел сделать попытку. Он окунулся в переживания обрушившихся на него невзгод, усиленные естественной меланхолией угасающего дня. Обратив усталый взгляд на море, он попытался представить их новый дом в Англии, вспоминая Польперро и подробности своей первой встречи с Элен.

Рамон сидел на песке, положив локти на колени, и смотрел на покрытую зыбью поверхность Тихого океана, раскинувшегося перед ним, дикого и свободного. Он очень любил море и отправлялся туда, куда забрасывали его волны воображения. Это были дни, когда он был молод, склонен к авантюризму и ощущал себя бессмертным. Он мог делать все, что только приходило ему в голову. И он путешествовал, иногда засыпая под сенью звезд, а иногда отправляясь в плавание с людьми, у которых хватало смелости взять его на борт. Он родился и вырос в привилегированном обществе, хотя деньги никогда не имели для него особого значения. Находясь в пути, он всегда был счастлив. Поначалу он писал поэмы, которые публиковал приятель отца, имевший небольшую издательскую фирму в Сантьяго. Вид впервые изданного собственного произведения, выставленного в витрине книжного магазина, с его именем, напечатанным на обложке большими буквами, вызвал у него необычайное возбуждение и энтузиазм. Но сама по себе популярность не слишком волновала его, — он предпочитал исследовать неизведанный мир. Затем, вдохновленный своими приключениями и собственным богатым воображением, он написал серию коротких рассказов. После этого его начали узнавать в Чили, а его книги стали популярными и продавались по всей стране. Его портреты замелькали в «Эль Меркурио» и «Ла Эстрелле», а также над заголовками статей, которые он писал для разных журналов, таких как «Гео Чили». И вот тогда Рамона охватило ненасытное желание творить, и ничто уже не способно было удержать его на месте. Он появлялся в Чили только для того, чтобы увидеться с родственниками, а затем снова исчезал.

Когда Рамон впервые встретился с Элен, он был занят написанием очерка об исторических памятниках Корнуолла для «Нэшэнэл Джиографик». На эту работу его вдохновила встреча с бывалым старым моряком, который вырос в Сент-Иве, служил в военно-морском флоте и закончил свою карьеру в Вальпараисо. Тот рассказал ему чудесную легенду о земле короля Артура, и Рамон был охвачен желанием увидеть эти мифические края своими глазами. Действительность оправдала его ожидания. Деревни и города казались погруженными в прошлое, будто современный мир еще не принял их в объятия цивилизации. Дома были выбелены временем и разбросаны по покрытым густой зеленью древним холмам, резко сбегаящим к морю. Заливы состояли из отдельных маленьких бухт среди скал, наполненных призраками контрабандистов и жертв кораблекрушений. Дороги представляли собой узкие, продуваемые ветрами тропы с высокими изгородями, заросшими дикой петрушкой и высокими травами. Он был просто очарован увиденным, но, если бы не

Элен, знакомство с этой страной мифов оказалось бы лишь поверхностным.

Когда Рамон впервые увидел ее, Элен Требека сидела на пристани в Польперро. Она была стройной, беззаботной, с длинными волнистыми волосами необычного пепельного цвета, чем сразу же привлекла к себе внимание Рамона. Он присел и стал наблюдать за ней, делая мысленные зарисовки, чтобы затем включить ее как прототип персонажа в один из своих рассказов. В своих творческих фантазиях он представлял ее внучкой контрабандиста с необузданной натурой, бунтарскими наклонностями и стремлением делать все, что ей только захочется, и, следует заметить, что он почти не ошибся. Она обернулась, почувствовав на себе чье-то пристальное внимание, и с вызовом посмотрела на него. Не желая обидеть ее, он подошел и присел рядом, так что их ноги свисали с пирса, почти касаясь друг друга.

— Вы прекрасны, как русалка, — начал он, искренне улыбаясь, чем изрядно удивил ее. Англичане никогда не были настолько поэтичны или отважны, а большинство мужчин, с которыми она была знакома, попросту побаивались ее.

— Мне придется разочаровать вас, поскольку у меня ноги, а не плавники, — произнесла она, игриво улыбнувшись ему в ответ.

— Да, я вижу. Это несколько практичнее, насколько я могу судить.

— Откуда вы приехали? — спросила она. Он говорил с сильным акцентом, а его черные волосы и смуглая кожа были для нее такой же редкостью, как и его кожаные мокасины.

— Я из Чили, — сообщил он.

— А где это?

— В Южной Америке.

— О!

— За пределами Польперро тоже живут люди, знаете ли, — поддразнил он.

— Я догадываюсь, — саркастически заметила она, не желая, чтобы он принял ее за провинциалку. — Но что вы делаете здесь, в нашем маленьком городке? — задала она вопрос, не в силах скрыть своего любопытства.

— Пишу статью о Корнуолле для журнала, — сообщил он.

— И вам нравится?

— Что, Корнуолл?

— Да.

— Пока очень нравится.

— Где вам удалось побывать? — спросила она с хитрой улыбкой, поскольку прекрасно знала, что он не видел тех тайных мест, которые нельзя найти в путеводителях. Он перечислил окрестности, которые успел посетить, и рассказал кое-какие услышанные там истории.

— А знаете, мой дедушка был контрабандистом.

— Контрабандистом? — Он рассмеялся, мысленно похвалив себя за исключительную интуицию.

— Контрабандистом, — повторила она.

— А что он перевозил контрабандой?

— Бренди и табак — нечто в этом роде. Обычно они доставляли товар повозками в Бодвин Мур, где его можно было надежно спрятать, а потом продавали в Лондоне с огромным барышом.

— Правда?

— Да. Это как раз то, о чем вам следует упомянуть в своей статье. Все уже устали от описания времен короля Артура. Почему бы вам не опубликовать что-нибудь оригинальное?

— Хорошо, я...

— Я могу показать вам те самые тайники в пещерах и бухтах, а папа посвятит вас в более тонкие подробности, — произнесла она импульсивно. Рамон подумал, что это весьма неплохая идея. Если даже история о контрабандистах и не сработает, у него окажется достаточно времени, чтобы узнать поближе эту девушку с интригующим характером, которая сделала ему столь заманчивое предложение. Она не походила на девиц, которых он встречал раньше, и выглядела искренней и уверенной в себе.

— Ну что ж, я не в силах отказаться от такого предложения, — ответил он, пораженный ее достаточно дерзкими манерами, резко противоречащими почти ангельской внешности.

Джейк и Полли Требека были шокированы, когда Элен, прибежав на ужин, сообщила им, что обзавелась новым другом, писателем откуда-то из Южной Америки, которому она хочет показать все достопримечательности, связанные с контрабандистами.

— Тебе не следует общаться с незнакомцами, Элен. Ты ведь ничего о нем не знаешь, — строго произнес Джейк, аккуратно навешивая миниатюрную дверцу на модель корабля, которую он мастерил.

— Он может оказаться убийцей, — добавила Полли таким тоном, будто убийцы слоняются повсюду толпами. Она сняла с плиты дымящуюся овощную лазанью и поставила ее на стол. — Куда, черт побери, подевался твой братец? Тоби! — закричала она. — Тоби!

— Мам! Он вовсе не убийца, — запротестовала Элен.

— Ты узнаешь правду, когда будет уже слишком поздно. — Мать от всей души посмеялась над собственной шуткой, вытирая влажные руки о свою шерстяную юбку.

Полли была крупной женщиной, не толстой, но ширококостной и сильной. Она считала диеты глупостью, а времяпрепровождение перед зеркалом — бессмысленным занятием. По сравнению с мужем она напоминала величественный галеон, за которым следует грубое рыбацкое судно. При этом Джейка вовсе нельзя было назвать слабаком — он был невысок ростом, но в драке мог уложить любого, кто посмел бы его оскорбить. Они казались странной парой, но безмерно любили друг друга и имели не только общие привычки, но и единое мнение по всем вопросам. У Джейка было преуспевающее столярное производство, а Полли занималась домом, воспитывала детей и ухаживала за своими цветочными клумбами. Они были людьми зажиточными, но не богатыми. «Зачем мне много денег? — говорил Джейк. — Я ведь не могу взять их с собой в могилу, когда умру, не так ли?»

Тоби спустился по лестнице, и громкий топот его ног по дереву, казалось, сотрясал весь дом.

— А что у нас на ланч, мама? — спросил он, вдыхая густой аромат фирменного блюда матери.

— Овощная лазанья, — бодро сообщила она, ставя на стол кувшин с водой.

— Моя любимая, — обрадовался он. Джейк всегда говорил, что у Тоби, должно быть, дырки в пятках, поскольку тот имел невероятный аппетит, но при этом никак не мог набрать должный вес. Он был стройным и гибким, как каучуковое дерево, с черными цыганскими волосами отца и великолепным чувством юмора, унаследованным от матери. Но, когда дело доходило до еды, его способности намного превосходили возможности обоих родителей, вместе взятых.

— Джейк, неужели ты не можешь закончить с этим после ланча? — раздраженно произнесла Полли. — Я никак не могу взять в толк, зачем нам еще одна модель корабля. — Она вздохнула, пробегая взглядом по шеренгам расставленных повсюду моделей, занимавших все поверхности и придававших комнате сходство с магазином игрушек.

— Что, если я приведу его сюда, чтобы вы смогли сами сделать нужные выводы? — настаивала Элен.

— Привести сюда — кого? — спросил Тоби, накладывая себе щедрую порцию лазаньи.

— Элен в Польперро встретила мужчину, который хочет, чтобы она показала ему все старые норы контрабандистов, а он использует этот материал для статьи, которую пишет, — пояснил Джейк.

— Вот как? — воскликнул Тоби. — Ну и дела.

— Но он действительно пишет статью, — продолжала свою линию Элен.

— Да ну. А ты ее видела? — спросил Тоби.

Она скорчила ему рожицу.

— Конечно нет, болван. Она ведь еще не написана.

— Ладно, ладно. Вы двое, хватит спорить, — произнесла Полли таким тоном, будто она говорила с парой драчливых собачонок. — Скажи ему, чтобы зашел к нам на чай, и тогда мы сможем оценить его по достоинству. — Элен победно улыбнулась.

— Сколько ему лет, Элен? — серьезным тоном спросил Джейк, отодвигая стул и присоединяясь к семье, сидевшей за столом.

— От двадцати пяти до тридцати лет, — ответила она и пожала плечами, поскольку в точности этого не знала. У него была солидная щетина на лице, длинные волосы, крепкое телосложение и настолько уверенное поведение, что в действительности он мог быть любого возраста — от двадцати пяти до сорока лет.

— И он путешествует в одиночестве? — спросил отец, пережевывая свою еду. — Полли, эта лазанья действительно очень хороша, — добавил он, в то время как его жена тоже села за стол и положила себе в тарелку то, что осталось.

— Похоже, что так, — сказала Элен.

— В свои восемнадцать ты считаешь себя слишком взрослой женщиной, но когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, мне всегда нужна была компаньонка.

— Зачем тебе компаньонка, мама, если ты можешь одним движением руки отправить в нокаут самого сильного из мужчин? — неуважительно захихикал Тоби.

Как и было договорено, Рамон встретил Элен у стены порта. Она смущенно сообщила ему, что будет вынуждена представить его родителям, прежде чем они разрешат ей отправиться с ним куда бы то ни было.

— Моя мама решила, что вы убийца, — сказала она и вздохнула.

— Ну, никогда не следует быть в чем-то слишком уверенным.

— Вы приехали из далекой страны. Откуда нам знать, быть может, вы вообще каннибал. — Она рассмеялась.

— Если бы это было так, то, думаю, вы оказались бы восхитительны на вкус.

Она сдержанно засмеялась, но не опустила глаз и не покраснела. Ее голубые глаза спокойно и оценивающе смотрели на него.

— Вы так думаете? — высокомерно спросила она. Он кивнул и улыбнулся. Ее заносчивость удивила Рамона, хотя он был уверен, что она носит сугубо демонстративный

характер. — Хорошо, тогда, полагаю, нам лучше пойти и встретиться с моими родителями. Мы живем в ближнем пригороде Польшерро, так что вы можете отправиться туда на велосипеде, как я, или пешком.

— Я найду велосипед, — заверил он. — Мы поедем вместе.

Они преодолели холм, ведущий из Польшерро, оставив позади сонный порт и выбеленные коттеджи, выстроившиеся на склонах холма, как кукольные домики. Стоял погожий летний день, над морем парили чайки, используя малейшие порывы соленого бриза, а над зарослями дикой петрушки трудолюбиво гудели пчелы. По дороге Рамон успел немного рассказать ей о Чили и о своем опубликованном сборнике рассказов. Когда он сообщил, что является достаточно известным писателем, она не поверила, возразив, что никогда о нем не слышала.

— Что ж, если вы приедете в Чили, то непременно услышите обо мне, — парировал он.

— Но зачем мне понадобится ездить в Чили? — спросила она.

— Потому что это прекрасная страна, а такой девушке, как вы, обязательно нужно повидать мир, — искренне ответил он.

— Когда-нибудь я увижу мир, ведь мне всего восемнадцать.

— У вас еще в запасе целый океан времени.

— И множество более важных мест, которые следует посетить в первую очередь, — сказала она.

Рамон рассмеялся и кивнул. Его внезапно охватило желание поцеловать ее, но он продолжал усердно крутить педали, подумав, что для этого будет достаточно времени позже.

Дом Элен оказался прелестным белым строением, стены и даже серая черепичная крыша которого были почти скрыты ломоносами ^[3], раскинувшими свои ползучие ветви, как щупальца цветочного осьминога. Рамон заметил стайку голубей, круживших над трубой дымохода и следивших за ними с высоты своего полета блестящими черными глазами.

— Вот, он не очень большой, но это мой дом, — с гордостью сказала Элен, соскакивая с велосипеда и прислоняя его к стене. — Ставьте свою машину сюда, — добавила она, глядя на него озорным взглядом.

Полли Требека оказалась вовсе не такой, какой представлял ее Рамон. У нее были такие же светлые волосы, как и у дочери, но слегка посеребренные сединой и связанные в небрежный пучок, из которого выбивались вьющиеся завитки, хаотично расположившиеся вокруг шеи. На ее лице совершенно не было косметики. Похоже, она принадлежала к тому счастливому типу женщин, которым нет необходимости беспокоиться о кремах: ее кожа выглядела нежной и свежей, а улыбка сияла, как у молодой женщины. Когда его представили Джейку Требеку, он понял, от кого Элен унаследовала такие светло-голубые глаза. Они были почти аквамаринного цвета. У Джейка, благодаря его загорелой коже и черным волосам, это было более очевидно. Он выглядел как странный цыган с глазами ястреба. Рамон отметил, что Элен воплотила в себе их лучшие внешние качества и выглядела гораздо более изящной, чем ее родители.

Тоби особо постарался, чтобы присутствовать на этой встрече. Еще за обедом он заметил на щеках своей сестры румянец, вызванный возбуждением, когда она говорила об этом мужчине, и ему любопытно было посмотреть, что же отличало этот персонаж от прочих молодых мужчин Польшерро, влюбленных в нее.

— Прошу вас, присаживайтесь, мистер... — вежливо сказал Джейк, ища глазами дочь, чтобы та представила их друг другу. Элен в ужасе подумала, что даже не узнала его имени.

Тоби поймал ее взгляд и ухмыльнулся. Она сверкнула на него глазами, предупреждая, чтобы помалкивал, и повернулась к родителям.

— Кампione, Рамон Кампione, — представился Рамон и присел на диван. Его фигура казалась слишком гигантской для их маленькой гостиной. Элен не смутило, что его длинные руки и ноги заполнили большую часть дивана, и она смело уселась рядом.

— Меня зовут Джейк Требека, а это моя жена Полли и наш сын Тоби. Мы рады встретиться с вами. Дочь сообщила, что вы писатель, — сказал Джейк.

Рамон кивнул.

— Да. Я написал пару поэтических книг и сборник коротких рассказов, — подтвердил он, и его сильный испанский акцент зазвучал в английском доме как нечто чужеродное.

— Но здесь вы не с целью написать книгу, — сказала Полли, ставя на стол поднос с чаем. Она обратила внимание на длинные лоснящиеся волосы Рамона, которые, по ее мнению, явно нуждались в стрижке, и на его глаза цвета красного дерева. Ей никогда раньше не приходилось разговаривать с иностранцем, а сидящий перед ней человек выглядел абсолютно чужим.

— Нет, сеньора. Я пишу статью для «Нэшэнэл Джиогрэфик», — сказал он.

Глаза Полли расширились, и она посмотрела на дочь уже совсем иначе.

— Почему ты не сообщила нам, что он пишет для «Нэшэнэл Джиогрэфик», Элен? — спросила она, упирая свои большие руки в круглые бедра. — Я очень люблю этот журнал, и Тоби тоже, правда, дорогой? — восторженно произнесла она, чувствуя себя теперь более комфортабельно, поняв, что может соотнести личность этого иностранца с привычными для нее понятиями.

— Он нам нравится, — подтвердил Джейк, на которого новость тоже произвела должное впечатление. — О чем будет эта статья, если не считать контрабанды?

— Первоначально предполагалось, что речь пойдет о стране короля Артура, — пояснил Рамон. — Но Элен подала идею о контрабанде. Хотя редактор может это не пропустить.

— О, страна короля Артура. Это прекрасная тема, — восхитилась Полли.

— Нет, мама, это неоригинально, — резко заявила Элен.

— Элен права, это весьма неоригинально, — согласился Тоби, ухмыляясь сестре.

— Все зависит от того, как написано, — сказал Рамон, и его искрящиеся карие глаза игриво улыбнулись Элен.

— Ладно, я обещала ему показать все убежища контрабандистов, а ты, папа, можешь посвятить его в исторические подробности этого вопроса, — заявила Элен, улыбаясь Рамону в ответ.

— Я буду рад помочь, — отозвался Джейк. — Хм, «Нэшэнэл Джиогрэфик». Сейчас это один из самых престижных журналов. А вы и фотографии делаете?

— Я делаю все, — сообщил Рамон. Полли с восхищением качнула головой.

— Так что, как видите, он не убийца, — сделала вывод Элен. Полли уставилась на нее в недоумении, а Джейк рассмеялся.

— Не забудь показать ему Крэг Крик, — добавил он.

Элен триумфально улыбнулась.

— Я покажу ему все, — сказала она.

Элен и Рамон провели последующие десять дней, исколесив весь берег. Она показала ему места, которые он никогда бы не нашел без ее помощи. Она готовила еду для пикника на

двоих, и они устраивали пиршества на берегу, болтая друг с другом с фамильярностью людей, знакомых уже много лет. Они беседовали с посетителями пабов и с рыбаками в лодках, исследовали пещеры и бухты, плавали в море. Рамон испытывал желание поцеловать ее с того самого момента, как только ощутил высокомерие, присущее ей при разговоре. Подходящая возможность появилась у него через пару дней, когда они устроились перекусить на отдаленном берегу. У Элен был с собой только один кусок шоколадного торта, приготовленного ее матерью. Рамон предложил разделить его пополам, но Элен отказалась и засунула себе в рот все, победно хихикая.

— Что же, мне придется самому его взять, — предупредил он. Элен попыталась встать, протестуяще размахивая руками, поскольку не могла говорить с полным ртом. Но Рамон оказался для нее слишком быстр. Он лег сверху и прижал ее к песку руками. Она смотрела на него ледяными глазами, которые всего на миг раньше были теплыми и приветливыми. Но, к его удивлению, она не выразила своего недовольства словами, так что он прильнул к ее рту со всем своим южным пылом и поцеловал ее шоколадные губы. Потом он стал целовать ее шею и ямку над ключицей. В конце концов ошеломленная девушка все же обрела способность говорить.

— Рамон! Что ты делаешь? — запротестовала она.

— Тише. Я уже услышал от тебя все, что хотел услышать. А сейчас расслабься и позволь мне поцеловать тебя. Я хотел этого с того самого момента, когда увидел тебя в Польперро, — сказал он и снова прижал свои губы к ее губам, чтобы заставить ее молчать. Она расслабилась, следуя его указаниям, ощущая лишь его теплый поцелуй и чувство легкой истомы внизу живота.

Через две недели Рамон уехал из Польперро. Он поцеловал Элен на прощание на той же пристани, где они впервые встретились. Она была слишком гордой, чтобы открыто показывать свое огорчение по поводу его отъезда, поэтому лишь улыбалась ему, будто ей все равно. И только позже она расплакалась на груди у матери.

— Думаю, что я люблю его, мама, — всхлипнула она. Полли обняла ее и сказала, что если и он испытывает те же чувства, то непременно вернется за ней. А если нет, то ей не стоит больше тратить свое время на мысли о нем.

Но Рамон не забыл Элен, хотя и пытался. Он написал свою статью и послал ее редактору. Затем он отправился в дом родителей в Качагуа, где хандрил, как влюбленный школяр: он часами просиживал на берегу, наблюдая за морем и с тяжестью на сердце думая о Польперро и русалке, которую он там оставил. Чтобы забыть ее, он перепробовал все, в том числе переспал с несколькими девушками, с которыми здесь познакомился, но это только усилило его тягу к Элен. Он написал несколько стихотворений, посвященных ей, и короткий рассказ о дочери корнуолльского контрабандиста. Его родители были очень довольны. Раньше он никогда не влюблялся, а его холодное сердце и скитания в одиночестве приводили их в отчаяние. Поэтому Мариана поговорила с ним и посоветовала следовать зову сердца и своим чувствам, а не бороться с ними. «Нельзя дать им исчезнуть без следа, Рамон, — говорила она. — Наслаждайся ими и не отказывайся от своего счастья. Для этого и существует любовь. Тебе повезло, что ты любишь, ведь многим людям за всю жизнь не суждено испытать это чувство».

Рамон позвонил редактору и попросил добавить в свою статью один маленький абзац.

— О чем идет речь? — с любопытством спросил редактор. Ему очень понравилась

статья, но ее необходимо было немедленно сдавать в печать. — Надеюсь, он не очень большой, у меня может не хватить места, — поинтересовался он.

— Нет, он вовсе не велик. Я продиктую его вам прямо сейчас.

— Хорошо. Начинайте.

— Самым прекрасным и волшебным местом из всех, где я побывал, является берег Элен в Польперро. Это маленькая бухта с серебристо-белым песком и бледной прозрачной голубизной моря, влекущей в глубины своих тайн с такой силой, которая берет в плен сердце и покоряет душу. Я уехал оттуда, зная, что никогда уже не буду прежним и навсегда останусь ее верным поклонником. Это лишь вопрос времени, но я обязательно вернусь, чтобы отдать ей себя, телом и душой.

— Вот так берег, Рамон, — сухо сказал редактор. — Я бы не стал это вставлять, но дело ваше. — Затем с улыбкой добавил: — Остается надеяться, что ни один из наших читателей не будет пытаться ее найти, поскольку может испытать сильное разочарование!

Когда Элен получила экземпляр «Нэшэнэл Джиогрэфик», то знала, что он от Рамона, хотя сопроводительной записки и не было. Она разорвала обертку и дрожащей рукой стала переворачивать страницы. Потом она устроилась в кухне и принялась за чтение его статьи. Она всплакнула при виде фотографий, которые они делали вместе. Стиль его повествования был удивительно поэтичным и задел ее сердце. Когда ее взгляд добрался до абзаца, посвященного «берегу Элен», слезы так затуманили глаза, что она едва могла читать. Утерев их, она еще раз перечитала текст, чтобы проверить, не привиделось ли ей в нем то, чего не было. Она улыбнулась, поняв, наконец, что он тоже любит ее и обязательно вернется за ней. В конце концов, этот мужчина оказался достойным того, чтобы его ждали.

* * *

Рамон сидел на берегу, вспоминая о Польперро и думая о жене и детях, сидящих у причала порта: его сердце тосковало без них. Он подумал о своих первых чувствах к Элен и своих чувствах к Эстелле сейчас. Любовь, вздохнул он, какой от нее толк? В конце остается лишь привкус горечи, уныло подытожил он. Как может он любить Эстеллу, если не способен был любить даже собственную жену? Похоже, что лучше вовсе не любить никого.

Позже, когда он вернулся домой, то решил спокойно разобраться со своими проблемами. Он должен немедленно уехать отсюда и забыть об Эстелле. Ему также следует забыть Элен и все прожитые с ней годы и не совершать ту же ошибку во второй раз.

Достав карту, он нашел глазами Индию и кивнул своим мыслям. Индия — это хорошее место, столь же хорошее, как и любое другое, где его ждет очередное путешествие в неизведанное.

Тоби Требека остался на ночь в Лондоне с тем, чтобы находиться поблизости от аэропорта Хитроу к моменту прилета его сестры на следующее утро. Он добровольно вызвался встречать ее, поскольку ему не нравилась мысль о том, что ей придется ехать поездом или автобусом до Корнуолла, особенно в теперешнем душевном смятении. Родители сообщили ему, что она решила уйти от Рамона. Он был опечален этим известием, ведь Элен казалась такой счастливой вначале. Он искренне жалел ее детей, разрывавшихся между двумя близкими им людьми и ощущавших свою сопричастность к тому, что их родители перестали любить друг друга. Это всегда касается детей в большей степени, чем люди себе представляют. Тем не менее, подумал он, нельзя прожить всю жизнь только ради спокойствия этих крошечных созданий.

Другое дело, что сам он никогда не сталкивался с подобной проблемой.

Тоби всегда отличался от других мальчишек в Польперро. Несмотря на атлетическое сложение, он не любил спорт, исключая рыбалку, которую остальные парни считали невероятно скучным и антиобщественным занятием, особенно потому, что он всегда отпускал пойманную рыбу. Он отказывался есть мясо «всех, у кого есть мать или морда», как он объяснял. Однако, несмотря на насмешки ребят, Тоби любил поплавать в маленькой лодке отца, чтобы понаблюдать за поведением рыб. Он привык часами находиться в открытом море, в компании одних только чаек и звуков собственного голоса, подпевавшего примитивным песенкам о любви, доносившимся из приемника. Он был красивым чувствительным парнем с гладкой белой кожей и впечатлительными глазами, которые легко увлажнялись слезами, обычно по причинам, которые других людей не заставили бы даже вздрогнуть. Это мог быть, к примеру, вид мерцающего косяка рыбы под поверхностью воды или одинокого краба, ищущего себе убежище под скалой. Только его веселый нрав и остроумие не давали ему превратиться в объект для травли, а также и то обстоятельство, что он был намного умнее своих сверстников. Тоби завоевал их уважение своими шутками и готовностью посмеяться над самим собой. Он занимался коллекционированием насекомых, которых держал в больших стеклянных сосудах, оборудованных всеми возможными удобствами, от матрасика из листьев до необходимой пищи, и проводил долгие часы, занимаясь их кормежкой и изучением повадок. Он читал книги о растениях и животных и подписался на «Нэшэнэл Джиогрэфик». Тоби знал, что он не такой, как все. Мать сказала, что он должен использовать это обстоятельство с пользой для себя. Поэтому он не пытался увлечься футболом или регби, не привыкал к курению и посещению пабов с обязательным ритуалом обсуждения знакомых девушек. Он также не увлекался и девушками, по крайней мере в том смысле, который вкладывали в это понятие другие подростки.

Когда ему было около пятнадцати и он оказался единственным в классе, кто еще не целовался с девушкой, он прижал к стене Джоанну Блэк и поцеловал ее при всех, только для того, чтобы доказать, что он в состоянии это сделать. Впоследствии он ненавидел себя за это, и не только потому, что он обидел Джоанну Блэк и вынудил ее убежать в классную комнату с громкими стенаниями, достойными женщины, которую публично лишили

невинности, но и потому, что ему это просто не понравилось. Подростки восхищенно похлопывали его по спине: Джоанна Блэк считалась одной из самых красивых девушек в школе. Но приступ гордости в его сознании быстро сменился острым ощущением стыда, мучившим его совесть. Джоанна Блэк с тех пор никогда больше с ним не разговаривала. Даже тогда, когда он случайно встретился с ней в бакалейной лавке несколько лет спустя, она гордо вздернула подбородок и вышла, даже не глянув в его сторону. Он хотел было извиниться, но смешно было приносить извинения за то, что случилось так давно.

В шестидесятых, когда Тоби стал уже тинейджером, у него было больше подружек, чем у любого другого парня в Польшерро. Девушки просто обожали его. Он был весельчаком, любил сплетни и интриги, обращался с девушками уважительно, никогда не терялся с ними и не стеснялся выказывать свои чувства. Он умел расположить к себе, а его ясные глаза убеждали прелестниц, что он понимает их гораздо лучше, чем прочие парни. Его широкая улыбка была искренней, а добродушное лицо внушало доверие. Все они были в него влюблены, хотя он никогда не любил их так, как они бы того хотели.

Море было для Тоби тем единственным местом, где он мог уединиться, чтобы избежать посещения паба с надоевшим ему обсуждением проблем взаимоотношений с противоположным полом. Ему нравилось скрываться среди волн под покровом соленого тумана, где он мог быть самим собой и где не нужно было ни к чему приспособляться. Он вспомнил совет матери, но не мог заявить о своей гомосексуальности, не нанеся оскорбление всему городу. Он знал о том, что является геем, еще с самого раннего возраста, но гомосексуальность абсолютно не воспринималась этим закрытым обществом, а Польшерро был слишком мал, чтобы пытаться здесь скрыть этот факт. Таким образом, в 1967 году, в возрасте восемнадцати лет, он решил покинуть Польшерро и поискать работу в Лондоне. Родители не понимали, зачем уезжать и работать в Лондоне, если и здесь было чем заняться такому умному молодому человеку, как Тоби. Отец хотел, чтобы он работал с ним, занимаясь изготовлением окон и дверей, но Тоби не в состоянии был объяснить ему, что сама мысль о порезке прекрасных деревьев на куски вызывает у него содрогание. Тоби не мог этого пояснить, поэтому даже не пытался. Он просто упаковал свои чемоданы и уехал. Мать была в отчаянии, а отец попросту разозлился. «Ты потеешь кровью, чтобы их вырастить, а потом они уходят без слова благодарности», — прорычал он. К этому времени Элен уже путешествовала по всему миру вместе с Рамоном. Джейк и Полли с отчаянием ощутили свое одиночество, поскольку хорошо знали, как радостно жить в доме, наполненном детским смехом. Теперь им осталось только эхо, звучавшее громче тишины, царившей в их доме до рождения детей.

Прошли годы, прежде чем Тоби подыскал себе работу. И вовсе не потому, что для него не находилось занятия — он окончил школу с хорошими оценками, — а в силу того, что не мог найти себе дело по душе. Родителям он объяснял ситуацию следующим образом: «Если уж мне суждено работать до конца моих дней, то лучше делать то, что нравится, иначе вообще не стоит жить». Им оставалось только согласиться с ним, и именно по этой причине их так огорчило его решение уехать из Польшерро. Ведь в Лондоне не было ни рыбацких лодок, ни морского простора, где он мог бы затеряться и отдохнуть душой. Тоби пытался поработать в Сити, но это продолжалось всего три недели. Он легко воспринял свое поспешное бегство оттуда, с бодрой улыбкой констатировав тот факт, что его скроили не для Сити. Он попробовал свои силы во многих профессиях, начиная с торговли и маркетинга и заканчивая разработкой дизайна кухонной мебели. Но постепенно он приходил в уныние, и

за улыбкой, которую он демонстрировал друзьям при каждой очередной неудаче, скрывалась испуганная душа одинокого человека. Он был чужим и в Лондоне, и в Сити, и в офисах Мэйфэра. Он не принадлежал к миру женатых людей с детьми. Он знал, где находится его мир, но этот мир с таким же успехом мог лежать у подножия радуги, поскольку он слишком боялся его искать. Он скучал по своему дому, по морю и по тому ощущению безопасности, которое давала ему рыбацкая лодка, безмятежно плывущая в непроницаемом океанском тумане. В один из вечеров он встретился в баре с молодым человеком по имени Джулиан Фейбл со странными, соломенного цвета волосами. Эта встреча навсегда изменила его жизнь. Они оба выпили слишком много — Тоби, чтобы утопить свои беды, а Джулиан, чтобы придать себе храбрости. Когда они покинули бар, Джулиан повернулся к Тоби и поцеловал его. Внезапно Тоби ощутил огромное облегчение, будто та тень, которой он ощущал себя долгие годы, наконец обрела телесную оболочку, в которой можно было комфортно жить. В конце концов в 1973 году он вернулся в Польшерро вместе с Джулианом, но уже другим человеком, который был уверен в себе и в своем завтрашнем дне. Они приобрели коттедж в предместье, где Джулиан оборудовал лабораторию для своей фотостудии, а Тоби купил лодку, получившую имя «Элен», и начал собственное дело, катая туристов вдоль побережья. Наконец он нашел свой причал и свое место в жизни.

Первые несколько лет никому даже в голову не приходило находить странным то обстоятельство, что Тоби Требека живет с другим мужчиной. Но потом люди стали замечать, что они никогда не назначали свиданий и не ухаживали за девушками. Слухи стали расти, как морской туман, и наступил момент, когда их уже невозможно было игнорировать. Тоби был счастлив, занимаясь своим бизнесом, и никогда не совал нос в чужие дела. Его очень огорчила возникшая ситуация, когда он обязан был объяснять всем и каждому свое поведение. Но у него не оставалось выбора. Однажды вечером он пришел в родительский дом на обед. Им было любопытно, какая причина могла заставить его заявиться на обед среди недели, и за столом воцарилась атмосфера неловкости. Оба они, и Джейк и Полли, подозревали, что он может оказаться геем, но, поскольку эта тема не обсуждалась и не выставлялась перед ними напоказ, они ее как бы не замечали. Так с помощью горшка с растением скрывают пятно на ковре, будто его и вовсе нет. Приходилось делать вид, что проблемы не существует, несмотря на друзей и соседей, которые судачили об этом за их спинами.

— Как дела? — спросил Джейк осторожно, пока Полли твердой рукой помешивала овощной суп.

— Спасибо, хорошо, папа, — сказал Тоби, пропуская глоток вина для храбрости.

— Значит, все в порядке, — произнесла Полли, не отходя от плиты. За ее натянутой улыбкой скрывалась озабоченность.

— Послушайте, мама и папа. Дело в том, что я гей, — просто сказал Тоби. У него была такая же прямая манера выражать свои мысли, как и у сестры, но он все же ухитрился заставить родителей врасплох. Он тяжело вздохнул и жестом попросил еще вина. Джейк залпом опрокинул свой бренди. Полли продолжала яростно размешивать суп. Какое-то время все молчали. Тишина разделила их, и каждый остался наедине со своими мыслями. Но только сердце в груди Тоби вдруг стало почти невесомым и забилось так жизнерадостно, как никогда.

— Так, значит, Джулиан — твой...

— Любовник, папа. Джулиан — мой любовник и мой друг. Я не ожидаю от вас понимания, но просто примите это как тот путь, который я выбрал в жизни. Я не хочу, чтобы люди сплетничали обо мне за вашими спинами. Вы имеете право знать правду, — ответил он, глядя на отца в упор.

— Я всегда учила тебя быть независимым, — начала Полли, подходя к столу.

— Чтобы сделать свои отличия своей особенностью, — сказал Тоби с кривой усмешкой.

— Чтобы сделать твои отличия твоей особенностью, — сказала она, улыбнувшись. — И я горжусь тобой. Чтобы пойти против волны, нужно быть очень смелым.

— Думаю, что я всю жизнь плаваю против волны, — задумчиво произнес Тоби, грустно улыбаясь.

— Тоби, дорогой, я буду плыть с тобой, — заверила его Полли, наклоняясь, чтобы поцеловать его.

Он обнял руками ее полную талию.

— Это очень важно для меня, мама, — сдавленным голосом произнес он.

— Я знаю, — ответила она, похлопывая его по спине. — Я знаю.

Джейк принял все к сведению, как и просил его сын, но никогда не заговаривал о Джулиане и не выражал желания увидеть его или принять в своем доме. Тоби был подавлен внезапно выросшей между ними стеной. Раньше Джулиан нравился отцу, но теперь предубеждение восторжествовало, и, вопреки своему первоначальному суждению, тот стал видеть в нем врага. Однако Польперро был почти деревней, и они не могли избежать встреч. Когда они случайно увиделись в одно туманное субботнее утро на пристани, Джулиан швартовал лодку Тоби, а Джейк проплывал мимо на своей лодке, то вежливо кивнули друг другу, но и только. Джейк приветствовал его, но не сделал каких-либо попыток к общению сверх того, что требовали хорошие манеры. Тоби был прагматиком. Как бы то ни было, он сказал им правду, и между ними уже не было тайны, которая отравляла ему жизнь. Дорога вперед была открыта.

Федерика и Хэл прилетели в аэропорт Хитроу утомленными и оцепеневшими. Полет был длительным, с остановками в Буэнос-Айресе, Рио, Дакаре и, наконец, в Хитроу. Их мир сузился до размеров салона самолета на время, которое тянулось, казалось, бесконечно. Они играли, используя карандаши и бумагу, предоставленные стюардессами, и спали столько, сколько смогли, облокотившись на мать в качестве подушки и одеяла одновременно. Но были еще часы томительного ожидания при пересадках, а когда дети узнали, что предстоит очередной полет, то хором расплакались усталыми слезами. Элен пыталась отвлечь их и даже предложила Федерике в который уже раз изложить историю своей шкатулки с бабочкой только для того, чтобы хоть чем-то отвлечь ее.

Наконец они увидели продолговатое улыбающееся лицо Тоби, который отчаянно махал им рукой, увидев, как они медленно выходят из зоны таможенного контроля. Ни Хэл, ни Федерика не узнали его. Но Элен радостно бросилась в его объятия, всхлипывая по мере того, как спадало напряжение, вызванное необходимостью быть сильной, чтобы поддерживать детей в этом тяжелом перелете. Ее бодрило ощущение крепких объятий родного человека и знакомый запах его кожи. Она была дома, и весь этот кошмар остался позади.

— Я ваш дядя Тоби, — представился брат Элен, наклоняясь и пожимая руку Хэлу, ладонка которого утонула в его длинных пальцах. Хэл вцепился в ноги матери и

подозрительно смотрел на незнакомого мужчину. Федерика протянула руку и вежливо, но без улыбки произнесла «привет». — Ты еще красивее, чем описывала тебя мама, — сказал он, беря Федерику за руку и нежно сжимая ее. Затем, заметив шкатулку, он добавил: — А что это ты несешь?

Федерика еще сильнее прижала ее к себе.

— Мне дал ее папа. Это волшебная шкатулка с бабочкой, — тихо ответила она.

— Бьюсь об заклад, что все это очень кстати. В Польшерро тебе обязательно понадобится волшебная шкатулка. — Он тихо рассмеялся.

— Почему?

— Потому что здесь есть волшебные пещеры, таинственные бухты и берега, где бродят привидения, — ответил он и заметил, как в ее усталых глазах мгновенно загорелся огонек интереса.

— Правда? — воскликнула она, и на ее лице появилась легкая улыбка.

— Конечно. Я очень доволен, что ты привезла свою шкатулку, — сказал он. — Ты должно быть, совершенно измотана, Элен. Немедленно пошли в машину. Дети смогут еще поспать на заднем сиденье.

Тоби толкал перед собой тележку с их чемоданами, а Элен шла сзади него с детьми, держа их за руки. Когда они дошли до автомобиля, Тоби погрузил вещи в багажник, а затем разместил детей на заднем сиденье, на которое предусмотрительно положил подушки и покрывала. Им предстояло долгое семичасовое путешествие в Польшерро.

— Я просто не могу поверить, как ты ухитрился так здорово все подготовить для детей, — сказала Элен с благодарностью. — Они там спят как короли.

— У вас был тяжелый перелет. Бедняжки, они выглядят потрясенными и совершенно разбитыми, — сказал Тоби, захлопывая за ними дверцу автомобиля. Федерика закрыла глаза и положила на подушку разболевшуюся голову. У нее уже не было времени на раздумья над своим теперешним положением, поскольку сон мгновенно одолел ее, как наркотик, отключив все чувства.

— Ох, Тоби, я просто не могу тебе передать, что мне пришлось пережить. Я ушла от Рамона и разбила сердца моих детей, и все потому, что больше не в состоянии была все это выдерживать, — проговорила Элен, и в ее усталых глазах заблестели слезы.

— Не казни себя, Элен, это жизнь. Они справятся, не беспокойся. До них это случалось с очень многими, и все они смогли это пережить, — подбодрил он ее, похлопав по плечу. — А теперь садись в машину, а то простудишься. Я не могу себе представить, что ты не подумала о том, чтобы привезти пальто, — сказал он, глядя, как она дрожит в своем свитере и слаксах^[4].

Она уныло покачала головой.

— Конечно нет, ведь сейчас в Чили разгар лета, — сообщила она, внезапно подумав о Рамоне и гадая, чем он сейчас занимается.

— Пока дети спят, ты сможешь рассказать мне обо всем этом, — предложил он, усаживаясь за руль.

Элен смотрела за тем, как серое облако саваном затянуло небо, и тем не менее этот пейзаж не вызвал у нее депрессию, как это часто бывает при плохой погоде, а, наоборот, придал ей ощущение вновь обретенной уверенности. Все вокруг было таким знакомым и комфортным. Пока они ехали по автостраде, она смотрела на оголенные деревья с окоченевшими от холода ветвями и лоснящихся черных грачей, клевавших что-то на зимних

полях. Она узнавала Англию такой, какой ее помнила, и это ощущение вызвало у нее радостный подъем.

— Все-таки здорово, что ты вернулась, Элен, — заявил Тоби, глядя в зеркало, чтобы проверить, спят ли дети. — Бедные малютки, они вконец измотаны. Посмотри.

Элен устало повернула голову назад. Хэл и Федерика спали, свернувшись рядышком, как парочка щенков. Она снова вспомнила Рамона и подумала, скучает ли он без них или просто вычеркнул их из памяти и отправился навстречу новым приключениям. Новые страны, новые книги и... никаких обязательств.

Она вздохнула.

— Прошло немало времени с тех пор, как я в последний раз говорила с тобой. Как там Джулиан? — спросила она, глядя на движущуюся перед ней дорогу, уносящую ее печали.

— У Джулиана все в порядке. Он проводит много времени в Лондоне в командировках. У него масса работы, и дела идут вполне успешно. Придется ему содержать меня в старости, — хохотнул он.

— Ты просто счастливчик!

— Не совсем. С отцом все по-прежнему.

— Это меня не удивляет. Он всегда гордился тем, что он мужчина из мужчин, а сейчас, наверно, осуждает себя, — сказала она.

— Это подрывает его мужественность.

— Он когда-нибудь изменится, хотя не стоит ожидать чудес. Но есть и гораздо более важные вещи, о которых следует беспокоиться. В конце концов, ты ведь никого не убил.

— Нет, пока нет. — Он улыбнулся. — Но прошло уже два года с тех пор, как я сообщил ему это известие, но он все еще отказывается общаться с Джулианом. Когда Джулиан только приехал в Польперро, он был счастлив заключить его в объятия в качестве моего друга. Он был им просто очарован. Каким ограниченным должен быть человек, чтобы подвергать кого-то остракизму^[5] только лишь из-за его сексуальной ориентации, которая, в любом случае, является сугубо частным делом? Особенно с учетом того, что Джулиан ему очень понравился как личность.

— Это вызывает боль, да? — сказала Элен, заметив, что он так сильно сжал руль, что его пальцы побелели.

— Да, и только потому, что мы всегда были так близки. Сейчас все иначе. Впрочем, сама все увидишь.

— Он просто делает вид, что Джулиан не существует?

— Точно так.

— А как себя чувствует сам Джулиан? — спросила она, стараясь выказать интерес, хотя все, о чем она могла думать, была ее собственная боль.

— Он так занят, что не обращает на это внимания. Он слишком увлечен своей фотографией, чтобы беспокоиться о том, нравится ли он моему отцу или нет. Как бы то ни было, ему тридцать девять лет, и у него уже было нечто подобное в прошлом, так что он не особо расстроен.

— Отец, наверно, думает, что тебя сбил с пути истинного старый извращенец. — Элен наблюдала, как рот Тоби исказила кривая улыбка.

— Не очень старый, Элен.

— Старше тебя на семь лет. Для отца ты по-прежнему ребенок.

— Ну, этот ребенок знает, чего хочет от жизни.

— Тогда все в порядке. К черту папу. Какое его дело, если ты счастлив. Ты должен думать о себе, а не проживать свою жизнь ради других, — сказала она, размышляя над своим собственным положением и о двух детях с разбитыми сердцами, которые спали сном праведников на заднем сиденье.

— Мы оба должны подумать о себе, Элен. Никто за нас этого не сделает, — мрачно ответил он и замолчал, наблюдая за серым полотном дороги, уныло раскинувшимся перед ними.

* * *

Элен и Тоби всегда делились своими секретами. Хотя он и был старше сестры всего на два года, но всегда считался более зрелым, чем другие парни его возраста. Элен внезапно подумала, что хранение чужих тайн изнуряет человека и делает его скрытным. Она знала о том, что Тоби гей, задолго до того, как он решился рассказать об этом родителям. Она догадывалась, что девушки его не интересуют и что он чувствовал себя гораздо более счастливым наедине со своими книгами о червях и жуках, чем при посещении ночного клуба. Это вовсе не означало, что он боялся женщин, это было не так. Он обожал сестру, восхищался матерью и имел множество хороших друзей среди девушек. Но Тоби интересовали только товарищеские отношения с ними, а мысль о физическом контакте была ему так же чужда, как и футбол. Когда в него влюбилась подруга Элен, Аннабель Хейзел, проливая от безнадежности слезы на ее плече, Элен начала догадываться, что Тоби может оказаться геем. Ведь он никогда и никому не назначал свиданий, равнодушно относился к вниманию женщин. Обычно Элен была слишком увлечена собственными переживаниями, чтобы замечать кого-то еще, но сексуальная ориентация Тоби возбуждала ее любопытство и заставила обратить на него пристальное внимание. Однажды, это было летом 1972 года, Тоби прилетел к ним в гости в Чили, чтобы провести несколько недель с сестрой, которая наслаждалась счастливой семейной жизнью с Рамоном.

Тогда Элен была поражена, увидев, что Тоби растолстел от невзгод и был постоянно чем-то озабочен. Он не имел работы и был несчастлив, а его обычно жизнерадостная улыбка почти исчезла с лица. Они прогуливались по берегу и вели откровенный разговор так, как никогда раньше. Тоби говорил о своих трудностях при поиске работы в Лондоне, и о том, как выхлопы автомобилей вызывают у него тошноту, а шум нервирует.

— Я уже сам не свой, — хриплым голосом жаловался он.

— Но согласись, что твои несчастья не помогут тебе найти бойфренда, — невозмутимым тоном произнесла Элен. Тоби уставился на нее, его лицо побелело, а в глазах застыл ужас. — В том, чтобы быть геем, нет ничего плохого, — продолжила она и понимающе улыбнулась ему. — Ты для меня все тот же дорогой брат Тоби. — Тоби уселся на песок, опустил голову, зажав ее в ладонях, и стал всхлипывать, чего не делал с тех пор, когда одним ужасным зимним утром, пятнадцать лет назад, машина переехала его любимую собаку Джесси. Элен присела рядом и обняла его. — Ты стал толстым потому, что несчастлив. А несчастлив ты потому, что стесняешься. Тебя всегда это смущало. Именно поэтому ты отправился в Лондон, поскольку не смог оставаться в Польперро со своей тайной, Я тебя не осуждаю. — Она улыбнулась. — Этот город слишком мал для тебя. Но

знай, что это твой город и именно в нем ты обретешь свое счастье.

— Я знаю. — Он фыркнул. — Я хочу домой, я ненавижу Лондон. Но... — он тяжело выдохнул, будто сбрасывая тяжесть давившей его тайны вместе с воздухом, — я, как и все прочие люди, хочу, чтобы меня любили.

— Тебя будут любить. В Лондоне полно геев, так же, как и во всем мире. Тебе просто нужно набраться смелости, чтобы найти их.

Тоби повернулся к сестре и посмотрел на нее сияющими голубыми глазами, напомиравшими чистое небо после проливного дождя.

— Но как ты догадалась? — спросил он.

— Потому что я знаю тебя и беспокоюсь о тебе, — сказала она. — Мне все известно уже давно. С тех пор как ты отказал во взаимности Аннабель Хейзел, я начала думать об этом. Ты никогда ни с кем не встречался, а интересовался лишь своими несчастными насекомыми. Я подумала, что в твоём поведении есть нечто странное. Никого это больше не удивило, уверяю тебя, поскольку ты всегда был эксцентричной личностью. Но ведь никто и не был так близок к тебе, как я.

— Ты и остаешься, — добавил он и улыбнулся с благодарностью, заставившей ее глаза увлажниться.

— Таким образом, — подытожила она, радостно мигая, — если мы найдем тебе бойфренда, то это сразу изменит твоё отношение к жизни и ты снова станешь выглядеть лучше. Уж слишком ты растолстел! — Тоби застенчиво засмеялся. — С сегодняшнего дня садись на диету, ты ведь пробудешь у нас больше месяца. Мы с Рамоном не собираемся снова путешествовать раньше марта, и я не отпущу тебя в Лондон до тех пор, пока ты не будешь к этому готов, понимаешь? — Он кивнул. — Любовь — самая прекрасная вещь в этом мире. Я хочу, чтобы у тебя была любовь, похожая на мою, — уточнила она.

— Впервые в жизни я чувствую, что это возможно, — ответил Тоби, взяв ее руку в свою и пожимая ее. Внезапно он ощутил облегчение и позитивный настрой. Когда они возвращались по дороге в Черро Касильо, где у Рамона и Элен был прекрасный дом с видом на море, Тоби чувствовал себя так, будто впервые за много лет видит мир. Ему хотелось взять лодку и лежать в ней под палящими лучами солнца, мягко покачиваясь на волнах, и смотреть на горизонт, который внезапно стал обещать так много, что хотелось побежать и обнять его.

Тоби посмотрел на Элен, усталые глаза которой сомкнулись от суматохи и переживаний последнего месяца. Она спала, привязанная ремнем безопасности, мечтая во сне, без сомнения, о лучших временах. Её дыхание было медленным и глубоким, будто во сне она распознала знакомый воздух родной страны. Как жизнь бросает нас вверх и вниз, подумал он, но, по крайней мере, после падения можно приступить к новому восхождению. Он посмотрел в зеркало на детей и заметил легкое шевеление их тел по мере того, как они возвращались из уюта тайных миров их сновидений для того, чтобы открыть глаза и увидеть незнакомый пейзаж. Ему хотелось бы, чтобы это случилось весной, когда Англия не выглядит столь унылой.

Федерика села и посмотрела в окно на поля, застеленные тонким белым покрывалом инея.

— Мы уже близко? — спросила она.

— Не совсем, Феде, — ответил он весело. — А ты расскажешь мне о своей волшебной

шкатулке? — спросил он, наблюдая, как она с отсутствующим видом открывает и закрывает ее.

Она вздохнула, и ее лицо вытянулось в унынии.

— Хорошо, — согласилась она, вспоминая крепкие объятия отца и внутренне содрогаясь, поскольку вместе с этим пришло и менее приятное воспоминание о разговоре, который она подслушала в Качагуа. Но как только она начала излагать Тоби легенду о принцессе инка, на ее щеки вернулся румянец, а настроение заметно улучшилось. К тому времени, когда они остановились на ланч в старомодном деревенском пабе, она уже забыла о своих печалях и заинтересовалась новизной всего, что происходило с ней сейчас.

Когда они свернули за угол в переулок, где находился дом, в котором выросли она и ее брат, Элен ощутила, как вздрогнуло сердце в груди. Она опустила окно, чтобы вдохнуть знакомые запахи своего детства. Но на улице стоял январь, и в воздухе царил мороз, так что она ничего не почувствовала. Они проехали по гравию в ворота и увидели, как белый дом постепенно вырастает перед ними, словно старый верный друг, совсем такой же, каким он был всегда, милый ее душе и взору, несмотря на зиму, оголившую ветви деревьев, окружавших его стены.

Услышав шум автомобиля, Джейк и Полли, которые провели предшествующие несколько часов, слоняясь по комнатам в томительном ожидании, выбежали к парадной двери, чтобы приветствовать желанных гостей. Полли мгновенно отметила, что дочь кажется похудевшей и мрачной, и была удивлена, насколько хорошо выглядят дети. Федерика бросилась в ее объятия и в возбуждении прижалась к ней изо всех сил.

— У тебя есть собственная комната, Феде, и я приготовила тебе к чаю шоколадные коржики, потому что помню, как они тебе нравились, когда я пекла их для тебя в Чили, — сказала Полли, обнимая внучку, вцепившуюся в нее, как маленькая мартышка. Хэл ухватился за ноги матери и просился на руки.

— Хэл, милый, ты уже слишком большой, чтобы тебя носить. Тебе уже целых четыре года, — засмеялась Элен, радостно целуя отца. — Господи, как хорошо быть дома. Я чувствую себя гораздо лучше.

— Пойдемте туда, где теплее. В кухне натоплено, можно поговорить там, — предложила Полли, подталкивая Федерику своими большими руками.

— Хорошая поездка, Тоби, — одобрил Джейк, слегка похлопывая сына по спине. — Очень здорово, что ты сам их привез.

— Никаких проблем, папа, — ответил тот, благодарный отцу за похвалу. Последнее время такое проявление чувств с его стороны было большой редкостью.

Полли поставила на стол побитый заварочный чайник, который когда-то уронил Тоби, и коллекцию разномастных кружек, собранную за долгие годы. Затем она наполнила поднос шоколадными коржиками, бисквитами, кусками торта и сэндвичами. Полли с тревогой смотрела на дочь. Та выглядела неплохо, но ее блеск потух, как у увядшего цветка. Пренебрежение мужа высосало из нее жизненную силу и лишило обычной энергетики. Полли захотелось свернуть Рамону шею, но она решила подождать, чтобы поговорить с Элен о ее блуждающем по миру муже наедине. Дети пригрелись у плиты, поглощая чай со сладостями, как оголодавшая саранча. Они быстро осваивались, а Хэл, увидев шоколадный торт, мгновенно забыл о своей застенчивости.

— Как прекрасно снова оказаться дома. Здесь все так же, как и в былые дни. Ничего не изменилось, — произнесла Элен, окидывая комнату одним быстрым взглядом и зажигая сигарету. Она медленно вдохнула дым, смакуя первую порцию никотина. За последние годы мать почти не постарела. Она была очень проворной для своих шестидесяти лет, с гладкой кожей, почти не тронутой морщинами, и сияющими глазами человека, которого природа благословила крепким сложением и хорошим здоровьем. Если бы не небрежно сложенные седящие волосы и одежда, подобающая почтенной даме, которую она носила, она выглядела бы не старше пятидесяти. Волосы отца превратились в благородное серебро,

смягчившее его грубые черты, что делало его уже менее похожим на выдубленного ветром контрабандиста, которого он здорово напоминал, когда был смоляным брюнетом. Он по-прежнему говорил мало, но все замечал. А если уж он начинал говорить, то моментально завоевывал внимание всех присутствующих.

— Как хорошо, что вы вернулись, — с энтузиазмом сказала Полли, и ее щеки зарумянились от приятного возбуждения при виде дочери и внучат. — У меня есть прекрасные друзья для Федерики и Хэла, — радостно добавила она. — Ты помнишь семью Эплби?

Элен посмотрела на Тоби.

— Это что, та безумная семейка, которая живет в Пиквистл Мэнор? — спросила она, улыбаясь брату и вспоминая, как детьми они всегда старались вовлечь в разговор старого Нуньо Тревельяна, каждый раз как только встречали его, поскольку тот был самым выдающимся оригиналом в Польперро. Тогда ему было слегка за шестьдесят, но он ходил на носочках и держал спину очень прямо, важно кивая всем встречным своей черепашной головой, как будто был здешним мэром. Он родился в Корнуолле, но, тем не менее, говорил с псевдоитальянским акцентом, поскольку провел всю свою молодость в Италии, изучая искусство. Этот чудак даже сменил свое имя с Найджела на Нуньо. Он проживал в Пиквистл Мэнор со своей дочерью, любительницей птиц Ингрид, ее мужем — писателем Иниго, и шумной пятеркой их диких отпрысков.

— Ну, они вовсе не сумасшедшие, дорогая, оригинальные, возможно, но не безумные, — парировала Полли.

— Оригинальные! — хмыкнул Джейк, криво ухмыляясь и обнажая кривоватые волчьи зубы. — Обычно Полли так и говорит, — он засмеялся.

— У Ингрид и Иниго пятеро детей, — сказала Полли, игнорируя высказывания мужа. — Дайте мне вспомнить. Среди них один или двое подходят Феде и Хэлу по возрасту. — Она закатила свои светло-голубые глаза, пытаясь припомнить поточнее.

— Значит, так, — прервал ее Тоби, — Сэму должно быть уже пятнадцать лет, так что он уж точно не подходит Феде в друзья. — Он вспомнил достаточно самоуверенного парня, редко общавшегося с кем бы то ни было и постоянно погруженного в изучение биографического словаря.

— О Боже, конечно нет. Я говорю о Молли и Эстер, — запротестовала Полли.

— Ах да. Молли, должно быть, девять, а Эстер — семь, — припоминал Тоби. — Идеальные партнеры для игр. Они ходят в местную школу, так что вполне подойдут малышке для общения.

— Феде будет рада, — сказала Элен, наблюдая за детьми, которые с радостным смехом играли с подарками Рамона.

— Люсьен и Джои примерно такого же возраста, что и Хэл, — добавила Полли. — Думаю, нам следует как-нибудь пригласить их на чай.

— Я помню Ингрид, — рассмеялась Элен, — она так же увлечена животными, как и ты, Тоби. Если в пределах пяти миль появлялось какое-либо раненое создание, она находила его, отправляла в клетку и лечила.

— Да, а если они не были ранены, то считались таковыми, и она устраивала для них настоящий курорт, — Тоби хмыкнул. — Ты помнишь этих блохастых ежей, которых она держала в буфетной?

— А тот гусь, который оказался так свиреп, что они неделю не могли пользоваться

кухней, пока заживала его нога, — добавила Элен, улыбаясь брату.

— Она по-прежнему проводит весь день на скале, рисуя чаек, — сообщила Полли. — И превосходно рисует. — Она восхищенно вздохнула. — А бедные дети живут как цыгане.

— Скорее как знатные цыгане, Полли, — ехидно поправил ее Джейк.

— Верно, как знатные цыгане, но они как беспризорные. Ингрид такая рассеянная, а Иниго проводит весь день, запершись в своем кабинете, где пишет, или же слоняется по дому и критикует все, что ему попадает на глаза. Я всегда полагала, что это не лучший образ жизни. Но, тем не менее, они славные ребята, даже при полном отсутствии у них дисциплины.

— Так вы полагаете, что они для нас подойдут? — озабоченно спросила Элен, стряхивая пепел в мусорное ведро.

— Конечно да. И Федерике не помешает немного свободы, — уверяла ее Полли, вспоминая время, когда девочке не разрешалось и шагу ступить за ворота без присмотра няни или матери. Полиция патрулировала улицы, а военные ввели комендантский час. Винадель Мар был достаточно спокойным местом, но в пригороде детям гулять не рекомендовалось. — Сельская местность откроет им мир добра, — добавила она, получая удовольствие при мысли о том, как хорошо детям будет играть на побережье и бегать по полям со своими новыми друзьями. Федерика была еще ребенком, хотя и казалась по своему умственному развитию молодой женщиной в детском теле. Полли подумала, что наступило самое подходящее время для того, чтобы она сполна насладились детством, прежде чем стать взрослой навсегда.

Когда Федерика устроилась в своей новой кровати, она повернулась на бок и уставилась на шкатулку с бабочкой, стоявшую на прикроватной тумбочке. Было так темно, что она попросила мать оставить открытой дверь на лестничную площадку, чтобы в комнату попадал свет, несколько разбавлявший ночной мрак, поглотивший, казалось, все в этой незнакомой ей стране. Она смотрела на шкатулку и черпала в ней смелость, как в маленьком осколке дома и напоминании об отце, за который можно было держаться, пока он не приедет и, как прежде, не заключит ее в свои крепкие объятия.

Элен разрешила Хэлу первую ночь спать вместе с ней в одной постели. Вначале она не осознавала, что нуждается в нем так же, как и он в ней, и что он будет спать у нее и последующие шесть месяцев. Это закончилось, когда, наконец, вмешалась Полли и тактично заметила, что, возможно, для здоровья ребенка такая зависимость от матери не будет на пользу. Но та первая ночь была очень важна для них обоих. Элен прижалась к его теплоте в надежде придать ему уверенность и искупить вину за то, что оторвала его от отца и дома. Она знала, что дети еще достаточно малы, чтобы справиться с травмой, нанесенной резкой сменой привычного образа жизни, знала, что они обзаведутся друзьями и в один прекрасный день почти забудут, что когда-то жили в Чили. Понятно, что для Хэла это пройдет довольно легко, но с Федерикой дело обстояло не так просто. Она подумала о Молли и Эстер Эплби — ее надежды были связаны именно с ними. Она решила как можно скорее познакомиться с ними поближе. В Чили у Федерики почти не было друзей, поскольку по характеру она считалась не слишком общительной, что, возможно, являлось следствием того, что три года Феде была единственным ребенком в семье. Элен закрыла отяжелевшие веки и позволила сну овладеть ее сознанием, смывая все неприятности прошлого и оставляя лишь мечты о прекрасной новой жизни, которая только начиналась для них. Но воля Рамона продолжала довлеть над ее мыслями и отравлять существование, пока она еще не набралась

сил, чтобы противостоять ей.

— Бедная Элен, — вздохнула Полли, закрывая одеялом свои почтенные груди. — Но поступила она правильно. Мне никогда не нравилось, что она живет там, в Чили, где некому присмотреть за ней. Сейчас мы, слава Богу, снова вместе, и мы о ней позаботимся.

— Не позволяй ей заставить тебя суетиться вокруг нее, Полли. Ты ведь знаешь, что она способна на это, — заметил Джейк, забираясь в постель.

— Элен нуждается в нас.

— Да, это верно. Но не слишком усердствуй, иначе она обратит тебя в рабство, как в былые дни, — предостерег он жену, отворачиваясь и выключая свет.

— Она стала другим человеком. Ей пришлось многое пережить, и сейчас, как никогда прежде, ей требуется наша поддержка, — настаивала она.

— Не говори потом, что я тебя не предупредил, — пробормотал он, прежде чем глубоко вздохнуть, показывая, что слишком устал, чтобы продолжать разговор.

Молли и Эстер Эплби заинтересованно смотрели на тоненькую, дрожащую девочку, которая застенчиво стояла рядом с ними. Их мать пригласила ее мать на чашку чая, сообщив им, что Феде, представленная как Фэйдэй, только что приехала в Англию и совсем никого здесь не знает. Они должны были помочь ей освоиться. В типичном для Ингрид стиле она подвела детей друг к другу и предложила им пойти и поиграть, пока она будет занята с мамой девочки.

— Феде — какое странное имя, — заявила Молли, подозрительно прищуривая свои зеленые глаза.

— Это сокращение от Федерики, — хриплым голосом ответила Федерика.

— Это тоже забавно, — сказала Молли.

— Мой отец родом из Чили, — пояснила Федерика и увидела, как две девичьи физиономии непонимающе уставились на нее. — Это в Южной Америке, — добавила она. Обе они представляли себе, что такое Южная Америка, основываясь на карте, которую их няня нарисовала на стене детской, и кивнули.

— Твой отец черный? — спросила Эстер.

— Нет, — шокированно ответила Федерика. — Хотя у него черные волосы, — сказала она, улыбаясь при мысли о нем.

— А у нашего папы черная меланхолия, — заявила вдруг Молли и засмеялась. — Если хочешь, мы прогуляемся с тобой и покажем, где и что тут имеется.

Феде радостно кивнула.

Федерика позаимствовала ботинки и пальто, которое было ей слишком велико, и последовала за ними из дома в зимний сад. Их дом представлял собой большой белый особняк с высокими подъемными окнами, широкой террасой и спуском на лужайку, выложенным из огромных каменных ступеней. Земля была твердой и блестящей от хрустящего слоя инея, который Федерика видела впервые. Снег ей уже доводилось видеть раньше, поскольку отец несколько раз брал ее на курорт Ла Парва в Андах, но иней был для нее в диковинку. Они направились по лужайке к заледеневшей глади озера, видневшейся в глубине сада.

— Давайте покатаемся по льду, — предложила Молли, осторожно спускаясь к озеру. Федерика последовала за ней, делая первые нерешительные шаги по скользкой поверхности.

— Будь внимательна, чтобы не упасть, — предостерегла ее Молли.

Федерика не хотела идти на лед. Она боялась, что тот может треснуть, и испуганно наблюдала, как обе девочки продвигаются к середине озера, и понимала, что если она хочет сделать их своими друзьями, то должна последовать за ними. Она в нерешительности застыла на блестящей поверхности. Успокоенная тем, что лед выглядел твердым и безопасным, она покатила за ними.

— Давай, Феде! — закричала Молли, улыбаясь ей. — Молодец!

— Готова спорить, что ты никогда не делала этого в Чили, — сказала Эстер. Она была права, и Федерике оставалось только кивнуть.

— Разве это не здорово? Я хотела бы научиться кататься по-настоящему, с коньками, — поделилась Молли. — Я надеюсь, папа купит мне их, и я буду вращаться как фигуристка. — Она неуклюже продемонстрировала оборот вокруг своей оси. Эстер попыталась скопировать ее, но упала на попу. Они засмеялись, и Федерика тоже, впервые ощутив дух товарищества. Она тоже попробовала сделать несколько оборотов, которые привели и ее к падению на лед.

— Вот так, — показывала Молли, делая большие шаги и поднимая одну ногу в воздух. Эстер и Федерика копировали ее движения, подсмеиваясь над своими беспомощными потугами.

— Смотрите, там Сэм, — воскликнула Эстер, махая брату, спускавшемуся к ним с лужайки.

— Уходите со льда! — кричал он. — Там опасно.

— Испортил нам все удовольствие, — сказала Молли, переводя дыхание. — Пошли, — произнесла она с сожалением, скользя в его направлении.

Внезапно раздался протяжный треск, похожий на рев чудовища, проснувшегося в глубине воды. Молли засмеялась, а Эстер испуганно вскрикнула. Федерика, которая несколько отстала от них, перешла на бег, пытаясь поскорее покинуть лед. Она не знала, что по льду невозможно бежать. Рокочущий звук стал еще более громким и устрашающим. Она попыталась бежать быстрее, но ее ноги стали заплетаться. Внезапно она споткнулась и упала на грудь, с ужасным хрустом ударившись подбородком о поверхность льда. Пытаясь подняться, она увидела на льду кровь и закричала от ужаса. Когда она поднялась на колени, едва дыша после падения, лед треснул, и она погрузилась в ледяную воду озера. Паника сдавила ее горло, и ее крик прозвучал всего лишь как громкий шепот. Она попыталась выбраться на окружавший ее лед, но тот ломался в руках, как сахарная глазурь на торте. Ее пальто оказалось слишком большим и сковывало движения. Она попыталась двигать ногами, но они уже онемели от сильного холода. Она начала тонуть и завизжала от страха, когда вода добралась до ее шеи.

— С тобой все в порядке, — послышался спокойный голос. Она открыла свои наполненные страхом глаза и увидела бледное лицо Сэма Эплби, смотревшего на нее сверху вниз с того места, где он лежал на льду возле полыньи, вцепившись в ее руки. — Все нормально. Я держу тебя, — сообщил он, глядя ей прямо в глаза, чтобы придать уверенности. — Сейчас я тебя вытащу, поэтому, когда я скажу «давай», начинай работать ногами изо всех сил, — проинструктировал он ее.

— Я их не чувствую, — всхлипнула она.

— Ничего, ты сможешь. А теперь ДАВАЙ! — Федерика начала энергично брыкать ногами, а Сэм медленно потянул ее из черной дыры. Лед снова зловеще затрещал, но Сэм

упорно продолжал тащить, в то время как Федерика продолжала иступленно работать ногами, понимая, что от этого зависит ее жизнь. Наконец она вытянулась на льду, как неуклюжий мокрый тюлень, задыхаясь и плача от перенесенного шока. — А сейчас мы поползем отсюда, хорошо? Нам нельзя идти, понимаешь? — Она кивнула, стуча зубами в не меньшей степени от страха, чем от холода. Сэм обхватил ее рукой, и вместе они стали продвигаться к мерзлой траве. Ее тело так заледенело, что она едва могла двигаться. Казалось, что прошло невероятное количество времени, прежде чем они коснулись твердой почвы. Оказавшись на земле, Сэм, чтобы не терять времени, подхватил Федерику на руки и побежал по саду в дом. Молли и Эстер следовали за ним, как пара испуганных гусят.

Девочки ворвались в гостиную, чтобы сообщить о случившемся своей матери и Элен, а Сэм поднялся по лестнице, громко зовя Беа, няню младших детей, которая находилась в детской, присматривая за Люсьеном, Джои и Хэлом. Увидев в руках Сэма всхлипывающую девочку, она задохнулась от ужаса и отправилась с ними в комнату Молли.

— Что случилось? — закричала она, когда Сэм опустил ребенка на пол.

— Это снова Молли. Тупая девчонка! — с чувством воскликнул он. — Девочка может умереть. Быстро снимите с нее одежду, пока она не заработала воспаление легких, — проинструктировал он ее, выходя из комнаты. Элен и Ингрид промчались по лестнице и ворвались в спальню, где Федерика, голая и дрожащая, упала в объятия матери, продолжая рыдать.

— Ты думала тогда о том, что можешь умереть? — спросила Молли позже, когда Федерика отогревалась перед камином в гостиной, обряженная в одежду Эстер.

— Да, я действительно подумала об этом.

— Ты такая храбрая — не побоялась выйти на лед, — восхищенно сказала Эстер. — Получается, ты впервые каталась на льду?

— Да. Но не думаю, что смогу сделать это снова, — ответила она и засмеялась.

— Прости меня, — произнесла Молли и застенчиво улыбнулась, скручивая прядь темно-рыжих волос за ухом.

— Все нормально. Ты ведь не знала, что лед может не выдержать, — вежливо успокоила ее Федерика.

— Как хорошо, что там оказался Сэм, — сказала Эстер.

— Старшие братья тоже могут пригодиться, — засмеялась Молли. — Он проявил себя как герой, — признала она.

— Он вел себя очень храбро и спас мне жизнь, — сказала Федерика, пережевывая печенье и испытывая радостное ощущение при мысли о том, как Сэм нес ее в дом. — А сколько ему лет?

— Пятнадцать, — сообщила Молли. — Мне девять, а Эстер семь, на год больше, чем тебе. У мамочки было два выкидыша между Сэмом и мной, так что нас могло бы быть семеро.

— Мне бы понравилось, если бы нас было семеро, — призналась Эстер.

— Ничего, теперь нас шестеро, — сказала Молли, улыбаясь Федерике.

— О да, так и есть, — с радостью согласилась Эстер. — А теперь давай мы покажем тебе дом, — добавила она, глядя на сестру в ожидании ее одобрения.

Молли кивнула.

— Прихвати кусок торта, и я представлю тебя Мармадюку.

— А кто это — Мармадюк?

— Это скунс, которого мама спасла на прошлой неделе. Он живет в шкафу на чердаке, потому что иногда так воняет, что приходится предоставлять ему отдельные апартаменты.

Элен проследила за тем, как девочки исчезли в дверях гостиной, и ощутила приступ огромной благодарности не только к Сэму, спасшему жизнь Федерики, но и к его сестрам, с готовностью принявшим ее в свою компанию.

— Ваши девочки очень добры, — сказала она Ингрид, которая сидела, покуривая сигарету с элегантным сиреневым мундштуком, одетая в совершенно необычный жакет из лоскутов, выглядевший как стеганое одеяло. Ее волосы спускались с плеч буйными рыжими прядями, а на шее висел большой золотой монокль, который она время от времени подносила к глазам, чтобы лучше видеть. Элен никогда раньше не обращала внимания, что один глаз Ингрид был голубым, а другой — зеленым.

— Молли такая же, как Сэм, — оба они думают, что лучше всех остальных, потому что считают себя очень умными, — сказала Ингрид. — Эстер очень мила, но не слишком сообразительна. Зато она, как и я, хорошо рисует.

— Я глубоко признательна Сэму. Если бы он не оказался там, я даже боюсь думать, что могло случиться.

— Да, бедняжка наверняка могла погибнуть, — спокойно констатировала Ингрид, щелкая зажигалкой, чтобы зажечь сигарету Элен. — Молли всегда заходит на шаг дальше, чем следует. — Она вздохнула. — Мне жаль, что вы разошлись с Рамоном.

— Мне тоже, — сказала Элен, удерживая сигарету дрожащей рукой и вдыхая желанную порцию никотина.

— Понадобится время, прежде чем ты сможешь прийти в себя, но это обязательно произойдет, — подбодрила ее Ингрид, заметив, как сигарета задрожала в руке Элен. — Знаешь, а я помню, как ты сбежала с Рамоном. Ты была так молода. Я ведь старше тебя лет на десять. Я тогда еще подумала, что это необычайно романтично. Он — брюнет и иностранец, а ты блондинка, англичанка. В этом была некая экзотическая прелесть. Меня даже беспокоило, как ты сможешь привыкнуть к жизни на другой стороне света. Это ведь совсем не то, что уехать в Лейчестер, не так ли? — Она рассмеялась, обнажив неровные белые зубы. Когда Иниго много лет назад ухаживал за ней, то говорил, что она напоминает ему прекрасный портрет, криво повешенный на стене. Ей нравилось несовершенство в вещах, и она полагала, что нет ничего скучнее идеала.

— Да, это было экзотично и прекрасно одновременно. Но потом осталась только горечь. Дети опечалены, но я должна заметить, что уже чувствую себя по-другому, — откровенно призналась Элен.

— Дети нуждаются в стабильности — и один из родителей может им ее дать. В сущности двое — это уже экстравагантность, — заметила Ингрид, играя одним из локонов, свисавших с ее шеи. — Я подняла детей практически в одиночку. Для Иниго детьми являются лишь его книги. Мне остается только надеяться, что люди будут их покупать. Честно говоря, они очень занудны, и я не могу одолеть больше одной страницы. Меня вообще никогда не интересовала философия. Я предпочитаю вещи, к которым можно прикоснуться.

— Такие, как животные? — предположила Элен.

— Совершенно верно.

В тот же момент, двигаясь на носочках, появился старик Нуньо.

— О, приветствую двух прелестных девиц, — произнес он с сильным итальянским акцентом и театрально поклонился.

— Па, ты ведь помнишь Элен Требеку? — спросила Ингрид.

— Ну конечно, ведь она прекраснее самой Елены Троянской. Дорогая Элен, сделайте меня бессмертным своим поцелуем! Видеть вас — это истинное удовольствие, — торжественно произнес он и снова поклонился. Ингрид нахмурилась, а он, заметив это, неодобрительно поднял на нее лохматую бровь.

— Элен уехала из Чили, чтобы снова жить здесь, — сказала Ингрид, игнорируя его красноречивую мимику.

— Могу себе представить, как жарко в Чили.

— По крайней мере, это верно во всем, что касается сердечных дел, — рассмеялась Ингрид. — Ты будешь чай, папа?

— Я бы предпочел нечто покрепче чая, *кара миа*. Не обращайтесь внимания и считайте, что меня здесь просто нет, — сказал он, проходя мимо дивана к шкафчику с напитками.

— Тебя не так-то легко игнорировать, па.

— Я слышал, что юный Сэмюэль посвящается в рыцари за храбрость. Теперь он сэр Сэмюэль Эплби, а я награжу его орденом Коньков, чтобы мы все помнили о его *корраджио*.

— Я так признательна ему, — сказала Элен, жалея, что с ней нет Тоби, чтобы вместе посмеяться над главным эксцентриком Польперро.

— Я полагаю, что своим благородным поступком он завоевал сердце прелестной девушки, как в сказаниях прошлого, — сказал Нуньо, вопросительно поднимая брови.

— Да, это меня вовсе не удивило бы, — сообщила Элен. — Я тоже полюбила его.

— Сердца завоевывались и меньшими подвигами, чем этот, — заявил он и, прихватив свой стакан, вышел из комнаты.

— Он пришел, он выпил, он прокомментировал, он удалился, — вздохнула Ингрид, стряхивая пепел в фарфоровое блюдо.

— И если Сэм женится на моей дочери, то можно будет сказать, что день не прошел даром, верно? — Они обе рассмеялись и налили еще по чашке чая.

Когда Федерике вместе с матерью и Хэлом подошло время уходить, ей уже казалось, что она может остаться здесь навсегда. Молли и Эстер представили ее Мармадюку, который приветствовал их таким невыносимым запахом, что им втроем пришлось бегом отступать по коридору, зажимая носы и весело хихикая. Ей также показали детеныша лисицы, проживавшего в вентиляционном шкафу, и галку, которая устроилась на кухонном кресле. Ингрид и непринужденно попивала чай, видимо, вполне ощущая себя членом этой добродушной многочисленной семьи. Довольно странный поросенок, больше похожий на миниатюрную коричневую корову, слонялся по дому с видом хозяйской собаки и отзывался на кличку Пэблс. Он даже питался в буфетной из собачьей миски вместе с Пушкиным, кобелем бернской овчарки, который ухитрился смахнуть со стола посуду одним движением своего хвоста с белым кончиком. Федерика была просто очарована.

Будучи всего шести лет от роду, Федерика влюбилась в галантного героя, спасшего ее из ледяной купели в озере. Когда он появился в холле, чтобы спросить ее о самочувствии, Феде внезапно охватила робость и слова прозвучали как пустая оболочка без наполнения.

— Ты уже выглядишь лучше, — заметил он, окидывая взглядом неуклюжего ребенка с покрасневшими щеками, смотревшего на него с благодарностью. — У тебя губы были

синие. У меня такие бывают, когда я по ошибке засовываю в рот ручку не тем концом. — Он засмеялся.

— Я не могу выразить, как благодарна тебе, Сэм, — сказала Элен. Сэм был высоким, почти шести футов ростом, и смотрел на нее сверху вниз.

— С превеликим удовольствием я сделал бы это когда угодно, но, честно говоря, было несколько холодновато, так что я предпочел бы не повторять такое, по крайней мере в ближайшее время, — ответил он и снова засмеялся.

Элен усадила Федерику и Хэла в машину. Федерика забралась на заднее сиденье и наблюдала, как Сэм машет им рукой вместе с сестрами, которые затем пустились бежать за автомобилем по шоссе.

— Очаровательные люди, правда? — сказала Элен.

— Они мне действительно понравились, — согласилась Федерика. — А скоро мы сможем снова к ним приехать?

— Ты будешь ходить в одну школу с девочками, Феде, так что постоянно сможешь с ними встречаться.

— Здорово, — ответила та и стала смотреть в окно, постепенно погружаясь в свои детские мечты.

Прошло ровно четыре месяца, четыре дня и четыре часа с тех пор, как Эстелла в последний раз поцеловала Рамона Кампионе в своей маленькой, продуваемой ветром комнате в Качагуа. Она ждала, что он вернется, как обещал, но ничего о нем не слышала и даже не получила ни единого письма. Тем не менее она продолжала ждать, как он просил ее и как она ему обещала. Сейчас она сидела на берегу, а мягкий осенний день плавно перерастал в вечер, заливая горизонт янтарным свечением, усиливавшим ее меланхолическое настроение. Она положила руку на живот и ощутила в нем движение растущего ребенка — дитя Рамона. Она горько усмехнулась себе, припоминая мгновения нежности, когда они были вместе, свободные от разделявших их социальных различий. У любви нет границ, подумала она с оптимизмом, но затем стала гадать, не изменил ли он свое решение. А вдруг он понял, что их отношения — это не более чем летний роман у моря, такой же ненастоящий, как и те воображаемые события, о которых он пишет. На книжных полках его родителей она отыскивала написанные им книги и забрала их в свою комнату, где внимательно прочитала каждую. Они были полны магии, сюрреализма и очарования. Поэтические истории о любви, дружбе и приключениях разворачивались на фоне экзотических ландшафтов стран, о которых она никогда даже не слышала. Она узнавала его голос в каждом слове, как будто он находился где-то рядом, шептал ей и любил ее. Она мечтала о его возвращении. Ей так хотелось рассказать ему о той жизни, которую они будут строить вместе. Бог подарил им ребенка, а Бог никогда не ошибается.

На самом деле будущее представлялось Эстелле неясным. В течение последних месяцев ей удавалось сохранять свою тайну. Она даже ухитрилась скрывать приступы тошноты, пробуждавшие ее каждое утро и заставлявшие бежать в туалет, когда желчь подступала к самому горлу. Но она не жалела об этом, она получала удовольствие даже от такого малоприятного состояния, поскольку все, что было связано с Рамоном, являлось для нее подарком. Однако теперь ее живот стал заметно округляться, и к тому же она обнаружила, что стала быстро уставать, что сделало ее медлительной при выполнении работы. Сеньора Мариана смотрела на нее крайне подозрительно. В сущности, Эстелла предполагала, что та, вероятно, уже все знает. У сеньоры Марианы в подобных вопросах была потрясающая интуиция. С другой стороны, Эстелле нужно было продержаться всего несколько недель, до тех пор, когда дон Игнасио и сеньора Мариана должны будут вернуться в свой дом в Сантьяго до следующего лета. По крайней мере, последующие шесть месяцев будут безопасными. Но если они обнаружат ее положение до отъезда, то, как она боялась, ей придется бросить работу и с позором вернуться к своим родителям в Запаллар. Они будут оскорблены, поскольку ни один мужчина не захочет жениться на ней. Кому нужен чужой ребенок? Мать всегда говорила ей, что любой стоящий мужчина стремится жениться на девственнице. Получается, что деваться ей просто некуда. Однако несмотря на вырисовывающиеся мрачные перспективы, она все еще верила в возвращение Рамона. Он не просто обещал, он страстно заверял, будто не может без нее жить, и она согласилась ждать, поскольку любила его и верила, что он тоже любит и нуждается в ней. Да, подумала она, я

знаю, что он обязательно вернется ко мне.

Эстелла побрела от берега к дому и вспомнила, как следила за ним под покровом темноты, когда он, обнаженный, прошел мимо нее. Она хотела его тогда, и она хотела его сейчас. Однако она мечтала не о занятиях любовью, а о том, чтобы просто лежать рядом с ним и чтобы его руки обнимали ее, а его ладонь гордо лежала на ее животе. Она думала о нем как об отце своего ребенка. Когда она вошла в дом, сеньора Мариана поджидала ее в холле.

— Мы должны поговорить, Эстелла, — сказала она, сопровождая ее в гостиную. Эстелла поняла, что разоблачена, и на ее лице выступили капли пота. Наверняка теперь все кончено, обреченно подумала она, и ее грудь сжал панический страх.

— Сегодня вечером у меня есть возможность поговорить с тобой как женщина с женщиной, поскольку муж отсутствует. Как женщина с женщиной, — повторила Мариана, добродушно улыбаясь дрожавшей девушке, пристроившейся в неудобной позе на краю дивана.

— Да, сеньора Мариана, — ответила та покорно.

— Ты ведь беременна, не так ли? — спросила хозяйка, и ее серые глаза остановились на округлившемся животе Эстеллы. Она заметила, что девушка от стыда опустила глаза, а по ее прекрасному лицу скатилась большая слеза. — Я вовсе не злюсь на тебя, Эстелла. — Та в отчаянии замотала головой. — И безусловно, что этот молодой человек намерен жениться на тебе?

— Я не знаю, сеньора Мариана. Он уехал, — запинаясь, произнесла служанка.

— И куда же он уехал?

— Не знаю, сеньора Мариана. Он просто уехал.

— Он собирался вернуться? — мягко спросила та, увидев очевидное отчаяние девушки и ощущая, что ее сердце наполняется сочувствием.

— Он обещал, что вернется. Я верю ему.

— Ладно, больше нам ничего не остается, как верить, правда? Если ты веришь ему, то и я тоже, — попыталась успокоить ее Мариана и ободряюще улыбнулась. — Нам нужно найти кого-то, кто заменит тебя, пока ты не родишь ребенка. Мы с доном Игнасио через несколько дней уезжаем в Сантьяго и не вернемся до октября. Насколько я понимаю, примерно в это время у тебя появится ребенок. Не плачь, дорогая, все образуется. Если он обещал вернуться, то я уверена, что он сдержит слово. Ты слишком хороша, чтобы тебя так просто бросали, — добавила она, поглаживая дрожащую руку Эстеллы.

— Ты был прав, Начо, она беременна, — сообщила Мариана позже, когда муж вернулся к обеду.

Игнасио закатил глаза и кивнул.

— Значит, я оказался прав, — произнес он.

— К сожалению, да, — ответила она и тяжело вздохнула. — Что будем делать?

— А кто папаша?

— Она не сказала.

— Ты спрашивала?

— Ну, — пожалала она плечами, — я пыталась спросить.

— Вопрос состоит в том, женится ли он на ней?

— Разумеется, нет, ведь он смотался, разве нет? — произнесла она гневно, складывая

руки на груди. — Это действительно непорядочно.

— Так это делается в их мире, — подытожил он, разжаловав тот класс, к которому она принадлежала, до уровня нецивилизованных дикарей.

— Не может этого быть. Она так красива и мила. Кем надо быть, чтобы оставить ее в таком положении и сбежать?

— Так случается постоянно и во всем мире. Среди воришек нет понятия о чести.

— Ну что ты, Начо, они ведь не все такие.

— Разве? — настаивал он. — Бьюсь об заклад, что они все одинаковы. В их мире женщины являются жертвами. Так у них принято, и она — не исключение. Она родит ребенка, вернется в Запаллар в свою семью и как-нибудь проживет.

— Начо! — в ужасе воскликнула Мариана. — Ты ведь не собираешься ее выгнать?

— А чего ты от меня ожидаешь? — Он пожал плечами.

— Она может одновременно работать и присматривать за ребенком, — спокойно предложила она.

— У нас здесь не благотворительная организация, — резко возразил он. Мариана заметила, как его уши покраснели, что обычно являлось признаком того, что его терпение подходит к концу.

— Я не могу допустить, чтобы она потеряла не только жениха, но и работу. Мы не можем быть такими бессердечными, Начо. *Mi amor*, давай не будем больше говорить об этом. У нас впереди еще пять или шесть месяцев, чтобы принять окончательное решение.

Он мрачно кивнул и проследил взглядом за тем, как она идет на террасу. Проблема с людьми, думал он, состоит в том, что они не несут ответственности за свои поступки. Рамон такой же негодяй, как и любовник Эстеллы, решил он, поскольку тоже позорит свой собственный класс.

С тех пор как Рамон покинул Сантьяго, он успел переспать с несколькими женщинами, но так и не смог стереть приятные воспоминания, связанные с Эстеллой, которые засели в его памяти и не давали ему покоя. За всем этим скрывалось чувство вины. Он ведь сказал, чтобы она ждала его, и знал, что она так и сделает. Правильно было бы написать и избавить ее от мучительной неопределенности, но он не мог. Он не желал терять ее и хотел держать дверь открытой на тот случай, если он, проснувшись в одно прекрасное утро, ощутит неудержимое стремление вернуться к ней. Иногда он просыпался, сгорая от желания, которое терзало не только его тело, но и разум. Тем не менее каждый раз он ухитрялся убеждать себя, что не может любить ее так, как она хотела бы быть любимой, и так, как хотели бы быть любимыми все женщины. Также как и Элен. Он не мог вернуться ради нее. Он не мог вернуться ради кого бы то ни было.

Рамон ехал на старом трясущемся поезде, тащившемся по безводной западной индийской пустыне к Биканеру. Солнце плавало крыши вагонов, создавая внутри атмосферу удушающей жары, пахнувшей потом и дурманящими ароматами специй, которые достигали его ноздрей и вызвали ощущение сухости в горле. Все места были заполнены смуглолицыми мрачными мужчинами в тюрбанах и их темноглазыми детьми, смотревшими на него с невинным любопытством и хихикавшими, прикрываясь ладошками. Они знали, что он иностранец, несмотря на его домотканую одежду местного производства. Когда они въехали в Джодпур, он заметил, что женщины одним изысканным движением своих

длинных, украшенных многочисленными перстнями пальцев скрывают лица под чадрой. Спустя некоторое время они забыли о существовании Рамона, глазевшего на них пристальным взглядом профессионального рассказчика, и занялись болтовней между собой на языке, которого он не понимал. Индийские женщины ему нравились. Его очаровали их утонченная женственность, достоинство, с которым они держались, изящество их движений под блестящими сари. Они казались яркими цветками, выросшими на скудной почве. Он не рассматривал этих женщин, являвших собой образец добродетели, как потенциальную добычу, но находил загадочный театр их мира чересчур увлекательным зрелищем, чтобы оторвать от него взгляд. Ему казалось, что, если он сделает слишком резкое движение, они могут улететь, чтобы затем устроиться в зеленых листьях одного из баньяновых деревьев, которые каким-то чудом ухитрились выжить в такой бесплодной местности.

Пыль проникала сквозь окна подобно дыму и оседала повсюду. Тощий старый индус в алом тюрбане сидел в углу, скрестив ноги, и выгружал из сумки свой завтрак, выкладывая перед собой посуду и остро пахнущую пряностями еду с видом священника, осуществляющего обряд. Он занимал два места, несмотря на множество утомленных пассажиров, толпившихся из-за нехватки мест в коридорах. Маленький мальчик следил за мужчиной, готовившимся перекусить, голодным взглядом, в котором теплилась надежда, что если он будет смотреть достаточно пристально, то, может быть, ему предложат хоть немного чего-нибудь.

Внезапно раздался визг тормозов, сопровождавший экстренную остановку поезда. Рамон сквозь горизонтальные прутья посмотрел в окно. Дремлющее состояние людей сменилось рокотом приглушенных голосов, когда почти все пассажиры заговорили одновременно, покидая поезд, чтобы поглядеть, что там случилось. Рамон наблюдал, как они, словно муравьи, высыпали из вагонов на песок пустыни. Вскоре температура внутри салона поднялась настолько, что Рамону, чтобы не изжариться заживо, пришлось присоединиться к остальным и отправиться глотать пыль под палящее солнце. Спускаясь, он заметил красивую европейскую женщину, пробиравшуюся сквозь толпу с неловкостью мула, попавшего в стадо элегантных замбаров^[6]. Похожа на Элен, подумал он и предположил, что она может оказаться англичанкой. Она в нетерпении продвигалась к людям, сгрудившимся впереди. Ее лицо было искажено раздражением, но, тем не менее, сохраняло высокомерие, более уместное в былые годы колониальных отношений. На ней были белые брюки и высокие ботинки для верховой езды, не скрывавшие стройных ног и изящных форм.

Он улыбнулся ей, протягивая бутылку с водой.

— Не желаете немного воды? — спросил он на английском.

Она глянула на него из-под своей шляпы, больше похожей на пробковый шлем.

— Благодарю вас, — вздохнула она, принимая бутылку. — Что, черт побери, случилось?

Поезд и так ушел с опозданием, а теперь нам придется задержаться еще бог знает насколько. В этой стране все происходит не так, как предполагается.

Рамон рассмеялся.

— Это Индия, — сказал он, оглядывая ее с ног до головы.

Она прищурила свои светло-голубые глаза и тоже окинула его оценивающим взглядом. Он в принципе мог быть индусом, но акцент делал такое предположение маловероятным.

— Анджела Томлинсон, — представилась она, протягивая руку и пристально глядя на него.

— Рамон Кампоне, — ответил он, принимая рукопожатие.

— Испанец?

— Чилиец.

— Это более экзотично. Боюсь, что я из Англии, — сообщила она улыбаясь. — Это не очень экзотично.

— Только для жителей Британии, — сказал он. Она засмеялась, вытирая рукой свое веснушчатое лицо. — Я лично считаю Англию весьма экзотической страной.

— Вы, должно быть, единственный, кто так думает. Разве я не счастливица, что нашла вас? — хихикнула она.

— Полагаю, что на рельсах оказалось животное или человек, — сообщил он, шурясь на солнце, но ничего не разглядев из-за множества индийцев, собравшихся поглазеть на то, что попало под поезд.

— Какой ужас. А это надолго? — спросила она, морща нос от отвращения.

— Почему вы так спешите?

— Мне уже сейчас следовало находиться в Биканере. Деловые встречи, знаете ли. Боюсь, что я слишком пунктуальна. Ненавижу, когда заставляю людей ждать.

— А чем вы занимаетесь?

— Отели. Я являюсь консультантом. Мы строим новый отель, а тот, в котором мне придется остановиться, подозреваю, окажется значительно менее привлекательным.

— Но бесконечно более очаровательным, — добавил он, представляя, что за чудовищную конструкцию создает ее компания.

Она кокетливо улыбнулась.

— Что привело вас в Биканер?

— Приливы и отливы, — ответил он.

Она посмотрела на него с удивлением.

— И это все?

— Это все.

Они поболтали еще, пока погибшую корову не оттащили с пути на песок, где ею тотчас занялись птицы и насекомые. Утомленные пассажиры медленно брели вдоль поезда и снова возвращались в удушливое пекло вагонов. Рамон последовал за Анджелой в ее вагон первого класса, и поезд снова пришел в движение. Первый класс не сильно отличался от переполненного вагона, в котором он ехал раньше, поскольку был так же наполнен запахом специй и пылью. Здесь тоже было множество болтливых индийцев и стояла страшная жара. Анджела села у окна, пытаясь немного охладиться на ветру. Она закрыла глаза и подставила лицо встречному потоку воздуха. Станным образом она напоминала Рамону Элен, и он обнаружил, что думает о ней и о детях. Он был так далеко, что было трудно представить, что они теперь в Англии, проживают в Польшерро, забыв о его существовании. Анджела отличалась такой же прямолинейностью, свойственной только англичанам, и он понял, что, несмотря на все свои усилия, скучает без Элен.

Анджела приехала слишком поздно и опоздала на встречу.

— Боже, меня повесят, колесуют и четвертуют, — жаловалась она, раздраженно теребя свои часы.

— Вы не сможете изменить время, так что оставьте свои часы в покое, — сказал Рамон, сопровождая ее сквозь плотную толпу людей и усаживая в запыленное такси, за рулем которого сидел морщинистый старикан с маленькой серой обезьянкой на плече, игравшей

миниатюрными фигурками пластиковых божков, свисавших с зеркала.

— Я понимаю. Все это так на меня не похоже, — плакалась она.

— Послушайте, это ведь Индия. Они прекрасно знают, что поезд опоздал — здесь ничего вовремя не происходит. Вы проведете свою встречу завтра. Одной из многих причин того, что я не могу работать на других, является то, что я не могу позволить кому бы то ни было контролировать, как я провожу свое время, — сообщил он.

— Тогда вы счастливчик! — воскликнула Анджела.

— Почему бы вам не организовать собственное дело? — предложил он.

— Для этого я слишком ленива и безответственна.

— Иногда быть безответственным очень забавно.

— Да, — она вздохнула и заметила, что он пристально на нее смотрит. — Полагаю, что вы собираетесь пригласить меня немного выпить?

— Если вы не против.

— Думаю, что мне просто необходимо слегка расслабиться.

— Отлично.

— Давайте отправимся в мой «невероятно очаровательный» отель, — предложила она и рассмеялась.

— Хорошая мысль. Я еще не думал, где остановлюсь.

— Чтобы посмотреть на приливы и отливы?

— Точно.

— Ладно, дорогой, считай, что тебя прибило к моему берегу, — сказала она, переходя на «ты», и положила свою ладонь на его руку. — Доверься мне.

Занятия любовью с Анджелой напомнили Рамону о его жене и об Эстелле. Ее британский акцент вызвал у него ностальгические воспоминания о последних нескольких днях, проведенных с Элен и детьми, а запах ее тела и вкус кожи только усилил ощущение утраты Эстеллы в связи с тем обстоятельством, что Эстелла была бесконечно слаще. В результате он был разочарован. С таким же успехом он мог провести время с лошадью, поскольку она скакала на нем с азартом и выносливостью профессионального жокея. Получив удовольствие, она сползла с него и заснула в манере, присущей в большей степени мужчинам. Он посмотрел на ее белую рябоватую кожу, спутанные волосы и осознал, что не желает больше ни минуты оставаться в ее постели. Он встал, оделся и ушел, не оставив на прощание даже записки.

Рамон вышел на улицу, окунувшись в душный ночной воздух. Рассвет уже начал потихоньку окрашивать небо золотом, а по крышам, гоняясь друг за другом, носились неугомонные обезьяны. Им овладела меланхолия. Неудачный любовный опыт всегда ухудшал его настроение, и сейчас он остро ощутил тоску по поэтической любви Эстеллы. Сидя под безбрежным пустынным небом, он вытащил из рюкзака ручку и бумагу, позаимствованные в гостиничной комнате Анджелы, и начал письмо к Федерике, но с таким расчетом, чтобы его прочитала Элен. Ему не хватало ее, что было странно, поскольку это чувство было покрыто многолетней пылью в силу своей не востребоваваемости. Раньше он никогда по ней не скучал. Но теперь он тосковал по ее мысленному образу, хотя сама она уже ему не принадлежала. Он чувствовал, что не может просто «пережить» это, как делал раньше. Рамон невероятно скучал по прелестному личику Федерики. Он даже тосковал по Хэлу, к которому никогда по-настоящему не был привязан. Его базовый лагерь прекратил

свое существование. Теперь у него уже не было дома, куда можно было возвращаться — хотя бы в мечтах.

Он написал рассказ для Федерики о таинственной девочке, которая следовала за ним в его путешествиях. «Должно быть, она ангел, — пояснял он, — поскольку у нее длинные развевающиеся волосы цвета облаков на рассвете. Она прекрасна не только внешне, но и внутренне, что является очень важным и очень редким качеством. Впервые я увидел ее во сне. Мое стремление к ней было так велико, что, когда я проснулся, она сидела на краю моей постели, глядя на меня светлыми блестящими глазами, полными любви. Она сопровождала меня повсюду: и в Гималаях, где по склонам гор бродят лохматые яки, и на огромном озере Кашмира, где большие птицы охотятся на летающих рыб, хватая их в воздухе и унося в небесную высь. Она наслаждалась всеми чудесами мира вместе со мной и сделала меня очень счастливым. Сейчас, после многих дней и ночей путешествия в ее компании, я понял, что она не существует в действительности, а является плодом моего воображения. Но осознал я это лишь после того, как попытался прикоснуться к ней и мои руки прошли сквозь нее, как сквозь призрак. Однако она не призрак, поскольку я знаю, что она действительно живет в Польше со своей мамой и братом Хэлом. Я больше не пытался прикоснуться к ней, а только наблюдал за ней и улыбался. А она улыбалась мне в ответ, и это показалось мне самым загадочным в этой истории».

— Как сейчас обстоят дела у Федерики в школе? Лучше? — спросила Ингрид, склонившись над мольбертом и рисуя портрет Сэма, читавшего на лужайке. — Проклятье! — с жаром воскликнула она. — Птички у меня получаются гораздо лучше.

— Нормально, — отсутствующим тоном ответила Молли, сосредоточившись на гирлянде из травы, которую она мастерила.

— О, я рада за нее. Не так просто переехать в другую страну и обзаводиться новыми друзьями.

— Вначале она была очень молчаливой, но Эстер сказала, что теперь она повеселела. Она больше дружит с Эстер, — пояснила Молли, которая была на два года старше, и ей уже надоели их детские игры.

— В любом случае летом веселее, — сказала Ингрид, откидываясь на стуле и меняя кисть на сигарету, дымившуюся в элегантно мундштуке на столе возле нее. — Сэм, дорогой, не шевелись, — скомандовала она, взяв в руку монокль и внимательно изучая свое творение.

— Мама, я уже целый час не двигаюсь, зачем же мне сейчас это делать? — произнес Сэм, читавший лежа на животе «Милый друг» Мопассана и вовсе не удивленный тем, что его беспокоят. Ингрид улыбнулась ему из-под своей широкополой шляпы.

— Это всего лишь мера предосторожности, дорогой. Я вовсе не хочу, чтобы ты испортил мою картину.

— А она получилась?

— Безусловно. Но была бы еще лучше, если бы ты оказался чайкой или ястребом.

— Извини, — ответил он, и в уголках его губ появился намек на улыбку.

— Федерике нравится Сэм, — доложила Молли, положив свою гирлянду и похлопывая Пушкина, который развалился рядом с ней, пыхтя от жары.

— У нее очень хороший вкус, — одобрила Ингрид, отрывая взгляд от мольберта и с гордостью улыбаясь сыну.

— Что ты думаешь об этом, Сэм?

— Я вообще не думаю, Молли, — раздраженно ответил Сэм.

— Но обо всем остальном ты думаешь, — не отставала она.

— Возможно, но я не думал о Федерике Кампионе.

— Дорогой, она очень милая девочка, — прервала его Ингрид.

— Вот именно — девочка, — подчеркнул Сэм. — Если я и буду о ком-то думать, то это будет женщина, а не ребенок.

В тот же момент на лужайке появилась Эстер с фыркающим ежом в руках и в сопровождении вьетнамской свиньи Пэблс.

— Мне кажется, что Приклсу уже лучше, — заявила она. — Он снова может ходить.

— Хвала небесам за это. Ты накормила его? — спросила Ингрид, моментально отвлекаясь от своего занятия.

— Да. Он выпил все молоко. Но у него еще полно блох. Нуньо сказал, что не стоило

брать его в дом, поскольку он уже все исцарапал.

— Твой дедушка слишком впечатлительный. Если бы ты не рассказала ему о блохах, то о царапанье речи бы не было.

— Феде придет на чай, — сообщила Эстер.

— Хорошо.

— Ее мама разрешила ей ездить на велосипеде.

— Поздновато, пожалуй. Мне кажется, что она слишком осторожничает. Хотя, — задумчиво произнесла Ингрид, держа кисть на весу, — после того что перенесла бедная девочка, это едва ли удивительно.

— А что она перенесла? — невинно спросила Эстер.

— Ну, ей пришлось покинуть свой дом и начать все сначала на новом месте, — пояснила Ингрид.

— Она не видела отца с тех пор, как уехала из Чили, — добавила Молли, собирая на лужайке материал для новой гирлянды. — Я даже не думаю, что он присылает ей письма. Уверена, что он — настоящее чудовище.

— Ты не можешь говорить плохо о людях, которых не знаешь, Молли. Как бы то ни было, я не думаю, что он намеренно жестокий человек. Скорее просто эгоистичный и безответственный.

— Бедняжка Феде, — вздохнула Эстер. — Она постоянно говорит об отце.

— Бьюсь об заклад, что он даже не думает о ней и ее матери. А они развелись? — невозмутимо спросила Молли.

— Господи, нет! — ответила мать, вытирая кончик своей кисточки. — Они только живут раздельно. Я уверена, что, в конце концов, они снова будут вместе. Представляю, как тяжело там было Элен. Это вам не Англия.

— Элен, может быть, влюбится в кого-то еще, — высказала предположение Молли, получая удовольствие от самой мысли о скандале.

— Ты слишком начиталась романтических книг, дорогая, — засмеялась Ингрид, качая головой в сторону дочери с той снисходительностью, которая позволяла всем ее детям вести себя так, как они хотели.

— Эстер, — начала Молли, — правда или нет, что Феде нравится Сэм?

— Оставь это, Молли, — прервал ее Сэм, не отрываясь от книги. — Мама, если они не заткнутся, я пойду читать в сад.

Ингрид вздохнула.

— Девочки!

— Да, это правда. С того момента, как он спас ее из полыньи, — ответила Эстер, не в силах оставить вопрос старшей сестры без ответа.

— Девочки, вы мешаете Сэму читать. Я уверена, ему лестно, что Федерика так относится к нему, но, по правде сказать, ему уже пятнадцать лет, и у него есть более важные вещи для раздумий, чем влюбленность шестилетнего ребенка.

— Он должен быть благодарен всем, кому нравится, — возразила Молли, которая любила, чтобы последнее слово оставалось за ней. Сэм проигнорировал ее и перевернул очередную страницу.

— Как славно светит солнце! — воскликнул Нуньо, поспешно спускаясь на лужайку. — «Когда отступит ночь с медовых трав лугов, благословенный май листвой нам салютует», —

продекламировал он, окидывая взглядом окружающий их безмятежный пейзаж.

— Роберт Бриджс, «Соловьи», — небрежно проронил Сэм.

— Совершенно верно, мой дорогой мальчик, — подтвердил Нуньо, слегка наклоняя голову в знак одобрения, будто действие происходило на сцене.

— Тебе следует вспомнить об Италии, Нуньо. В этой стране погода скверная, независимо от месяца, — гадким голосом произнесла Молли.

— Вот как! Вредная Молли подобно *гранде нувола* закрыла солнце. Я никак не могу повлиять на хныканье капризной девчонки. — Он засопел. Молли закатила глаза и ухмыльнулась Эстер. — Не думайте, что я не заметил молчаливых перемигиваний между тобой и твоей сообщницей, — добавил он, глядя на них с напускной свирепостью. — Вас обеих расстреляют на рассвете. А теперь, Ингрид, давай посмотрим твою *опера д'арте*. — Он перегнулся через плечо дочери и уставился в холст с видом крупного знатока. — Недурно, недурно. Наши итальянские мастера, конечно, не бросились бы поздравлять тебя с бокалом Шато Лафита, но и не отшатнулись бы в ужасе, — медленно произнес он с подчеркнутым итальянским акцентом, который культивировал столько лет и без которого уже не мыслил своего существования. — Совершенно очевидно, что изображен Сэм, моя дорогая, только непонятно, где у него ноги, а где голова.

— О Господи, папа, иди и почешись где-нибудь в другом месте, — вздохнула Ингрид, делая затяжку и жест рукой, означающий «можешь быть свободен».

— В отношении этого не слишком приятного предмета я должен заметить, что негигиенично держать в доме животных с блохами. Я скоро с ума сойду от этой чесотки, и никакие купания не приносят мне облегчения. Свинья должна удалиться из дома.

— Эстер, ты должна позволить Приклсу удалиться из дома, — опять вздохнула Ингрид.

— Какое невыразительное имя для любимца, — заявил Нуньо неодобрительно и выпрямился. — В любом случае с подобным именем он не стоит того, чтобы быть приглашенным в приличный дом.

Федерика довольно быстро стала постоянным визитером в беспорядочно выстроенном особняке Эплби. Имя у нее было итальянским, так что она мгновенно заслужила расположение Нуньо, который заметил, что с подобным именем ей не только гарантируется особая красота и очарование, но и озорной характер, что, как добавил он непререкаемым тоном, так же важно, как щепотка перца в самом изысканном блюде с неаполитанскими спагетти.

Эстер была очень рада, что нашла себе новую подружку. Она всегда была хвостиком своей старшей сестры Молли, которая командовала ею как хотела, а затем быстро отправила ее «в отставку», когда подыскала себе в школе более подходящую компанию. Федерика, сама того не ведая, помогла Эстер ощутить собственную значимость. Она с горячностью крутила педалями велосипеда почти каждый день, чтобы увидеться с Эстер, и с благодарностью позволила ей взять на себя лидерство. Они погружались в детские игры без тех комплексов и запретов, которые неизбежно возникали при появлении Молли. Они спускались по скалам в потайные бухты и проходы, где можно было найти пещеры и спрятаться в них, там они делились своими детскими секретами. Море в Англии оказалось совсем другим, темным и грязным, полным морских водорослей и с сильным запахом соли и озона. Но Эстер научила Федерику любить его, строить замки из плотного песка и разыскивать мидий и крабов среди множества мелких лужиц, возникающих в скалах при высоком приливе. Они соорудили плот

для озера, сделали удочки из палок и иногда, правда всегда под наблюдением взрослых, жгли костры. Когда зиму сменила весна, дни удлинились и стало значительно теплее, их дружба расцвела вместе с яблонями.

Сэму практически нечему было учиться в школе. Он был намного умнее любого из прочих учеников и смотрел на них как на заторможенных или просто тупоголовых школяров. Он редко читал книги, которые следовало читать по программе, предпочитая им французских классиков девятнадцатого века, таких как Золя, отец и сын Дюма и Бальзак, поставляемых дедушкой Нуньо. Тем не менее он ухитрялся оставаться лучшим по всем предметам, включая и математические дисциплины, в которых не считал себя особо сильным. Со своими светло-песочного цвета волосами, большими, полными ума серыми глазами и затаившейся в уголках рта усмешкой он производил впечатление харизматической и высокомерной личности, знающей себе цену. Он был твердо убежден, что совсем не такой, как все остальные.

Итак, Федерика влюбилась в него. Он удивленно улыбнулся про себя этому известию и сразу же забыл о нем. Многие девушки были влюблены в него, чего не могли осознать другие парни, не понимающие простой истины, состоящей в том, что девушки любят тех, кто выделяется среди других. Где именно они выделяются — не имеет значения, будь то игровое поле или учебный класс. Девушкам нравятся уверенные в себе юноши, которые командуют другими и которые блистают на фоне остальных.

Сэм блистал. Ему не нравился ни футбол, ни регби — он терпеть не мог коллективных действий. Зато он недурно играл в теннис, но только в одиночку, у стенки. Парные игры раздражали его. Он любил изрядно побегать до полного изнеможения. Девушки его тоже легко утомляли. Но он не был жестким человеком. Если девушка ему нравилась, он вел себя как романтик, звонил ей, писал послания. Его намерения всегда были самыми искренними. Но дальше все происходило как с новой книгой, прочитав которую он переходил к следующей.

Мать говорила ему, что такое поведение является совершенно естественным для молодого человека его возраста. Нуньо вообще высказывался в том смысле, что женщины не стоят того, чтобы он тратил на них свое время, и продолжал усердно снабжать его новыми книгами. «Увы! Женская любовь! Как известно, она может быть прелестной и ужасной», — говаривал он, на что Сэм с готовностью отвечал: «Байрон, "Дон Жуан"». Его отец в те редкие моменты, когда отрывался от своих философских творений, советовал ему обратить внимание на более зрелых женщин, поскольку нет ничего менее привлекательного, чем мужчина, не понимающий сложностей женского тела, а более опытная женщина сможет научить его искусству любви.

Таким образом, Сэм преисполнился решимости найти себе умудренную годами и опытом женщину. Знакомые ему девушки были слишком юными, чтобы можно было рассчитывать получить от них нечто большее, чем поцелуй, а он уже, в определенном смысле, дозрел до большего. Проблема состояла в том, что он стал испытывать неудобства от постоянно неудовлетворенного сексуального желания, что отвлекало его от занятий и его любимой французской литературы девятнадцатого века. Он ловил себя на том, что думает о сексе в самые неподходящие моменты, например в автомобиле или в поезде. При этом он обычно находился не один, так что не мог дать волю своим интимным фантазиям. Если ему не удастся в ближайшее время найти женщину, то вскоре он может сойти с ума от

неудовлетворенности, думал Сэм.

Федерика провела утро с дядей Тоби и его другом Джулианом в их лодке, названной в честь ее матери «Элен». Море было спокойным, как озеро, что позволило им проплыть несколько миль с помощью сильного, но теплого южного ветра, заставлявшего лодку резать воду со скоростью акульего плавника. Федерике очень понравился ее дядя. Он привел ее в свой дом и показал коллекцию насекомых. Он рассказал ей, как муравьи строят свои кучи и как здорово они трудятся, подобно маленькой армии очень дисциплинированных солдат, перенося в свои жилища куски пищи, иногда вдвое превышающие их размеры. Вдвоем они прятались ночью в кустах, чтобы понаблюдать за лисами и барсуками. Он построил для нее в саду родителей домик на дереве, так что она могла в засаде поджидать кроликов, пробиравшихся в огород и претендовавших на дегустацию капусты, выращиваемой Полли. В апреле они нашли потерявшегося птенца черного дрозда, вероятно выпавшего из гнезда, и немедленно доставили его в особняк Эплби к Ингрид для дальнейшего лечения. Тоби и Федерика после этого приходили к ней каждый день, чтобы контролировать его выздоровление. Федерика была слишком застенчивой, чтобы являться в одиночку, особенно по той причине, что боялась оказаться наедине с Сэмом и не найти что сказать. Он не проявлял к ней абсолютно никакого интереса. С чего бы это? Она понимала, что была для Сэма ребенком, но не могла выбросить из головы мысли о нем. Птицу наскоро окрестили Блэки — еще одно неоригинальное имя, вызвавшее недовольство Нуньо, но никакие уговоры не могли заставить ее улететь. «Жизнь слишком хороша», — произнес Нуньо, когда малютка Блэки уселся на кофейной чашке и стал лакомиться крошками хлеба из рук Эстер. После этого Эстер настояла, чтобы Федерика приезжала каждый день. Та вначале заколебалась, но вскоре стремление быть частью этого семейного клана намного превзошло ее робость, и она быстро привыкла к тому, что каждый день отправлялась на велосипеде к ужину с чаем.

Эстер, как заботливая няня, оказывала Федерике помощь во время ее первого семестра. Она сама была робким ребенком, но в течение этого семестра удивила учителей, на их глазах набираясь уверенности в себе. Благодаря усилиям Эстер, вовлекавшей ее во все свои дела, у Федерики впервые в жизни появились друзья. В Чили она всегда предпочитала находиться в одиночестве, но сейчас все изменилось. Она нуждалась в Эстер, и, к ее удовольствию, Эстер тоже нуждалась в ней. Но никто не мог заменить ей отца, никто, даже дядя Тоби.

Когда Федерика вернулась домой после морской прогулки под парусом, то обнаружила, что мать плачет, сидя на диване в гостиной.

— Мама, что случилось? — спросила она, ощущая, как сердце наполняется ужасом. А вдруг что-то случилось с Хэлом или с бабушкой и бабушкой.

— Пришло письмо от твоего отца, — засопела Элен, вручая дочери залитый слезами листок бумаги. — Извини, что я открыла его, дорогая. Я ведь подумала, что оно предназначено мне.

Она солгала. Она просто не могла сдержаться. У нее не было вестей от Рамона с тех пор, как они уехали в январе. Когда она узнала его почерк, то вскрыла письмо, ощутив внезапный приступ ярости и желания. Оно пришло из Индии, было написано на почтовой бумаге отеля и находилось в пути в течение месяца. Он написал такой чарующий рассказ для Федерики, что слезы наполняли глаза Элен до тех пор, пока не хлынули по лицу бурным

потоком ревности и обиды.

— Я ненавижу Рамона за то, что он вынудил меня стать той, в кого я превратилась, — объяснила она позднее в тот же вечер матери, когда Федерика отправилась в постель. — Я ревную его к собственной дочери, потому что он написал ей, а не мне. Он любит ее. Он любит ее в своей собственной безнадежной манере. Меня дико возмутила его жестокость, пусть и ненамеренная. Написав это письмо, он дал ей надежду. Но ведь он не собирается возвращаться. Все кончено для нас всех. И для Федерики тоже. Однако это письмо только усугубило ситуацию. Он воскресил ее надежды лишь для того, чтобы растоптать их позже. Он всегда был таким импульсивным. Охваченный внезапным раскаянием или тоской по дому, или еще бог знает чем, он написал это послание любви, но сейчас уже наверняка позабыл о нем. Вот это и мучает меня. Он такой чертовски безответственный. Если бы он поступил честно и попросил ее забыть его, она не находилась бы постоянно на грани нервного срыва. Это просто невыносимо. Он не приписал мне даже нескольких слов в конце письма. А Хэл, ведь он и ему тоже отец. Будто мы для него вообще не существуем.

* * *

Федерика читала письмо, и ее сердце парило, как счастливый воздушный шарик, наполняя грудь радостным возбуждением. Очевидно, что это означает его скорый приезд, подумала она, прикусив губу, чтобы не закричать от радости. Затем она стремглав побежала в кабинет деда, чтобы определить положение Индии на карте. Это не было слишком далеко от Англии. Вообще недалеко, решила она, поворачивая глобус, чтобы найти Чили. Чили находилось на другой стороне земли, но Индия оказалась близко. Достаточно близко, чтобы он заехал к ним на пути к Сантьяго. Она несколько раз перечитала письмо, прежде чем положить его в шкатулку с бабочкой, стоявшую на ее прикроватной тумбочке. Когда она прислушалась к тихому перезвону крошечных колокольчиков, ее наполнила уверенность, что он любит ее и думает о ней. Это письмо так своевременно нарушило четырехмесячную тишину, когда она почти потеряла надежду на то, что он вообще еще помнит о ней.

— Сегодня я получила письмо от папы, — сообщила Федерика Эстер, когда они сидели на плоту среди озера. — Он скоро навестит нас.

— Это здорово, а что он пишет?

— Он написал для меня рассказ. Он пишет чудесные рассказы, — сказала она, и ее щеки зарделись от удовольствия.

— Это его работа?

— Да. Он пишет книги. Однажды он писал о Польперро для «Нэшэнэл Джиогрэфик». Именно тогда он встретил маму.

— Правда? Очень романтично.

— Так и случилось. Он написал тайное послание, понятное только ей, прямо в статье. И тогда она поняла, что он ее любит.

— Молли говорит, что твои родители развелись, — внезапно для самой себя брякнула Эстер, прежде чем смогла остановиться. Федерика от ужаса чуть не задохнулась, а ее лицо стало пунцовым.

— Развелись? Нет, это неправда. Кто ей это сказал? — спросила она, чуть не плача.

— Думаю, что она сама пришла к такому выводу, — выпалила Эстер.

— Ну, это не так. Они не разведены. Папа скоро приедет. Скажи ей об этом. Если бы они развелись, он не написал бы мне такое хорошее письмо, не так ли?

— Конечно нет. Молли вечно что-нибудь выдумает, — поспешно дала задний ход Эстер, сожалея о том, что сорвалось с языка, поскольку лицо Федерики мгновенно посерело и теперь выражало глубокое страдание. Они сидели молча, думая каждая о своем, причем Эстер мучило раскаяние, а Федерику — неопределенность.

— Если я расскажу тебе тайну, ты обещаешь, что сохранишь ее навсегда? — тихо спросила Федерика, печально глядя на подругу.

— Обещаю. Можешь довериться мне. Ты ведь знаешь, что это правда, — с чувством сказала Эстер.

— Никому не говори об этом. Вообще никому.

— Я не скажу, обещаю.

— Даже Молли.

— Особенно Молли, — твердо сказала Эстер.

— Когда мы были в Качагуа у родителей папы, я подслушала, как ругались мои родители, — нерешительно начала Федерика.

— О чем?

— Мама обвиняла папу в том, что мы его не интересуем и что именно поэтому он проводит так много времени в других странах. Я тебе раньше не говорила, но папа почти все свое время проводит в путешествиях. Мы его видим лишь изредка. Он внезапно будто спускается с облаков после длительного отсутствия. Иногда он не бывает дома целый месяц, иногда — даже больше. Она сказала, что их брак оказался всего лишь клочком бумаги и что она предоставляет ему свободу. А еще она сказала, чтобы он никогда больше к нам не возвращался. — Подбородок Федерики задрожал от охватившего ее отчаяния.

— Но ведь он написал тебе письмо, — возразила Эстер, подвигаясь к подруге и ласково обнимая ее за плечи.

— Я знаю. Он ведь не написал бы, если бы не собирался вернуться, правда?

— Ну конечно. Если бы он не хотел больше вас видеть, он бы вообще не писал. Зачем тогда это нужно?

Федерика кивнула головой.

— Да, он бы не прислал письмо, — согласилась она.

— Поэтому не о чем печалиться. Наоборот, есть повод веселиться. Скоро он приедет, возможно, очень скоро.

— Если бы они развелись, то я бы знала, верно?

— Да. Им бы пришлось сообщить тебе.

— Мама сказала, что мы будем жить в Англии, а папа будет приезжать и навещать нас, так же, как делал это раньше.

— Тогда именно так все и будет, — сделала вывод Эстер. Федерика вытерла слезы носовым платком, извлеченным из кармана. Единственной персоной, носившей платок в кармане, которую знала Эстер, был Нуньо. — Знаешь, моя мама утверждает, что люди во время ссоры часто говорят о таких вещах, которые вовсе не собираются делать, — сообщила Эстер и добавила: — Мой отец говорит ужасные вещи, но нас это абсолютно не беспокоит, поскольку, когда он злится, — это совершенно другой человек. Полагаю, что твои родители тоже становятся другими людьми, когда ругаются. Не думаю, что они действительно

собирались так поступить.

— Я тоже, — согласилась Федерика, почувствовав себя значительно лучше.

— Почему бы не попросить Сэма разжечь для нас костер? — с энтузиазмом предложила Эстер.

Федерика с благодарностью посмотрела на подругу и переключила свои мысли на Сэма. Она сразу же позабыла об отце и о подслушанном разговоре в Качагуа. Яростно работая веслами, они направили плот по стеклянной глади озера к зарослям тростника и камыша.

Сэм не был особо счастлив, когда его оторвали от книги. Они обнаружили его лежащим на диване в гостиной с пакетом картофельных чипсов, которые он поглощал под музыку Дэвида Боуи. Он попросил их пойти и поискать для воплощения своей идеи кого-нибудь другого.

— Но больше никого нет, — возразила Эстер.

— А как насчет Беа?

— Сегодня суббота, дурашка, — ответила она.

— Но она здесь, ведь я ее слышу, — сообщил Сэм, выгребая очередную горсть чипсов.

— Ладно. Но если она не согласится, ты сделаешь это?

— Помчусь со всех ног. Но только походи и позови ее, — скомандовал он.

Эстер вышла в холл и стала звать Беа. Федерика последовала за ней как хвостик, боясь оставаться наедине с Сэмом. Пока Эстер призывала Беа, Федерика следила за Сэмом сквозь приоткрытую дверь. Он был таким красивым, что ей ужасно захотелось стать пятнадцатилетней девушкой, чтобы он обратил на нее внимание.

Когда Беа торопливо спустилась по лестнице, она выглядела совершенно иначе, чем заурядная няня, извлекавшая Федерику из мокрой одежды в тот зимний день, когда она провалилась под лед. Сейчас она была одета для выхода в плотно облегающее ее фигуру черное платье и туфли на высоких шпильках, а ее кудрявые светлые локоны упруго подпрыгивали при каждом шаге. С длинными черными ресницами и сияющей красной помадой на губах Беа была похожа на раскрашенную куклу.

— Что тебе нужно, Эстер? — спросила она, перегнувшись через перила. — Мне уже пора уходить.

— Мы хотим, чтобы ты зажгла для нас костер.

— Ну, я едва ли смогу вам помочь в таком виде, как ты думаешь? — ответила та и благосклонно улыбнулась.

— Но Сэм не сможет это сделать.

— Вот как? Почему же?

— Потому что он читает.

— Ради бога, да он читает с утра до вечера. Где он?

— В гостиной, — сказала Эстер, наблюдая, как Беа решительно проходит мимо них, готовясь к стычке с Сэмом.

Сэм зевнул и раздраженно отвел глаза от книги. Но когда он увидел возвышавшуюся над ним Беа с ее длинными оголенными ногами на сверкающих черных шпильках, он отложил книгу и сел, охваченный изумлением.

— Сэм, ты разве не можешь оторваться на пять минут от своей книги и зажечь для девочек костер? — спросила она, но Сэм ее не слышал... Он завороченно следил за ее алыми губами, представляя, что они могли бы для него сделать.

— Извини? — произнес он, запинаясь и мотая головой, чтобы избавиться от заманчивой картины, мгновенно нарисованной его богатым воображением.

— Я говорю, не возьмешь ли ты на себя труд зажечь костер для девочек? — нетерпеливо повторила Беа.

— Да, конечно, — с готовностью ответил он.

Беа выпрямилась. Все решилось без проблем, удивленно подумала она. Обычно было совершенно невозможно заставить Сэма делать то, что он не хотел.

— Спасибо, Сэм, — сказала она, бессознательным жестом опуская подол платья вниз по бедрам, к которым был прикован взгляд Сэма.

— С удовольствием, Беа, — ответил он, постепенно восстанавливая самообладание. — Ты превосходно выглядишь. А куда ты идешь сегодня вечером?

— В паб с друзьями, — нерешительно ответила она.

— Думаю, что ты их всех просто ослепишь, — одобрительно произнес он.

— Благодарю.

— Позаботься, чтобы тебя проводили. Я уверен, что ни один мужчина не сможет сдержаться, увидев такой наряд, — заметил он и ухмыльнулся. Ее лицо залилось румянцем.

— Вот как, Сэм, — пробормотала она, снова опуская подол. — Оно слишком короткое?

— Не слишком короткое, Беа. В сущности, оно слишком длинное, — ответил он, представляя, как она будет смотреться вообще без одежды.

— Ты еще слишком молод, чтобы делать подобные замечания. — Она рассмеялась и быстро вышла из комнаты. — Можете идти, девочки. Сэм разожжет вам костер, — сказала она.

Сэм услышал эту фразу и хмыкнул. Пятьдесят на пятьдесят, что он разожжет и ее костер.

Было уже поздно, когда Беа в полумраке, крадучись, пробиралась в свою комнату. Она боялась разбудить детей, включив свет на лестничной площадке, так что довольствовалась отблесками лунного сияния. Она выпила слишком много вина и напропалую флиртовала с незнакомцами в пабе. Но это было не важно, ведь уик-энды и существуют для того, чтобы развлечься. В конце концов, всю неделю она была привязана к детской, где возилась с мальчиками. Она тихо закрыла дверь и сбросила туфли, расшвыривая их по комнате.

— Ой! — раздался голос в одном из углов, когда летящая туфля попала в тело. Беа затаила дыхание и застыла, как пес, почуявший опасность. Затем дрожащей рукой она стала нащупывать выключатель на стене. — Не включай свет, — продолжил голос, теперь уже такой близкий, что она ощущала на шее дыхание человека, которому он принадлежал.

— Сэм! — облегченно вздохнула она. — Что ты здесь делаешь?

— У меня был кошмар, — сообщил он, и она заметила на его лице улыбку.

— Немедленно отправляйся спать, — скомандовала она, пытаясь возвратиться в трезвое состояние. Сэм провел по ее шее пальцем. Она сбросила его движением плеч. — Ради бога, Сэм. Что ты делаешь?

— Не прикидывайся, что ты не знаешь, — прошептал он.

— Ты еще ребенок, — запротестовала она.

— Тогда научи меня.

— Я не могу, — сказала она и хихикнула при мысли об абсурдности их диалога.

— Почему нет?

— Потому что меня выставят за дверь.

— Этого не будет.

— Будет обязательно.

— А кто расскажет?

— Я не знаю, можно ли тебе доверять, — стеснительно ответила она.

— Значит, это не потому, что ты не хочешь? — обрадовался он и прижался губами к нежной коже в том месте, где шея переходила в предплечье. Она затрепетала от удовольствия, хотя ей и хотелось бы иметь побольше сил для сопротивления.

— Ты еще мальчишка, — нерешительно повторила она.

Он взял ее руку и положил ее на свои трещавшие от напряжения брюки.

— Разве это похоже на поведение мальчишки? — спросил он.

Она ощутила железное доказательство его желаний и снова хихикнула, скорее от нервозности, чем от радости.

— Думаю, что нет. — Она тихо засмеялась.

— Я готов для тебя, — дыхнул он ее в ухо.

Беа ничего не могла поделать, кроме как согласиться с тем, что ситуация становится весьма забавной.

— Бьюсь об заклад, что ты не знаешь, что с этим делать, — предположила она, нежно сжимая то, что находилось под ее рукой.

— Я бы хотел, чтобы ты мне показала, — сказал он.

Внезапно Беа почувствовала себя соблазнительницей, и ей понравилось то ощущение власти, которое у нее возникло. Вино сделало ее раскованной и приглушило рассудок.

Завтрашнее утро стало казаться совсем другой жизнью, а сегодняшняя ночь — волшебным состоянием неопределенности, сказкой, в которой все возможно. Она повернулась и разрешила ему поцеловать себя. Когда его влажный рот впился в ее губы, она позабыла о том, что перед ней пятнадцатилетний юноша, сын ее работодателей. Он целовался как зрелый мужчина. Только когда они оказались в постели, она вернулась к реальности. Он действовал энергично, но явно слабо представлял себе сложный лабиринт женского тела. После первых поцелуев она сняла его неумелую руку со своей груди и стала учить, как занимаются любовью настоящие мужчины.

Беа была рада, что следующий день был воскресеньем и она может провести все утро в постели. Перед тем как вернуться в свою комнату, Сэм хвастал, что может заниматься этим всю ночь и, возможно, весь уик-энд, и она ему верила. Он оказался хорошим учеником и, как ребенок с новой игрушкой, медлил с уходом. Она улыбнулась себе, пребывая в той блаженной дремоте между сном и реальностью, с гордостью припоминая, как в пять утра ее страстный студент совершенствовал искусство нежного прикосновения и медленного поцелуя, но не слишком преуспел в терпеливой сдержанности. Это придет со временем, подумала она. Затем ее вдруг охватила паника при мысли, что ему всего пятнадцать, и она еще глубже укуталась в одеялах.

Беа проснулась спустя достаточно короткое время от ощущения, что кто-то чувственно облизывает пальцы на ее ногах и стопы. Она снова попыталась заснуть, но приятные ощущения стали перемещаться вверх по ее ногам и к низу живота. Когда прикосновения к бедру влажным ртом стали слишком интенсивными, чтобы быть воображаемыми, она открыла глаза и посмотрела вниз на свое тело.

— Сэм... Только не сейчас, — запротестовала она.

Но он был настойчив.

— Ты не можешь прогнать меня. Я знаю, как тебе это нравится. Ты не сможешь мне противиться, — сказал он, проводя рукой по ее обнаженной ноге.

— Лучше отстань, — ответила она, закрывая голову подушкой. Однако Сэм оказался прав. Он, как примерный ученик, уже знал ее уязвимые места и то, как их следует улаживать. Она была бессильной против реакции своего тела, несмотря на то что сознание подавало ей сигналы о необходимости еще поспать. Ей пришлось позволить ему повернуть ее в исходное положение на спине, в котором она притворилась недовольной, а он продолжил практикум уроков, полученных предыдущей ночью.

Отныне Сэм не мог думать ни о чем, кроме секса. Соблазнение Беа привело к результату, который оказался прямо противоположным ожидаемому. Вместо того чтобы ослабить его вожделение, оно только усилило его. Сейчас он в еще меньшей степени был способен сосредоточиться на занятиях, чем раньше, и проводил большую часть дня, глядя в окно классной комнаты и представляя себе, что будет делать с Беа, когда снова окажется с ней наедине. Тот факт, что это было недозволенным занятием, делал их любовную интрижку неотразимо привлекательной. Он получал огромное удовольствие, сидя за завтраком всего через несколько минут после пребывания в ее постели и разговаривая с ней с обычным безразличием, смакуя то обстоятельство, что ни одна душа даже не подозревает об их ночных забавах.

Он брал ее при малейшей возможности, как только они оставались одни. Позади

крытого бассейна, в сарае, под яблонями во фруктовом саду, на побережье или в потайных пещерах, которые еще хранили эхо голосов давно умерших контрабандистов. Днем Беа напряженно работала, присматривая за Люсьеном и Джои, которые нуждались в постоянном уходе и надзоре, а затем обслуживала по ночам их старшего брата. Она была измучена таким образом жизни, но не могла отказать ему, поскольку он доставлял ей слишком большое удовольствие.

Сэм не стал хвастать своими подвигами в школе — он не нуждался в этом. Но он стал другим, и сверстники, почувствовав это, не скрывали своего восхищения им. Ингрид была слишком рассеяна, чтобы обращать внимание на свою измотанную няню или на самодовольное выражение, появившееся на лице старшего сына. Иниго вообще редко покидал кабинет, а девочки были полностью захвачены своими детскими играми, чтобы следить за няней их младших братьев, поскольку сами себя они считали уже достаточно взрослыми, чтобы обходиться без ее услуг.

— Пойдем со мной в сад, — предложил Сэм, водя пальцем по предплечью Беа.

— Я не могу. Я должна прислушиваться на случай, если дети будут меня звать, — ответила она, выдергивая руку.

— Раньше они никогда в тебе в это время не нуждались. Сейчас они спят, — уговаривал он, вдыхая запах ее вспотевшего тела и вновь ощущая приступ желания.

— Это небезопасно. Нас могут поймать на горячем.

— Не говори глупости. Мама рисует на скале, папа, как всегда, засел в кабинете, девочки отправились к Федерике, а Нуньо, ну, какое нам дело до Нуньо. — Он хохотнул.

— Я не хочу, чтобы это зашло слишком далеко, — заявила она, пытаясь говорить благоразумно. — Ты еще мальчик.

— Ты сделала меня мужчиной, — возразил он.

— Мне не следовало этого делать.

— Дело сделано, и теперь ничто меня не остановит. Я хочу тебя.

— Ты хочешь любую, кто носит юбку, а я просто оказалась ближе прочих, — резонно заметила она.

— Это неправда, Беа. Ты мне нравишься. Это на самом деле так, — сказал он, пытаясь увлечь ее в сад.

— Ну да.

— Конечно. Посмотри сюда, — произнес он, кладя ее руку на свои брюки.

Беа вздохнула и нежно посмотрела на него.

— Меня больше волнуют отношения, а не он, — заявила она, мотая головой и снова выдергивая руку.

— Не делай вид, что не хочешь его. Ты научила его, как удовлетворять тебя. Теперь он не может обойтись без тебя. Разве это не заставляет тебя ощущать, что ты желанна?

— Да, — вынуждена была согласиться она. — Но я должна постоянно напоминать себе, что тебе всего пятнадцать лет.

— В действительности почти шестнадцать.

— Это несущественно. Иногда ты бываешь таким взрослым, что мог бы оказаться на месте любого из моих друзей, но ты ведь еще не взрослый.

— Какое это имеет значение? — спросил он.

Беа хотела бы рассказать ему, что влюбилась в него, что по ночам она лежит без сна, вспоминая о десятилетней разнице в возрасте между ними и пытаясь предположить, как

будут складываться их взаимоотношения дальше. Разумом она понимала, что он хочет ее только ради секса, но не любит и даже не влюблен. Он вырастет и уйдет, разбивая сердца других девушек, которых будет встречать на своем жизненном пути. Она внимательно посмотрела в его серые глаза, взгляд которых уже был умудрен определенным жизненным опытом, затем на копну рыжеватых волос, свисавших с еще не омраченного тяготами жизни лба. Он улыбнулся ей, продемонстрировав озорное обаяние, но взгляд при этом оставался высокомерным, будто говоря, что его обладатель самый умный и самый красивый среди всех.

Беа вздохнула и погладила его по щеке.

— Я постараюсь доставлять тебе удовольствие, пока смогу, — задумчиво произнесла она. Сэм обнадеживающе подмигнул девушке, провожая ее по лестнице в сад.

Наступил вечер. В прохладном воздухе господствовал аромат сена, а роса рассыпалась бриллиантами по недавно подстриженному газону и окружающим его клумбам. Небо побледнело и, казалось, сжималось, по мере того как солнце удалялось за горизонт, преследуемое нетерпеливой луной. Отдаленный рокот океана и печальные крики чаек погасли где-то позади, когда Сэм открыл калитку в обнесенный стеной фруктовый сад и сжал Беа в своих объятиях, чтобы поцеловать. У нее уже не оставалось времени, чтобы вкусить меланхолию сумерек или вдохнуть аромат зрелых яблок, поскольку Сэм мгновенно прижался к ней, а его рот начал путешествие по ее шее, плечам и затем по грудям, которые он ловким движением пальцев моментально освободил из плена бюстгальтера.

Ему нравились ее груди. Они были большими, тугими и отзывчивыми. Белые с розовыми сосками и дерзкие, они всегда были полны энтузиазма и благодарности за ласку. Он знал, как именно следует ублажить их языком. Ей нравились эти нежные прикосновения. Больше всего, как призналась она Сэму, ей нравились быстрые дразнящие ощущения, заставляющие кровь приливать прямо к низу живота. У Беа были пышные соблазнительные формы, и ее можно было смело назвать женщиной до кончиков ногтей. Он обожал снова и снова исследовать чувствительные женские места, которые не переставали вызывать у него чувственное и зрительное восхищение. Она спустила с него брюки, обнаружив, что его стальное копьё, как, впрочем, и всегда, находится в полной готовности и нетерпении. Став на колени, она взяла его в рот в отчаянном порыве женщины, готовой на все, лишь бы удержать своего мужчину. Именно в этот момент Нуньо, как обычно на носочках, появился на другом конце сада. Ни Сэм, ни Беа не заметили его, поскольку его шаги были столь бесшумными, а изумление столь велико, что он не захотел испортить чувственную сцену, которая разыгрывалась на его глазах.

Сэм застыл с дрожащими от удовольствия ресницами, его рот приоткрылся, а челюсть слегка отвисла. Нуньо подумал, что он выглядит совершенно великолепно, как золотой юноша мифических времен, такой как молодой Адонис или Геркулес. Он преднамеренно повернулся к клумбе с кустами роз, пока его внук достигал *момент критик*, поскольку не желал испортить мальчику удовольствие. В этот момент Нуньо ощущал безмерную гордость от того, что его внук раскрыл для себя радости плоти. Несколько преждевременно, подумал он. Должно быть, сказалось влияние «Нана», недавно прочитанного им романа Золя, разбудившего его многообещающую чувственность.

Сэм издал стон, за которым последовал долгий выдох удовлетворения. Беа хихикнула и поднялась на ноги. Тогда Нуньо повернулся и громко кашлянул.

— Единственный способ избавиться от искушения состоит в том, чтобы уступить

ему, — продекламировал он и затем выжидательно поднял свои седые брови, глядя на Сэма.

— Оскар Уайльд, — с готовностью сообщил Сэм.

— *Мольто бене, каро.* Сейчас, когда ты уже уступил искушению, мисс Осборн, видимо, лучше всего будет вернуться в детскую.

Беа молча кивнула и побежала к калитке, даже не бросив на Сэма прощальный взгляд. Ее лицо пламенело от стыда и унижения, и больше всего в этот момент ей хотелось умереть от смущения. Но Нуньо был чрезвычайно доволен.

— Пойдем со мной, юный Сэмюэль. Думаю, что следует пересмотреть твой список для чтения, — произнес он, выходя из калитки, которую Беа второпях оставила открытой.

Оказавшись в своей библиотеке, Нуньо остановился перед пыльными книжными полками, проводя пальцем по переплетам любимых изданий.

— Это приносит мне большее удовольствие. Мое восхищение женщинами потерпело крах, когда я обнаружил, что они не столь совершенны, как древнегреческие статуи, которые я изучал еще в юношеском возрасте.

— Как это случилось? — поинтересовался Сэм, устраиваясь на кожаном диване деда.

— После того, как я всего один раз занялся любовью с твоей бабушкой.

— Правда? Ты должен был быть весьма силен в этом деле, Нуньо. — Он хмыкнул.

— Так и было, благодаря фортуне или богам. Но, мой дорогой мальчик, когда я узнал, что у женщин есть лобковые волосы, эти прекрасные создания навсегда упали с того небесного пьедестала, на который я в своем неведении их поместил.

Сэм засмеялся.

— И всего-то из-за лобковых волос? Но ты ведь не мог верить тому, что женщины буквально такие же, как эти скульптуры? — удивленно спросил он.

— Именно так и обстояло дело, Сэмюэль. После этого они уже никогда не были для меня такими, как прежде.

— Бедная бабушка.

— Она пожертвовала собой ради меня. Пожертвовала. Ты еще узнаешь, что радости плоти, страстные объятия, стимуляция гениталий, — говорил он, проглатывая слова, — это не более чем иллюзия, дорогой мальчик. Фальшивая любовь. Ты мгновенно теряешь себя в них, а затем они проходят, а ты остаешься с жаждой очередного мимолетного удовольствия. Ты можешь гоняться за ними всю свою жизнь, но никогда не сможешь их удержать. Нет, мой мальчик, любовь — это нечто гораздо более глубокое. Именно так твоя бабушка любила меня. Не так, как животное, а как божественное создание. Да, как божественное создание. *Экко*, — сказал он, вручая Сэму нужные книги.

Сэм взял их и подозрительно просмотрел заголовки.

— «Мемуары» Казановы и «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, — прочитал он.

— Первая из них расскажет тебе о плотских забавах, а вторая научит не злоупотреблять ими, — мудро сказал Нуньо.

— Спасибо, — поблагодарил за науку Сэм, поднимаясь.

— Сексуальное удовольствие может с равным успехом быть как оружием, так и волшебной палочкой, юный Сэмюэль. Используй его с умом.

— Ты ведь не скажешь маме, да? — спросил Сэм, останавливаясь в нерешительности у двери и шаркая ногой по полу.

— Это твое личное дело, дорогой мальчик, но я бы посоветовал перенести свои любовные игры на ночные часы, когда никто не сможет случайно обнаружить тебя в

непотребном виде. — Сказав это, он снова повернулся к своим книгам.

— Любовь перестает быть удовольствием, когда перестает быть тайной, — ответил ему Сэм, хитро улыбаясь.

— Афра Бен, «Часы любовника», — торжественно произнес Нуньо, не поворачиваясь. — Все останется в тайне для остальных домочадцев, мой мальчик. Наслаждайся ею, — добавил он и с гордостью улыбнулся, поскольку сумел научить внука ценить литературу.

Элен стояла у окна спальни и наблюдала за Федерикой, игравшей в саду с Эстер и Молли. Она была рада, что Федерика нашла свое место в их новом доме. Ее первый школьный семестр был весьма успешным. Эстер взяла Федерику под свое крыло и помогла ей почувствовать себя частью их семьи. Это было именно тем, в чем больше всего и нуждалась Федерика, — в большой и шумной семье, позволяющей ей отвлечься от мыслей об отсутствующем отце. После завершения семестра они проводили долгие дни на берегу, занимаясь сооружением замков из песка, устраивали пикники на скалах, исследовали пещеры и слушали бесконечные истории Джейка о контрабандистах былых времен. Дядя Тоби с Джулианом брали ее с собой на лодку и научили ловле рыбы, хотя Тоби по-прежнему отпускал весь улов в море. Ему была ненавистна сама мысль о том, чтобы причинить страдания любому живому существу. Нежные чувства Федерики к Сэму Эплби по понятным причинам оказались безответными. Новость о том, что ее девочка влюблена, совершенно не удивила Элен, поскольку Сэм был очень красивым молодым человеком. Все, что ни делается, — к лучшему, подумала она, по крайней мере это отвлекло Феде от воспоминаний об отце. А вот как быть ей самой?

Элен была привязана к дому, занимаясь Хэлом. Чтение письма, посланного Рамоном Федерике, глубоко оскорбило ее, но, тем не менее, она поняла, что скучает без него, несмотря на все свои попытки отвлечься. Она поймала себя на том, что уже неоднократно прокручивает в памяти этот странный эпизод в Вине, когда их импульсивная тяга друг к другу победила голос разума и они занялись любовью. Потом она вспомнила, как обнаружила в его постели Эстеллу, и вновь ощутила такой же яростный приступ гнева, как будто все происходило накануне. Она очень надеялась, что оставит все воспоминания о Рамоне в Чили вместе с сентиментальными безделушками, собранными за те счастливые годы, когда они были вместе. Однако вычеркнуть его из своей памяти оказалось не так просто, как она рассчитывала. Он, как клещ, впился в ее сознание и продолжал изнурительно мучить воспоминаниями. Как только она пыталась сбросить с себя это наваждение, перед ее мысленным взором проносился калейдоскоп его образов. Она начинала гадать, где он сейчас может находиться, вспоминает ли о ней, и возможно ли, что в один из дней он снова объявится и скажет, что совершил ошибку, что будет бороться за нее, что постарается стать другим. Но разве может быть так, что он любит ее, но не сражается за эту любовь? Элен не могла этого понять.

И потом, оставались еще и дети. Она не в силах была постичь, как можно любить своих детей и в то же время так мало о них заботиться. Он написал всего один раз, но ни разу не приехал. Уже наступил август. Она часто замечала, как Федерика слушает мелодию своей шкатулки с бабочкой, плавая на гипнотических волнах отцовских рассказов, будто это могло хоть как-то его приблизить. Внезапно ее охватил страх, что с ним могло случиться нечто плохое. До сихпор она не считала такую возможность причиной его молчания, поскольку

была слишком занята своими обвинениями в его адрес за то, что он ими пренебрегает. Сраженная ощущением вины и раскаяния, она отпрянула от окна, закурила сигарету и решительно набрала телефонный номер его родителей в Сантьяго.

— *Хола*, — отозвался далекий голос экономки. Элен постаралась не обращать внимания на длительные паузы и попросила к телефону Мариану. С замиранием сердца ожидала она, когда та подойдет.

— Это я, Элен, — выдавила она, стараясь говорить бодрым голосом.

— Элен. Как я рада тебя слышать, — ответила Мариана, и тональность ее голоса мгновенно выдала накопившуюся обиду. Она так часто вспоминала внучат, волновалась, как они там и счастливы ли в новом доме. Ее очень беспокоило, что они не пишут, и она ждала от них писем со все большим нетерпением и разочарованием. Но Мариане не хотелось, чтобы Элен об этом догадалась, — она боялась, что та может положить трубку и вычеркнуть их из своей жизни навсегда.

— Я ничего не слышала о Рамоне с тех пор, как уехала. С ним все в порядке? — быстро спросила Элен, но по голосу своей свекрови она уже поняла, что ничего плохого не случилось.

— Разве он не звонил тебе? — удивленно спросила Мариана.

— Нет. Он написал Феде, — устало сказала она, стараясь сдерживать эмоции. Ей уже не о чем было беспокоиться.

— И это все?

— Да.

— Ну, он сейчас снова вернулся в Чили и купил здесь, в Сантьяго, квартиру. Он работает над новой книгой, которая выходит в марте. Это занимает все его время.

— Я понимаю.

— Как дети?

— Они счастливы здесь. Конечно, они скучают без вас обоих. Они очень любят вас и Начо. И я тоже, — произнесла она, нервно затянувшись. Внезапно она ощутила болезненный приступ ностальгии, который застал ее врасплох.

— Ты счастлива? — спросила Мариана, почувствовав в голосе своей невестки страдание.

Элен молчала. Ей хотелось бы сказать, что она счастлива, но она и сама не знала, так ли это на самом деле. Сейчас она знала лишь то, что по какой-то непонятной причине скучает по Рамону и хочет его услышать.

— Да, — ответила она безразличным голосом.

— Я рада, — сказала Мариана, вовсе не убежденная ее словами.

— Конечно, потребуется время, чтобы снова привыкнуть к здешней жизни, — пояснила Элен. — Я так одинока, — неожиданно добавила она к собственному удивлению, гадая, откуда, к дьяволу, это попало на язык.

— Ты привыкнешь. Это очень непростое дело — начать все сначала в новой стране. Иногда кажется, что в другом месте и трава зеленее, а потом оказывается, что твои проблемы всюду следуют за тобой по пятам.

— Да, — ответила Элен автоматически. Она вдруг осознала, что Мариана была права. Ее проблемы отправились вместе с ней в Польперро. Она по-прежнему одинока. Она верила, что возвращение домой все изменит, что она сможет снова вернуться в детство, в то идиллическое состояние, в котором пребывала до тех пор, пока ответственность за других и

домашние заботы не сделали ее другой.

— Часто не ценишь то, что имеешь, пока не потеряешь, — печально добавила Мариана. — Что мне передать Рамону? — Она все еще надеялась, что они поймут, что нужно сохранить то, что они имели раньше.

— Скажите ему, что дети скучают без него. Пусть он позвонит или напишет, а еще лучше — пусть придет навестить их, — сказала она, не в силах скрыть горечь своих слов. — Попросите, чтобы он не бросал их, потому что они нуждаются в нем.

— А что насчет тебя, *ми амор*?

— Ничего. Я звоню только ради детей, — решительно произнесла она.

— *Буэно*. Я скажу ему, — ответила Мариана. — Пожалуйста, передай детям, что мы их любим и ужасно без них скучаем. Может, они напишут нам, мы будем так рады получить от них весточку.

— Конечно. Мне так жаль. Я об этом и не подумала, — виновато сказала Элен, мысленно сделав себе пометку дать детям задание нарисовать картинки своего нового дома и отправить их старикам.

Положив трубку, Элен обессиленно упала в кресло, почувствовав, что в ее мысли начали вползать сомнения. Может быть, она действительно поступила опрометчиво? Ее терзали воспоминания о Чили. Проклиная эту страну, сейчас она тосковала по ней. Она представляла себе своих друзей, яркое сияние солнца, берег, аромат апельсиновых деревьев в саду, смех детей, игравших на улице, и даже лай пса сеньоры Бараки. Она вспоминала о тех днях, когда Рамон возвращался домой в ее распахнутые объятия, брал ее на руки и нес прямо в спальню, где они часами предавались любви, вновь открывая друг друга после долгих недель разлуки. Это были счастливые времена. Даже когда она возненавидела его, в тот последний приезд, он и то ухитрился дать ей удовлетворение. Такова была сила его натуры. Она вкусила горечь лишь потому, что не смогла постичь его характер и приспособиться к нему. И вот теперь она оказалась на другом конце земли, но, как и прежде, не избавилась от стремления обладать им. Она не смела спросить себя, не потому ли она увезла детей в Англию, что хотела заставить его отреагировать на это решение, поскольку в последнее время он не реагировал так, как она того хотела. Он разрешил ей уехать. И что теперь?

Выключив свет в комнате Федерики, она сообщила ей, что говорила с Абуэлитой, которая шлет ей привет и свою любовь и просит нарисовать их новый дом. Вначале Федерика обрадовалась. Она закрыла глаза и представила картину, которую нарисует, и письмо, которое напишет. Но потом она ощутила, как ее сердце сжала тоска. Она вспомнила доброе лицо бабушки, летний дом в Качагуа, который ей так нравился, синее море и мягкий песок, так непохожий на песок Англии. Она вспомнила деда в его неизменной панаме, прогулки на пони на побережье Папудо и милого ее сердцу Расту. И тут вдруг она вспомнила об обещании матери купить ей щенка и расплакалась. Не потому, что у нее пока не было щенка, а потому, что это обещание было дано, чтобы отвлечь ее от ссоры, которую она подслушала. «Теперь тебе уже никогда больше не понадобится возвращаться домой». Слова матери эхом раздавались в ее голове до тех пор, пока виски не сжала боль. В конце концов, больше не в силах терпеть охватившее ее состояние безутешности, она открыла шкапулку с бабочкой, стоявшую на тумбочке, и позволила своему измученному сознанию умчаться в таинственный мир отцовских рассказов. Боль начала стихать, по мере того как она преодолевала горные вершины Анд, гонялась за львами в Африке и пролетала над равнинами Аргентины на воздушном шаре. Засыпая, она ощутила на лице ласковое солнце,

тепло и... любящие руки отца.

Когда Мариана сообщила Рамону о своем разговоре с Элен, он почувствовал, как его наполняет ощущение вины. Он написал только один раз и не звонил, хотя, учитывая его доходы, мог позволить себе продолжительный телефонный разговор с абонентом в любой точке земного шара. Он знал, что обязан был это делать. Единственное оправдание, которое он мог найти в свой адрес, заключалось в том, что все это время он постоянно был занят своими путешествиями и завершением работы над новой книгой. В действительности он намеренно потерялся в Индии. Рамон снял хижину на берегу и писал там свой роман, стараясь забыть Элен и детей. Он пытался позабыть и об Эстелле. В первом намерении он преуспел, поскольку его длительные отъезды и приспособленность к одиночеству уже стали привычным состоянием, так что в этом смысле ничего не изменилось. Но с Эстеллой дело обстояло совсем иначе — он тосковал без нее и ничего не мог с этим поделать.

Несмотря на свою внешнюю беззаботность, он прекрасно понимал, как непорядочно с ней поступил. Он ведь просил ее ждать и не сомневался, что она *ждала* его, работая в кухне, нарезая овощи, выполняя свои повседневные обязанности и плавно проплывая по дому, оставляя за собой шлейф аромата роз. Он не хотел звонить ей или писать, потому что не знал, что говорить. Он не мог сказать то, что она хотела услышать, поскольку знал, что уже никогда не сможет связать себя с кем-либо серьезными отношениями. Он причинил боль Элен и детям и не хотел, чтобы с Эстеллой произошло то же самое. Но, возможно, летом он сможет вернуться обратно и тогда снова займется с ней любовью.

Однако когда он представил себе, что Эстелла влюбилась в кого-то другого, жгучая ревность стала расти в его груди, как вырвавшийся на свободу демон, охвативший его разум и истерзавший его до такой степени, что он чуть было не упаковал свои немногочисленные пожитки, чтобы вернуться в Качагуа и поймать ее с поличным. Но затем его рассудок успокоил чувства. Она любит его, а любящая женщина становится преданной, как собака. Он проводил ночи с незнакомками, которые не приносили ему удовлетворения, представляя на их месте Эстеллу, и демон ревности его больше не тревожил. Он ждал, когда наступит лето, чтобы вернуться и обрести ее снова.

Когда в конце августа он вернулся в Чили, то сразу направился в Сантьяго, где поселился в новой квартире в округе Лас-Кондес. Но у него не возникало ощущения, что он находится дома. В сущности, он скучал по Вине и по своей семье, которой лишился. Теперь, после нескольких месяцев одиночества, проведенных в Индии, он уже не ощущал душевного спокойствия наедине с самим собой. Он не привык к одинокому образу жизни в Чили и по этой причине испытывал определенный дискомфорт. Поэтому он часто жил в доме родителей, старинном особняке в колониальном стиле на Авенида эль Боско. Мать была рада возможности видеть его чаще и взяла на себя все домашние заботы о нем не хуже любящей жены. Отец принял эту ситуацию с меньшим энтузиазмом.

— У него есть жена, женщина. Он слишком стар, чтобы нуждаться в мамочке, — сердито пробурчал он как-то вечером, когда, придя домой, обнаружил, что гостиная

захламлена разбросанным повсюду фотографическим оборудованием, пачками снимков и прочими принадлежностями.

— Начо, *ми амор*, у него были тяжелые времена. И теперь он остался совсем один, — запротестовала она, следуя за ним в кабинет.

— Вот как? Тогда почему он не попросит Элен вернуться к нему? Это ведь очень просто. Но если ты всегда будешь брать заботы о нем на себя, он даже не пошевелится.

— Он не знает, чего хочет, — сказала она жалостливым голосом.

— Он хочет иметь и хлеб, и торт, Мариана. Я не знаю, когда мы ошиблись в его воспитании, но по какой-то причине он не способен серьезно привязаться ни к чему. — Игнасио осуждающе покачал головой. — Он не захотел, чтобы Элен ушла от него окончательно, но не пожелал изменить свой образ жизни или попросить ее остаться. Он хотел бы, чтобы все вокруг него шло своим чередом, вроде как знакомые, но изрядно поднадоевшие часы. Я не осуждаю Элен за то, что она покинула его, хотя подозреваю, что в глубине души она надеялась, что этот шаг на него подействует.

— Что ты этим хочешь сказать? — заинтересованно спросила Мариана, устраиваясь в потертом кресле, которое Игнасио использовал для вечернего чтения после ужина.

— Я думаю, она рассчитывала, что ее решение оставить Рамона заставит его измениться, что он захочет удержать ее. Но он по своей сущности уклонист. Он допустил, чтобы произошло то, что произошло, а затем исчез на несколько месяцев, чтобы сделать вид, что ничего не случилось. Именно по этой причине он вернулся домой и живет с нами, поскольку скучает без них теперь, после возвращения в Чили.

— Я бы тебе не поверила, если бы не этот странный звонок. Полагаю, что Элен тоже тоскует без него. — Она припомнила напряженный голос невестки и с опозданием распознала в нем молчаливый крик о помощи.

— Готов спорить, что так оно и есть.

— Ты думаешь, она сожалеет об отъезде?

— Дома трава всегда зеленее.

— Возможно, не настолько, как она предполагала.

— Видимо, да.

— Мы должны заставить его подумать над тем, что он наделал. Надо привести его в чувство. Похоже, что он не вполне осознает серьезность ситуации. Нельзя относиться к другим людям так, как он себе позволяет. Кто-то же должен научить его ценить человеческие чувства.

— Ты прав, — сказала она, опуская глаза. — Что я должна делать, Начо? Прогнать его?

— Так было бы лучше. Пока ты будешь кружить вокруг него, как заботливая пчелка, он не будет скучать без жены. — Заметив в серых глазах жены загнанное выражение, он вздохнул и снова покачал головой. — Я не буду настаивать, чтобы ты это сделала. Как я могу? Ты ведь его мать.

— Я хочу для него только лучшего.

— Тогда скажи, чтобы он больше к нам не возвращался.

Мариана горько засмеялась:

— О нет, Начо. Этого я ему не скажу. Твоя идея — ты и говори. — С этими словами она вышла из комнаты.

Рамон приехал на обед вовремя. Игнасио многозначительно посмотрел на жену, как бы молчаливо выражая свое недовольство все более продолжительным присутствием сына в их доме. Мариана сделала вид, что ничего не заметила, и налила Рамону стаканчик виски со льдом.

— Как дела, Рамон? Жаркий был денек? — добродушно спросила она. Но Игнасио не дал Рамону и рта раскрыть.

— Сын, ты уже решил, что будешь делать с Элен? — Игнасио опустил в легкое кресло напротив Рамона, ухитрившегося своими длинными ногами и руками занять почти весь диван. Тот отхлебнул виски, чтобы потянуть время. Еще с детства он побаивался таких вот лобовых вопросов отца и ощущал собственную слабость каждый раз, когда тот допрашивал его как нашкодившего школяра.

— Думаю, что мое следующее путешествие будет в Англию, папа, — сказал он, стараясь уступить не слишком быстро.

— Когда ты едешь? — настаивал отец.

— Ну, не знаю. Возможно, через пару месяцев.

— Через пару месяцев? А почему ты не можешь поехать раньше?

— Рамон очень занят своей работой, — выступила Мариана в защиту сына.

— Я тебя не спрашиваю, женщина, — отрезал Игнасио. — Рамон уже достаточно взрослый, чтобы самостоятельно отвечать на вопросы. Ради бога, тебе ведь уже сорок лет.

— Сорок один, — поправил его Рамон и улыбнулся матери.

— Точно. Ты давно уже взрослый мужчина. Пора остепениться и осесть на месте, а не болтаться по всему земному шару, как цыган.

Рамону очень хотелось сказать отцу, что это не его дело, но затем он вспомнил, что временно проживает в их доме, а следовательно, тот имеет право знать о его планах.

— Я хотел бы какое-то время побыть в Качагуа, начать работу над новыми проектами. Сейчас погода улучшается...

— Ты можешь пользоваться домом, — брюзгливо произнес Игнасио. — Он твой, когда ты захочешь, — добавил он, избегая взгляда Марианы, на лице которой было написано смущение.

— Но там нет никого, чтобы присмотреть за ним, — запротестовала Мариана, нахмурясь.

— А как насчет Эстеллы? — быстро спросил Рамон, тщательно контролируя свой голос, чтобы не выдать себя. Он очень хорошо знал, что отец заметит и проанализирует малейшее изменение в тональности его голоса.

— Ох, бедная, дорогая Эстелла, — вздохнула Мариана, опуская плечи. — Бедняжка, она была такой хорошей девочкой. Никто так не следил за домом, как она. Не знаю, как мы сможем без нее обойтись. — Она с видом обвинителя посмотрела на Игнасио. Взгляд Рамона перебежал с матери на отца, и он ощущал, как сердце уходит в пятки, оставляя за собой мучительную тревогу.

— Я должен был это сделать, женщина. Она не может одновременно обслуживать нас и заниматься ребенком, — ответил он, отменяя все обвинения. — Рамон, она беременна.

— Беременна? — машинально повторил Рамон.

— Беременна, — подтвердила Мариана. — Бедное дитя. Ты знаком с тем молодым человеком, с которым она встречалась прошлым летом в Качагуа? — Рамон мрачно кивнул. — Так вот, негодяй ее обрюхатил и сбежал.

— Такое постоянно случается, Мариана, — устало возразил Игнасио.

— Но она мне нравилась, и эта девушка не заслуживает такого обращения. Она была совсем не такой, как эти женщины легкого поведения, которые слоняются вокруг порта в Вальпараисо. Эстелла была очень ответственной. Я скрутила бы этому мерзавцу шею собственными руками, если бы такая возможность представилась.

— И где же она сейчас? — спросил Рамон, ощущая тошноту в желудке и головокружение. Он опустошил стакан и сглотнул, чувствуя полнейший дискомфорт.

— Игнасио отправил ее обратно в Запаллар, — произнесла Мариана сдавленным голосом.

— Я сказал, что она может вернуться, когда родится ребенок. Возможно, ее мать сможет присматривать за ним в течение дня, пока она будет работать, — пояснил Игнасио деланно спокойным голосом.

— Я знаю, но она была просто в отчаянии. Знаешь, Рамон, она верила, что он вернется. Он сказал ей, чтобы она ждала, и бедная девочка поверила. Я не хотела разрушать ее надежды, поэтому сделала вид, что тоже в это верю. Но, насколько мне известно, о нем ничего не слышно. *Диос мио*, какая низость. — Она снова вздохнула.

— Она сообщила его имя? — осторожно спросил Рамон.

— Нет, она не сказала. Безусловно, ей было слишком стыдно.

— Ну хватит, женщина, у меня уже голова кружится, — раздраженно отрезал Игнасио. — Рамон может пользоваться домом. Если ему нужна прислуга, пусть нанимает.

— Временно, конечно, Эстелла может вернуться, и я хотела бы, чтобы эта работа оставалась за ней, — озабоченно повторила Мариана.

— Я не возражаю, — сказал Игнасио. — Когда ты хочешь поехать?

— Завтра утром, — автоматически ответил Рамон. В его голове все крутилось и жужжало, как многочисленные шестеренки в механизме часов. — Я сейчас, только схожу вымою руки перед едой. — Когда он посмотрел на себя в зеркало, то увидел, что его лицо почти полностью потеряло цвет, став серовато-желтым. Он начал поколачивать пальцами по щекам, чтобы вызвать прилив крови, но это было бесполезно, лицо сохраняло потрясенное выражение.

— Зачем ты разрешил ему пользоваться домом? — спросила Мариана у мужа, когда Рамон вышел из комнаты. — Я думала, ты скажешь, чтобы он больше у нас не жил.

— По той простой причине, что жизнь в летнем доме в одиночестве напомнит ему о жене и детях. Возможно, что там, на берегу, он найдет свои потерянные чувства. Не знаю. Я хватаюсь за соломинку, но, может быть, море напомнит ему о тех счастливых былых временах, когда он был с Элен, прежде чем все пришло к такому финалу.

Мариана с любовью положила ладонь на руку мужа и ободряюще улыбнулась ему.

— Похоже, что мы страдаем от этого больше, чем он, — сказала она, с тоской вспоминая Федерику и Хэла.

— Безусловно, мы страдаем больше, чем он. Проблема в том, что он вообще не страдает, — уточнил Игнасио. — А теперь тихо, я слышу его шаги.

Когда Рамон вернулся в гостиную, родители уже встали и не спеша переходили в

столовую. Мариана посмотрела на него и сочувственно улыбнулась. Игнасио был менее тактичен.

— С тобой все в порядке, сын? Ты что-то побледнел.

— Ничего, со мной все в порядке, — уныло ответил Рамон.

— Послушай, я понимаю, что у тебя были не лучшие времена. Я только подумал, что ты избегаешь проблем.

— Нет, папа. Я постоянно думаю об Элен и детях, — соврал он.

— Так почему же ты не едешь, чтобы увидеться с ними? Чего ты боишься?

— Я не боюсь. Просто Элен нужно побыть одной, — начал он.

— Ради бога, сын, в этом и состоит проблема — Элен слишком долго была одна, — резко перебил его Игнасио.

— Ей потребуется время, чтобы устроиться в Польперро. Она вовсе не нуждается в том, чтобы я ей как-то помешал.

— Тогда пиши детям, звони им время от времени, будь отцом, Рамон. Не избегай своей ответственности.

— Я думаю о нашей дорогой маленькой Федерике и о том, как она любит тебя, *ми амор*. Твой отец прав. Ты не должен пренебрегать ими, — поддержала мужа Мариана, взяв сына за локоть и ласково похлопывая его по руке.

Когда Рамон на следующее утро отправился в Качагуа, Элен, Федерика и Хэл уже не занимали его мысли. Все, о чем он мог думать, было связано с Эстеллой. Он провел мучительную ночь, сражаясь с демонами вины и раскаяния, парившими у его постели и терроризирующими его совесть, что сделало сон практически невозможным. Он попытался прогнать их, стараясь сосредоточиться на новой книге, которую задумал написать, но Эстелла продолжала держаться на поверхности его сознания, как розовый бутон в водоеме, никак не желающий тонуть.

Вначале он пытался убедить себя, что ребенок не его, но это было бесполезной попыткой принять желаемое за действительное. Не было никаких сомнений, что именно он, и никто другой, отец ребенка, не только по времени, которое соответствовало их летнему роману, но и потому, что он успел хорошо узнать Эстеллу. Она была не из тех, кто спит с кем попало. Это обстоятельство постоянно заставляло его испытывать угрызения совести. Он соблазнил ее и покинул, что само по себе уже было плохо, но к тому же он бросил ее с ребенком. Рамон осуждал собственное поведение и с нетерпением ждал, когда наступит утро, но каждый взгляд на часы убеждал его в том, что прошло всего несколько минут. Он бы уже давно уехал, если бы не комендантский час, запрещавший кому бы то ни было покидать дома в период с двух часов ночи до шести. Наконец, когда рассвет разорвал покрывало ночи, он схватил свой чемодан, сел в машину и отправился в путь. Было ровно шесть утра.

Только взглянув на себя в зеркало заднего вида, он осознал, что не побрился и даже не умылся. Со своими длинными спутанными черными волосами, тенями под глазами и усталыми, налитыми кровью глазами он выглядел в точности как бездомный бродяга. Ему следовало бы остановиться по дороге, выпить чашку кофе или лимонада, а затем освежить лицо водой и привести в порядок прическу, но у него не было на это времени. Он не хотел оставлять Эстеллу в одиночестве даже на одну лишнюю минуту. Нажав до упора педаль газа, он стал набирать предельную скорость, с которой можно было ехать без риска быть пойманным полицией за ее превышение. Добравшись наконец до Запаллара, он быстро

припарковал автомобиль и выскочил из него навстречу яркому утреннему солнцу.

Он не знал, где следует искать Эстеллу. Он даже не знал ее фамилию, чтобы спросить о ней, но в любом случае не хотел, чтобы об этом знала вся деревня. Наверняка кто-нибудь его узнает. Он слонялся по берегу, надеясь, что она может там оказаться, ходил по ближайшей улице в надежде встретить ее, когда она пойдет за хлебом или просто на прогулку. Но вокруг вообще никого не было. Ранняя весна наполнила новой жизненной силой деревья и кусты, воздух стал ощутимо теплее. Опьяненный этими запахами пробуждающейся природы, Рамон дошел до того, что втайне ожидал ощутить присущий только ей аромат роз и следовать за ним, пока не найдет ее. Но это было скорее романтической идеей для одного из его новых романов и не имело никакого отношения к реальности. Потоптавшись по берегу в течение некоторого времени, он понял, что все-таки следует кого-то спросить. Он должен был описать ее и рисковал, что об этом узнают все. Но у него не было другого вывода.

Увидев старика, сидевшего на скамье и смотревшего на море, он поборол свое замешательство и подошел к нему.

— Доброе утро, сеньор. Я ищу молодую женщину, которую зовут Эстелла. Она беременна, у нее длинные черные волосы до пояса, и она примерно такого роста, — сказал он, показав рукой уровень ее роста. Мужчина уныло уставился на него маленькими черными слезившимися глазами и вяло заморгал. Он опирался своими темными морщинистыми руками об узловатую деревянную палку и шевелил беззубыми деснами. — Она живет с родителями, ей около двадцати лет. Она обычно работает в Качагуа. Она очень красивая, — продолжил Рамон и затем разочарованно вздохнул. — Если вы знакомы с ней, то узнаете ее по этому описанию, — добавил он и повернулся, собираясь уже уходить. Мужчина продолжал беззвучно жевать челюстями. Внезапно что-то подтолкнуло Рамона добавить, что она пахнет розами. Неожиданно жизнь вернулась к старику, и он стал бормотать что-то по поводу того, что ее запах напоминает ему о похоронах его матери.

— Они похоронили ее в могиле, полной розовых лепестков, — задумчиво произнес он. — Они сказали, что это успокоит ее, если она вдруг проснется и не будет знать, где находится. — Он повернулся к Рамону, который, неожиданно ощутив надежду, застыл в тени эвкалиптового дерева. — Ваша Эстелла живет примерно в полумиле по этой дороге, на холме у моря. Вы узнаете дом, поскольку он желтого цвета, — дополнил он, кивая себе головой. — Каждый раз, когда я хожу на кладбище, я ощущаю этот запах. Однажды я отправлюсь туда, чтобы уже никогда не вернуться.

— Когда-нибудь мы все отправимся туда и не вернемся, — произнес Рамон к удивлению старика. Тот не ожидал, что молодой человек еще здесь, поэтому терпеливо дождался его ухода, прежде чем вернуться к своему монологу о мертвых.

Рамон быстрым шагом шел по холму. Было еще достаточно рано. Легкий туман маскировал линию слияния моря и неба, превращая ее в единый мерцающий голубой горизонт. Оглядываясь вокруг в поисках желтого дома, он вспоминал те беззаботные летние дни, когда любил Эстеллу, не отягощенный ощущением отчаяния, вины, угрызений совести и подсознательного страха оказаться в ловушке, из которой нет выхода.

Увидев дом, он остановился на пыльной дороге и стал наблюдать. В тени деревьев, только начавших наряжаться в почти прозрачную зелень новой листвы, царил покой и прохлада. Дом представлял собой небольшое бунгало с двумя или тремя комнатами. Строение было окружено маленьким садом, за которым явно тщательно ухаживали. Он

слышал отдаленный лай собаки и высокий голос женщины, с пулеметной скоростью ругавшей своего провинившегося ребенка — звуки, которые вносили элемент суматохи в сонную атмосферу деревни. Рамон продолжал свою визуальную разведку, но все вокруг было совершенно неподвижно. В конце концов нетерпение подтолкнуло его к двери, в которую он постучал, а затем застыл в тревожном ожидании. Он услышал приближавшиеся звуки легких шагов. На какое-то мгновение его охватило паническое сомнение в правильности адреса, но потом он явственно ощутил сильный запах роз, просочившийся из открытого окна, и понял, что она здесь. Сердце в его груди радостно затрепетало.

Когда Эстелла открыла дверь и увидела Рамона, возвышавшегося на пороге, как башня, и полностью закрывшего собой дверной проем, ее лицо побледнело и она замерла, чувствуя, что может сейчас потерять сознание. Ее хотелось закричать, но от волнения она потеряла дар речи. Она стояла неподвижно и только моргала, не веря своим глазам. Когда она наконец убедилась, что перед ней появился Рамон, а не видение, вызванное употреблением травяных настоев для нормального течения беременности, которыми снабжала ее мать, она бросилась ему на шею и позволила подхватить себя и внести в прохладный полумрак дома.

Он нежно опустил ее на маленькую кровать и любовался милым лицом, светившимся счастьем.

— Я знала, что ты обязательно вернешься, — выдохнула она, проводя своей нежной рукой по его заросшему жесткой щетиной лицу. Вглядываясь в ее прекрасные черты, он внезапно ощутил смущение и задал себе вопрос, что же заставило его покинуть ее. Что заставило бояться ее? Целуя благодарные губы Эстеллы, он искренне поверил, что никогда не оставит ее снова. Он вдыхал свойственный только ей запах и ощущал соль на ее коже. Потом он опустил руку под ее белоснежную ночную рубашку и погладил округлую выпуклость обнаженного живота.

— Это мой сын, — произнес он и уверился, что чувствует там биение жизни. Эстелла улыбалась ему особой улыбкой, свойственной беременным женщинам, нежной, но горделивой и в то же время мудрой и снисходительной.

— Если будет мальчик, мы назовем его Рамоном, — сказала она.

— А если девочка — то Эстеллитой, — предложил он и прижался лицом к ее шее.

— Значит, ты не сердишься? — спросила она, робко взглянув на него.

— Нет, что ты, я очень счастлив, — искренне заявил он, удивленный собственной реакцией. — Мне очень жаль, что я...

— Не извиняйся, любовь моя, — прервала она его излишние, прижав пальцем губы Рамона. — Ты вернулся, как и обещал, и большего мне не надо.

Он поцеловал этот палец, затем ладонь, потом руку и, наконец, ее налившиеся груди.

— Я хочу увидеть тебя обнаженной, — внезапно произнес он, потрясенный чувственностью ее располневшего тела. Он расстегнул пуговицы на ее ночной рубашке и снял ее через голову млеющей от счастья Эстеллы. Затем он снова уселся на место, чтобы насладиться созерцанием ее нового облика.

Эстелла горделиво позировала ему лежа, наблюдая, как его глаза жадно изучают пышные формы ее нового тела. Она стала слегка похожа на сияющего здоровьем упитанного тюленя. Ее кожа была чистой и гладкой и словно светилась изнутри. Он хотел раствориться в ней, но не смел из страха нанести вред ей или своему ребенку. Поэтому он ограничился лишь тем, что покрывал поцелуями ее плечи, грудь, живот и ноги.

— Я заберу тебя отсюда, Эстелла, — прошептал он, снова целуя ее в губы.

— Я не хочу покидать Запаллар, Рамон. По крайней мере, до рождения ребенка.

— Тогда поехали со мной в Качагуа, и там мы сможем обдумать, что делать дальше.

— А как быть с твоими родителями? — спросила она, вздрагивая.

— Они не приедут до октября. Мы будем вдвоем — только ты и я.

Эстеллу не нужно было уговаривать, за последние шесть месяцев она обдумала все возможные варианты. А этот был именно тем, которого она жаждала больше всего.

— Только ты и я, — повторила она и радостно улыбнулась.

За последние шесть месяцев, после того как ее уволил дон Игнасио, Эстелла стала сильнее. Она вернулась к родителям в Запаллар и рассказала им о темноволосом красавце — мужчине, укравшем ее сердце и оставившем частицу себя, которая сейчас растет в ее чреве. Услышав такую весть, мать залилась слезами, а отец так стукнул кулаком в стену, что образовалась большая дыра в штукатурке, которая так и осталась на долгие месяцы, поскольку у них не было ни денег, ни времени для ремонта. Он поклялся, что если когда-нибудь увидит этого негодяя, то своими руками отрежет ему пенис. «Если он не умеет им пользоваться как следует, то не должен иметь его вовсе», — ревел он, потирая ушибленную руку. Эстелла пыталась убедить их, что ее возлюбленный обязательно к ней вернется. Она уверяла, что он обещал, и она ему верит. Но они смотрели на нее мудрыми глазами людей, много повидавших на своем веку, и лишь сокрушенно качали головами.

Пабло и Мария Рега были несколько староваты для двадцатидвухлетней дочери. Они поженились совсем юными и много лет пытались обзавестись детьми. Но после семи выкидышей супруги практически потеряли надежду. Было пролито море слез и в отчаянии нанесено множество ударов кулаком по всем подвернувшимся поверхностям, однако в итоге они отказались от этой мысли, устав от бесконечных неудач. Пабло погрузился в работу, занимаясь благоустройством кладбища неподалеку от моря и изливая неизвестным бедолагам, лежавшим под его ногами, свои печали. «Они не могут помочь мне, — говорил он жене, — но они хорошие слушатели». Мария продолжала работать в большом доме дона Карлоса Оливоса и его жены сеньоры Пилар, с утра до вечера убирая помещения и хлопоча в кухне. Естественно, что она всегда питалась продуктами из запасов хозяев. Однако окончательно осознав, что просто не в состоянии выносить ребенка, она стала постоянно что-то жевать, чтобы приглушить душевные страдания и заполнить часы, проведенные в раздумьях о своих нерожденных детях. Раньше, когда она была еще молода, ее дразнили «спагетти», за то, что она была тоненькая и хрупкая, как всем известное мучное изделие. Но потом она увлеклась едой и уже не сумела остановиться. Невзгоды трансформировались в ее теле в мощные наслоения жира, пока она не стала такой крупной, что едва могла вскарабкаться по лестнице дома дона Карлоса без одышки и использования перил, за которые приходилось держаться руками. Как ни странно, Пабло она в таком виде нравилась гораздо больше. Он мог забираться на нее и с упоением погружаться в колышущиеся волны ее тела. Теперь для любви ее было гораздо больше.

Когда одним прекрасным утром Мария собиралась преодолеть верхнюю ступеньку после долгого восхождения по лестнице, во время которого ей приходилось останавливаться после каждого шага, чтобы перевести дыхание, она внезапно потеряла сознание и упала на пол, где ее и обнаружила любовница дона Карлоса Серенидад, украдкой, на цыпочках, покидавшая его спальню. Серенидад предпочла бы проигнорировать женщину, распростершуюся на деревянных досках, подобно коровьей туше, но совесть заставила ее преодолеть отвращение и позвать своего любовника, одновременно обмахивая Марию пачкой банкнот, которыми снабдил ее дон Карлос для уплаты долгов. Дон Карлос был весьма смущен тем, что его застали с любовницей, и немедленно отослал Марию в частную клинику в Вальпараисо, где учтивый доктор сообщил, что у нее начинаются роды. Шофер дона Карлоса специально отвез Пабло в Вальпараисо, чтобы он мог находиться рядом с

женой. Они держались за руки, когда у Марии начались схватки, но она не ощущала ни боли, ни дискомфорта. Их ребенок выскользнул из утробы матери как новорожденный тюлень с шелковистой смуглой кожей, блестящими черными волосами и нужным количеством маленьких пальчиков на руках и ногах. Мария и Пабло были настолько поражены свершившимся чудом, что даже не плакали. Они смотрели на свое дитя так, как если бы оно было первым младенцем, родившимся в этом мире. «Мы назовем ее Эстелла, — с благоговением произнесла Мария, — поскольку она звездочка, которую даровали нам небеса».

Мария резко похудела. Это произошло буквально в течение месяца. Ее больше никогда не дразнили «спагетти», как в юности, но такой она тоже понравилась Пабло. Теперь у него было двое любимых людей.

* * *

Пабло всегда испытывал трудности в общении с другими людьми, даже с собственной женой. Поэтому он предпочитал разговаривать со все возраставшей молчаливой аудиторией подземных постояльцев кладбища с той плавностью речи, которая покидала его, когда он обращался к живым. Он похлопал рукой по своему излюбленному надгробному камню, стоявшему на могиле Освальдо Гарсия Сегундо, умершего в 1896 году от единственного выстрела, сделанного человеком, с женой которого он собирался бежать. Позже эта женщина тоже застрелилась из того же оружия. Но муж отказался хоронить ее где-либо поблизости от любовника и бросил ее тело в море. Пабло не был уверен, видит ли ее Освальдо Гарсия Сегундо с этого места, расположенного высоко на скале. Он надеялся, что да. Эта история всегда волновала его, и поэтому именно здесь, на этом месте, он сейчас высказывал свои тревоги о дочери и мужчине, укравшем в короткой и бессмысленной интрижке не только ее сердце, но и будущее, поскольку чувствовал, что Освальдо его поймет.

— Теперь она никогда не сможет выйти замуж, — делился он, постукивая пальцами по могильному камню. — Теперь уже никогда... Кто захочет ее взять? Она довольно привлекательна, но ее живот разгонит всех претендентов. Кому нужен чужой ребенок? Она верит, что этот мужчина вернется, но ты ведь знаешь, как оно бывает в действительности. Не понимаю, кто внушил ей эти романтические мысли, но ни к чему хорошему это не приведет. Попомни мои слова. Ни к чему хорошему. Я не знаю, что делать. Мария уже залила весь дом своими слезами, а я кулаком пробил стену. Что теперь с нами будет? — вздохнул он, припоминая, каким замечательным ребенком была его девочка и сколько радости она им доставила. — Ты даешь им все, что имеешь, свое имущество, свои заработки, свою любовь, свои мечты, и что получаешь взамен? Ничего, кроме неблагодарности, — продолжал он, глядя в морскую даль. — Кроме черной неблагодарности.

Эстелла сумела стать сильной. Временно погрузившись в отчаяние после увольнения с работы, в дальнейшем она заставила себя сосредоточиться на двух важных вещах в ее жизни — Рамоне и ребенке. Поскольку она по-прежнему верила в его возвращение, у нее оказалось достаточно силы воли, чтобы забыть о работе и сконцентрироваться только на будущем. Не обращая никакого внимания на упреки и мрачные предсказания родителей, она ждала, как и просил ее дон Рамон, и одновременно трезво оценивала свои мечты, как фармацевт,

взвешивающий лекарства. Дон Рамон должен вернуться — в этом она даже не сомневалась, но что же будет с ней? Он до сих пор оставался женатым. Да и у нее не было желания уезжать и жить в городе — она не стремилась к светской жизни. В равной степени она не испытывала и желания увидеть мир. Но она также не хотела привязывать Рамона к жизни, которая его не устраивала. Она просто хотела дышать тем же воздухом, что и он, заниматься с ним любовью под размеренный рокот океана и с заботой и нежностью растить их ребенка. Она так ждала его возвращения, что могла сказать со всей искренностью, что большего от него и не ожидает.

Она разработала свои условия, основываясь на подслушанных разговорах между доном Игнасио и сеньорой Марианой, когда те обсуждали своего «безответственного» сына. Сеньора Мариана оправдывалась, объясняя мужу, что у Рамона свободная душа, что он является личностью, наделенной необычайными творческими способностями. Это вполне объясняет, почему он не может слишком долго оставаться на одном месте и почему он неспособен быть нормальным мужем и отцом для жены и детей. Уши дона Игнасио налились краской, и он грохнул кулаком по столу, отрезав, что уже давно наступило время Рамону повзрослеть и перестать вести себя как испорченный, раздражительный и эгоистичный ребенок. — Мир будет продолжать вращаться и без помощи его горящих жаждой бродяжничества пяток, — прорычал он, — а вот страдания Элен и его детей не возместить ничем. Эстелла поклялась тогда, что не будет уподобляться Элен. Она даст ему свободу взамен на его любовь.

Эстелла уехала из Запаллара с Рамоном, оставив родителям записку о том, что ее любимый вернулся, в чем она никогда и не сомневалась. Рамон не испытывал никакого желания с ними встречаться, а Эстелла не настаивала, поскольку побаивалась, что отец попытается выполнить свою угрозу. Таким образом, они вернулись в летний дом в Качагуа, где стены еще хранили эхо их любовной истории, напоминая им, как все было, когда они предавались своей ночной страсти, наслаждаясь друг другом без всяких мыслей о будущем. Сейчас перед ними предстало это будущее, которое нужно было выстроить из настоящего, и прежде всего предстояло решить, что же делать дальше.

Они спустились к океану. Солнце уже село, оставив холодный берег наедине с шумным прибоем. Взявшись за руки, влюбленные погрузились в воспоминания о прошлом лете.

— Я наблюдала, как ты плавал в ту ночь, когда не мог заснуть, — призналась Эстелла улыбаясь. — Я тогда тоже не спала и следила за тобой, прячась в тени.

— Правда?

— Да, я видела, как ты голый шел по берегу. Я так захотела тебя в тот момент, что просто не знала, что с собой делать, — хрипло произнесла она.

— Что мы с тобой будем делать дальше? — спросил он, и в его голосе прозвучала неуверенность.

Эстелла вздохнула.

— Я провела последние шесть месяцев, занимаясь подготовкой речей, с которыми буду обращаться к тебе. Я планировала, что скажу, когда ты вернешься, но пока ничего из этого не высказала, — тихо произнесла она, глядя на свои голые ноги, ритмично погружавшиеся в мелкий песок.

— Полагаю, я знаю, что ты хочешь мне сказать, — заявил Рамон, сжимая ее руку.

— Не думаю, что это так.

— Все женщины хотят одного и того же, — произнес он таким тоном, что это можно было принять за обвинение.

— Итак, чего же хотят все женщины?

— Они хотят защищенности. Они хотят брака, детей и защищенности, — вяло ответил он.

— Ты, пожалуй, прав. Именно этого я и хотела для себя раньше. Но потом я встретила тебя, и ты оказался не похож на других мужчин. Поэтому я решила, что это не то, что мне нужно.

— Тогда что же тебе нужно? — с удивлением спросил он.

Эстелла остановилась напротив, пристально глядя на него в сумеречном свете. Она засунула руки в карманы своего шерстяного кардигана и переминалась с ноги на ногу, готовясь к речи, которую уже давно отрепетировала.

— Я нуждаюсь в твоей любви и в твоей защите, — начала она. — Я хочу этого для себя и для своего ребенка. Я хочу, чтобы он знал отца и рос, ощущая его любовь и мудрую опеку. Но я не хочу привязывать тебя к дому. Путешествуй по миру и пиши свои рассказы, но только обещай, что будешь возвращаться к нам домой как сейчас, так и впредь. Я буду хранить в сердце твои поцелуи, но когда их останется мало, ты должен будешь вернуться, чтобы пополнить запасы. Я не хочу когда-нибудь обнаружить, что там совсем пусто. — Она улыбнулась ему, поскольку понимала его лучше, чем он понимал себя сам.

Рамон буквально опешил, не зная, что сказать. Он ожидал, что она будет умолять его остаться с ней и не уезжать, как это сделала Элен при рождении Федерики. Но Эстелла смотрела на него уверенно, и он знал, что она говорит совершенно искренне.

Обняв, он целовал ее виски и щеки, вдыхая запах роз и ощущая свою близость с ней, как никогда раньше. Он попытался найти в себе признаки знакомого ощущения клаустрофобии, но не смог их обнаружить. Эстелла любила его настолько беззаветно, что подарила ему свободу. Но никто из них не был готов испытать на себе гнев Пабло Реги.

Пабло и Мария вернулись домой на закате и обнаружили аккуратно написанную записку Эстеллы.

Он приехал за мной, как я вам и обещала. Пожалуйста, не сердитесь. Я скоро вернусь.

Пабло уже готов был колотить кулаками в стену, если бы не жена, которая бросилась между ним и дырой в стене, оставленной в прошлый раз, заклиная его остыть и попытаться мыслить разумно.

— Это божье благословение, что он приехал за ней, — настаивала она, молитвенно сложив руки на груди. — Ведь она больше никому не нужна.

— Можно ли ему доверять? — яростно возражал он. — Он даже не изволил попросить ее руки, чтобы жениться.

— Жениться? — запинаясь, пробормотала Мария.

— Конечно. Он не смеет орошать ее чрево своим семенем и не жениться на ней.

— Возможно, именно по этой причине он не захотел с нами встретиться.

— Он женится на ней. Клянусь Богом, он женится на ней, или я отправлю его в преисподнюю.

— Куда ты собрался? — закричала Мария, беспомощно наблюдая, как муж выскочил из

дома.

— Хочу найти их, — ответил он, забираясь в свой ржавый грузовик и съезжая с холма в облаке дорожной пыли.

Пабло Рега не знал, с чего начать поиски, но был абсолютно уверен, что должен это сделать, чтобы не сойти с ума. Он поехал по берегу в направлении Качагуа. Солнце повисло почти над самым горизонтом, как сверкающий персик, заставляя морские волны мерцать теплым розовым светом. Он думал о дочери и о чуде ее рождения, не желая, чтобы какой-то безответственный негодяй сейчас все разрушил. Этого нельзя было допустить после того кровавого пота, который был пролит, чтобы вырастить ее. Подъезжая к деревне Качагуа, он решил узнать адрес дома, где жили ее предыдущие наниматели, дон Игнасио и сеньора Кампионе. Он не знал, где следует искать, поэтому вполне разумно было начать именно с этого дома.

Он въехал в деревню, дремавшую в тусклом вечернем свете. Вокруг было безлюдно, и только трехногая дворняжка с энтузиазмом обнюхивала землю. Когда он увидел автомобиль, припаркованный на въезде в дом дон Игнасио, сердце дрогнуло в его груди — по крайней мере кто-то был дома. Если Эстелле понадобится какая-либо помощь, она наверняка обратится к сеньоре Мариане, которую очень любила. Он посмотрел на свое отражение в зеркале, лизнул руку и провел ею по своим жидким волосам, пытаясь придать себе более respectable вид. Затем Пабло спрыгнул из кабины грузовика, отряхнул пыль с рубашки и брюк и застегнул все пуговицы на груди, кроме верхних, чтобы был виден серебряный медальон с изображением Девы Марии, который он носил на счастье и для защиты от злых духов, проклинавших его на кладбище. Потом он глубоко вздохнул, вспоминая, что живот следует втянуть, а плечи расправить, и направился к парадной двери.

Прежде чем нажать на звонок, он какое-то время колебался. Высокие акации окружали его, как часовые, а дом был огромным, как крепость. Внезапно он ощутил робость и растерянность оттого, что вообще сюда приехал. Он уже собирался повернуться и уйти, как вдруг услышал голоса, раздававшиеся из дальней части дома. Не могло быть никакой ошибки — он явственно различил смех Эстеллы. У нее был очень необычный смех, похожий на веселое журчание ручья. Пабло любил этот звук больше всего на свете и ощутил, как его горло душил приступ ярости. Он сжал кулаки и стиснул зубы, ощущая себя в роли быка, учуявшего ненавистного тореро, и решительно позвонил.

Смех мгновенно стих, растворившись в быстром перешептывании и легком шуме шагов. Пабло снова нажал на звонок, а затем застыл на месте, сохраняя всю свою энергию для схватки. После долгой паузы дверь открылась и в дверном проеме появился дон Рамон Кампионе.

— Чем я могу вам помочь? — учтиво спросил он. Пабло стал подыскивать подходящие слова, но он никогда не был силен в общении с людьми, поэтому просто отвел руку и затем двинул кулаком прямо в самодовольную физиономию своего гораздо более крупного противника, заставив того отшатнуться внутрь дома и затем упасть на пол, откуда он ошеломленно взирал на Пабло Регу.

— *Xийо де нута!* — воскликнул Рамон, вытирая рукой окровавленный подбородок и изучая кровь, оставшуюся на ладони. — За что это, черт возьми? — Но он прекрасно понимал, за что.

— Папа! — закричала Эстелла. — Что ты наделал? — в ужасе всхлипнула она, увидев,

как Рамон, покачиваясь, с кровью на лице, поднимается на ноги.

— Как ты посмел украсть мою маленькую девочку? — запинаясь, прорычал Пабло, готовясь к повторной атаке.

— Он не украл меня, папа, я пошла с ним добровольно. Разве ты не читал мою записку? — гневно прервала его Эстелла, храбро закрывая собой любовника от отца. — Хватит, папа, — приказала она. — Ты уже достаточно натворил!

— Вы обязаны жениться на ней, сеньор, — Пабло угрожающим жестом указал пальцем на Рамона, который с неприязнью смотрел вниз на взбешенного коротышку.

— Есть небольшая проблема — я уже женат, — дерзко сообщил Рамон.

Лицо Пабло стало пунцовым, а губы задрожали.

— И как же вы намерены поступить? — хрипло произнес он, скептически качая головой и едва сдерживаясь.

— Папа, прошу тебя, зайди в дом, и мы спокойно все обсудим, — сказала Эстелла, взяв отца за руку и заходя с ним в дом. Рамон увидел, что они прошли через холл и гостиную на террасу. Он обратил внимание, что уверенность в себе растет у Эстеллы вместе с ребенком, и этот факт заставил его в очередной раз восхититься своей возлюбленной. Он припомнил застенчивую маленькую девочку, которую соблазнил, и улыбнулся, несмотря на саднящую боль в челюсти.

Пабло плюхнулся в кресло и смотрел на дочь с усталой покорностью. Эстелла уселась напротив, положив руки на свой большой живот. Рамон прислонился к двери со скрещенными на груди руками. Он предоставил Эстелле инициативу разговора, не испытывая никакого желания вести душеспасительные беседы с престарелым папашей. Рамон вообще полагал, что его любовные отношения с Эстеллой — это их личное дело, которое никого больше не должно касаться.

— Папа, я люблю Рамона. Он — отец моего ребенка, и я хочу быть с ним. Замужество меня не интересует. Рамон купит нам дом в Качагуа и позаботится о нас. Только об этом я и мечтаю, — спокойно сообщила она.

— Твоя бабушка перевернулась бы в гробу, — пробурчал он, глядя на дочь водянистыми глазами.

— Значит, ей придется это сделать, папа, — решительно ответила Эстелла.

— Ты совершила адюльтер. Бог тебя накажет, — заявил он, инстинктивно касаясь своего серебряного медальона с изображением Девы Марии. — Он накажет вас обоих.

— Бог все поймет, — возразил Рамон, который ненавидел способы, которыми церковь держала людей в узде, вселяя в их сердца страх неминуемого возмездия.

— Вы безбожник, дон Рамон.

— Вовсе нет, сеньор. Я верующий. Но только я не собираюсь слепо верить той неубедительной чепухе, которую говорят мне эти смертные, именующие себя священнослужителями и утверждающие, что постоянно ведут диалог с Богом. Они не более святы, чем я сам.

— Папа, Рамон хороший человек.

— Пусть радуется, что он не мертвый человек, — отрезал Пабло, поднимаясь. — Ну что же. Давай, продолжай жить в грехе. Я тебя больше знать не хочу.

— Папа, пожалуйста! — со слезами взмолилась Эстелла, протягивая к нему руки. — Прошу, не отворачивайся от меня.

— Пока ты будешь оставаться с этим себялюбивым безбожником, я не желаю тебя

видеть, — с горечью отрезал он. Эстелла следовала за ним до самого грузовика. Она попыталась уговорить его дать Рамону шанс, но Пабло отказался слушать. — И это после всего, что мы для тебя сделали, — сказал он напоследок, поворачивая в машине ключ зажигания.

— Папа, пожалуйста, не уходи вот так, с камнем на сердце, — всхлипывала Эстелла. Но он уехал, даже не бросив на нее последний взгляд в зеркало заднего вида.

Эстелла родила мальчика в той же клинике Вальпараисо, где двадцать два года назад родилась сама. Рамон был горд, как и любой отец новорожденного, и, взяв крошечное создание в свои руки, провозгласил, что ребенок нарекается Рамоном. Он поцеловал сына в лобик.

— Рамон Кампионе, — произнес он и улыбнулся Эстелле. — Нам нет нужды жениться, когда у нас есть Рамонсито, который связывает нас еще крепче.

Эстелла ужасно скучала без матери. Без ее трав и ласковых слов роды были очень болезненными. Она нуждалась в общении с ней, но боялась оказаться отвергнутой. Суровые слова отца нанесли ей глубокую душевную рану и оставили ее в одиночестве и в еще большей зависимости от Рамона, чем раньше. Через месяц после рождения малыша они переехали в прелестный домик на берегу, который Рамон купил на окраине Запаллара, так что она оказалась совсем близко от родителей и друзей, с которыми выросла. Он постарался заверить Эстеллу, что со временем отец одумается и простит ее.

— Время все лечит, — уверенно говорил он. — Даже мой отец когда-нибудь сможет простить меня за то, я что разрешил Элен уехать.

В конце октября Игнасио и Мариана переехали на летний сезон в свой дом в Качагуа. Мариана наняла новую служанку, Гертруду, угрюмую старую женщину, которая ни о ком ничего хорошего не говорила и постоянно жаловалась на плохое здоровье. Игнасио она понравилась, поскольку была так несговорчива, что ему не было никакой нужды изображать свое хорошее к ней отношение. В сущности, она гораздо лучше реагировала на придирки, свойственные его характеру, чем на попытки Марианы смягчить ее добрыми словами и улыбками. Сама Гертруда никогда не улыбалась. Когда Мариана к слову упомянула Эстеллу, Гертруда сочла своим долгом сообщить ей о слухах, что Эстелла родила обезьянку, что является прямым следствием ее внебрачной беременности.

— Вот что случается с теми, кто нарушает заповеди Божьи, — злорадно прокаркала она.

Игнасио и Мариане даже в голову не могло прийти, что их сын может оказаться отцом ребенка Эстеллы.

— А я скучаю без Эстеллы, — сообщила Мариана мужу.

— Понимаю, — ответил он, раскладывая элементы огромного пазла на картонном столе в гостиной.

— Как может Гертруда быть такой недоброй? Надо же такое выдумать, обезьянку, — она безнадежно вздохнула. — И как люди могут болтать подобные глупости?

— Это народный фольклор, женщина, — ответил Игнасио, поправляя очки.

— Но ведь любой образованный человек должен знать, что это неправда.

— Ты ведь веришь в Бога, разве не так?

— Да.

— Но у тебя нет никаких доказательств, что он существует.

— Начо!

— Это всего лишь пример, женщина.

— Но на совершенно ином уровне.

— Ну, как хочешь, — ответил он, втайне надеясь, что жена оставит его в покое и позволит сосредоточиться на пазле.

— Знаешь, я хочу попробовать разыскать, где она живет, и навестить ее. Просто чтобы убедиться, что у нее все в порядке.

— *Комо куэрас, мухер*, — раздраженно произнес он. Мариана покачала головой и оставила его наедине с головоломкой. — Подробности, присущие миру моей жены, никогда не перестанут изумлять меня, — вздохнул он после того, как она ушла, и с азартом продолжил свое занятие.

Рамон наблюдал за сыном, спавшим в колыбели. Ребенок не двигался, даже не шевелился. Его охватила паника, что сын мог умереть. Он наклонился к кроватке, чтобы послушать его дыхание. Ничего не услышав, он прижался к младенцу лицом, чтобы ощутить его дыхание на щеке.

— *Ми амор*, ты снова беспокоишься? Рамонсито жив и здоров, — прошептала Эстелла, выкладывая чистое белье на комод.

— Я просто хотел убедиться. — Он застенчиво улыбнулся.

— Ты просто забыл, как это бывает, — хихикнула Эстелла, нежно целуя его в щеку.

— Верно, так и есть.

— Тогда поезжай к ним, — неожиданно сказала она.

— Что?

— Поезжай и навести своих детей, Рамон, — уточнила она.

— Но зачем?

— Потому что ты нужен им.

— Я не могу.

— Нет, ты можешь. Если ты покинешь меня и начнешь жить с другой женщиной, я хотела бы надеяться, что ты останешься хорошим отцом для Рамонсито.

— Я не намерен покидать тебя, Эстелла, — твердо заявил он.

— Я вовсе не это имела в виду. Эти дети нуждаются в том, чтобы ты оставался для них отцом. То, что у вас не сложилось с Элен, не имеет к ним ровным счетом никакого отношения. Если ты не объявишься, они будут обвинять себя. Они, должно быть, очень скучают без тебя. Я присмотрю за Рамонсито, он такой уязвимый и невинный. Он нуждается в нас обоих.

— Я поеду, но позже, — сказал он неопределенно.

* * *

Эстелла оказалась первой из всех его женщин, которая не просила остаться с ней. Он был удивлен, что она предложила ему уехать. Внезапно его встревожила мысль, что она начинает уставать от него. Не стоило забывать, что она была на двадцать лет моложе. Возможно, она нуждается в мужчине своего возраста. Потом он убедил себя, что она никак не может думать о ком-либо еще. Он был отцом ее ребенка. Кроме того, она обещала, что

никогда не станет возражать, если он надумает уезжать, при условии, что затем время от времени будет возвращаться. Ирония ситуации состояла в том, что сейчас у него не было никакого желания уезжать куда бы то ни было. Он мог работать в их доме на берегу, совершать долгие прогулки под солнцем, плавать в море, заниматься любовью в послеполуденные часы и радоваться, наблюдая, как день за днем растет его малыш. Он обнаружил, что его стихи с какой-то особой легкостью стали выходить из-под пера. У него не было нужды находить нужные слова в путешествиях по дальним странам, они появлялись прямо здесь, в их доме. Эстелла читала их и плакала, когда они затрагивали ее сердце. Она никогда не спрашивала, когда он собирается уезжать, и никогда больше не предлагала ему это сама. Но ее слова нашли почву в его душе и принесли свои плоды. Рамон понимал, что Эстелла права, и знал, что должен поехать и увидеть детей, но каждый раз откладывал это на завтра. Завтра стало долгой дорогой в прошлое...

Федерика катила на велосипеде к почте в компании Эстер, чтобы отослать картину, которую она нарисовала для Абуэлиты. На ней был изображен ее новый дом и новые друзья в лице Молли и Эстер. Сюда же был помещен и Сэм, нарисованный крупнее всех, даже большим, чем ее мать и бабушка с дедушкой. Эстер была восхищена.

— Тебе следует стать художницей, как моя мама, — сказала она. — Но мама не может рисовать людей, у нее они всегда похожи на птиц.

— Ну что ты. Я думаю, что она рисует превосходно.

— Если бы ты лучше знала мою маму, то не стеснялась бы говорить то, что думаешь. — Она рассмеялась.

У Федерики было еще одно письмо, адресованное отцу. Матери она ничего не сказала и, поскольку не знала новый адрес отца, положила его в письмо, посылаемое бабушке. Она знала, что Абуэлита обязательно его передаст. Она писала ему, что тоскует и вспоминает его каждый день, когда встает, и каждую ночь, когда ложится спать, поскольку именно в такие моменты она обращалась к своей шкатулке с бабочкой. Она сообщала ему, что он был прав, — шкатулка оказалась волшебной, потому что каждый раз, когда она открывала крышку, ее сознание отправлялось в путешествие в дальние страны, где она летала на облаках, ловила розовых рыб в серебряных реках и ела восхитительные фрукты, которые никогда раньше не видела. Дальше она просила его приехать и увидеться с ними, поскольку она быстро растет, и если он в ближайшее время не приедет, то потом просто не узнает ее. Довольная тем обстоятельством, что теперь-то он обязательно приедет, Федерика заклеила конверт и опустила его в почтовый ящик.

Почти все лето Федерика провела с семейством Эплби, предоставив матери возможность сосредоточить свое внимание на Хэле. Полли готовила, стирала и заботилась об Элен так, будто та снова стала ребенком, и удовлетворяла любые ее запросы. Джейк только закатывал глаза, наблюдая, как жена кружит вокруг дочери, словно последних десяти лет жизни вовсе не было. Полли доказывала, что она делает лишь то, что любая другая мать сделала бы для своего ребенка. Джейк не мог не согласиться, поскольку не знал, как поступают другие матери, но то, как Элен возилась с Хэлом, убедило его, что в оправданиях жены есть доля правды.

Хэл не мог совершать плохих поступков, по крайней мере в глазах своей матери. У него были блестящие черные волосы и темные большие глаза, как у отца, в которые Элен могла глядеть часами, растворяясь в них. В такие периоды мало что могло отвлечь ее внимание. Она могла смеяться в ответ на его эксцентричные высказывания, играть в любые игры, которые только он предлагал, и хвалила его даже в том случае, когда он не делал ничего достойного похвалы. Элен была уверена, что в свои четыре года он был самым смышленным и самым очаровательным ребенком, которого она когда-либо видела. Однако она отказывалась замечать то обстоятельство, что его настроение могло без всякой видимой причины меняться от абсолютной привязанности до слепой ярости и ненависти.

Когда Хэла охватывала злость, даже Элен старалась держаться от него подальше. Конечно, она находила какие-то объяснения таким вспышкам раздражения и, если об этом кто-то упоминал, тут же вставала на защиту сына. Федерика инстинктивно чувствовала, когда следует оставить мать и Хэла одних и заниматься своими делами без их участия. Она понимала, что мать не стала меньше любить ее, просто Хэл нуждался в материнской опеке в гораздо большей степени, чем она сама. В конце концов, у Хэла не было таких друзей, как Молли и Эстер. Правда, Люсьен и Джои приглашали его на чаепития, но Хэл не был, подобно Федерике, уважаемым членом семейства Эплби. Он был для этого еще слишком мал.

Федерика хотела встретить Рождество с Эстер, но Элен настояла, чтобы она осталась дома, со своей семьей. «Ты ведь не Эплби, ты — Кампионе», — напомнила она к большому разочарованию Федерики, которая с каждым днем все больше проникалась духом клана Эплби. Ингрид приступила к праздничному оформлению усадьбы уже в октябре. Вместо мишуры она изготовила гирлянды цветов, сделанных из креповой ткани, которые развесила на перилах лестниц и вокруг карнизов в холле и гостиной. На елке висели большие гусиные яйца, раскрашенные лично ею в праздничные цвета, а также большая рождественская гирлянда с лампочками. На верхушке елки она устроила гнездо для Блэки. К изумлению Федерики, Блэки оказался вполне доволен своим новым насестом. Однако это обстоятельство ничуть не удивило никого из Эплби, поскольку в отношении всего, что касалось животных, Ингрид явно получила благословение самого святого Франциска. Но что касается эксцентричности поступков, всех, как и следовало ожидать, перещеголял Нуньо. Существовала традиция, в соответствии с которой приготовлением рождественского пудинга занимался лично Нуньо. Это был подлинный церемониал, отношение к которому было самым что ни на есть серьезным. Вся кухня должна была быть очищена от посторонних лиц на целый день. Никто, за исключением Сэма, туда не допускался, так что всем остальным членам семейства приходилось питаться в пабе, в то время как Нуньо, охваченный кулинарным экстазом, буквально летал по кухне. Даже Иниго был вынужден оторваться от своих философских книг и мрачного настроения и присоединиться к общему веселью. Нуньо свято верил, что обладает совершенно непревзойденными поварскими способностями.

— Не так существенно точное количество ингредиентов, мой мальчик, как важен способ перемешивания и соблюдение нужного режима, — поучал он Сэма.

— Я не вижу особого смысла в стряпне, — отвечал Сэм. — Слишком много времени занимает процесс приготовления и слишком мало — собственно процесс еды.

— Поцелуй мимолетен, а стряпня — это целая вечность! — важно продекламировал Нуньо со своим специфическим итальянским акцентом.

— Не могу вспомнить, — после некоторых раздумий раздраженно признался Сэм.

Нуньо сделал большие глаза и забарабанил деревянной поварешкой по разделочному столу.

— Давай, давай, дорогой мальчик, думай.

— Извини, Нуньо, не могу, — ответил тот, признавая свое поражение.

— Мередит Мидлтон.

— Ну конечно. Речь — это лишь небольшое изменение тишины, — вздохнул Сэм, от досады качая головой. — Это ведь было так просто.

— Все и всегда оказывается достаточно простым, но проблема в том, что узнаем мы об этом слишком поздно.

Для Федерики Рождество с родителями матери оказалось достаточно унылым по сравнению с тем, что происходило у Эплби. Полли и Элен украсили дом традиционными ленточками, а елку — блестками и игрушками. Федерика могла принять в этом процессе посильное участие, но предпочла помогать Эстер готовить подарки для всех животных, обитавших в доме. Джейк считал, что Рождеству придают слишком уж большое значение, и занялся строительством новой модели, оставляя, к недовольству Полли, по всему дому клей и куски дерева. Элен посчитала ежедневные увеселительные прогулки дочери излишними и, решив, что Хэл и Федерика должны приступить к рисованию картин в качестве подарков для стариков, усадила их работать за кухонным столом. «Мне нужны самые лучшие рисунки, которые вы только в состоянии изобразить. Если это займет у вас меньше недели, то мне будет понятно, что вы не желаете стараться», — предупредила она, адресуя свои комментарии в основном Федерике, которая едва слушала ее. Она приступила к выполнению поставленной задачи без всякого энтузиазма, постоянно размышляя над тем, чем сейчас занимается Эстер в Пиквистл Мэнор.

Тоби сообщил родителям, что намерен провести Рождество с семьей Джулиана в Шропшире. Они были уязвлены, хотя и не в большей степени, чем это было на прошлое Рождество или на позапрошрое. Но Тоби хотел, чтобы они почувствовали свою вину. Пока отец отказывался принимать Джулиана в доме, он заставлял их страдать из-за своего отсутствия в этот чисто семейный праздник.

Элен очень злилась и яростно спорила по этому поводу с отцом. «Он мой брат, и я не могу просто так стоять в стороне и спокойно наблюдать, как ты с ним обращаешься. Ты ведь знаешь, что он вовсе не прокаженный, он просто любит мужчину. Ну и что?» — раздраженно твердила она. Но Джейк устранился от разговора, не желая обсуждать эту тему с дочерью. Он вообще не мог обсуждать тему гомосексуальности сына с кем бы то ни было, даже с женой, поскольку чувствовал себя слишком опозоренным. Но Элен не сдавалась и продолжала упоминать о Джулиане при каждой возможности, «Сегодня я с Хэлом ходила к Тоби. Джулиан был так мил с малышом. Он оставался с ним, пока мы с Тоби прогуливались. Трудно представить себе более надежного человека. Я без колебаний доверила бы ему даже свою жизнь», — убеждала она, но Джейк игнорировал ее пламенные речи, демонстративно уходя из комнаты, или погружался в изготовление деталей для своих любимых моделей. Тем не менее Элен была решительно настроена на то, чтобы не допустить раскола их семьи из-за старомодного, иррационального и глупого заблуждения отца. Она еще не знала как именно, но была уверена, что со временем сможет исправить положение.

Накануне Рождества плотное снежное покрывало превратило Польшерро в ледяное королевство. Небо побледнело, а солнце превратилось в блестящий туманный шар, повисший низко над горизонтом. Деревья заснули мертвым сном, оставив свои окоченевшие от холода ветви сражаться с колючим ветром. Тем не менее в этих оголенных ветвях нашли свое убежище несколько грачей и малиновка. Федерика и Хэл были зачарованы снегом. Они вставали пораньше и прижимались носами к промерзшим окнам, чтобы повосхищаться белоснежным садом, молчаливо застывшим в лучах рассвета. Они были настолько увлечены этим удивительным зрелищем, что даже не заметили на своих постелях толстые пакеты с подарками. Забравшись на кровать вместе с Элен, Хэл и Федерика стали возбужденно

разрывать бумагу на каждом из аккуратно упакованных подарков.

— Но как же Санта-Клаус сумел найти нас в Англии? — спросила Федерика у матери и восторженно взвизгнула, обнаружив новый набор красок для рисования.

— Он очень умный, — ответила та, наблюдая, как Федерика аккуратно складывает в кучку обрывки упаковочной бумаги, в то время как Хэл разбросал все по полу, предоставляя другим возможность заняться последующей уборкой.

— Надеюсь, что он нашел и папу в Сантьяго, — сказала Федерика, вспоминая, что родители также получали подарки на Рождество. — Как хочется, чтобы он оказался с нами, — произнесла она с тоской, задумчиво поворачивая в руках один из подарков. Она мечтала о том, чтобы он увидел, как она разворачивает свои подарки, хотя и знала, что никакой подарок никогда не сравнится с волшебной шкатулкой, которую он ей привез. — А где твои, мама? — спросила она, заметив, что у Элен ничего нет.

— Санта-Клаус по ошибке оставил их не в вашей комнате, — сообщила Полли, появившаяся на пороге в платье, комнатных туфлях и с рассыпавшимися по плечам седеющими волосами. Она подошла к дочери и вручила ей завернутую в бумагу шкатулку.

— Спасибо, мама, — улыбнулась Элен, освобождая место на краю кровати.

Полли присела и коснулась щеки дочери своей большой рукой.

— Не благодари меня, скажи спасибо Санта-Клаусу, — сказала она и подмигнула.

Федерика молча ела свой завтрак. Подарки ей понравились, особенно собака Снупи с множеством различного снаряжения, в которое ее можно было бы облачать на каждый отдельный случай. Бабушка тоже приготовила небольшие подарки, которые положила у их мест за столом, а дед зажег елочные огни, которые сразу же внесли в дом атмосферу праздника. Ей очень понравился снег, и возникло желание выбежать наружу и поиграть с ним, но никакие забавы не могли заменить ей отсутствие отца. Она старалась не думать о нем, поскольку вовсе не хотела грустить на Рождество и испортить праздник матери своим дурным настроением, но, несмотря на свои улыбки, так скучала без него, что хотелось заплакать.

Элен заметила ее увлажнившиеся глаза и мгновенно поняла, что к чему.

— Почему бы вам с Хэлом не пойти сейчас поиграть на воздухе? Если хотите, можете слепить снеговика, — предложила она, надеясь, что это отвлечет дочь. Но ничего подобного, к сожалению, не случилось.

Федерика не хотела даже идти в церковь, хотя и знала, что там будут Эплби. Она не желала видеть, как все дети придут туда вместе с отцами, будут смотреть на нее и задавать себе вопрос, почему с ней нет ее отца. Больше всего ей сейчас хотелось спрятаться. Но мать этого не допустила и сказала, что хочет пойти в церковь, чтобы поблагодарить Бога за все то, что Он ей дал в течение года, и выразить Ему благодарность за то, что Он подарил миру младенца Иисуса. По дороге в церковь Федерика размышляла над словами матери. Бог дал ей много прекрасных вещей, например знакомство с Эстер, и ей нравился Польперро. Но она ничего не могла поделать и ощущала глубокую депрессию. Если Бог подарил ей Эстер, почему же он не мог вернуть ей отца? Она приняла решение просить Его об этом в своих молитвах.

Церковь была настолько древней, что достойна была быть упомянутой в книге дня Страшного Суда. Тоби привел ее сюда, когда она впервые оказалась в Польперро, чтобы показать могилу старухи Хэтти Броуни, сожженной крестьянами за чародейство в 1508 году.

Тоби мрачно заметил, что в ясные ночи ее часто замечали во дворе, собирающей травы для своих снадобий, с помощью которых она помогала облегчить страдания умерших.

Сама церковь была маленькой и несколько необычной, с наклонной крышей и шаткой папертью, окруженной могилами, скрытыми под снеговыми шапками, и низкой кирпичной стеной, защищающей ее от нашествия собачьего племени. По какой-то необъяснимой причине псы просто обожали задирать свои задние лапы именно возле могильных плит. Нуньо пояснял это резким запахом покойников, привлекавшим собак к этим местам, а Иниго обвинял их в недостатке уважения к людям и говорил, что им доставляет удовольствие «мочиться на покойников, поскольку они не могут мочиться на живых». Неф и балконы позволяли разместиться здесь не более полусотне прихожан, но благодаря невероятной харизме преподобного Бойбла редко пустовало хотя бы одно место. Элен воспитывала детей в духе католицизма, поскольку Рамон был католиком. Но теперь, когда она вернулась в Англию и была предоставлена самой себе, то вновь возвратилась в лоно протестантской веры, которую исповедовала с детства. Это давало ей ощущение сопричастности к жизни окружающих ее людей.

Все присутствующие были одеты в свои лучшие пальто и шляпы. Федерику втиснули в старомодное твидовое пальто, принадлежавшее в детстве ее матери, которое Полли сохранила в большом белом сундуке со старыми вещами. Пальто Федерике не понравилось, поскольку оказалось колючим и маловатым, но Элен пришла к выводу, что она выглядит весьма мило, и не позволила ей снять его. Испытывая невероятный дискомфорт, Федерика во время всей службы была вынуждена дергать себя за ворот. Церковь была наполнена смесью ароматов сосен, духов и восковых свечей. Старая миссис Хэммонд играла на органе с некоторой неуверенностью, а ее сморщенное лицо почти уткнулось в сборник церковных гимнов, поскольку она была слишком высокомерна, чтобы осознать необходимость использования очков. Когда в церковь вошло семейство Эплби, заняв свои позиции в ее передней части, среди паствы пронеслась волна перешептываний. Первым на носочках шествовал Нуньо, с благочестивым выражением лица и высоко задранном носом.

— Девочки, вы ведь вовсе не пара набожных пингвинов. Держите руки перед собой, как подобает целомудренным девам, — прошипел он Молли и Эстер, плечи которых напряглись и дрожали от усилий, предпринимаемых с тем, чтобы сдержать хихиканье.

Эстер поймала взгляд Федерики и подмигнула ей. Федерика заставила себя натянуто улыбнуться, хотя ей было вовсе не до веселья. Ингрид нарядилась в вельветовый тюрбан и длинное зеленое вельветовое пальто, низ которого волочился за ней, придавая сходство с не первой свежести невестой. Она приветствовала всех изящным наклоном своей аристократической головы, совершенно не замечая лиц, поскольку ее взгляд был затуманен очарованием органной музыки. Далее шаркающей походкой двигался Иниго, одетый в поношенное коричневое пальто из бобрика и фетровую шляпу, низко надвинутую на его брюзгливую физиономию. За ним следовали Сэм, который уже явно заскучал, Беа в короткой юбке, Люсьен и Джои.

После того как семейство Эплби заняло свои места, преподобный Бойбл бодро вспорхнул в центр нефа. Взгляд его выпуклых карих глаз весело пробежал по застывшим в ожидании лицам прихожан, а лицо расплылось в широкой благожелательной улыбке.

— Добро пожаловать, — восторженно провозгласил он неожиданно высоким и тонким голосом. — Добро пожаловать всем. Сегодня совершенно необычный день, ведь это день рождения Иисуса.

Сэм зевнул, широко разинув рот, словно бегемот. Отец Бойбл мгновенно заметил это бесцеремонное действие и радостно захихикал.

— Я смотрю, что некоторые из вас предпочли бы в это знаменательное утро поваляться в постели, или, возможно, вы устали, разворачивая упаковки своих рождественских подарков. Поэтому я благодарю вас за то, что вы все-таки нашли в себе силы прийти. — Сэм замер на месте и постарался избежать румянца на щеках, сосредоточившись на распятии, висевшем над алтарем. — Усилия... гм-м... — задумчиво пробормотал отец Бойбл, потирая большими пальцами рук поверхность своего молитвенника. — Усилия — это добродетельная вещь. Очень легко позволить лености повести нас по пути зла. Не знаю, всем ли вам известна история двух лягушек, попавших в банку с молоком. — Он окинул взглядом лица присутствующих, уставившихся на него в ожидании. — Они застряли там и не могли выбраться. Для более сильной лягушки проще всего было вскочить на спину своей слабой напарницы и попытаться выпрыгнуть. Но более сильная лягушка не выбрала такой, казалось бы, легкий путь. Вместо этого она продолжала энергично работать лапками вместе со своей слабой соседкой. Их усилия были вознаграждены. Они действовали так эффективно и так долго, что молоко превратилось в масло, что позволило им просто выпрыгнуть наружу. Вот что значат усилия, мои хорошие друзья. Они приносят нам ту награду, которую мы, благодаря им, заслужили. — По аудитории прошелестел шепот одобрения. — Сегодня день рождения Иисуса, поэтому давайте восславим его первым гимном в нашем списке для службы «Давным-давно, в яслях».

Федерика знала некоторые из гимнов, поскольку ей приходилось петь их в школе в Чили, хотя и на испанском языке. Уже прошла целая вечность с тех пор, как она в последний раз говорила на испанском, грустно подумала она, и попробовала потихоньку спеть так, как ее учили в Вине. Внезапно все ее ностальгические мысли и устремления, от которых она так долго страдала в молчании, восстали против ее ослабевшей воли и клещами сжали горло, заставив глаза увлажниться, а подбородок задрожать. Мысленным зрением она увидела череду сцен из прошлой жизни, прошедших перед ней как видения потерянного мира. Ее сердце остановилось, когда она увидела всплывшее из темноты смуглое лицо отца во всем его великолепии, и, как она ни старалась удержать слезы, они ручьями полились по ее щекам, когда она пыталась найти в его глазах любовь, но увидела только безразличие. В одно мгновение к ней пришло ощущение отчаянной пустоты и печали. Вспоминая все напрасно потраченные в ожидании его приезда бесчисленные часы, она осознала, насколько наивной оказалась. Было совершенно очевидно, что он позабыл о них, поскольку Рождество уже наступило, а он так и не приехал, хотя раньше делал это всегда. Теперь она точно знала, что он больше никогда не приедет, и совсем упала духом. Почувствовав состояние дочери, Элен положила руку ей на плечо. Она тоже тосковала без Чили и без Рамона, хотя и в несколько странной форме. Однако у нее был накоплен значительно больший опыт по части сокрытия своей меланхолии, и пела она как никогда от души.

Продолжая службу, преподобный Бойбл говорил о значении Рождества со все возрастающим энтузиазмом.

— Рождество — это время для любви и прощения, — проповедовал он.

Федерика слушала его, но не ощущала в своем сердце ни любви, ни прощения, а только ноющую рану, которая не поддавалась лечению. Когда вся чудовищность предательства отца достигла ее сознания, взгляд девочки затуманился, так что свечи стали светить как маленькие двойники солнца, отец Бойбл уменьшился до размеров черной кляксы, а его голос

стал похож на отдаленное жужжание. Она сделала еще одну, последнюю попытку сдержать рыдания, но ее грудь была слишком мала, чтобы выдержать столь сильное испытание. Она встала и, как слепая, еле волоча ноги, прошла мимо деда и бабушки, которые удивленно посмотрели друг на друга. Затем она пробежала по боковому проходу, толкнула тяжелую дубовую дверь, выскочила на снег, где царил морозный воздух, и, наконец дав себе волю, разрыдалась.

Держась за живот, она согнулась и оплакивала несправедливость этого мира. Она ненавидела Рождество и ненавидела Англию. Внезапно она ощутила на спине прикосновение тяжелой руки. Прекратив плакать, она выпрямилась, вытерла лицо рукавичкой и подняла глаза, встретившись взглядом с темными глазами отца, глядевшего на нее с любовью и сожалением. Она судорожно сглотнула и заморгала от неожиданности.

— Папа? — прохрипела она, пытаясь восстановить дыхание.

— Феде... Мне так жаль. — Он подхватил ее, брыкающуюся и вскрикивающую, в свои объятия.

— Я ненавижу тебя! Я ненавижу тебя! — всхлипывала она, а он крепко держал ее своей медвежьей хваткой, прижавшись лицом к ее горячей шейке и шепча слова нежности и ободрения. Погрузившись в знакомый запах его тела, она закрыла глаза и прекратила сопротивление, поддаваясь надежности его рук и своей любви к нему. Наконец он опустил ее на землю и обнял за хрупкие плечи.

— Я скучал без тебя, — говорил он, искренне сожалея, что не приехал гораздо раньше. — Я получил твое письмо, — добавил он, нерешительно улыбаясь ей.

— Ты из-за этого приехал?

— Нет, конечно нет. Я постоянно хотел приехать и повидать тебя, но был очень занят. Твое письмо помогло мне осознать, что я не смогу больше ждать удобного случая.

— Я рада, что ты здесь, — сказала она и мягко улыбнулась.

— Ну вот, так лучше. — Большими пальцами он вытер ее лицо. — Ты должна мне так много рассказать. Ты ведь пережила большое приключение. Я хочу услышать все. Тебе нравится Англия?

— Вроде бы да. У меня появилась лучшая подруга по имени Эстер. — Развеселившись, она фыркнула.

— А как насчет собаки, которую мама собиралась тебе купить? — спросил он.

— Пока никак.

Рамон удивленно округлил глаза.

— О, дорогая. Хочешь, я куплю тебе щенка в качестве рождественского подарка?

— Нет, спасибо. Ты сам — мой рождественский подарок, и мне больше ничего не нужно.

Рамон только сейчас понял, что почти забыл, насколько любит свою дочь. Казалось, что забыть легко. Но теперь, когда он прижимал ее к груди, его сердце переполняла нежность.

Внезапно дверь распахнулась с низким скрипом и появилась Элен. Увидев Федерику в объятиях странного мужчины, она готова была высказать свое негодование, но потом, узнав широкие плечи и сильную спину мужа, ощутила, как ее сознание охватывает нерешительность. Когда он повернулся к ней лицом, она стояла, моргая ресницами и приоткрыв от удивления рот, не зная, что сказать, и борясь с желанием съездить ему по физиономии и высказать все, что она думает по поводу его поведения.

— Элен, — произнес он и улыбнулся ей.

Ее лицо в голубом зимнем свете казалось бледным, губы дрожали, лихорадочно пытаюсь выговорить нужные слова.

— Рамон, — произнесла она смущенно и тут же задала нелепый вопрос: — А что ты здесь делаешь?

— Дома никого не оказалось, и я предположил, что вы все ушли в церковь, — легкомысленно ответил он, будто все это время просто ненадолго отлучался.

— Да, мы пошли в церковь, — сухо подтвердила она. — А сейчас, если ты отпустишь Феде, то мы хотели бы дослушать службу, — напряженно сказала она, взяв Федерику за руку.

— Я не оставлю его! — выкрикнула Федерика, хватая отца за руку.

— Феде, он будет здесь, когда мы вернемся.

— Я не оставлю его, — повторила Федерика и снова ударилась в слезы.

— Похоже, мне придется к вам присоединиться, — с улыбкой сказал Рамон, пожимая руку дочери.

Элен поджала губы и страдальчески вздохнула.

— Там очень мало места, — возразила она, не желая привлекать любопытство прихожан, появившись во время службы в сопровождении Рамона.

— Я где-нибудь пристроюсь, — заверил он, пожимая своими могучими плечами.

— Как хочешь, — закончила разговор Элен, с неохотой открывая дверь.

Рамон последовал за ней в церковь, наполняя помещение энергией своей харизмы. Пока они шли по проходу, Элен ощущала несметное количество инквизиторских взглядов, впившихся в ее мужа и жаждущих выяснить, кто же этот необычный темноволосый чужеземец. Но поскольку Федерика с видом собственника держала его за руку, ни у кого не было сомнений, что это был ее отец.

Глаза Джейка и Полли едва не вылезли из орбит от удивления, когда Элен попросила их подвинуться, чтобы освободить место для Рамона. Они сидели, уставившись на него с разинутыми ртами. К счастью, преподобный Бойбл с тем же радостным настроением еще продолжал свою речь о значении и смысле Рождества, так что у них не было возможности задавать вопросы или как-то озвучить постигший их шок. Федерика улыбалась отцу и двумя руками держала его теплую руку, чтобы не дать ему исчезнуть. Хэл еще сильнее прижался к матери, ощущая ее нерешительность и даже страх, но не понимая причин этой перемены. Элен хотелось бы не проявлять такого явного недружелюбия, но она была слишком шокирована его внезапным появлением. Он обязан был предупредить ее заранее. Письмо или телефонный звонок были бы совершенно уместны. Она сидела, уткнувшись в свой молитвенник, пытаясь извлечь успокоение из слов, напечатанных на его страницах, лишь бы только не смотреть в его сторону. Она боролась со своей гордостью, призывавшей ее предстать перед ним счастливой и уверенной в себе, чтобы он сожалел о том, что позволил ей уйти. Вместе с тем ее сердце страдало от тяжести воспоминаний и все еще рвалось к нему. Рамон уселся и взглянул на окружающие его незнакомые лица. Потом он перевел глаза на дочь, заплаканное лицо которой светилось от любви и гордости. Она была счастлива — к ней приехал отец.

После окончания службы то, что происходило в церкви; напоминало приходскую вечеринку, поскольку все поздравляли друг друга и желали счастливого Рождества. Рамон обменялся рукопожатиями с Джейком и поцеловал Полли в холодную щеку с таким видом, будто виделся с ними всего неделю назад. Взяв на руки сопротивлявшегося Хэла, он поцеловал его, прежде чем вернуть Элен.

— Разве тебя удивляет, что он тебя не узнал? — прошипела она.

Рамон опустил глаза и покачал головой.

— Мне очень жаль. Я не собирался отсутствовать так долго, — ответил он пристыженно.

— Как, впрочем, и всегда, — отрезала она.

Федерика взяла его за руку и повела сквозь толпу незнакомцев знакомиться с Эплби.

— Это мой папа, — гордо заявила она Ингрид, которая изящным жестом подала ему руку.

— Очень рада знакомству. Феде там много рассказывала о вас, — проворковала она и широко улыбнулась.

— Вы, должно быть, мать Эстер, — высказал он предположение.

На лице Ингрид появилось удивление.

— Да, это так, — подтвердила она, гадая, как он смог догадаться.

— Феде очень повезло, что у нее есть такая подруга, как Эстер, — сказал он. Федерика дернула его за руку, поскольку ему ничего не было известно об Эстер, кроме того, что она сообщила ему на улице.

Ингрид вставила в глаз монокль, чтобы получше его разглядеть. Он был сногшибательно красив, с отсутствующим взглядом мистических волчьих глаз. Она также сочла очаровательным и его акцент, поскольку у этого мужчины он был естественным, а у Нуньо — нет.

— Пойдемте со мной, я хочу представить вас остальным членам нашей семьи, — предложила она, делая жест в сторону мужа и отца, которые были поглощены беседой друг с другом, находя деревенскую болтовню после посещения церкви слишком поверхностной и утомительной. Оба только и мечтали о том, чтобы снова очутиться дома наедине со своими книгами. — Па, Иниго, мне доставляет большое удовольствие представить вам Рамона Кампione, — сообщила она и приветливо улыбнулась. — Разве он не самый красивый мужчина, которого когда-либо видел Польперро?

Рамон хмыкнул, чтобы скрыть свое смущение, но улыбка Федерики становилась все шире и шире, пока не возникла опасность, что за ней исчезнет ее лицо.

— Ну что ты, дорогая. Не стоит судить о людях только по наружности. Я прошу прощения за свою жену, — сказал Иниго, крепко пожимая руку Рамона.

— Только ограниченные люди не судят по наружности, — произнес Нуньо, отвечивая Рамону поклон.

— О, да вы, оказывается, поклонник Оскара Уайльда, — ответил Рамон, возвращая поклон.

В глазах Нуньо мелькнуло одобрение.

— Так же, как и вы. Я даю вам высшую оценку. Когда вы сможете прийти к нам на

ланч? Я хотел бы показать вам свою библиотеку, — сказал Нуньо, поворачиваясь к дочери и поднимая бровь. — Могу засвидетельствовать, что юная Федерика пришла к нам из образованной семьи.

— Рамон — известный писатель, — доложила Ингрид, которая знала о нем все от Элен. — Его очень ценят в Чили.

— Как я понимаю, вы взяли мою дочь под свою опеку, — сказал Рамон. — За это я вам очень признателен.

Ингрид потрепала Федерику по голове, как будто она была собачкой, заслужившей похвалу за хорошее поведение.

— Это для меня удовольствие. Мои дочери просто обожают ее. Отец прав, Рамон, вы должны прийти к нам на ланч. Сколько вы собираетесь здесь пробыть? — спросила она, надеясь, что он намерен задержаться надолго. Больше всего на свете ей нравились яркие люди.

— Пока еще не знаю.

— Превосходно! Я люблю людей, которые принимают каждый день, когда он наступает, и ничего не планируют заранее. Пожалуй, это наилучший способ прожить жизнь. Так она кажется более длинной, — сказала Ингрид и засмеялась. Затем она наклонилась к нему и прошептала: — Сегодня мы пригласили на ланч приходского священника, поэтому, думаю, нам пора возвращаться в Пиквистл Мэнор. Вы ведь нанесете нам визит, правда? — добавила она. — Скажем, завтра?

— Конечно. Для меня это будет удовольствием, — ответил он с вежливым наклоном головы.

— Хорошо. Значит, завтра. Возьмите с собой Элен и детей. Мы всегда рады видеть вашу жену.

Элен была в ярости.

— Ты намерен таскаться по гостям, изображая из всех нас счастливую семью? — злобно выкрикнула она. — Как ты посмел появиться здесь и перевернуть все с ног на голову?

— Я не собираюсь ничего здесь менять. Я приехал только для того, чтобы повидать детей. Ты ведь именно этого хотела?

— Ты объявился без единого слова извинения за то, что не писал, не звонил и не приезжал, когда дети в тебе так нуждались.

— Но я ведь сейчас здесь, — попытался возразить он.

— Сегодня ты здесь, а завтра снова исчезнешь. Я порвала с тобой, потому что так было лучше. Сейчас ты вернулся, и я больше не знаю, каково мое истинное положение, — возмущенно произнесла она, скрестив руки на груди.

Рамон пожал плечами и вздохнул. Спорить, собственно, было не о чем. Он смотрел на ее резкие черты, горькую линию рта, ледяные глаза и вспоминал, почему позволил ей уйти.

— Что мне еще сказать? Мне очень жаль, — попытался он изменить ее настроение.

Ее губы подергивались, пока она обдумывала следующий ход.

— Я не хочу, чтобы Феде снова услышала, как мы спорим, — заявила она. — Давай пройдемся и обсудим все спокойно.

Они прошли по лужайке через старые деревянные ворота и вышли к полю, за которым находился лес. Элен закурила и выпустила струйку дыма в морозный воздух, где та повисла

на холоде туманным облачком. Рамон был обеспокоен тем, что за прошедшие несколько месяцев, пока они жили порознь, Элен совершенно не изменилась и сейчас выглядела такой же несчастной, как и прежде. Она даже не удосужилась вымыть волосы перед тем, как идти в церковь. Это почти испугало его, и он почувствовал странное ощущение *дежа вю* и те же знакомые спазмы в животе, призывавшие его снова отправляться в путь.

— Итак, сколько ты собираешься здесь оставаться? — спросила она, пока они прохаживались по полю, хрустя ботинками по снегу.

— Пока не знаю, — ответил Рамон, борясь с желанием как можно быстрее возвратиться в мирную домашнюю обстановку, которую создала для него Эстелла.

— Ничего не изменилось, не так ли? — вздохнула она. — Ладно, тогда я сообщу тебе, сколько ты здесь пробудешь — неделю, возможно, десять дней, а затем мы начнем тебе надоедать и ты снова испаришься.

— Ты и дети никогда мне не надоедали, — совершенно серьезно возразил Рамон.

— Вот как? — едко спросила она. — Во всяком случае, впечатление было именно такое.

— Послушай, Элен. Я сожалею, что не позвонил, но я хотел сделать тебе сюрприз, — мягко сказал он, положив ей на плечо свою большую руку, которую она тут же резко сбросила. — Феде была рада видеть меня, — добавил он и слегка улыбнулся, но улыбка получилась печальной.

— Ну, еще бы. Не тебе ведь приходилось в течение одиннадцати месяцев вытирать ее слезы. Не проходило и дня, чтобы она не думала о том, что, возможно, именно сегодня папа, наконец, объявится. Что же это за детство, Рамон? Если бы ты хотя бы регулярно писал, поддерживал контакт, посвящал ее в свои планы, то она не жила бы в такой неопределенности. Девочка ощущает себя очень незащищенной, понимаешь? И я страдаю вместе с ней. — В ее голосе прозвучала горькая нотка.

— Я постараюсь исправиться, — отозвался он.

— А как насчет Хэла? — продолжила она. — Все обстоит так, будто он вообще не существует. Ты написал Феде, но не ему. Он ведь твой сын, и он, так же как и Феде, нуждается в тебе. Может быть, даже в большей степени, поскольку никогда не общался с тобой так близко, как дочь.

— Ты права, — просто ответил он. — Ты права во всем. Я приехал сюда совсем не для того, чтобы спорить с тобой.

Элен удивленно заморгала и уставилась на засыпанные снегом деревья, стоявшие перед ними. Она совершенно не ожидала, что он окажется таким покладистым.

Они шли по дороге, пока не добрались до высоких скал, резко обрывающихся к морю. Элен привела его к маленькой железной скамье, где она часто сидела в одиночестве, любуясь морским пейзажем. Открывавшийся здесь вид уходил в туман бесконечности, возвращая ее душу в сладкие дни прошлого до тех пор, пока не появлялась раздражительность, вызванная настоящим, и приятные видения не исчезали. Сейчас она сидела и смотрела на замерзшее небо и льдистые облака рядом с мужчиной, любовь которого когда-то согревала ее как солнце. Еще раз горизонт поманил ее душу из сумерек несчастья, и она вспомнила, как это тогда было. Она чувствовала, как ее сердце оттаивает среди великолепия этих ярких воспоминаний. Дрожащей рукой она вытащила из кармана зажигалку и зажгла сигарету. Ее угнетало довлеющее над ней присутствие Рамона и желание

заплакать. Как же все могло так ужасно закончиться?

— Как твои родители? — спросила она после паузы, прижимая руку к ноющему виску.

— Хорошо. Они сейчас в Качагуа.

— Мне не хватает Качагуа, — тихо произнесла она, будто разговаривая сама с собой.

Она не смотрела на него, продолжая вглядываться в собственные воспоминания. — Я скучаю по теплу, по морю, по южным ароматам. Я никогда не думала, что мне их будет не хватать, но случилось именно так.

— Когда любишь сразу две страны, это создает проблему, ведь всегда хочется быть там, где сейчас отсутствуешь, — сказал он. — Иногда лучше не иметь выбора.

— У тебя, должно быть, действительно тяжелая жизнь, поскольку у тебя для выбора есть весь мир, — обиженно заметила она.

— Но у тебя всего два варианта, а иногда такой выбор более труден.

— О, я здесь очень счастлива. Очень, очень счастлива, — повторила она, но интонация, с которой это было сказано, не убедила ни Рамона, ни ее саму.

— Твои мигрени так и не прекратились? — спросил он, заметив, что она потирает пальцами висок.

— Нет, но со мной все в порядке. Они приходят и уходят, — ответила она, давая понять, что эта тема исчерпана.

— Иди сюда, — сказал он, поворачивая ее так, что она оказалась спиной к нему. Она попыталась возразить, но он своими уверенными жестами заставил ее замолчать, положил руки ей на голову и приступил к массажу.

— Правда, Рамон. Со мной все в порядке, — она еще раз попыталась вяло поспорить, в то время как его прикосновения заставили ее кожу почувствовать приятное покалывание, вызванное ностальгическими ощущениями.

— С тобой не все в порядке, но я приведу тебя в норму, — произнес он и рассмеялся.

Ее возмутила его неуместная жизнерадостность, и она стала гадать, почему для него всегда и все обстоит так просто и понятно.

Пальцы Рамона, растиравшие ее голову, давали слишком приятные ощущения, чтобы им сопротивляться, поэтому она прекратила борьбу и откинулась назад, задерживая дыхание. По мере того как она расслаблялась, его руки опустились вниз по ее плечам, двигаясь под пальто и свитером прямо по коже.

— Расскажи мне, как обстоят дела у детей? — спросил он, и она поведала ему об увлечении Федерики семейством Эплби, ее влюбленности в Сэма и успехах в школе.

— Она просто обожает этих Эплби, — сказала она. — У нее никогда не было много друзей в школе в Вине, но Эплби стали для нее второй семьей. Это здорово повысило ее уверенность в себе.

— Это очень хорошо.

— Да, это прекрасно. Вначале Англия пугала ее. Здесь было так холодно и уныло, совсем не так, как под синим небом Чили. Хорошо, что мы живем у моря, по крайней мере для нее хоть это знакомо.

Затем она рассказывала ему о Хэле, и ее плечи постепенно расслаблялись, а спазм в горле исчезал, пока она не начала смеяться, уже не чувствуя ни горечи, ни обиды.

— Как бы то ни было, здесь они счастливы, — сказал он.

— Похоже, что так. — Она закрыла глаза, вспоминая восхитительное ощущение от прикосновений его пальцев, возвращавших энергию в ее усталые мышцы.

— А как дела у тебя?

— О, Рамон. У меня все хорошо.

— Я спрашиваю как друг, а не как твой муж.

— Ты все еще мой муж, — сдавленно произнесла она и усмехнулась, вспоминая безвозвратно ушедшее время, когда их взаимное счастье затмевало все невзгоды.

— Хорошо, я спрашиваю тебя как муж.

— Я не знаю, — помедлив, ответила она, качая головой.

— Чем ты занимаешься в течение дня?

— Я занимаюсь Хэлом.

— А что ты делаешь для себя?

— Для себя?

— Для тебя, — повторил он.

Она немного подумала, поскольку действительно не знала, что делает для себя. Иногда она сопровождала Федерику к Эплби на чай или водила Хэла на побережье. Изредка навещала Тоби и Джулиана, болтала с матерью. Но ей не удалось вспомнить ничего, что бы она делала для своего личного удовольствия.

— Не знаю, Рамон. Я не могу ни о чем думать, — вяло сказала она и снова почувствовала, как ее горло сдавили неприятные ощущения. — Дети доставляют мне огромное удовольствие.

— Безусловно, это так. Но все это домашние дела, а я говорю о твоих собственных желаниях. Об эгоистическом удовольствии, которое ни с кем не нужно делить.

Элен задумалась над его вопросом. Рамон был мастером по части потворства своим эгоистическим желаниям, а она оказалась их жертвой. Именно поэтому все и закончилось так плачевно.

— Каждый человек нуждается в личном времени, — продолжал он. — Скажем, длительный прием ванны с пеной, визит к парикмахеру. Ну, я не знаю, что именно заставляет тебя испытывать ощущение счастья.

— Боюсь, что я потеряла контакт сама с собой, — вздохнула она, — потому что я этого не знаю.

— Может быть, тебе следует начать думать о себе. Я даю тебе достаточно денег? — спросил он.

— Более чем достаточно.

— Тогда походи и потрать их, ради бога. Я не знаю, что именно нужно вам, женщинам, но купи себе новую одежду, сходи к косметологу, доставь себе удовольствие. Не приковывай себя к детской, ты ведь не домработница. Если тебе нужна прислуга, найми ее. Видишь ли, у тебя на лице постоянно страдальческое выражение, и это его не красит.

Элен была просто ошеломлена. Она даже вспомнить не могла, когда они в последний раз беседовали настолько откровенно. В равной степени ей не удавалось вспомнить, когда она в последний раз думала о себе и о собственном счастье. Она ощутила, как сжалась грудь при воспоминании о том, как это выглядело, когда они еще были друзьями. Они говорили без перерыва обо всем на свете, смеялись по малейшему поводу и общались без слов по невидимым каналам любви. Трудно было понять, когда и почему высох радостный ручеек их общения. Она сидела, не смея повернуться, поскольку знала, что если посмотрит в его глаза, то ее снова одолеет состояние неопределенности. Поэтому Элен просто прикрыла веки в попытке продлить текущий момент.

— Я привезла детей в Англию в большей степени ради себя, но, по иронии судьбы, именно им понравилось здесь жить. Но не мне. Мне кажется... не знаю, мне кажется, что... — Она замолчала в нерешительности.

— Что? — тихо спросил он.

— Я думаю, о Боже, Рамон, я едва ли смогу это вымолвить.

— Говори. Тебе станет легче, когда скажешь.

— Может быть, я совершила большую ошибку?

Рамон прекратил массировать ее плечи. Она села прямо и повернулась к нему лицом. Он смотрел на нее темными непроницаемыми глазами, и она вновь ощутила, как ее одолевают заторможенность мыслей и стыд.

— Совершила ли ты ошибку? — произнес он серьезно, думая в этот момент об Эстелле и надеясь, что Элен не собирается внезапно изменить свое решение.

— Не знаю, совершила ли я ошибку, уехав из Чили. Я скучаю без этой страны, но, возможно, это не более чем ностальгия, — добавила она неуверенно.

— Может быть, — задумчиво согласился он.

— Я не знаю.

— Я думаю, что тебе нужен шанс в этой новой жизни, — сказал он. — Тебе нужно броситься в нее без оглядки, как Феде.

— Детям гораздо легче так поступать. Они воспринимают мир в целом, особо не размышляя над частностями.

— Послушай, — сказал он. — Это был твой выбор, Элен. Я никогда не просил тебя уехать. Я этого не хотел. Но я понимаю, почему ты это сделала, и поддерживаю твой выбор. Я думаю, что здесь ты столкнулась с теми же проблемами, которые были у тебя в Чили. Ты — мать-одиночка, посвятившая свою жизнь детям. Полагаю, что если ты часть этого времени потратишь на себя, то твои чувства могут измениться. Ты молода и красива. — Она покраснела и отвернулась. — Тебе нужно найти себе хобби, нечто, отвлекающее тебя от собственных проблем и от дома.

— Возможно, ты прав, — согласилась она, чувствуя себя немного счастливее. — Знаешь, мы так откровенно не говорили уже очень давно.

— Я знаю. Мы были чересчур поглощены обидами друг на друга, но зато теперь знаем, что к чему.

Она взглянула на его отчужденный профиль, в то время как он смотрел на море, и затем опустила глаза.

— Да, — печально произнесла она. — Теперь мы знаем.

Федерика была настолько счастлива в связи с возвращением отца, что не могла заснуть. Родители спали в разных комнатах, но это ее не смущало. Она была благодарна уже за то, что отец находился в доме. Джейк и Полли приняли его внезапное появление, поскольку увидели, что отношения Рамона с Элен складываются значительно лучше, чем можно было предположить. Не было противостояния, вспышек раздражения, язвительных комментариев и слез. Элен вымыла волосы, наложила макияж и даже купила себе в городе несколько новых предметов одежды. Каждый день они уходили вместе как обычная семья. Они отправлялись на прогулки вдоль берега вместе с детьми, исследовали разрушенные замки и тайные пещеры. В сущности, они проводили время совершенно так же, как в те времена, когда встретились впервые. Единственное различие состояло в том, что они не целовались и

не смеялись так много, как тогда. Элен выглядела менее обиженной, чем обычно, а Рамон был подчеркнуто внимателен к ее нуждам. Она уже не ощущала состояния внутреннего оцепенения и постепенно стала восстанавливать свой интерес к окружающему миру. В конце концов, ее безразличие было не чем иным, как смятением чувств, сердечной вялостью. Когда же злость испарилась, она обнаружила, что начинает снова открывать для себя мужчину, которого любила раньше, и ее душа вновь потянулась к нему.

Ингрид была совершенно очарована импозантным иностранцем, который внезапно появился в ее окружении. Он пришел на ланч во время святок вместе с Элен и детьми и стал развлекать ее своими рассказами, которые излагал с сильным акцентом и свойственной чужестранцам интонацией. Она сожалела, что не знает испанского языка, потому что ей ужасно захотелось купить и прочесть все его книги. Однако он в не меньшей степени позабавил ее историями, сочиненными на ходу, и хрониками его приключений, приукрашенными богатым воображением. В итоге он полностью завладел вниманием всех присутствующих за столом, даже высокомерного Сэма, которому обычно быстро наскучивали гости, на которых его мать любила неожиданно обращать свою благосклонность.

Прошедшие недели были отмечены частыми приглашениями в Пиквистл Мэнор. Элен чувствовала, как ее охватывает гордость, когда Рамон поражал окружающих своей уникальностью. Там, где он находился, атмосфера заряжалась какой-то особой энергией, и никто не ощущал это в большей степени, чем его жена.

— Как вы ухитрились уехать на другой конец мира от этого восхитительного молодого человека — это просто выше моего понимания, — как-то после ланча сказал Элен Нуньо.

— О, Нуньо, все не так просто. Вам ведь не приходится с ним жить, — рассмеялась она.

— Я не могу жить ни с кем, кроме Ингрид, так что это не вариант, — ответил он, глядя на нее умными голубыми глазами. — Некоторые люди осознают величину своей потери лишь тогда, когда уже слишком поздно. Надеюсь, на вас это не распространяется.

— Он здесь ради детей, а не ради меня, — холодно сообщила она, но, глядя через стол на оживленное лицо Рамона, подумала, что хотела бы, чтобы это было не так. Она мечтала о том, чтобы он забыл о своей гордости и попросил ее вернуться. Она хотела бы, чтобы он изменился ради нее. Но ее сердце сжимала грусть, потому что она знала его истинный характер. Он был как ветер и навсегда таким и останется — он никогда не знает, в какую сторону повернет.

— Рамон всегда такой, Нуньо. Когда он рядом, вам кажется, что никто в мире, кроме вас, его не интересуется. Возьмем, к примеру, Федерику. — Они оба посмотрели на маленькую девочку, которая жадно впитывала каждое слово, сказанное отцом. Все, что она делала, предназначалось для отца — ее смех, ее шутки, ее рассказы, ее комментарии, ее улыбки. Она просто боготворила его. — Федерика верит, что он любит ее больше всех на свете. В данный момент так оно и есть, и я тоже готова в это поверить. Он полон раскаяния за то, что не приехал раньше, за то, что не писал и не звонил. Его одолевает чувство вины и желание ее искупить. Но скоро он уедет, и мы снова месяцами, а может, и годами, ничего о нем не услышим. Боюсь, что Рамон абсолютно соответствует пословице «с глаз долой — из сердца вон».

— Любовь состоит в том, чтобы понять недостатки другого человека и принять их, несмотря на то что они есть, — философски заметил Нуньо.

— Это цитата? — усмехнулась она.

— Нет. Это мое суждение, но, к сожалению, совершенно не оригинальное. Тем не менее это истина.

— Мы с Рамоном потратили годы, чтобы понять друг друга, пока, наконец, не осознали, что все наши попытки были напрасными.

— Но ведь не поздно попробовать еще раз.

— Не знаю. Похоже, у нас никогда не было настоящего взаимопонимания.

— Быть великим — значит быть непонятым, — процитировал Нуньо. — Ральф Вальдо Эмерсон. Весьма пронизательный господин.

— Да, с этим я согласна.

— Он также высказал еще одну очень глубокую мысль, моя дорогая.

— Какую же именно?

Нуньо наклонился и прошептал ей на ухо:

— *Мы всегда готовы жить, но никогда не живем.*

Эта фраза настолько глубоко запала в душу Элен, что она размышляла над ней на протяжении всего ланча, а затем целый день. По какой-то странной причине она не способна была думать ни о чем другом...

— Феде? — сказал Хэл, занимаясь чисткой зубов над умывальником.

— Да?

— Как ты думаешь, папа собирается остаться?

Федерика повесила мокрое полотенце на батарею.

— Не знаю, — ответила она, не желая озвучивать свои надежды.

— Может, он заберет нас обратно в Вину, — добавил он, сплевывая пасту под струюку воды.

— Не думаю, что он возьмет нас в Вину, Хэл, — осторожно ответила она.

— Почему нет?

— Потому что сейчас мы живем здесь.

— Я бы предпочел жить в Вине, — решительно произнес он.

— Но здесь тебя любят бабушка и дед.

— Я скучаю по Абуэлито. — Он сделал печальное лицо.

— И я тоже, Хэл.

— Дед не носит меня на плечах и не крутит меня вокруг себя, — пожаловался он.

— Я знаю.

— И не катает меня на пони.

— Он очень занят.

— Я хочу вернуться в Вину. Я думаю, что Абуэлито тоже скучает без меня.

— Конечно, так и есть. Я уверена, что они с Абуэлитой скучают без нас, — с тоской произнесла она. — Уже пора в постель, Хэл. Почитать тебе книжку?

— А где мама? — спросил он, шлепая босыми ногами по полу ванной комнаты.

— В доме, где живут Люсьен и Джои.

— Она всегда там сидит.

— Знаю. Ей нравится у Эплби.

— А мне не нравится.

— Нет, нравится.

— Нет, не нравится.

— Но ты постоянно играешь с Джои.

— Мне не нравится Джои.

Федерика вздохнула, предвидя ссору.

— Пойдем. Я прочитаю тебе рассказ, — с показным энтузиазмом воскликнула она, чтобы переключить его внимание.

— Я хочу, чтобы мне читала мама, — настаивал он. — Я не буду спать, пока она не придет.

— А как насчет бабушки?

— Я хочу маму, — захныкал он и упрямо скрестил на груди руки.

— Ладно, — вздохнула она. — Ложись в постель и жди возвращения мамы, она надолго не задержится, — уверенно сказала Федерика, прекрасно зная, что к ее возвращению они оба уже давно будут спать.

Было уже поздно, когда Федерика услышала за окном шуршание колес автомобиля по гравии. На мгновение в спальне мелькнул отблеск света, и она снова погрузилась во тьму, когда выключили двигатель. Она прислушалась к голосам родителей, спешивших поскорее попасть с холода в дом. Они смеялись, но толком ничего расслышать не удалось. Мама давно так радостно не смеялась, значит, возможно, отец не уедет. Федерика села в кровати и напрягла слух, стремясь услышать другие подтверждения своих выводов. Однако их приглушенные голоса не свидетельствовали ни о чем большем, чем дружеские отношения.

— Я действительно сегодня вечером получила удовольствие, — произнесла Элен, поднимаясь по лестнице. Федерика затаилась в темноте, наблюдая за появлением матери сквозь щелку в двери.

— Я тоже, — согласился Рамон, следуя за ней.

Элен остановилась у двери Федерики.

— Я рада, что тебе понравились Эплби, — тихо, чтобы не разбудить детей, сказала она.

— Нуно — большой оригинал, — хохотнул он. — И Иниго тоже.

— Ты единственный из всех, кого я знаю, кто понял рассуждения Иниго. Он практически ни с кем не разговаривает и все время сидит, запершись в своем кабинете. Наверное, это просто изводит Ингрид.

— Должен сказать, что я нашел его очаровательным.

— Не представляю, о чем вы могли говорить.

— Обо всем.

— Неужели?

— Он человек образованный и мудрый. Нужно только преодолеть его разочарование в людях.

— Разочарование? — она нахмурилась.

— Он не обладает способностью Нуно возвышаться над мирской суетой.

— Как Ингрид.

— Точно. Он проводит свое время, размышляя о жизни и сосредотачиваясь только на негативном. Если мы будем достаточно подробно искать, то обнаружим уродство в чем угодно. Фокус состоит в том, чтобы не делать этого.

— Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь, — сказала она и хихикнула, чтобы скрыть свое невежество. — Кстати, я хотела бы поблагодарить тебя за внимание к Хэлу в последние

несколько дней.

— Он чудесный ребенок, — ответил Рамон.

— Да, но с ним никогда не знаешь, что последует дальше. Для него важно чувствовать твоё внимание. Я знаю, что тебе интереснее с Федерикой. Она старше и более явно проявляет свою любовь к тебе. Но Хэл тоже тебя любит, хотя ещё не совсем это понимает.

— Мне было приятно пообщаться с ними. — Он кивнул, а затем зевнул.

— И мне было приятно, — сказала она и пристально посмотрела на него.

Он поймал её взгляд и печально улыбнулся.

— Да, было приятно, — произнес он так тихо, что Федерика едва слышала его.

— Я рада, что ты приехал.

— Я тоже.

Они немного постояли в неловкой тишине, прежде чем Рамон двинулся по коридору.

— Спокойной ночи, Элен.

— Спи спокойно, Рамон. — Она смотрела, как он уходил, испытывая тёплое ощущение, а затем и сама скрылась из виду.

Федерика почувствовала, как дрожь предвосхищения заставила её кожу покрыться мурашками. Но ей было жарко, и она была очень возбуждена. Она закрыла глаза и вдохновилась надеждой на то, что развернувшаяся перед ней сцена явилась началом новой любви между её родителями. Теперь она уверилась, что отец намерен остаться.

Элен лежала в постели и думала о Рамоне. Потом она вспомнила, как Нуньо сказал: «Мы всегда готовы жить, но никогда не живём». Она мысленно повторяла эту фразу снова и снова, раздумывая над её смыслом и тем, насколько это применимо к ней лично. Нуньо был чертовски прав. Рамон всегда жил. Он не заботился о приготовлениях, а просто окунался в поток жизни так, как мог, зато она постоянно занималась приготовлениями к жизни. Рамон жил как большая птица — для него не существовало границ, и он летел туда, куда хотел и когда хотел. Она завидовала стихийности его поведения, но ненавидела его безответственность. Он не желал отвечать ни за что, даже когда речь шла о просьбах его детей, не говоря уже о мольбах жены. Но зато он действительно жил. Ральф Вальдо Эмерсон безусловно одобрил бы его образ жизни.

Она лежала так в одиночестве, но в эту ночь её привычное одиночество ощущалось тяжелее и было более неприятным, чем обычно. Она уставилась в темноту и вспомнила их первые, совместно прожитые с Рамоном дни, когда она нежилась в тёплом кольце его объятий и спала, не зная тревог. Она постоянно чувствовала его присутствие в доме, поскольку оно было плотным, как дым, и горячим, как огонь. Элен была бессильна продолжать игнорировать его и неспособна больше к сопротивлению. Вспомнив Ральфа Вальдо Эмерсона, она решительно поднялась с постели.

Накинув пеньюар, она открыла дверь спальни и, крадучись, направилась по коридору к комнате Рамона. Она уже не колебалась у его двери, как в ту ужасную январскую ночь прошлого года, а тихо открыла её и шагнула в темноту.

— Рамон, — прошептала она. Он пошевелился под одеялом. — Рамон, — повторила она. Он снова зашевелился. Она подошла к кровати и тронула его за плечо. — Рамон.

Он проснулся.

— Элен? — пробормотал он. — С тобой всё в порядке?

— Мне холодно, — пожаловалась она, поскольку не могла придумать ничего лучше. Ее тело сотрясала дрожь охватившей ее страсти. — Можно к тебе?

Рамон подвинулся, чтобы освободить ей место. Она легла рядом с ним и натянула на себя одеяло.

— Чего ты хочешь, Элен? — спросил он. Но она проигнорировала раздраженный тон его голоса и решительно думала о своем.

— Я хочу, чтобы ты остался, — промолвила она.

Он вздохнул и привлек ее к своему теплему телу, обхватив руками и дыша ей в волосы.

— Я не могу.

— Но почему?

— Потому что мой дом — Чили.

— Разве ты не можешь задержаться подольше? Ты вполне можешь писать здесь. Для этого нет необходимости находиться в Чили. Преимущество твоей работы состоит в том, что ее можно делать где угодно.

Он снова вздохнул.

— Я не в силах стать другим, — просто сказал он.

— Но почему, Рамон? Потому, что не хочешь?

— Потому, что не могу.

— Но мы ведь снова стали друзьями. Мы уже многие годы не получали такого удовольствия от нашего общения. Мы снова начинаем узнавать друг друга. Нет, дай мне закончить, — сказала она, когда он попытался ее прервать. — Я думала, что уже не испытываю к тебе былых чувств, хотя и продолжаю тебя любить. Я ощущала только ледяное равнодушие, и это меня пугало. Я полагала, что от наших отношений уже ничего не осталось. Поэтому я вернулась домой. Я думала, что это единственный исход, но ошибалась. Теперь я это ясно понимаю и молюсь, чтобы не оказалось слишком поздно. Я надеюсь и верю, что все еще можно вернуть.

— Но мы столкнемся с теми же проблемами, что и раньше. И где бы мы ни оказались, наши проблемы будут следовать за нами.

— Ты мне нужен, — взмолилась она, ощущая спазм в горле, поскольку услышала в своем голосе отчаяние, и это ее испугало.

— Тебе нужен не я, Элен. Тебе нужна жизнь.

— Но ведь ты не прогонял меня раньше. А сейчас говоришь, что не хочешь, чтобы я вернулась?

— Я вообще ничего не говорю. Я только хочу сказать, что нам обоим нужно пожить отдельно.

— Ты меня больше не хочешь, — тихо сказала она, стыдясь, что так беспечно выдает свои чувства.

— Я хочу тебя, Элен, — сказал он и поцеловал ее в лоб. — Я бы с радостью сейчас занялся с тобой любовью. Я всегда тобой наслаждался.

— Тогда почему ты этого не делаешь?

— Потому что я не собираюсь оставаться.

— Потому что больше не испытываешь ко мне желания, — констатировала она, ощутив горечь поражения.

— Потому что дыры, зиявшие в нашем браке, остались на своих местах, Элен.

— Дыры, в которых я виновата. Я тогда запуталась, я страдала. У меня была депрессия.

— Ты была права. У тебя было подавленное настроение. Но ничего не изменилось. Вообще ничего не изменилось.

— Тогда ты говорил, что любишь меня, — сдавленным голосом произнесла она.

— Я и сейчас тебя люблю, но не так, как тебе хотелось бы. Тебе нужен мужчина, который любил бы тебя каждый день. Но я скоро уеду, а ты останешься одна и снова поддашься депрессии. Тут я ничего не могу поделать.

— Значит, шансов больше нет?

— Для чего?

— Чтобы попробовать начать снова, — сказала она, почти теряя голос от унижения.

Рамон погладил ее волосы и молча уставился в темноту. Он думал об Эстелле и о той уверенности, с которой она его любит. Элен вызывала у него жалость, и его снова одолело старое, до боли знакомое ощущение клаустрофобии. Он все еще любил ее, но не мог заставить измениться. Пока она пыталась охватить его своей любовью, вызванной потребностью в любви вообще, он не мог любить ее так, как она хотела бы быть любимой. Он уже чувствовал, как за окном дует ветер перемен и что наступило время отправляться в путь.

На следующее утро Рамон спустился к завтраку с упакованными чемоданами.

— Ты уезжаешь? — напряженно спросила Элен. К охватившему ее стыду добавилась вновь возвратившаяся головная боль. Как бы ей хотелось перемотать пленку назад и стереть события прошлой ночи. Она зашла слишком далеко и все разрушила.

— Да, уезжаю, — ответил он и сел возле Федерики.

— Ты уезжаешь? — запинаясь, пролепетала та. — Прямо сейчас?

Она увидела, как отец мрачно кивнул ей, подтверждая сказанное. Неужели ей привиделось, как прошлой ночью они так нежно между собой разговаривали? Она была совершенно уверена, что они снова влюблены. Как могло все так ужасно измениться всего за одну ночь? Она не могла этого постичь.

— Не печалься, *ми амор*. — Он прикоснулся к ее несчастному личику. — Я хочу, чтобы ты писала мне и рассказывала, как у тебя дела и чем ты занимаешься. Не пропускай даже малейших подробностей. — Большим пальцем он вытер слезу с ее щеки. — Будь хорошей девочкой и не плачь. Я скоро вернусь, чтобы снова увидеться с тобой.

Но лицо Федерики сморщилось от отчаяния, она обвила руками его шею и зарыдала.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, — всхлипывала она. — Пожалуйста, не уезжай.

— Я не могу остаться навсегда, *ми амор*. Но я вернусь, я обещаю, — уверял он. — Не забывай мне писать, — добавил он и поцеловал ее.

Когда он взял на руки Хэла, тот стал извиваться и звать мать. Элен успокоила его ласковыми словами и взяла к себе, а он вцепился в нее как напуганная обезьянка. Рамон не пытался этому препятствовать. Говорить больше было не о чем. Он поцеловал каменное лицо Элен и ушел, оставив в их сердцах ощущение пустоты и горестное чувство утраты. Элен оставалось только гадать, когда он вернется. У нее было предчувствие, что это случится только через много лет.

Федерика опрометью взбежала по лестнице и захлопнула за собой дверь спальни. Она бросилась на свое пуховое одеяло и разрыдалась. Как мог он сбежать без всякого предупреждения? Она связывала с ним все свои надежды и была уверена, что он намерен

остаться. Кроме того, ему ведь понравилось жить в Польперро. Здесь было так весело. Ему понравились Эплби, но, что самое главное, казалось, что он снова любит маму. Они стали друзьями. Что же произошло? Устав плакать, она положила на колени шкатулку с бабочкой и открыла крышку. Глядя на сверкающие кристаллы, она наблюдала за тем, как бабочка расправляет крылья, меняя свой цвет с красных оттенков на голубые. В гипнотизирующих переливах древних камней она спряталась от своих горестей и внезапного ощущения отторжения, сжимавшего сердце холодными когтями. Медленно погружившись в воспоминания, которые, казалось, отражались в каждом из крошечных самоцветов, она увидела родителей отца, стоявших на балконе в Качагуа, и Рагу, мчавшегося по берегу Калета Абарка. Она увидела дом, в котором раньше жила, и широкий простор открытого океана, ощутила аромат лаванды и солнечное тепло на щеке. Потрясенная нашествием лавины воспоминаний, она закрыла глаза и поплыла им навстречу на волне отцовской любви.

Только накануне Рождества Мариана наконец решилась навестить Эстеллу. Это должен был быть рождественский визит доброй воли. Она собиралась подарить девушке серебряное ожерелье, которое купила в Сантьяго. В конце концов, ведь не она была инициатором увольнения Эстеллы. Напротив, Мариана сделала все, что было в ее силах, чтобы убедить Игнасио оставить девушку. Она ей нравилась, да и вообще, оказалась первой служанкой из всех, которые у нее когда-либо работали, которая делала все, что требуется, без указаний и проявляла инициативу без всяких напоминаний. Эстелла была достаточно толковой, чтобы ограничивать свои таланты приготовлением еды и уборкой, но, похоже, и это она делала с удовольствием.

Чтобы выяснить, где сейчас проживает Эстелла, Мариана была вынуждена обратиться к сварливой Гертруде. Самостоятельно сделать это она не могла, особенно теперь, когда прошел слух, что Эстелла уже не живет с родителями. Гертруда выяснила все довольно быстро. Она также радостно добавила, что, как сообщили ее родственники, живущие в той же деревне, что и супруги Рега, даже родители не знают, где находится дом их дочери.

Поэтому Мариана поехала к дому Эстеллы на берегу, следуя указаниям, которыми снабдила ее Гертруда. Старая служанка вызвалась сопровождать ее в поездке, но Мариана вежливо отклонила ее предложение, содрогаясь от одной только мысли, что ей придется провести полдня в обществе этой сварливой женщины. Она едва ли могла находиться больше пяти минут в ее компании в собственном доме, а не то что в замкнутом пространстве автомобиля. Мало того что Гертруда была нахальной, вдобавок к этому от нее постоянно исходил сильный запах аниса. Мариана, будучи в определенных вопросах старомодной, любила, чтобы отношения между хозяином и наемным работником были четко определены. Гертруда же, не задумываясь, всячески игнорировала эти рамки и постоянно совершала различные проступки. Игнасио действовал с ней жестко, прикрикивая на нее, чтобы «знала свое место», на что служанка только сердито огрызалась. Однако такой нагоняй позволял восстановить у нее чувство ответственности и определенное усердие в работе.

Когда Мариана впервые увидела дом Эстеллы, то была поражена его размерами и великолепием. Ее охватило желание узнать, как могла женщина с ее положением стать обладательницей подобной роскоши. Строение находилось на возвышении, с которого открывался прекрасный вид на море, и имело, среди прочих, то преимущество, что вокруг на определенном расстоянии не было никаких других построек. К дому, покрытому тростниковой крышей, была пристроена веранда в американском стиле, окрашенная в белый цвет, а окна закрывали большие зеленые ставни, позволяющие сохранять прохладу в летнее время. Мариана никогда не думала, что странствующий любовник Эстеллы может оказаться таким богатым. Она логично предполагала, что он уроженец того же мира, что и ее бывшая служанка, но, как выяснилось, ошибалась.

Дверь оказалась открытой, и Мариана могла слышать пение Эстеллы и радостное гуканье малыша. Она вспомнила злобные комментарии Гертруды насчет обезьяны и удовлетворенно улыбнулась. Совершенно точно, что такие звуки обезьянка издавать никак

не могла. Она немного помедлила, прежде чем позвать Эстеллу, поскольку заметила свидетельство присутствия в доме мужчины. На спинке кресла, стоявшего на веранде, висела мужская рубашка, а у двери стояла пара мокасин. Ладно, подумала она, если он здесь, я смогу с ним познакомиться. Поэтому она крикнула: «Эстелла!» — и стала ждать.

Эстелла мгновенно узнала этот голос и застыла, охваченная паникой. Рамон находился в Англии, но его вещи были разбросаны по всему дому. Прежде чем ответить, она попыталась припомнить, что именно из вещей Рамона здесь было и какие из них могут его выдать. Наконец она положила Рамонсито в кровать и вышла в коридор к двери, где стояла Мариана, с любопытством ожидающая возможности осмотреть дом.

— Сеньора Мариана, какой сюрприз, — произнесла Эстелла, стараясь скрыть предательскую дрожь в голосе. — Давайте побеседуем на воздухе, здесь очень жарко, — сказала она, провожая свою бывшую работодательницу на веранду. Мариана была разочарована. Она хотела бы осмотреть дом, но ее хорошие манеры не позволяли напрашиваться на экскурсию.

— Извини, что я появилась без предупреждения. Ты одна? — спросила она.

Эстелла заметила, что ее взгляд остановился на паре обуви, стоявшей у двери.

— Да, одна, — ответила она, тщательно контролируя свой голос. — Прошу вас, присаживайтесь и устраивайтесь поудобнее. — Она сделала жест в сторону кресла со свисавшей с него рубашкой. От глаз Марианы не укрылось нервное поведение девушки, и она стала гадать, чем вызвано ее замешательство. Неожиданно ей в голову пришла мысль о том, что мужчина, с которым она живет, не является отцом ребенка.

— Я вижу, ты совершенно счастлива, — тактично заметила Мариана. — У тебя прекрасный дом.

— Спасибо, сеньора Мариана.

Мариана решила, что ее нервозность вполне естественна, после того как Игнасио так жестоко лишил ее работы.

— Мне очень жаль, что ты осталась без работы, — сказала Мариана, делая отчаянные попытки разрядить возникшую напряженность. — Игнасио порой бывает таким бесчувственным. Но, поверь, он это сделал не специально, просто такой он человек. Никто его не знает так, как я. А о тебе заботятся? — Это был неуклюжий вопрос, но Мариана не могла справиться с искушением. Эстелла замерла и опустила глаза, будто стыдилась встретиться взглядом с Марианой.

— Я очень довольна, — просто ответила она.

— У тебя появился ребенок. Мальчик? — Эстелла утвердительно кивнула и улыбнулась. — Очевидно, что он доставляет тебе массу удовольствия. Я обожаю своих восьмерых детей и всех внучат. Внучата возвращают мне ощущение своей нужности и невероятное наслаждение. — Она тут же вспомнила о Федерике и Хэле, и ее глаза затуманились. — Как его назвали? — спросила Мариана, намеренно сбрасывая охватившую ее меланхолию.

Щеки Эстеллы зарделись от чувства вины. Она могла сказать правду с риском вызвать подозрения или же соврать. Подняв глаза на Мариану, она подумала, что ложь в данном случае является единственным разумным вариантом.

— Я пока не решила, — сказала она, твердо глядя на собеседницу и пытаясь не выглядеть лгуньей.

Мариана выразила удивление:

— Ты еще не определилась?

— Да.

— Но ты же должна его как-то звать!

— Пока я зову его Ангелито. Мой маленький ангелочек, — быстро сказала она.

Мариана улыбнулась.

— Ангел. Это хорошее имя, — согласилась она, но интуиция подсказывала ей, что тут что-то не так.

— Я рада, что у тебя все хорошо. Прошлым летом я очень за тебя беспокоилась.

— Я тоже.

— Но теперь у тебя прелестный дом, чудесный малыш и... — она заколебалась, но потом отбросила все сомнения и закончила без обиняков, — у тебя есть мужчина, который заботится о тебе. — Она заметила, как лицо Эстеллы снова вспыхнуло, а в глазах застыло выражение испытываемой ею неловкости. — Не беспокойся, дорогая, — стала она уверять девушку, думая о Гертруде и о том, как хорошо, что та сюда не добралась. — Я не собираюсь выяснять, кто он. Я просто рада, что и ты наконец обрела свое счастье. Я очень горжусь тобой, Эстелла, и мне тяжело видеть, когда ты страдаешь. Ты хорошая девушка и не заслужила, чтобы с тобой обращались так бессердечно. Многие девицы этого вполне заслуживают, но только не ты, ты гораздо выше их. Я хочу сказать, что, если вдруг тебе что-нибудь понадобится, ты можешь смело обращаться ко мне. Я всегда буду рада помочь всем, чем только смогу. Если нужно будет что-то выяснить, например, или тебе вдруг понадобится совет человека не из твоей семьи, а постороннего. Я буду только счастлива.

Она увидела, что лицо Эстеллы расслабилось, нервный румянец ушел, состояние замешательства сменилось выражением благодарности.

— Вы очень добры, сеньора Мариана. Такая девушка, как я, должна быть счастлива, имея в вашем лице такого защитника. Я очень польщена и благодарю вас, — сказала она, размышляя, что ощутила бы Мариана, узнав, что в коридоре стоит обувь Рамона, а его рубашка висит на кресле. Эстелла сомневалась, предложила бы ей тогда Мариана свою защиту, если бы выяснила, что именно ее сын совершил адюльтер со скромной служанкой.

Мариана встала, собираясь уходить. Она подавила собственное любопытство и сдержалась, чтобы не попросить разрешения осмотреть дом. Но перед уходом она подумала, что вполне резонно попросить о чем-то другом.

— Эстелла, я бы очень хотела взглянуть на Ангелито, — сказала она.

Эстелла побледнела.

— Ангелито, — механически повторила она.

— Да. Если это не слишком затруднительно. Я так понимаю, что он хороший ребенок и совсем не кричит.

— Он хороший малыш, но, возможно, он спит, — предположила Эстелла, лихорадочно изыскивая повод не допустить Мариану в дом.

— Тогда я могу тихонько зайти и взглянуть на него. Я его не разбужу, — настаивала та.

У Эстеллы не было выбора. Если Мариана войдет в дом, то, без всяких сомнений, узнает вещи своего сына.

— Нет, лучше я пойду и принесу его сюда, — быстро произнесла она, скрываясь в доме.

Мариане ее поведение показалось крайне странным. Если бы ее сын действительно оказался обезьянкой, она реагировала бы точно так же. В какое-то мгновение Мариане подумалось, что, возможно, у ребенка действительно есть проблемы. Если у малыша

имеются дефекты, то с ее стороны крайне некрасиво настаивать на том, чтобы его увидеть. Но прежде чем она успела крикнуть Эстелле, чтобы та не беспокоилась, молодая женщина вынырнула из тени, держа в руках маленький сверток. Мариана ощутила, как по коже прошел жаркий зуд, и приготовилась к худшему.

Эстелла надеялась, что Мариана не узнает черты своего сына в карих глазах Рамонсито и его смешном детском выражении лица. Когда Мариана увидела, как младенец радостно ей моргает, ей лицо расцвело в широкой улыбке, выражая крайнюю степень удовольствия.

— Какой прекрасный малыш, Эстелла. Можно, я подержу его? — воскликнула она, в восхищении прижимая руки к щекам. — Прелесть, просто прелесть, — ахнула она, беря ребенка из рук матери и прижимая его к груди. Эстелла тоже улыбнулась, ощущая огромное облегчение оттого, что бабушка не узнала внука и она может вздохнуть спокойно.

Мариана снова уселась в кресло, а ребенок продолжал весело улыбаться бабушке. Эстелла принесла на подносе лимонад со льдом, и обе женщины, сидя под раскидистым деревом, заговорили о малыше.

— Он похож на тебя, Эстелла. Какой красивый ребенок. Только посмотри на его длинные ресницы и темные глаза. Когда он вырастет, то, похоже, разобьет не одно женское сердце. — Да, Ангелито? — кудахтала она, нежно качая его.

— Он хороший ребенок и редко плачет, — с гордостью заявила Эстелла.

— Готова спорить, что он и кушает хорошо.

— Так и есть. Он очень быстро растет.

— Я вижу.

— Мне нравится быть матерью. Сейчас у меня появилась цель в жизни. Я ощущаю свою нужность, — задумчиво сказала Эстелла.

— Материнство — это замечательная вещь. Оно меняет жизнь женщины навсегда. Вдруг появляется это маленькое существо, которое нуждается в тебе больше всех на свете. Оно — твоя плоть от плоти. Только представь себе эту связь — насколько она сильна. Он — частица тебя, и даже когда он вырастет и уйдет, то все равно будет привязан к тебе, потому что ты дала ему жизнь и выкормила его.

— Вы так правы, — согласилась Эстелла и стала рассказывать Мариане о своих ощущениях, когда он рос внутри нее.

Обе женщины заговорили на равных, затронув тему об обязанностях матери, о радостях и печалях, являвшихся неперемненными атрибутами привилегии материнства.

— Мы ощущаем их боль и их удовольствие. И не можем ничего с этим поделать, это наш удел, — сказала Мариана, вспоминая Рамона и разрыв его брака. — Но они — самостоятельные личности и должны сделать свой собственный выбор. Мы можем только советовать и находиться рядом, когда им плохо. Материнство — это самый прекрасный дар жизни, и я очень счастлива быть женщиной, — закончила она и улыбнулась Эстелле.

— Я тоже, — откликнулась Эстелла, улыбаясь ей в ответ.

Когда наконец Мариана встала, собираясь уходить, полуденное солнце уже взобралось высоко в небо. Она взглянула на часы и поняла, что просидела здесь больше полутора часов.

— О Господи, только посмотри на часы! — воскликнула она, отдавая ребенка матери. — Ангелито, должно быть, голоден.

— Он всегда голоден. Думаю, что он станет крупным мальчиком, — сказала она, нежно целуя его.

— Спасибо, что разрешила мне полюбоваться им, — с благодарностью произнесла

Мариана. — Он действительно очень славный.

— Для меня это было удовольствие, — ответила Эстелла. — Спасибо, что навестили.

Мариана отошла не более чем на десять шагов от дома, размышляя о восхитительном младенце по имени Ангелито, когда, сунув руку в карман, нащупала в нем серебряное ожерелье, купленное для Эстеллы. Она вздохнула, расстроенная собственной забывчивостью, и повернула обратно. Эстелла уже зашла в дом, и Мариана, остановившись у дверного проема, не знала, следует ли ей постучать или просто войти. Она нежно улыбнулась, услышав радостно возбужденный голос Эстеллы, играющей со своим ребенком.

— Рамонсито, мой маленький ангел Рамонсито, — смеялась она, а ребенок пищал и гукал ей в ответ.

Улыбка стала медленно сползать с лица Марианы. Она затаила дыхание, чувствуя, что кровь отливает от головы к пяткам, заставляя ее застыть на месте, в то время как единственным ее желанием было бежать со всей скоростью, на которую способны ее старые ноги. Когда Эстелла еще раз назвала ребенка по имени, у Марианы не осталось никаких сомнений, что она все точно расслышала и сделала правильный вывод. С большим усилием она развернулась, как можно быстрее и как можно тише, и поспешила к машине, чувствуя стук в висках, сопровождаемый внезапным спонтанным потоком множества неприятных мысленных образов.

Оказавшись в автомобиле, она вцепилась в руль, ощущая, что сердце бьется в груди обезумевшим мотыльком, будто она только что стала свидетелем преступления. Дрожащей рукой она повернула ключ зажигания. Только выбравшись на открытую дорогу, смогла она перевести дыхание. Отцом ребенка Эстеллы оказался не кто иной, как ее собственный сын, Рамон. В этом не было никаких сомнений. В ее мыслях тут же сложилась цельная картинка происшедшего. Камера в голове снова сфокусировалась, и она смогла ясно увидеть события предыдущего лета. Тайнственным любовником Эстеллы оказался Рамон. Он соблазнил ее и покинул беременной. Подобное жестокое, безответственное поведение вовсе не было свойственно представителям лишь низших классов, как утверждал Игнасио, на это оказался способен и их собственный сын, их плоть и кровь. Мариане была отвратительна сама мысль об адюльтере. Очевидно, что они живут вместе, ведь Эстелла никак не могла быть единственной владелицей такого роскошного дома. Теперь-то она понимала, почему девушка не решалась показать ей ребенка и выглядела такой смущенной. Понятно, что вещи Рамона разбросаны по всему дому. Мариана вспомнила Элен, внуков, и ее накрыла волна обиды и сожаления. Когда горькие слезы затуманили ее старые глаза, она вынуждена была остановить машину на обочине и дать волю слезам. Она не могла понять Рамона, но любила сына и отчаянно пыталась как-то оправдать его действия. Она винила Элен за то, что та бросила его в объятия Эстеллы, и Эстеллу, за то, что та оказалась слишком красивой и он не смог устоять. Но ее рассудок противился принять все эти жалкие аргументы, подсознательно крича ей, что Рамон виновен. Он стал жертвой собственного эгоизма. Он преднамеренно жертвовал всеми, кого любил, ради эфемерной свободы, которая неизбежно оставит его одиноким и полным раскаяния. А Эстелла окажется всего лишь очередной жертвой, которую он тоже потом покинет.

Федерика отчаянно крутила педали велосипеда, взбираясь на холм и ощущая, как от усилий перехватывает дыхание. Она едва видела дорогу из-за слез, затуманивших ее глаза. Теплое майское солнце украсило деревья и кустарники листьями и бутонами, а от небывалых апрельских снегопадов остались только воспоминания. Но Федерику не трогали красоты природы. Она даже не замечала чудесные лесные поляны, усыпанные подснежниками, не чувствовала крепкий аромат земли, пробудившейся после зимней спячки. У нее было ощущение, будто кто-то грубо вырвал сердце из ее груди, избил его, а потом беспечно забросил на место.

Поездка по лугам к Пиквистл Мэнор казалась более долгой, чем обычно. Ее лицо покраснелось и покрылось потом от прилагаемых усилий, а глаза распухли, как два печеных яблока. Подъехав к особняку, она поприветствовала Троцкого, надменного датского дога, подаренного Ингрид Иниго, чтобы утешить ее после смерти любимого пса Пушкина. Троцкий имел медово-коричневый окрас, напоминавший вельвет, и интеллигентную физиономию, смахивающую на выпускника Кембриджа. Его глаза очерчивали темные круги, создававшие впечатление, что он пользуется маленькими круглыми очками. Свое знаменитое имя Троцкий носил с гордостью и достоинством. Проходя мимо, Федерика с отсутствующим видом потрепала его по загривку. Он почувствовал ее настроение и лениво затрусил за ней следом.

Федерика бросила велосипед прямо на гравий и вошла в дом, громко зовя Эстер. Затаив дыхание, она прислушалась, но ответа не последовало. Единственными звуками в доме были аккорды классической музыки, прорывавшиеся из-под двери кабинета Иниго и расплывавшиеся по дому. В ее намерения вовсе не входило беспокоить Иниго, который, очевидно, был занят работой. Она прошла по комнатам, надеясь обнаружить кого-нибудь из девочек. К ее величайшей досаде, дом был совершенно пуст, если не считать Сэма, сидевшего за кухонным столом с большим сэндвичем, намазанным арахисовым маслом, и поглощенного чтением субботних газет. Увидев ее, неловко стоящую в дверном проеме, он отложил газету и спросил, что случилось.

— Я ищу Эстер, — тихо ответила она, вытирая лицо руками и надеясь, что он не заметит следов слез. Глубоко вздохнув, она попыталась выдавить из себя улыбку, но обмануть Сэма не удалось.

— Девочки с мамой отправились за покупками, а мальчики устроили пикник с чаем на берегу, — доложил он, приветливо улыбаясь.

— О... — протянула Федерика, не зная, что еще сказать. Она всегда чувствовала себя неловко, оставаясь наедине с Сэмом. Он был слишком красив, чтобы на него смотреть, слишком умен, чтобы с ним беседовать, и слишком взрослым, чтобы проявлять к ней интерес. Поэтому она стала пятиться к двери, бормоча, что поищет Эстер позже.

— Почему бы тебе ни угоститься сэндвичами с арахисовым маслом? — спросил он, держа в руке кружку. — Они удивительно хороши. Мама называет такую еду «комфортной пищей», а ты сейчас выглядишь так, что, я думаю, тебе это не помешает.

— Нет, правда, я не голодна, — запинаясь, пролепетала она, смущенная собственным неумением поддержать разговор.

— Я знаю. Но ты расстроена, — заметил он и снова улыбнулся. — Съешь хотя бы один сэндвич, чтобы почувствовать себя немного лучше. — Он взял пару ломтиков хлеба и начал сооружать для нее угощение. У Федерики не осталось выбора. Она подошла к столу и села на стул, который он для нее выдвинул. — Боюсь, что я не выношу, когда женщины плачут, — сообщил он. Федерика рассмеялась, хотя слезы мешали ей видеть. В возрасте тринадцати лет без одного месяца она едва ли могла считаться женщиной, даже при очень богатой фантазии. Она опустила глаза и откусила маленький кусочек сэндвича. — Я знаю, — продолжил Сэм, — что женские слезы являются их секретным оружием. Я понимаю, что не одинок в этом. Большинство мужчин теряются при виде их или же не знают, как их остановить, и таким образом становятся беззащитными для всякого рода манипуляций. Они готовы на все, чтобы вызвать улыбку на лице леди. Что мне сделать, чтобы вернуть улыбку на твое лицо?

— Тебе ничего не надо делать. Я сейчас уже буду в порядке, — ответила она, уставившись на сэндвич, чтобы только не смотреть на него.

— Знаешь, нет ничего хуже, чем сидеть в помещении со своим плохим настроением в такой чудесный солнечный день, как сегодня. Почему бы тебе не составить мне компанию для прогулки? Я думаю, подснежники смогут немного утешить тебя, а к тому времени, когда мы вернемся, девочки наверняка уже будут дома. Что ты на это скажешь?

— У тебя, наверное, есть более важные дела, — ответила она, не желая быть навязчивой.

— Сейчас ты говоришь, как Иа-Иа. Постарайся быть похожей на Винни-Пуха или на Тигру. Хотя, — он улыбнулся, — ты больше походишь на Пятачка.

— Это что — комплимент?

— Безусловно. Пятачок — отличный парень. Так как насчет променада в соседний лесок?

Федерика редко видела Сэма. Он окончил школу и в течение года путешествовал, прежде чем поступить в Кембридж. Долгие каникулы он обычно проводил в путешествиях, а уик-энды — в Лондоне на вечеринках. Приезжая домой, он задерживался здесь не более чем на пару дней, запершись в библиотеке Нуньо или проводя время в жарких дискуссиях с отцом. В такие периоды Федерика мчалась по дороге на велосипеде с трепетом ожидания в сердце, надеясь, что его бело-зеленый автомобиль окажется припаркованным у дома, указывая, что он приехал. Когда это место пустовало, она не теряла надежды и рассчитывала, что он может появиться во время ее визита и этим приятно всех удивить. Но такое случалось крайне редко.

За предшествующие семь лет влюбленность Федерики в Сэма не исчезла и не уменьшилась. В сущности, она даже стала сильнее в связи с тем обстоятельством, что ей так редко удавалось его видеть. Она понимала, что он слишком взрослый, что он видит в ней лишь близкую подругу своей младшей сестры, но, несмотря на это, продолжала мечтать о нем. Молли и Эстер были полностью в курсе этой ситуации. Впрочем, об этом была осведомлена вся семья, и все они находили такую привязанность очаровательной, даже сам Сэм, самомнение которого вовсе не было равнодушно к румянцу, вспыхивавшему на щеках тринадцатилетней девочки. Но никто и никогда не говорил на эту тему в присутствии

Федерики. Она была слишком застенчивой и беззащитной для свойственного их семье особого типа юмора.

Было тепло. Подснежники заполнили землю, как фиолетовая река, мерцающая на ветру, прорывая покрывало прошлогодних листьев и торжественно провозглашая возвращение весны. Сэм стащил с себя свитер, обвязал его вокруг пояса и остался в одной рубашке с расстегнутыми манжетами, беспечно болтавшимися на руках. С ними на прогулку увязался и Троцкий, вальяжно обнюхивавший кусты и задиравший ногу везде, где только было можно.

— Я обожаю это время года: ароматы такие насыщенные, деревья распускаются. Только взгляни на эту зелень, она ведь кажется просто нереальной, правда? — сказал он, потянув цветущую ветку дерева и вдыхая ее запах.

— Это прекрасно, — ответила она, следуя за ним по тропинке, петлявшей среди деревьев.

— Я помню, когда ты появилась у нас, — сказал он.

— Я тоже. Я тогда чуть не утонула в озере.

— Не слишком вдохновляющее начало, — усмехнулся он.

— Но потом было лучше. Все *стало* лучше, но сейчас все снова плохо.

— Тебе не хватает Чили? — спросил он, замедляя шаг, чтобы она могла догнать его, поскольку тропа расширилась и теперь им можно было идти рядом.

— Мне не хватает отца, — искренне ответила она, подавляя рыдания. — А Чили — это не более чем стершееся из памяти воспоминание. Но, думая о Чили, я думаю о своем отце.

Сэм сочувственно улыбнулся. Он прекрасно знал, что она никогда не говорит об отце. Нуньо считал его бессердечным, а Иниго — безответственным. Только Ингрид была на стороне Рамона и верила, что нельзя говорить о нем, основываясь только на том тривиальном факте, что он недостойный отец, предавший свою семью.

Когда семь лет назад Рамон покинул Польперро, все остались буквально наэлектризованными его внезапным визитом. Федерика гордо говорила о нем при каждой возможности, уверенно ожидая его следующего появления. Она рассчитывала, что, возможно, наступит день, когда он придет, чтобы остаться навсегда. Она писала ему длинные письма, подписанные с любовью и отправленные с надеждой. Он написал для нее поэмы и роман, посвященный «моей дочери», о девушке Топакуай, жившей в Перу, но никто из Эплби не мог ничего из этого прочитать, кроме Нуньо, имевшего базовое знание испанского, благодаря тому, что он свободно владел итальянским. Потом письма стали приходить все реже, а затем их поток практически иссяк. Не было ни внезапных визитов, ни телефонных звонков. Федерика хранила его письма в шкатулке с бабочкой, которую прятала под кроватью. Почти бессознательно она стала окутывать образ отца покрывалом тайны. Она перестала упоминать о нем и уже никому не показывала свою любимую шкатулку. Она спрятала память о нем в молчаливых лабиринтах своих воспоминаний, где только она одна могла его навещать. Единственной персоной, для которой было сделано исключение, являлась Эстер, честно хранившая все ее секреты. Она даже ухитрилась утаить их от Молли, всячески пытавшейся выведать их у сестры. Но Эстер была непреклонна и очень гордилась верностью данному подруге слову.

Проходили годы, и Федерике становилось все более стыдно. У всех были отцы. Ее сверстники гадали, куда подевался отец Федерики, и шептались об этом за ее спиной. Она

постоянно размышляла, не сделала ли нечто дурного, за что он разлюбил ее. Ведь если он по-прежнему любит ее, то должен захотеть увидеть. Если он по-прежнему любит ее, то скучает так же, как она без него. Она вспомнила его слова о сеньоре Бараке, поскольку помнила все, что когда-то он говорил ей: «Иногда лучше идти вперед, чем утонуть в прошлом. Нужно извлечь из прошлого уроки и затем забыть его». Он сделал выбор и ушел от них, значит ли это, что он предпочитает, чтобы о нем забыли?

— Мне очень понравился твой отец, — осторожно сказал Сэм. Он увидел, что ее губы приняли горестное выражение, а глаза снова заблестели от слез. — Извини, я не хотел затрагивать эту тему. Это, должно быть, очень болезненно для тебя, — оправдывался он, прикоснувшись к ее руке.

— Я тоскую без него, и это все, — всхлипнула она.

— Конечно, тебе очень трудно, — согласился Сэм, поправляя очки на носу жестом, к которому прибегал каждый раз, когда ощущал неловкость.

— Иногда все бывает хорошо. А потом вдруг, без всякой причины, я думаю о нем, и меня охватывает грусть.

— Это вполне естественно.

— Я знаю. А то, что у мамы появился серьезный друг сердца, — это тоже естественно? — неожиданно спросила она, и большая слеза, передохнув на ее верхней губе, полетела в объятия подснежников.

Сэм остановился и инстинктивно прижал рыдающую девочку к своей груди.

— Вот оно в чем дело, — произнес он понимающе, крепко сжимая ее в своих объятиях. Она кивнула, но не могла говорить, поскольку ее горло сдавил спазм. — Так всегда случается, Феде. Слушай, давай сядем и обсудим это дело, — предложил он, нежно поглаживая ее по спине, прежде чем разжать руки.

Они устроились на солнце среди цветочного моря. Федерика сидела, скрестив ноги, а Сэм вытянул свои длинные ноги перед собой, опершись спиной о ствол дерева. Она до сих пор не могла поверить, что всего мгновение назад побывала в его объятиях. К ее стыду, слезы мгновенно испарились, и она смотрела на своего кумира с горящими щеками.

— У нее уже был бойфренд, но Артур хочет жениться на ней, — сообщила она огорченно.

— А что за типаж этот Артур?

— Думаю, у него все в порядке. Хотя он не производит впечатления особо интересной личности. Я полагаю, что он, в сущности, глуповат. Внешне он довольно толстый и лысый, но с готовностью отвечает смехом на все мамины шутки и постоянно твердит, как она прекрасна.

— А чем он занимается?

— Он торгует вином. Старый специалист по вину. Ему, должно быть, не меньше пятидесяти. Мама говорит, что он весьма умен и у него очень хорошая работа. Он надежный и заслуживает доверия, и вообще милый. Что это за слово такое — милый? Милый, милый, милый.

— Но ведь он — не твой отец, — напомнил Сэм.

— Нет! — вскрикнула она. — Он не папа и никогда им не станет!

— Полагаю, твои родители до сих пор состоят в браке?

— Так и есть.

— Тогда твоей маме нужно будет получить развод, чтобы выйти замуж за этого зануду Артура, — сообщил Сэм.

— Да, ей придется это сделать.

— Но на это могут потребоваться годы.

— Да.

— А твоя мама уже согласилась выйти за него?

— Нет, пока нет. Я только подслушала их разговор.

— Что она сказала, когда он сделал ей предложение?

— Ну, Артур начал так: «Ты нежный цветок, нуждающийся в защите», — произнесла Федерика низким голосом. Сэм от души рассмеялся ее вхождению в образ. На губах Федерики показалась легкая улыбка. — Потом мама сказала: «Я мечтала бы быть похожей на прекрасный цветок». На что Артур ответил: «При заботливом уходе ты быстро расцветешь. Выходи за меня, Элен». — Федерика скорчила рожицу, смахивая ресницами слезы, которые сейчас казались совершенно неуместными на фоне ее юмористического изложения событий. — Я чуть было не выдала себя. Маму можно сравнивать с чем угодно, но она вовсе не цветок. И что подумает папа?

Сэм хмыкнул. Он никогда раньше не снисходил до разговора с Федерикой, поскольку считал ее глуповатой и тихой, но теперь увидел в ней такие качества, о которых даже не мог предположить. Теперь он начал понимать, почему она так нравится его сестрам.

— Очевидно, что она наслаждается вниманием расположенного к ней мужчины. Ты ведь не совсем представляешь, как развивались отношения твоих родителей. Пока твой отец вечно отсутствовал, твоя мама постоянно ощущала пренебрежение собой. Скучный Артур заставил ее вновь ощутить свою привлекательность. Она просто купается в его заботе, — объяснил Сэм, резонно полагая, что сумел четко изложить имеющую место ситуацию. Затем он снял очки и стал протирать стекла, используя рубашку.

— Но, если она выйдет за него, нам придется уехать из Польперро, — сказала Федерика, чувствуя приступ паники.

— Да, а вот это уже проблема, — согласился он.

Лицо Федерики снова вытянулось в унынии.

— Я не вынесу отъезда. Я полюбила это место, — хрипло выдавила она.

— Насколько мне известно, Молли и Эстер тоже не захотят, чтобы ты уезжала.

— Что же мне делать?

— Ты ничего не сможешь поделать. Но, будь я на твоем месте, — высокомерно заявил он, — я бы поговорил с мамой и прямо спросил о ее намерениях.

— Но я не могу признаться, что подслушивала.

— Почему нет? Я постоянно этим делом развлекаюсь. Тут нет ничего плохого. Если люди не желают, чтобы их слышали, они должны принять соответствующие меры предосторожности, чтобы никто их не подслушал. Так что это их собственная ошибка. Артур не только скучный, но и тупой, — сказал Сэм, не переносивший ограниченных людей в принципе.

— Думаю, что я смогу с ней поговорить.

— Конечно, ты сможешь.

— Но проблема в том, что ее интересуют только разговоры о Хэле. Не уверена, что мне удастся на нее повлиять.

— О Боже, — возмутился Сэм, укоризненно качая головой. — Некоторые матери

обожают сыновей в ущерб прочим членам семьи.

— Но только не в вашей семье.

— Разумеется, нет. Наша мама слишком высоко витает в облаках, чтобы отдавать кому-то предпочтение. Ты ведь знаешь, она не совсем от мира сего и каждый раз выглядит несколько удивленной тем фактом, что мы все у нее есть. Я иногда думаю, что если бы ей сообщили, будто нас доставил в этот мир аист, то она бы поверила. Она вообще не помнит о том, как мы родились. Так что мы не перестаем изумлять ее.

— Ваша семья — самая замечательная из всех, которые я встречала. Я бы очень хотела иметь такую семью, — с тоской в голосе произнесла она.

— Свои собственные проблемы всегда кажутся сложнее, чем у других, поскольку ничего не знаешь о прошлом других людей. Поверь мне, у каждой семьи припрятан свой скелет в шкафу. Я уверен, что ты бы очень удивилась, узнав о некоторых из наших проблем, — сообщил он и рассмеялся.

Но Федерика ему не поверила. Она усомнилась даже в том, что они вообще имеют представление о проблемах.

— Полагаю, что желание мамы выйти замуж вполне естественно, — сказала Федерика, срывая подснежник и вертя его между пальцами.

— Каждому человеку нужен кто-то, — философски заметил Сэм.

— Кроме папы. Ему вообще никто не нужен.

— Ты никогда не говоришь об отце. Это потому, что тебе стыдно за него?

Федерика не стала бы отвечать на такой сугубо личный вопрос никому другому, но она доверяла Сэму.

— Да, — ответила она, разрывая цветок на мелкие кусочки. — Я так хотела бы, чтобы у нас была нормальная семья. Такая, как ваша. Когда я была маленькой и мы жили в Чили, папа обычно гулял со мной по берегу, или мы отправлялись в Вину, чтобы полакомиться сэндвичами с *палта* и погреться на солнышке. Мы ездили в гости к родителям отца в Качагуа. Было так хорошо. Хотя он и нечасто появлялся дома, но каждый его приезд заставлял меня буквально парить в облаках, и еще я всегда знала, что, уехав, он обязательно вернется. В шкафах отца висели его вещи, а на полках в гостиной стояли его книги. Повсюду в доме находились свидетельства его незримого присутствия. А сейчас нет ничего. Видишь ли, в Вине каждый знал Рамона Кампоне. Он широко известен в Чили как знаменитый писатель, поэт, и все считают его очень умным и талантливым. Я так гордилась им. А здесь никто даже не слышал о нем. Если бы не его письма, я сама могла бы подумать, что все это выдумала.

— О Феде, — вздохнул он. — Мне так жаль. Это просто ужасно. Ты никогда не выдавала своих чувств и не говорила о нем, поэтому мы полагали, что с тобой все в порядке. Что же тебе теперь делать? С его стороны было просто чудовищно так предать тебя.

— Неужели на самом деле можно все так легко забыть?

— Он забыл, поскольку, вероятно, его мучает чувство вины, когда он вспоминает о своем проступке. В этом смысле это легкий выбор в виде тотального уклонения от воспоминаний.

— Я всегда возводила его на пьедестал! — воскликнула она.

— Никто не застрахован от падения, Феде. Даже Рамон.

— Но семь лет — это нечто большее, чем просто беспечность, — возразила она.

— Неужели действительно так долго? — спросил Сэм, испытывая по отношению к ней

глубокое сочувствие. Сейчас она напостила ему одного из раненых питомцев его матери.

— Да. Обычно он регулярно писал. Но вот уже шесть месяцев я не получаю от него писем, хотя продолжаю постоянно ему писать. Боюсь, что однажды я тоже его забуду. Но мне не хочется, чтобы я не узнала его, когда в один прекрасный день он появится. — Ее голос снова задрожал, когда горло сжалось от печали. Пытаясь сдержать слезы, она очень широко открыла глаза. — Мне следует злиться на него, но я не могу. Я хочу только одного — чтобы он вернулся домой.

— Ты можешь поговорить об этом со своей мамой? — спросил Сэм, подвигаясь ближе к ней и обнимая ее.

— Смогу. Но мама очень ранима. Она ненавидит папу, поэтому я не могу упоминать его имя в доме. Хэл его вообще не помнит. Артур сейчас для него стал отцом в большей степени, чем папа раньше. Но для меня он никогда не будет отцом, никогда, — всхлинула она, и слезы наконец прорвали ее оборону и потекли по щекам.

Сэм старался успокоить ее, обнимая за плечи, а также дал ей самый лучший совет, который только мог придумать.

— Поговори с мамой. Нет ничего хуже неопределенности. Ты не знаешь наверняка, собирается ли она сказать «да» занудному Артуру, и ты не можешь знать, если она даст согласие на брак, что это будет означать для тебя лично. Ты обязана это выяснить. Возможно, в ее планы вовсе не входит отъезд из Польперро.

Федерика утвердительно кивнула головой и засопела.

— Я спрошу у нее.

— Хорошо. Обязательно дай мне знать, что она скажет.

— Я это сделаю.

— Ты должна запомнить, что можешь приходить и говорить со мной в любое время, — сказал он. — Эстер — хорошая подруга, но иногда полезней совет взрослого человека. Особенно если тебе не удастся поговорить с мамой. Каждому человеку нужен кто-то, с кем можно откровенно поговорить.

— А с кем ты советуешься?

— С Нуньо или с отцом. В основном с Нуньо.

— А он разве не слегка с приветом?

Сэм улыбнулся.

— Он эксцентричный, но вовсе не сумасшедший. В сущности, он самый умный человек из всех, кого я встречал. Он научил меня значительно большему, чем я получил в школе. Он гораздо мудрее, чем может показаться со стороны.

— Хотела бы я стать мудрой.

— Когда-нибудь так и случится. Но никто не сможет научить тебя мудрости. Тебе могут дать знания и предупредить, чтобы ты не повторяла чужих ошибок, но в общем, чтобы набраться мудрости, нужно накопить жизненный опыт. «Считается, что горе делает нас мудрее», как сказал лорд Альфред Теннисон.

— Тогда я сейчас должна быть очень мудрой, — грустно улыбнулась Федерика.

— И не отдавай свое счастье в руки других.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Не надейся, что другие сделают тебя счастливой, иначе всегда будешь несчастной. Люди обязательно разочаруют тебя, — сказал он. — Давай на этой оптимистической ноте отправимся домой. Уверен, что Эстер уже вернулась с ворохом новых вещей, которые она

жаждет тебе продемонстрировать, — улыбнулся он, поднимаясь с земли. — Тебе стало легче?

Она кивнула.

— Спасибо тебе, — произнесла она голосом, полным благодарности. Наконец-то Сэм обратил на нее внимание. Несмотря на тяжесть в сердце, она ощутила радость бытия.

Он похлопал ее по спине.

— Пойдем. И ты тоже, Троцкий, — обратился он к псу, который мирно проспал весь их разговор. Тот поднялся на ноги и вальяжно потянулся, прежде чем затрусить по дорожке, которую они протоптали среди россыпи подснежников. Лес был наполнен мелодичными голосами птиц, которые иногда прерывало резкое покашливание фазана. Солнечные лучи окутали деревья сверкающим туманом, и Федерике казалось, что она очутилась в земном раю. Она смотрела на уверенно шагавшего впереди высокого и стройного Сэма и твердо знала, что никогда не покинет Польперро, поскольку Эплби стали ее семьей и она просто не сможет без них жить.

Когда семь лет назад Элен смотрела, как уходит Рамон, она уже знала, что распрощалась с ним навсегда. Она попыталась выразить сожаление и открылась ему, но только для того, чтобы в очередной раз убедиться в его безразличии. Она надеялась, что он изменился, но сердцем понимала, что никогда этот человек не станет другим. Он всегда был слишком эгоцентричным, чтобы думать о ком-либо еще, кроме себя. Поэтому она в очередной раз проглотила унижение и позволила ему уехать, решив наладить свою спокойную жизнь в Польперро без его участия.

Элен искренне полагала, что избавила себя от влияния мужа, но, неведомо для нее самой, слова Рамона проникли в ее подсознание, пустили там корни и стали расти. Она начала отводить в своей жизни определенное время для себя лично и своих собственных нужд. Она стала больше рассчитывать на свою мать в отношении Хэла, а за Федерикой присматривать особо и не было нужно: та была ответственной и самостоятельной. Федерика не только обслуживала себя, но и помогала матери. Поэтому старшая дочь не беспокоила Элен, ее беспокоил Хэл.

Ее сын был зависимым и нуждающимся в матери, и к тому же эгоистичным. У него также необычайно быстро менялось настроение — в какой-то момент улучшалось, а в следующий — резко ухудшалось без всяких видимых причин. Он постоянно барахтался в болоте собственной неудовлетворенности. Полли была рада снова оказаться востребованной и с удовольствием стала совмещать роли бабушки и матери. Джейк еще глубже погрузился в любимое хобби и самозабвенно моделировал миниатюрные суда, стараясь игнорировать прочих домочадцев, суетившихся в попытках удовлетворить требования его дочери и внука.

Итак, Элен перешла к активным действиям. Она стала ходить на свидания и даже переспала с несколькими из мужчин, с которыми встречалась, и почти ухитрилась убедить себя, что ей это понравилось, но ни один из них не занимался с ней любовью так, как это делал Рамон. Хотя она и понимала, что фактически уже не состоит в браке и вправе встречаться с кем угодно, но все равно потом ее мучило ощущение вины. Так продолжалось до тех пор, пока все не изменила ее встреча с Артуром Куки.

Полли заметила, что Артур был выделен среди прочих поклонников, поскольку Элен подстригла волосы, накрашила ногти, обновила гардероб и вообще стала уделять больше внимания своей внешности. В ее походке появилась упругость, плечи развернулись, а голову она стала держать прямо, как в годы юности. В результате она снова выглядела в соответствии со своим возрастом, на тридцать семь лет, а не как пожилая женщина со стареющей кожей, на которую потихоньку начала было походиться.

Артур Куки в возрасте сорока девяти лет был отцом троих взрослых детей. Он гордился своей способностью сохранять хорошие отношения с бывшей женой, снова вышедшей замуж, и с детьми, не обижавшимися на него за распад их семьи. Когда Элен впервые встретила его на унылой до слез вечеринке с выпивкой, устроенной одним из ее поклонников, она подумала, что он выглядит в точности как яйцо. Улыбающееся яйцо. Он был не высок, не слишком обременен шевелюрой, не особо хорошо одет и не имел никаких привлекательных для нее физических качеств. Но слишком скоропалительно оценив то, чего у него не было, Элен не заметила того, чем он обладал. Она обнаружила это значительно позже.

Артур был милым, остроумным, энергичным и щедрым. Поняв, что разговаривает с ним по простой причине отсутствия более приличного собеседника, она обратила внимание на острый взгляд его карих глаз, замечавших все вокруг, улыбку, постоянно присутствующую на веселом лице, и заразительный раскатистый смех. Рука, прикоснувшаяся к ее локтю, была мягкой и нежной; когда он говорил, его голос был полон понимания, а когда слушал, то делал это так внимательно, будто она была самой замечательной женщиной из всех, которых он когда-либо встречал. К концу вечера она уже ни с кем больше не говорила и полностью игнорировала мужчину, с которым приехала. Артур пригласил ее выпить где-нибудь в другом месте, и она покинула кавалера, с которым пришла, без всяких объяснений, зная, что тот не представляет больше для нее никакого интереса.

Они отправились в тихий бар с видом на залив и сидели там при свете свечей, слушая сентиментальную музыку, сопровождаемую наркотическим шумом прибоя, и разговаривали в течение нескольких часов. К тому времени, когда Артур привез ее домой, он знал уже почти все о Рамоне, Федерике и Хэле. Она предоставила ему возможность «раздеть» ее душу с помощью нескольких бокалов вина, пока не осталась перед ним совсем обнаженной, одинокой и несчастной. Затем он снова помог ей «одеться» с помощью комплиментов и слов ободрения и сочувствия. Проснувшись на следующее утро, она посмотрела в зеркало и увидела удивленно глядевшую на нее изможденную старую женщину. Ошеломленная этим зрелищем, она поручила матери присмотреть за детьми и на полдня исчезла в городе, чтобы избавиться от статуса брошенной жены Рамона и появиться в качестве совершенно другой личности. Когда помолодевшая Элен вернулась домой, мать сказала ей, что звонил мужчина по имени Артур. Услышав эту весть, она улыбнулась так, как, насколько помнила Полли, не улыбалась уже очень давно.

Артур вселил в нее веру в себя. Похоже было, что он сумел понять как ее саму, так и ее нужды. Он держал ее за руку, когда та начинала предательски дрожать, и учил глубокому дыханию, когда она ощущала нервозность. Он постоянно звонил ей, порой безо всякой причины, чтобы только услышать ее голос и убедиться, что с ней все в порядке. Он дал ей ощущение защищенности и заставил ее легкомысленно смеяться до колик в животе, как в те ее первые благословенные годы, прожитые с Рамоном. Он помог ей осознать, что ничто в этом мире не достойно сожаления, и она вдруг поняла, почему Ингрид всегда счастлива — просто потому, что всегда витает в призрачном мире, где нет забот, постоянно досаждающих более приземленным людям. Она никогда не смогла бы стать такой, как Ингрид, но теперь, по крайней мере, способна была увидеть ее мир и двигаться в нужном для себя направлении. По мере того как Артур постепенно приучал ее к тому, что он всегда рядом и очень привязан к ней, она с ужасом ожидала перспективы перехода их отношений в физическую плоскость. Секс с Рамоном был чем-то неземным, и никто не мог с ним здесь сравниться, а тем более Артур. Он уж никак не являл собой воплощение мужественности, не занимался спортом и выглядел неуклюжим. Ему нравилась хорошая еда, хорошее вино и хорошая компания, но она совершенно не могла представить его в постели и боялась, что сексуальный опыт разрушит их взаимоотношения. Поэтому, когда он попытался поцеловать ее, она дала отпор его поползновениям. Но зоркие карие глаза Артура замечали любую мелочь. Он не принадлежал к тому типу людей, которых отказ смущает и заставляет погружаться в горестные размышления. Если уж он собирался что-то сказать, то просто это озвучивал.

— Элен, — начал он в один из зимних вечеров, когда они с удовольствием потягивали вино из бокалов, сидя у камина в его гостиной.

— Да, Артур, — нервозно ответила она, опасаясь, что он предложит ей остаться на ночь.

— Твоя рука снова дрожит. Дай мне свой бокал, — сказал он. Она выполнила его просьбу и выжидательно улыбнулась. — Закрой глаза, — попросил он, взяв ее руку в свою. — Сделай глубокий вдох, насыщая воздухом самые глубокие места легких. Так, хорошо. Теперь гони все прочь. Все свои страхи и не определенности. Молодец. А сейчас повтори все снова. — Он попросил ее трижды повторить упражнение. — Теперь ты должна чувствовать себя лучше, — сказал он, но у нее ничего не изменилось. — А сейчас я хочу, чтобы ты закрыла глаза и позволила мне поцеловать себя.

— Нет, Артур... — запротестовала она.

— Ты этого хочешь, но боишься. Ты спала с мужчинами после расставания с мужем, но ни один из них не удовлетворил тебя. Ты страшишься того, что я тоже разочарую тебя. Могу уверить, что этого не будет. — Элен нерешительно закрыла глаза в надежде, что вино сгладит ее ощущения. Она почувствовала, как его губы слегка прошились вдоль ее губ, но это могло с таким же успехом быть дуновение теплого воздуха от пылавшего в камине огня. Мгновением позже все повторилось, сопровождаясь знакомым покалыванием в животе, оживляющим воспоминания о прикосновениях Рамона. Она хотела открыть глаза, но оставила их крепко зажмуренными, опасаясь, что лицемерие его серьезной физиономии окажет на ее издерганную нервную систему неблагоприятное воздействие. Потом она почувствовала, как его губы окунулись в ее озабоченный неопределенностью ожиданий рот. К удивлению Элен, ощущение было явно приятным. Затем его ладонь опустилась на ее спину. Уверенная рука притянула ее к нему, его губы открылись и нежно поцеловали ее. Несмотря на страхи, ее чувства взбунтовались против логики очевидности, и она стала ощущать только вопли своих нервов, призывавших его лелеять и любить ее.

Артур взял ее за руку и повел наверх. Там он приступил к занятиям любовью с каждым дюймом ее тела с энтузиазмом и внимательностью мужчины, единственной целью которого является подарить наслаждение, поскольку только в этом он может обрести собственное удовлетворение. Элен предоставила ему себя в качестве объекта поклонения, не ощущая никакой вины или сожаления. После того как один раз она получила свидетельство его мужской удали, он стал давать ей второй урок любви, но уже в несколько юмористическом аспекте, до тех пор, пока оба они не покатались по кровати в приступе неконтролируемого смеха.

Его нельзя было сравнивать с Рамоном, он был совсем другим. Сексуальная квалификация Артура была его козырной картой и явилась для Элен полной неожиданностью. Обнаружив ее, она никак не могла вдоволь насладиться своим открытием. С Артуром она вновь обрела в себе женщину и почувствовала, что живет полноценной жизнью. Она покинула стадию подготовки к жизни, о которой упоминал когда-то Рамон, и горькая память о сказанных им когда-то словах уже не тревожила ее. Артур заполнил собой все ее настоящее, и уже просто не оставалось времени, чтобы обращаться к прошлому.

Так продолжалось до тех пор, пока Артур не сделал ей предложение, и вот тогда Рамон снова появился в ее мыслях.

Она ответила Артуру, что должна все хорошо обдумать. Проблема состояла в том, что следовало учитывать и чувства ее детей. Ей было известно, что Федерика не любит Артура, несмотря на ее настойчивые попытки их подружить. Дочь отвечала на его вопросы односложно и со скучающим лицом. Но хуже всего был ее печальный угнетенный взгляд,

который Элен не могла просто проигнорировать. Хэлу Артур нравился, но он хотел бы, чтобы внимание матери принадлежало только ему одному. Пока она уделяла ему достаточно времени, он благосклонно воспринимал Артура. Если она стремится к счастью, то не сможет достичь его без Артура. С другой стороны, она все еще являлась женой Рамона, и нечто внутри нее, не поддающееся объяснению, никак не решалось отправить его в окончательную отставку.

Когда Федерика проскользнула в спальню матери, та ждала к обеду Артура. Федерика прилегла на кровати и наблюдала, как мать перед зеркалом сушит волосы. Она вспомнила былые дни в Чили, когда Элен совершенно не интересовалась своей прической. Теперь же она просиживала у зеркала часами, нанося на волосы гель, расчесывая их щетками и гребнями. Она снова казалась веселой и счастливой. Федерика понимала, что тоже должна быть счастливой, но не могла. Артур не сделал мать менее эгоистичной. Фактически он во всем ей потворствовал, позволив превратиться в центр его мира. Сама же Элен редко интересовалась тем, что заботит его самого. Федерика замечала это более наглядно, когда мать беседовала с ним по телефону. «Я, я, я...», мрачно отмечала Федерика в своих мыслях.

— Как я выгляжу? — спросила Элен, постукивая по щекам кончиками пальцев.

— Превосходно, мама, — ответила Федерика, не кривя душой.

— Постарайся быть поласковее с Артуром, Феде. Он делает все, чтобы стать твоим другом.

— Он может быть моим другом, — сказала Федерика, сердце которой учащенно забилося в ожидании озвучивания следующей фразы, — но не моим отцом. — Она заморгала, дивясь собственной смелости.

Элен медленно повернулась и уставилась на дочь. Улыбка сползла с ее лица, оставив на месте рта прямую линию.

— Так, значит, ты подслушивала нас днем? — задала она риторический вопрос.

Федерика кивнула. Она вспомнила наставления Сэма и не чувствовала себя виновной.

— Ты не имела права слушать наш разговор, — раздраженно заявила Элен, хватаясь за пачку сигарет.

— Я ничего не могла поделать. Я не собиралась подслушивать, но вы оба говорили слишком громко, — пояснила Федерика.

Элен нервно зажала сигарету покрашенными губами и зажгла ее. Федерика вздрогнула, когда она выдохнула дым в комнату. Этот запах вызывал у нее приступ тошноты.

— Тогда мне не нужно пояснять тебе то, что он сказал, — с сарказмом заметила Элен.

— Он попросил твоей руки, — сказала Федерика, но ее голос прозвучал очень хрипло.

Элен смягчилась.

— Послушай, дорогая. Он никогда не станет твоим отцом. Он и не хочет этого — у него трое своих детей. Артур всего лишь хочет стать твоим другом.

— Он желает стать твоим мужем, но ты все еще замужем за папой.

— Только номинально. Развод можно оформить без особых проблем, — беспечно заметила Элен, и глаза Федерики снова затуманило несчастье. Пока родители состояли в браке, в ее душе оставалась какая-то призрачная надежда. — Твой отец и я не были вместе очень, очень долго. Ты ведь не можешь рассчитывать на восстановление наших отношений?

Нижняя губа Федерики задрожала. Она покачала головой, хотя в глубине своего сердца не желала ничего больше, чем этого.

— Ты собираешься ответить «да»?

— Я думаю об этом, — Элен снова повернулась к зеркалу.

— А что думает Хэл?

— Он желает мне счастья, — ответила Элен почти обвинительным тоном, будто желая добавить «в отличие от тебя».

— Я тоже хочу, чтобы ты была счастливой, — сказала Федерика, чувствуя, что не права.

— Тогда позволь мне поступить так, как будет лучше для меня. Ради вас с Хэлом я пожертвовала всем. Тебе уже почти тринадцать. Скоро ты станешь взрослой. Разве я не заслужила немного счастья?

Федерика кивнула утвердительно.

— Нам нужно будет уехать из Польперро, если ты выйдешь за него? — спросила она.

— Нам придется это сделать, — сказала Элен, вынимая изо рта сигарету. — Артур работает в городе.

— Тогда я не хочу, чтобы ты стала его женой, — выкрикнула она, внезапно охваченная эмоциями и не в силах их контролировать.

— Знаешь что, Феде... — раздраженно начала Элен.

— Нет. Я никуда не поеду. Я не хочу! — резко перебила Федерика, что было для нее совершенно нехарактерно.

— Нам нет необходимости уезжать далеко. Ты по-прежнему сможешь видеться с Эплби столько, сколько пожелаешь.

— Я желаю остаться здесь, с дедом и бабушкой, — всхлипнула дочь.

— Мы поговорим об этом позже, когда ты успокоишься, — процедила Элен, сжимая губы, чтобы сохранить терпение.

— Я не хочу ехать. Я не поеду, — повторила она.

Элен была обескуражена бунтом дочери. Обычно та была такой тихой и послушной.

— Ладно, успокойся, дорогая, — осторожно произнесла она, присаживаясь рядом и обнимая ее за плечи. — Я еще не согласилась на брак с Артуром и пока остаюсь женой твоего отца, поэтому давай не будем делать слишком поспешных выводов и не принимать скоропалительных решений. Высуши свои слезы и спускайся вниз. Артур будет здесь через минуту, и я не хочу, чтобы он застал тебя в таком состоянии. Он будет обижен, а ведь он такой милый человек.

Полли и Джейку Артур очень понравился, поскольку он извлек их дочь из мрака прозябания и заставил ее снова улыбаться. Они заметили заплаканное лицо Федерики за обедом и обратили внимание на ее односложные ответы, когда претендент на руку и сердце ее матери пытался с ней заговорить. Они понимали ее, но надеялись, что со временем внучка подружится с Артуром, поскольку счастье Элен было их общей заботой. А Федерика чувствовала себя так, как будто оказалась проглоченной большим серым облаком, в котором никто не может увидеть ее или услышать ее крики о помощи.

В ту же ночь она написала срочное письмо отцу, сообщив ему, что мать собирается выйти замуж за ужасного мерзкого типа по имени Артур, который намерен забрать их из Польперро в какой-то гадкий город. Она добавила, что если ее увезут ото всех, кого она любит, и от того, к чему привыкла, то она покончит с собой. Заклеивая письмо, она была уверена, что он примчится так быстро, как только сможет, и спасет ее от угрозы гибели. Потом она легла в постель в комнате, освещаемой весенней луной, и открыла шкапулку с бабочкой. Федерика слушала перезвон колокольчиков и следила за трепетанием крыльев

бабочки в призрачном свете, придававшем ей необычную, неземную красоту. Она думала об отце и гадала, чем он сейчас занят и вспоминает ли о ней. Поддавшись чарам волшебной шкатулки, она закрыла глаза и снова встретилась с ним на знакомых берегах Чили, где солнце было таким теплым, а песок — белым, как мука Лидии. Она сконцентрировалась на его рассказах так, будто от этого зависела ее жизнь, и медленно уплыла в тайные залы своей памяти, где никто, кроме отца, не мог добраться до нее.

На следующий день Элен оставила Федерику в доме одну, а сама отправилась в церковь с матерью и одиннадцатилетним Хэлом.

— Ей нужно побыть одной, — пояснила Элен своей матери, когда они вышли на улицу.

— Ее проблема состоит в том, что она не может принять Артура, не правда ли? — спросила Полли, поглаживая Хэла по голове. — В отличие от этой юной обезьянки.

Хэл посмотрел на нее и ухмыльнулся. Если бы у него появился хвост, то в этот момент он непременно бы им повилял.

— Полагаю, это вполне понятно, но мы с Рамоном не виделись долгие годы. Подумать только, что она до сих пор не может его забыть.

— Ну, все дети разные. Кроме того, она всегда была очень привязана к отцу.

— Ей нужно избавиться от прошлого и двигаться вперед. Мы с Хэлом это сделали. Я люблю Артура и не собираюсь расставаться с ним. Ни за что, — мелодраматическим голосом вещала Элен.

— Мне нравится Артур, — заявил Хэл, прекрасно зная, что его слова осчастливят мать.

— Я это знаю, и ты тоже нравишься Артуру, — сообщила Элен.

— А разве Артуру не нравится Феде? — спросил он.

— Конечно, нравится, и он очень старается, чтобы понравиться ей. Но Феде чересчур упряма. Бедный Артур.

— Бедный Артур, — согласился Хэл. — Надеюсь, мы в нем не разочаруемся. Он сделает тебя счастливой, мама. Это все, о чем я беспокоюсь.

Элен была тронута.

— Ты такой добрый, Хэл. Что бы я без тебя делала? — патетически воскликнула расчувствовавшаяся мать.

— Думаю, что не многое, — рассмеялся Хэл, откидывая со лба густые черные волосы. — Если ты позволишь мне высказать свое мнение, то папа, бросив тебя, оказался полным идиотом, а Артур — человеком очень удачливым.

В течение всей службы Элен размышляла об Артуре и о его предложении. Она пока не рассказала об этом матери, поскольку хотела спокойно все обдумать самостоятельно, прежде чем будет готова выслушать мнение других. С Артуром ей было спокойно: она ощущала его заботу и чувствовала защищенность. Он взял на себя все ее проблемы и страхи. Рамон думал только о себе, а ее нужды для него всегда были второстепенными. Для Артура она во всем была на первом месте. Его жизнь теперь вращалась вокруг ее счастья, и он делал все необходимое, чтобы она была довольна. Когда преподобный Бойбл заговорил о достоинстве доброжелательности и заботе в первую очередь не о себе, а о других, Элен подумала об Артуре и удовлетворенно улыбнулась, будто заслужив хвалу за его положительные качества. Она старалась не думать о Рамене. В этом не было смысла: он ушел и не собирался возвращаться. Она сделала свой выбор, а он сделал свой и не пожелал

вернуть ее назад. Она вспомнила спокойное лицо Артура и стала убеждать себя, что вовсе и не хотела бы снова быть с Рамоном. Но, тем не менее, какое-то необъяснимое сомнение все еще не покидало ее, и к концу службы ее мысли не стали яснее, чем раньше. Элен не знала, что делать. Развод по-прежнему страшил ее как окончательный приговор.

Федерика встретила с Эстер в их пещере, затерянной среди скал, где строили свои гнезда чайки, а прилив, проникавший сюда каждую ночь, уносил с собой все их тайны. Они устроились в прохладной тени скалы, и Федерика рассказала ей все об Артуре.

— Если мне придется уехать из Польперро, то я умру, — решительно заявила Федерика.

— Как ты можешь покинуть Польперро? Значит, ты будешь ходить в другую школу? — озабоченно спросила Эстер.

— Все будет по-другому, — удрученно вздохнула Федерика. — Все изменится. Я просто не представляю, что мне делать.

— Ты должна отказаться уезжать. Никто не может тебя заставить. Как она сможет? — наивно предложила Эстер. — Просто стой на своем и отказывайся.

— Я не смогу жить в городе.

— А я ненавижу жить в городе.

— Я не хочу жить с Артуром, он занудный, толстый, потливый и скучный. Я не могу смотреть на то, как мама с ним встречается. А папа такой красивый...

— Твой папа — самый красивый мужчина, которого я когда-либо видела. Моя мама его просто обожает, ты ведь знаешь, — хихикнула Эстер.

— Неужели?

— Конечно. И мы с Молли тоже.

— У всех вас исключительно хороший вкус, — с гордостью сказала Федерика. — Знаешь, а ведь я послала ему письмо.

— Да ты что?

— Да. Я сообщила ему про Артура и что мама намерена выйти за него. А еще я написала, что, если они поженились и заберут меня из Польперро, я убью себя.

Эстер шумно вздохнула:

— О Боже! Я уверена, что он приедет.

— Я тоже так думаю. Он вытащит нас из этого болота, вот увидишь. Он никогда не допустит, чтобы это случилось.

Федерика вернулась домой во время ланча и обнаружила автомобиль Артура, припаркованный на площадке у дома. Она закатила глаза и решительно сжала губы, прежде чем войти в холл и встретиться с ним. Он сидел на диване в гостиной, беседуя с Хэлом и Джейком, пока Полли с Элен в кухне проводили последние приготовления к ланчу.

— А, Федерика, — сказал Артур, когда она появилась в комнате. — Очень кстати. У меня кое-что для тебя есть. — Он дружески хохотнул, вставая. Федерика заметила его вспотевший лоб, и ее лицо начала искажать неприветливая гримаса. Она увидела, как он исчез в маленькой комнате, которую Джейк использовал как кладовую для напитков. Она посмотрела на деда и недоуменно подняла бровь, но тот только усмехнулся ей в ответ. Артур быстро вернулся, держа в руках большую картонную коробку, которая, судя по тому, как он пытался, казалась довольно тяжелой, хотя он и пытался улыбаться, поставив ее на пол перед Федерикой.

— Что это еще такое? — спросила она, уставившись на странный подарок.

— Открой ее, — предложил Артур.

— Давай, Феде, — подбодрил ее Хэл. — Я знаю, что там находится, — добавил он, — и я уверен, что тебе это понравится.

Федерика открыла коробку. К своему облегчению и изумлению, она обнаружила там два сверкающих глаза, печально смотревших на нее.

— Собака! — воскликнула она. — Настоящая собака! — Она запустила руки внутрь, вытащила толстого маленького щенка и покрыла его белую шерстку восторженными поцелуями.

— Прочитай, что написано на ошейнике, — посоветовал Хэл, присаживаясь рядом с ней на диван и тоже заигрывая со щенком.

— Раста, — взяв в руки серебряный диск, прочитала Федерика. Внезапно она абсолютно четко вспомнила пса сеньоры Бараки и обещание матери, данное в Качагуа. — Спасибо, — застенчиво произнесла она, ощущая некоторую вину за то, что была так недружелюбна к Артуру. — Он действительно мой?

— Действительно твой, — подтвердил Артур, облегченно вздыхая. Поймав взгляд Джейка, он слегка кивнул. Все они оказались правы, и фокус со щенком блестяще удался. Раста вилял своим маленьким хвостиком с таким воодушевлением, что, казалось, сейчас взлетит, как вертолет. Но Федерика крепко держала его в руках, позволяя ему лизать свое лицо и обнюхивать кожу. Она подумала о Троцком и о том, как будет их друг другу представлять. Они наверняка станут близкими друзьями. Ингрид тоже полюбит его, так же, как и Сэм. Она решила взять его в Пиквистл Мэнор сразу же после ланча, чтобы показать всем.

Элен и Полли услышали радостные крики и помчались в комнату, где обнаружили Хэла и Федерику, лежащих на полу в компании собаки.

— Ах, он такой миленький, — сказала Полли, подмигивая Артуру. — Ты теперь счастливая девочка, Феде.

— Он наполовину лабрадор, а наполовину кто-то еще, но мы с Артуром точно не выяснили этого, — сообщила Элен. Федерика увидела, что мать села на диван рядом с Артуром, и заметила, как тот взял ее руку в свою и сжал. Очевидно, он был уверен, что купил ее своим подарком вместе с тапочками, но он ошибался. Она улыбнулась про себя. Скоро приедет папа, и все изменится.

— Смотри в камеру, дорогая. Так, замечательно. Выглядишь шикарно. Хорошо, теперь немного открой грудь. Нет, это много, слишком много. Теперь лучше, а сейчас глаза — в камеру. Лето, дорогуша, лето. Отлично. — Джулиан с пулеметной скоростью сделал серию снимков молодой женщины, развалившейся на диване с грацией лощеной лесной кошки. Ее зеленые миндалевидные глаза украшали длинные черные ресницы. Она была красива, уверена в себе и соблазнительна. И все эти достоинства только подчеркивались ее юным возрастом — ей было всего лишь восемнадцать.

Джулиан встретил Лючию Сарафину в лондонском клубе и узнал, что она мечтает стать знаменитой певицей.

— У меня привлекательные внешность и тело, проблема состоит только в разработке голоса, — спокойно говорила она с сильным итальянским акцентом.

Джулиан, будучи художником в душе и ценивший эстетику красивых женщин, пригласил ее к себе в коттедж, который делил с Тоби, чтобы сделать серию фотографий для ее портфолио. Она мгновенно согласилась, используя шанс извлечь пользу из очередного мужчины, ослепленного ее прелестями. Она смотрела на него пристально, как пантера на свою потенциальную жертву. На нем были надеты только выцветшие джинсы и сандалии, а тело было крепким и поджарым. Она была уверена, что он втайне горел желанием возвратиться в мир гетеросексуалов.

День выдался влажным. На горизонте пенились пурпурные тучи, обещая послеобеденный дождь с грозой. Но, пока свет еще держался в неуловимом переходном состоянии между солнечной погодой и ненастьем, Джулиан спешил закончить съемку до того, как солнце исчезнет в мрачных красках надвигающейся бури.

На Лючии было надето короткое белое платье с глубоким вырезом, позволяющее видеть ее покрытые бронзовым загаром бедра. В каждой позе она старалась показать себя с самой выгодной стороны и при этом смотрела в камеру с самоуверенностью профессиональной модели.

— Сейчас можешь расслабиться. Я сменю пленку, а потом, возможно, мы попробуем снять тебя под цветущим деревом или где-нибудь еще, — сообщил он, поворачиваясь, чтобы достать из сумки новую пленку. — Хочешь выпить? — спросил он, разрывая фольгу, в которую была завернута пленка.

— Не думаю, что пойду в таком виде куда бы то ни было, — заявила она и засмеялась.

— Почему нет? — спросил он, поворачиваясь к ней.

Она улыбнулась ему и, вопросительно подняв брови, с коварной улыбкой сбросила платье на траву.

— Если твой бойфренд вернется домой, он меня испугается? — спросила она, проводя рукой по своему обнаженному телу. Джулиан был удивлен, но не шокирован. Он занимался своим бизнесом достаточно давно, чтобы привыкнуть к любым сюрпризам. В сущности, он уже устал с ними бороться. Прелестницы едва могли поверить, что он их не хочет, хотя и знали о его откровенной гомосексуальности. Все они были уверены, что смогут соблазнить его, и сильно обижались, когда обнаруживали, что это вовсе не так. Джулиан вставил пленку и перекрутил ее с таким видом, будто совсем не замечает девушку.

— А теперь, милочка, — сказал он весело, — давай сменим твою диспозицию. Этот

диван уже намозолил глаза. — Он обвел взглядом сад. — Вот — стул под цветущим деревом. Ты смотришься как лесная нимфа, очень впечатляюще, — заверил он, скрываясь в доме. Лючия тяжело вздохнула, но не сдалась. Она была твердо уверена в своих чарах.

Джулиан установил стул под деревом с бело-розовыми цветами и стал регулировать треножник и камеру. Обнаженная Лючия подошла к стулу, перевернула его спинкой к камере, села сверху, положив голову на сложенные руки, и, не мигая, уставилась на Джулиана.

— Ну нет, дорогуша. Я действительно не думаю, что это хорошая идея. Ты ведь, кажется, певица, а не порнозвезда, — произнес он, регулируя фокусное расстояние.

— Это только для тебя, — сказала она и нежно улыбнулась, ожидая ответной благодарности.

Но ничего подобного не случилось.

— Боюсь, что это пойдет в мой архив и там затеряется. Когда, ты говоришь, звонил твой дружок? Давай сделаем снимок для него, — предложил Джулиан, возвращаясь к фотоаппарату.

— Его зовут Торквилл.

— Значит, это будет для Торквилла, — сказал он, заряжая пленку в поляриод.

— Он будет весьма удивлен, — сообщила она, выпрямившись и самодовольно ухмыляясь. — Мы вручим ему поляриодный снимок в качестве подарка, когда он за мной заедет.

— Согласен, если это именно то, что тебе нужно, — ответил он, вглядываясь в полученную фотографию. — Очень хорошо, Лючия. Люди из «Плейбоя» за подобный снимок убили бы кого угодно. Может, тебе стоит подумать о карьере фотомодели — тут особые усилия не нужны, и у тебя хорошо получается.

— Нет, не могу так позировать для кого попало, — хрипло отказалась она, глядя на него глазами самки оленя.

— Значит, тебе удалось меня обмануть, — ответил он, снова щелкая затвором. — А сейчас будь страстной, я не хочу, чтобы ты улыбалась. Больше огня, соблазнительности, может, даже жертвенности. Вот так лучше. Так, немного вверх, да, выше, и в сторону, меньше, так, глаза на камеру, сверкай ими на меня. Хорошо. — И так он отщелкал целую пленку.

— А теперь давай одевайся, и мы сделаем несколько менее интимных снимков, — предложил он, меняя пленку.

— Я уже устала позировать и к тому же мне больше нравится быть нагой. А как тебе?

— Иногда да, но не тогда, когда я работаю.

— Сейчас я не работаю, я играю.

— Ладно, тогда сделаем перерыв на чай. — Он начал складывать свое оборудование. Взглянув на небо, он обнаружил, что буря уже совсем близко. — Мы неплохо использовали лучшую часть дня, — констатировал он, складывая треногу.

— О нет, лучшая часть дня еще впереди, — возразила она, поднимаясь со стула и направляясь к нему.

Джулиан устало вздохнул.

— В самом деле, Лючия, это вовсе не то, что ты думаешь.

— Нет, именно то, — решительно произнесла она, останавливаясь возле него и проводя своим длинным ногтем вниз между его грудными мышцами. — А ты следишь за собой, разве

нет?

Джулиан схватил ее руку и отвел от своего тела.

— Лючия, я гей. Мне нравятся мальчики, а ты типичная девочка. Это очень просто, — серьезно произнес он.

— Да ладно тебе, давай. Не говори мне, что ты иногда об этом не думаешь, — сказала она и надула губы.

Джулиан начал испытывать к ней неприязнь.

— Никогда, — отрезал он.

Она положила руку на его брюки спереди.

— Я чувствую, что ты меня хочешь.

— Значит, ты не настолько опытна, как я думал, потому что сейчас я далек от возбуждения.

По крайней мере, у нее хватило благопристойности, чтобы покраснеть.

— Ты просто боишься, что может появиться Торквилл. Уверяю, что этого не будет — еще слишком рано. Я сказала ему, что проведу здесь весь день.

— Давай пойдем и выпьем чаю, — снова предложил он, проходя мимо нее.

Внезапно облака оказались прямо над ними, над землей раздался оглушительный раскат грома, и на них обрушился дождевой поток. Хихикая, Лючия бросилась прятаться в дом, а следом за ней побежал Джулиан. В полумраке дома она вцепилась в него, целуя и расстегивая джинсы.

— Прощу прощения. Надеюсь, я никому не помешал, — тихо произнес Тоби, застывший в дверном проеме. Он видел, как они спасались от дождя, и, хотя его одолевали неприятные ощущения, он знал, что Джулиану постоянно приходится обороняться от слишком назойливых девиц, поскольку это была часть его работы.

Лючия отпрянула и вытерла тыльной стороной ладони мокрое лицо.

— Ты, должно быть, Тоби, — догадалась она. — Как насчет небольшой смены ощущений? Мы можем поразвлечься втроем.

— Извини, но я в такие игры не играю, — сухо ответил Тоби, — лучше я поставлю греться чайник, чтобы избавить вас от простуды.

— Мне нечего надеть. Мое платье, должно быть, совсем промокло, — пожаловалась она, опираясь на стену и ухмыляясь Джулиану. — Фотограф, спасенный дождем. — Она захихикала.

— Я одолжу тебе рубашку, — произнес тот со вздохом. — Тоби, я бы выпил кофе, и, пожалуйста, покрепче. Пойдем, Лючия.

Пока Джулиан находился с Лючией наверху, Тоби караулил у чайника и пытался подавить приступ ревности, который охватил его, вытесняя хорошее настроение, с которым он приехал. Он уставился на свое отражение на серебряной поверхности чайника, но, как бы ненавистна ему сейчас не была собственная гримаса, он ничего не мог сделать, чтобы убрать ее с лица.

Неожиданно отворилась дверь и вбежала Федерика, едва переводя дыхание от езды на велосипеде и держа в руках пушистого белого щенка.

— Мой Бог! — воскликнул он. — Чей он?

— Он мой, дядя Тоби, — она осторожно опустила свое живое сокровище на плитки кухонного пола.

— Он очаровательный.

— Да.

— Как его зовут?

— Раста, — сказала она. — Потому что я знала пса Расту в Чили. Смотри, его имя даже написано на ошейнике.

Тоби присел и погладил мягкую шерстку.

— Приятная маленькая штучка, — задумчиво сказал он. — Полагаю, ты позволишь ему спать в постели вместе с тобой.

— Если мама разрешит.

— Сложный вопрос, — заметил он, зная характер Элен.

— Вовсе нет. Она хочет, чтобы я подружилась с ее нудным бойфрендом, и он подарил мне собаку. Так что, подозреваю, она разрешит мне все, что я захочу.

— А, — кивнул Тоби, поднимаясь. — Артур.

— Он тебе нравится?

— Да, конечно, — дипломатично ответил Тоби.

— Как ты думаешь, они поженятся? — спросила она.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

— Нет. Но все-таки?

— Ну, я не думаю, что Элен готова снова выйти замуж, — ответил он, вынимая из шкафа чашки и наливая в них кипяток.

— А я думаю, что это случится. Они постоянно вместе, держатся за руки и целуются. Я считаю, что он уродец, а папа такой красивый.

— Внешняя красота — это еще не все, Феде. Артур — добрый, мягкий человек, и он заботится о твоей матери. Думаю, это важнее, чем красота.

— Он мне не нравится, — упорствовала Федерика, садясь на пол и кладя щенка на колени.

— Это вполне естественно. Если бы у него не было романа с твоей мамой, ты, вероятно, относилась бы к нему гораздо лучше.

— Я не хочу уезжать из Польперро, — серьезно заявила она.

— Но зачем же тебе уезжать отсюда?

— Потому что, если мама выйдет за него, мне придется уехать и жить с ними в городе.

— Ого. Это уже второе «если».

— Но я не хочу уезжать, — твердила свое Федерика.

— Можешь жить у нас. Я лично никогда не собираюсь уезжать из Польперро, — легкомысленно заявил он, не заметив семян, посеянных в голове племянницы. А в мозгу Федерики тем временем лихорадочно заработали шестеренки.

— Ты говоришь серьезно? — в изумлении спросила она.

— Что именно? — уточнил он, доставая пакетики с чаем из чашек.

— Что я могу жить у тебя, если мама выйдет за Артура?

— Ну конечно. Да, дорогая, ты можешь жить со мной и Джулианом. Совершенно точно.

Когда Лючия вернулась в кухню, одетая только в большую рубашку Джулиана, она не обратила никакого внимания на белолицую девочку с блестящей кожей и длинными светлыми волосами, сидевшую на полу и игравшую со щенком. Джулиан представил их друг другу, но Лючия не интересовалась детьми и не любила собак, поскольку считала последних слишком волосатыми и специфически пахнущими. Поэтому она ограничилась легкой

улыбкой, обходя их на пути к чашке горячего чая, который сделал для нее Тоби. Она наклонилась над плитой, чтобы согреться, и сделала глоток.

— Где этот полярный снимок, Джули? Я хочу показать его Тоби, — веселилась она, скрещивая голые ноги, чтобы удержать тепло.

— Не знаю, куда я его дел, — вяло ответил Джулиан.

— Нет, знаешь. Давай, не лишай меня удовольствия. У меня там шикарный вид.

— Красота существует лишь в глазах зрителя, Лючия, а я видел тебя и в лучшем виде, — ответил он, роясь в своей сумке. Наконец он извлек оттуда фотографию и вручил ее нетерпеливо ожидающей фотомодели. Она посмотрела и с гордостью улыбнулась.

— Торквиллу это понравится. А ты можешь сделать ее для меня в большом формате? Тогда я смогу подарить ее ему на день рождения, — сообщила она, показывая снимок Тоби.

Тоби улыбнулся, чтобы скрыть свое отвращение.

— Боюсь, что из голых кошечек меня интересуют только четвероногие, — отрезал он.

Лючия глотнула чая, чтобы сдержать свое негодование, а затем не придумала ничего умнее, чем предложить полюбоваться своим фото застенчивой девочке, сидевшей на полу.

Федерика смущенно посмотрела на дядю. Ни Джулиан, ни Тоби не сочли шутку Лючии забавной и мечтали только о том, чтобы поскорее появился ухажер распутной девицы и забрал ее с собой.

Когда Торквилл наконец заявился, рев двигателя его «Порше» разогнал гнездившихся вокруг голубей и ласточек. Он уверенно, без звонка, вошел в дом.

— Вот ты где, Лючия, — сказал он, обнаружив всю компанию в кухне. Проигнорировав Джулиана и Тоби, он обошел их с выражением превосходства на лице и подозрительно сверху донизу осмотрел свою подругу. — А где твоя одежда? — спросил он. Она вручила ему фотографию, наблюдая, как от ярости наливались краской его щеки и шея.

— Что это, черт возьми, значит? Я думал, ты делаешь обычные снимки, а не порно, — прорычал он, отбрасывая волосы со своей смазливой физиономии.

— Это особый снимок лично для тебя, дорогой, — проворковала она, целуя его.

— Если этот фотограф не гей, то я убью его, — пообещал он без тени улыбки.

— О, он гей. Натуральнейший гей, — доложила она. — Правда, Джулиан?

Джулиан снова почувствовал приступ отвращения. Он хотел лишь одного — чтобы они побыстрее убирались из его дома.

— Я вышлю тебе снимки, когда напечатаю их. Это займет несколько дней, — произнес он в пространство, игнорируя ее слова. Это была парочка самых неприятных и самодовольных персонажей из всех людей, которых он когда-либо встречал.

— Тогда нечего тут торчать. Мы должны успеть в Лондон к семи на премьеру «Безумных сердец», и тебе, дорогая, нужно время, чтобы привести себя в порядок.

— Думаю, это существенно зависит от того, что она наденет, — заметил Тоби, подмигивая Джулиану.

— Пойдем, — повторил Торквилл, демонстративно игнорируя Тоби, и вышел с Лючией из кухни.

Федерика наблюдала за их уходом. «Он очень красивый», подумала она и стала гадать, как такие мужчины, как он, могут влюбляться в таких вульгарных девиц, как Лючия. Она даже не удосужилась погладить Расту.

— Я верну тебе рубашку при случае, я не забуду, — крикнула Лючия из холла.

— Не беспокойся, — крикнул в ответ Джулиан, испытывая от их ухода большое

облегчение. — Можешь оставить ее себе.

Рев мощного двигателя снова распугал всех окрестных птиц и животных, стремительно спасавшихся бегством. Когда все стихло, воцарилась почти звенящая тишина. Джулиан и Тоби тяжело вздохнули.

— Слава Господу, они убрались, — сказал Джулиан, крепко обнимая Тоби. — Это было вовсе не то, что тебе могло показаться, — добавил он, оправдываясь.

— Я знаю, — сказал Тоби. — И я знаю тебя.

— Хорошо. — Он еще раз тяжело вздохнул и положил голову на плечо Тоби. — И где мой крепкий кофе?

— А может, заменим его виски?

— Ты прав. Это звучит гораздо веселее. После такого цирка мне придется неделю приходить в себя. Как все-таки ужасны порой бывают женщины. Надеюсь, они не собираются размножаться.

— Этого нельзя допустить.

— Трагедия состоит в том, что они именно это и сделают, — сказал Джулиан.

— А наша — в том, что мы этого не можем, — засмеялся Джулиан, похлопывая друга по спине.

— Когда я перееду и буду жить здесь, могу я взять с собой Расту? — спросила Федерика, продолжавшая тихо сидеть на полу.

Тоби и Джулиан одновременно повернулись и посмотрели на нее.

— Боже мой, я совсем забыл, что ты здесь, — удивленно произнес Тоби.

— Конечно, ты можешь привезти Расту, — заверил ее Джулиан, глядя на Тоби. — Когда она собирается переезжать?

Именно в тот момент, когда Элен подумала, что никогда не сможет принять решение о том, следует ли выходить замуж за Артура, раздался телефонный звонок, окончательно определивший ее будущее.

— Элен, это Рамон. Я в Лондоне.

Услышав его голос, в котором звучало эхо слишком многих воспоминаний, Элен ощутила слабость в животе. Она замерла, не зная, что сказать и желая разозлиться, но у нее не оставалось для этого времени.

— Элен? — В наступившей тишине снова прозвучал его голос.

— Что тебе нужно? — наконец холодно спросила она, пытаясь выиграть время, чтобы прийти в себя.

— Я хочу увидеть своих детей, — ответил Он.

— Этого не будет, — отрезала она, хватаясь за сигарету и вспоминая совет Артура делать глубокие вдохи, когда нервничает. Она не могла допустить, чтобы он снова вызвал депрессию у Федерики, которая только начала от нее избавляться.

— Элен, ты не можешь запретить мне увидеть моих детей, — повторил он. — Я получил письмо от Феде. Я ей нужен.

— Как дырка в голове, Рамон, — произнесла она с сарказмом, вставляя в рот сигарету и зажигая ее дрожащей рукой.

— Ты злишься.

— Разумеется, я злюсь, Рамон. Мы с тобой не виделись уже семь лет, — выпалила она, выпуская дым в микрофон трубки. — Черт возьми, Рамон! Что ты вообще о себе возомнил?

— Остынь, — сказал он и глубоко вздохнул. В его голосе появилось раздражение.

— Ради бога. Ты никуда не годный отец. Я удивлена, что Феде еще не забыла о твоём существовании. А ей чертовски необходимо было это сделать. Мой брат стал для нее лучшим отцом, чем ты когда-либо был. Ты не можешь заявиться сюда через семь лет и ожидать, что мы все бросимся в твои объятия. Ты снова оставил нас и решил не возвращаться. Если теперь ты сожалеешь о случившемся, то это твои проблемы.

— Ладно, кто такой Артур?

Она сделала глубокую затяжку.

— Мой жених.

— Именно этого Феде и боялась.

— Значит, ты прибыл из-за этого? Рыцарь Феде в сверкающих доспехах, вот так шутка.

— Я приезжаю, хочешь ты этого или нет, — сообщил он.

— Отлично, но я не позволю тебе увидеться с детьми.

— Если ты желаешь лишить своих детей отца, то это твое дело, но я приеду в любом случае, — сказал он и повесил трубку.

Рамон положил чемодан в багажник черного «Мерседеса» и дал указание водителю ехать в Польшу. Затем он уселся на заднем сиденье и погрузился в размышления. Как легко было позволить им уйти из его жизни. И как случилось, что прошедшие годы пролетели так быстро, что он совсем не заметил неумолимого течения времени? Он был слишком счастлив с Эстеллой и Рамонсито, чтобы вспоминать о тех, кого оставил за

океаном. Элен и дети стали чем-то вроде камешков, попавших в обувь и причинявших неудобство. Он постоянно знал, что они есть, но ничего не делал, чтобы поддерживать с ними связь.

Эстелла любила его безоглядно, как ребенок, нежно, как мать, и, не предъявляя на него никаких собственных прав, как друг. С ней у него не возникала постоянная потребность уезжать из дома. Наоборот, во время своих путешествий он считал дни, чтобы снова оказаться в ее теплых объятиях. Порой, когда он был далеко, наедине со своими мыслями, он ощущал запах роз и верил, что это пришла она, чтобы облегчить монотонное течение его одиноких странствий. В другие моменты, услышав шепот моря или веселое журчание ручья, он останавливался, чтобы вспомнить медовый голос Эстеллы и ее радостный смех. По мере того как изящные черты Эстеллы вытесняли в его памяти лица Элен, Федерики и Хэла, ему начинало казаться, что они вообще никогда не существовали. Как легко оказалось забыть...

Мариана писала Федерике и Хэлу часто, поскольку она их не забывала. Элен прислала ей их фотографии, которые Мариана увеличила, вставила в рамки и постоянно смотрела на них. Она боялась, что если не станет этого делать хотя бы раз в день, то, проснувшись однажды утром, может обнаружить, что не думает о них уже годами. В ее сознании внуки оставались теми же маленькими детьми, какими были в то последнее лето в Качагуа, несмотря на фотографии, где они были запечатлены уже ставшими взрослее. Другие ее внучата постоянно навещали их дом. Сейчас их было уже двадцать четыре, что делало все более трудной задачей помнить о тех двоих, которых она любила больше, чем остальных.

Мариана тогда ничего не сказала Игнасио о своем визите в дом Эстеллы на берегу. Она знала, что подобное известие заставит его уши побагроветь от ярости. Он бы не только разозлился, но и испытал бы глубокое разочарование. Она не была уверена, что его сердце сможет выдержать такое эмоциональное потрясение. Но она не смогла и забыть о своем новом внуке. Проводя в раздумьях долгие вечера, прогуливаясь вдоль берега и глядя на море, она не знала, что ей делать. Она была уверена, что Эстеллу начинает мучить одиночество, что Рамон проводит все больше и больше времени в путешествиях, оставив сына расти без отца, так же, как когда-то он поступил с Хэлом и Федерикой. Возвратившись в тот день в Качагуа, после визита к Эстелле, она была так зла на Рамона за его безответственное поведение, что отослала Гертруду домой, а сама начала яростно драить полы и натирать до блеска мебель в доме. В конце концов она, обессилив, свалилась на кровать и проснулась только на следующий день к ланчу, чем безмерно удивила не только Игнасио, не сумевшего ее разбудить, но и саму себя. Тревожные вечера, которые она проводила в гнетущих размышлениях, прогуливаясь по берегу океана, привели к тому, что она настолько похудела, что пришлось после возвращения в Сантьяго сменить весь гардероб. Игнасио полагал, что жена страдает из-за Элен и внучат, и делал все, чтобы ее утешить. Но она не могла найти себе покоя.

В итоге в конце января она снова приехала к дому Эстеллы, не зная, что собирается сказать, но убежденная в том, что найдет нужные слова. Эстелла, стоя на веранде, мгновенно заметила подавленное состояние Марианы и бросилась в слезы.

— Что-то с Рамоном? — импульсивно произнесла она, пошатываясь от волнения. В ее глазах застыло отчаяние. — С ним все в порядке?

Мариана была настолько тронута слезами Эстеллы, что обняла ее.

— У Рамона все в порядке, Эстелла. Я беспокоюсь за тебя и своего внука, — сказала она, разжимая объятия.

Эстелла уставилась на нее остекленевшими глазами.

— Простите, — пролепетала она. — Я сама не своя.

— Мне все известно, — ласково ответила ей Мариана.

— Тогда вам лучше зайти в дом.

Мариану уже не интересовал интерьер дома и не удивляли его размеры. Она узнала пишущую машинку Рамона на столе и первые страницы рукописи, аккуратно сложенные стопкой рядом. Рамон никогда не отличался аккуратностью, так же, как и Элен, но Эстелла содержала дом в том же порядке, что и дом Марианы, когда служила у нее. Эстелла пригласила ее в светлую просторную гостиную с полуопущенными венецианскими шторами, висевшими на французских дверях, чтобы сохранить прохладу. Мариана была восхищена вкусом Эстеллы. На полу лежали пестрые шерстяные ковры из Индии, а сама комната была уставлена большими цветочными горшками с геранью и розами. На книжных полках была размещена библиотека европейских писателей, философов и биографов. Мариана обратила внимание, что Рамон отобрал лучшие фотографии Эстеллы и их сына и, вставив их в серебряные рамки, развесил во всех возможных местах. Повсюду здесь она узнавала следы путешествий ее сына по всему миру — бразильская баланганда в серебре, способствующая изобилию, греческая икона святого Франциска, подаренная монахом на горе Атос, и копье, преподнесенное вождем племени, с которым он подружился в джунглях Африки. Мариана отметила, что вместе Рамон и Эстелла создали для себя теплый и уютный дом.

Эстелла села напротив, глядя на Мариану ясными глазами.

— Я здесь не для того, чтобы осуждать тебя, Эстелла, — высказала Мариана то, что было у нее на сердце. — Я беспокоюсь о тебе, и это все.

— Но как вы догадались? — смело спросила Эстелла.

— На Рождество, когда я приходила к тебе, то забыла вручить подарок, который принесла, поэтому мне пришлось вернуться.

— О, — произнесла Эстелла, понимающе кивая.

— Я услышала, как ты называешь своего ребенка Рамонсито, и все вдруг стало ясно.

— Да.

Мариана встала и подошла к Эстелле, неудобно устроившейся на краю дивана. Она села рядом и посмотрела на нее понимающим взглядом.

— Я ведь тоже женщина, и знаю, что значит любить мужчину. Я люблю Игнасио. Он, мягко говоря, человек трудный. Но я люблю мужа, несмотря на его иногда раздражающий характер. Я достаточно хорошо знаю Рамона, чтобы быть уверенной в том, что именно он тебя соблазнил. Тебя я не осуждаю и, наоборот, сочувствую тебе. Я наблюдала, как разрушался его брак. Элен не смогла выдержать его бродяжничества. А ты?

Лицо Эстеллы налилось румянцем, как розовое яблоко, и она улыбнулась улыбкой женщины, довольной своей судьбой.

— Я люблю Рамона, а он любит меня. Это все, что мне нужно. Я не стремлюсь запереть его в стенах дома и хочу от него только любви. Я счастлива, сеньора. Более счастлива, чем когда бы то ни было.

— Я тебе верю, — сказала Мариана, касаясь руки молодой женщины. — Но что думают об этом твои родители? Он ведь пока еще женат на Элен.

Счастлирое отражение душевной весны мгновенно сбежало с лица Эстеллы, и оно

приобрело оттенок осенней печали.

— Они отrekliсь от меня, — произнесла она равнодушно, как будто заранее выстроила внутренний барьер безразличия, чтобы защитить себя от дальнейших страданий.

— Мне так жаль, — сказала Мариана. — Если я могу чем-то помочь...

— Нет-нет, — ответила Мариана. — Тут никто и ничем помочь не сможет.

— Они видели твоего ребенка?

— Нет.

— Если бы они его увидели...

— Они не собираются здесь появляться.

— Они знают, кто отец?

— Да, но им все равно. Отец хочет, чтобы Рамон на мне женился...

— Понимаю.

— Я счастлива. Они должны были быть счастливы, если счастлива я, но ведь я опозорила семью, — сказала она, и ее глаза увлажнились помимо воли.

— Почему ты не покажешь им Рамонсито? Их сердца смягчатся, я уверена. Он такой очаровательный. Просто маленький ангелочек. Можно, я снова на него взгляну?

Эстелла проводила Мариану в маленькую комнату, где в прохладном полумраке спокойно спал Рамонсито. Мариана провела пальцем по мягкой щечке и почувствовала, как эмоции сдавливают ее горло и туманят глаза, в которых заблестели слезы.

— Возьми Рамонсито и покажи его им, — повторила она.

— Должна ли я сообщить Рамону, что вы приходили?

— Нет, — твердо ответила Мариана. — Пусть это будет нашей тайной. Когда придет время, он сам даст мне знать. Но все-таки, если я смогу что-то для тебя сделать, не бойся и смело мне звони. Ты знаешь, где меня найти. Я больше не хочу тебе надоедать.

Эстелла прикоснулась к руке Марианы и улыбнулась.

— Я хочу, чтобы вы приходили. Хочу, чтобы Рамонсито познакомился со своей бабушкой, — сказала она, и ее губы задрожали.

Мариана была слишком взволнована, чтобы ответить. Она кивнула, тяжело сглотнула и с молчаливой благодарностью посмотрела на Эстеллу.

На следующий вечер Эстелла собралась с силами для решения самой трудной в ее жизни задачи. Она завернула Рамонсито в шерстяной платок, упаковала еду и одежду в количестве, достаточном для ребенка на неделю, и оставила его на пороге дома родителей с запиской, где можно было прочитать простые слова: «Мне нужна ваша любовь». Затем она повернулась и отправилась в обратный путь. Дойдя до поворота, она почти раскаялась в содеянном и уже было собралась вернуться, чтобы забрать его, но вспомнила слова Марианы, набралась храбрости и продолжала идти, хотя и с камнем на сердце. Проведя изнурительные два часа, во время которых беспокойство терзало ее сознание, она уже не могла больше терпеть и стремительно бросилась бежать по берегу к тому месту, где у склона холма приютился родительский дом.

Рамонсито на пороге уже не было. Охваченная страхом, что его могла забрать бродячая собака или вор, она подкралась к окну дома, задержав дыхание, чтобы не выдать себя. Заглянув в окно, она не увидела ничего, кроме пустой комнаты. Но в тот момент, как к ее горлу стали уже подступать рыдания, в комнату вошла Мария с аккуратно спеленутым ребенком на руках. Она широко улыбалась, и слезы скатывались с ее старых щек ручейками

радости и счастья.

Пабло Рега уселся на траве у последнего приюта своего старого приятеля Освальдо Гарсия Сегундо и начал свою речь, как обычно, с поэтическим подъемом и блеском.

— Мое старое сердце растаяло, Освальдо. *Си*, сеньор, именно так и случилось. Мария пришла домой и обнаружила у дверей внебрачного ребенка Эстеллы. Она оставила его там одного. Правда, с запиской. Можно подумать, у нас возникли бы сомнения, чей это младенец. — Он хмыкнул и покачал головой, поигрывая медальоном с изображением святой Девы, висевшим на его груди. — Он очень маленький, и я боялся прикоснуться к нему, пока Мария не положила его мне в руки. Ради Бога, Мария, сказал я, если я его уроню, то его унесет дьявол. Но она только рассмеялась, а потом заплакала. У него моя улыбка, поэтому Мария сказала мне, что, если малыш похож на меня, значит, его благословил Бог. Ты прав, спрашивая, как же я поступил. Мне следовало бы отослать его обратно к его матери, но Мария об этом и слышать не хотела. Она не расставалась с ребенком ни на миг, лелеяла его, как своего собственного, и по ее лицу текли слезы удовольствия. Если бы я его отослал, то оказался бы чудовищем. Но я вовсе не монстр, а всего лишь усталый старый человек, которому осталось доживать свой век. Рамонсито — это еще одна новая жизнь, назначение которой страдать и умереть на этой земле. Для какого дьявола это все нужно? Ты ведь знаешь, Освальдо, *си*, сеньор, ты знаешь. Если бы ты мог говорить из своей могилы, то, вероятно, дал бы мне несколько советов. Но, видимо, мои старые уши слишком забиты земными проблемами, чтобы слышать тебя.

Рамон сидел в автомобиле и следил за тем, как городской пейзаж постепенно сменялся зеленым ландшафтом английской деревни. Он думал о Рамонсито, которому сейчас было шесть лет — почти столько же, сколько было Федерике, когда он с ней попрощался в то жаркое январское утро уже так много лет назад. Бросив мысленный взгляд на прошедшие годы, он вспоминал, как Рамонсито восстановил отношения между ним и его матерью, и Эстеллой и ее родителями. Хотя Пабло Рега до сих пор относится к нему с подозрением. Пабло завел привычку нервно теребить медальон на своей шее с таким видом, будто встретился с вампиром, но, по крайней мере, он полюбил внука и снова вернул дочь в свои объятия. Его собственный отец не знал о существовании внука, гулявшего всего в четырех милях от их летнего дома, хотя в жилах ребенка текла та же кровь, и наступит день, когда он станет отцом нового поколения, ведущего свое происхождение от Игнасио. Однако Мариана настаивала на том, что ему говорить об этом нельзя. Это была общая тайна для них троих.

— Еще наступит подходящий момент, — говорила она Рамону, — но позволь, я сама скажу ему, когда он будет готов узнать правду.

Прошло уже шесть лет, но она так и не призналась ему. Рамон думал, что вряд ли это вообще когда-либо случится.

Элен отправила детей в коттедж к Тоби.

— Рамон объявился. Я не хочу, чтобы он их увидел, — объяснила она брату по телефону.

— Что? Рамон в Англии?

— Да.

— Мой Бог, — воскликнул Тоби, присаживаясь. — Зачем это ему понадобилось

приезжать через столько лет?

— Как он сказал, чтобы увидеть детей.

— Вот так просто — прямо как с небес?

— Я не желаю, чтобы он видел детей, — озабоченно повторила она.

— Разве это умно? — взволнованно спросил Тоби. — В конце концов, ведь он их отец.

— Только биологически. Я не могу допустить, чтобы он их снова расстроил. Феде сейчас вполне счастлива. И ей совсем не нужно, чтобы опять появился Рамон и в очередной раз пообещал ей все блага мира.

— Пожалуй, в этом ты права.

— Я знаю, что права.

— Как ты намерена от него избавиться? — спросил Тоби, предвидя, что Рамон может задержаться до их возвращения.

— Не беспокойся, я знаю как.

— Не думаю, что Артур сможет потягаться с Рамоном.

— Артур здесь ни при чем. Я смогу избавиться от него сама. Убью его своей доброжелательностью, — уточнила она и нервно рассмеялась.

— Тебе нужно быть очень хладнокровной, Элен, и очень сильной, — произнес он, чтобы поднять ее боевой дух. — Не злись и не давай ему обойти себя. Теперь ты независимая женщина, и он тебе не нужен. Ты превосходно без него обходишься. Покажи ему, что стала другой. Ты уже не та женщина, которую он привык в тебе видеть, понимаешь?

Элен кивнула своим мыслям.

— Ты прав. Если выказать слабость, он сможет использовать ее против меня.

— Именно так. Теперь ты — сила, с которой придется считаться. Постарайся укротить его пыл, в конце концов, он всего лишь человек.

Отправив детей на велосипедах к Тоби, она приняла ванну и оделась, стараясь убедить себя, что макияж и ухоженный внешний вид — это просто желание показать Рамону, насколько она изменилась. Но в глубине души она знала истинную причину своей суеты, и ее бесило, что она все еще испытывает потребность произвести на него впечатление.

Она ожидала его на скамейке в саду под вишневым деревом, где обычно восседала Полли, наблюдая за своими цветочными клумбами. Как быстро оно выросло. Почти так же быстро, как и ее дети. В этот момент, почти как Рамон, Элен тоже удивилась быстротечности времени. Пребывание в Чили уже казалось далеким воспоминанием о другой жизни — жизни, окутанной покровом тени. Она слишком долго отгоняла от себя эти воспоминания, страшась ощутить ностальгию. Она сделала свой выбор и начала новую главу, навсегда закрыв страницы былого. Когда она услышала звук приближающейся машины, ее сердце учащенно забилося. Прошлое в очередной раз вернулось, чтобы снова причинить ей страдания. Она поднялась, борясь с острой потребностью закурить сигарету, и демонстративно медленно направилась к воротам.

Рамон едва узнал Элен. Она коротко подстригла волосы. Они стали светлее и гуще, а ее кожа восстановила свою прежнюю красоту, которая так очаровала его при их первой встрече. Голубые глаза сияли здоровьем, а сама она беззаботно улыбалась. Он ожидал, что она потребует его немедленного отъезда, но вместо этого она приветствовала его с любезностью старинного друга, чем застала врасплох и спутала все планы. Элен сразу заметила, что он с трудом подыскивает слова. Это укрепило ее веру в свои силы, и она

пригласила его присоединиться к ней в саду и что-нибудь выпить.

— Ты превосходно выглядишь, — заметил он, когда они уселись под вишневым деревом со стаканами фруктового сока собственноручного приготовления Полли.

Элен поблагодарила его и обратила внимание на его покрытое морщинами лицо и седеющие волосы. Рамон стал напоминать стареющего льва: он все еще вселяет ужас и подчиняет себе и пока еще остается королем джунглей, но вовсе не тех, где обитает она. Его нерешительность выдавала слабость. Она мгновенно это почувствовала и ухватилась за возможность завладеть инициативой. К собственному удивлению, она его уже не боялась.

— Ты тоже неплохо выглядишь. Немного постарел, — произнесла она со злой улыбкой, — но красив, как и прежде.

— Спасибо, — кивнул он и нахмурился. — Извини, что так долго не появлялся.

— Так долго — это явное преуменьшение, — рассмеялась она, соблюдая осторожность, чтобы скрыть в своем голосе оттенок горечи. — Ты просто не предназначен для отцовства, Рамон. Но не стоит корить себя. В сущности, я должна поблагодарить тебя. Ты освободил нас из ямы, в которой мы прозябали в Чили. А здесь мы нашли свое счастье, — сообщила она, внимательно наблюдая за ним.

Мимо его внимания не ускользнуло, что она не курит и руки у нее не дрожат. Ее слова вызвали у него дискомфорт.

— Я оказался плохим отцом, — согласился он. — Но я люблю их.

— Уверена, что это так, хотя и странной любовью. Они тоже тебя любят, точнее, любят память о тебе. Но они сумели выжить и без тебя.

— Понимаю, — произнес он голосом, прозвучавшим скорее как глубокий стон. Он наклонился и положил руки на колени. — Феде не хочет, чтобы ты выходила замуж за Артура.

— Знаю, — ответила она. — Она не желает, чтобы кто бы то ни было заменил тебя.

— Она написала мне и просила, чтобы я этому помешал.

— И как ты намерен это сделать? — спросила она, и на ее губах заиграла уверенная улыбка, будто она принимала его миротворческую миссию как нечто забавное.

— Не знаю. Я приехал поговорить с тобой, и это все, — сказал он, снова откидываясь назад и пристально глядя на нее. Его стакан уже был пуст.

— Послушай. Я очень ценю Артура. Он очень добр ко мне. И он всегда со мной, Рамон, в отличие от тебя. Но я тебя не виню. Я выбрала тебя, а потом сама выбрала уход от тебя. Все очень просто. Сейчас я хочу выйти за Артура, и Феде придется с этим смириться.

— Она не хочет покидать Польперро, — сказал он.

— Знаю, но мы не можем всегда иметь то, что хотим.

— Но разве это не значит вырвать ее с корнем?

— Заметь, ты сейчас сам это сказал, — резко возразила она, сдерживая нараставший гнев. — Если бы не ты, нас не надо было бы вырывать с корнем в первый раз.

— Насколько мне помнится, я не хотел, чтобы ты уезжала.

— Но ты отказался изменить своим привычкам. — Щеки Элен стали пунцовыми, на мгновение выдав бушевавшую внутри нее злость. Она отвернулась и налила еще сока, понимая, что если проявит хоть малейший намек на слабость, то он бросится в атаку, и тогда ей конец.

— Ты любишь Артура? — спросил он.

— Он мне очень дорог, — ответила она.

— Это не то, что я спрашиваю.

— Только не говори, что у тебя нет какой-нибудь несчастной, брошенной женщины, которую ты оставил где-нибудь в Чили, — парировала она, избегая прямого ответа на его вопрос.

Он ухмыльнулся и утвердительно кивнул.

— Да, есть.

Элен была ошеломлена его честным ответом, несмотря на ее уверенность в том, что за семь лет раздельной жизни у него кто-то появился. Это было очевидно. Она хотела спросить, что это за женщина, но подавила искушение.

— Ну что ж, тогда ты знаешь, как это бывает. Когда ты заботишься о ком-то, — сказала она, подавив свое замешательство, и улыбнулась.

Рамон, конечно, обратил внимание на ее непроницаемую холодность, и ему оставалось лишь гадать, является ли подобная самоуверенность плодом трудов Артура. Такой он видел ее только во время их первых встреч, когда он в нее влюбился. Неужели он действительно попользовался ею, а потом отбросил, как прекрасный, но уже истертый ковер?

— Так, значит, ты желаешь развода? — спросил он, тревожно покусывая свои щеки изнутри.

— Да, — ответила она, игнорируя почти неслышимый голос в своей голове, умолявший ее не порывать с ним окончательно.

— В таком случае ты его получишь.

Она сухо кивнула:

— Благодарю тебя.

— Как ты намерена поступить с Феде?

— Почему это тебя волнует? — выпалила она в раздражении, внезапно теряя свое так тщательно культивируемое хладнокровие. — Ты пренебрегал ею в течение семи лет, а теперь внезапно появляешься из-за ее письма, написанного тебе! Ты даже не имеешь права спрашивать, как у нее или у Хэла дела. Теперь они для тебя никто. Они тебе уже не принадлежат. Если бы ты заботился о ней, то должен был приехать, когда Феде упала с велосипеда, когда ее дразнили в школе только потому, что у нее нет отца или... или... когда Хэл просыпался от ночных кошмаров и сомнений, от которых так страдают дети. Но ты этого не сделал. Ты знаешь, что ничего не сделал. Почему бы тебе не вернуться к своей женщине в Чили и не забыть о нас? У тебя ведь не было проблем с тем, чтобы ни разу не вспомнить о нас за эти семь лет. Ради Бога, Рамон! — воскликнула она, повышая голос до тех пор, пока он не задрожал от злости и боли. — Ты заставил всех нас страдать. Очень сильно страдать. Я хочу, чтобы ты ушел.

Рамон не хотел оставлять ее. Она изменилась. Исчезла нервная слабая женщина, цеплявшаяся за него как плющ и не дававшая ему возможности вздохнуть полной грудью. Элен превратилась в женщину, которая знает чего хочет и обладает силой характера, чтобы реализовать свои желания. Он понимал, что за ней стоит Артур, и его охватило любопытство увидеть мужчину, преуспевшего там, где он сам потерпел неудачу. Но Элен пристально смотрела на него окаменевшим взглядом. Ее доводы были неоспоримыми, и он знал, что уже не в силах манипулировать ею, как делал это всегда в прошлом. Она его уже не боялась.

Он нерешительно поднялся.

— Значит, так?

— Значит, так, — подтвердила она, тоже поднимаясь.

— Мы свяжемся через адвокатов.

— Хорошо.

— Я не думаю, что смогу уехать навсегда, не увидев своих детей.

— Дай мне время, — сказала она, внезапно ощущая грусть от бесповоротности их решения о разводе. — Я хочу замуж за Артура. Если Феде узнает, что ты вернулся, у меня возникнет куча проблем. Тебя ждали семь лет, так что лишний год не имеет значения, по крайней мере для Феде.

Рамон опустил глаза.

— Ты действительно хочешь пойти за него? — спросил он и тут же подумал, почему это его так интересует.

— Да, — ответила она, с трудом сохраняя самообладание.

— Хорошо, тогда желаю счастья.

— Спасибо.

Рамон наклонился и поцеловал ее в щеку. Элен быстро отпрянула, боясь, что поцелуй может затянуться, и страшась того, что не найдет в себе сил сопротивляться. Но он повернулся и ушел. Она рухнула на скамью и дождалась, пока не стихнет звук двигателя автомобиля. Затем, закрыв лицо руками, она дала волю сдерживаемым чувствам и зарыдала.

Федерика катила на велосипеде по дороге. Она оставила Хэла под присмотром Тоби и Джулиана, которые согласились с тем, что после такого количества выпитого чая ему будет трудно ехать на велосипеде домой. Договорились, что они привезут его позже. Федерика была довольна таким решением — по крайней мере, в одиночку она могла позволить себе ехать так быстро, как захочет, не беспокоясь, что из-за угла выскочит машина и напугает ее брата. Она убрала ноги с педалей и свободно поехала вниз. Солнце светило сзади, весенний ветер теребил ее волосы, и она чувствовала себя превосходно.

Внезапно из-за поворота вылетел блестящий черный «Мерседес», заставив ее резко нажать на тормоза в панической попытке удержать управление и избежать столкновения с автомобилем. С замершим сердцем она ощутила поток горячего воздуха, пронесшийся в опасной близости, а затем услышала позади визг шин при торможении. Она с трудом остановила велосипед, тормозя туфлями по бетону. Затем, встав на свои дрожащие ноги, она обернулась. Солнце было таким ярким, что пришлось приложить к глазам ладонь, чтобы защитить их от слепящих лучей. Она посмотрела на машину, но из нее никто не вышел. Пришлось напрягать зрение, чтобы разглядеть, кто там находится, но отражение от стекол не давало такой возможности. Оставалось стоять неподвижно, гадая, что мешает водителю выйти и извиниться перед ней за то, что он подверг ее жизнь такому риску. Ей действительно пришлось перенести потрясение, все ее тело дрожало от пережитого, но из машины так никто и не появился. Затем, к изумлению Федерики, двигатель снова заработал и автомобиль исчез так же внезапно, как и появился, оставив дорогу в том же безмятежно спокойном состоянии, что и до его появления, будто ничего не случилось.

От странного незнакомца остались лишь черные следы на бетонке.

Федерика настаивала на том, что она слишком взрослая для роли младшей подружки невесты на свадьбе матери.

— Тебе всего четырнадцать, — урезонивала ее Элен, — и, кроме того, ты маленького роста для своих лет.

Федерика вышла из комнаты, покинула дом и отправилась к скалам в сопровождении своего верного друга Расты, превратившегося во взрослого лабрадора с огромными когтями и большим черным пятном на носу, которым он неустанно обнюхивал всех встречных.

Элен устало вздохнула и решила, что единственным пажом будет Хэл — в свои двенадцать лет он уже не выражал по этому поводу особого энтузиазма, но согласился, поскольку в его голове существовал секретный механизм, делавший невозможным для него отказ матери в чем бы то ни было.

После краткого визита Рамона Элен приняла окончательное решение выйти замуж за Артура. Для оформления развода понадобилось восемнадцать месяцев. Увидев вещественное доказательство расторжения ее брака с Рамоном, Элен не смогла удержаться обильных слез. Она держала в руке этот листок бумаги и думала о том, действительно ли брачный союз с Артуром это то, чего она, в конце концов, хочет. Но потом она заставила себя вспомнить, каким несчастливым оказалось замужество за Рамоном и то, как добр к ней Артур. Элен спрятала документ и упорно продолжала воплощать в жизнь свой план, вопреки зову сердца, молчаливо голосовавшего за Рамона.

В этот период времени она почти ежедневно проводила баталии с дочерью, которая не оставляла надежды, что отец вернется и спасет ее от ужасного Артура.

— Артур никогда не станет для меня отцом! — кричала она матери во время одного из участившихся в последнее время приступов истерии. — И я никогда не уеду из Польперро. Папа такой красивый, ну скажи, что ты нашла в этом Артуре?

Элен игнорировала ее протестующие заявления, рассчитывая, что со временем дочь привыкнет к Артуру, но этого не случилось.

Федерика вскарабкалась на скалы и заворуженно посмотрела вниз, залюбовавшись яростной атакой прибоя. Ее гипнотизировали взлеты и падения холодных волн океана, который в своей ярости, казалось, отображал бурю, бушевавшую в ее груди. Раства сидел рядом с прижатыми от ветра ушами, которые слились воедино с песочной шерстью его шеи. Он прикрыл ее, чтобы согреть, и, несомненно, ощущал ее боль, выражая солидарность и симпатию на свой, собачий лад.

Федерика не могла объяснить себе причину отцовского молчания. Она молила его о помощи, а он позабыл о ней. Она ощутила, как внутри нее что-то сломалось. Мысленно она зывала о сострадании, но никто ее не услышал. Иногда ее отчаяние выливалось наружу, и она яростно сражалась с матерью, но Элен никогда не интересовалась тем, что скрывается за внешним выражением печали. Она, как, впрочем, и все остальные, даже не подозревала, насколько глубока душевная рана ее дочери. Федерика доверяла Эстер, но та была всего

лишь ребенком, как и она сама, и не могла сделать большего, чем просто выслушать и выразить свое сочувствие. Ведь у нее был отец, и этим все сказано.

Федерика рада была бы открыть душу Сэму, но он редко бывал в особняке, а когда приезжал, она обнаруживала, что слова в ее голове испаряются и она не может общаться с ним иначе, как с помощью улыбок. Она понимала, что он насквозь видит фальшь этих улыбок, и слишком умен, чтобы не распознать за ними ее горестное состояние. Он часто дружески обнимал ее безо всякой явной причины или сочувственно осведомлялся о ее настроении. Эстер уверяла ее, что слышала, как Сэм говорил матери, что питает слабость к Федерике, но это только увеличивало ее застенчивость и неспособность поддерживать с ним беседу. Однако втайне она была довольна и чувствовала особую связь между ними, возникшую после той памятной прогулки в весеннем лесу. Он уже не игнорировал ее как раньше. Хотя во многом она еще была ребенком, он ее, по крайней мере, уже замечал. Федерика была настолько охвачена своей влюбленностью, что не могла больше ни на чем сосредоточиться.

Наступил день свадьбы Элен, и Федерика проснулась с тем же ощущением обреченности, которое преследовало ее на протяжении последних нескольких месяцев. Она выглянула в окно и задержала взгляд на унылом пейзаже прохладного октябрьского утра. Укутанное облаками небо проглядывало сквозь позолоченные листья и серебряные капли росы, рассыпанные повсюду, как воплощение пролитых слез. Она обвела взглядом комнату и подумала, что этот дом стал для нее родным, и сейчас, перед предстоящей разлукой, она полюбила его еще больше.

«Как хорошо повзрослеть, — подумала она, — тогда, по крайней мере, я смогу принимать собственные решения». Но пока ей было только четырнадцать, и нужно было подчиняться матери. В задумчивости она сидела за завтраком, в то время как мать металась по дому, охваченная предсвадебной лихорадкой в поисках туфель, затем косметики и, наконец, самого подвенечного платья, которое она забыла в шкафу у Полли, где было менее сыро. К собственной досаде, Федерика вдруг обнаружила, что занимается уборкой разбросанных матерью вещей, наливает ей бесконечные стаканчики вина и стоит возле нее, как невольный ассистент, принимая букеты цветов, свадебные подарки и отвечая на телефонные звонки. Полли сидела с дочерью в спальне, пока стилист занимался волосами Элен, и старалась не дать ей слишком много выпить.

Хэл лежал на кровати, играя в компьютерную игру, всем своим видом демонстрируя абсолютное равнодушие к хаосу, который царил вокруг.

Во время свадьбы матери Федерика пребывала в мрачном настроении, но не позволила себе заплакать. В тот момент, когда она подумала, что хуже всего происходящего уже ничего быть не может, в церкви появился Сэм с новой подружкой, картинно повисшей на его руке. Девушка была высокой, с длинными темными волосами и длинными ногами, уверенно вышагивавшими под очень короткой розовой юбочкой. Федерике захотелось уползти за ближайший могильный камень и умереть.

Свадебную церемонию в деревенской церкви проводил преподобный Бойбл, который специально для этого случая отдал в химчистку свои парадные одеяния и так начистил туфли, что они сияли под подолом его ряссы, как парочка серебряных рыбок.

Отец на церемонии не присутствовал, поскольку Элен настояла на том, что в числе приглашенных обязательно будет Джулиан. Полли просила его не дурить.

— Ну правда, Джейк, ты ведешь себя как ребенок, — сказала она и оставила его в кухне среди армады игрушечных кораблей. — Эта глупая вражда слишком затянулась! Честно говоря, тебе следовало бы забыть о ней хотя бы ради свадьбы дочери.

Тоби, исполнявший роль шафера, в тревожном ожидании стоял в конце прохода рядом с Артуром, лоб которого от волнения усеяли капли пота, а пуговицы на пиджаке были расстегнуты из-за охватившего его жара. Тоби подмигнул Федерике, которая, несмотря на свое жалкое состояние, умудрилась выдать из себя слабую ответную улыбку. Он не был до конца уверен, что не согласен с мнением племянницы о недостатках Артура как супруга Элен. Потом он взглянул на гостей, приглашенных Артуром, и подумал, что если бы был косоглазым, то вместо них увидел бы сплошное серое пятно. Федерика уставилась на свои ярко-красные туфли и захотела трижды пристукнуть каблуками и, вымолвив заклинание, снова оказаться в Чили.

В тот момент, когда должна была появиться невеста, перешептывания присутствующих прекратились и воцарилась выжидательная тишина. Преподобный Бойбл важно поднялся на неф, и металлический перестук его каблуков заглушил последние обрывки шепота. Все повернулись лицом к двери, но, когда она распахнулась, вместо невесты появились Молли и Эстер, которые стремительно промчались по проходу, зажав рты руками, чтобы сдержать душивший их смех.

— Вот дряни, — прошипел Сэм своей подружке. — Они снова добрались до моих запасов. Черт бы их побрал. — Действительно, Молли пронюхала, где брат хранит свою «травку», и знала, как набить косячок. Ингрид поймала взгляд Сэма и укоризненно склонила голову набок, но он только пожал плечами, снимая с себя всякую ответственность. Эстер помахала Федерике, мрачно посмотревшей на них, но ей было слишком весело, чтобы заметить упадническое настроение подруги.

Когда наконец появилась Элен, одетая в сногшибательно украшенное платье цвета слоновой кости, по рядам присутствующих пронесся вздох восхищения, за которым последовал приступ удушья, вызванный изумлением. Невесту вел не кто иной, как Нуньо.

— О Господи! — воскликнула Ингрид. — Что это папа делает?

Обычно хмурое выражение лица Иниго смягчилось, а уголки его рта тронула улыбка.

— А вот теперь это просто замечательно. Великолепно, — воодушевленно произнес он, потирая руки.

— Что ты хочешь этим сказать, дорогой? — спросила Ингрид, толкая его локтем.

— Представляешь, это слепой ведет слепого. — Он тихо засмеялся.

— Элен вовсе не слепая.

— Но ведь она выходит замуж за эту репу, — пояснил он и снова негромко, но от души захохотал.

— Ну, в этом, полагаю, ты прав, — согласилась Ингрид. — После брака с восхитительным Рамоном это напоминает деловое соглашение, — добавила она, вспоминая красавца из Чили, доставившего им своим общением так много удовольствия, прежде чем исчезнуть, едва появившись.

— А где дедушка? — шепотом спросила Федерика у своей бабушки, временно выныривая из темной пещеры жалости к собственной персоне. Полли пожалала плечами и посмотрела на Тоби, который, в свою очередь, беспомощно смотрел на нее.

— О, дорогая, — печально вздохнула Полли. — Мне жаль, но Джейк не сумел побороть себя.

Элен уже десять минут ждала отца у церкви. Она понимала, что существует большая вероятность, что он вообще не появится, и приготовилась войти в церковь без него в сопровождении только Хэла. Она не рассердилась, хотя и опечалилась. Если его предрассудок не смогла смягчить даже свадьба дочери, то она не представляла себе, какое событие могло бы заставить его отступить от своих принципов. Когда преподобный Бойбл начал нервно теребить свой молитвенник и кривить рот, Элен поняла, что уже не может оттягивать начало церемонии, даже с учетом того, что речь шла о ее собственной свадьбе. Джулиан, занимавшийся свадебными фотографиями, сделал последний снимок взволнованной невесты, и молча скрылся в церкви. Элен кивнула священнику, чтобы начинал, и подмигнула Хэлу, который красовался в матросском костюме и горделиво улыбнулся ей в ответ.

Внезапно у самой двери ее остановили отрывистые слова Нуньо.

— Моя дорогая, а где же ваш посаженный отец? — спросил он, двигаясь по дорожке рысцой, как на воскресной прогулке.

— Нуньо, — обрадовалась она, поворачиваясь.

— Боюсь, что я опоздал, — сказал он, глядя на свои золотые часы, висевшие на цепочке.

— А я подумала, что вы собираетесь сказать мне, что «пунктуальность — это то, что ворует наше время».

— Нет, дорогая, это время ворует наш возраст, а заодно крадет у нас различные способности, включая и способность помнить о важных событиях, таких, например, как ваша свадьба. Я вспомнил о ней только потому, что завязал узелок на носовом платке, но еще пятнадцать минут у меня ушло на то, чтобы вспомнить, по какому поводу я это сделал. Как видите, дорогая моя девочка, годы и возраст крадут у нас все подряд.

— Ладно, тогда вам лучше зайти, — предложила она, заметив, как толстые пальцы преподобного Бойбла нетерпеливо барабанят по требнику.

— Бог подождет, добрый человек, — произнес Нуньо и фыркнул.

Пальцы прекратили выбивать дробь, и священник застыл от неожиданности, широко раскрыв рот.

— Послушайте, Нуньо, — сказала Элен, и в ее глазах засверкал отблеск осенившей ее мысли. — Сделайте мне одолжение.

Когда Нуньо вел Элен за руку к мужчине, который через несколько минут должен был стать ее мужем, она огромным усилием стряхнула с себя мысли о Рамоне и собственную нерешительность. Она сосредоточилась на Артуре, вспомнила его доброту и то, как он ее обожает, и ее разум очистился от сомнений. «Я буду достойна тебя», — подумала она, когда его влажная рука нашла ее ладонь и он радостно ей улыбнулся. Его глаза сказали ей, что она выглядит прекрасно, и она вернула ему улыбку от всего сердца.

Нуньо подошел к своему месту рядом с дочерью и тут же услышал приглушенные взвизгивания Молли и Эстер, которые, сидя в следующем ряду, раскачивались туда-сюда, как два часовых маятника.

— Жизнь бьет ключом, — рассеянно заметила Ингрид, с укоризной качая головой.

— Это что, сейчас так принято качаться, да? — спросил он усаживаясь.

— Ну что ты, па. Они ведь еще дети, — ответила она, открывая программку службы.

— Нет, моя дорогая, они твои дети, и, если они будут продолжать визжать, как пара

фермерских поросят, я попрошу тебя отослать их отсюда вон, — фыркнул он, торжественно задирая подбородок и полностью переключая свое внимание на свадебную церемонию.

Служба была долгой за счет обильности речей преподобного Бойбла, обожавшего слушать, как звук его голоса, вдохновляемого самим Господом, эхом отражается от каменных стен церкви. Это было гораздо лучше, чем распевать гимны в ванной комнате. Взгляды присутствующих были прикованы к нему, и все жаждали услышать его слова, благословляющие их на узкой тропе, ведущей к Богу. Свадьбы относились к разряду его излюбленных служб, поэтому он старался затянуть брачную церемонию подольше, не только для себя лично, но и на благо счастливых пар и их друзей, собравшихся, чтобы послушать его. Священник был настолько захвачен остроумием и интеллектуальностью своей речи, что пропустил момент, когда глаза собравшихся наполнились скукой, а атмосферу службы стал нарушать барабанный бой, нервозно осуществляемый пальцами прихожан, которым оставалось только гадать, когда это все закончится.

Когда все наконец закончилось, гости стали торопливо выходить из церкви, за исключением Артура, который покинул храм с важным видом победившего в тяжелом бою гладиатора.

— Моя дорогая жена, — напыщенно произнес он, целуя ее бледную щеку. — Моя дорогая, любимая жена. Отныне мы принадлежим друг другу навеки.

— Да, — ответила она, подавляя неприятный комочек сомнений, которые вновь охватили ее сердце. — Навсегда, — повторила она, не желая в данный момент особо задумываться над тем, что это означает.

Попозировав с улыбками для фотографий Джулиана, они забрались в запряженную лошадьми карету и медленно отправились домой на праздничную вечеринку. Теплый осенний свет окрашивал небо в цвет пламени, по мере того как на землю опускался вечер, а солнце приступило к своему извечному спуску над западной линией горизонта.

— Ты так прекрасна, Элен, — сказал Артур, взяв ее за руку. — Я самый счастливый из мужчин.

Элен, внезапно захваченная прелестью уходящего дня и любовью, мелькнувшей в глазах ее нового мужа, сжала его руку.

— Я счастлива, что ты у меня есть, — искренне ответила она, вглядываясь в мягкие черты его лица, обещавшие ей жизнь в довольстве и любви. — В знак благодарности тебе я заявляю, что начинаю новую жизнь и собираюсь бросить курить. Я действительно очень счастлива, что ты захотел связать со мной свою жизнь.

— Нет, моя дорогая. Это мне необычайно повезло, и я думаю об этом каждое мгновение. — Он склонил голову и поцеловал ее. Элен закрыла глаза и отдалась во власть ощущения безопасности, которое вызывало у нее его присутствие. Это успокоило ее нервы и еще раз напомнило обо всех тех причинах, по которым она выбрала в мужья этого человека.

Когда стали прибывать гости, жаждавшие подкрепиться, Полли засновала между кухней и навесом, который соорудили в саду, с тарелками, наполненными лепешками и сэндвичами, а Тоби позаботился, чтобы у всех были наполнены бокалы с шампанским.

Эстер и Молли обнаружили Федерику сидевшей в одиночестве в своей спальне.

— Мы тебя уже больше часа ищем, — сообщила Эстер, присаживаясь рядом с ней на кровать.

— С тобой все в порядке? — спросила Молли. — Ты выглядишь подавленной.

— Я не хочу уезжать из Польшерро, — несчастным голосом произнесла Федерика и зашмыгала носом.

— Мы тоже не хотим, чтобы ты уезжала, — сказала Эстер.

— Мне не нравится Артур, — сообщила она, скрещивая перед собой ноги. — Теперь он стал моим отчимом. Жуть.

— Он не такой плохой, — заметила Молли.

— Но он — это не папа.

— Ну конечно, куда ему до Рамона, — согласилась Молли и захихикала. — Никто не может сравниться с таким красавчиком, как твой отец.

— Но он не приехал, — констатировала Федерика, опуская глаза. — А я была уверена, что он сразу же примчится сюда.

— Может быть, он не получил твое письмо, — высказала предположение Эстер, обнимая подругу.

— Возможно.

— Я знаю способ, как тебя взбодрить! — Молли подмигнула сестре и запустила руку в свой карман.

— Отличная идея, — поддержала ее Эстер, причмокивая губами.

— А что это? — заинтересовалась Федерика.

— Одна из особых сигарет Сэма. Мы ее не докурили, — нервно хохотнула Эстер. — Нас ведь никто здесь не найдет, правда?

— Эстер, это называется «травка», и никто, никто не собирается нас здесь искать, — заверила Молли, щелкая зажигалкой. — Это надо курить как сигарету, — уточнила она.

— Я никогда не курила сигарету.

— Хорошо, тогда сегодня ты научишься кое-чему новому, — сказала Молли, закуривая. — Открой окно, Эстер. — Девочка широко распахнула окно, и в комнату ворвались негромкие звуки музыки, заглушавшие низкий гомон голосов.

— Похоже, что они неплохо проводят время, — заметила Молли, передавая сигарету Федерике. — А теперь глубоко вдохни в себя, удержи дым на несколько секунд и выдыхай. — Только ради бога, постарайся обойтись без этих приступов кашля, как у малолеток.

Федерика была решительно настроена не кашлять. Она сунула сигарету в рот и вздохнула так глубоко, как могла. Обе сестры в изумлении наблюдали, как ее лицо побагровело, пока она старательно задерживала дыхание.

— Классно сделано, — одобрила Молли, забирая сигарету и передавая ее Эстер.

Федерика быстро выдохнула и стала жадно глотать воздух.

— Как оно, чувствуется? — спросила Молли.

— О'кей, — сказала Федерика, которая вообще ничего не ощутила.

— Сделаем еще один заход, — скомандовала Молли, делая затяжку, прежде чем передать косяк Федерике.

Спустя несколько минут Молли и Эстер неудержимо хохотали, как парочка гиен, а Федерика иступленно рыдала, не в силах остановиться.

— Я люблю Сэма, — стонала она. — Я правда его люблю. Я ничего не могу с этим поделать. Но он никогда даже не смотрит на меня. Я слишком мала для него, да к тому же уродлива. Я совсем не такая, как та модель, которую он притащил с собой сегодня. Думаю, это была его девушка? — спросила она.

Эстер и Молли засмеялись еще громче.

— У тебя не может быть любви с Сэмом, он уже взрослый мужчина! — компетентно заявила Молли. — В любом случае, его интересует только одно. Все они одинаковы.

— И то, что его интересует, — вовсе не поэзия, — ухмыльнулась Эстер.

— Эстер, это так умно.

— Правда?

— Ты сейчас сказала нечто очень смешное.

— Ладно, так это его подруга? — всхлипнула Федерика.

— На данный момент — да, но бьюсь об заклад, что уже через неделю он заменит ее очередным экземпляром. У него каждую неделю новая пассия. Недельная доза Сэма, — пояснила Молли. — Лично меня не интересуют мужчины, которым нужен только секс. Мне необходим умный человек.

— Сэм — умный человек.

— Да, верно, Феде, но его ум в данный момент расположен на вполне определенном участке тела, — заметила Молли, и они с Эстер просто попадали от смеха.

Федерика стала всхлипывать еще сильнее.

Наконец до Молли дошло, что от «травки» Федерике становится только хуже, и, опасаясь, что она может покончить с собой в приступе отчаяния, Молли попросила Эстер, чтобы та быстренько нашла Тоби или Джулиана.

— Не расстраивайся, Феде, в конце концов ты со временем забудешь о Сэме. Тебе не нужен кто-то, кто гораздо старше тебя. Боже мой, когда тебе будет двадцать, ему будет уже двадцать девять. И, кроме того, ты ведь не намерена стать Федерикой Эплби?

Едва заплаканная Федерика собралась ответить, что не желает ничего большего, чем стать Федерикой Эплби, как дверь отворилась и в комнату влетели запыхавшиеся и озабоченные Тоби и Джулиан.

— Ладно, девочки. Почему бы вам не оставить нас с Федерикой и не вернуться на вечеринку? — предложил Джулиан, разгоняя руками сигаретный дым.

— Вы напрасно тратите эту травку, — сердито заметил Тоби. — И к тому же еще слишком молоды, чтобы ею баловаться.

Молли и Эстер поспешно удрали из комнаты. Они вовсе не намерены были выбрасывать свой драгоценный порошок, поскольку доставался он им с большим трудом: Сэм постоянно менял места, в которых его прятал.

* * *

Тоби сел рядом с Федерикой и обнял ее, а Джулиан устроился на стуле напротив.

— Это ужасный для тебя день, — сказал Тоби, целуя ее мокрое лицо. — Но и он скоро закончится...

— Но я не хочу уезжать из Польперро.

— А, — сказал Тоби, поднимая брови в сторону Джулиана. — Я совсем позабыл об этом. Джулиан, посиди, пожалуйста, с Феде, пока я на секунду отлучусь вниз. Мне нужно там кое-что сделать. — Джулиан занял его место возле Федерики и обнял ее.

— Я влюблена в человека, который меня совсем не любит, — сообщила она, страдальчески глядя на Джулиана.

— Как он смеет тебя не любить? — удивленно сказал Джулиан. — Скажи мне, кто он, и я убью его.

— Сэм Эплби, — всхлипнула Федерика.

— О да, он очень привлекателен, — согласился Джулиан. — И к тому же весьма умен. Я люблю умных мужчин. И похоже, он знает толк в чувствах. У тебя очень хороший вкус, Феде.

— Но я еще слишком мала для него, — пожаловалась она.

— Это не совсем так, — пояснил Джулиан. — Хотя на данный момент это верно. Тебе сейчас сколько? Четырнадцать, а ему двадцать два или двадцать три? Те женщины, которых он сейчас выбирает, значительно старше, чем ты, и готовы с ним спать. Именно это ему сейчас и нужно. Все мужчины одинаковы. На твоём месте я бы на некоторое время поместил его в ледник, как хорошее шампанское, и сохранил до будущих времен.

— Но я не могу ждать так долго, — запротестовала она.

— Конечно, можешь. Если тебе действительно кто-то нужен, ты будешь ждать его целую вечность. Я бы ждал Тоби целую вечность.

— Ты счастливый, что у тебя есть Тоби, — сказала она. — А у меня никого нет.

— У тебя есть мы, и мы позаботимся о тебе, — заверил он, крепко обнимая ее.

— Мне кажется, что мне уже все равно. У мамы есть Артур, а у Хэла есть мама. Папа мне уже больше не пишет, может, он умер? — размышляла она. — Артур никогда не будет мне отцом. Никогда. Лучше уж мне умереть.

— Но он и не собирается быть твоим отцом, — заметил Джулиан. — У него своих детей хватает. Он хочет быть только мужем твоей матери, и ты не можешь его за это обвинять. Она очень красива и вовсе не так проста. Артур, можно сказать, заслуживает медали за усердие.

— Может быть.

— А она заслуживает немного счастья, как ты думаешь?

— Да, — ответила Федерика, смиренно вздохнув.

— Печально, когда разрушается брак, — это драма и для родителей, и для детей. Но нельзя опускать руки и просто плыть по воле обстоятельств, — сказал он. — Возможно, когда-нибудь ты сама сможешь поехать и навестить своего отца. Когда ты станешь старше, тебе не нужно будет ни у кого спрашивать разрешения.

Дверь открылась, и в комнату вошел Тоби. По тому, как сияло его лицо, Джулиан понял, что у него хорошие новости. Федерика смотрела на него с надеждой, пытаясь догадаться, что хорошего могло принести его двухминутное отсутствие. Он уселся напротив нее и взял ее руки в свои.

— Я заключил сделку с твоей матерью. Сегодня она в отличном настроении, так что время для такого разговора было самое идеальное.

— Разговора о чем? — спросила Федерика, не представляя, о чем идет речь.

— Значит, так, — ответил он, улыбаясь. — Если хочешь, ты можешь продолжать учиться в той же школе и жить со мной и Джулианом в течение рабочей недели, при условии, что будешь возвращаться к своей матери и Артуру на выходные.

Федерика чуть не задохнулась от изумления.

— Она правда согласилась? — воскликнула она, вытирая лицо рукавом.

— Она это сделала.

— А Раста?

— И Раста. Полагаю, что мы справимся с вами двумя. — Он рассмеялся.

— О, спасибо тебе, дядя Тоби! — воскликнула Федерика, обнимая его за шею. — Я просто не могу в это поверить.

— Это будет как недельная школа-пансион, — заметил Джулиан.

— Ты сможешь давать мне уроки фотографии, — щебетала она, — а я буду печь вам торты и заниматься хозяйством. Вы даже не догадываетесь, как вам повезло. Я очень аккуратная и великолепно готовлю. Я не доставлю вам никаких хлопот, — добавила она, не в силах сдерживать свою радость.

— Торты за уроки фотографии — это звучит неплохо, — заметил Джулиан, одобрительно кивая Тоби.

— А можно я сегодня же перееду к вам?

— Как только у твоей мамы начнется медовый месяц и она уедет, а также при одном условии, — сказал Тоби.

— Что за условие? — встревоженно спросила Федерика.

— Что ты будешь добра к Артуру.

— А, ладно, — согласилась она и с озорством добавила: — Я больше не буду называть его старым пердуном.

Джейк сидел в своем кабинете и тихо злобствовал. Он хотел бы присутствовать на свадьбе дочери, но Элен не оставила ему выбора. Она не готова была пожертвовать любовником брата ради собственного отца, что глубоко уязвило Джейка. С Элен всегда возникали проблемы. Еще с детства она привыкла, что все вокруг нее бегают. Она была слишком упряма и всегда получала то, что хотела, ну, скажем, почти все. Он жалел Артура и гадал, хватит ли у того выдержки, чтобы удовлетворить все ее прихоти. Отец Элен догадывался, что она до сих пор не забыла Рамона, хотя никогда об этом не говорила. Она долго размышляла над бумагами для развода, не желая их подписывать, хотя знала, что должна это сделать, поскольку развод был ее выбором. Таким же, как и первоначальное решение об отъезде. Проблема с Элен, размышлял он, состоит в том, что она толкает людей к краю до тех пор, пока им не остается иного выбора, как только сдаться на ее милость. Возможно, вначале она рассчитывала на то, что Рамон откажется ее отпустить, а потом — на то, что он не даст ей развода. Но он был сильнее ее. Она сделала свою ставку и проиграла. Артур же был беспроигрышным вариантом. Видимо, после всех своих судьбоносных сражений она стремится к спокойной жизни. Но разве не этого хотим все мы, подумал он печально, поднимая со стола крошечный деревянный бочонок для пиратского корабля, который мастерил.

Следующий год оказался счастливым для Федерики и грустным для Джейка. В то время как Федерика жила в полном согласии с дядей Тоби и Джулианом, пекла торты, училась фотографии и ездила на велосипеде в Пиквистл Мэнор, как и раньше, Джейк еще глубже погрузился в свое хобби — изготовление миниатюрных моделей, крайне недовольный тем обстоятельством, что дочь разрешила Федерике жить с гомосексуалистами в таком возрасте, когда девочки бывают наиболее впечатлительными. Полли пыталась с ним спорить, но это ни к чему не привело.

Единственный нюанс состоял в том, что, в зависимости от настроения, его оценки колебались от терпимой фразы «Это неправильно» до самой острой — «Это отвратительно».

Однако возникшая ситуация вполне вписывалась в план Элен, которая была уверена, что сможет в конце этой затянувшейся битвы нервов «дожать» отца, заставив понять, что Тоби имеет право на личную жизнь.

Полли посылала Элен фотографии Джейка для ее альбома, но Элен только смеялась и отсылала их обратно.

— Правда, мама, я прихожу к выводу, что не ты, а папа является эксцентриком в нашей семье, — сказала она.

Полли, хотя и не подавала виду, скучала без дочери и внучат и постоянно искала предлоги, чтобы отправиться в коттедж Тоби и навестить Федерику.

— Знаешь, Джейк, а Федерика очень счастлива, — доложила Полли в один из дней, когда стала свидетелем возвращения внучки с прогулки вместе с Тоби и Джулианом на лодке, названной в честь сестры «Элен».

Щеки Федерики покраснелись от ветра, и все весело смеялись. Тоби нес корзину для пикника, заполненную пустыми тарелками от еды, приготовленной Федерикой, а Джулиан делал фотографии. Позади этой компании усталой трусцой перемещался Раста, растолстевший от их вегетарианских пирогов и изнуренный бесконечными играми на берегу.

— Они все так превосходно выглядели и смотрелись как совершенно нормальная семья, — продолжила она, не заботясь о том, слушает ее муж или нет. Она хотела поделиться своей радостью, и его предрассудки не могли ее остановить. Он продолжал максимально сосредоточенно смазывать маленькие кусочки дерева клеем и стыковать их вместе. — Тоби для Федерики как отец. Я думаю, что Элен, позволив ей жить с ними, совершила самый хороший поступок в своей жизни. Она сейчас уже такая взрослая, стала юной леди и все умеет делать сама, она им готовит и заботится о них, как маленькая мать. Я так горжусь ею. Так горжусь! Джулиан научил ее фотографировать. Знаешь, у нее есть к этому делу талант. Да, это правда. Она поместила некоторые снимки в рамки и повесила на стене. Это именно то, что ей сейчас нужно больше всего, а нужен ей отец. Теперь у нее их целых двое. — Она осторожно скосила глаза на мужа, но тот продолжал увлеченно возиться со своей моделью, будто вообще ничего не слышал.

Когда Эстер обратилась к матери с идеей по поводу вечеринки в честь своего шестнадцатилетия, Ингрид немедленно позвонила Элен и предложила провести ее совместно для Эстер и Федерики.

— Мы убьем двух пташек одним камнем, — сказала она, зная, что самостоятельно не

способна организовать такое масштабное мероприятие.

— О какой именно вечеринке идет речь? — поинтересовалась Элен, гадая, известно ли Ингрид хоть что-нибудь о шестнадцатилетних подростках и о том бедламе, в который они могут превратить ее дом.

— Ну, что-нибудь такое веселенькое под навесом, — рассеянно сказала она.

Элен улыбнулась блаженной отстраненности Ингрид.

— И что они будут есть?

— Ну, это будет буфетная стойка, как я себе представляю. Что-нибудь организуем, — сообщила она так, будто речь шла о каком-то пустяке.

— И на сколько человек?

— А сколько у них друзей? — бездумно ответила вопросом на вопрос Ингрид, сознание которой уже сосредоточилось на молочном вечернем небе и невероятной красоте озера, которое в это время года превратилось в приют для множества гнездящихся птиц.

— Почему бы нам не собраться вместе с ними и не обсудить эту тему? — предложила Элен, заметив, что внимание Ингрид переключилось на другие объекты.

— Дорогая, это отличная идея. Приходите завтра на чай вместе с Федерикой. — Затем, немного подумав, она добавила: — И прихватите Хэла — здесь будут Джои и Люсьен, и я знаю, что они будут рады с ним встретиться. Мы уже давно не видели у себя Хэла.

Хэлу очень нравился Артур. Он редко вспоминал отца, и то только тогда, когда туман в его памяти рассеивался настолько, чтобы он мог четко его себе представить. Это была довольно смутная память о человеке с внешностью волка и властными повадками короля. Когда он был ребенком, то боялся Рамона, но сейчас этот страх остался только в мыслях. Другое дело Артур, который помогал ему ощущать свое особое положение. Артур тратил на него свое время, воодушевлял его и никогда не критиковал. Любовь Артура к Элен была всепоглощающей, но при этом никогда не создавала преград между ней и ее сыном. Он понимал их близость и был тронут этим обстоятельством. Артур старался стать хорошим отцом для Хэла и был вознагражден доверием и привязанностью мальчика. Элен ожидала, что Хэл будет ревновать ее к их трогательным взаимоотношениям с Артуром — это было бы вполне естественно, но, к ее удивлению, Хэл относился к нему так, как никогда не относился к собственному отцу.

Только в душе у Федерики еще горела свеча памяти о Рамоне.

Элен с удовольствием наблюдала, как Артур постепенно, но убедительно заставляет всех в Польперро полюбить себя. Появившись здесь в качестве почти комической фигуры, над которой подсмеивались, он со временем завоевал уважение целого городка благодаря общительности и доброжелательности. Он всегда улыбался, у него обязательно находилось время, чтобы поговорить с людьми, он никогда не перебивал их, выслушивая их проблемы, давал толковые советы и никогда не разносил сплетни о том, что ему рассказывали. Он оказался человеком, которому можно было довериться. Даже Ингрид стала хорошо к нему относиться после того, как он снискал ее расположение, проявив неожиданно солидные познания о птицах и выказав искреннюю любовь к животным. Он помог Эстер в спасении ежей и восхвалял любимый винный погреб Иниго. Нуньо нарек его Артуро, что всем очень понравилось и быстро прижилось. Одна только Федерика продолжала назло называть его Артуром. Элен была крайне недовольна нежеланием дочери подружиться со своим отчимом. Уже за одно это она не заслуживала, чтобы ей устраивали вечеринку.

— Веселье на вечеринке — это не более чем безумие всех ради блага немногих, — продекламировал Нуньо, наливая Элен чашку чая. Он вопросительно поднял свои густые брови, которые постарели вместе с ним и напоминали теперь две седые океанские волны.

Элен в недоумении покачала головой.

— Извините, Нуньо, но я снова признаю свое поражение, — сообщила она, улыбаясь ему.

— Да, для острого ума юного Сэмюэля, будь он здесь, это заняло бы не более мгновения. — Он вздохнул, ставя на стол чашку. — Александр Поп, моя дорогая, — сказал он. — Женщина в идеале — это молчаливое противоречие, — добавил он с ухмылкой. — Это тоже его высказывание.

— Ладно, па, хватит разыгрывать тут спектакль, у меня уже голова кружится, — взмолилась Ингрид, делая глоток чая. — Насколько я вижу, ты уже не куришь, Элен, — констатировала она, обратив внимание, что Элен, кроме того, больше не нервничает. — Должно быть, Артуро создал для тебя мир добра.

— Да, он это сделал. Я просто счастлива. Хотя иногда бывает, что мне хочется сигаретку, — призналась она. — А он очень терпим к слабостям. Мне так повезло.

— Как здорово. Хотела бы я, чтобы это услышал Иниго. Единственный признак его присутствия в доме за последние дни — это его мрачное настроение, просачивающееся из-под двери кабинета. Неужели все философы такие нытики?

— Моя дорогая, они размышляют над великими тайнами жизни, которые невозможно объяснить. Это, безусловно, их деморализует, — мудро заметил Нуньо.

— Тогда ему следует заняться философскими изысканиями в отношении себя самого, тут нет особой тайны, — ответила она.

— Но это еще больше деморализует, — возразил Нуньо.

— Хорошо, давайте больше не отвлекаться, — предложила Элен. — А где девочки, нам пора обсудить их вечеринку.

— Конечно, — ответила Ингрид, закуривая. — Вечеринка... Я не могу представить себе ничего более привлекательного, чем веселая гурьба молодежи, пирующая под навесом. Как романтично, тент в саду! Совсем как твоя свадьба, Элен. Жаль, что Молли слишком молода для обручения, в противном случае мы могли бы использовать это мероприятие с большей пользой.

* * *

Дата приема была назначена на субботний день в июле, примерно посередине между днем рождения Федерики в июне и днем рождения Эстер, который выпадал на август. Предполагалось организовать большой навес на лужайке с видом на озеро, Ингрид хотела, чтобы молодые люди насладились великолепием водной поверхности на закате. Когда Элен предложила оплатить половину затрат, Ингрид махнула рукой, сказав, что это пустяки.

— Это самое меньшее, что Иниго может сделать, и, кроме того, он будет платить, но не будет участвовать. — Она озорно рассмеялась.

Элен боялась даже думать, во сколько обойдется это мероприятие, поскольку у девушек было слишком много идей. Они хотели, чтобы присутствовали полторы сотни друзей, чтобы было обслуживание, дискотека, площадка для танцев и море алкоголя. Ингрид предложила

фруктовый пунш, но Нуньо настаивал на том, что все должны пить вино.

— Если вы будете обращаться с ними как с детьми, они и будут вести себя как дети, — заявил он. — Дайте им вина, и они продемонстрируют вам изысканность парижских аристократов.

Элен не думала, что здесь есть хоть какое-то различие: пьяные парижские аристократы вряд ли сильно отличаются от пьяных корнуолльских школьников.

В тот вечер, когда состоялся прием, стояла типичная для Англии летняя погода. Почти весь день шел дождь, время от времени прекращаясь на короткие промежутки времени, так что Польшерро то ярко освещался обилием солнечного света, то погружался в тень облаков. Федерика упаковала в чемодан необходимые ей для предстоящего мероприятия вещи, и Тоби в полдень отвез ее в Пиквистл Мэнор.

— Я не вынесу, если во время вечеринки будет идти дождь, — пожаловалась она. — Ингрид так старалась, чтобы сад стал красивым.

— Не слишком увлекайся иллюзиями, дорогая, — успокоил ее Тоби, улыбаясь. — Поверь мне, что совершенно никого не будут интересовать прелести сада, все будут заняты лицецерением друг друга.

— Все равно, когда дождит, это не слишком весело.

— Не согласен, когда вокруг хаос, то веселье становится гораздо более бурным. На твоём месте я бы наоборот рассчитывал на дождь.

Когда они подъехали к дому, сердце Федерики екнуло. У обочины пристроилась бело-зеленая машина Сэма.

Со времени свадьбы матери Федерика почти не виделась с Сэмом. Он уже давно окончил Кембридж и по совету Нуньо в течение года жил и работал в Риме, прежде чем вернуться к финансовой деятельности в Лондоне. Нуньо был возмущен, что он «потратил свой драгоценный ум» на карьеру, которую мог сделать обладатель половины его мозгов, но Сэм уверил его, что все это временное явление; он просто хотел узнать, как именно работает Сити. Федерика все это время мечтала снова увидеть здесь его авто, но теперь, когда он приехал, она запаниковала, переживая, что опять не будет знать, что сказать ему при встрече. Она хотела бы сейчас быть старше, выше, красивее и увереннее в себе.

— Тоби, Сэм приехал, — сказала она взволнованно.

— Хорошо. Наступило время и ему увидеть, как ты превратилась в прекрасную девушку, — ответил он, припарковывая машину рядом с домом.

— Я боюсь.

— Конечно, ты испугана, но это делает ситуацию еще более волнующей. Если бы ты не боялась, то не была бы собой, а ты так прелестна.

— Но ты так говоришь, потому что ты — мой дядя. — Она засмеялась.

— Но я еще и мужчина, — сказал он, коснувшись ее подбородка. — И я вполне искренне говорю, что ты прекрасна. Поэтому смело иди вперед и будь сама собой. Он даже не представляет, какое потрясение его ждет.

Федерика с благодарностью поцеловала дядю и вышла. Тоби из машины наблюдал за ней и думал о том, что она сейчас выглядит как созревающий плод на яблоне. Пока она еще зелена, но при правильном уходе превратится в действительно превосходное яблочко.

Федерика открыла дверь в то самое мгновение, когда небеса снова разверзлись, поливая землю стрелами дождя.

— Черт побери! — воскликнула Эстер, бросаясь к ней. — Хвала Господу, что ты уже здесь. Ну и погода!

— Она будет превосходной, дорогая, — заверила Ингрид, проплывая по холлу с горшком орхидей. — Они украсят интерьер вашего тента.

— Мама думает, что мы даем гала-концерт для молодых дарований. Она не совсем в курсе дела, — шепнула Эстер, заговорщицки улыбаясь. — Проблема в том, что вечером нас будут патрулировать Сэм и его приятель Бен.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Федерика, краснея при упоминании его имени.

— Будут нас контролировать. Проверять, чтобы не было озорства в кустах. — Она захихикала.

— Если погода не изменится, никто не захочет искать приключений по кустам, — заметила Федерика, сердце которой наслаждалось сладостным предвкушением встречи с Сэмом.

Когда Федерика и Эстер прошли через гостиную, а затем через французские двери к тенту, Сэм помахал им рукой и затем сказал Бену:

— Она просто маленькая темная лошадка.

— Что, кто? — лениво спросил Бен, раскинувшийся, как паук, на диване.

— Фе-де-ри-ка, — сказал по слогам Сэм, делая ударение на каждом слоге в манере, свойственной Нуньо.

— Она очень соблазнительна, приятель, — засмеялся Бен.

— Сейчас уже да. Но запомни мои слова, с возрастом она будет просто великолепна. Я уже долго наблюдаю за ней. Она отличается от всех прочих, в ней есть нечто непостижимое, и мне это очень нравится. Дай ей еще несколько лет, и она станет прекрасной молодой женщиной.

— Ну так зачем ждать?

— Ради бога, Бен. Я не способен лишать детей невинности. — Сэм картинно изобразил испуг и возмущение.

— Так это вечеринка по поводу ее шестнадцатилетия?

— Именно так, — ответил он.

— Тогда она уже созрела. Лучше возьми ее, пока тебя не опередили. Пожалуй, представь ей меня, я хочу взглянуть на нее поближе.

Бен последовал за Сэмом к тенту, под которым Ингрид самостоятельно размещала большие горшки с орхидеями, не обращая внимания на флориста, озабоченно украшавшего навес своими эксклюзивными изысками. Эстер и Федерика стояли, скрестив руки на груди, и наблюдали за ливнем, в то время как специально нанятые для предстоящего мероприятия официанты лихорадочно сновали вокруг расставленных столов и стульев. Уклонившись от осветителя и группы репетирующих музыкантов, Сэм и Бен направились к подругам.

— Хэлло, Феде. — Федерика повернулась и почувствовала, как сердце подпрыгнуло в груди, когда она увидела медленно приближавшегося к ней Сэма. Чем больше она старалась сконцентрироваться, тем ярче разгорались ее щеки. Она улыбнулась, стараясь вести себя естественно, и опустила глаза. — Это Бен, — сообщил Сэм. Бен протянул руку и, прищурившись, впился взглядом в ее лицо.

— Значит, полиция объявилась, — сказала она с улыбкой.

— Именно полиция, — подтвердил Сэм, запуская руки в карманы брюк. — Это единственный способ оправдать наше присутствие здесь.

— Мы не нуждаемся в полиции, — надулась Эстер.

— Это тебе сейчас так кажется, — засмеялся Сэм. — Но ты будешь очень рада оказаться под нашей защитой, когда все эти пьяные молокососы начнут из-за тебя драться.

— Надеюсь, что так и будет, — ответила она, не уточняя, что именно. — Но вы только посмотрите на это, — сказала она, выставляя руку под капли дождя.

— Я люблю дождь. Это так романтично, — заявил Сэм. Федерика избегала смотреть ему в глаза, но, несмотря на свои попытки, ощущала его взгляд на лице так же, как тепло от солнечных лучей. Она гадала, почему он внезапно проявил к ней такой интерес, и надеялась, что он уйдет прежде, чем близость его нахождения вызовет у нее приступ удушья.

— А я вот нет, — пожаловалась Эстер. — Ну почему из всех прочих дней дождь пошел именно сегодня? Здесь скоро можно будет грязевые ванны принимать.

— Тогда вы все сможете раздеться и устроить турнир по боям в грязи, — хохотнул Бен, глядя на друга в ожидании одобрения шутки. Эстер захихикала, а Сэм сменил тему разговора.

— Как тебе живется у дяди? — спросил он у Федерики. Он хорошо помнил их откровенный разговор на лесной поляне среди подснежников и то, как она боялась перспективы отъезда из Польперро.

— Отлично, спасибо, — ответила она, пытаясь прямо посмотреть на него, но, обнаружив, что близость его глаз невыносима, отвернулась. Она чувствовала себя довольно глупо, создавалось такое ощущение, будто ее язык слишком велик для собственного рта. Ей хотелось сказать нечто умное. — Джулиан дает мне уроки фотографии, — сообщила она, заполняя тишину, казавшуюся ошеломляюще звонкой и затянувшейся.

— Готов спорить, что ты уже стала специалистом, — отозвался он. — Тебе повезло с таким учителем, как Джулиан.

— Так и есть. Я видела некоторые из ее снимков, — подтвердила Эстер. Сэм заинтересованно поднял брови.

— Да ничего особенного, — смущенно вмешалась Федерика. — Пока еще нечем хвастаться.

— Карьера фотографа может быть очень привлекательной, — сказал Сэм, важно кивая головой. — Ты можешь работать где угодно и всегда остаешься своим собственным боссом. А свобода, скажу я вам, дорогого стоит.

— Я знаю. Но до такого уровня мне еще очень далеко.

— Время идет быстро, — заметил Сэм, вспоминая, как быстро, почти незаметно, пролетел прошлый год и насколько сильно он ее изменил.

— Надеюсь, что так, — согласилась Федерика, заметив, к своему изумлению, напряженное выражение на его лице, когда он смотрел на нее. Она была благодарна Эстер, когда та предложила пойти и переодеться к вечеринке.

— У нас уже нет времени, чтобы торчать здесь с вами, — сказала она, потянув Федерику за руку. А та была только рада скорее удалиться.

— Я никогда не поздравлял ее с днем рождения, — сообщил Сэм, наблюдая, как они скрываются в гостиной.

— У тебя будет прекрасная возможность для этого позже, когда будешь вытягивать ее из кустов вместе с каким-нибудь сопляком.

— Заткнись, Бен, — раздраженно прервал его Сэм. — Иногда ты становишься ребенком в гораздо большей степени, чем они.

Федерике понравилась горячая ванна в компании с Троцким, который свободно зашел в ванную комнату и занял пост на полу, поскольку ни одна из дверей в Пиквистл Мэнор не имела запоров. Он улегся, положив свою аристократическую голову на лапы и высунув язык, окруженный облачком пара. А Федерика тем временем мечтательно закрыла глаза и снова обнаружила Сэма в тайных уголках своего сознания. Она представила виртуальный мир, в котором все, что она говорила, было остроумным, толковым и к месту сказанным, где она никогда не краснела, не запинаясь и всегда восхитительно выглядела. В этом мире Сэм любил ее, и любил страстно. Он нежно и пылко целовал ее и ни на мгновение не расставался с ней. Его любовь была всепоглощающей. В его руках она ощущала себя в безопасности, свободной от сомнений и забот, которые молчаливо мучили ее в мире реальности.

Из глубин приятных мечтаний ее вывел громкий нетерпеливый зевок Троцкого, который вскочил на ноги и ожидал, пока ему откроют дверь. Федерика обнаружила Эстер перед зеркалом в ее спальне. Она уже высушила волосы, и Молли красила ей ресницы твердой рукой профессионального визажиста.

— После Эстер я займусь тобой, — заверила она Федерику.

Федерика, закутанная в большое полотенце, засомневалась.

— Не знаю. Я раньше никогда не накладывала макияж, — заявила она, морща нос.

— Послушай, сегодня вечеринка по поводу твоего шестнадцатилетия, и ты просто обязана шикарно выглядеть. Поторапливайся и быстренько надевай свое платье, — начальственным тоном скомандовала Молли, отходя от сестры, чтобы повосхищаться собственным творением. — Эстер, ты восхитительно выглядишь, — резюмировала она, проворными движениями приступая к нанесению румян.

Когда Эстер и Федерика снова появились под тентом, их платья, прически и макияж придали им холодно-утонченный вид девушек гораздо более старшего возраста. Молли горделиво стояла позади с видом няни и подталкивала их вперед для всеобщего обозрения и восхищения. Ингрид всплеснула руками и заявила, что они обе выглядят как принцессы. Элен поняла, что ее дочь выросла, и ощутила внезапный приступ печали о своем канувшем в Лету детстве. На Федерике было бледно-голубое платье без бретелек, которое очень шло к ее аквамариновым глазам. Молли с помощью шпилек соорудила ей высокую прическу. Она казалась невинной, но какой-то отдаленной от суеты жизни, в отличие от остальных подростков, которые или уже знали слишком много для своего возраста, или, наоборот, были излишне инфантильны. За последний год ее дочь необычайно расцвела, но не подозревала о собственных достоинствах, поскольку всегда была слишком неуверенной в себе.

— Вы обе чудесно выглядите, — одобрила она. — Чудесно, — повторила Элен задумчиво. Она хотела бы, чтобы Рамон оказался сейчас здесь и увидел их повзрослевшую дочь. Он был бы горд за нее. Она отбросила свои сожаления и слегка улыбнулась. — Тоби заберет тебя утром. Ты превосходно выглядишь, Феде, совсем как молодая женщина.

— *Че белле донне!* — продекламировал Нуньо, рысцой направлявшийся к тенту, щеголяя своим галстуком.

— Па, что, черт возьми, ты надел? — воскликнула Ингрид, осматривая его сверху донизу в недоумении. — Это *черный* галстук.

— *Кара миа*, я живу с собственным кодом одежды, — со вздохом заявил он. — Это бал моей внучки, и я надел его ради нее, чтобы выглядеть наилучшим образом.

— А ты уверен, что хочешь присутствовать на моей вечеринке, Нуньо? — засмеялась Эстер. — Ты выглядишь как пингвин.

— Я действительно взволнован, — сообщил он с поклоном. — Для меня честь находиться в компании двух прекрасных принцесс. Давайте отметим это событие бокалом шампанского!

Федерика была обескуражена отсутствием Сэма. Она чувствовала себя красавицей и хотела, чтобы он ее увидел. Пока следовали бесконечные тосты, произносимые Ингрид, Нуньо и ее матерью, она внимательно следила за французскими дверьми, и ее сердце трепетало в предвкушении его появления. Но он все не появлялся. Наконец она спросила у Эстер:

— А где наши полисмены?

— Подозреваю, что смотрят телевизор, — ответила та к разочарованию Федерики. — Они появятся, когда начнется балаган.

Балаган начался необычайно скоро. Гости прибыли и умудрились уничтожить почти все запасы спиртного еще до того, как уселись за стол. Никто не притронулся к еде, кроме Троцкого, который был замечен у одного из столов. Он, как огромный живой пылесос, одним плотком очищал тарелки. Когда Эстер оттащила пса в закрытый сад, гости набросились на еду в страхе, что все могут уничтожить другие представители животного мира, сновавшие повсюду тут и там с таким видом, будто это они были здесь хозяевами. Федерика сидела между двумя незнакомыми юношами, которые весь вечер болтали через нее о крикете и нулевых уровнях. Слишком застенчивая, чтобы заявить о себе, она молча сидела и слушала с отсутствующим видом, наблюдая за Молли, которая умудрилась завладеть вниманием всего своего стола и с большим щегольством покуривала длинную тонкую сигарету. Федерика по сравнению с ней ощущала себя в дурацком положении.

Она ради приличия потанцевала с парой парней, но была слишком погруженной в себя, чтобы их заинтересовать. Она заметила, что они смотрят через ее плечо, вероятно в поисках более интересных партнерш для танцев. Она увидела, как один из друзей Молли в экстравагантной черной одежде с кружевами двигался на танцполе с гибким изяществом профессионального танцора, и ей вдруг захотелось стать такой же самоуверенной и грациозной. Наконец, когда она уже готова была ретироваться на одинокий стул в уголке, желательно под прикрытием большой орхидеи, ее партнер по танцу внезапно позеленел, как заплесневелый йогурт, и, схватив Федерику за руку, потащил ее куда-то в ночной мрак.

— Кажется, меня тошнит, — промычал он, и тут же алкоголь заставил его желудок содрогнуться.

— А я тебе для чего? — в замешательстве спросила она, когда ее каблуки завязли в промокшей лужайке Ингрид.

— Я не хочу умирать в одиночестве, — эгоистично поведал он, толкая ее в темноту.

— Не думаю, что все так уж плохо, а? — спросила она, надеясь, что он придет в себя и вернет ее на вечеринку. Когда на лицо и голову полился мелкий дождь, она вздрогнула от холода.

— Очень плохие дела, — ответил он, прежде чем сунуть голову в кусты, где его громко стошнило. Федерика содрогнулась, увидев, как он щедро полил прекрасные розы Ингрид

смесью желчи и кусочков сосисок. Она испуганно отскочила и от отвращения прижала руку ко рту. Внезапно дождик превратился в дождь, который становился все гуще и сильнее, пропитывая влагой ее шелковое платье и попадая на кожу. Она прикрыла голову, не зная, бросить ли бедолагу у цветочной клумбы или остаться с ним. Вдруг она услышала свое имя, эхом пронесшееся над садом, и облегченно отвернулась от мычащего куста. Это был Сэм.

— Федерика! — закричал он. Федерика напрягла глаза, чтобы разглядеть Сэма, бегущего к ней сквозь потоп. — Федерика, с тобой все в порядке? — спросил он, скачками приближаясь к ней. Белая рубашка была настолько мокрой, что прилипла к его телу, как папиросная бумага, так что сквозь нее можно было различить цвет его кожи. Светлые волосы повисли словно пакля, но улыбка была широкой, будто он наслаждался драматизмом ситуации.

— Что такое? — запинаясь спросила она, сконфуженно глядя на него.

— Эстер сказала, что тебя утащил в кусты какой-то пьянчужка, — пояснил он, переводя дыхание. Федерика показала на куст. — О Боже! — воскликнул он, зажимая рукой нос. — Бежим отсюда. Он сам справится, — скомандовал он, взяв ее за руку и уводя в сторону, противоположную от тента.

— Куда мы идем? — крикнула она, пытаясь угнаться за ним на своих хрупких каблуках.

— Подальше от этой ужасной вечеринки, — ответил он с отвращением. — Тебе ведь это не понравилось, я следил за тобой. — Федерика ощутила прилив удовольствия, когда услышала, что он наблюдал за ней, что он заметил ее. Она благодарила ночь, скрывающую ее горящие щеки и стекающую с глаз тушь. Он открыл дверь в амбар, они нырнули в темноту. Она услышала, как он возится с очередной задвижкой, и вдыхала свежий аромат теплого сена. Секундой позже он щелкнул зажигалкой и зажег свечу.

— Я никогда раньше здесь не была — произнесла она, с любопытством оглядываясь.

— А я постоянно сюда прихожу. Особенно ночью, потому что здесь проживает семейство диких уток. Именно поэтому я не зажигаю свет. Он может их спугнуть. А с помощью свечи я могу за ними наблюдать.

— Семейство уток? Ты серьезно? — спросила она.

— Пойдем, — прошептал он. — Я тебе покажу.

Сэм медленно повел ее по полу, устланному золотистой соломой и блестящему от отражающегося на нем света. Амбар использовался для хранения зерна, сена для животных и бревен для топки каминов в доме. По крыше стучал дождь, но внутри было тепло и сухо. Они бесшумно взобрались на высокую кипу травы, нагнулись и усталились на утиное семейство, комфортабельно расположившееся в теплой постели из перьев. Все утята спали, равнодушные к странным созданиям, тихо наблюдавшим за ними, в то время как их мать неподвижно сидела, открыв свои черные бусинки-глаза, настороже, но без страха. Сэм улыбнулся Федерике, и она радостно улыбнулась ему в ответ. Они смотрели друг на друга, не произнося ни слова, чтобы звуки речи не нарушили магию момента.

Когда Сэм наклонился и поцеловал ее, Федерика оказалась полностью захваченной врасплох. Его рука обняла ее за шею, а губы успели прижаться к атласной коже, прежде чем он отклонился назад и посмотрел на нее, интересуясь реакцией девушки. Она, казалось, окаменела от неожиданности.

— Тебе не понравилось? — тихо спросил он. Федерика пыталась заговорить, но слова не превратились в звуки, как она надеялась. — Ты хочешь, чтобы я тебя снова поцеловал?

Она кивнула, ошеломленная близостью его тела. Он снова нежно коснулся ртом ее губ, доставив ей невероятно приятное ощущение, которое она испытывала раньше лишь в своих мечтах. Федерика сидела неподвижно, боясь пошевелиться и не зная, что делать. Будто ощутив ее растерянность, он отстранился и провел рукой по ее волосам, которые были мокрыми от дождя и свисали ей на лицо.

— Это было в первый раз? — спросил он.

— Да, — хрипло призналась она.

Сэм нежно улыбнулся ей.

— В первый раз всегда немного страшновато, насколько я помню свой случай. Парню в этом смысле хуже, он должен знать, что делает.

— Откуда ты узнал, что нужно делать? — спросила она, пытаясь завязать разговор, но все, о чем она могла думать, — это было ощущение его губ на ее губах и робкое ожидание повторения первого опыта.

— Инстинкт, — просто пояснил он, снимая очки. Затем он посмотрел на нее так пристально, что ее сердце встрепенулось, и провел рукой по изгибу ее шеи. — Послушай, закрой глаза. Не робей. Прислушайся к своим чувствам, а не к разуму, который спрашивает, что же происходит. Поцелуй должен приносить наслаждение, а не дискомфорт. Просто расслабься и сосредоточься на том, что ощущает твоё тело. Не позволяй страхам отвлекь тебя. Я даю тебе не оценку, а удовольствие. — Она нервно захихикала. — Давай, закрой глаза, — настаивал он.

Федерика снова хихикнула. Затем она ощутила его губы на своей коже и вздрогнула. Он целовал ее подбородок, шею ниже уха, виски и глаза. Пытаясь отключить свой рассудок, она не могла позволить себе насладиться своими ощущениями, как он предлагал, из-за страха выглядеть смешной. Она чувствовала запах его лосьона после бритья, смешанного с естественным мужским запахом тела, и ей захотелось ущипнуть себя, чтобы удостовериться в реальности происходящего. В то мгновение, когда она подумала, что ее разум может разрушить волшебство момента, его губы снова приблизились к ее рту, погасив круговорот беспорядочных мыслей. Она ощутила вкус вина на его языке и прикосновение его грубого подбородка. Федерика ответила на его поцелуй инстинктивно, а он обнял ее и прижал к себе. При слабом мерцании одинокой свечи все ее существо охватило радостное безумие весеннего цветения.

Вернувшись домой, Элен обнаружила на кухонном столе записку от Артура.

*Отправились с Хэлом в кино, увидимся позже.
С любовью, Артуро.*

Открыв холодильник, она достала банку кока-колы и тарелку с холодным мясом и присела, чтобы перекусить в одиночестве. Глядя на настенные часы, она подумала, что сейчас делает Федерика на вечеринке? Она была слишком увлечена своим новым мужем и сыном, чтобы обратить внимание на то, что ее дочь стала уже совсем зрелой. В прошлом году с Федерикой начали происходить метаморфозы: она стремительно вырвалась из состояния «куколки» детства, превратившись в яркую девушку с глубокими, полными грусти глазами и робкой улыбкой ребенка, смущенного потерей своей прежней оболочки. С одной стороны, она была способной, благоразумной и независимой, но Элен заметила в ней и растущую потребность в защищенности и ощущении своей нужности, поскольку эти особенности Федерика унаследовала от нее самой. Размышляя об этом, Элен без особого энтузиазма вяло жевала мясо. Блистательный образ Федерики в вечернем платье тенью сожаления лег на ее сердце, и она ничего не могла с этим поделать. Она старалась не думать о Рамоне, но его лицо, как буюк на волнах, постоянно всплывало в ее памяти, не желая исчезать. Его черные как уголь глаза вопросительно впивались в нее, и она почти слышала, как призрачный голос осведомляется, счастлива ли она.

Она не стала счастливой настолько, насколько ожидала. Артур был к ней очень внимателен, и Элен была ему глубоко благодарна за это. Он оказался для нее добрым ангелом с милой улыбкой любящего отца, который терпеливо мирился с резкой сменой ее настроения и вспышками раздражительности. Он воплощал в себе все то, чего ей не доставало в Рамоне. Он был неэгоистичным и терпимым, но ему не хватало харизмы, страстности и драматизма ее бывшего мужа. С Артуром ей постоянно чего-то не хватало. Ей хотелось бы, чтобы он был более симпатичным, более стройным и менее неуклюжим. Его веселые шаги вприпрыжку во время прогулки раздражали ее — она предпочла бы, чтобы он двигался степенно, а не бросался к людям, как полный энтузиазма лабрадор. Она боялась заикливаться на первых нескольких годах брака с Рамоном, поскольку ничто в мире не могло сравниться с тем всепоглощающим наслаждением и ощущением полноты жизни. В Федерике она видела отражение той девушки, которой когда-то была сама. Безупречной, как чистый лист бумаги, ожидающий, когда кто-то начнет с любовью рисовать на нем красочную картину счастливой жизни. Она подумала о том, что ее собственная жизнь нарисовала на холсте ее судьбы. Там было много разных цветов, но у Элен не хватало смелости достаточно пристально взглянуть на все это, чтобы заметить простой факт — самые ужасные краски были ее собственным творением.

Когда на следующее утро Тоби приехал в Пиквистл Мэнор, чтобы забрать Федерику, он увидел ее сияющее лицо, улыбающееся ему из окна спальни Эстер. Она сбегала по лестнице и бросилась в его объятия.

— Это была самая прекрасная вечеринка на свете! — воскликнула она, едва скрывая

улыбку удовлетворенной женщины. Она собиралась сохранить в тайне свои ночные поцелуи с Сэмом, но, оказавшись в машине наедине с дядей, не заметила, как слова сами посыпались как горох, будто она уже не могла контролировать свою речь. — Когда начался дождь, Сэм повел меня в амбар и поцеловал. Это было так романтично, — вздохнула она, обмахивая лицо автомобильным справочником вместо веера. — Снаружи барабанили капли дождя, но внутри было тепло и пахло сеном. Он зажег свечу и показал мне гнездо, где спали утки. Он был такой ласковый. Мы проговорили всю ночь. Он оказался таким понимающим и добрым, совсем не таким, как эти гадкие гоблины, с которыми мне пришлось танцевать. Сэм снова спас меня, как в тот день на озере. Хотя, честно говоря, я просто не понимаю, что он во мне нашел.

Тоби несколько нервозно усмехнулся. Он слабо представлял себе, что кто-то в возрасте Сэма захочет поддерживать долговременные отношения с такой юной девушкой, как Федерика, хотя понимал, что именно на это она и надеется.

— Я знаю, что он в тебе увидел, Федерика. Ты прекрасная молодая девушка. Меня вовсе не удивило, что он считает тебя замечательной.

— И что теперь будет? — спросила она.

Тоби вздохнул и уставился на дорогу.

— Не жди слишком многого, дорогая, — осторожно сказал он, не желая испортить ее радостное настроение, но и стараясь не допустить, чтобы она слишком уж витала в облаках.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Он значительно старше тебя, поэтому не жди слишком многого. Тогда, если он захочет остаться с тобой, это будет как подарок.

— А, ну ладно. — Она счастливо улыбнулась, опуская окно. — Мы с ним еще увидимся сегодня. Эстер пригласила меня на чай.

— Хорошо, — одобрил Тоби.

— Не беспокойся, я поеду на велосипеде. Поездка придаст мне блеска.

— Ты уже и так вся сияешь, — усмехнулся Тоби.

Артур, Элен и Хэл собрались за ланчем с барбекю, чтобы выслушать отчет о прошедшей вечеринке. Небо после ночного дождя просветлело и сейчас сияло с обновленной яркостью красок. Федерика намеревалась рассказать матери и отчиму достаточно, чтобы удовлетворить их любопытство, без упоминания о своем свидании с Сэмом. Тоби подмигивал ей и озорно улыбался, пообещав хранить ее секрет. Артур, Хэл и Джулиан играли в крокет на лужайке, а Элен сидела в тени с прохладительным напитком. Федерика была слишком рассеянна, чтобы заметить напряжение на лице матери, и даже забыла о необходимости прогулки с Растой. Но Тоби никогда не пропускал смену настроения сестры и присоединился к ней за столом.

— Феде счастлива, — сообщил он.

— Да, она счастлива, — вяло согласилась Элен. — И все это благодаря тебе и Джулиану. Думаю, что жизнь в компании двух мужчин повлияла на нее благотворно.

— Но она все еще скучает без отца, — заметил он, наливая себе чашку кофе. — Иногда я застаю ее играющей этой шкатулкой с бабочкой. Знаешь, она хранит в ней все его письма.

— Знаю. Трагично, да? — горько произнесла Элен.

— Это вполне естественно.

— Не естественно оставлять свою семью на долгие годы, как думаешь?

— Конечно нет.

— Так же, как и проживание собственного ребенка у дяди, по крайней мере когда мать живет совсем рядом.

— Так в этом причина твоей депрессии? — участливо спросил он.

— О, я не знаю, — устало вздохнула Элен. — Мне кажется, что я совершила глупость. Я оторвала их от отца, от родной для них страны, от стариков. Я снова вышла замуж за человека, который не по душе Федерике. Только поэтому я разрешила ей жить не со мной, чтобы она могла оставаться со своими друзьями. Это естественно?

Тоби коснулся ее руки.

— Папа игнорирует Джулиана и отказывается быть посаженным отцом на свадьбе собственной дочери, потому что не желает видеться с любовником сына. Он жертвует своими отношениями с сыном из-за сексуальных предрассудков — это тоже неестественно, — сказал он и сочувственно улыбнулся. — Вообще, нет смысла обсуждать, что естественно, а что нет. На самом деле естественно все, что происходит. Если Хэл счастлив с тобой и Артуром, это тоже естественно. Феде и Хэл достаточно общаются друг с другом. Они ощущают себя братом и сестрой. Представь себе, что некоторые люди посылают своих детей учиться вдали от родного дома на долгие годы. Разве это естественно?

— Думаю, что ты прав, — с благодарностью сказала она.

— Но не это тебя беспокоит, — рискнул сказать он, глядя на лужайку, где Артур только что провел красный мяч в ворота и радостно хлопал ладонями по бедрам, как большой пингвин.

Элен цинично засмеялась.

— Ты слишком хорошо меня знаешь, — сказала она.

— Можешь не сомневаться в этом.

— В такие моменты я сожалею, что бросила курить. — Она вздохнула, наполняя свой стакан. — Я довольна, Тоби. Артур очень добр. Он заботится обо мне. Делает для меня все, что в его силах. Он полная противоположность Рамону, который был, по сути, эгоистичным дерьмом.

— Тем не менее ты все еще любишь это эгоистичное дерьмо, — заметил Тоби.

— Я бы не использовала слово «любишь», — быстро перебила она, опуская глаза, в которых сверкнул огонь.

— Но Артур не заменил тебе его.

— Артур, — смиренно вздохнула она. — Артура недостаточно. — Тоби задумчиво посмотрел на сестру. Она покачала головой. — Но я уже влипла, и обратного хода нет. Вот так. Я сделала свой выбор. Посмотри, Хэл его просто обожает. Они действительно подружились, и это очень славно.

— Элен, мы все в своей жизни должны идти на компромиссы. Вряд ли тебе удастся найти мужчину, в котором будут сочетаться те качества, которые ты считаешь достоинствами Рамона, и те, которые ты ценишь в Артуре. Этого просто не может быть.

— Но я, прежде всего, не намерена расставаться с Рамоном, — прошептала она, пристально глядя на брата.

— Что ты этим хочешь сказать? — удивленно спросил он, надеясь, что ослышался.

— Не думаю, что он меня отпустит. — В ее глазах заблестели слезы.

— Боже, Элен. — Ему не хватало воздуха, и он замотал головой.

— Однажды начав, я уже не могу повернуть назад. Я должна была пройти весь путь до

конца. Потом... — Она заколебалась, решая, обнародовать ли брату свою греховную тайну.

— Потом что?

— Потом я вышла за Артура, поскольку сама мысль об этом взбесила Рамона. Я прочитала это в его глазах. Я уязвила его, и это было приятно. — Она опустошила свой стакан. — Я порочная?

— Нет, Элен, не порочная, но очень испорченная.

— Никому не говори, — серьезно попросила она.

— Я буду молчать, — пообещал он. — Но ради бога, подумай, в какое болото ты влезла.

Она вяло кивнула.

— И нет никого, кто бы мог меня из него вывести, — сказала она и печально улыбнулась.

Федерика вернулась с прогулки и отправилась прямо в свою комнату, где улеглась на кровать и закрыла глаза. Она опять мысленно прокрутила все события предыдущей ночи, снова и снова просматривая отдельные сцены, наслаждаясь его поцелуями и нежными прикосновениями, как будто в первый раз. Они сидели тогда при трепещущем пламени свечи и говорили до тех пор, пока музыка на вечеринке не перестала доноситься сквозь шум дождя, а звуки отъезжающих автомобилей с гостями окончательно не стихли в ночи. Федерика блаженствовала в его объятиях и знакомила его с тайными уголками своего сознания. Она рассказала ему о шкатулке с бабочкой, об истории с Топакуай и о письмах отца, которые перечитывала, когда ею овладевала печаль. Наедине с Сэмом она вновь обрела забытые воспоминания, скрытые за суетой ее теперешней жизни, например тот случай, когда она нашла на берегу в Вине дохлую рыбу и отец рассказал ей о смерти. Он поднял раковину и, сев рядом с дочерью, объяснил, что когда существо умирает, оно освобождается от своей раковины, своих плавников, своего тела и уплывает в небеса, чтобы соединиться с Богом. Затем он сделал из этой раковины кулон и повесил его ей на шею. — Видишь ли, оболочка не имеет значения, важна душа, обитающая в ней, и эта душа бессмертна, — сказал он тогда. Но только позже, став старше, она осознала смысл его слов.

Поглаживая ее волосы, Сэм внимательно слушал, изумляясь и сопереживая увлекательным эпизодам из ее рассказов.

— Ты очень необычная, Феде, — сказал он задумчиво, целуя ее в висок.

— Что ты подразумеваешь под словом «необычная»?

— Ну, ты не такая, как все, а совсем другая. Я думаю, что ты прожила и пережила гораздо больше, чем прочие девушки твоего возраста. Опыт создает мужчину, — процитировал он, — а ты испытала гораздо больше, чем большинство женщин, которые старше тебя в два раза. Я вижу это в твоих больших печальных глазах. — Он засмеялся и снова поцеловал ее в висок. — Тебе нужен кто-то, кто будет за тобой присматривать.

Федерика уютно прижалась к нему и впервые за много лет ощутила то же чувство безопасности, которое ощущала в крепких объятиях отца.

— Я хотела бы стать старше, — вздохнула она. — Стать независимой, чтобы не надо было ходить в школу.

— Тебе осталось доучиться совсем немного.

— Ты счастливый — живешь в Лондоне. Тебе уже никогда не нужно будет делать то, чего ты не хочешь.

— Это не так. Мы всегда вынуждены делать то, чего не хотим. Что касается меня, то я

предпочел бы жить в Польперро.

— Правда?

— Конечно. Я ведь по натуре не житель Лондона. Но пока я еще не готов раскланяться с ним навсегда.

— О чем же ты мечтаешь? — с любопытством спросила она.

— О коттедже с видом на море, о собаках, возможно, о свинке, о семье, о большой библиотеке и о длинном списке успешных продаж в прошлом.

Она засмеялась.

— Как это, о свинке?

— Святое дело, что за коттедж без свиньи. — Он хмыкнул. — А ты о чем?

— Я хотела бы заниматься фотографией и путешествовать по всему миру, — заявила она и затем добавила: — И еще я хотела бы однажды вернуться в Качагуа. Не знаю почему, но я тоскую по дому бабушки и дедушки больше, чем по своему собственному.

— Я уверен, что наступит день, когда это сбудется.

— Я также хотела бы жить в Лондоне и стать очень богатой и знаменитой, как мой отец.

— Ну, думаю, ты и этого добьешься, — сказал он. — Но может случиться и так, что ты осуществишь свои мечты и поймешь, что они всего лишь пустые корабли без парусов.

— Ты можешь научить людей знанию, но мудрость, мой дорогой мальчик, постигают только на опыте, — произнесла Федерика с итальянским акцентом Нуньо.

Сэм рассмеялся.

— Так, значит, ты прислушиваешься к речам старого Нуньо! — в восхищении воскликнул он.

— Я ничего тут не могу поделать — он повторяет свои изречения так часто, что они просто отпечатываются в памяти.

— И это очень неплохо. Ты вряд ли встретишь человека мудрее его.

Федерика лежала в постели и улыбалась, вспоминая их разговоры. Она грелась в его объятиях, пока ее одежда не высохла, а сквозь амбарные щели не просочились первые лучи рассвета, провозглашая наступление нового дня. Они беседовали как старые друзья, и с каждым нежным прикосновением и каждым поцелуем она расставалась со своими комплексами и страхами. Когда под утро она тихо прокралась в комнату Эстер, то уже не смогла заснуть. Все, о чем она могла думать, — был Сэм. В глубине своего сердца она всегда знала, что Сэм предназначен для нее.

Тоби и Джулиан сидели на террасе, занимаясь просмотром газет и комментируя прочитанное, когда по лестнице спустилась Федерика, намереваясь отправиться на велосипеде в Пиквистл Мэнор. В доме было тихо, поскольку Элен вместе с Артуром и Хэлом отправилась на чай к родителям. Тоби отложил газету и внимательно посмотрел на Федерику.

— Ну как? — спросила она. — Я хорошо выгляжу?

Он задумчиво кивнул.

— Как по мне, ты выглядишь прелестно, — сообщил он, улыбаясь и снимая квадратные очки, придававшие ему вид композитора-песенника времен семидесятых.

— По правде говоря, я не очень уверен, что ты прилагала для этого особые усилия, —

заявил Джулиан, почесывая подбородок.

— Неужели? — спросила она, глядя на свои джинсы и туфли-лодочки.

— Дорогой, она выглядит прекрасно, — настаивал Тоби.

Но Джулиан покачал головой.

— Нет, нет, — бормотал он. — Пожалуй, надень тренировочные туфли вместо этих лодочек. Думаю, это то, что надо.

Через пару минут Федерика появилась перед ними уже в белых гимнастических туфлях.

— Дорогой, ты оказался прав, — изумленно сказал Тоби.

— На то я и фотограф, — ответил Тоби, постукивая пальцем по скуле и подняв брови. — Тут нужен хороший глаз.

— Дорогая, ты выглядишь слишком чопорно, — заметил Тоби. — Расслабься и будь веселой. Помни, что он гораздо старше тебя.

— Будь строгой и говори «нет», — добавил Джулиан. — Что бы он ни попросил у тебя, отвечай «нет».

Федерика сделала круглые глаза и рассмеялась.

— Это заставит его сильнее увлечься, — пояснил Тоби.

— Этот мошенник точит свои грязные когти на нашу Федерику, — прошептал Джулиан, усмехаясь ей.

— Я хочу услышать, как ты это скажешь, дорогая, — попросил Тоби.

Федерика хихикнула, собираясь уходить.

— Давай! — крикнул ей Джулиан. — Это наиважнейшее слово в словаре женщины.

— НЕТ! — выкрикнула в ответ Федерика, скрываясь за углом.

Тоби посмотрел на Джулиана и пожал плечами. Оба они подумали об одном и том же. Они должны оказаться рядом с ней, если все это плохо кончится.

* * *

Федерика катила на велосипеде по узким дорогам с обочинами, поросшими дикой петрушкой и лютиками, с удовольствием напевая про себя модный в этом сезоне мотив. Когда она повернула за угол на шоссе, то первое, что она заметила, было отсутствие автомобиля Сэма. Она перестала мурлыкать и нахмурилась. Прислонив велосипед к стене, она побежала к дому. В летние месяцы, когда погода была хорошей, Ингрид любила, чтобы все двери оставались открытыми, для того чтобы садовые деревья и многочисленные кусты роз наполняли комнаты щедрыми природными ароматами. Это также позволяло бесчисленным животным, спасенным Эстер, свободно приходить и уходить из помещения. Ласточки, из года в год гнездившиеся над крыльцом, влетали в открытые окна, а одинокая храбрая мышь прокрадывалась в кухню, чтобы полакомиться из собачьей миски. Федерика прошла через комнаты на лужайку, где армия загорелых мужчин в бейсбольных кепках и шортах цвета хаки разбирала навес. Она обнаружила Эстер и Молли, лежавших на траве в халатах и с чашками кофе в руках.

— Хай, Феде, — устало произнесла Эстер, глядя на нее сквозь темные очки.

— Мы не стали возиться с одеждой, — сообщила Молли. — Мы выдохлись вчера, как старые клячи.

— Но это была славная вечеринка, — заметила Федерика, пытаясь забросить удочку в

отношении Сэма.

— Преотличнейшая вечеринка, — согласилась Эстер. — Давай, присоединяйся к нам.

Федерика уселась на траве и стала рассеянно играть с ромашками.

— Ты выглядишь удивительно хорошо для человека, прошедшего всю ночь на ногах, — сказала Молли, оглядывая ее всю с ног до головы.

— С кем это ты испарилась так надолго? Я даже не услышала, когда ты легла спать, — спросила Эстер, растирая свои красные глаза.

— Боюсь, что ничего особенного не было, — пробормотала Федерика, стараясь напустить побольше туману.

— Черт побери. Ты покраснела, — голосом прокурора констатировала Молли.

— Он тебя целовал?

— Нет, нет. Мы просто разговаривали, — неубедительно возражала Федерика.

— Разговаривали? — насмешливо произнесла Молли. — На вечеринках люди не разговаривают — они обнимаются и целуются.

— Ну, боюсь, что мы только говорили.

— И о чем это? — спросила Эстер, сморщив нос.

— Он говорил о себе, — сообщила Федерика. — Вообще-то в кустах его стошнило, что было не очень элегантно. Потом начался дождь, так что мы побежали в амбар и спрятались там. Я слушала его рассказы примерно до четырех утра.

— Вот бедняжка. Ты пропустила собственную вечеринку, — пожалела ее Эстер. — Он оказался очень занудным?

— Ужасно, — ответила Федерика.

Молли посмотрела на нее подозрительно.

— Не будь слишком легковверной, Эстер, — предостерегла она сестру, ухмыляясь Федерике. — Я не верю ни одному твоему слову.

— Молли, она не могла целоваться с парнем, которого стошнило.

— Возможно, его вовсе не тошнило, — заявила Молли, поднимая брови.

— Слушайте, какое это имеет значение. А что было у тебя, Эстер?

Эстер захихикала.

— Я целовалась с двоими, — сообщила она. — Но во второй раз меня подловил Нуньо и заставил с собой танцевать. Знаешь, он потрясающий танцор, ты бы просто удивилась.

— Он сегодня еще не являлся на свет Божий, завис где-то на подходе, — засмеялась Молли. — Мама рисует на берегу и считает, что прием был прекрасным, даже с учетом того, что перетоптали все ее орхидеи, а Джо Хорниш ездил под дождем по лужайке и оставил на ней множество следов. Папа в ярости и сказал, что больше не намерен финансировать нашествия вандалов.

— А что с полисменами? — осмелилась спросить Федерика, опуская голову, чтобы спрятать глаза, опасаясь, что они ее выдадут.

— Сэм с Беном укатили в Лондон, — доложила Эстер.

— О, — выдавила из себя Федерика вместе с натянутой улыбкой.

— Я думаю, что он получил такую дозу общения с пьяными подростками, что ему этого хватит до конца жизни, — сказала Молли.

В голове Федерики воцарился мрак. Ее щеки горели от разочарования и осознания того прискорбного обстоятельства, что ею снова пренебрегли. Он даже не удосужился дождаться ее, чтобы попрощаться. Пробыв у подруг достаточно долго, чтобы не вызвать подозрений,

она отправилась домой, орошая дорогу обильными слезами, открывшими старую рану, которую нанес ей много лет назад любимый отец. Вернувшись в коттедж, она побежала в свою комнату и в отчаянии бросилась на кровать. Она действительно поверила, что он любит ее, так же, как верила раньше, что ее любит отец. Она открыла шкатулку с бабочкой и со стыдом вспомнила, как поделила с ним свои самые сокровенные тайны, пригласила его в свой мир только для того, чтобы узнать, что это его не особенно интересовало. Осознавать такое было очень больно.

Когда Тоби вернулся с моря, он увидел велосипед Федерики, небрежно брошенный на гравий, и понял — что-то случилось. Он взбежал по лестнице и нашел ее плачущей над письмами отца. Не спрашивая ни о чем, он обнял ее, поскольку сразу догадался, что произошло. Это было именно то, чего он так боялся.

— Каждый, с кем я сближаюсь, убегает, — прошептала она, вытирая слезы о рубашку дяди.

— Это не так, — возразил он. — Мы всегда будем с тобой.

— Он такой же, как папа. Почему они уходят, не проронив ни слова? Я чувствую себя такой никчемной.

— Они не заслуживают тебя, Феде. Ты гораздо лучше, чем они.

— Но я люблю Сэма, — всхлипнула она.

— Дорогая девочка, ты еще очень юная, и любовь твоя так наивна.

— Нет, это не так. Я действительно люблю его.

— Он тоже еще молод, Феде. Чего ты ждала? Ему нужна дружба на один день, но сейчас он уже наслаждается свободой. Дорогая, ты ведь еще учишься в школе.

Она посмотрела на него несчастными глазами.

— Но мне больше никто не нужен, — прошептала она. — В мире нет другого такого, как Сэм.

— Я знаю, — утешал он. — Ты должна набраться терпения. Вам обоим еще следует повзрослеть. С его стороны было крайне безответственно подавать тебе надежду. Он должен был уважать твои чувства.

— Он такой хороший и добрый, — сказала она. — Он никогда не обидел бы меня преднамеренно.

— Конечно нет. Но твои ожидания не оправдались, вот и все. Я ненавижу, когда тебя обижают. У меня большое желание надрать ему уши.

— Я тебе не позволю, — сквозь слезы улыбнулась она.

— У тебя все будет в порядке, Феде, — заверил ее Тоби, сжав в своих теплых объятиях.

Но в тот момент она не верила, что ее сердце когда-либо оправится от такого удара.

В тот вечер Федерика прогуливалась вдоль скал в компании Расти. Ее воспоминания о прошлой ночи были безнадежно испорчены. Она больше не ощущала ничего, кроме обиды и жалости к себе. Куда бы она ни бросила взгляд, повсюду мерещился Сэм. Знакомое ощущение опустошенности сжимало ее сердце, напоминая о несчастливых временах в ее жизни, когда ее любовь швырнули ей обратно, как нечто ненужное. Она боялась, что уже никогда не наберется храбрости, чтобы снова полюбить. Сидя на траве, она прижала к себе Расту и зарылась лицом в его влажную шерсть. А потом она сделала глубокий вдох, выбросила свои надежды в море и смотрела, как они утонули без следа.

Сидя за рулем, Сэм ехал по автостраде, пока Бен дремал на пассажирском сиденье. Он немного послушал радио, но вскоре осознал, что его мысли вернулись к событиям прошлой ночи. Он представлял, что снова сидит в амбаре рядом с Федерикой, и его охватило ощущение вины. О чем он только думал тогда? Несколько часов полученного удовольствия не стоили тех страданий, которые, без сомнений, станут их следствием. Он чувствовал себя чудовищем по отношению к Федерике. Именно по этой причине он настоял на немедленном отъезде сразу после завтрака. У него не хватило мужества, чтобы сказать ей прямо в лицо, что было очень приятно, но и только: всего лишь поцелуи на сеновале. Он вовсе не был жестоким или черствым. Феде ему очень нравилась. Повзрослев, эта малышка превратилась в удивительно прекрасную и необычайно очаровательную девушку, но сейчас она подобна персику на грани созревания, который еще рано срывать. Ее невинность так притягательна, что трудно было противиться искушению, да и сама мысль о том, что кто-то другой ею воспользуется, была для Сэма невыносима. Любой из этих гоблинов с вечеринки мог потащить ее в кусты, чтобы пощупать под покровом темноты и сорвать слюнявый поцелуй лишь с той целью, чтобы потом похвастаться перед друзьями. Он увидел тогда, как она отправилась в сад именно с подобным персонажем, чего он и боялся, и последовал за ней, чтобы защитить ее. Его намерения на тот момент были самыми невинными, несмотря на то что ему не хватило стойкости их выполнить.

То, что случилось потом, было постыдным. Он был на девять лет старше и имел достаточно опыта, чтобы понимать значение первого поцелуя для такой чувствительной, романтической девушки, как Федерика. Но в золотом сиянии свечи, окутанная дурманящими ароматами природы, она смотрела на него с таким обожанием и страстью, что он моментально ощутил и в себе ответную волну желания. Удивленный своей неожиданной реакцией на девушку, которую знал еще ребенком, он оказался обезоруженным и не готовым к такой ситуации. Под воздействием магического момента он отреагировал инстинктивно и, не имея времени прислушаться к приглушенному голосу разума, поцеловал ее. Вначале она была неловкой и боязливой, пытаясь преодолеть собственную робость. Но постепенно ею овладели новые восхитительные ощущения, и в ней стала пробуждаться женщина. Очарованный ее невинностью, он наслаждался тем, как гонит прочь ее страхи и наблюдает, как распускается бутон ее чувственности. Поцелуй уже никогда не будет так сладок, как в первый раз, — но воспоминания о нем вызвали у него угрызения совести.

Он смотрел, как солнце расплавляет утренний туман и перед ним расстилается картина прекрасного летнего дня с умытым свежей росой сельским пейзажем. Сэм выключил радио и взглянул на приятеля, который во сне восстанавливал силы после выпитого спиртного и вчерашнего дебоша. Сэм был рад, что остался наедине со своими мыслями, несмотря на то что они причиняли ему боль. Он уже вдоволь наслушался полных бахвальства речей Бена, и это вызывало у него еще большее чувство вины. Неужели он ничем не лучше? Он твердо сказал себе, что все-таки лучше. Пока Бен целовался и щупал девиц вокруг навеса, он переживал мгновения нежности со своей дорогой подругой. Да, с дорогой подругой. Это было очень приятно и трогательно, и это не были просто поцелуи. Они проговорили до рассвета обо всем и обо всех и действительно очень гордились друг другом. Но она была еще

слишком юной. В этом была своя простая правда. Так почему же он не смог поступить порядочно и откровенно сказать ей об этом?

Сэм сражался с собственной совестью всю дорогу до Лондона. Остановившись, чтобы заправиться, он купил газеты, пакет изюма в шоколаде и разбудил своего друга. Сэм уже был готов к разговорам и нуждался в том, чтобы отвлечься.

— Ну, — спросил он, садясь в машину и запуская двигатель, — тебе уже лучше?

— Я чувствую себя как дерьмо, — кратко доложил Бен и зевнул. — Но оно того стоило. В этом детском саду было очень весело. Но с другой стороны, мне уже надоели все эти фригидные куколки. Понимаешь, что я хочу сказать? Я вполне готов к поступлению в университет жизни! — Он фыркнул и потянулся к пакету с изюмом в шоколаде.

Сэм сделал круглые глаза и снова включил радио.

— Точно, — согласился он. — Именно в университет жизни.

Сэм быстро позабыл о своей провинности в отношении Федерики и полностью растворился в круговерти лондонской жизни. Каждое утро он отправлялся на подземке в Сити, работал, по возможности минимизируя свой трудовой энтузиазм, а затем возвращался домой, чтобы проводить вечера в компании друзей. Время от времени он знакомился с очередной девушкой, занимался с ней любовью перед ужином и провожал домой перед сном. Мысль о том, чтобы проснуться и увидеть в постели рядом с собой заблудшую овечку, страшила его. Секс был нужен ему так же, как еда, но вид грязной посуды после пиршества вызывал у него неприятные ощущения. Он никогда не запоминал их имен и редко — лица, но в целом его аппетит всегда был завидным. Нежность была тем чувством, которое он оставил в амбаре вместе с кланом диких уток и горящей в ночи одинокой свечой. Никто не мог затронуть его сердце, которое оставалось холодным, надменным и неприступным.

Вернувшись осенью в Польперро, он спрятался в кабинете Нуньо под предлогом обсуждения «Кузины Бетты» Бальзака, побаиваясь, что Федерика может прикатить на велосипеде к Эстер, посмотреть на него своими большими печальными глазами и снова наполнить его покаянными мыслями. Ему хотелось рассказать все Нуньо, но было слишком стыдно. Поэтому он затаился в доме, наполняя его своим отчужденным присутствием.

— Господи Боже, Сэм, — вздохнула Молли, — в этот уик-энд ты являешь собой совершенно жалкое зрелище. В чем дело?

— Абсолютно ни в чем, — механически ответил он.

— Не дури меня, — фыркнула она, впившись в него взглядом. — Значит, так, проблема с женским полом, — четко поставила она диагноз, ухмыляясь.

— У меня с этим полом никаких проблем быть не может, — высокомерно заявил он.

— Ладно. Почему бы тебе не прогуляться с Троицким? У тебя такой ужасный лондонский цвет лица.

— А Эстер для чего? — возразил он.

— Кто ее знает, — пожалала она плечами, — но лично я пойду и посмотрю видушку.

— Что ты собираешься смотреть?

— Про незабвенную любовь, — радостно сообщила она, открывая коробку.

— Неужели опять эту старую сентиментальную бодягу? — Он засмеялся.

— А я ее просто обожаю. Мужчины ничего в этом не понимают.

— Кэри Грант для тебя слишком постноват, Моль. Я думаю, что тебе нравятся более крутые парни.

— Только как временный вариант. От Кэри Гранта у меня колени дрожат, так что я больше и не посмотрю на этих мужланов.

Сэм хмыкнул и вышел из комнаты, свистом призывая Троцкого на променад.

На скалах было ветрено, но он с удовольствием подставлял лицо освежающему морскому бризу. По крайней мере, вне дома он мог избежать столкновения лицом к лицу с Федерикой. Он был одет в дубленку Нуньо и размахивал на ходу руками, периодически хлопывая по загривку дога, который рыскал вокруг, вынюхивая кроличьи норы. Сэм вспомнил свою изрядно надоевшую работу, Сити, который его тоже утомлял, и стал мечтать о своем будущем доме в Польперро. Лондон был хорош на данном этапе, но его сердце осталось здесь, в провинции, а душа — на морском просторе, а не на пыльных улицах каменных джунглей города. Он смотрел на пенные шапки волн и вдыхал крепко просоленный воздух, наполняя легкие воспоминаниями о своем детстве. Чего ему хотелось больше всего — так это заняться писательской деятельностью.

Нуньо всячески поддержал его намерения и прямо заявил, что он просто губит свои уникальные способности в этом безликом банке, занимаясь работой, достойной какого-нибудь придурка. «У тебя есть воображение, мой дорогой мальчик, и талант. Мне очень больно видеть, как твое бездействие его губит». Безусловно, Нуньо был прав. Но что-то его все же удерживало от решительного шага. Талант — это, конечно, штука хорошая, но проблема состояла в том, что Сэм не знал, о чем писать.

Полный невеселых дум, он поднял глаза и заметил на расстоянии две маленькие фигурки, двигавшиеся прямо к нему. Внезапно охваченный паникой, он уже готов был повернуть и пойти другой дорогой, но увидел, что одна из них машет ему рукой. Приветствие было настойчивым и вынудило его ответить вялым движением кисти. Это были Эстер и Федерика, так что пути к отступлению уже не было.

Когда они приблизились, его сердце тревожно забило. Он предпочел бы проигнорировать их, но это было неэтично. Поэтому он попытался сделать вид, будто ничего и не случилось, надеясь, что Федерика ни о чем не рассказала Эстер.

— Хай, Сэм, — крикнула его сестра сквозь порывы ветра. Раста бросился к Троцкому и начал резвиться с ним на пару. Это позволило Сэму, не вызывая подозрений, переключить свое внимание на собак. Он называл их по именам и поощрительно поглаживал, а затем присел, чтобы обнять лабрадора.

— Хай, Сэм, — сказала Федерика.

Он нерешительно поднял глаза и заставил себя улыбнуться. Ее лицо покраснело от прогулки, а глаза сверкали от холода. Она явно тоже пыталась напустить на себя равнодушный вид. Такое положение дел немного успокоило Сэма, и его уныние стало рассеиваться.

— Как дела, Федерика? — спросил он, вставая и глядя сверху вниз на ее искреннее лицо.

— Спасибо, хорошо, — ответила она, запуская руки в карманы и притопывая ногами, чтобы согреться.

— Холодно, да? — спросил он.

— Здесь просто жуткий холод, — жаловалась Эстер. — Но это полезно для кожи, — добавила она. — При такой погоде она приобретает особый блеск.

— Вы обе и без холода сияете. — Он усмехнулся.

— Замечательно, — восторженно заявила она. — Тебе говорят, Феде. — Федерика робко улыбнулась, но ничего не сказала.

— Как в школе? — продолжил он, но Эстер прервала его расспросы и сама ответила за подругу.

— Мы так усердно учимся, что мои мозги уже готовы объявить забастовку. — Она хихикнула.

— Знание — сила, — процитировал Сэм, глядя на Федерику, подчеркнуто внимательно наблюдавшую за собачьими играми.

— Знание — скукота, — простонала Эстер. — Прогулка гораздо интереснее. Не хочешь к нам присоединиться? — спросила она. Федерика смотрела на него с надеждой, и он услышал, как говорит, что это было бы здорово.

— Собаки радуются встрече, — заметила Эстер. — Не стоит разлучать их, раз они так веселятся!

Они наблюдали, как Раста и Троцкий гонятся за тощим зайцем, который зигзагами улепетывал по полю, как бы издеваясь над их потугами изловить его. Когда собаки с высунутыми до земли языками вернулись, небрежно размахивая хвостами, чтобы скрыть свою обескураженность, все дружно рассмеялись.

— Эта парочка слишком много времени проводит на диванах, — воскликнул Сэм.

— И поглощает слишком много бисквитов, — добавила Федерика.

— Не думаю, что они догадались бы, что делать с зайцем, если бы ухитрились его поймать, — заявила Эстер, похлопывая Троцкого, прижавшегося мордой к ее бедру. — Тем не менее они требуют вознаграждения за попытку.

— Они его получают, — рассмеялся Сэм, погладив на ходу пробежавшего рядом Расту. Это было всего лишь мгновение, когда ладонь Федерики коснулась кисти Сэма, поскольку она тоже решила поощрить своего пса, но, казалось, что оно длилось вечно. Они оба поспешно отдернули руки и сделали вид, что ничего не произошло, но их кожа горела огнем от этого мимолетного контакта.

После случившегося Федерика почти не смотрела на Сэма, а ее щеки горели в большей степени от неловкости ситуации, чем от холода. Она очень боялась, что он заметит ее состояние, и засунула свою будто ошпаренную руку в карман, где ощущение ожога сменилось странным ощущением удовольствия. Она старалась не слишком к нему приближаться, чтобы случайно не коснуться его еще раз, и сосредоточенно смотрела прямо перед собой. Ее радовала болтливость Эстер, которая поддерживала разговор, сплетничая обо всем и ничего не замечая. Сэм пытался вовлечь в беседу Федерику, но подруга не дала ей вымолвить и слова, отвечая за нее, что было несколько необычно. Когда они добрались до дома, он уже стал находить болтовню сестры слишком докучливой. Федерика помалкивала, а он ощущал разочарование. Его удивило и то, что еще больше он был разочарован, когда она сказала, что должна уезжать.

— Но разве ты не хочешь выпить чая? — спросил он, прислонившись к двери, пока Эстер снимала ботинки на пороге.

Федерика покачала головой.

— Я должна вернуться к Тоби, потому что в четыре меня заберет мама, — пояснила она.

— А я и забыл, что ты проводишь уик-энды с мамой, да?

— Да, — ответила она. — По большей части.

— Ну, тогда почему бы мне не отвезти тебя? — предложил он к собственному изумлению.

— Не беспокойся, я очень люблю кататься на велосипеде, — запротестовала она.

— Но ведь сейчас холодно и уже темнеет, — продолжал настаивать он, глядя на предзакатное небо, которое балансировало на грани дня и сумерек. — Расту можно посадить сзади, а твой байк я положу в багажник. Все просто!

— Увидимся в школе, Феде, — крикнула Эстер подруге, прежде чем, закрыв за собой дверь, скрыться в холле.

У Федерики не оставалось выбора. Раста уже восседал на заднем сиденье, и от его горячего дыхания уже запотели окна в салоне.

Федерика забралась на переднее сиденье и ожидала, пока Сэм пристроит велосипед. Она нервно потирала руки. Увидев в ветровом стекле свои спутанные волосы, она стала лихорадочно приводить себя в порядок, пока он не видел. Она прислушалась к его шагам, но все, что удалось услышать, это было ритмичное пыхтение сидевшей сзади собаки.

Сэм закрыл багажник, насколько это было возможно, и стал обходить машину, чтобы добраться до двери. Он не знал, о чем с ней говорить и почему вообще он предложил ее подвезти. Похоже, что она как-то ловко ухитрилась заблокировать его благие намерения. Сэм сел в машину, громко хлопнув дверью.

— Готов спорить, что Раста не часто ездит первым классом, — пошутил он, разряжая атмосферу.

Федерика с готовностью хмыкнула.

— Обычно этот боец марширует на своих четырех, — сказала она. — Надеюсь, что ты его не слишком этим разбалуеть, а то он больше не захочет маршировать в пешем строю.

— Тогда мы не будем предлагать ему дополнительных благ, — предложил он. — Никакого виски или магазина беспощинной торговли. — Они посмеялись, в то время как Раста продолжал сопеть сзади.

Машина съехала с шоссе и покатила по проселочной дороге. Вечернее небо внезапно окрасилось почти светящимся цветом розового фламинго, сопровождающим закат солнца, которое посылало перистым облакам свои прощальные на сегодня лучи. Они с восторгом следили за этой величественной картиной.

— Это прекрасно, — мечтательно вздохнула Федерика.

— Создается впечатление, что природа иногда осознает необходимость демонстрации своей власти и показывает всем нам свою грандиозную силу, — заметил Сэм, притормаживая автомобиль.

— Это всегда так мимолетно.

— Понимаю. Мгновение золотое, и вот его уж нет. Но это и делает его таким волшебным. Иногда вещи становятся более необычными *именно потому*, что они быстротечны.

— Мимолетное послание небес, — сказала она, невольно вспоминая их тайные поцелуи в амбаре. Опустив глаза, она ощутила на лице жар.

— Посмотри, как все поля окрасились в оранжевые тона! — воскликнул он, направляя автомобиль на обочину. — У меня вдруг возникло желание прогуляться туда. Пойдем!

Федерика последовала за ним в поле. Не говоря ни слова, они поднимались по холму, чтобы оказаться в эпицентре золотого зарева.

— А у тебя лицо апельсинового цвета, — засмеялся он, глядя на свои позолоченные пальцы.

— Твое тоже!

— Давай поднимемся на вершину. Посмотрим, что творится на море. — Тут Сэм снова повиновался импульсу. Он взял ее холодную руку в свою и повел к сияющей вершине. Она почувствовала, что ее сердечко взлетело в груди, как воздушный шарик с горячим воздухом, заставляя ноги буквально плыть над землей. Ей не удавалось спрятать улыбку, осветившую лицо. Добравшись до самого верха, они смогли лицезреть в полном масштабе величественную картину предзакатной природы. Море было удивительно спокойным и лениво протянулось до самого горизонта под золотым балдахином солнца.

Они молчали и просто стояли в ласковом океане света, наслаждаясь небесной красотой, завораживающей их своим великолепием. К сожалению, это волшебство довольно быстро рассеялось и солнце скрылось где-то позади, чтобы отправиться к далеким берегам, неожиданно оставив их в тени. Наступление полумрака сопровождалось резким снижением температуры, так что Федерика вздрогнула.

— Холодно? — спросил он, сжимая ее руку.

Она кивнула.

— Но это зрелище того стоило, — добавила она, сияя от счастья.

— Конечно, стоило. Не часто удается увидеть такое небо. Я рад, что разделил эти мгновения с тобой. — Он посмотрел на нее с любовью.

Она затаила дыхание и впиалась в него изумленным взглядом. Искренняя теплота его слов была совершенно неожиданной. В мучительной тишине последних месяцев она могла только грезить о них. Она мечтала снова оказаться с ним наедине, но дни текли однообразной чередой, и Федерика уже стала сомневаться, что такой момент может когда-нибудь наступить. А сейчас она смотрела в любимое лицо, пытаясь прочитать в нем его намерения. Но он только улыбался, не выдавая своих мыслей.

— Пойдем, а то опоздаешь на встречу к маме и у меня будут большие неприятности, — произнес он наконец, отпуская ее руку и засовывая свои в карманы дубленки, чтобы согреться. Обескураженная, она поплелась за ним к автомобилю.

Только когда они добрались до дороги, Федерика обнаружила, что они совсем забыли о Расте.

— Я не могу в это поверить! — причитала она. — Мой бедный дорогой Расти. Он, наверно, с ума сошел от разочарования, когда увидел, что его не взяли с собой.

— Мне так жаль, — оправдывался Сэм, сокрушенно качая головой. — Меня настолько захватил этот закат, что я совершенно обо всем забыл.

— И я тоже.

— Как ты думаешь, он нас простит? — спросил он, усмехаясь ей.

Федерика улыбнулась в ответ.

— Думаю, что да, если ты пообещаешь, что больше его не забудешь, — ответила она, забираясь в машину. Хвост Расти завилал с Максимально возможной в таком узком пространстве амплитудой, а сам он просто вибрировал от восторга, что снова встретился со своей хозяйкой.

— Думаю, что я должен заплатить за свой проступок, — сказал Сэм, глядя на возбужденное поведение пса.

— О Боже, неужели ты хочешь сообщить ему, что забираешь его с собой? — засмеялась она.

— Боюсь, Расти, что это был момент *только* для меня и твоей хозяйки, — сообщил он,

запускающая двигатель. — Придется тебе подождать до следующего раза.

Федерика мгновенно воодушевилась при мысли, что может быть и другой раз. Он не поцеловал ее, но совершенно точно дал понять, что она особенная и что он о ней заботится. Высадив ее возле дома дяди, он наклонился и нежно поцеловал ее в щеку. Она была уверена, что прикосновение его губ длилось дольше, чем обычно.

— Скоро увидимся, — сказал он, выпрямляясь.

— Спасибо тебе, Сэм. Я получила истинное удовольствие, — серьезно ответила она. — И Раста тоже, — быстро добавила она, боясь показаться излишне сентиментальной.

— И я тоже, — ласково произнес он. Он достал велосипед, пока она выпускала Расту, который, выскочив, тут же поднял ногу над колесом. Они хором рассмеялись, и Сэм сделал большие глаза. — Интересно, сколько я еще мог проехать безнаказанно? — пошутил он.

Федерика пожала плечами.

— Присматривай за ним, — сказал он, прежде чем снова нырнуть в автомобиль.

Федерика махала ему рукой до тех пор, пока машина не исчезла на проселочной дороге.

Лондон, осень 1994 г.

— Жизнь была бы намного проще для всех нас, если бы грабители входили в магазин в черно-белой полосатой тюремной форме, а выходили с мешками украденного за спиной, — сказал Найджел Делби, офицер службы безопасности, сидевший за столом, положив ногу на стул и переводя внимательный взгляд своих пронзительных голубых глаз с одного лица на другое. Он говорил с сильным йоркширским акцентом и являлся обладателем головы, которая была непропорционально мала по отношению к размерам его тела, как у ленивца. Федерика заметила, что, хотя он и обращался ко всем восьми новым членам персонала, его глаза, казалось, смотрели только на нее. — Но ведь они так не поступают, не так ли? И у них на лбу не написано, что они грабители. — Он рассмеялся собственной шутке и похлопал себя по бедру. Глаза Федерики невольно обратились на четко выделяющуюся выпуклость в его туго натянутых брюках. Смущенная тем обстоятельством, что ее внимание обратилось не совсем туда, куда следует, она сосредоточилась на его лице и том, что он говорил.

— Они выглядят так же, как вы и я. Через минуту я покажу вам видеозапись настоящих магазинных воров, и вы сможете увидеть, насколько они умны. У вас всех есть глаза — и я прошу использовать их по назначению. Вы всегда должны быть начеку. В таком магазине, как этот, каждый год ловкие жулики крадут товара на тысячи фунтов. — Он щелкнул языком и указал двумя пальцами на свои глаза. — Используйте их. Будьте бдительны. Теперь следующее. На телефонах вы увидите три кнопки: с кодировкой А, Б и С. Код А следует нажимать только в угрожающей ситуации. Скажем, например, если появляется человек с пистолетом и начинает угрожать вам лично или вашим клиентам — такой вызов поступает непосредственно в полицейский участок, и они гарантированно появятся здесь примерно через две минуты. Код Б нажимают, если кто-то подозрительно выглядит. Тогда я спускаюсь вниз и незаметно следую за ним по магазину. Код С предназначен для оказания помощи в общении с трудным клиентом или для разрешения конфликтной ситуации. — Он облизал губы сухим языком и посмотрел на Федерику. — Вопросы есть?

Один из парней поднял руку после ободряющего тычка от приятеля.

— А как именно выглядит подозрительный человек? — спросил он, стараясь не ухмыляться.

Найджел серьезно кивнул.

— Хороший вопрос, Саймон. Я бы сказал, что субъект выглядит подозрительно, если он носит бейсбольную кепку, небрит, неряшливо одет или если он кажется иностранцем.

Федерика посмотрела на коллег, чтобы увидеть, напуганы ли они так же, как она сама, но ничего не заметила.

— А если это женщина? — продолжал Саймон, рисуясь перед девушками, которые кокетливо улыбаются из-под челонок своих ухоженных причесок.

Найджел раздраженно фыркнул, озабоченный тем, чтобы из него не сделали посмешище.

— Господь дал тебе хорошие мозги, именно поэтому мы тебя и наняли. Подумай об этом. — Он снова щелкнул языком и включил видео.

Федерика старалась смотреть телевизор, но обнаружила, что ее взгляд снова вернулся к Найджелу Делби, длинные белые пальцы которого играли с пультом управления.

После лекции Федерика вернулась в отдел подарков, расположенный на первом этаже, и окунулась в плотный туман парфюмерии от Тиффани.

— Как там все прошло, дорогая? — спросила Генриетта, одна из девушек, работавшая в магазине уже пару лет. Она была высокой и полногрудой, с пристрастием к яркой одежде и блестящей бижутерии. — Боюсь, что у Найджела есть склонность получать удовольствие от звуков собственного голоса, поскольку, как я вижу, он морочил вас больше часа. Вероятно, ты ему понравилась. Он в определенной степени большой любитель женского пола, — добавила она и громко засмеялась.

— Не представляю, как он может иметь успех у женщин, — ответила Федерика. — Вся его неотразимость состоит только в довольно странной внешности.

— Девочка дорогая, ты бы удивилась. Хотя, конечно, он не Торквилл Дженсен, не так ли? — возразила Генриетта, поджимая свои вишневые губы.

— Кто такой этот Торквилл Дженсен?

— Ну конечно, ты не можешь знать, кто такой Торквилл. — Глаза Генриетты сияли от восхищения. — Торквилл — это самый эффектный мужчина из всех, с кем я когда-либо встречалась, — конфиденциальным шепотом доложила она. — Он племянник мистера Дженсена, чудаковатого старикашки, который владеет магазином, и делает здесь массу покупок.

— Я уже встречалась с мистером Дженсеном?

— Дорогая, если бы ты встречалась, то уже непременно знала бы об этом! — воскликнула Генриетта, перебирая пальцами жемчужное ожерелье на шее. — Он шляется повсюду с целой толпой прихлебателей и советников и никогда ни с кем не разговаривает. С персоналом он общается посредством пинков. Настоящий слизняк, а его племянник — это подлинное генетическое чудо! Старикан редко заявляется в магазин. Думаю, он посылает Торквилла, чтобы шпионить в его интересах. Будь осторожна, здесь все телефоны прослушиваются. Мистер Дженсен просто помешан на вопросах контроля.

— Неужели? — испуганно ахнула Федерика.

— Боже мой, да. Не делай никаких личных звонков, моя дорогая. Это не стоит того, чтобы тебя тут же вышвырнули отсюда. Несколько месяцев назад у Греты была помощница — очень хорошая девушка. И что же, один персональный звонок — и ее выставили на улицу. И никаких объяснений. Думаю, что комната для персонала тоже прослушивается, так что постарайся воздержаться от шуток в адрес мистера Дженсена или Ледяной девы.

— Ледяной девы?

— Это Грета. — Она фыркнула и сморщила нос.

— А какая она?

Генриетта теребила большой шелковый бант, повязанный на шее, то развязывая его, то снова затягивая.

— Это ужас, дорогая, сущий ужас на шпильках, — с пафосом сообщила она.

— О!

— Она из Швеции, и если ты спросишь, то скажу, что она никогда не бывает доброжелательной. Но не бойся, она со всеми холодна. Она говорит все, что думает, не стесняясь в выражениях. Торквилл однажды взял ее с собой в поездку на несколько недель, так теперь она воображает, будто стала здесь хозяйкой. Она позволила себе тогда

обращаться к мистеру Дженсену по имени, как к Вильяму. Ну ясно, что это продолжалось недолго, и сейчас Торквилл ее едва замечает. Хочу тебе посоветовать — просто выполняй ее распоряжения и не пытайся с ней воевать или становиться у нее на дороге. Тебе повезло, что ты такая молоденькая. Она к тебе не будет приставать. — Федерика облегченно вздохнула. — Но, с другой стороны, ты слишком хорошенькая. Это может стать проблемой.

— Мистер Дженсен женат?

— Нет, холостяк. Это позор — с такими деньжищами. И Торквилл тоже. Но у него на буксире всегда имеется очередная подружка. Представляешь, у него есть «Порше», и живет он в Литл-Болтонс. Это о многом говорит. Мой отец потерял все деньги в компании «Ллойдс». Проклятье, мне теперь нужно искать богатенького муженька. Подумать только, а ведь когда-то я была завидной наследницей. А где ты живешь?

— В Пимлико с двумя подругами, — ответила Федерика.

— Пимлико — славное местечко. Прелестные белые домики. Мне там нравится. Они кажутся гораздо большими, чем на самом деле, — заметила Генриетта.

Только они закончили разговор, как по лестнице, расположенной позади них, спустилась Грета, — стройная элегантная блондинка с волосами, собранными сзади на затылке в шиньон. На ней был темно-синий костюм от Шанель с золотыми пуговицами и такого же цвета туфли. Она оказалась гораздо старше, чем предполагала Федерика, ей было не меньше сорока, и, несмотря на свой высокий рост и изящную фигуру, она казалась глубоко несчастной женщиной.

Она направилась к Федерике и посмотрела на нее сверху вниз диктаторским взглядом своих льдистых голубых глаз.

— Извини, у меня не было времени приветствовать тебя как новую сотрудницу. Добро пожаловать в «Сент Джон и Смит». — Она ухитрилась улыбаться одной половиной лица, как бы демонстрируя вежливость. — Правило номер один состоит в том, что вы не должны слоняться без дела и заниматься весь день болтовней. Сюда приходят клиенты, которых нужно обслуживать, поэтому весьма прискорбно, что вы беседуете между собой и игнорируете их. Генриетта должна это знать. — Она говорила с легким акцентом, выговаривая слова с подчеркнuto холодным формализмом. Генриетта попыталась оправдываться, но Грета мгновенно оборвала ее с пренебрежительным фырканьем. — Она новенькая, значит, пока все будет без последствий, — резко сказала она. Когда она направилась из отдела в свой офис, Генриетта закатила глаза и подмигнула Федерике.

— Не обращай внимания, моя дорогая, тут собралась целая коллекция лицемеров, — сообщила она и затем посмотрела на часы. — О Боже, перерыв на перекур, так что увидимся через пятнадцать минут!

* * *

Федерика приехала в Лондон в конце лета 1994 года. Иниго купил Молли и Эстер квартиру на двоих на Бельгрейв-роуд, а они настояли, чтобы Федерика приехала и жила с ними за очень небольшую плату, поскольку в комнате Эстер нашлось место для второй кровати. Молли изучала историю в Лондонском университете, а Эстер поступила в школу искусств святого Мартина, пойдя по стопам матери.

Федерика не думала о дальнейшей учебе. Она хотела стать фотографом, как Джулиан и

ее отец, но Элен содрогалась при одной мысли о том, что ее дочь будет вести такую же кочевую жизнь, как Рамон, и призывала ее попробовать себя на другом поприще.

— Ты вначале должна заработать немного денег, а для этого нужно найти подходящую работу, — говорила она. — Когда сумеешь себя прокормить, можешь делать все, что захочешь.

Федерика же в основном видела в своих мечтах только Сэма. Эти сладкие фантазии прерывали однообразие длинных дней и наполняли ее ночи беспокойством и неутоленной страстью. В те редкие периоды, когда они встречались в его доме в Польшперро или мимоходом на квартире в Лондоне, он нежно улыбался ей и участливо расспрашивал о жизни. Но обещание чего-то большего, чем дружба, растаяло так же быстро, как небо цвета розового фламинго, оставив ее в сомнениях и догадках по поводу причины того, почему он так охладел. Жизнь вместе с Молли и Эстер только усилила ее влюбленность и постоянно напоминала ей о каждом шаге молодого мужчины, который впервые завоевал ее сердце на озерном льду уже больше десяти лет назад. Иногда он звонил, чтобы поговорить с сестрами. Если отвечала Федерика, она старалась контролировать дрожь в голосе стальным усилием воли и вести с ним беззаботную дружескую беседу, но затем жила каждым его словом до следующего звонка, как это бывает у страстных любовников. Несмотря на то что она старалась убедить себя, что нет никакого смысла любить Сэма и жить только воспоминаниями, которые он однажды с ней разделил, а сейчас, скорее всего, уже забыл, она не могла укротить свое сердце. В мире не существовало другого такого, как Сэм.

Впервые в жизни Федерика испытала, что такое быть независимой, и ей это ощущение очень понравилось. В конце сентября она получила свой первый чек на семьсот фунтов в качестве зарплаты. Генриетта составила ей компанию во время шопинга в Найтсбридж, и она ухитрилась потратить почти все на новые платья, ожесточенно споря с подругой, которая советовала ей выбирать такие же яркие цвета, которым отдавала предпочтение сама. В каждом магазинном зеркале Федерика искала ответ на вопрос, одобрил бы Сэм ее выбор или нет, но потом поймала себя на мысли, думает ли он о ней вообще. Однако Федерика не собиралась сдаваться: возможно, она еще слишком молода для него и он еще ждет, возможно... Появившись на следующий день на работе, она выглядела так, как подобает истинной обитательнице Лондона, в короткой серой юбке, на высоких каблуках и с идеальным макияжем, выполненным с использованием туши для ресниц и пудры, купленных по настоянию Генриетты.

Увидев ее, Грета ревниво фыркнула и сказала, чтобы она не слишком улыбалась.

— Ты не занимаешься рекламой зубной пасты, Федерика, и выглядишь слишком уж хорошо, так что не распугай своей красотой покупателей.

Федерика покраснела до корней своих светлых волос и опустила глаза от унижения.

— Так-то лучше, — заметила Грета. Затем с целью запятать ее подальше от торгового зала она отправила ее в подвал для наведения порядка на складе. — Хочу, чтобы там был такой порядок и чистота, что я смогла бы там позавтракать, — добавила она, возвращаясь в свое логово.

Несмотря на грубость Греты, Федерике нравилась ее работа. Она наслаждалась чувством защищенности, которое она ей давала, и деньгами, которые ей платили. Она смеялась вместе с веселой Генриеттой, а молодежь, работавшая в других отделах, быстро стала для нее одной большой семьей. Большинство покупателей вели себя любезно, а многие

даже приглашали где-нибудь встретиться, но Генриетта посоветовала не путать дело и удовольствие, так что она изящно отклоняла все предложения, хотя ей льстило, что на нее обращают внимание. Число питающих надежды мужчин, задерживавшихся в отделе подарков, росло вместе с уверенностью Федерики. Раздраженная Грета при каждой возможности отправляла ее на склад, но это не уменьшило число воздыхателей.

В одно холодное ноябрьское утро Федерика и Генриетта стояли у прилавка, когда из зимнего тумана возникла толстая старая цыганка с несколькими грязными сумками, наполненными чем-то вроде бумажных пакетов.

— Это работенка для Найджела, — радостно шепнула Федерика, нажимая на телефоне кнопку с кодом Б.

Генриетта захихикала.

— Он ее хорошо знает, дорогая. Эта женщина живет на улице и время от времени появляется здесь, чтобы воспользоваться туалетной комнатой.

— Как омерзительно, — сказала Федерика, наморщив нос от отвращения.

— Ты вот думаешь, что это омерзительно, если она посетит это заведение, — сказала Генриетта. — Но фокус состоит в том, чтобы никому не говорить об этом и надеяться, что Грета воспользуется туалетной комнатой сразу после нее.

— Проклятье! Уже слишком поздно, — прошипела Федерика, наблюдая, как Найджел спускается по лестнице с хищным выражением на физиономии.

Найджел трижды подмигнул Федерике, которая показала глазами на цыганку, энергично продвигавшуюся в сторону дамской комнаты. Найджел рванул вперед, ловко увернувшись от пары пожилых клиентов, но не успел догнать цыганку, которая прошмыгнула в маленькую комнату и заперла за собой дверь. Охранник забарабанил кулаками по двери, громко выкрикивая:

— Это полиция, прошу выйти из туалета.

На это официальное воззвание последовал краткий, но выразительный ответ цыганки:

— Пошел ты на... Я — леди!

В то же мгновение в магазине появился Торквилл Дженсен.

Грета моментально вылетела из своего офиса и двинулась к Федерике.

— Я вам двоим тысячу раз повторяла не торчать посреди магазина, обмениваясь сплетнями. Федерика, немедленно марш на склад и рассортируй последнюю поставку рамок для фотографий, — приказала она.

— Но там их сотни, — запротестовала Генриетта, чтобы как-то поддержать подругу.

— Не смей мне перечить. Я твой босс, и я дала распоряжение Федерике. Если у нее не хватает смелости самой обратиться ко мне, она может поискать другую работу, поскольку я терпеть не могу слабохарактерных людей. — Затем она развернулась к Федерике. — На склад. Прямо сейчас.

Федерика спешно ретировалась, и тут же к прилавку направился Торквилл Дженсен. Грета заулыбалась ему, но побелевшие губы и жалкое выражение глаз выдавали ее растерянность и страдания брошенной женщины.

Торквилл тоже натянуто улыбнулся.

— Привет, Грета, — произнес он, мельком глянув на нее, прежде чем переключить свое внимание на Генриетту. — Генриетта, ты сегодня премило выглядишь.

Генриетта засияла от удовольствия.

— Вы слишком добры, мистер Дженсен, — радостно ответила она, втайне наслаждаясь

болью, которую этот комплимент причинил Грете, несмотря на то что она знала — позже за этот кайф придется заплатить.

— Генриетта, я хотел бы приступить к своим рождественским закупкам. Думаю, ты сможешь мне помочь. Насколько я помню, когда речь идет о выборе подарков, ты — вне конкуренции.

— Конечно, мистер Дженсен, это будет для меня истинным наслаждением, — сладко протянула она, утопая в зелени его глаз и мысленно сожалея, что Федерика не сможет стать свидетелем момента ее славы.

— Грета, ты выглядишь немного бледной, — заметил он, с улыбкой глядя в ее напряженное лицо. — Должно быть, слишком много работаешь.

— Нет-нет. Я прекрасно себя чувствую, — запротестовала та, но ее лицо, казалось, начало плавиться, как мороженое на летней жаре.

Когда Торквилл и Генриетта зашагали сквозь толпу покупателей, те уважительно уступали им дорогу, но вовсе не в связи со статусом Торквилла, а исключительно отдавая дань его ослепительной красоте.

Грета ощутила, как где-то в животе закипает желчь, и поплелась обратно в офис зализывать раны своей уязвленной гордости.

— Пошел ты на... Я — леди, — протестующе заверещала цыганка.

— Никакая ты не леди, — зашипел Найджел через дверь, надеясь, что никто из покупателей его не услышит. — Я тебя в последний раз предупреждаю, что, если ты не выйдешь, мы выломаем дверь и вытащим тебя силой.

— Почему леди не может мирно справиться нужду? — закричала она. — У меня есть права. Мочеиспускание — процесс единый как для герцогини, так и для бродяжки. Я не герцогиня, но я леди от и до.

— Раз так, ладно. Мы начинаем.

— Хорошо, хорошо, — быстро сказала она, открывая дверь. Найджел содрогнулся от сопровождавшего ее шлейфа зловония. — Не дадут даже помочиться спокойно, — вопила она, проталкиваясь мимо него. Покупатели морщились, когда она вразвалочку шествовала по отделу, бросая на них злобные взгляды. — Бьюсь об заклад, что вам-то он позволит спокойно помочиться, — накинулась она с визгом на ничего не подозревавшую пожилую даму, примерзшую на месте от отвращения. — В вашей забегаловке воняет, как у дьявола в заднице! — добавила она напоследок, прежде чем исчезнуть на улице. Весь магазин, казалось, вздохнул с облегчением. Только Генриетта и Торквилл продолжали шопинг, не обращая внимания на возникшую суматоху.

Через пару часов занятий распаковкой фотографических рамок и раскладывания их в аккуратные стопки на полках Федерика была очень рада увидеть возбужденное лицо Генриетты, появившееся в дверном проеме.

— Дорогая моя девочка, ты мне не поверишь, но здесь только что был Торквилл Дженсен и провел два часа вместе со мной, занимаясь покупками, — громко зашептала она, боясь быть услышанной.

— Неужели? — воскликнула Федерика, пытаясь разделить ее радость.

— Он просто размазал Грету по стенке. Видела бы ты ее лицо — она зачала на глазах. Вот корова тупая.

— Какая прелесть.

— Он такой красавчик, что можно рехнуться. Я хотела бы, чтобы ты его увидела. Он темноволосый и загадочный, с прекрасными зелеными глазами, которые могут становиться голубыми, в зависимости от цвета одежды. Сегодня на нем был зеленый кашемировый свитер, так что они были зелеными, как изумруды. Он такой элегантный и прямо светится богатством и уверенностью. Не могу поверить, что ты его не видела — ты просто не сможешь меня понять. — Федерика пожала плечами. — Как бы то ни было, он купил массу вещей, их отнесли наверх, а нам с тобой предоставлена честь их упаковать.

— О, за что же мне такое счастье! — саркастически воскликнула Федерика.

— Ты запоешь по-другому, как только его увидишь, — уверила ее Генриетта, глядя на аккуратные стопки рамок. — Знаешь, я не удивлюсь, если Грета послала тебя вниз преднамеренно, как только заметила, что он входит. Ты бы ему наверняка понравилась — блондинки его слабость.

— Не думаю, что он обратил бы на меня внимание, Генриетта. Кроме того, я бы этого не хотела. Мое сердце жаждет кое-кого другого, — сказала она и уселась на стул.

— Кто он? — спросила Генриетта, прислонившись к дверному проему.

— О, это тот, кого я знаю почти всю мою жизнь. Хотя все это напрасно, я его не интересую, — ответила она и улыбнулась подруге, стараясь не раскрывать всю глубину своих страданий.

— Когда ты увидишь Торквилла, то никого другого больше уже не захочешь, — заверила ее Генриетта, зная, что она сама в своей жизни никем так больше не будет восхищаться. — Если Торквилл женится, я должна буду постричься в монахини, — с ухмылкой добавила она. — Пойдем, я думаю, что Золушка уже достаточно настрадалась в подземелье.

У Федерики не было никакого желания встречаться с Торквиллом Дженсенем. Ее сердце принадлежало исключительно Сэму Эплби. Как только она пыталась перенести свои чувства на кого-то другого, ее тяга к Сэму усиливалась еще больше. Ей нравилась его озорная усмешка, копна рыжеватых волос, умные глаза, властный характер и уверенность в себе. И она постоянно тосковала без него.

С матерью она разговаривала почти каждый день. Элен теперь уже не беспокоилась о Федерике, которая с годами превратилась в чувственную молодую женщину, способную позаботиться о себе. Ее беспокоил Хэл. Он никогда не был легким ребенком в отличие от сестры, но зато всегда отличался послушанием. Сейчас у него возникли проблемы в школе, он провалил экзамены и приобрел дурную привычку подвергать сомнению все, что она делала, и спорить с ней только лишь для поддержания имиджа трудного подростка. Она оплакивала потерю того ребенка, который всегда держался за мать и смотрел на нее обожающим взглядом. Теперь его отношение к ней менялось столь же часто, как и настроение: он то огрызался, то выказывал ей свою безграничную любовь. Она обнаружила, что ее жизнь превращается в американские горки, с которых нельзя соскочить. На уик-энды он исчезал с друзьями и возвращался зачастую только к утру, пропитанный запахом спиртного и сигарет, подчас едва способный подняться по лестнице и добраться до постели.

Элен пребывала в отчаянии. Артур окружил ее вниманием и поддержкой, ничего не требуя взамен. Он спокойно выслушивал, как она выгружала ему свои тяжкие мысли, и давал мудрые советы, несмотря на то что знал — она не примет к сведению ни единого его слова.

Ее отношение к сыну было слишком предвзятым и не позволяло принять объективную оценку ситуации.

— Игнорируй его, дорогая, — рекомендовал Артур. — Он питается твоей заботой как паразит, и, как только она иссякнет, проблема отпадет сама собой.

— Мой сын — не какой-нибудь паразит! — резко возразила Элен, прежде чем напустить на лицо ледяное выражение ошибочно понятой мученицы. Но Артур прекрасно понимал мотивы поведения Хэла. Этому ребенку потворствовали всю его жизнь, поскольку Элен никогда не переставала ощущать вину за то, что лишила его отца. По мнению Артура, мать, чувствуя вину, являлась очень опасным фактором. Хэлу нужна была железная рука, в противном случае он будет продолжать расширять границы дозволенного настолько, насколько сможет. Но Элен не могла позволить мужу применить свой авторитет и, вместо того чтобы завоевать доверие сына строгостью, пыталась сделать это снисходительностью.

Федерика тоже выслушивала причитания матери с терпеливостью лечащего врача. Вначале, когда дочь только переехала в Лондон, Элен интересовалась ее новой работой и квартирой, но, как только та устроилась, ее любопытство иссякло и единственной темой разговоров стал Хэл. Если Федерика пыталась переменить предмет беседы, Элен ее либо сразу прекращала, либо же снова переводила беседу на тему, касающуюся сына. Хэл перестал быть ее развлечением и стал ее жизнью, а его проблемы поглощали все ее внимание.

Жизнь Федерики в Лондоне была настолько далека от Польшперро, что она смогла полностью отделиться от конфликтов семьи. Вначале все было так необычно, что у нее не было времени тосковать по дому. Но позднее, разговаривая по телефону с Тоби и Джулианом, она внезапно стала ощущать тягу к морю и крику чаек, к свежему соленому воздуху и тихим ночам. А еще она очень скучала без Раствы, которого пришлось оставить у дяди. Приехав в Лондон, она поняла, что этот город не для таких собак, как Раства, который обожал длительные прогулки по бескрайним полям и игры на морском берегу. Он быстро зачих бы в таком месте, как Лондон, но ей все равно не хватало его компании.

Первое время ей было трудно засыпать в городе из-за шума машин и завываний полицейских сирен в ночи, заставлявших ее кровь холодеть в жилах. Но уже через месяц этот шум стал казаться даже приятным, а свет желтых уличных фонарей, проникавший в маленькую спальню, которую она делила с Эстер, будил уже давно, казалось, забытые воспоминания. Более детально ознакомившись с улицами своего нового места жительства, она ощутила все возрастающее чувство сопричастности к нему. Лондон перестал казаться грандиозным лабиринтом, которого нужно бояться, и превратился в дружелюбный город, которым можно наслаждаться. Она завела новых подруг, с которыми почти каждый вечер ходила в кино, в театр или просто в паб, где они беседовали и играли в нарды до самого закрытия. Однако мысленное присутствие Сэма преследовало ее повсюду, куда бы она ни отправлялась, что заканчивалось, как правило, тем, что она активно отгоняла мужчин, мечтавших добиться ее взаимности.

Именно тогда, когда она думала, что ничто не сможет погасить ту страсть, которую она питала к Сэму, некто вошел в ее жизнь, чтобы изменить ее навсегда.

— Грета хочет, чтобы мы переместили весь китайский фарфор в другую часть отдела, — мрачно сообщила Генриетта, как только Федерика появилась в отделе.

— Ты уверена? Ведь это то же самое, что гору передвинуть, — ответила Федерика и вдруг заметила черные круги вокруг погрузневших глаз Генриетты. — С тобой все в порядке?

— Прошлой ночью я не смогла попасть в свою квартиру и маршировала по улицам до самого рассвета.

— Ты должна была позвонить мне, — сказала Федерика.

— У меня с собой не было твоего номера, дорогая. Я в порядке. Но только, пожалуйста, защити меня от Греты. — Она вздохнула и вяло улыбнулась. — Очевидно, что Торквилл сегодня снова объявится, чтобы продолжить покупки. Все подарки, которые мы упаковали, доставят до уик-энда, но ему нужно кое-что еще. Я выгляжу ужасно и не вынесу этого, — снова вздохнула она и стала тереть глаза.

— Ты никогда не будешь ужасно выглядеть, Генриетта. А им займется сама Грета, — успокоила ее Федерика, закрывая свою сумочку под прилавком. — Это поможет улучшить ее настроение.

— Будем надеяться, — простонала Генриетта.

Задолго до полудня они уже справились с перестановкой фарфора и устало подпирали прилавок, когда появился мистер Дженсен, сопровождаемый группой одетых в темные костюмы мужчин, почтительно и односложно отвечавших на все его вопросы: «Да, мистер Дженсен, конечно, мистер Дженсен». Генриетта и Федерика выпрямились и вежливо заулыбались.

— Это мистер Дженсен, — прошипела Генриетта.

— Не думай, что я не заметила, — прошипела в ответ Федерика. — Стоило только посмотреть на эту свору лизоблюдов! — Свита остановилась и стала оглядывать зал, приглушенно комментируя товары, расставленные в витринах. — Слава богу, что мы успели справиться с перестановкой фарфора до его прихода, — сказала Федерика.

— В самый последний момент, — ответила Генриетта. — Он бы разозлился, если бы увидел, что тут творилось.

Маленькие глазки мистера Дженсена ничего не упускали. Он просканировал помещение одним длинным пронизывающим взглядом, который задержался на ангельском лице Федерики. Дженсен приосанился и что-то шепнул в склоненное ухо одного из своих помощников. Одновременно из своего офиса выплыла Грета.

— Помнится, я уже говорила вам обеим, чтобы вы не занимались пустой болтовней, — возбужденно сказала она с акцентом, усиливающим агрессивность ее тона.

— Доброе утро, Грета, — произнес мистер Дженсен, появляясь перед ней как бы из ниоткуда. — Не припомню, чтобы мы уже встречались, — добавил он, поворачиваясь к Федерике. Грета удивленно заморгала, но быстро пришла в себя и напыщенно застыла на месте.

— Федерика Кампione, — представилась Федерика, протягивая руку.

— Это подлинное удовольствие, что вы здесь работаете, — с улыбкой заявил он, с любопытством разглядывая ее. — Нам нужны такие солнечные лица, как у вас, с тем, чтобы

они стали лицом магазина. — Он хмыкнул и прищурил свои маленькие черные глазки. — Постарайся, чтобы она всегда была на виду, Грета.

Грета с готовностью кивнула.

— Конечно, мистер Дженсен. Я умею отличать ценных сотрудников.

— Хорошо, — удовлетворенно фыркнул старик. Затем, когда он обнаружил, что фарфор переместили в другое место, его лицо потемнело. — Что это за изменения в отделе? — возмущенно спросил он. Все прихлебатели мгновенно выпрямились и сложили руки на своих голубиных грудях, демонстрируя всеобщее негодование.

— О, — вздохнула Грета, в ужасе сжимая руки. — Я могу только принести свои извинения. Федерика — новенькая и неправильно поняла мои указания, — не моргнув глазом, доложила она. Щеки Федерики заалели румянцем. Мистер Дженсен кивнул, и его помощники тут же, как по команде, опустили руки.

— Вероятно, вам нужно постараться, чтобы в следующий раз вас правильно поняли, — жестко сказал он. — Я хочу, чтобы все вернулось на свои места, — добавил он, щелкнув в воздухе пальцами, будто призывая официанта. Потом он повернулся и, сопровождаемый свитой, направился по лестнице в мебельный отдел.

— Вы слышали его, выполняйте! — раздраженно взвизгнула Грета. — А ты, Генриетта, если еще хоть раз появишься на работе в таком виде, я отправлю тебя домой навсегда. Тебе все понятно? — Генриетта кивнула. Она слишком устала, чтобы огрызаться. — А теперь поторопитесь, пока он не вернулся.

Федерика беспомощно наблюдала за тем, как она скрылась в офисе.

— У меня нет слов, — выдохнула она.

— Тебе пора привыкать, моя дорогая, она постоянно прибегает к подобным трюкам. У меня уже неоднократно были проблемы, когда она снимала с себя ответственность. Она ловко прячется за нами, но ей доверяют, поскольку дела идут хорошо, поверь мне. А сейчас пора возвращаться к тому, с чего мы начали. Корова подлая! — пробормотала она, снова доставая из ящика ключи от шкафов.

Федерика занималась обратными перестановками, тихо закипая от ярости. Генриетта от усталости была не склонна к разговорам, оставив ее наедине с жалостью к себе и сожалением об отсутствии сильного характера, который позволил бы ей постоять за себя. Когда в магазин вошел высокий мужчина, затянутый в кожу, в черном сверкающем мотоциклетном шлеме, она нажала кнопку Б на телефоне и стала ждать появления Найджела Делби.

Найджел спланировал сверху с ловкостью полисмена из пантомимы. Федерика поймала его взгляд и кивнула в сторону подозрительного мужчины, который завис на входе. Найджел важно приблизился к нему и попросил снять шлем.

— Боюсь, что в нашем магазине находиться в шлеме не разрешается, — непрекаемым тоном члена Палаты лордов сообщил он. Человек, как бы изумленный услышанным, склонил голову в сторону, прежде чем снять перчатки и затем шлем. Он встряхнул своей густой шевелюрой цвета воронова крыла и оказался не кем иным, как Торквиллом Дженсеном. Найджел забормотал свои извинения и стал уменьшаться на глазах.

Федерика тяжело вздохнула, краска сбежала с ее лица. Генриетта была права: он действительно оказался самым красивым мужчиной, которого она когда-либо видела. Найджел отступил, почти что кланяясь, и быстро ретировался вверх, чтобы в тиши кабинета остудить свое унижение.

Торквилл посмотрел на Федерику своими фантастически зелеными глазами и заулыбался.

— Так, значит, вы — охранник магазина? — спросил он, подходя к ней и бросая шлем на прилавок. — Я Торквилл Дженсен. — Он протянул руку и наблюдал за краской на ее лице таким же пристальным взглядом, как делал это его дядюшка несколькими минутами раньше.

— Федерика Кампione, — хрипло ответила она.

— Итальянка?

— Я родом из Чили.

— Что за прекрасная страна! — воскликнул он. — Я еще юношей там путешествовал, — сказал он, нахально ухмыльнувшись. — Это может прозвучать несколько грубо, но я так потрясен вашей внешностью, что, кажется, забыл, зачем сюда пришел. — Федерика неловко поежилась и тут же ощутила трепетное волнение в животе, будто там помахала крылышками бабочка. — Вы очень красивы, — продолжал он. — Должно быть, вы новенькая. Никто другой не стал бы с таким увлечением помогать Найджелу Делби. — Он захохотал. — Вы оказали ему услугу. Он думает, что является более важной персоной, чем есть на самом деле. Такие типажки нуждаются в том, чтобы с них периодически сбивали спесь.

— Я должна извиниться. Это была ошибка, — сказала она, думая о том, как Найджел в одиночестве стучит по столу костяшками своих длинных пальцев, пытаясь избавиться от ощущения досадного просчета в своих действиях, и почувствовала себя виноватой. — Он только выполнял свою работу, — добавила она в его защиту.

— А вы только выполняете свою, — дополнил он. — Я только что купил новый мотоцикл, вам необходимо будет как-нибудь прокатиться, — сообщил он, лаская ее своим испытующим взглядом. Она застенчиво улыбнулась. Он скрестил руки и прислонился к прилавку. Она отступила, когда острый запах его кожаной куртки и тепло, исходящее от его тела, стали наполнять ее слишком интимными ощущениями. — О, я вспомнил, зачем пришел. Мне нужно кое-что для молодой женщины, — сказал он, затем немного подумал, потирая рукой щетинистый подбородок. — Для молодой женщины примерно вашего возраста. Рождественский подарок. Что бы ей могло понравиться?

— Насколько близко вы знакомы? — деловито спросила она, стараясь говорить официально, несмотря на его дурманящую близость.

— Не слишком близко. Но я хочу ей что-нибудь подарить, — легкомысленно заявил он, улыбаясь ей.

— Сколько вы хотите потратить?

— Деньги не имеют значения. Если бы вы работали здесь подольше, то знали бы об этом. Я никогда не смотрю на цены, они дают только общий ориентир. Вот что бы вам, например, понравилось?

— Ну, если вы не очень близко знакомы, я бы посоветовала приобрести какую-нибудь прелесть, но не слишком интимного плана. Дайте подумать, — попросила она, окидывая магазин взглядом и стыдясь того, что его взгляд заставил ее щеки запылать. Она заметила Генриетту, прячущуюся за стеклянными шкафами с фарфором, который они только что перенесли, и ей захотелось, чтобы подруга пришла к ней на помощь. Но Генриетта ощущала себя сегодня слишком уродливой, чтобы показаться важному клиенту, и так сильно пригнулась, что даже Федерика едва смогла ее обнаружить.

— Что вы скажете по поводу этих очаровательных фарфоровых китайских горшков?

Можно купить какое-нибудь растение и подарить вместе.

— Вам нравятся растения? — спросил он.

— Конечно. Все женщины любят растения.

— Мне нравится ваша идея, но предложите что-нибудь еще, — попросил он, не отрывая от нее глаз.

— Может быть, картину? — предложила она, глядя на мозаику картин, развешанных на стене.

— Я не знаю ее вкуса, — задумчиво произнес он. — А как насчет серебряных фотографических рамок, которые она наверняка сможет использовать по назначению?

— О, кажется, я знаю, — обрадовалась она, подводя его к запертому стеклянному шкафу, где были размещены богато украшенные серебряные рамки. — Их только что доставили из Китая. Они такие изящные, не правда ли? Если вы не слишком хорошо знакомы, это будет идеальным подарком.

— Вы — хороший продавец, — заметил он, взяв у нее рамку. — Если бы мужчина подарил вам такую, вам бы понравилось?

— Ну конечно. Если бы кто-то мне ее подарил, я была бы рада.

— Хорошо, тогда заверните ее. Это несложно.

Она начала заворачивать покупку дрожащими руками, поскольку его глаза следили за каждым ее движением с нескрываемым восхищением.

— Вы возьмете это с собой или предпочитаете доставку?

— Я возьму это сейчас, — ответил он, обезоруживая ее очередной ослепительной улыбкой.

— Желаете посмотреть что-то еще?

— На сегодня достаточно. Но я заеду в другой раз, что даст мне возможность снова с вами увидеться, — сказал он, понизив голос. Федерика лихорадочно пыталась найти уместные слова, но у нее ничего не получилось. Она смотрела на него, онемев от охватившего ее странного состояния. После его ухода перед ее глазами образовался вакуум, в который Федерика продолжала смотреть, будто увидев там нечто, недоступное чужому взгляду. Когда она восстановила дыхание, то осознала, что едва была в состоянии дышать, пока Торквилл находился рядом.

Остаток дня прошел в совершенно сомнамбулическом тумане. Вернувшись домой, она с трудом могла вспомнить хоть что-то из происшедшего после ухода Торквилла Дженсена, но прекрасно запомнила каждое слово из их разговора, будто выучив его наизусть. Когда она сидела за стаканчиком вина в компании Эстер и Молли, раздался звонок в дверь. Эстер открыла и обнаружила мальчика-посыльного с двумя пакетами для Федерики. Увидев размеры второго пакета, Федерика задрожала. Это было большое растение в сине-белом китайском горшке, точно таком, какой она рекомендовала Торквиллу утром.

— От кого бы это могло быть? — изумленно ахнула Эстер.

— В квартире это будет смотреться бесподобно, — заметила Молли, принимая горшок у Федерики и устанавливая его в гостиной, где продолжила его распаковывать. — А что в другом пакете?

— Думаю, что там рамка для фотографии, — голосом пророка сообщила Федерика.

— Откуда ты знаешь? — спросила Эстер.

— Просто знаю, и все.

— Ладно, давай посмотрим, — нетерпеливо сказала Молли, стряхивая пепел на горящую конфорку плиты. — Он сам не откроется от того, что ты на него глазеешь.

Федерика аккуратно разорвала бумагу и извлекла изящную китайскую рамку.

— Это потрясающе, — в восхищении прошептала Эстер. — Только посмотрите, какие дивные птички на ней выгравированы! — добавила она, удивленно проводя по рамке рукой.

— Это тоже будет прекрасно смотреться в гостиной, — заявила Молли, делая очередную затяжку.

Но Федерика крепко ухватилась за рамку.

— Я помещу в нее фотографию папы, — твердо сказала она. — И повешу возле своей кровати.

— Отлично! — воскликнула Эстер. — И тогда я тоже смогу ею любоваться.

Федерика поспешно прошла по коридору в свою спальню и закрыла за собой дверь. До нее доносилось перешептывание Молли и Эстер, гадавших, кто бы мог купить ей такие дорогие подарки. Но она, не обращая на их болтовню никакого внимания, присела на кровать, чтобы заменить рамку на фотографии отца. Она провела пальцем по его красивому лицу и заметила, насколько темноволосый Торквилл оказался похож на Рамона. Те же смоляные черные волосы, та же оливковая кожа и такой же мужественный рот. Правда, глаза их заметно отличались. Глаза Рамона были черными и загадочными, как Вселенная, а глаза Торквилла были светлыми и сияли, как зеленые озера. Она поместила снимок в рамку и поставила его на тумбочку, а затем села на кровать, чтобы полюбоваться результатом. Именно в таком положении — когда она зачарованно вглядывалась в тайные миры своего отца, и застала ее Эстер.

— Я не хотела тебя беспокоить, — извинилась та, выводя подругу из транса.

— Нет, что ты, все в порядке, — Федерика отвела глаза в сторону.

— Кто он? — спросила Эстер. — Думаю, что он — это «он», — она хихикнула.

— Мой Бог, Эстер. Ты бы только его видела. Это самый красивый мужчина, которого я когда-либо встречала, — восторженно заявила Федерика и прилегла на подушку. — Он высокий и темноволосый со светло-зелеными глазами. Когда он улыбается, у меня все внутри переворачивается. Возникает такое ощущение, будто меня сбил грузовик.

— Похоже на одну из стрел Купидона, — ухмыльнулась Эстер, усаживаясь на свою кровать. — Где ты его встретила?

— Он — племянник владельца магазина «Сент Джон и Смит». К счастью, он вовсе не такой лысый коротышка, как его дядя.

— Значит, он просто зашел в магазин?

— Да, но я подумала, что это грабитель, потому что на нем был мотоциклетный шлем, и позвала Найджела Делби, чтобы тот его проверил. В итоге получилась полная неожиданность.

— Но он не обиделся, насколько я понимаю.

— Нет, он был восхищен. — Она улыбнулась, припоминая этот момент.

— Весьма восхищен, как я вижу, — сказала Эстер, любясь рамкой. — И им тоже восторгаются.

— Думаю, что им восторгается большинство женщин.

— А сколько ему лет?

— Много, — ответила Федерика и вспыхнула.

— Ладно, сколько это — много. Пятьдесят?

— Нет, конечно, но где-то около сорока.

— Н-да, многовато, — согласилась Эстер, но тоже не могла скрыть своего восторга.

— Зато зрелый, уверенный в себе и обеспеченный, — выпалила Федерика и тут же озабоченно прикусила губу.

— Ты хочешь сказать богатый и надежный. Такой, который позаботится о тебе и развеет все твои заботы блеском обручального кольца. — Эстер рассмеялась.

— Нет, он просто взрослый мужчина, а не такой сопляк, как те, которые мне обычно встречаются.

— Боже, как это увлекательно. Я просто не могу поверить! — воскликнула Эстер, сцепляя пальцы рук.

— И я тоже.

— Что ты намерена делать?

— Не знаю, — вздохнула Федерика и ощутила, как ее тело охватывает волна возбуждения. — Не думаю, что мне сегодня удастся уснуть.

— О, как непостоянно твое сердце, — засмеялась Эстер, медленно вставая.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Просто я думала, что ты любишь Сэма, — ответила та, дружески улыбаясь. — А я-то надеялась, что он сделает тебя полноправным членом нашей семьи.

— Ах, Эстер, перестань, — ответила Федерика, отмахиваясь и качая головой. — Эта детская влюбленность уже давно в прошлом.

— Значит, с этим сейчас покончено, да? — уточнила Эстер. Затем она пожала плечами и удалилась, оставив Федерику наедине со своими мыслями.

* * *

На следующий день Федерика зашла в магазин с горящими щеками, опасаясь, что все узнают о том, что Торквилл прошлым вечером прислал ей подарки. Грета собрала персонал отдела и раздраженным голосом прочитала лекцию о том, как надо вести себя в торговом зале и что не следует собираться кучками и сплетничать, когда необходимо заниматься с покупателями. Никто не заметил взглядов Федерики, которые она украдкой бросала на сотрудников, пока ее глаза не остановились на ковре, где перед ней, словно кинолента, стали проступать яркие изображения образа Торквилла, который она сохранила в тайниках своей памяти.

Когда в десять утра открылись двери магазина, Федерика получила телефонный вызов. С трепетом в сердце она взяла трубку.

— Доброе утро, — раздался озорной голос Торквилла. — Вы получили мои подарки?

— Да, — ответила Федерика, стараясь, чтобы ее голос звучал спокойно. — Не следовало этого делать.

— Конечно нет. Но это доставило мне удовольствие, — ответил он, тронутый ее очевидным волнением.

— Спасибо.

— Я понимаю, что это несколько опрометчиво, но я ничего не мог с собой поделаться. Вы меня простите?

Федерика засмеялась, чтобы скрыть смущение.

— Конечно.

— Я знаю, что мои слова также покажутся вам несколько поспешными, но не позволите ли вы пригласить вас провести вместе со мной сегодняшней вечер?

— О, я...

— Пожалуйста, только не говорите «нет», иначе вы разобьете мое сердце, — умолял он.

— Хорошо...

— Только так я смогу узнать вас поближе. Я ведь не могу снова появиться в магазине, как вы считаете?

Федерика засмеялась.

— Ладно, думаю, в этом нет ничего дурного, — согласилась она, обмахивая лицо пачкой квитанций с заказами.

— Я заеду в восемь на вашу квартиру. У меня есть для вас нечто особенное, — сообщил он. — Наденьте что-нибудь потеплее.

— Идет, — сказала она, сгорая от любопытства по поводу сюрприза, требующего одежды потеплее.

— Тогда до встречи, — добавил он.

Федерика положила трубку и застыла на месте, будто мир стал совсем другим. И это ее пугало.

Когда Грета вызвала ее в офис, она сразу догадалась, что начальница уже все знает по поводу звонка, и начала извиняться, боясь потерять работу. Но Грета остановила ее словоизлияния одним взглядом своих ледяных голубых глаз.

— Это не должно повториться. Ты знаешь, что все телефонные звонки в этой компании прослушиваются. Я говорю это для твоего же блага.

— Извините, — пробормотала Федерика.

— Если хочешь, чтобы тебе звонили по личным вопросам, пусть тебе звонят во время ланча в комнату для сотрудников. Если это срочно, то могут позвонить мне, и я передам тебе сообщение. Но если каждому начнут звонить персонально, то кто же будет работать в отделе? Я ясно выражаюсь?

— Да, Грета.

— Хорошо. Надеюсь, больше на эту тему нам беседовать не придется.

Федерика не решалась рассказать Генриетте о Торквилле, боясь ее взволновать. Поэтому она провела этот день как обычно, скрывая свое возбужденное состояние и ускоренный ритм сердца, придававшие ей удвоенную энергию, но мешавшие работе. К полудню она едва могла сосредоточиться даже на простейшей задаче и вздохнула с облегчением, когда наконец смогла успокоить нервы, приняв ванну с ароматическим маслом.

Молли отменила поход с выпивкой, который планировала осуществить с парой приятельниц из университета, и зависла с сестрой у окна, чтобы взглянуть на темноволосого незнакомца, который ухаживал за их подругой.

У Федерики не было ничего из вечерних нарядов. Весь ее гардероб состоял из практичных рабочих костюмов. Поэтому Молли позаимствовала ей кремовый кашемировый джемпер, подходящий к черным джинсам, а Эстер предложила свою новую дубленку,

купленную в «Харвей Николс». Когда на улице остановился сверкающий «Порше» и из него вышел безукоризненно одетый Торквилл в черных замшевых брюках, они просто остолбенели.

— Боже, он просто сногшибательный, — воскликнула Молли, разинув рот.

Эстер бросилась к сестре, чтобы получше разглядеть красавчика.

— Вау, Федерика, неужели это он? — восторженно завизжала она. — Да ты просто счастливица.

Федерика, дрожа, застыла у двери.

— Я так нервничаю. Кажется, мне сейчас станет дурно, — хрипло выдавила она из себя. — Я не знаю, что говорить.

— Не будь смешной, — резко сказала Молли. — Ты обязательно найдешь что сказать. То, что он красавчик, вовсе не делает его отличным от прочих людей. Может быть, он тоже нервничает.

— Расслабься, Феде, — подбодрила ее Эстер. — Позволь ему тебя развлекать. Именно так мне говорила мама.

— Он чертовски хорош, — вздохнула Молли, зажигая сигарету и сожалея, что он познакомился не с ней. — Только не изображай невинность. Он ожидает изощренную женщину.

— О Боже, Молли, — взмолилась Федерика, — ты меня еще больше нервируешь.

— Ладно, но, если ты сейчас не выйдешь, он просто уедет, и на этом все веселье закончится, — командным голосом сообщила Молли. — Вперед!

Когда Федерика спустилась по ступеням на улицу, ее бледное лицо и тревожные глаза засияли от отраженного света уличных фонарей, и Торквилл ощутил, как внутри него разливается огненная лава, поднимающая его над землей. Она подходила к нему с той же робкой улыбкой, которая заставила вчера воспарить его душу. Он приветствовал ее легким поцелуем, ощутив при этом аромат иланг-иланга, который она добавляла в ванну. — Вы выглядите потрясающе, — выдохнул он и заметил, как ее щеки зарумянились от удовольствия. Открыв дверь салона, Торквилл усадил ее на кожаное сиденье. Затем он обошел машину, поднял глаза вверх к окну, где к стеклу прижимались лица Молли и Эстер, и помахал им рукой. К его изумлению, лица девушек, как пара привидений, мгновенно испарились.

— Я рад, что вы тепло оделись, — сказал он, поворачивая ключ в замке зажигания и выруливая на дорогу.

— Куда мы едем? — спросила она.

— Сюрприз, — сообщил он, довольно улыбаясь.

— Вы любите сюрпризы, да?

— Если только я сам их делаю. Но даже не думайте когда-либо пытаться сделать сюрприз мне. Мне это не понравится.

— Я запомню.

Они ехали вдоль дамбы в направлении Парламентской площади. Наступила холодная, сухая ночь. Звездное небо раскинулось над туманно мерцающим городом, который никогда не погружался в сон, а полная луна отражалась в Темзе, словно призрак затонувшего корабля. Федерика и мечтать не могла о более романтической ночи. Она открыла окно и

позволила прохладному воздуху остудить ее нервозность. Торквилл припарковал автомобиль и достал из багажника плетеную корзину и коврик.

— Зачем это? — удивленно спросила она.

— Все это элементы сюрприза, — ответил он, вскидывая брови. — Следуйте за мной и скоро все поймете.

Она пошла вслед за ним через зазор в стене у Темзы и спустилась по влажным ступеням к прелестному маленькому катеру, покачивавшемуся на волнах. Их ждал старый шкипер, чье философское спокойствие напомнило ей о моряках, рядом с которыми она выросла в Польперро, и она ощутила приступ ностальгии. Моряк кивнул ей без улыбки и протянул свою загрубевшую руку, чтобы помочь подняться на палубу. Она воспользовалась его помощью и ступила на катер. Торквилл забрался следом и сел впереди, бросив коврик вниз.

— Так, а теперь отправляемся в долгий путь, — сообщил он, с удовлетворением отмечая ее улыбку. Он взял Федерику за руку, чтобы поддержать. — Ну что ж, начинаем веселиться и посмотрим, что у нас имеется для начала, — сказал он, взявшись за корзину для пикника.

— Я не могу поверить, что вы организовали все это для меня! — воскликнула она, усаживаясь.

— Я хочу произвести на вас впечатление, — искренне ответил Торквилл. — Ладно, Джек, мы готовы прокатиться, — крикнул он шкиперу, который коснулся своей фуражки и скрылся за панелью управления. Двигатель взревел, затем перешел на тихий стук, и они отправились в ночное путешествие вдоль залитой лунным светом Темзы.

Торквилл устроился рядом с ней и открыл корзину.

— Давайте начнем с бокала шампанского, — предложил он, вручая ей хрустальный бокал. — Вы когда-нибудь бывали на Темзе?

— Только в автомобиле проезжала по дамбе. — Она засмеялась.

— Хорошо. Я рад, что это в первый раз, — сказал он, наливая в ее бокал шампанское.

— Что за бесподобная ночь, ее вы тоже организовали?

— Я сделал все, что мог.

— У вас хорошо получилось.

— У меня хорошо получилось, что я нашел вас, — тихо сказал он, чокаясь бокалами. — За нас.

Федерика молча сделала глоток.

— Я понял так, что вы встретились с моим дядей.

— Да, — осторожно ответила она, не желая делиться впечатлениями о похожем на жабу человеке, который рыскал по магазину с напыщенной важностью, которая была там абсолютно неуместной и просто абсурдной.

— Вы ему понравились.

— Неужели?

— У него очень хороший вкус. Он чувствует людей — это семейное качество. — Затем он посмотрел на нее хищным взглядом, восхищаясь естественностью ее поведения. — Вы слишком невинны для жизни в Лондоне. Вы росли в Чили?

— Только до шести лет, а затем мы переехали в Корнуолл.

— От великого до смешного, — усмехнулся он. — Вот почему вы другая. Немного от Латинской Америки, немного от Корнуолла. Своего рода помесь, — пошутил он. — И мне это нравится, — добавил он, опустошая свой бокал. — А я вот не помесь. Надеюсь, вам нравятся чистокровные англичане.

— Конечно, мне нравятся англичане. Я знаю очень немногих латиноамериканцев. Я уехала из Чили, когда была еще совсем ребенком, — пояснила она.

— А сейчас вы уже старая, — усмехнулся он. — Рискну предположить, что вам восемнадцать, — сказал он, доставая бутылку из корзины и снова наполняя бокалы.

— Вы правы, — удивленно ответила она. — Так вы все обо мне знаете?

— Как я уже говорил, я проницателен, как старый дьявол. — Он произнес это в точности как лондонский кокни^[8].

Федерика рассмеялась.

— Тогда я попробую угадать, что вам тридцать пять, — предположила она и сделала глоток.

— Боюсь, что это ошибка. Я гораздо старше — мне уже тридцать восемь. Слишком старый для вас.

Федерика почувствовала, как ее наполняет разочарование. Ей оставалось только гадать, что он хотел этим сказать, и если он действительно считает себя староватым для нее, то зачем пригласил встретиться?

— Давайте чем-нибудь перекусим, — предложил он, доставая пару тарелок с тостами, гусиной печенкой и икрой.

Катер медленно плыл по Темзе под мостами, отбрасывавшими на воду злоеущие тени, мимо лондонского Тауэра и дальше в темноту неизвестности. Они перекусили и открыли вторую бутылку шампанского.

— Меня воспитали отец и мачеха, а мама умерла, когда я был еще ребенком, — неожиданно сказал Торквилл.

— Мне очень жаль, — проговорила Федерика, сопереживая его потере. Хотя ее отец и не умер, но за последние десять лет практически не подавал признаков жизни.

— О, я был слишком мал, чтобы понимать, что происходит, когда появилась Синтия. Она стала для меня хорошей матерью. Видите ли, она не могла иметь детей, поэтому изливала свои нерастроченные материнские чувства на меня. Я оказался единственным ребенком, и это испортило всю мою жизнь. — Он сказал это с ухмылкой, не упоминая, что любовь Синтии временами душила его, а любовь отца носила собственнический характер.

— Должно быть, вам пришлось ужасно страдать, — посочувствовала она и сжала его руку.

Он вздрогнул.

— Значит, и вам приходилось страдать, да? — нежно спросил он, склоняя голову. — Вы не хотите об этом поговорить?

Федерика обнаружила, что допустила его в свою жизнь. Спиртное и красота окружающей обстановки развязали ее язык и незаметно заставили выплеснуть в свой монолог всю накопившуюся за эти годы боль. Она вовсе не намеревалась это делать, но в его улыбке и глазах было нечто для нее притягательное. Казалось, что он видит насквозь, разрушая ее защиту с каждым проницательным взглядом и ясным пониманием того, что слышит.

— Ах, моя бедная малютка, — сказал он, заметив, что она начинает дрожать, и слегка ее обнимая. — Тебе так нужен тот, кто будет о тебе заботиться. Я вырос, получив слишком много любви, а ты недополучила ее.

— Не совсем, — возразила она. — Я была иногда и очень счастлива.

— Не пытайся обмануть себя, дорогая, любой человек нуждается в матери и отце. Если ему повезло так, как мне, и у него есть прекрасная замена, это может компенсировать потерю одного из родителей. Но совершенно очевидно, что Артур не чета твоему отцу.

— Конечно нет! — горячо воскликнула она. — Я его вообще не выношу.

— Вот видишь. Сейчас наступило время, чтобы кто-то подумал о тебе. Мать ведь не сделала этого, когда уезжала из Чили? Отец тоже не поставил тебя на первое место. Тебе нужен тот, для кого *ты* всегда будешь превыше всего. — Он достал еще один коврик и закутал ее. Она ощутила эмоциональный всплеск, хотя не могла понять, вызвано ли это упоминанием об отце или тем, что Торквилл сказал, что староват для нее. Федерика хотела сказать ему, что это не так, но ей не хватало смелости. Она просто молча открыла для него свое сердце в надежде, что это будет замечено.

— Не грусти, — прошептал он, заметив, что ее глаза увлажнились и блестят, как ночные воды Темзы.

Она покачала головой.

— О, я вовсе не грущу, — и задумчиво улыбнулась. — Я очень счастлива. Я счастлива, что нахожусь здесь и делю эту прекрасную ночь с тобой. Ты был очень добр, выслушав меня. Я полагаю, что не стоит рисовать все только в черном цвете. У меня было волшебное детство, и я была очень счастлива. Некоторые люди, как и ты, пережили смерть одного из родителей, а иногда и всей семьи. А мне не о чем жалеть. Мой папа ведь не умер?

— Нет, он не умер, а просто оказался слишком невнимательным, — сказал Торквилл, обнимая ее. — Я хочу сделать тебя очень счастливой, — признался он. Он нежно взял ее за подбородок и большим пальцем осторожно стер с лица Федерики предательские следы меланхолии. — Теперь я тебя нашел, — сказал он, прежде чем поцеловать ее соленые губы. Она ответила ему с готовностью, когда его небритое лицо коснулось ее кожи, а влажные губы раскрыли ее уста, чтобы овладеть их невинностью. В эти мгновения интимности Федерика забыла ласковые поцелуи Сэма, поскольку наконец нашла мужчину, который обещал любить и защищать ее и сумел стереть с ее сердца шрамы одиночества и печали.

— Феде влюбилась, — доложила Эстер матери, стоявшей у рождественской елки и дававшей указания Сэму неуловимыми движениями руки.

— Нет, дорогой, немного влево, вот туда, — говорила она, — а теперь посмотрим, прилетит ли сюда Ангус.

Сэм спустился с лестницы и посмотрел вверх на гнездо, которое надежно закрепил на верхней ветке.

— В кого это она влюбилась? — спросил он, отходя подальше.

— Он так красив, что ты бы упал в обморок, — сказала Эстер. — Он темноволосый, с невероятно зелеными глазами, каких просто не существует в природе. Постоянно засыпает ее подарками. Представляешь, мама, он на один день полетел с ней на самолете в Париж и купил ей несколько чемоданов одежды. Теперь ты ее не узнаешь — она стала настоящей королевой.

Сэм плюхнулся на диван, вытянув ноги перед собой и заложив руки за голову.

— Только подумать, что она когда-то была влюблена *в тебя*, — с ухмылкой добавила Эстер.

— Но это не так, — агрессивно парировал Сэм. — По крайней мере с тех пор, как она повзрослела.

— А где Ангус? Ангус! — крикнула Ингрид, шаря глазами по комнате. — Он только что был здесь, — извиняющимся тоном сказала она, играя пальцами с моноклем, висевшим между ее большими грудями.

— Видимо, он улетел, — раздраженно предположил Сэм.

— Сомневаюсь, при таком-то холоде, — возразила мать, выплывая в холл. При ходьбе юбки ее национального костюма развевались позади, как паруса корабля. — Молли, ты видела Ангуса? — спросила Ингрид, проходя мимо нее в гостиную.

— Да, он в библиотеке. Нуно хочет научить его читать. — Она вздохнула, округлив глаза. — Бога ради, он ведь голубь, а не попугай!

— Так какой, Моль, ты говоришь у Федерики новый бойфренд? — спросил Сэм, вызывая из туманов своей памяти невинный вечер, разделенный с ней в амбаре, и краткую прогулку, которой они наслаждались на холме.

— Он очень славный, — сообщила Молли, садясь рядом с братом. — Недурственная елка! — воскликнула она. — Но не думаю, что Ангусу там понравится, он гораздо лучше себя чувствует в гардеробной отца.

— Славный — и это все? — с любопытством настаивал Сэм, недоумевая, почему ощущает такое раздражение.

— Ну, — сказала Молли, убирая с лица темно-рыжие волосы, — он красивый, обаятельный... но... — Она помедлила, подбирая слова. — Он слишком хорош, чтобы быть настоящим, — наконец решительно сказала она. — Но поверь мне, Феде выглядит потрясающе. Говорю тебе, ты бы ее не узнал.

— Это правда, — согласилась Эстер.

Молли с неохотой говорила о Федерике и Торквилле. Каждый раз, видя их вместе, она ощущала болезненную ревность и ненавидела себя за это.

— Она счастлива? — с ноткой зависти спросил Сэм.

— Она влюблена до безумия, — натянуто сказала Молли.

— Да, она счастлива, — подтвердила Эстер. — Я никогда не видела ее такой сияющей. Он уделяет ей так много внимания. Постоянно звонит, возит ее повсюду. Она просто расцвела.

— Он похож на ее отца, — заметила Молли.

— На ее отца? — испуганно воскликнул Сэм. — Господи, да сколько же ему лет?

— Тридцать восемь, — ответила Молли, поднимая брови в знак своего неодобрения.

— Что, черт побери, она может делать с таким пожилым типом! — раздраженно выкрикнул Сэм. — Он на двадцать лет ее старше.

— Возраст не имеет значения, если они любят друг друга, — возразила Эстер.

— Нет, имеет, — перебил ее Сэм. — Просто она очень впечатлительная.

— Да какая разница? Она будет впечатлительной с тем, с кем она встречается, — заявила Эстер.

— Мне это вообще не нравится, — вздохнул Сэм, снимая очки и потирая переносицу большим и указательным пальцами.

— Ладно, ты можешь сам ей все высказать. Она приезжает сегодня вечером в гости, — сообщила Молли. — Но она не привезет с собой Торквилла, — разочарованно добавила она.

Сэм бродил среди утесов в сопровождении Троцкого и Амадеуса — нового спаниеля матери, наблюдая, как волны ведут свою бесконечную битву со скалами, заливая их белой пеной, прежде чем ретироваться, чтобы набраться сил для нового броска. Он подставил лицо ледяному ветру, плотно закутавшись в пальто и ссутулившись, чтобы сохранить тепло. Троцкий держался сзади, используя его в качестве щита от ветра, в то время как Амадеус шнырял повсюду, что-то вынюхивая. Сэм сердито вспоминал Федерику, не в состоянии понять, почему это так его беспокоит. Поцелуй в амбаре был всего лишь приятным моментом невинного удовольствия. Он не означал ничего большего, чем просто поцелуй в дождливую ночь. Он вообще не собирался ее целовать, просто так случилось. Позже он ощущал свою вину за то, что воспользовался преимуществом своего положения, ведь ее обожание было тогда совершенно очевидным. Потом он импульсивно предложил отвезти ее в дом дяди, и они прогуливались под божественно золотым светом небес. Тогда ему захотелось поцеловать ее на фоне прекрасного морского пейзажа. Это был самый романтический момент в его жизни. Какое было небо, какие краски природы, какие ароматы и Федерика, выглядевшая такой не винной и неземной! Он боялся признаться в своей страсти даже самому себе. Она ведь настолько моложе его. Он мог заполучить любую девушку, но Феде была слишком юной и именно поэтому недостижимой. Засунув руки в карманы, Сэм тяжело вздохнул. Он ощущал угрызения совести, что желал ее, поэтому снова постарался избежать встречи. Это был путь труса, но ничего другого он придумать не мог. Но сейчас она влюбилась в другого, а он не привык быть не в фокусе ее привязанности. Ему оставалось надеяться, что эта связь продлится недолго, как это часто бывает с первыми влюбленностями.

* * *

— Этот Торквилл Дженсен наделал шуму, — сказал Тоби, когда они ехали по проселку

к особняку Эплби.

— Но вы ведь даже не встречались с ним, — ответила с заднего сиденья Федерика.

— Мы с ним встречались, — настаивал Джулиан, качая головой. — Но я не могу вспомнить, при каких обстоятельствах и когда.

— Он несколько староват для тебя, Феде.

— Он старше, но не слишком стар, — счастливо заявила Федерика. — Любовь посылает свои стрелы, невзирая на возраст. А мы любим друг друга.

— Пожалуйста, скажи мне, дорогая, не лишил ли он тебя девственности? — озабоченно спросил Джулиан. — Я убью его, если он хоть пальцем тебя тронет.

Федерика рассмеялась.

— Нет, пока нет, — ответила она, изумленно ощущая волну возбуждения при мысли о том, как впервые будет заниматься любовью с Торквиллом.

— Хвала Богу, что это так! — воскликнул Джулиан.

— Не позволяй ему делать что-либо, чего ты не хочешь. Он опытный мужчина, а ты, по сути, — ребенок.

— Дорогой Тоби, я давно не ребенок, — сообщила она. — Мне уже восемнадцать.

— Ну, очень взрослая, — саркастически заметил Тоби.

— Только не наделяй глупостей. Ты еще пройдешь сквозь череду бойфрендов, прежде чем найдешь мистера Того Самого, — сказал Тоби. — А наша обязанность их всех тщательно исследовать.

— Ладно, вы можете встретиться с Торквиллом, когда пожелаете, — заверила она, наклонившись между сиденьями. — Он вам понравится. Он красивый, веселый, с тонким вкусом...

— У него должны быть недостатки. У всех людей есть недостатки.

— Только не у Торквилла. — Она мечтательно вздохнула. — Он — само совершенство.

Тоби и Джулиан молча переглянулись, но момент не был подходящим для того, чтобы поделиться своей житейской мудростью.

Когда Федерика вошла в гостиную Пиквистл Мэнор, где ее мать, Артур и Хэл вместе с хозяевами дома уже праздновали рождественский вечер с бокалами шампанского, восхищаясь прелестным белым голубем, восседавшим на верхушке елки, Сэм почувствовал себя так, будто кто-то двинул его кулаком в живот. Она выглядела просто ослепительно в черных кожаных штанах и бледно-голубом кашемировом свитере, который облегал ее стройную фигурку, подчеркивая контуры груди посредством V-образного выреза на шее. Ее длинные светлые волосы сияли здоровьем и ниспадали с плеч, оттеняя белоснежную кожу лица и глубину ее сапфировых глаз. Она обнялась с Эстер и Молли и немного задержалась с ними у двери, оживленно беседуя. Сэм ощутил спазм в горле и залпом осушил свой бокал, чтобы снять напряжение. Он попытался посмотреть на нее непредвзято. Молли и Эстер были правы: она стала другой. Она выглядела счастливой.

Нуньо оказался первым, кто заметил трансформацию.

— *Кара миа*, — одобрительно вздохнул он. — Утенок превратился в прекрасного лебедя.

— Па, она никогда не была утенком, — встала Ингрид на защиту Федерики. Она поднесла к своим алым губам мундштук сигареты и раздраженно затянулась, что делала всегда, когда находила комментарии отца несправедливыми.

— По сравнению с лебедем, моя дорогая, она была утенком, — твердо парировал он, улыбаясь Федерике.

— Спасибо, Нуньо, — засмеялась польщенная девушка. — Затем ее взгляд упал на страдальческое лицо Сэма, продолжавшего наблюдать за ней с дивана. Ему она тоже улыбнулась, но ответной реакции не дождалась. Он повернулся к сидевшему рядом Тоби, будто стыдясь, что его взгляд обнаружен.

— В Лондоне начинается другая жизнь, — говорила Элен. — Хэл собирается учиться в университете, — добавила она, безуспешно пытаясь с помощью комплиментов вывести сына из дурного настроения. Но Хэл оставался абсолютно мрачным и совсем не реагировал на слова матери. Он знал, что никогда не поступит в университет, да у него и не было такого желания. Он пришел на эту вечеринку только потому, что она умолила его об этом. Ему не нравился Люсьен, который был слишком умен, так же, как и его брат Сэм, которого он тоже недолюбливал. Оба они заставляли его ощущать свою неполноценность. Хэл смотрел на сестру, стоящую в дверях, и возмущался тем вниманием, которое ей уделяли — он не привык к такому. Но когда она села рядом с ним, его хандра несколько рассеялась и он позволил ей вывести себя из угрюмого состояния.

— Как дела в школе? — спросила она.

Тряхнув черными волосами, спадавшими на лоб, он посмотрел на нее темными, шоколадными, как у отца, глазами.

— Нормально.

— Тебе там уже надоело, да? — участливо спросила она.

— Я хочу закончить с этим как можно быстрее.

— Университет — это не вариант, — добавила она, заметив, как он презрительно кривит губы, когда ухмыляется.

— Это верно, — сказал он, посмотрев через комнату на Элен.

— Не беспокойся. Тебе не нужно этого делать. Ты можешь поступать так, как захочешь.

Приезжай в Лондон, он тебе понравится, — с энтузиазмом заявила она.

— Я уеду в ту же минуту, как только окончу школу. Меня уже тошнит от Корнуолла. — Он нахмурился. — Меня тошнит от жизни с мамой и Артуром. Меня здесь душит клаустрофобия. Я нуждаюсь в собственном пространстве и не хочу, чтобы мне ежеминутно заглядывали через плечо.

— Уже осталось немного, — подбодрила она. — А потом ты станешь свободным.

Она подняла глаза и обнаружила, что их с Сэмом взгляды встретились. Он тут же встал под предлогом того, что необходимо принести очередную бутылку шампанского из кухни, и исчез из комнаты. Федерика оставила Хэла упиваться жалостью к себе и последовала за ним.

— Привет, Сэм, — сказала она, обнаружив его в одиночестве игравшего с собаками.

Он удивленно посмотрел на нее и слегка улыбнулся.

— Привет, Федерика, — ответил он. — Как дела?

— Хорошо. У тебя есть что-нибудь полегче?

— Полегче?

— Из напитков.

— Ах да, — ответил он, ощутив собственную тупость. — Лимонад, кока-кола, апельсиновый сок.

— Апельсиновый сок подойдет. Спасибо.

Открыв холодильник, он достал кувшин со свежевыжатым соком. Он налил его в стакан дрожащей рукой, размышляя, почему после десяти лет знакомства она внезапно приобрела над ним власть, заставлявшую его нервничать.

— Полагаю, что с Лондоном у тебя все в порядке, — сказал он, пытаясь продлить разговор, чтобы задержать ее в кухне.

Федерика заметила, что у него потихоньку начали редеть волосы. Они потемнели и были коротко подстрижены. Он выглядел старше и стал менее лощеным. Глядя из-за очков, он протянул ей стакан.

— Жизнь там стала для меня удовольствием, — ответила она, опираясь на столешницу.

— Я слышал от Молли и Эстер, что у тебя новый бойфренд, — произнес он, стараясь выглядеть равнодушно, но смог выдавить из себя только натянутую кривую улыбку.

Федерика едва смогла сдержать свое возбуждение. Когда она говорила о Торквилле, ее глаза сверкали, а лицо светилось от счастья. От приступа ревности Сэм ощутил спазм в животе.

— Да, он замечательный, — сообщила она и широко улыбнулась. — Молли и Эстер видели его.

— Чем он занимается?

— Он занимается собственностью, — ответила она. — У него своя компания.

Сэм поднял брови, пытаясь показать, что ее слова произвели на него впечатление.

— Здорово. Я хотел бы с ним встретиться, — соврал он.

— Я почему-то не видела тебя последнее время, — сказала она, огорченно качая головой. — Смешно, что мы живем в одном городе, а ты даже не заходишь, чтобы навестить сестер.

— Я знаю. — Он вздохнул, сожалея, что не появлялся в их квартире чаще. — Мы живем в параллельных мирах.

— Время идет так быстро, — задумчиво произнесла она. — Но я никогда не забуду, как ты спас меня из озера.

— Или как я поцеловал тебя в амбаре, — добавил он и пристально посмотрел на нее, одновременно гадая, зачем, черт возьми, он это озвучил.

Щеки Федерики запылали.

— Это было прекрасно, — напряженно ответила она, пытаясь скрыть смущение. — Но с тех пор прошла целая вечность.

— Это был твой первый поцелуй, — напомнил он, внимательно отслеживая ее реакцию.

— Но вовсе не последний, — смело парировала она. Он опустил глаза, задумавшись об этом ужасном Торквилле и изучая дно своего стакана. — Я очень благодарна тебе, Сэм, что ты ввел меня в мир романтических отношений, — холодно произнесла она, вспоминая ту боль, которую испытала из-за его равнодушия, и желая наказать его за это. — Я, пожалуй, вернусь в гостиную. Они там все голову сломают, думая, что мы здесь делаем. В конце концов, я была влюблена в тебя еще совсем недавно. — Она легкомысленно рассмеялась. — Но мы ведь уже выросли, правда? — произнесла она, прежде чем оставить Сэма в одиночестве осмысливать ее слова.

Но Федерика не вернулась в гостиную. Запершись в ванной, она уселась на сиденье и подождала, пока ее сердце замедлило свой ритм, а краска исчезла с разгоряченного лица. Она больше не боялась Сэма, но он причинил ей боль, и она не могла этого простить. Он поиграл ее чувствами для развлечения, а потом, когда время забав кончилось, бросил ее. Она

больше не была им увлечена. Все, что она ощущала, — это приятное воспоминание о первой чистой любви. Но ей удалось заметить в его глазах проблеск раскаяния и вспышку досады. Она чувствовала, что ее связь с Торквиллом разозлила его, и это доставляло ей удовольствие. Он опоздал, поскольку она уже принадлежит другому. Он упустил свой шанс, и она надеялась, что он будет жить, сожалея об этом.

Федерика вскоре позабыла о своей краткой пикировке с Сэмом. После Рождества она возвратилась в Лондон и утонула в объятиях Торквилла. Когда он сообщил, что берет ее в Швейцарию кататься на лыжах, чтобы провести там только вдвоем длинный уик-энд, она поняла, что он собирается заняться с ней любовью, и сгоряча записалась на прием к врачу для получения консультации.

Она часто размышляла о сексе. Когда он целовал ее, Федерика хотела, чтобы его руки исследовали ее тело и открывали его для себя, как делала это она сама в детстве. Ее тело испытывало боль от остроты желания, но ей нужна была твердая убежденность, что он останется с ней. Самым большим ее страхом был страх раскрыться для него и отдаться ему только для того, чтобы потом беспомощно наблюдать, как он уходит из ее жизни, оставив ее сломленной и униженной. Она хотела вначале полностью увериться в нем. Но понемногу Торквилл сумел завоевать ее доверие. Он всегда находился в ее распоряжении, звонил тогда, когда и обещал, никогда не опаздывал, заезжая за ней, был ответственным, надежным и, что самое важное, поместил ее в самый центр своего мира. Приняв его приглашение погостить в шале его отца в Швейцарии, она сделала это с твердым намерением отдать себя ему.

Шале Торквиллов, располагавшееся на склоне горы, было окружено высокими пихтами, из него открывался захватывающий вид на раскинувшуюся внизу долину. Они стояли на заснеженном балконе, наблюдая, как на черном бархате неба таинственно мерцают звезды. Яркая луна заливала горы фосфоресцирующим светом, позволявшим видеть все окрестности почти как днем. Торквилл взял ее за руку и повел в спальню, где языки пламени весело плясали за каминной решеткой, сражаясь с холодным горным воздухом, поступавшим в открытое окно. Там он взял ее лицо в руки и нежно, но страстно поцеловал.

— Я хочу, чтобы ты запомнила этот момент навсегда, — прошептал он.

— Я запомню.

— Я хочу, чтобы это для тебя значило так же много, как и для меня, — сказал он.

Слишком взволнованная, чтобы отвечать, она отдалась на волю своих чувств, наслаждаясь его ласками, теплом и влажными прикосновениями губ и языка. Она задрожала, когда его руки вытащили ее рубашку из брюк и прокрались под нее, ощущая мягкую невинность ее кожи. Торквилл тоже был взволнован, понимая, что трогает лепестки еще не раскрывшегося бутона, впервые испытывающего радости физической любви. Его пальцы осторожно исследовали ее маленькие груди, прикасались к соскам и ощущали их набухание. Он снял с нее рубашку и любовался, как отблески искрящегося пламени облизывают ее тело. Затем он расстегнул ее брюки и спустил их вниз, так что она осталась стоять в одних трусиках, застенчиво улыбаясь ему.

— Ты так прекрасна, — восхищенно выдохнул он, изучая взглядом каждую линию и каждый изгиб ее тела.

На мгновение ее охватило замешательство, вызванное собственной уязвимостью и неуверенностью в том, что же следует делать. Но он, похоже, почувствовал ее робость и, взяв

ее руки в свои, поцеловал их, а затем помог им расстегнуть свою одежду, пока не оказался перед ней обнаженным и великолепным в своей наготе. Он прижал ее к себе и погрузился лицом во впадинку между ее грудями. Затем его пальцы заскользили по ее бедрам, пока не достигли линии трусиков. У нее едва не подкосились ноги, но он не повел ее к постели, а продолжал поддерживать стоя, в то время как его пальцы скользнули туда, где находилась уже разгоряченная жемчужина ее желания. Она затаила дыхание, а он ласкал ее искусными пальцами, наблюдая, как румянец окрашивает ее щеки, а ресницы дрожат от удовольствия. Потом, когда она уже почти растворилась в его ритмичных прикосновениях и поплыла по восхитительным волнам моря удовольствия, которого нет на карте, он подхватил ее на руки и уложил на постель, покрывая ее тело поцелуями и чувственными прикосновениями языка. Она лежала, оцепенев от наслаждения, когда он нежно вошел в нее, завладев ею полностью и окончательно.

Торквилл лежал с сигаретой в зубах.

— Я никогда не замечала, чтобы ты курил, — заметила она, уютно прижимаясь к нему.

— Только после секса, — сообщил он, с удовольствием затягиваясь. — И только после самого лучшего.

— Это было прекрасно, Торквилл, — сказала она и зарумянилась при воспоминании о своей застенчивости.

Он обнял Федерику и поцеловал ее влажное лицо.

— Ты была чудесной, — с чувством заявил он.

— И ты тоже, — произнесла она и засмеялась.

— Это было только начало. Я хочу отправиться с тобой в путешествие на всю жизнь, — сказал он и пристально посмотрел на нее своими светло-зелеными глазами. — Я снова в полете, но сейчас точно знаю, чего хочу. — Федерика смотрела на него непонимающим взглядом. — Я хочу жениться на тебе, Феде.

Федерика подскочила от неожиданности и села.

— Ты знаешь меня всего несколько месяцев, — запротестовала она, гадая, что за чудо заставило его так ее полюбить.

— Но ты меня любишь?

— Всем сердцем, — ответила она. — Но брак — это ведь на всю жизнь.

— Я намерен любить тебя всю свою жизнь, — настаивал он, укладывая ее в постель и сжимая в своих объятиях. — Выходи за меня, Феде, и сделай меня самым счастливым мужчиной в мире. Я знаю, что старше тебя, но это ничего не значит. Я знаю, чего хочу, и знаю, что нужно тебе, — сказал он, снова целуя ее. — Тебе нужна забота и защита, и это именно то, чем я намерен тебя обеспечить. Я мечтаю лишь об одном — заботиться о тебе и оберегать тебя. Тебе больше не придется ни о чем беспокоиться. Любовь все излечит.

— Да, это верно, — согласилась она, улыбаясь от избытка чувств. — Я так тебя люблю. Но я боюсь. — Она вздохнула. — Я была свидетелем распада брака родителей и не хочу, чтобы со мной случилось то же самое.

— Этого не будет. Тебе больше никогда не придется бояться, — горячо произнес он. — Если ты выйдешь за меня, то всегда будешь счастлива, обещаю.

— Если ты уверен, что хочешь быть со мной, я выйду за тебя, — заявила она и радостно засмеялась. — Миссис Торквилл Дженсен. Это звучит.

— Ты еще не видела кольцо, которое я собираюсь тебе купить, — сообщил он и сжал ее

в объятиях так крепко, что у нее перехватило дух.

Прежде чем потянуться за следующей сигаретой, Торквилл снова поцеловал ее. Как же ему повезло, что он нашел Федерику. Фортуна оказалась к нему явно благосклонна. Она — само совершенство во всех отношениях. После времяпровождения со множеством распущенных городских девиц он был совершенно очарован ее невинностью. Ее красота и грация ослепляли, а наивность предоставляла возможность строить отношения с чистого листа. Удостоверившись, что она впервые на практике познала любовные отношения, он был тронут и горд тем, что она выбрала именно его, — подобные ощущения были ему в новинку. Он стал ее героем. Она смотрела на него преданными глазами, полными счастья, поскольку он принял на себя весь груз ее решений, и была всегда готова следовать за ним. Плывая по житейскому морю в соответствии с педантично разработанной его отцом системой координат, он наконец сам взял в руки бразды правления. Отцу это вряд ли понравится. Он всегда занимал доминирующее положение в жизни сына. Как всепоглощающая тень могучего дуба, сила его характера казалась подавляющей. Однако за последние несколько лет Торквилл вырос как личность и вышел из тени отца. Каждый маленький шагок в сторону он расценивал как свою победу. Сейчас он предпринял еще один, но уже существенный шаг. Федерика стала его выбором. Никто не имел права контролировать его сердце, и это было прекрасно.

Вернувшись в Лондон, Федерика позвонила матери, чтобы сообщить ей новость.

— Мама, я выхожу замуж.

Элен от неожиданности села.

— Ты выходишь замуж? — в ужасе воскликнула она. — За Торквилла?

— Ну, за кого же еще? — ответила Федерика и радостно засмеялась.

— Но я его даже не видела, — протестовала мать.

— Увидишь. Я привезу его на этот уик-энд.

— Дорогая, не слишком ли это скоропалительно? Ты ведь знакома с ним всего несколько месяцев.

— Это именно то, чего я хочу, — твердо заявила Федерика.

Элен помолчала. Она вспомнила собственное поспешное замужество за Рамоном и содрогнулась.

— Тебе всего восемнадцать. Ты еще ребенок.

— Нет, я женщина, — ответила Федерика с ударением на последнем слове и улыбнулась про себя.

— Ты уже сказала об этом Тоби?

— Пока нет. Я хотела тебе сообщить первой.

— Ладно, позвони Тоби, — предложила Элен. — Боюсь, что все это слишком внезапно. Я не видела этого мужчину и не могу ничего сказать по существу. Почему бы тебе не обручиться, чтобы у вас двоих было достаточно времени для более близкого знакомства?

— Торквилл хочет жениться незамедлительно.

— Неужели?

— Да. Он такой импульсивный. Мама, мы очень любим друг друга, — настаивала она.

— Твой отец и я тоже любили друг друга.

— Это не имеет ничего общего с тобой и папой. Это касается меня и Торквилла, а мы

— совершенно другие люди. Мы оба знаем, чего хотим.

Элен тяжело вздохнула. Как Федерика в своем возрасте может знать, чего хочет?

Когда Тоби услышал эту новость, он был потрясен и пришел в ярость.

— Мы с Джулианом немедленно едем в Лондон, чтобы поговорить с ней, — сообщил он Элен. — Мы отправимся завтра рано утром на поезде. Я убежден, что уже встречался с Торквиллом, и Джулиан тоже, но, хотя мы и не помним, где именно, совершенно точно то, что он оставил после себя самое дурное впечатление.

— Постарайся урезонить ее, Тоби. Похоже, что она сошла с ума.

— Она за него не выйдет, не беспокойся, — заверил он.

— Феде настроена решительно.

— Знаю. Но она прислушается к моему мнению.

— Слава Богу, если так, поскольку меня она вообще перестала слушать, — сказала Элен, оправдываясь и вспоминая с горечью, что отца она слушала всегда. — Где вы намерены ее искать? На работе?

— Нет. Торквилл заставил ее уволиться. Она томится в его доме в Литл-Болтонс.

— Очень мило, — напряженно сказала Элен.

— Очень, — согласился Тоби. — Мы поедem прямо туда.

Новость распространилась очень быстро. Полли так разволновалась, что случайно уронила на пол одну из моделей Джейка, и кораблик разлетелся на сотни маленьких кусочков. Когда, вернувшись домой с работы, Джейк обнаружил вместо одного из своих сокровищ кучку щепок, его лицо исказилось от ярости. Но потом он увидел боль в глазах жены и ее понурый, как у печальной собаки, вид, что случилось, когда она была несчастна.

— Федерика выходит за этого типа, — безнадежно сообщила она.

Джейк покачал головой.

— У меня много моделей кораблей, но только одна Федерика. Надеюсь, она знает, что делает, — уже спокойным голосом сказал он.

— Она думает, что выходит замуж за своего отца, — сообщила Полли. — По словам Ингрид, которая слышала это от своих девочек, этому мужчине сорок лет и он очень похож на Рамона.

— Значит, он красив, как дьявол, — заметил он.

— Боюсь, что дьявол здесь ключевое слово, — мрачно ответила Полли.

Элен делала себе маникюр, когда передали экстренный выпуск новостей по радио. Она наполовину слушала, а наполовину пыталась в мечтах ускользнуть из мира земного существования. Но произнесенные слова вдруг сфокусировали ее мысли в одной точке, и она ощутила, как волна паники прошла по ее венам с беспощадностью свежезаточенных ножей.

Поезд, на котором Тоби и Джулиан отправились в Лондон, потерпел крушение.

Эстелла вскрикнула и села в постели, уставившись в темноту и задыхаясь от страха. Рамону пришлось вернуться из жарких африканских джунглей к холодной лихорадке ночного кошмара его возлюбленной. Он протянул руку и включил свет, затем сел и обнял ее, поглаживая волосы и бормоча слова успокоения:

— *Ми амор*, это всего лишь плохой сон и ничего более, — сказал он, ощущая, как удары ее сердца, стремящегося выскочить из груди подобно испуганному животному, вызывают вибрацию в его теле. — Я здесь, любовь моя, я здесь.

— Мне снилась смерть, — дрожа, сказала она, все еще ощущая всей кожей ледяные когти страха.

— Это был только сон.

— Это предупреждение, — уверенно заявила она. — И я получаю его уже во второй раз.

— *Ми амор*, ты просто чем-то напугана, вот и все.

— Будет и третий сон, — произнесла она, крепко сжимая его своими дрожащими руками. — А потом это случится наяву.

Рамон покачал головой и поцеловал ее в шею.

— Ладно, так кто умер в твоем сне? — спросил он, чтобы как-то успокоить ее.

— Не знаю. Я не видела лица, — ответила она, утирая слезы. — Но боюсь, что это ты.

— Чтобы расправиться со мной, понадобится нечто большее, чем сновидение, — пошутил он, но Эстелла была не в силах отреагировать на его вынужденную шутку.

— Может, это был Рамонсито, — сдавленно произнесла она. — Нет, не знаю.

— Послушай, — сказал он, нежно отстраняясь от нее. — Посмотри мне в глаза, Эстелла. — Она уставилась на него запавшими глазами мученицы и увидела, что он улыбается ей с любовью во взгляде. — Никто не собирается умирать. Во всяком случае, ты не можешь во сне предсказывать смерть. Просто тебя что-то тяготит, и это заставляет срабатывать твое подсознание. Возможно, тебя волнует мое предстоящее путешествие в Африку.

Она согласно кивнула и облегченно вздохнула, когда свет в комнате растворил темные ужасы ее сновидений и медленно вернул ее разум к реальности.

— Возможно, — согласилась она.

— Я уеду всего на несколько недель, — успокоительно произнес он. — И я вовсе не собираюсь долго отсутствовать.

— Я знаю. Ты всегда был прекрасным отцом для Рамонсито, — сказала она и улыбнулась.

— И хорошим любовником для тебя? — спросил он, поднимая брови и ухмыляясь.

— И хорошим любовником для меня, — подтвердила она.

Он наклонил голову набок и нахмурился.

— Знаешь, я никогда тебя не покину, — сказал он. — У тебя нет причин для беспокойства.

— Знаю. И я всегда буду любить тебя.

Когда Рамон потушил свет и заключил Эстеллу в свои объятия, она уже не могла заснуть. Но не потому, что не чувствовала усталости, а по той причине, что боялась увидеть во сне смерть в третий раз и опасалась, что после этого все может произойти наяву. Ее мать как-то призналась, что предсказала во сне смерть собственной матери. Трижды ей снилось, как мать лежит умирающей перед розовым домом. Поскольку она нигде никогда не видела розового дома, то забыла об этом сне и больше не беспокоилась. Но несколько недель спустя мать умерла во время сердечного приступа, когда ухаживала за жимолостью, росшей возле их белого дома. Это было на закате, и стена отсвечивала теплым розовым цветом. Эстелла лежала, охваченная беспокойными мыслями, пока сон, наконец, не одолел ее. Проснувшись, она с облегчением осознала, что ей вообще больше ничего не снилось.

Когда Рамон развелся с Элен, Эстелла питала надежды на то, что он женится на ней. Эту надежду она держала в тайне, не говоря даже своим родителям. Но, к ее разочарованию, он никогда даже не упоминал о браке. Его вполне устраивал устоявшийся порядок вещей. Он мог свободно появляться и уезжать, не будучи связан психологическим грузом официальных обязательств.

Мариана также рассчитывала, что он удосужится формализовать свои отношения с Эстеллой. За прошедшие годы она и мать ее внука стали близкими подругами. Постепенно те различия, которые определялись их классовым положением в обществе, стерлись, и они могли общаться и жить как равные. Эстелла с благодарностью впустила Мариану в жизнь своего сына, регулярно звоня ей в Сантьяго и наслаждаясь ее тайными визитами, когда та проводила долгие летние месяцы в Качагуа. Поначалу Мариана хотела рассказать Игнасио правду об Эстелле и Рамонсито, но понемногу она свыклась с таким положением вещей, и ее уже не беспокоило желание раскрыть эту тайну.

Рамонсито исполнилось одиннадцать лет. Он был таким же темноволосым и с такой же оливковой кожей, что и у родителей, и яркими глазами медового цвета, как у матери. Он был таким же беззаботным, как Рамон, и таким же чувствительным, как мать. Однако его характер имел свои особенности, данные Богом ему и только ему. Рамонсито был ребенком, общение с которым доставляло одно удовольствие. Он упоенно слушал длинные увлекательные истории, которые рассказывал ему отец, и собирал на берегу раковины вместе с матерью. Он беседовал с надгробными камнями вместе с дедом и услаждал обеих бабушек рассказами о своих приключениях в компании таких же юных, как и он, друзей. Он не унаследовал любви отца к путешествиям и его эгоистической потребности удовлетворять собственные желания за счет людей, которых любил.

Мариана заявила, что он взял лучшее от обоих родителей, и в этом она была права. Она часто видела в своих грезах Федерику с ее искренней улыбкой и доверчивыми невинными глазами. Ей оставалось только гадать, представляет ли это Рамон и вспоминает ли хоть иногда о своей дочери, и часто она утешала себя тем, что делает это за него. Пока она жива, Федерика и Хэл не будут забыты.

Рамон любил сына так же сильно, как когда-то любил Федерику. Он и сейчас продолжал любить дочь, и часто, когда выдумывал истории для Рамонсито, его сердце щемило от ностальгии, поскольку и Федерика любила слушать его рассказы. Прошло время, и теперь собственная безответственность вернулась бумерангом, чтобы терзать его угрызениями совести.

Он ведь встретил ее тогда. Она катила на велосипеде с разбурявившимися от ветра щеками, не ведая, что мужчина, промчавшийся мимо в черном «Мерседесе», был ее отцом. Он приказал водителю остановиться. Федерика, услышав звук внезапного торможения автомобиля, тоже остановилась и повернулась, щурясь от солнца. Те несколько мгновений, которые запечатлелись в его памяти мучительно долгим отрезком жизни, он глядел на нее, борясь с желанием открыть дверь машины и побежать к ней, чтобы закружить ее в своих руках, как он делал это всегда, когда она была ребенком. Для своих тринадцати лет она оставалась еще маленькой ростом, с длинными ногами, худым, угловатым туловищем, но ее лицо, на котором лежала печать собственного достоинства, уже тогда было похоже на лицо юной женщины. Он подавил рвавшийся из груди стон, который мог перерасти в безнадежный крик «Федерика!», чуть не сорвавшийся с его губ, и только усилием воли заставил себя остаться в машине. Она прикрыла рукой глаза от слепящего солнца, одна нога была на педали, а другая — на бетонке. Ее длинные волосы развевались на ветру. Это были волосы ангела, *Ла Ангелиты*. Но он вспомнил слова Элен о том, что Федерика была счастлива и без него. Если бы он обнял ее так, как хотел, то это объятие несло бы в себе ложные обещания. Обещания обязательств, обещания привязанности, но, что самое главное, обещание не дать Элен выйти замуж за Артура. Он знал, что не сможет этого сделать. Таким образом, столкнувшись с обязательствами, которые он не в состоянии был выполнить, он с горечью сказал шоферу, что можно уезжать. Пришлось предоставить Элен свободу для вступления в брак с Артуром и возможность жить в мире со своими детьми.

Он вернулся в Чили, охваченный сожалением и раскаянием. Если бы только он попросил ее остаться, ничего бы не изменилось и он сохранил бы связь с детьми. Но все это оказалось недостаточным стимулом, чтобы он смог открыть свое сердце для того, что имел, но потерял. И причина тут была в том, что он снова вернулся в пахнущие розами руки Эстеллы и к Рамонсито, а Федерика скрылась в дальних закоулках его памяти, где ее призыв к нему уже не был слышен.

Эстелла рассказала матери о своих кошмарах.

— Я боюсь, — говорила она матери, развалившейся в кресле подобно толстому тюленю и обмахивавшейся испанским веером. — Я боюсь, что Рамон может погибнуть в Африке.

Мария промокнула потный лоб чистым белым *пануэло*, сшитым еще матерью, и внимательно отнеслась к проблеме дочери.

— Ты должна пойти к Фортуне, — посоветовала она после некоторых раздумий.

— Чтобы узнать свое будущее? — озабоченно уточнила Эстелла. Она часто слышала о том, что люди говорили о Фортуне, поскольку та была единственной представительницей чернокожей расы, которую они видели. Говорили, что ее отец выжил после кораблекрушения у берегов Чили. Ее мать была коренной чилийкой, которая спасла и выходила его. Фортуна проживала в маленькой прибрежной деревне и, когда не грелась на солнце, наблюдая, как Вселенная проплывает мимо нее, за небольшую плату занималась предсказыванием будущего. Никто не мог понять, как она ухитрялась жить на такие маленькие деньги, но считалось, что ей помогал один старик, жизнь которого она спасла, предсказав землетрясение, которое погубило бы его, если бы он вовремя не покинул свой дом по ее указанию.

Эстелла вернулась домой, вдохновленная рекомендацией матери. Рамон сидел в своем кабинете, торопливо выплескивая мысли на экран компьютера. Вечер выдался тихим и

наполненным меланхолией, окутавшей берег мягким розовым светом. Эстелла решила ничего не говорить Рамону о Фортуне, хотя его собственные книги тоже были наполнены таинствами и магией. Она боялась, что он может о ней плохо подумать, ведь откровения Фортуны были связаны с суевериями, свойственными низшим классам. Она подкралась и обняла его сзади за шею. Он был рад видеть ее и ласково поцеловал смуглую кожу ее рук.

— Давай прогуляемся по берегу, мне нужен свежий воздух, — предложил он, взяв ее за руку. Они шли сквозь странное розовое свечение и целовались под шум моря. — Завтра я уеду и буду очень скучать без тебя, — признался он.

— Я тоже, — ответила она и вздрогнула.

— Ты ведь уже не беспокоишься о своих снах, а? — спросил он, целуя ее лицо.

— Нет, конечно нет, — солгала она. — Я просто не хочу, чтобы ты уезжал.

— Завтра вечером я буду в Сантьяго, а днем мне нужно будет встретиться со своим агентом. Вылет в четверг ночью. Я позвоню тебе из Сантьяго и потом из аэропорта.

— Тогда мне остается только ждать, — вздохнула она.

— Да, это так. Но я буду думать о тебе каждую минуту, и если ты закроешь уши для всего остального мира, то сможешь услышать, как я шлю тебе любовные послания. — Он снова поцеловал ее, крепко держа за стройную талию. Позже, когда они занимались любовью при бледном свете луны, отражавшейся в море и посылавшей им свой мерцающий привет прямо в окно, он ощущал на коже Эстеллы запах роз, смешанный с терпким ароматом ее тела, и знал, что пронесет воспоминания об этих мгновениях по всему миру и будет наслаждаться ими в своем одиночестве.

На следующий день Эстелла и Рамонсито помахали рукой вслед Рамону, глядя, как его машина, окутанная облаком сверкающей пыли, скрывается за холмом. Потом Рамонсито отправился в школу с рюкзаком за спиной, где лежали книги и коробка с сэндвичами, приготовленными для него Эстеллой на ланч. Он повернулся, чтобы попрощаться с матерью, стоявшей у дороги, и послал ей воздушный поцелуй. Она ответила тем же и осталась какое-то время стоять на месте, нежно улыбаясь знакам внимания сына, который обожал ее и не скрывал этого.

Она больше не думала о смерти, а предалась мечтам, унесшим ее по волнам воспоминаний о занятиях любовью с Рамоном, а когда очнулась, испытала радостное ощущение удовлетворенной женщины. Но подсознательный страх все еще не покидал ее, и это леденящее чувство заставило Эстеллу принять решение о визите к Фортуне в компании матери.

* * *

Пабло Рега выкапывал могилу. Было жарко, а земля стала твердой и сухой. Он решил передохнуть и оперся о надгробие Освальдо Гарсия Сегундо, пережевывая длинную травинку.

— Это хорошее место, — сообщил он Освальдо. — С видом на море, как у тебя. Да, сеньор, вид на море — это главное. Представь, каково оказаться здесь без такой панорамы. Я хотел бы в свое время получить такое же местечко. Это дает ощущение пространства, бесконечности. Мне это нравится. Я хотел бы слиться с природой. Как тебе такое ощущение,

а, Освальдо? — Он вдохнул аромат темно-зеленых сосен и стал ждать ответа, но Освальдо, похоже, никогда не был человеком слова. — Это кладбище становится тесноватым, — продолжал Пабло. — Скоро тут закончатся свободные участки, и тогда начнут копать старые могилы, вроде твоей. Есть хорошие шансы, что меня похоронят над тобой, так что мы сможем беседовать буквально целую вечность. — Он усмехнулся. — И мне это по душе, *си, сеньор*, это именно так.

Эстелла с матерью приехали на автобусе и направились прямо к маленькому домику Фортуны, который стоял совсем недалеко от пыльной дороги. Рядом не было ни цветов, ни кустов, ни другой растительности, а только сухая песчаная земля и всякий мусор, который Фортуна набросала вокруг — вовсе не для того, чтобы отгонять злых духов, как наивно полагали люди, а по причине своей лени и нежелания донести его до бака. В доме пахло протухшей едой и прокисшим молоком, но Эстелле и ее матери пришлось спрятать брезгливые гримасы и улыбаться, чтобы не оскорбить старуху. Фортуна восседала у дома в большом плетеном кресле-качалке, наблюдая за движением редких машин и напевая старые негритянские спиричуэлсы^[9], которым еще в детстве научил ее отец. Увидев Марию, она засмеялась утробным смехом и стала расспрашивать про Пабло Регу.

— Он все еще по-прежнему толкует с покойниками? — спросила она. — Разве ему никто не говорил, что они не могут его услышать? Они вовсе не шастают вокруг да около своих могил, а улетают в мир духов в то же мгновение, когда покидают эту грешную землю.

Мария пропустила мимо ушей ее тираду и объяснила, что они пришли, чтобы узнать о будущем ее дочери. Фортуна прекратила раскачиваться, а ее лицо приняло серьезное выражение мудрой женщины, осознающей ответственность, вытекающую из ее дара предсказания.

Она предложила Эстелле присесть напротив нее и установила свое кресло в вертикальное положение, так что они оказались друг к другу лицом, а их колени почти соприкасались. Мария плюхнулась в другое кресло и достала веер. Фортуна взяла дрожащие руки Эстеллы в свои мягкие мясистые ладони, которые никогда не знали тяжелой ежедневной работы, и прижала ладони Эстеллы большими пальцами своих рук. Затем она стала вытягивать свой рот в разные странные фигуры и закрыла глаза. При этом ее ресницы трепетали, будто она не могла их контролировать. Эстелла с тревогой посмотрела на мать, но Мария кивнула ей, давая понять, что нужно сосредоточиться, и стала оживленно обмахивать себя веером.

— Ты никогда не была так счастлива, — произнесла Фортуна, и Эстелла улыбнулась, поскольку это было правдой и она действительно никогда не была так счастлива. — У тебя есть сын, который однажды станет знаменитым писателем, как и его отец. — Эстелла покраснела и с гордостью улыбнулась. — Он будет изливать свою боль в поэзии, которую будут читать миллионы. — Улыбка Эстеллы исчезла, когда ледяные когти страха снова заскребли по ее сердцу. Ресницы Фортуны затрепетали еще быстрее. Мария прекратила обмахиваться и смотрела на нее, разинув рот. — Я вижу смерть, — сообщила Фортуна. Эстеллу охватил приступ удушья. — Не вижу лица, но она близко. Очень близко. — Фортуна открыла глаза, когда Эстелла выдернула руки и схватилась за горло, поскольку спазм почти лишил ее притока воздуха. Мать вскочила с кресла с невероятной для ее комплекции прытью и с силой опустила голову дочери между коленей.

— Дыши, Эстелла, дыши, — командовала она, пока ее дочь жадно ловила воздух и

конвульсивно извивалась, сражаясь со сковавшим ее ужасом. Фортуна откинулась в кресле и молча наблюдала, как мать и дочь пытаются воспротивиться неизбежности ее предсказания. Наконец, когда дыхание Эстеллы восстановилось, ее хрипы сменились глубокими всхлипываниями, сотрясавшими все ее существо.

— Я не хочу, чтобы он умирал, — завывала она. — Я не хочу его терять, он — это моя жизнь. — Мария обняла дочь своими большими руками и попыталась успокоить, но это было непросто.

— Пожалуйста, скажи мне, что это не Рамон, — умоляла Эстелла, но Фортуна только покачала головой.

— Я не могу тебе сказать, потому что не знаю, — ответила она. — Я не увидела лица и больше ничего не могу сделать.

— А мы разве ничего не можем сделать? — в отчаянии спросила Мария.

— Ничего. Рок сильнее нас всех, вместе взятых.

Эстелла была решительно настроена на то, чтобы обмануть судьбу. Она сообщила матери, что Рамон улетает в Африку на следующий день. Если она сумеет задержать его, то сможет спасти ему жизнь. Мария не пыталась ее остановить, зная, что дочь не отступит от своего решения: Эстелла была слишком подавлена, чтобы оставаться в Качагуа и ждать неизбежного удара. Она обняла дочь на автобусной станции и заверила, что присмотрит за Рамонсито, пока та будет отсутствовать.

— Пусть не покидает тебя Бог, — сказала она. — Может быть, Он защитит тебя.

Эстелла проплакала всю дорогу до Сантьяго. Она сидела, прислонившись к окну, и мысленно перелистывала страницы драгоценных воспоминаний о Рамоне, будто он уже умер. Она закрыла глаза и молилась до тех пор, пока ее молчаливые молитвы не стали срываться с ее губ в виде лихорадочного бормотания. Она не осознавала, что остальные пассажиры могут слышать ее, но просто молчат из вежливости. Приехав в Сантьяго, она взяла такси до его гостиницы. Опрометью взлетев по ступеням, она постучала в номер, но ответа не последовало. Беспомощно стоя у двери, она снова зарыдала, не зная, что делать и куда идти. Возможно, уже слишком поздно. А вдруг он лежит мертвый в номере? Эстелла опустилась на мраморные ступени и спрятала лицо в руках. Почувствовав легкое прикосновение к плечам, она подняла глаза, ожидая увидеть Рамона, но с разочарованием увидела смуглолицего портье, доброжелательно глядевшего на нее.

— С вами все в порядке, сеньора? — спросил он.

— Я ищу Рамона Кампионе, — пробормотала она.

— Дона Рамона? — спросил он, нахмурившись. — Кто вы такая?

— Меня зовут Эстелла Рега. Я... — Она запнулась. — Я его... его...

— Его жена? — подсказал он.

— Его...

— Если вы его жена, то я скажу, где он, — добродушно заявил он, улыбаясь.

— Я его жена, — твердо произнесла она, вытирая слезы белым *пануэло*.

— Он сейчас на встрече и уехал около часа назад, но я могу вызвать такси, и вас доставят к нему. — Эстелла ответила благодарной улыбкой. — Так лучше, — сказал портье. — Вы слишком красивы, чтобы печалиться. — Когда она спустилась вниз, он поймал ей такси и снова исчез в отеле.

Рамон встал.

— Завтра я улетаю в Африку, — сообщил он. — Буду отсутствовать три недели.

— Для вас это маловато, — прокомментировал агент, понимающе улыбаясь.

— В настоящее время у меня нет причин для длительного отсутствия. — Он ухмыльнулся.

— Ты хочешь сказать, что та женщина, которую ты прячешь уже столько лет, покорила твое сердце?

— Ты задаешь слишком много вопросов, Висенте.

— Я знаю, что прав. Это следует из того, что выходит у тебя из-под пера. Там что ни страница — сплошная любовь. Рамон рассмеялся и взял свой портфель.

— Тем меньше причин для отсутствия.

— Но ты все же едешь.

— Я всегда буду это делать.

— Позвони мне, когда вернешься.

Рамон закрыл за собой дверь и вошел в лифт. Он подумал о том, что сказал Висенте: «что ни страница — сплошная любовь», и улыбнулся сам себе при мысли об Эстелле и Рамонсито. Он посмотрел на себя в зеркало и обнаружил, что, увы, не становится моложе. Его виски уже посеребрила седина, да и фигура не стала стройнее. Наклонив голову набок, он поскреб подбородок, размышляя. «Я обязан сделать Эстеллу в полной мере счастливой женщиной, — подумал он, — я должен был жениться на ней много лет назад».

Открыв двери на улицу с оживленным движением, он на мгновение замер, увидев на другой стороне дороги женщину, выглядевшую точной копией Эстеллы. Явно не привыкшая к такому потоку транспорта, она беспомощно смотрела то влево, то вправо глазами испуганного животного. Он несколько раз моргнул, прежде чем осознал, что это действительно Эстелла, и крикнул ей. Она услышала свое имя и подняла глаза. Увидев его, она облегченно вздохнула и подняла руку, приветствуя его.

— Рамон! — радостно крикнула она и ступила на дорогу.

— Эстелла, нет! — выкрикнул он, но было уже поздно. Раздался душераздирающий визг тормозов, когда водитель грузового автомобиля попытался резко остановить машину, чтобы не наехать на женщину, которая, как слепая, шла прямо под колеса. Рамон уронил портфель и побежал через дорогу, движение на которой остановилось, а все водители повысовывались из окон, чтобы посмотреть, что же случилось. Когда Рамон увидел неподвижное тело Эстеллы, лежавшее перед грузовиком, он бросился к ней, дрожащими руками лихорадочно пытаясь нащупать пульс.

— Скажи мне что-нибудь, Эстелла, скажи, — молил он, прижавшись к ней лицом и шепча ей на ухо. — Открой глаза, любовь моя. Пожалуйста, не умирай.

Она лежала неподвижно. Он в ужасе посмотрел на ее бледное лицо и заметил в нежном изгибе ее губ ускользающий след той улыбки, которую она ему несла. Он поднес к ее губам палец, надеясь ощутить дыхание, но она была бездыханна. Уже ничего нельзя было сделать, чтобы вернуть ее. Он взял безвольное тело на руки и прижал к своему сердцу, затем издал громкий, из самой глубины своей сущности, скорбный крик, осознав, что именно он и убил ее.

— Кто она? — спросил кто-то из толпы.

— Моя жена, — простонал он, раскачиваясь с безумным видом вперед и назад.

Рамон повез женщину, которую любил как никого другого, обратно в Запаллар. Когда Мария узнала страшную весть, она свалилась, охваченная смертельной лихорадкой, и лежала, погруженная в транс и равнодушная к мольбам Пабло Реги, неотлучно дежурившего у ее постели. Мариана немедленно примчалась в их дом, чтобы обнять их обоих, поскольку полюбила свою невестку как собственную дочь. Только Рамонсито не плакал и оставался внешне спокойным. Мариана объяснила внуку, что его мама отправилась жить к Иисусу и теперь смотрит на него с небес и посылает ему свою любовь. Но Рамонсито только кивнул и обнял ее. Мариана была смущена. Его зрелость беспокоила ее, поскольку она не слышала ни слез его сердца, ни плача его души.

Как и предсказывала Фортуна, миллионы людей ощутят его скорбь в тех словах, которые ему предстояло написать в будущем. Но в тот момент он не был способен осознать глубину своего горя или найти способ, как его выразить.

Сломленный горем и окончательно поседевший Рамон не мог смириться с потерей своей любимой Эстеллы. Он прижался к груди матери, но затем выпрямился, чтобы не показывать свою слабость перед сыном. Увидев Рамона, Мария вышла из состояния транса и рассказала всем присутствующим о предсказании Фортуны. Рамон покачал головой.

— Она умерла вместо меня, — печально сказал он.

— Она умерла потому, что пришло ее время, — возразила Мария. — Именно поэтому Фортуна не смогла увидеть лица.

Когда Игнасио Кампионе постучал в двери дома Пабло Реги, все присутствующие, скорбящие об утрате Эстеллы, обменялись недоуменными взглядами. Он вошел уверенным шагом человека, который больше не в силах оставаться в стороне.

— Прости меня, сын, — сказал он, обнимая Рамона, в смущении смотревшего на мать из-за плеча отца. Мариана пожала плечами, а потом залилась слезами. — Ты ведь не считаешь меня совсем тупым, — сказал Игнасио, похлопывая сына по спине. Рамон просто не находил слов. Он прижался лицом к шее отца и зарыдал.

Эстеллу похоронили на вершине холма, обращенной к морю, в тени высокой сосны. Позже Пабло Рега извинился перед Освальдо Гарсия Сегундо, поскольку с этого момента он разговаривал только с дочерью. В отличие от Освальдо Эстелла отвечала ему. Он слышал ее голос в шуме прибоя и ощущал ее дыхание в ветре, всегда приносившем с собой нежный запах роз.

Рамон смотрел на горизонт и вспоминал все свои безрассудные эгоистичные поступки, разрушившие столько жизней. Он думал о тех, кого любил, но потерял. Потом он посмотрел вниз на своего одиннадцатилетнего сына. Рамонсито тоже взглянул на отца и улыбнулся. В его улыбке Рамон увидел надежду Федерики и слезы Хэла, разочарование Элен и безоглядную любовь Эстеллы. Он проглотил сожаление, застрявшее в горле, как горсть гвоздей. Положив руку на плечо сына, он молча поклялся, что возместит проявленную к близким людям черствость любовью к Рамонсито. Он всегда будет с ним и станет другим, о чем когда-то так умоляла его Элен.

Бросив на крышку гроба единственную красную розу, он ушел уже совсем другим

ЧЕЛОВЕКОМ.

Элен, Джейк и Полли беспомощно сидели у телевизора, слушая последние новости о крушении. Обеспокоенным родственникам сообщили о количестве жертв, но тела погибших еще продолжали доставать, и не было никаких новостей о Тоби и Джулиане. Артур срочно приехал из офиса, а Хэла забрали из школы. Кухня Полли, казалось, вибрировала в резонанс с охватившим всех горестным настроением. Модели Джейка валялись повсюду, как рассыпанные спички, по полам и на столе, куда он посбрасывал их во внезапном приступе злости и раскаяния. Полли пыталась помочь ему, но все было напрасно — его мучили стыд и угрызения совести за то, что его предрассудки заслонили собой истинные жизненные ценности.

Было ясно, что Тоби умер и больше никогда не появится среди них. Джейк выскочил из дома и отправился к скалам. Он шагал по замерзшей траве, позволяя слезам ненависти к самому себе жалить его лицо. Сильный ветер бил прямо в глаза, но он почти бежал вслепую, будто быстрый шаг мог помочь ему оставить позади свое отчаяние.

Он вспомнил Тоби маленьким мальчиком. Это были времена, когда он брал его с собой в лодку, времена, когда они молча наблюдали за чайками и стаями рыб, плававших прямо под поверхностью воды. Он вспомнил, как смеялся, когда Тоби попросил его отпустить в море большую треску, которую они только что поймали. Тогда он дразнил его, держа рыбину в руках и помахивая ею перед искаженным горем лицом ребенка. Он содрогнулся от этого воспоминания, как и от многих других. Тоби всегда был лучше, чем кто-либо другой, он знал истинную цену жизни.

Потом он вспомнил времена, когда они — отец и сын — были так близки, что твердо верили: ничто не может стать между ними. По вечерам Тоби помогал ему склеивать модели, они рассказывали друг другу разные истории, смеялись и работали вместе в уютной тишине глубокого взаимопонимания. Это были времена, когда Тоби рассказывал ему все.

Но приехал Джулиан, и все изменилось.

Джейк сидел на холодной скале и смотрел на расплывчатую линию, где сражались между собой волны, обливаясь пеной вместо крови. Он копался в своей измученной душе, чтобы найти истоки своего предубеждения. Не только гомосексуальность Тоби восстановила отца против сына — чувство обиды на сына стало расти в нем задолго до того, как он об этом узнал. Было что-то еще. Нечто гораздо более примитивное. Он вспомнил, как Тоби впервые представил ему Джулиана. Тогда он мгновенно почувствовал их близость. То, как они смеялись вместе, как старые друзья, предугадывали мысли друг друга, как братья, или комфортно молчали, как отец с сыном. Его душила ревность. Когда он стал дальше препарировать свои чувства, то понял, что в действительности никогда не делал проблемы из гомосексуализма Тоби. Просто гораздо легче было оправдать свое негодование этим очевидным обстоятельством, чем признаться, даже себе самому, в чувстве ревности. Внезапно ощущение стыда стало почти нестерпимым.

Джейк не был религиозным человеком, но всегда чувствовал присутствие в природе божественного начала, поэтому стал неистово молиться. Он молил Бога простить его и

спасти жизни Тоби и Джулиана, чтобы он смог искупить свою вину перед ними.

Когда он вернулся домой, Полли заметила, что выражение его лица изменилось. Где-то там, на ветру, он убил терзавшего его дракона ревности. Теперь он был готов присоединиться к остальным членам семьи и жить надеждой.

Элен понимала, что должна быть стойкой ради сына, но охватившее ее отчаяние было всепоглощающим. Она сидела, наблюдая, как слезы вызывают волнение на поверхности ее чашки с кофе, и позволяя ощущению неизбежности трагедии полностью овладеть ею. Когда приехал Артур, она подняла свои покрасневшие заплаканные глаза, чтобы подать сигнал о необходимости утешить ее. Артур поставил свой портфель и остался стоять посреди кухни.

— Значит, так, — заявил он командным тоном, положив руки на бедра. — Я разговаривал со службой спасения на месте и узнал, что о них до сих пор нет никаких данных. По крайней мере, мы должны быть благодарны, что их нет среди мертвых.

Элен начала всхлипывать. Полли сжала побелевшие губы, чтобы сдержать свое горе. Она должна была оставаться сильной, чтобы поддержать остальных родственников.

— Сейчас нам не остается ничего другого, кроме как ждать. Я предлагаю звонить в штаб по спасению через каждые пятнадцать минут. Джейк, держите радио включенным, чтобы не пропускать сводки новостей. Элен, не хорони их раньше времени. Пока нет плохих новостей, остается надежда, так что сделай ради них такое одолжение.

Элен просто окаменела. Она никогда раньше не слышала, чтобы ее муж разговаривал так властно, и посмотрела на него с восхищением.

— Все мы должны быть сильными ради всех нас. Ничто не заканчивается, пока не заканчивается, — продолжал он, наблюдая, как жена послушно выпрямилась.

— Хорошо, так кому дать еще чашку чая? — спросила Полли, наполняя чайник.

Федерика хотела бы сейчас оказаться в Польшерро со всей семьей. Она лежала на большой кровати Торквилла в Литл-Болтонс и неподвижным взглядом смотрела в окно, ожидая хороших вестей вместе с телефонным звонком. Позвонив в офис Торквилла, она оставила у секретаря сообщение для него. Федерика полностью обратилась в слух в ожидании, когда щелкнет замок в двери, и ее чувства настолько обострились, что сердце в груди подпрыгивало при малейшем звуке.

Элен сообщила ей по телефону ужасные новости. Но, пока не было доказательств их смерти, оставалась надежда, что они живы. Она включила телевизор и следила за сообщениями разных каналов. Поезд выглядел как оловянная игрушка, беззаботно выброшенная капризным ребенком. Она видела, как пожарные достают тела погибших и ищут между ними выживших. Но среди пятен незнакомых лиц она не обнаружила Тоби или Джулиана. Когда это зрелище стало слишком тягостным, она выключила телевизор и осталась лежать в ожидании новостей от матери.

Зазвонил телефон. Она дрожащей рукой сняла трубку и едва смогла расслышать голос из-за нараставшего звона в ушах.

Сердце Федерики превратилось в свинцовое грузило.

— О, Эстер, привет, — разочарованно ответила она.

— Я узнала номер у твоей матери. Мне так жаль. Мы все думаем о вас, — сказала она. — Мы с Молли сидим дома и молимся за них.

— Спасибо, Эстер, — вяло пробормотала она. — Я тоже молюсь.

Эстер слышала, что Федерика собирается замуж за Торквилла, но полагала, что сейчас

говорить об этом неуместно.

— Сейчас я освобождаю твою линию, но мы здесь, если понадобится тебе, — добавила она ободряюще, прежде чем повесить трубку.

Когда в замке наконец повернулся ключ, слух Федерики был слишком поглощен ожиданием телефонного звонка, чтобы это услышать. Торквилл обнаружил ее свернувшейся калачиком на постели. Он подошел к ней и обнял, а она стала всхлипывать на его груди.

— Я уже думала, что ты никогда не вернешься, — сдавленно шептала она, обвивая руками его шею. — Они, возможно, погибли.

— Ты этого не знаешь наверняка, — ответил он. — Какие последние новости?

— Самое худшее состоит в том, что новостей нет.

— Ты смотрела телевизор?

— Я не могу этого вынести и жду звонка от мамы. Они постоянно звонят по специальной линии для родственников.

— Хорошо, это все, что мы сейчас можем сделать. Только это, и еще молиться, — сказал он, касаясь ее горячего лба. — С ними все в порядке, дорогая, я это чувствую.

Но Федерика не чувствовала ничего, кроме фатального приговора судьбы.

Вскоре Торквилл встал и заходил по комнате.

— Если мы будем сидеть здесь, это ничего не изменит, я уже начинаю ощущать клаустрофобию. Почему бы тебе не принять ванну и не переодеться? Я думаю, нам не помешает отправиться на ланч. Это поможет тебе немного отвлечься.

Новости в Польперро распространялись быстро. Ингрид непрерывно курила, чувствуя в себе неспособность рисовать или погрузиться в обычные смутные размышления о собственных проблемах. Иниго закрыл свои философские книги и уселся рядом с женой у камина, размышляя о значимости смерти. Нуньо покачал головой и опрокинул целый стакан бренди, причитая, что на их месте должен был быть он.

— Мое время уже кончилось, — вздыхал он. — А у этих парней впереди еще были годы и годы.

Сэм сидел за компьютером и работал, испытывая желание позвонить Федерике. Ему уже звонила Молли и сообщила печальные новости. Он немедленно включил радио и внимательно слушал подробности крушения, мечтая утешить ее, как в тот день, когда они гуляли среди весенних подснежников и Федерика со слезами на глазах рассказывала о том, как подслушала разговор матери с Артуром. Тогда она была такой юной и брошенной и глядела на него робкими и безоговорочно обожающими глазами. Он вспомнил сладкие поцелуи в амбаре, их глупую кухонную стычку на Рождество и ощутил, насколько далека она сейчас от него. Он уже ненавидел Торквилла Дженсена. «Да что это за имя такое?» — возмущался он про себя. В спешке Молли забыла сообщить ему о том, что Федерика собирается замуж. Она только дала ему новый адрес Федерики и попросила ей позвонить. «Ей нужна наша поддержка», — пояснила она.

Сэм машинально обвел рамочкой номер, записанный на поле «Ивнинг Стар», пытаясь предугадать, будет ли она рада его услышать. Затем, отбросив сомнения, он набрал номер. Откинувшись в кресле, он прислушивался к тональному сигналу с учащенным пульсом. Наконец все стихло и сердитый мужской голос нетерпеливо ответил:

— Торквилл здесь.

У Сэма от негодования закололо в животе.

— Это Сэм Эплби. Позовите Федерику, — холодно произнес он.

Мужчина проявил свое разочарование громким вздохом.

— Боюсь, что она в ванной.

— О, — неприязненно ответил Сэм, снимая очки и раздраженно потирая переносицу.

— Не возражаете, если она перезвонит вам позже? Мы бы хотели, чтобы линия оставалась свободной. Не уверен, известно ли вам, но...

— Я знаю. Просто передайте ей, что я звонил, — прервал он и положил трубку. В ярости он с силой вонзил в газету канцелярский нож и пожалел, что вообще звонил. — Торквилл Дженсен, — процедил он сквозь зубы, — что за кретин.

— Кто это был? — крикнула Федерика из ванны.

Торквилл пососал щеку изнутри, раздумывая, говорить ей или нет. Ему инстинктивно не понравилось это имя — *Сэм Эплби*, и разозлила заносчивость, с которой говорил этот тип. В любом случае Федерике сейчас совершенно не нужны приятели-мужчины. Ей вполне достаточно его самого.

— Пустяки, дорогая, это из офиса, — ответил он, ухмыляясь. Сэм Эплби может сколько угодно бросать трубку, но последнее слово останется за ним.

Торквилл повел Федерику на ланч в маленький ресторан прямо за углом дома. Официант, хорошо знавший его, предоставил им столик у окна, и Федерика с понурым видом смотрела на серую мостовую.

— Дядя Тоби всегда был для меня как отец, — сказала она, помешивая ложкой суп. — Мой собственный отец, в сущности, почти мной не интересовался, но у дяди Тоби всегда находилось для меня время. Я помню о нем так много хорошего. — Она вздохнула, не заботясь о том, чтобы смахнуть тяжелую слезу, балансировавшую на кончиках ее ресниц.

— Ты говоришь в прошедшем времени, дорогая, — заметил Торквилл, нежно касаясь ее руки. — Я уверен, что он жив, вот увидишь.

— О, он умер, — печально возразила она. — Если бы он остался в живых, нам бы сообщили.

В тот же момент мобильник Торквилла зазвонил с громким визгом, встряхнувшим весь ресторан.

— Торквилл здесь, — отрывисто произнес он. — А, миссис Куки. Есть новости?

— Федерика с вами? — спросила Элен, игнорируя обычные любезности.

— Я передаю ей трубку.

— Феде, дорогая, боюсь, что до сих пор мы ничего толком не знаем. Погибших всего тридцать два. Тоби и Джулиана среди них нет, но их нет и среди выживших. Они там ничего точно не знают и продолжают поиски. Мы все стараемся быть сильными, а Артур держится просто великолепно. Он полностью взял все вопросы на себя и еще успевает поддерживать нас всех. Я даже не подозревала, что он на такое способен.

— О, мама, я молюсь каждую минуту, — прошептала она.

— И я тоже. И все мы.

— Надежда всегда остается, — сдавленно произнесла она, глядя на пустынную улицу. Внезапно она увидела Тоби и Джулиана, бодро шагавших по брусчатке. Тоби жевал шоколадный батончик. Ошеломленная Федерика замерла, яростно моргая, чтобы убедиться, что все происходит наяву.

— Да, дорогая, я тоже так думаю, — сказала Элен и засопела. Затем, обеспокоенная

молчанием дочери, она добавила: — Феде, с тобой все в порядке?

— Мама, они здесь! — в изумлении воскликнула Федерика.

Торквилл повернулся и выглянул в окно.

— Кто именно?

— Дядя Тоби и Джулиан!

— Что?

— Они идут ко мне по дороге.

— Ты уверена?

— Да! — воскликнула она, вскакивая и выбегая в двери. — Тоби! Джулиан! — закричала она.

Тоби заулыбался, увидев, что к нему бежит племянница. С разбегу она бросилась в его объятия.

— Вы живы, — смеялась она. — Они живы! — выкрикнула она в телефон, где на другом конце напряженно ожидала Элен.

— Дай ему трубку, — в нетерпении приказала Элен. — Они живы, — сообщила она, смущенно глядя на родителей, Артура и Хэла.

— Элен, — произнес Тоби, усмехаясь в трубку.

— Что за дьявольщина с вами приключилась? — нервно спросила она.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Крушение поезда.

Тоби нахмурился.

— Что за крушение поезда? — спросил он в недоумении.

— Ради Бога! — прохрипела она. — Только не говори мне, что вас там не было.

— О чем ты говоришь, Элен? Мы поехали самым ранним поездом, поскольку у Джулиана была назначена утренняя встреча в Сохо.

— Не могу в это поверить! — воскликнула она. — А мы-то думали, что вы погибли.

— Господи, я прошу прощения.

— Тебе необходимо это сделать! — в ярости закричала она. — Боже, Тоби, мы думали, что вас уже нет в живых. Мы все чуть с ума не сошли от беспокойства. Я уже начала готовить речь для похорон. Черт побери! Я так люблю тебя! — сказала она и залилась слезами. Джейк отобрал у нее телефон.

— Тоби.

— Папа. — Возникла небольшая заминка, во время которой Джейк подбирал слова, которые еще мгновение назад рвались с его языка.

Тоби глянул на Джулиана, давая понять, что возникли трудности.

Наконец Джейк смог заговорить в менее пафосном стиле.

— Приезжай домой, сынок, вы оба приезжайте, — произнес он сухо. Ему хотелось сказать больше, но он не мог это сделать по телефону.

Тоби в замешательстве наморщил лоб.

— С тобой все в порядке, отец? — спросил он.

— Вы живы. Вы *оба* живы. Я никогда в жизни не был так счастлив, — торжественно заявил Джейк, и Тоби узнал прежний голос отца, голос, в котором звучала глубокая привязанность — та, которую на столь долгое время удалось заглушить предрассудку.

Тоби поговорил с матерью, затем с Артуром и, наконец, с Хэлом. Когда он нажал кнопку отбоя, то продолжал удивленно качать головой.

— Будет лучше, если вы присоединитесь к нам за ланчем, — предложил Торквилл, протягивая руку. — Я — Торквилл Дженсен. Вы даже не представляете, насколько я рад встретить вас обоих.

* * *

Когда Тоби и Джулиан вернулись в Польшерро, они получили такой прием, о котором и думать не могли. Большая часть населения города присоединилась к семье Тоби и членам клана Эплби на платформе. Увидев, как они выходят из поезда, все разразились дружными аплодисментами. Присутствовал даже Иниго в своем поношенном кашемировом пальто и фетровой шляпе, решивший продемонстрировать удовлетворение тем фактом, что они возвратились домой в целости и сохранности. Полли с гордостью наблюдала, как Джейк обнял их обоих, сердечно хлопая по спинам, поскольку от волнения не мог говорить. Глаза Тоби увлажнились, когда он увидел, как какое-то доброе волшебство разрушило невидимую стену отчуждения, выросшую между ними. Их глаза молча высказывали то, что они чувствовали, а слезы демонстрировали ту любовь, которую они полагали неудобным выразить словами. Элен радостно наблюдала за тем, как ее семья снова объединилась, но ей оставалось только догадываться, как прошла их встреча с Федерикой и удалось ли им повлиять на ее брачные планы.

Проходя сквозь толпу доброжелателей к выходу, Тоби с удивлением увидел Джоанну Блек, ту девушку, которую он однажды поцеловал в школе. Она скромно стояла у двери и улыбалась ему. Несколько озадаченный, он улыбнулся в ответ.

— Привет, Тоби, — сказала она. — Не думаю, что ты меня помнишь.

— О, я помню, — сказал он и хитровато ухмыльнулся.

— Я только хочу извиниться за свое поведение тогда, в магазине.

— Не беспокойся, ничего страшного. Это было так давно. — Он пожал плечами, глядя, как она переминается в нерешительности.

— Я знаю, но получилось нехорошо.

— Да это я тогда поступил нехорошо. Но прошло уже столько времени.

Она опустила глаза и стала крутить прядь каштановых волос за ухом.

— Да, это верно, — тихо произнесла она. — Когда ты поцеловал меня тогда...

— Да?

— Я убежала в слезах.

— Да.

— Мне было больно не потому, что ты меня поцеловал. Мне это понравилось, — робко сказала она и нервно засмеялась. — Меня ранило выражение отвращения на твоём лице, когда ты это сделал.

— О, мне так жаль, — сказал он, снова пожимая плечами.

— Нет, не нужно извиняться, — нерешительно ответила она. — Теперь я понимаю. Тебе не нравятся девушки, но тогда я этого не знала.

— Почему ты говоришь это сейчас? — спросил он.

— Я думала, что ты погиб, — сказала она.

— О.

— Я уже несколько лет собиралась тебе сказать, но никак не могла набраться

храбрости.

— Спасибо, — пробормотал он, наблюдая, как она проходит в двери. Затем он последовал за ней на улицу.

— Ну вот, это все, что я хотела сказать. Теперь я это высказала. — Она опять нервно рассмеялась, переминаясь с ноги на ногу от холода, и вдруг внезапно обняла его. Тоби застыл, не шевелясь, и девушка тяжело вздохнула. Ей так и не удалось оправиться от того первого девичьего разочарования и поспешного поцелуя на спортивной площадке. — Еще увидимся, — добавила она и ушла.

Тоби смотрел, как она удаляется, и качал головой.

— Знаешь, смерть выделяет с людьми странные фокусы, — сказал он Джулиану.

Джулиан ухмыльнулся.

— Тогда людям следует почаще умирать, — задумчиво заметил он. — Эта злодейка заставляет каждого из нас проявлять свои лучшие качества.

Тень смерти действительно заставила каждого проявить то лучшее, что в нем таилось. Сами того не осознавая, члены семьи Тоби стали другими.

Джейк сразился со своей ревностью и победил. Восхищение Полли своим мужем выросло и объединило их, тогда как раньше предубеждение Джейка развело их по разным углам. Элен больше, чем когда-либо раньше, осознала ценность жизни и благодарила Бога за Артура, который растаял от удовольствия, когда она стала держать его за руку под столом и интимно ему улыбаться, как делала это, когда они только начали встречаться. Хэл выполз из оболочки замкнутости и стал замечать окружающих, хотя это явление и носило временный характер.

Когда Элен наконец смогла спросить Тоби, как же прошла встреча с Федерикой, она поняла, что возможность этого брака ее уже особо не волнует. В конце концов, женитьба не несет никакой угрозы жизни.

— Я был удивлен, насколько обаятельным человеком он оказался, — сообщил Тоби, погружаясь в тарелку ризотто с грибами, приготовленного Полли. — Он гораздо старше ее, но очень красивый и умный.

— Очень похож на ее отца, думаю, ты это заметил, — добавил Джулиан. — Лучше просто не бывает.

— Но будет ли он к ней добр? — спросила Полли, в то время как Джейк наливал ей стакан вина.

— Она, конечно, молода, — сказал Джейк, — но зато далеко не глупа, Полли.

— Она знает, чего хочет, папа, — уверил его Тоби. — Этого нельзя отрицать. Как бы то ни было, она уже далеко не та «маленькая Феде», которую мы знали раньше. Она уже женщина. С тех пор как Федерика встретила Дженсена, она очень повзрослела.

— Однако она достаточно уязвима, особенно в отношении значительно более старших мужчин, которые могут ею манипулировать, — вмешался Артур.

— Да, она уязвима, — согласилась Элен. — Она очень впечатлительна, а это ее первая любовь. Наверно, ей надо набраться немного опыта.

— Феде не из тех, кто будет это делать, — ухмыльнулся Хэл, поливая ризотто томатным соусом.

— Ну, в пределах разумного, — возразил Джейк.

— Элен не предлагает ей спать со всеми подряд, папа, а просто набраться немного

опыта, встретить других людей. Я с ней согласен. Ее решение выйти замуж за первого же понравившегося мужчину создает определенную проблему, независимо от степени его обаяния. В конце концов, брак — это на всю жизнь.

— Должен быть, — едко добавила Элен.

— Может быть, — усмехнулся Артур, прижимая коленом ее коленку. В ответ она кокетливо ему подмигнула.

— Я считаю, что жениться — значит вляпаться, — вмешался Хэл. Элен улыбнулась ему и укоризненно покачала головой.

— Итак, что мы будем делать? — спросила Полли, опустошая свой стакан. — И что мы вообще можем сделать?

— Да ничего, — констатировал Джейк. — Она должна сама вести свой корабль, Полли.

— Ладно, но когда мы сможем его увидеть? — спросила Элен.

— Они сказали, что, возможно, приедут на этот уик-энд, — сообщил Тоби.

— Ладно, — кивнул Джейк. — Теперь никаких суждений, пока мы не дадим этому парню шанс показать себя. Еще ризотто, Полли?

Когда Молли позвонила Сэму, чтобы сообщить, что Тоби и Джулиан живы, она вспомнила, что нужно рассказать ему о намерении Федерики выйти замуж. Узнав эту новость, Сэм чуть не задохнулся от ревности.

— Не говори глупости, ведь они едва знакомы.

— Я знаю. Вся эта история довольно курьезная, — согласилась Молли. — Но дело обстоит именно так.

— Она — ровесница Эстер. Ради бога, ну что она знает о замужестве?

— Ровным счетом ничего. Если бы она знала об этом больше, то не думаю, что выкинула бы такой номер. Но мама говорит, что он заменяет ей отца, которого у нее практически не было.

— Вот оно что. Синдром родного папочки, — горько заключил он, и на его сердце повис свинцовый груз.

— Совершенно верно.

— Когда свадьба?

— Весной.

— Что такое, *этой* весной? — воскликнул он, срывая очки и потирая глаза, в которых внезапно ощутил усталость и дискомфорт.

— Торквилл хочет жениться как можно быстрее. Ты знаешь, что он уже заставил ее бросить работу?

— Нет!

— Да, именно так. Она уже перевезла большую часть вещей в его дом.

— А где он живет?

— В Литл-Болтонс, — произнесла она хриплым от возмущения голосом.

— Значит, ей уже не нужна работа, да? Очевидно, что он богат.

— Каждый должен чем-то заниматься, — возразила она. — Она станет одной из этих жутких баб, которые только и делают, что с безумным видом шляют по магазинам и покупают себе тряпки.

— Только не Феде, — голосом защитника произнес Сэм.

— Представь себе, именно Феде, — настаивала она. — Он превратит ее в то, во что

пожелает. Она не относится к людям с сильным характером.

— Она еще молода.

— Эстер тоже молода, но у нее твердый характер.

— С такой сестрой, как ты, это неудивительно, — заметил он.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты просто завидуешь, что Феде подцепил богатый и красивый мужчина, — выдвинул он обвинение в адрес сестры, сам удивляясь, зачем это делает.

— Послушай, я позвонила только для того, чтобы ты был в курсе, а вовсе не из желания поспорить, — гневно возразила она.

— Прости, Моль, это был день испытаний, — извинился он, глубоко вздохнув. Положив трубку, он почувствовал приступ тошноты. Не будучи в состоянии сосредоточиться на работе, он надел пиджак и рано ушел из офиса, не заботясь, что по этому поводу подумает босс. Он больше не собирался работать в Сити. Чем раньше он вернется в Польшу, тем лучше. Сэм решил, что не останется в Лондоне в случае брака Федерики и Торквилла. Он доехал подземкой до Гайд-парк Корнер и бродил по Гайд-парку, пиная ногами листья и бросая сердитые взгляды на белок. Когда начался дождь, он остановился под прикрытием одного из каменных сооружений, тоскливо глядя на нависшее над ним серое небо.

Он не мог понять, почему так взволнован браком Феде. В конце концов, у него тогда был свой шанс, но он им не воспользовался: поразвлекавшись с ней всего один вечер, он оставил ее. Сэм пытался утешить себя тем, что не хочет иметь ни с кем серьезных отношений, не хочет ограничивать свою свободу. Если бы Федерика не встретила этого Торквилла, он бы ничего не предпринял. Сэм вел себя как собака на сене, он просто не хотел, чтобы у нее был кто-то другой. Нагулявшись под мелким дождем, он вернулся в свою квартиру, чувствуя себя уже значительно лучше. Значит, Федерика выходит за Торквилла, ну и что? В море оставалось еще очень много рыбы.

Какое-то время Сэм пытался убедить себя, что Федерика его больше не интересуется, но, встретившись с Торквиллом Дженсенем лицом к лицу, он уже не мог притворяться.

Все его инстинкты яростно протестовали против этого брака, который, по его мнению, был обречен на провал еще до его регистрации. Но, похоже было, что такого мнения больше никто не придерживался.

Торквилл и Федерика приехали в дом Тоби вечером в пятницу. Он настоял на поездке автомобилем с остановками на отдых в маленьких гостиницах и пабах. Когда они доехали до продуваемых ветром проселков, у Торквилла появилось странное ощущение дежа вю.

— Я точно знаю, что уже был здесь, — заявил он, уставившись на оголенные живые изгороди и деревья и не переставая гадать, почему это все ему так знакомо.

— Возможно, в прошлой жизни, — в недоумении пожала плечами Федерика. — Мы и там могли быть любовниками.

— Нет, — с серьезным видом настаивал он. — Я действительно здесь был, и это меня беспокоит.

Федерика покачала головой и больше об этом не думала. Она едва могла спокойно сидеть от возбуждения по поводу предстоящего знакомства жениха с ее семьей. Когда они остановились у коттеджа Тоби и Джулиана, Торквилл нажал на клаксон. У двери появился Тоби, а ошарашенный от радости Расти с энтузиазмом бросился их приветствовать.

— Добро пожаловать, — сказал Тоби, тепло улыбаясь. Следом за ним появился

Джулиан, чтобы запечатлеть это событие на пленке. Именно в этот момент Торквилл вспомнил, почему он был так уверен, что знает это место. У него еще сохранился тот поляроидный снимок Люции, который сделал Джулиан. Он глубоко вздохнул и вышел из «Порше». Ему оставалось надеяться, что воспоминание о встрече с ним уже стерлось с годами из их памяти. Насколько он помнил, это была встреча не из приятных.

На обед первыми прибыли Джейк и Полли. Джейк не доверял «городским» и надеялся, что Федерика выйдет за кого-то из Польперро.

— Она достаточно настрадалась в жизни, поэтому ей нужна стабильность и жизнь в окружении людей, к которым она привыкла. Тем не менее у него есть возможность доказать, что он способен о ней позаботиться, — говорил он по дороге.

Полли соглашалась с ним и задумчиво кивала головой.

— Я только хотела бы, чтобы он не был настолько старше, — вздохнула она. — Он станет стариком прежде, чем она вступит в средний возраст, а это постыдно.

Когда они пришли в гостиную, Торквилл вскочил на ноги и тепло протянул свою руку. Оба они были мгновенно обезоружены красотой его лица и очарованием обаятельной улыбки.

Полли с готовностью вернула ему ответную улыбку.

— Встретиться с вами было истинным удовольствием, — излила она свои чувства, не в состоянии противостоять необычайной привлекательности этого мужчины. Джейк был более сдержан, хотя на него тоже произвели впечатление совершенные черты его лица, и смотрел на Торквилла прищуренными глазами, стараясь не подпасть под чисто внешнее впечатление.

Но даже Джейк был легко сражен, когда Торквилл положил свою любящую руку на руку Федерики и, посмотрев ему прямо в глаза, искренне заявил:

— У меня есть только один приоритет, мистер Требека, и он состоит в том, чтобы сделать Федерику счастливой и защищенной, насколько это в моих силах.

Старое сердце Джейка было покорено, и он кивнул в знак согласия.

— Хорошо, Торквилл, но, как вы видите, у нее есть близкие люди и любящая ее семья. Не позволяйте ей блуждать слишком далеко от родного дома, и тогда она сможет одновременно наслаждаться новой жизнью с вами и той стабильностью, которая заложена в семейных корнях. — Затем он грубовато добавил: — И пожалуйста, зовите меня Джейком.

Когда приехали Артур, Элен и Хэл, гостиная уже дрожала от смеха. Хэл по пути застрял у «Порше» и полюбил его владельца еще до личной встречи.

— Вау, он, должно быть, действительно крутой типаж, если у него такая машина! — воскликнул он, спеша увидеть хозяина этого чуда. Элен мгновенно отметила физическое сходство между Торквиллом и Рамоном, но также и различия — в лице Торквилла отсутствовала характерная жесткость Рамона; оно было слишком полированным и гладким. Однако она ничего не могла поделать, кроме как отбросить свои опасения в присутствии такого великолепного экземпляра мужчины. Он не только сам был высоким и красивым, но и его одежда выглядела безукоризненной — от кашемирового пиджака до превосходно начищенных коричневых кожаных туфель. Заняв место рядом с Федерикой, она подмигнула ей в знак одобрения, и та засияла от радости.

Только подозрения Артура продолжали медленно созревать под поверхностью его внешней доброжелательности.

За обедом Элен посадили рядом с Торквиллом. Глядя в ее напряженные глаза, он рассказывал, как больше всего на свете желает сделать ее дочь счастливой.

— Теперь я вижу, от кого она унаследовала свою красоту. Вы с ней смотрите почти как сестры, — голосом знатока заявил он, наблюдая, как ее щеки загораются от удовольствия.

— Она очень ранима, Торквилл, и действительно слишком молода для замужества, — заметила Элен, отпивая глоток вина. — Но вы старше и мудрее, так что у меня нет сомнений, что вы сумеете сделать ее счастливой. В чем она действительно нуждается — так это в ощущении уверенности; это то, что слишком молодой человек не способен ей дать. Должна признаться, что, впервые услышав о вас, я беспокоилась, что вы не подходите для нее по возрасту и что в этой истории имеет место ненужная спешка. Но теперь, узнав вас, я могу уверенно сказать, почему именно она не желает ждать. Зачем вам обоим ждать, если вы так уверены в своих взаимных чувствах? Брак — это рискованное мероприятие, независимо от продолжительности знакомства. Но, думаю, на вас двоих я бы сделала ставку.

— Торквилл, не могли бы вы немного прокатить меня на вашей машине после обеда? — спросил Хэл, почти крича через шумное застолье.

— Разумеется, — ответил Торквилл. Затем он использовал возможность произнести небольшой спич. — Я только хочу сказать, что, влюбившись в Феде, я никак не рассчитывал полюбить всю ее семью, но я был необычайно приятно удивлен. — Он обвел глазами разгоряченные лица и блестящие глаза присутствующих и сделал паузу, взглянув на Федерику, намереваясь обнародовать свои эмоции. — Я хочу всех вас поблагодарить за то, что в полной мере ощутил вашу доброжелательность, а также выразить всем свою благодарность за Федерику, поскольку я знаю, что каждый из вас внес большой вклад в то, чтобы она стала такой, как сегодня, — женщиной, которую я люблю всем сердцем.

Полли заглушила подступившие слезы глотком вина, а Элен улыбнулась Тоби, который кивнул ей в знак одобрения.

— Знаете, а Торквилл думает, что когда-то он уже был здесь, — удивленно сообщила Федерика.

— Нет, дорогая, я ошибся, — быстро отреагировал Торквилл, — это просто ощущение *дежа вю*.

Джулиан посмотрел на него и нахмурился.

— Послушай, Тоби, помнится, я говорил тебе, что при имени Торквилл в моей памяти прозвенел звоночек?

— Ты ведь не мог забыть такое имя, как Торквилл? — хихикнула Федерика.

— Но я точно знаю, что не был здесь раньше, — осторожно произнес Торквилл, — поскольку если бы я тут побывал, то просто не смог бы уехать.

Тоби весело поднял свой бокал.

— Хорошо сказано, Торквилл, — сказал он одобрительно. — Добро пожаловать в нашу семью. — Все дружно подняли бокалы.

Только Артур колебался, прежде чем присоединиться к тосту. Он не мог точно сказать, что именно, но что-то с Торквиллом было не так. Очень уж безукоризненным и совершенным он был.

На следующий день Торквилл и Федерика были приглашены на ланч в Пиквистл Мэнор для встречи с кланом Эплби. Ингрид моментально одобрила выбор Федерики, поскольку он

не содрогнулся при виде раненого горноста, который с невозмутимым видом хромающей походкой пересекал холл, и с энтузиазмом приласкал собак.

Иниго заперся в кабинете, попросив беспокоить его только при чрезвычайных обстоятельствах, вроде пожара. Поэтому Ингрид извинилась за его отсутствие и сопровождала гостей в большую гостиную, где их приветствовали танцующие языки пламени в камине, над которым висел портрет Виолетты, матери Ингрид.

Нуньо поздоровался с гостем за руку и окинул его скептическим взглядом, в то время как Эстер едва не подпрыгивала от возбуждения, а Молли, изображая, что затрудняется встать, развалилась на диване с отсутствующим видом. Сэм появился в мрачном обличье и поцеловал Федерику в щеку, кивнув затем Торквиллу с высокомерием, которое ему вовсе не шло. Торквилл распознал его антипатию под маской дружеской улыбки и вежливо кивнул в ответ, прежде чем повернуться и вступить в беседу с Эстер.

Сэм ни на минуту не был обманут внешним лоском Торквилла и мгновенно его возненавидел.

— Он не вызывает у меня доверия, — шепнул он Нуньо. — Слишком уж гладкий. Где-то на чердаке он прячет свой истинный портрет со всеми скрытыми недостатками, говорю я тебе.

— А, нечто вроде портрета Дориана Грея. Но он действительно красавец, — ответил Нуньо, наблюдая, как в лучах физического совершенства Торквилла постепенно розовеют Ингрид, Эстер и Молли.

— Боже, да они все ведут себя просто как дурочки, — пренебрежительно заметил Сэм. — Ну почему на женщин внешность действует так магнетически? Это весьма прискорбно.

Нуньо внимательно посмотрел на внука и понимающе хмыкнул.

— А ты случайно не ревнуешь слегка, мой дорогой мальчик?

Сэм замотал головой и сунул руки в карманы.

— Конечно нет. Она мне как сестра, и я должен защищать ее, — протестовал он, испытывая жгучую боль при виде того, как Федерика греется в лучах славы Торквилла.

— А, — с улыбкой вздохнул Нуньо. — О, берегитесь, господин мой, ревности коварной. Она как монстр зеленоглазый, что издевается над тем, кто пищей ему служит.

— Шекспир, «Отелло», — автоматически прокомментировал Сэм. — Но смею уверить тебя, Нуньо, я не стремлюсь заполучить Федерику для себя. Однако мне невыносимо видеть, что она попала в недостойные руки.

— Ты не сможешь прожить за людей их жизни, мой мальчик, они должны сами страдать от своих ошибок и учиться на них — все мы должны.

— Я все понимаю, но тяжело просто стоять и наблюдать, как это происходит, — вяло отозвался Сэм.

— Поверь мне, ничто в мире сегодня не убедит Федерику, что Торквилл не является тем, кем кажется, если это действительно только иллюзия. И держи свои мысли при себе. Искренность не принесет тебе ничего, кроме новой порции горечи.

Сэм во время ланча глядел поверх Торквилла, в то время как все женщины семейства Эплби восхищенно смеялись над каждой шуткой, которую тот отпускал. Один или два раза Торквилл скрещивал взгляды со своим недоброжелателем, но каждый раз первым отводил глаза.

«Он знает, что я его вижу насквозь», — думал Сэм. Федерика обратила внимание на

молчаливость Сэма и ощутила, как ее энтузиазм испаряется, как будто его молчаливое неодобрение высасывает ее энергию. После ланча все решили отправиться на прогулку.

— Ты идешь с нами, Сэм? — с надеждой спросила Федерика.

Но Сэм покачал головой.

— У меня еще есть дела, — ответил он. *«Более важные дела, чем выслушивать идиотские шуточки Торквилла»*, — подумал он и отправился в кабинет Нуньо.

Кабинет Нуньо имел то преимущество, что располагался в углу дома. Окна одной стены смотрели в сад, а другой — выходила на фасад дома. Сэм стоял у окна, наблюдая за играми Торквилла с собаками, резвившимися на траве перед Молли, Эстер и Ингрид.

— Я обожаю собак, Ингрид, — говорил Торквилл, поглаживая их лоснящиеся головы. — А эти две очень хороши.

— Любители собак — хорошие люди, — ответила она, — всегда можно быть уверенным в истинном характере человека, если он любит собак. — Поплотнее завернувшись в длинный кардиган, она предложила: — Если вы намерены пройтись по скалам, я могу позаимствовать вам пальто, Торквилл.

— Спасибо, у меня есть пальто в машине, так что, пожалуй, схожу за ним, — сообщил Торквилл, оставляя женщин беседовать между собой. Сэм проследил, как тот выходит через арку к площадке, где стоял автомобиль. Он перешел к другому окну. Торквилл подошел к «Порше» вместе с Троцким и Амадеусом, следовавшими за ним по пятам. К удивлению Сэма, Торквилл всячески пытался от них избавиться.

— Бестолковые твари. Пошли вон! — прорычал он, пинком отбрасывая Амадеуса с дороги. Амадеус съежился от неожиданности, но потом решил, что это такая игра, и отправился обратно за новой порцией тумаков. — Чертовы животные! — продолжал ворчать Торквилл, открывая багажник и извлекая из него пальто. Поймав интонацию его речи, Троцкий в изумлении поднял уши, будто не веря им, и ретировался, предоставив Амадеусу в одиночестве запрыгивать на тщательно отутюженные вельветовые брюки и царапать их когтями. Торквилл был в бешенстве. Он снова выругался и ударил спаниеля по морде. — Сделай это еще раз, и я съем тебя на обед, — озлобленно пообещал он, прежде чем снова пройти через арку в сад, где его ожидало дамское общество.

Сэм так и остался стоять у окна, удивленный эпизодом, который только что наблюдал из окна. Ему хотелось немедленно рассказать все Федерике, но кто же ему поверит? Он устроился в кожаном кресле Нуньо и смотрел на тлеющие в камине угли. *«Только через мой труп поведет он Федерику к алтарю»*, — подумал он, но пока совершенно не мог представить себе, как этому можно реально помешать.

Все поголовно влюбились в Торквилла. Он ворвался в Польшерро как победоносный завоеватель, сражая всех, кого встречал на пути, и превращая их в рабов своей ослепительно белоснежной улыбкой и проникновенным взглядом неповторимо зеленых глаз. Только Сэм и Артур оставались настороже, составив негласный альянс сопротивления и не желая сдаваться. Но, казалось, никто, кроме них, не способен был разглядеть нотки фальши сквозь чары столичного красавца. Нуньо был слишком поглощен работами Стендаля, женщины — чересчур околдованы импозантным красавцем, а члены семьи Федерики настолько восхищены шармом Торквилла, что даже не дали ему возможности обосновать свою позицию. У оппозиции оставался только один шанс, но Нуньо предостерег Сэма от разговора с Федерикой. Самого же Сэма лихорадило от раздражения и ощущения своего бессилия, в то время как Федерика только и делала, что постоянно твердила о свадьбе с этим завлекшим ее в свои сети коварным пауком. Однако Артуру особо нечего было терять — падчерица невлюбила его с самого начала.

Он решил выждать подходящий момент в воскресенье, когда Торквилла повезли на прогулку по корнуолльскому побережью в лодке Тоби и в компании Джейка, Хэла и Джулиана. Федерика отказалась ехать, предпочтя провести время в кухне вместе с бабушкой за приготовлением ланча, который должен был произвести неизгладимое впечатление на ее жениха. Элен сидела в кресле-качалке в окружении флотилии миниатюрных корабликов, потягивая из трубочки коктейль «Кровавая Мэри» и обдумывая свадебные планы, в то время как ее мать и дочь хлопотали вокруг плиты с источавшими пар блюдами из овощей и домашним тортом. Через некоторое время Федерика заглянула в гостиную, где обнаружила Артура в одиночестве у камина за чтением газет. Она вежливо улыбнулась.

— Как дела со стряпней? — спросил Артур, свернув газеты и положив их рядом с собой на диван. Федерика задержалась у двери, не желая вступать в беседу с отчимом.

— Хорошо, — односложно ответила она.

— Я не могу представить, что после вступления в брак ты когда-либо будешь готовить дома.

— О, я постоянно что-то готовлю и занималась этим всю жизнь. — Затем она посмотрела на него с некоторым недоумением. — Вам ведь не понравился Торквилл, так ведь?

Артур вздохнул, откинулся на подушки и покачал головой.

— Боюсь, что я не доверяю ему, Феде, — ответил он, не отводя от нее своих пронизательных карих глаз.

Ощущая дискомфорт под его испытующим взглядом, Федерика вызывающе уперла руку в бедро.

— В чем именно?

— Все происходит слишком скоропалительно, Феде, — выкладывал он свои аргументы. — Ты знаешь его всего несколько месяцев, так в чем необходимость такой срочной регистрации отношений? Что плохого в том, чтобы пожить вместе и лучше узнать друг друга? Вот что вызывает мои подозрения.

— Мы любим друг друга, — настаивала она.

— Ну что ты знаешь о любви, Феде? У тебя совсем нет опыта. Он — первый мужчина,

который тебе понравился, он красив, богат, очарователен. Но что ты еще о нем знаешь?

— Больше мне о нем и не нужно знать. Вы с мамой отнюдь не являетесь собой образец идеального брака, — возразила она, стойко держа оборону.

Он скрестил руки и хмыкнул.

— Конечно, у нас есть свои проблемы. Брак — это не домашний торт, Феде. Я обеспокоен, поскольку забочусь о тебе.

— Вовсе нет. Вас интересует только Хэл, — импульсивно выпалила она, тут же пожалев о сказанном, но не потому, что это было правдой, а по той простой причине, что это был ребячливый ответ, а Федерика отчаянно хотела, чтобы в ней видели взрослую женщину. — Как бы вы ни пытались, — продолжала она, — найти в нем плохое, я знаю, что вам этого сделать не удастся. Он — просто идеал. Именно это обстоятельство вас и раздражает.

— Это неправда, — терпеливо ответил Артур. Ему захотелось спросить у нее, что общего может быть у искушенного столичного мужчины в возрасте тридцати восьми лет с провинциальной восемнадцатилетней девушкой, не имеющей никакого жизненного опыта, но он знал, что это может ранить ее. Он просто добавил, что его беспокоит скорость развития их романтических отношений. — Если Торквиллу нечего скрывать, что плохого в том, чтобы подождать несколько месяцев? Мне не по душе его спешка.

— Такая спешка называется любовью, Артур, — саркастически парировала она и гневно закатила глаза. — Послушайте, я действительно не намерена это больше обсуждать. Маме он понравился, и, в сущности, он понравился всем, кроме вас. К тому же, признаюсь откровенно, меня не интересует ваше мнение, — сообщила она и вышла.

Вернувшись в кухню, она решила не упоминать об этом разговоре матери или бабушке, поскольку не хотела заострять внимание на чем-либо негативном. Она переживала самое счастливое время в своей жизни и не желала, чтобы вмешательство отчима все разрушило. Тем более что он ее всегда недолюбливал — с самого начала.

Когда вернулись мужчины с покрасневшими от ветра и смеха лицами, Торквилл отправился наверх, чтобы переодеться к ланчу. Федерика возбужденно носилась по кухне, делая последние приготовления с тем же энтузиазмом, с которым раньше готовила для отца. Тоби и Джулиан стояли у камина, рассказывая Джейку и Элен о гигантском крабе, который чуть было не отправил Торквилла за борт.

— Ему это чудовище не понравилось, но дало шанс продемонстрировать, что он — мужчина, у которого хватает смелости посмеяться над собой! — подтрунивал Тоби.

Артур отправился в комнату, где хранились напитки, чтобы налить чего-нибудь покрепче. Он бросил в стакан кубики льда и наполнил его виски. Посмотрев через французскую дверь в зимний сад, он ощутил в груди предчувствие чего-то нехорошего. Его разговор с падчерицей принес совершенно катастрофические результаты, так что ланч будет просто пыткой. С испорченным настроением он открыл дверь и вышел на террасу. Он вдыхал горьковатый воздух и машинально следил за облачком пара, вырывающимся изо рта с каждым выдохом. К своему изумлению, он неожиданно услышал низкий голос, доносившийся из окна, расположенного выше. Прижавшись к стене, он услышал разговор, который вел по своему мобильному телефону Торквилл, высунувшись из окна, чтобы улучшить прием...

— *Бракосочетание станет последним днем моего пребывания в этом забытом богом болоте... Она любит столичную жизнь, поверь мне, и она слишком хороша для этих*

провинциалов... Я спасу ее от жизни среди собак и крабов, хорошо, что я успел найти ее до того, как стало поздно. Даже представить трудно, что бедная девочка росла здесь. Без сомнения, она благодарна, что я женюсь на ней... Не заводись снова, детка, я ведь уже говорил тебе, что люблю ее до безумия... Да, она не такая, как ты, и именно поэтому мне и нравится. Она чиста и невинна, и мне не нужен больше никто... Подожди, пока увидишь ее, и ты все поймешь... Ты не работаешь в отделе, ты работаешь в подвале, и именно там ты мне нравишься... — Он гортанно засмеялся. — И именно там ты любишь находиться... Послушай, мне пора идти. Чем быстрее начнется ланч, тем скорее мы сможем уехать.

Артур затаил дыхание, боясь, что его обнаружат, и немного переждал, прежде чем открыть дверь и проскользнуть в дом. Ему было нехорошо, но еще хуже было ощущение злости от того, что больше никто этого не услышал. Поэтому никто и не захочет его слушать.

С головной болью он тихо просидел до конца ланча, пока Торквилл разыгрывал роль идеального гостя, выражая свою любовь к Польперро и к морю и выковывая фальшивые узы связи с семьей, которую, как уже точно знал Артур, презирал. Наблюдать за Федерикой было так же мучительно, как стать свидетелем автомобильной катастрофы в замедленном виде. Он все видел, но ровным счетом ничего не мог сделать.

В то время как Артур и Сэм с болью в сердце вспоминали о триумфальном визите Торквилла, Федерика переехала в его роскошный дом в Литл-Болтонс. Здесь все было изысканно оформлено одним из лучших лондонских дизайнеров с использованием самых лучших материалов, аксессуаров и дорогих картин.

— Я просто не могу поверить, что буду жить здесь всегда, — восхищенно ахнула Федерика, бросаясь на кровать.

— И не только это. У тебя будет мое имя, а потом — мои дети. Мы наполним этот дом топотом маленьких ножек, — добавил он, устраиваясь рядом и нежно целуя ее.

— О Торквилл. Я никогда не была так счастлива, — сказала она, обхватывая его лицо руками. — Ты — это все, о чем я только могла мечтать.

— А ты — это мечта, воплотившаяся в реальность. Я искал тебя всю свою жизнь, — произнес он, улыбаясь ей. — Ты нежна и чувственна. Ты подобна ангелу и чиста как снег. Я не могу понять, что ты во мне увидела, ведь у меня множество недостатков.

Она восторженно смотрела в его светлые глаза и думала, почему Артур ему не доверяет — ведь у него было самое заслуживающее доверия выражение лица, которое она когда-либо встречала.

Позже, когда она восхищалась гардеробными комнатами, наполненными костюмами от Шанель, туфлями от Феррагамо, бельем от Ла Перта и драгоценностями от Тиффани, она узнала, что все эти новые вещи были куплены для нее Торквиллом, а все ее старые вещи исчезли. Когда она спросила, куда они подевались, он сообщил, что подарил их миссис Хьюджес, экономке.

— У нее есть дочь примерно твоего возраста, но у них туговато с деньгами, дорогая. Кроме того, ты теперь стала другой, сейчас ты со мной, — пояснил он, заключая ее в объятия. — Ты сбрасываешь свою старую кожу вместе с прежним именем. Ты будешь миссис Торквилл Дженсен, и я хочу, чтобы у тебя было все самое лучшее.

Федерика предпочла бы, чтобы он вначале поинтересовался ее мнением, но не захотела выглядеть неблагодарной. Она просто ответила, что он слишком щедр и что она всего этого не заслуживает. Его очевидное обожание рассеяло ее страхи и снова улучшило настроение. Она не хотела ничего, кроме как радовать его своей любовью. Любуясь своим новым

обликом, она вспоминала, как больше десяти лет назад в Вине с неприязнью смотрела на свое отражение в зеркале. После стольких разочарований она заслужила Торквилла.

Она мечтала разделить новости с отцом, но вспомнила о том, что он не общался с ними уже много лет. Несмотря на душевный подъем, она ощущала и странное разочарование. Сейчас, когда у нее есть Торквилл, ей не нужно больше искать счастье в мерцающем великолепии шкатулки с бабочкой — в этом больше не было нужды. Тени прошлого сменил яркий свет ее новой жизни. Она больше не нуждалась в своих воспоминаниях и была намерена обзавестись новыми впечатлениями вместе с Торквиллом. Поставив шкатулку на прикроватную тумбочку, она закрыла крышку.

* * *

Сэм провел ночь накануне свадьбы Федерики в кожаном кресле Нуньо, перечитывая «Графа Монте-Кристо» Александра Дюма — историю наиболее успешного возмездия, описанного в литературе. На рассвете его разбудило пение ранних птиц. Он огляделся, удивляясь тому, что ухитрился заснуть в такую ночь. Потирая усталые глаза, он смотрел в окно на мимолетный облик туманного утра. Сад был окутан легкой летней дымкой, будто накидкой из мерцающей паутины, в которой таилось обещание великолепного летнего дня.

Но Сэму он не обещал ничего, кроме глубочайшего разочарования.

Когда в восемь утра в комнату зашел Нуньо, он обнаружил там своего внука, с мрачным видом смотревшего в окно.

— Я хотел бы думать, что тебя продержала здесь всю ночь одна из моих книг, — сказал он, глядя на увесистый том Дюма, лежавший на его коленях.

Сэм медленно повернулся и уставился на деда.

— А я хотел бы заточить Торквилла Дженсена в замок Иф, — простонал он.

— А! — понимающе вздохнул Нуньо и закивал головой. — Сегодня юная Федерика выходит замуж.

— Верно, — подтвердил Сэм, снимая очки и протирая их с помощью своей рубашки.

— Любовь — это мудрость дурака и глупость мудреца, — процитировал Нуньо и поднял вверх свою лохматую бровь.

— Нуньо, сегодня у меня не то настроение, но, чтобы удовлетворить потребности твоего эго, я сообщу, что это Уильям Кук, «Жизнь Сэмюэля Фута».

— *Мольто бене, каро.* Даже в моменты великого отчаяния ты способен сохранять свой разум и радовать старика.

— Я вовсе не влюблен в Феде, Нуньо. Я уже говорил тебе, что просто не желаю видеть ее несчастной. — Затем он раздраженно добавил: — Не думаю, что я пойду в церковь, поскольку лицемерие самодовольной физиономии Торквилла Дженсена может толкнуть меня на поступок, о котором я потом буду сожалеть.

— Дорогой мальчик, если ты не можешь распознать, что твою злость питает ревность, то ты в меньшей степени мужчина, чем я полагал. Если же ты спросишь мое мнение, то я скажу, что это нежное создание обожало тебя в течение многих лет, но ты ее отверг. Так что сейчас соберись с духом и прими поражение с достоинством. Я предлагаю тарелку овсянки и чашку чая, а потом надевай пальто и отправляйся в церковь со всеми нами, демонстрируя хорошие манеры. Такие события приходят, чтобы испытать нас, и, может быть, это

испытание на зрелость будет для тебя самым серьезным. Я верю, что ты не посрамишь нашу честь.

Несколько позже Сэм молча жевал свою овсянку, в то время как возбужденная болтовня сестер и матери действовала ему на нервы и погружала в пучину невеселых мыслей. Тем временем из сада появился Джои с гигантской жабой в руках и пояснил, что обнаружил этот экземпляр в плавательном бассейне. Когда Ингрид попыталась забрать у него земноводное, жаба выпрыгнула из рук с ловкостью акробата и стала скакать по полу кухни, предвосхищая все попытки ее изловить.

— Ах, оставьте ее в покое, — устало вздохнула Ингрид, наливая себе очередную чашку чая. — Она сама найдет себе дорогу в пруд без нашей помощи. Думаю, что мистер Жаба сам в состоянии позаботиться о своей персоне!

Молли и Эстер предстояло выступить в роли подружек невесты или, как предпочитала говорить Молли, «почетных фрейлин».

— Я бы предпочла сама выйти за Торквилла Дженсена, вместо того чтобы ползти в пяти шагах позади невесты, — завистливо вздохнула Эстер. — Я просто не могу поверить в удачу Феде.

— Вот так тихоня, вот так счастье привалило! — воскликнула Молли, мотая головой в недоумении, как такой мужчина, как Торквилл, мог полюбить такую, как Федерика, если, к примеру, она сама обладает намного большей привлекательностью и харизматичностью. «На ее месте должна была оказаться я», — с сожалением думала она.

— Послушайте вы, проснитесь, — внезапно взорвался Сэм, вскакивая со своего стула. Молли и Эстер сконфуженно уставились на него. — Неужели ни у одной из вас не хватило ума, чтобы разглядеть то, что находится за его смазливой физиономией? Впрочем, меня не удивляет, что Эстер обманулась, но Моль, я всегда считал тебя более проницательной. Торквилл Дженсен — идеальный персонаж для одной из этих идиотских американских мыльных опер. Что вы там, девушки, привыкли смотреть? «Даллас»? Так вот, на понятном вам языке сообщаю, что он не Бобби Эвинг! — И с этими словами он покинул комнату.

Обе сестры изумленно уставились друг на друга.

— Может, я чего-то не расслышала? — спросила Молли, поставив на стол чашку.

Эстер пожала плечами.

— Если уж ты не расслышала, Моль, то я тем более, — ответила она в полном недоумении. — Какое отношение «Даллас» может иметь к свадьбе Феде?

— Торквилл Дженсен может быть кем угодно, но он точно не Джей Ар, — раздраженно фыркнула Молли. — Как он посмел обвинить меня в недостатке проницательности? Черт его подери, он всегда считал себя умнее всех прочих.

— Он, может, и умнее Торквилла, но красотку заполучил все же не наш брат, — захихикала Эстер.

— Ясно как божий день, что именно это его и взбесило, — презрительно засмеялась Молли. — Сэм потерял то, что с большим удовольствием приобрел Торквилл!

Сэм сидел на церковной скамье как каменный, не обращая внимания на Джои, который тихо играл с мистером Жабой, заключив, наконец, своего пленника в собачью миску. Он смотрел на самодовольный профиль жениха с молчаливым омерзением. Торквилл шептался со своим шафером; они склонились друг к другу как парочка заговорщиков. Не в силах выдержать мучения, которые приносило ему это зрелище, он перевел взгляд на другую

сторону прохода, где с напускной важностью восседали свадебные дружки Торквилла, озираясь вокруг в ожидании предстоящего события. На переднем плане величаво проплывал преподобный Бойбл, каждый раз кланявшийся в сторону алтаря, когда оказывался перед ним. Последними в церкви появились отец и мачеха Торквилла, прошествовавшие на свои места с большой помпой. Сэм бросил взгляд на шляпу миссис Дженсен и тут же подумал о Фальшивой королеве Куонгл. Он замотал головой, поскольку такое сравнение выглядело слишком уж вульгарно, и неожиданно поймал взгляд Нуньо. Его дед ехидно улыбался и что-то писал на клочке бумаги, который затем передал Люсьену, отдавшему его Ингрид. Та склонилась к увлеченному жабой младшему отпрыску и через него вручила записку Сэму, который, развернув листок, громко рассмеялся. Нуньо точно прочитал его мысли, поскольку привел цитату из той же поэмы Эдварда Лира: «И Золотая куропатка пришла туда, и Поббл, у которого вовсе не было ног, и маленький Олимпийский мишка, и Донг с блестящим носом... все они прибыли и устроились на восхитительной шляпе Фальшивой королевы Куонгл».

Бафф Дженсен сидел на скамье позади сына. Это был крупный широколобый мужчина с редяющими черными волосами, зачесанными назад и обработанными лаком, создававшим впечатление, что их больше, чем в действительности. Его глаза были светлыми и властными, а кожа вокруг них совершенно гладкой, без обычных морщинок, возникающих от улыбок и смеха. Бафф редко улыбался, он был слишком поглощен собственной значимостью и необходимостью постоянно ее демонстрировать. Торквилл обернулся и ухмыльнулся отцу. Эта ухмылка выдавала как его триумф, так и вполне искреннюю гордость. Бафф, откровенно говоря, рассчитывал на более приемлемую пару для своего сына и с трудом воспринимал его уход из-под контроля. Как бы то ни было, эту маленькую битву Торквилл выиграл. Синтия в улыбке пасынка увидела только гордость. Он женится на любимой девушке, в этом не было никаких сомнений. Лично ей его маленькая невеста очень понравилась. Если бы у девушки был более сильный характер, она могла бы стать в какой-то мере проблемой, но Федерика представляла собой идеальную невестку — при условии, что о ее происхождении никто не будет вспоминать.

После небольшой паузы семья Федерики прошла к своим местам, но с гораздо меньшей важностью, чем Дженсены. На Элен был розовый костюм с соответствующей шляпой, а костюм Полли был красного цвета. Представлялось очевидным, что предварительно они никак не согласовывали, что именно наденут на церемонию. Элен моментально оценила всю грандиозность шляпы миссис Дженсен. Такой сильный ход конкурентки заставил ее вздрогнуть и мысленно пожалеть, что она не набралась смелости надеть нечто экстравагантное. Она также поймала себя на мысли о том, что ей сейчас не хватает Рамона — присутствие Артура, разумеется, никого не впечатлило. Когда трепетные пальцы миссис Хэммонд проšliсь по клавиатуре, тихое перешептывание сменилось выжидательной тишиной; все встали и обернулись назад, чтобы бросить первый взгляд на явление невесты.

Федерика появилась под аркой у входа в церковь и на мгновение как бы воспарила в воздухе, прежде чем ступить с залитой солнцем паперти в мягкий свет нефа. Сэма внезапно охватил приступ глубокого сожаления. Он застыл с побледневшим лицом, подобный мраморной статуе, и ощутил, как острые когти любви безжалостно смыкаются на его сердце. Все выглядело так, будто весь мир вокруг него внезапно застыл, и только Федерика

медленно проплывала мимо с неземным выражением на ангельском лице. Он почувствовал, что едва может дышать. Только когда мистер Жаба выскользнул из рук Джои и спрыгнул на деревянную скамью возле него, прежде чем соскочить на пол, Сэм вышел из охватившего его транса и осознал, что Федерика не идет к нему, а уходит от него. Она оказалась для него уже вне досягаемости, и в этом он мог винить только себя. Туман в его голове рассеялся, и он, почти задохнувшись от отчаяния, четко увидел их нежные поцелуи в амбаре и ее будто покрытое золотом лицо в тот вечер на холме.

Джейк с гордостью наблюдал, как его сын вел Федерику по проходу, и вытирал глаза, увлажнившиеся при воспоминании о свадьбе дочери, на которую он не пришел. Элен затаила дыхание, увидев, как Федерика плывет под руку с ее братом, как принцесса, с бриллиантами в волосах и ожерельем из бриллиантов и жемчуга на шее. Наряд цвета слоновой кости переливался и сверкал при свете, проникавшем сквозь окна, а ее кожа, казалось, сияла бликами других миров. Элен продолжала думать о Рамоне, пока ее глаза не заволокли слезы, а воспоминания о нем не стали такими сильными, что она почти ощущала его запах. Артур сжал ее руку, и это движение вернуло ее к реальности унылого замужества, что вызвало еще более бурный поток слез.

Артуру тоже хотелось заплакать — слезами ярости и разочарования, но он не мог, и поэтому сидел в мрачном смирении, пока его падчерица проходила мимо, чтобы встретить свою судьбу.

Сердце Ингрид замерло от красоты зазвучавшей музыки, а Иниго отдал себя в волю благодатных волн божьего дома и взял жену за руку, припоминая их собственную свадьбу много лет назад.

Только Нуньо следил за Сэмом. Он понимал своего внука лучше, чем тот понимал себя сам. Он заметил гнев в изгибе его дерзкого рта, боль, скрытую за мрачным взглядом серых глаз, и захотел сказать ему, что все приходит только к тому, кто умеет ждать.

Сэму казалось, что он является свидетелем публичной казни — жертвоприношения невинности. Он смотрел на Торквилла глазами хищника, изучая каждое его движение, каждый жест. В сиянии его тужурки, безупречном костюме, накрахмаленной рубашке, золотых часах и изумрудных запонках было нечто зловещее. Сэм посмотрел на Федерику, трепетную и сияющую в выбранном Торквиллом платье и в драгоценностях, которые он ей подарил, — только застенчивая улыбка оставалась ее собственной, но Торквилл, ухмыляясь, уже прикидывал, как завладеть и ею.

Джулиан вернулся на свое место в задних рядах, после фотосъемки за пределами церкви. Он положил камеру на сиденье и стал наблюдать за церемонией. Через некоторое время его внимание привлекла темноволосая женщина, сидевшая по другую сторону от прохода. Это была холеная, уверенная в себе дама, одетая в голубой костюм, подчеркивавший фигуру, ее длинные ноги были скрещены, а наманикюренные ногти постукивали по дереву в такт музыке. Почувствовав на себе чей-то взгляд, она посмотрела на него из-под широкополой шляпы. Увидев, что это был Джулиан, она улыбнулась.

— Я все еще храню твою рубашку, — тихо сказала она.

Он вздрогнул, поскольку наконец вспомнил, где видел Торквилла раньше. В его памяти всплыла парочка этих до боли самодовольных людей, которых ему удалось забыть только с большим трудом. Но это был день свадьбы Федерики, а вовсе не место и не время для негативных воспоминаний. Возможно, Торквилл за прошедшее время стал другим, и он действительно надеялся, что так и случилось. Он увидел, как преподобный Бойбл объявил

счастливую пару мужем и женой. Теперь она принадлежала ему, оставив тихую бухту, чтобы отправиться в открытое море.

Сэм опустил глаза в знак своего поражения и заметил мистера Жабу, выжидательно уставившегося на него с каменного пола. Он наклонился и взял пучеглазое творение природы в руки.

— Сейчас остались только мы с тобой, — тихо произнес он, покачивая головой. Увидев проходившую мимо мачеху Торквилла, он мгновенно принял нужное решение и, положив сонную жабу на ее шляпу, широко улыбнулся.

Он не в силах был остановить бракосочетание, но этот маленький акт саботажа принес ему легкое ощущение удовлетворения.

Сэм вернулся к своей бессмысленной работе в Сити, Элен — к своему отнюдь не романтическому браку, а для Федерики жизнь стала совсем другой.

Едва возвратившись с бронзовым загаром и счастливой улыбкой после медового месяца, она позвонила Генриетте и заказала столик для ланча. Усевшись в ожидавший ее «Мерседес» в новом брючном костюме от Гуччи, она сообщила водителю, куда ехать, затем откинулась на сиденье и погрузилась в приятные ощущения, связанные с ее новым положением. Сиденья в салоне были кожаными, а панели выполнены из полированного дерева. Федерика не училась водить сама, да и Торквилл не поощрял ее в этом направлении. Он настоял на том, чтобы у нее был личный шофер с машиной.

— Я хочу, чтобы у тебя было все самое лучшее, потому что я люблю и лелею тебя, — заявил он.

Опустив стекло, она смотрела на душный, пыльный город из прохладного комфорта машины, ощущая собственную утонченность и обаятельность и чувствуя, будто парит в сладких волнах дорогих духов. Посмотрев на большое кольцо с изумрудом, подаренное Торквиллом, она улыбнулась себе идеально накрашенными губами. Она стала миссис Торквилл Дженсен. У Федерики звучание этого имени резонировало с блеском и славой, и она часто шепотом повторяла его себе: *миссис Торквилл Дженсен, миссис Торквилл Дженсен*. Как бесконечно далека она теперь от полной неопределенности жизни в провинциальном Польперро.

Медовый месяц оказался сущей идиллией. Они провели неделю в Африке, участвуя в сафари, неделю на берегу моря и, наконец, две недели в Таиланде. Они останавливались в самых престижных отелях, нанимали лучших гидов и путешествовали только первым классом. Федерика была очарована всем увиденным, а Торквилл наслаждался, словно заботливый отец, наблюдая, как она поглощает жизненный опыт. Но самое большое удовольствие она получала от моментов их супружеского общения, когда он занимался с ней любовью среди влажного зноя африканских джунглей и в пропитанных ароматом жасмина роскошных апартаментах в Таиланде. Там он учил ее прислушиваться к голосу собственной чувственности, отдавать себя потоку сладостных ощущений и терять себя в наслаждении его ласк без психической заторможенности и комплекса вины. Когда она обнаружила, что испытывает затруднения в борьбе со своей застенчивостью, он привязал ее к четырем столбикам кровати, так, что у нее не оставалось выбора, кроме как дать волю своим чувствам и наслаждаться его любовью. Вначале ее ужаснула сама эта идея, поскольку раньше он ничего подобного не предлагал. Но Торквилл только рассмеялся ее неопытности, и после мягких уговоров она согласилась на эксперимент с любовной игрой. Сейчас она краснела от этих воспоминаний, но одновременно втайне гордилась своей обретенной раскованностью.

Автомобиль остановился у дверей магазина «Сент Джон и Смит». Портье поспешно спустился по ступеням, чтобы помочь ей.

— О миссис Дженсен, — удивленно произнес он. — Доброе утро, — добавил он, благоговейно кланяясь.

— Спасибо, Питер, — ответила она, услышав, как захлопнулась дверца машины позади нее.

Он не стал комментировать ее возвращение или внезапное возвышение, поскольку для этого был слишком хорошо вышколен. Сейчас она стала миссис Торквилл Дженсен, и между ними выросла незримая стена. Федерика Кампione осталась по другую сторону этой стены.

Когда Генриетта увидела Федерику, то едва узнала свою подругу. Ее кожа приобрела цвет молочного шоколада, а светлые волосы еще больше выгорели на солнце. Она выглядела настолько элегантно, что Генриетта была просто раздавлена внезапным острым приступом зависти.

— Дорогая девочка, ты выглядишь потрясающе. Замужество явно идет тебе только на пользу, — воскликнула она, обнимая бывшую сослуживицу.

— Да, мне это очень нравится, — с удовольствием подтвердила Федерика. — Я невероятно счастлива.

— Я не могу себе представить, что ты каждую ночь делишь постель с Торквиллом. Я тебя ненавижу, — рассмеялась она. Генриетта поиграла ниткой жемчуга на шее, а затем покачала головой и добавила уже серьезно: — Если я не могу заполучить его, моя дорогая, я счастлива тем, что он с той, кого я знаю и люблю.

— Прошу, только не изображай из себя монашку! — воскликнула Федерика и взяла ее за руку. — Он ведь тебе действительно очень нравился?

Генриетта опечаленно кивнула, но потом все же улыбнулась, несмотря на свое разочарование.

— Да, я была влюблена в него, — сказала она. — Я всегда выставляла это в шутливом аспекте, но...

— Многие серьезные вещи произносятся в форме шуток, — прервала ее Федерика.

— Что-то в этом роде.

— Ладно, так как насчет ланча по-быстрому? — спросила Федерика.

Генриетта воровато оглянулась.

— Это ты должна выяснить. Для Греты твоя свадьба стала тяжким ударом, — прошипела она, устремив взгляд на закрытую дверь офиса Греты. — Я бы с удовольствием посмотрела на вашу встречу.

— Никто не получит от нее большего удовольствия, чем я, — усмехнулась Федерика, готовясь с любопытством лице зреть недоброжелательность своего бывшего босса. — Пойди и сообщи ей, что я здесь, — скомандовала она и проследила, как Генриетта решительно шагает к офису Греты.

Федерика оглянулась вокруг, посмотрела на свое старое рабочее место, которое в настоящее время стало частью бизнеса ее новой семьи. Она почувствовала глубокое удовлетворение и ощутила собственную власть, которой намеревалась воспользоваться для унижения Греты в полной мере. Однако, когда появилась Грета, у Федерики пропало всякое желание сделать ей больно. Это казалось слишком примитивным актом, и к тому же она уже и так победила. Внезапно она вспомнила одно из самых любимых философских изречений Нуньо: «*Не делай другим того, чего не желаешь себе*», и желание мести куда-то улетучилось.

Грета судорожно сглотнула и улыбнулась одним ртом, но глаза выдавали ее тревожное состояние. Ее лицо посерело, как побитое яблоко, каждой своей чертой демонстрируя подавленное состояние. Она уже не имела силы, способной устрашать.

— Мои поздравления, Федерика, — натянуто произнесла Грета.

— Благодарю.

— Я слышала от мистера Дженсена, что ваша свадьба была великолепной.

— Так и было, — ответила Федерика, заметив потуги Греты на проявление энтузиазма — качества, столь же не свойственного ей, как и доброжелательность. — Я хотела бы взять с собой Генриетту на ланч, Грета. Не возражаете, если она задержится больше, чем на час?

Грета поджала свои бледные губы и мотнула головой.

— Конечно нет. — Затем она неловко рассмеялась и добавила: — Вы теперь босс.

Федерика отправилась с Генриеттой на ланч у Ориэлс в Слаун-сквер. Они посмеялись по поводу встречи Федерики с Гретой и фантастического изменения ее социального статуса.

— Мне это нравится, — заметила Федерика. — Я себя чувствую современной Золушкой. Представляешь, мой принц щедр до безумия. Я могу получить все, что только пожелаю.

— Интересно, к примеру, чем ты намерена заняться сегодня? — любопытствовала Генриетта.

— Пока не знаю. Мне нужно будет обсудить это с Торквиллом. Я понимаю, что не могу больше работать в семейном магазине, это было бы абсурдным, но я хочу заниматься делом. В идеале это должно быть связано с фотографией. Джулиан обучил меня основам этого ремесла, возможно, мне теперь следует пройти более углубленный курс обучения, а затем сделать это своим основным занятием.

— Это было бы отлично. Ты ведь всегда хотела стать фотографом, — одобрила ее идею Генриетта.

— Мама говорила, что мне следует сначала заработать денег, а уж потом заниматься карьерой в этой области. Сейчас у меня больше денег, чем я когда-либо мечтала иметь, и я могу делать все, что только захочу. — Она засмеялась и улыбнулась подруге, которая в ответ завистливо поджала губки.

— Дорогая моя девочка, ты так счастлива, — вздохнула Генриетта. — Но никто не заслуживает этого в большей степени, чем ты.

В тот же вечер, когда Торквилл вернулся с работы, у них произошел первый серьезный спор.

— Вот мы и возвратились после медового месяца, Торквилл. Мне бы хотелось чем-нибудь заняться. Я хочу работать, — сообщила Федерика, бросаясь на диван в его кабинете.

Торквилл подошел к столику с напитками и налил себе порцию виски.

— Не желаешь чего-нибудь выпить, может, бокал вина, — предложил он. — Говорят, что стакан красного вина заставляет леди сиять. Правда, ты и так сияешь.

Она засмеялась.

— Спасибо, бокал красного вина не помешает, — ответила она.

Он обслужил ее, а затем уселся в кресло, положив одну ногу на стул.

— Почему ты решила работать, любимая?

— Ну, мне ведь нужно чем-то заниматься, — аргументировала она свое заявление, делая глоток вина. — Дорогой, оно совершенно бесподобное.

— Это часть свадебного подарка Артура, — сообщил он. — У твоего отчима превосходный вкус.

— Только когда речь идет о вине, — сухо возразила она. — Во всем прочем, поверь мне, он абсолютно лишен вкуса.

— Феде, ты теперь богатая женщина, и тебе нет никакой нужды работать, — серьезно сказал он.

— Пойми, я буду скучать, если чем-либо не займусь, — пояснила она. — Дело тут не в деньгах. Ты более чем щедр, и я это очень ценю. Это нужно для того, чтобы заполнить мой день, чтобы была причина вставать каждый день по утрам.

— Разве потребность любить меня не является достаточным поводом для того, чтобы вставать по утрам? — усмехнулся Торквилл.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, — весело настаивала она.

— Скоро ты будешь занята детьми, — заметил он и нежно ей улыбнулся.

— Возможно, — задумчиво ответила Феде, втайне надеясь, что Бог предохранит ее от этого блага хотя бы на несколько ближайших лет. — Но, пока я точно не беременна, ты ведь не хочешь, чтобы я здесь чахла от безделья?

— Любимая, — сказал он твердо, — у тебя прекрасный дом, прекрасная одежда, муж, который готов целовать землю, по которой ты ходишь, так чего же тебе еще желать? — Он нахмурился, и она немедленно ощутила вину за то, что желает чего-то еще.

— Ну, — пробормотала она, испытывая неприятное ощущение в животе, — когда я была моложе, Джулиан дал мне несколько уроков фотографии. Если ты настаиваешь, чтобы я не работала, возможно, мне можно пройти курс обучения?

— Если ты так уж хочешь что-то делать, — с неохотой произнес он, — учеба — это единственный приемлемый вариант. Моя жена не должна работать.

— Я очень тебе благодарна, — просияла она, чувствуя облегчение от того, что дискуссия дала позитивный результат.

— Но только не фотография, — решительно добавил он.

— Но почему? — в недоумении спросила Федерика.

Он больше не расположен был шутить и смотрел на нее очень серьезно.

— Я найму преподавателя, чтобы учить тебя всему, чему ты только захочешь. — Он оглядел комнату. — Литература. Да, ты можешь заняться изучением литературы.

— Литература? — переспросила она, падая духом. — Но литература меня совершенно не интересует.

— Нет уж, я хочу, чтобы ты занималась именно литературой, — настаивал он, направляясь к книжным полкам и вытаскивая одну из книг. — Я никогда не читал ни одной из этих книг. Я хотел бы, чтобы их прочла ты.

— Торквилл, — слабо запротестовала она.

— Нет, я настаиваю, — отрезал он. — Если ты желаешь учиться, литература является единственно приемлемым предметом.

— Хорошо, я буду изучать литературу, — выдавила она. Лучше уж это, чем ничего.

— Значит, решено, — резюмировал он, опустошая стакан. — А сейчас, любовь моей жизни, иди ко мне и одари меня поцелуем. Мне ненавистна сама мысль, что между нами возможна размолвка.

Погрузившись в ванну, Федерика мысленно вернулась к их разговору. Ее охватило тревожное состояние, но вместо того, чтобы попытаться докопаться до первопричины своей тревоги, она стала находить оправдания нежеланию мужа дать ей возможность самой

выбрать себе занятие по душе. «Это потому, что он любит меня и хочет для меня только лучшего», — думала она, лежа в душистой пене, как на облаке. Фотография может подождать, решила она, намереваясь вернуться к этой теме в другое время, когда будет чувствовать себя в замужестве более уверенно.

Позже, когда Торквилл завернул ее в большое пушистое белое полотенце и понес заниматься любовью, все оставшиеся сомнения улетучились, оставив только безоговорочную привязанность и сильное желание сделать все так, чтобы он остался доволен.

В тот вечер она оделась и сделала первый шаг в бесконечной череде последующих обедов и вечеринок с коктейлями. Она познакомилась с новыми людьми, безуспешно пытаясь запомнить их всех по именам, и быстро выучилась искусству восприятия светской болтовни, когда говорят много, не сказав, в сущности, ничего. Торквилл всегда заботился о том, чтобы она оказалась самой элегантно одетой женщиной в том обществе, где они бывали, и горделиво улыбался, когда ее осыпали комплиментами. Но он мгновенно раскалялся от бешенства, если видел, что она с кем-нибудь флиртует, и запрещал ей танцевать с кем бы то ни было, поясняя, что для него оскорбительно наблюдать, как посторонний мужчина обнимает его жену.

Поэтому Федерике приходилось проявлять осторожность, чтобы не выйти за пределы рамок, оговоренных мужем. Она инстинктивно чувствовала, когда он за ней следит, и меняла свое поведение. Едва Федерика замечала, как на его лицо набегает туча ревности, она подходила, брала его под руку и стояла рядом с ним как любящее приложение. Если же ее чувства бунтовали против его команд, она внушала себе, что он — представитель другого поколения, и, соответственно, подстраивала свое поведение так, как он этого хотел.

— Все тобой просто очарованы, Феде, — сказал Торквилл, когда они садились на заднее сиденье автомобиля, чтобы вернуться домой после очередной вечеринки. — Я так горд тобой, — добавил он, проводя рукой по ее щеке. — Ты прекрасна и светла. Сегодня не меньше десятка людей говорили, насколько я должен быть счастлив, что нашел тебя.

— Я тоже счастлива, что нашла тебя, — ответила она, взяв его руку в свою и целуя его пальцы.

Затем он долго смотрел на нее, будто пытаясь разыскать нечто в чертах супруги.

— А ты счастлива, любимая? — спросил он, покачивая головой. — Я ведь не знаю, так ли это.

Федерика вздрогнула и засмеялась в ответ на такое неожиданное высказывание. Значит, Торквилл все же заметил ее озабоченность и попытку скрыть ее. К собственному удивлению, это обстоятельство дало ему странное ощущение удовлетворения. Однако он никак не мог интерпретировать это новое ощущение или понять, почему испытывает его. Он был в действительности слишком толстокож, чтобы заметить, что временами начинает негодовать на жену за все те качества, которые заставили его на ней жениться. Ее чистота начала возмущать, а ее совершенство — раздражать. Она заставляла его чувствовать себя не соответствующим этим требованиям. Более того, ему захотелось столкнуть ее с мраморного пьедестала, будто это могло помочь ему возвыситься самому.

* * *

С целью усиления контроля Торквилл заявил, что не одобряет ее дружбу с Генриеттой.

— Она тебе не пара, дорогая. Ты слишком интеллигентна, чтобы растрачивать свою привязанность на какую-то продавщицу. Ты попала в другое общество, и у тебя должны быть другие друзья. У меня есть кое-кто на примете, она тебе понравится, — радостно сообщил он. — Это Лючия Сарафина.

Лючия тоже была рада стать полезной.

— Я подружусь с твоей женой, если ты сможешь выкроить для меня время, — кокетливо торговалась она, когда он ей позвонил.

Торквилл наслаждался ее вниманием.

— Ей нужна такая женщина, как ты, — сказал он. — Слишком уж она белая и пушистая.

— Понимаю, что ты хочешь сказать, — согласилась Лючия, радуясь мысли, что он, возможно, потихоньку охладевает к жене. — Но она так молода и будет набираться опыта.

— С твоей помощью, *маэстро*. Надеюсь, что так и будет.

— Предоставь это мне, дорогой. Но я ведь могу захотеть, чтобы ты отблагодарил меня персонально, а, *каписки*?

— *Каписко*. — Он засмеялся. — Ты злостная грешница. — Затем он тяжело вздохнул, но этот вздох прозвучал почти как рычание. — Боже, как я соскучился по тебе.

— Ты не должен скучать, милый, — прошептала она. — Ты ведь знаешь, где меня искать.

— Я буду держать эту мысль в памяти, — ответил он, — так что скоро у тебя появится работа.

Федерика делала героические усилия, чтобы подружиться с Лючией. Она должна была сделать это, чтобы доставить удовольствие мужу. Лючия пригласила ее в бар «Гарри», где им предоставили лучший столик в дальнем углу ресторана.

— Каждый из мужчин, находящихся в этом зале, после ланча отправится прямо домой и будет заниматься любовью со своей женой, — размышляла вслух Лючия с легким итальянским акцентом. — Видишь, как все они на меня смотрят. Я заставляю их ощущать себя сладострастниками. — Она томно вздохнула и облизала свои кроваво-красные губы. — Ты, вероятно, не помнишь о встрече со мной на свадьбе, ведь тебе представили слишком много новых людей сразу.

— Конечно, я помню тебя, — дипломатично ответила Федерика. — Ведь ты ближайшая подруга Торквилла.

— Мы очень давно знакомы, — задумчиво сказала она.

— Как вы познакомились?

— Это было в Италии. Я жила в Риме, а Торквилл приехал на свадьбу общего знакомого. Мы мгновенно подружились, — сообщила она, поглаживая свои маникюренные ногти и вспоминая бурные любовные схватки в одном из темных коридоров *палаццо*.

— Когда ты переехала в Лондон?

— Вскоре после первой встречи, — ответила она. — А вот и меню. Давай сейчас что-нибудь выберем, а потом приступим к более серьезному разговору. «Кровавую Мэри», а моя гостья будет... — Она посмотрела на Федерику и вопросительно подняла свою черную бровь.

— Мне спритцер, пожалуйста, — ответила Федерика и изящно поблагодарила официанта.

— Ты себе не представляешь, как я рада, что Торквилл нашел свое счастье, —

продолжила Лючия.

Федерика улыбнулась.

— Я рада, что сделала его счастливым, — отреагировала она, — а он заставил меня почувствовать себя такой счастливой, как никогда.

— О, это уникальный мужчина, — согласилась Лючия. — Я никогда не встречала такого преданного близким людям человека. Ты такая чистая и непорочная. Это он в тебе и ценит. Никогда не теряй этого качества, — вкрадчиво добавила она. — Тебе необычайно повезло. Он уже много раз влюблялся, но не так, как это случилось у него с тобой.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну... — Она медлила, играя прядью черных волос, упавших на плечо и похожих на хвост разжиревшей крысы. — Он всегда мечтал жениться на невинной девушке, не испорченной светской жизнью, такой, как ты. Он встречался с искушенными женщинами, но хотел, чтобы к его жене не прикасался никто другой. В этом и состоит твоя сила.

— Понимаю, — кивнула Федерика, сражаясь с ощущением неловкости.

Ощутив ее дискомфорт, Лючия положила свою мягкую ладонь на ее руку.

— Я не подразумевала это как критику, — заверила она. — Он поклоняется тебе, дорогая. Он в жизни не встречал такого совершенства, как ты, и обожает тебя. Но только я хочу дать тебе добрый совет, как женщина женщине. В этом мире нужно проявить чудеса ловкости, чтобы удержать своего мужчину. Тебе необходимо знать, что именно ему в тебе нравится, и использовать это в своих интересах.

— Я не могу всю жизнь оставаться молодой и невинной, — возразила Федерика.

— О, ты не права, ты — можешь, — кивнула Лючия и подмигнула ей. Чем более «белоснежной» будет Федерика, тем больше Торквилл будет ценить любовную изощренность своей итальянской любовницы. — Ты можешь быть всем, чем только захочешь.

Федерика пожала плечами и натянуто улыбнулась. Лючия заставила ее снова почувствовать себя неловко. Ее уже тошнило от бесконечных заверений в том, что она — сущий ангел и само совершенство.

— Я хотела бы выйти за такого мужчину, как Торквилл, — вздохнула Лючия, мечтательно гоня салат по тарелке. — Он сам решает абсолютно все вопросы. Мне это очень нравится. Невероятно романтично и так необычно для англичанина. А вот у итальянцев мужчина все управление берет на себя, и это позволяет его избраннице чувствовать себя очень женственной.

— Да, это верно, хотя иногда очень хорошо быть независимой, — возразила Федерика, припоминая спор по поводу ее работы, что заставило ее внутренне съежиться.

— Не будь маленькой дурочкой, Феде, — ты заполучила драгоценный камень, так наслаждайся им, — серьезным тоном произнесла Лючия. — Миллионы женщин готовы на все, вплоть до убийства, чтобы бросить свою работу и получить любящего мужчину, который внесет смысл и порядок в их бестолковую жизнь. Ты просто не представляешь себе, какая удача тебе выпала.

— О нет, я это знаю, — быстро ответила она. — Но все это свалилось на меня слишком быстро и неожиданно.

— Это его способ демонстрации своей любви к тебе. Ты привыкнешь к этому и в дальнейшем не сможешь уже представить свою жизнь без его постоянной заботы. Помни, что твои интересы для него жизненно важны, всегда. Все, что он выбирает для тебя, делается

для твоего блага. Господи, так он на двадцать лет старше тебя? — Федерика кивнула. — На двадцать лет больше опыта, чем у тебя. На твоём месте я, как говорят, просто оседлала бы скакуна и наслаждалась скачкой.

Федерика воспользовалась её советом. Она перестала встречаться с Генриеттой и избегала визитов в «Сент Джон и Смит», чтобы там с ней не столкнуться. Один раз в неделю она изучала литературу со старым преподавателем из Кембриджа доктором Лайонелом Свенборо, всегда носившим костюм-тройку и мягкую фетровую шляпу, криво нависавшую над его худым лицом. В отличие от литературных познаний Федерики, которые были достаточно мизерны, на него мгновенно произвела впечатление библиотека Торквилла.

— Я почти ничего не читала, — призналась она.

Он дал ей «Анну Каренину» и настоял, чтобы эта книга была прочитана за неделю.

— Не беспокойтесь, моя дорогая девочка, как только вы перевернете первую страницу, остальные восемьсот пятьдесят две перевернутся сами собой.

И он оказался прав. После анализа «Анны Карениной» она перешла к «Ярмарке тщеславия», «Эмме» и «Королю Лиру». Её старание в учебе питалось скукой дневной жизни в роли жены Торквилла, поскольку погружение в учебу помогало не замечать окружающий мир вне золотой клетки, куда её посадили, и, следовательно, не испытывать желания вырваться на волю.

В один из серых вечеров Торквилл возвратился домой, снова услышав, как по комнатам разносится голос жены, пытающейся заполнить свободные часы длинными телефонными разговорами с матерью и Тоби. Он почувствовал, как к его горлу подкатывает волна озлобления в виде неприятного колючего прилива тепла, которое уже становилось таким же привычным для него, как и ноющее ощущение собственной неадекватности при виде естественной красоты жены и её добродетели. Когда он появился в гостиной, оставив свой портфель и пальто брошенными в холле, его лицо исказилось от раздражения. Увидев, что он сердито застыл в дверном проеме, Федерика поспешно положила трубку и судорожно сглотнула, мгновенно ощутив неприятный спазм в животе.

— Что случилось? — спросила она, надеясь, что дело не в ней. Во время короткой паузы, когда Торквилл молча переживал приступ ревности, Федерика лихорадочно пыталась вспомнить события предыдущего вечера, полагая, что, возможно, его злость вызвана словами, кому-то ею сказанными.

— Мне уже надоело приходить домой и застаивать тебя у телефона, — наконец буркнул он.

Федерика с облегчением вздохнула.

— Извини, — пробормотала она.

Но Торквилл не был удовлетворен. Он прошел к камину и стал перед ним, уперев руки в бедра и качая головой.

— Я целый день на работе и, когда прихожу домой, не желаю делить твоё внимание с кем бы то ни было. У тебя в распоряжении есть масса времени, пока меня нет. Так почему ты демонстративно звонишь своим родственникам именно в тот момент, когда я открываю дверь?

— Но я делаю это вовсе не специально, — слабо запротестовала она.

— Возможно, так и есть, — нехотя согласился он. Федерика оцепенела. Изучив его

манеры, она знала, что он часто остывал внешне, перед тем как нанести еще более тяжкий удар. — Любимая, — продолжил он, — я действительно думаю, что ты уже слишком взрослая, чтобы быть настолько зависимой от матери и дяди. Настало время, чтобы ты направила всю свою энергию на меня.

— Что ты хочешь этим сказать? — недоуменно спросила она. Он уселся рядом с ней на диване и стал нежно поглаживать ее волосы. Когда она посмотрела на него, то увидела, что выражение его лица смягчилось и он уже улыбался.

Он тяжело вздохнул.

— Я ревнивый старый мужчина, дорогая, — мягко пояснил он. — И я виноват в том, что слишком сильно тебя люблю.

Федерика была обезоружена внезапной сменой его тона и почувствовала, как кровь возвращается к ее щекам.

— Хорошо, Торквилл, я все понимаю, — ответила она с симпатией.

— Я скучаю без тебя весь день, но когда я возвращаюсь домой и застаю тебя за болтовней с матерью по телефону, то у меня в груди закипает волна раздражения. Я не могу это контролировать. Я хочу, чтобы все твое внимание было отдано только мне. — Затем он смущенно хохотнул. — Неужели это так ужасно?

Федерика прижалась лицом к его ладони, ласкавшей теперь ее щеку.

— Конечно нет, — заверила она, снова сраженная его обаянием. — Я больше не буду этого делать, обещаю.

Он обнял ее и страстно поцеловал, показывая степень своей благодарности.

— Ты слишком хороша для меня, малютка. Ни одна женщина не понимает меня так, как ты.

Она засмеялась и нежно посмотрела на него обожающими глазами матери.

— Равно как ни один мужчина не понимает меня так, как ты.

— Мы созданы друг для друга, — шепнул он. — Ты ведь счастлива, любимая, не так ли? Я хочу, чтобы ты всегда была счастлива.

— Конечно, я счастлива.

— Тебе нравятся твои занятия?

— Я их люблю, — с готовностью подтвердила она.

— Вот видишь, — рассмеялся он, — я знаю, что хорошо для тебя, лучше, чем ты сама.

Несмотря на то что Федерика выполнила то, о чем просил муж, и пользовалась телефоном только тогда, когда он был на работе, казалось, что он точно знал, когда она звонила, и сколько длился разговор. В свойственной ему «шелковой» манере он продолжал настаивать на ограничении телефонных контактов до одного в неделю. Молли и Эстер разделили участь Генриетты. Вопреки их отчаянному сопротивлению, Федерика в итоге перестала общаться и с ними. Она должна была это сделать.

— Ты теперь не чета этим провинциалам, любимая, — говорил Торквилл. — И когда-нибудь ты скажешь мне за это спасибо.

Вначале они довольно регулярно посещали Польперро, но постепенно их визиты стали все более редкими, пока вовсе не прекратились.

Федерика была не в силах возражать, поскольку каждый раз, когда она собиралась туда ехать, Торквилл улетал с ней в Париж, Мадрид или Рим.

— Дорогая, мы тебя давно уже не видели, — сокрушался Тоби в один из дней, когда Федерика осмелилась позвонить ему из телефонной будки в универмаге «Хэрродс».

— Я знаю и очень хочу приехать в Польшперро, и Торквилл тоже, — солгала она, — но он так много сейчас путешествует, открывая новые офисы за границей, что нам приходится там же проводить и уик-энды.

— Я понимаю, что нам не стоит беспокоиться, ведь молодожены всегда на время исчезают. Очевидно, что это свидетельствует о том, что ты счастлива. Ты уже не нуждаешься в родном доме так, как раньше.

Сердцем Федерика стремилась в Польшперро. Ей хотелось туда больше, чем когда-либо еще, но она боялась признаться в этом даже себе самой.

— Я счастлива, — настаивала она.

— Если ты счастлива, то счастливы и мы. А если ты будешь постоянно тосковать по дому, это будет означать наличие проблем с твоим замужеством.

— С ним все в порядке, уверяю тебя. Торквилл просто замечательный. Каждое утро, просыпаясь, я едва могу поверить, что мне в жизни так повезло. Я его не заслуживаю, — засмеялась Федерика.

— Нет, дорогая, вполне заслуживаешь.

— Но я так не думаю. Он делает для меня буквально все. Мне совершенно не о чем беспокоиться. Миссис Хьюджес занимается домом. Она сердится даже в том случае, если я сама передвину хотя бы рамку с фотографией. Она, пожалуй, слишком ревностно относится ко всему, что связано с домом, но, полагаю, это вызвано тем, что она очень долго служит у мужа и лучше меня знает, что ему нравится.

— Не думаю, что это так. Ведь не она его жена.

— Она думает иначе, — пошутила Федерика. — Но я, впрочем, не обижаюсь. Я живу в самом прекрасном доме. Большинство мужчин не особенно стремятся покупать женам дорогие наряды и драгоценности. Торквилл поощряет любое мое желание, так что существует опасность моего превращения в испорченную бесконечными подарками принцессу.

— Феде, ничто и никогда не сделает тебя такой. Ты — чудесная девушка, и он чертовски удачлив, что сумел заполучить тебя. Получается, что все идет идеально!

— Так оно и есть. Но я все равно скучаю по тебе, — мягко сказала она, и Тоби уловил в ее голосе напряжение, будто она сдерживает в себе крик о помощи. — Я скучаю по морю и хочу увидеть Расту, прогуляться по штормовым скалам вместе с ним. Как там Раста? — спросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно.

— Скучает по тебе. Мы много с ним возимся, чтобы компенсировать твое отсутствие, но он все равно смотрит на меня своими большими печальными глазами, допытываясь, куда же ты подевалась.

— Ну, хватит, ты заставляешь меня чувствовать себя предательницей, — взмолилась она. — Торквилл не разрешает мне здесь держать собаку, он не хочет, чтобы повсюду в доме была собачья шерсть. Хотя, учитывая его постоянные разъезды, он вряд ли бы ее заметил. Но он очень гордится своим домом и во всем педантичен.

— Я это заметил. Он одевается как герцог, — весело заметил Тоби, но почувствовал при этих словах мимолетное ощущение дискомфорта.

— Не говори мне о его одежде, — она театралью вздохнула. — Он приходит в ярость, если миссис Хьюджес оставляет складки на его рубашках или неправильно заглаживает его

брюки. Слава богу, он не выходит из себя со своей женой. Правда, иногда это все же случается, когда он ревнует, но Лючия сказала мне, что таким образом он демонстрирует мне свою любовь. Если бы он вообще не ревновал, то я могла бы подумать, что безразлична мужу.

— Значит, ты больше не готовишь? — спросил Тоби, вспоминая, сколько удовольствия она получала, присматривая за ним и Джулианом в те годы, когда они жили вместе.

— Нет, я не занимаюсь стряпней с тех пор, как вышла замуж. Готовит миссис Хьюджес, или мы едем в ресторан. Как видишь, я *очень* испортилась.

Тоби не осмелился спросить, ставит ли она цветы в вазы, пересыпает ли простыни лавандой и наполняет ли дом музыкой. Он и так уже знал ответ, но не хотел, чтобы его озвучили.

— Все это не страшно, пока делает тебя счастливой, — заметил он, заканчивая разговор. Но, когда он положил телефонную трубку, его охватили новые тревоги: тот Торквилл, которого они встречали до свадьбы, не был похож на Торквилла, описанного сейчас Федерикой.

И все же Федерика была счастлива — или, по крайней мере, уверяла себя, что счастлива. Она любила мужа до безумия и изменяла свои вкусы и желания, чтобы угодить ему, даже не осознавая этого. Торквилл не отказывал ей ни в чем, кроме свободы. Однако в тех время от времени возникающих ситуациях, когда его чувство собственника грозило удушить ее, она оправдывала это как выражение его любви и прощала его. Она редко интересовалась мотивами его поведения или действий. Он был ее мужем, она выбрала его, поэтому предпочитала подавлять в себе все тревожные чувства, поскольку не видела другого пути. Она была твердо намерена всеми силами поддерживать их брак и своего супруга, в котором так нуждалась. Он давал ей ощущение защищенности и любви, поэтому она намеренно жертвовала ради этого своей свободой.

Не в состоянии превратить их жилище в свой дом, потому как миссис Хьюджес решала все хозяйственные вопросы сама, Федерика стала компенсировать скуку существования за счет еды. Бисквит здесь, кусок пирога там, пока она не привыкла постоянно что-то жевать. Лючия, полагавшая, что невозможно быть слишком худым или слишком богатым, была рада округлению фигуры конкурентки и поощряла ее обжорство. Торквилл, не любивший полных женщин, с удовлетворением наблюдал за изменениями контуров супруги, полагая, что это символизирует постепенную потерю ею своей независимости. Неспособный понять, что причиной таких изменений является внешнее выражение внутреннего дискомфорта, Торквилл был вполне доволен. Богиня из слоновой кости упала с пьедестала. Когда ее уверенность в себе была коварно подорвана, она стала более зависимой, и Торквилл в полной мере наслаждался контролем. Она полностью принадлежала ему, и он вовсе не для насмешки стал называть ее «моя Венера» и «сладострастная», одновременно поощряя ее аппетит к еде. «Ты вовсе не полная, дорогая, ты чувственная, и такую я тебя и люблю», — говорил он. Она верила его словам, и ей казалось, что его желание возросло. В конце концов, секс позволял ему на деле доказывать, что он действительно любит ее.

За два года Федерика превратилась в покорную тень Торквилла, даже не заметив постепенного урезания ее свободы. Все происходило настолько плавно, что она даже не осознала, что несчастлива. В ее зашоренном понимании Торквилл оставался все тем же

тонко чувствующим мужчиной, за которого она выходила замуж, ну, разве что, ему стало немного труднее угодить. Она не покупала себе одежду, поскольку знала, что он любит сам выбирать для нее наряды. Она не покупала ему подарки, потому что усвоила, что если он чего-то захочет, то пойдет и купит все сам. Она встречалась с Лючией за ланчами и вскоре была включена в узкий круг женщин, которым, как и ей, не оставалось целыми днями делать ничего другого, кроме как встречаться за ланчем, сплетничать и развлекаться совместными поездками по модным магазинам. В то же время контролирующие повадки Торквилла научили ее обманывать мужа. Она научилась разбрызгивать мыльную воду в ванной комнате, когда спешила, поскольку знала, что он проверит, мыла ли она руки. Она научилась говорить шоферу, чтобы тот ждал ее возле универмага «Хэрродс», в то время как она выходила с другой стороны и прохаживалась по Велтон-стрит только ради удовольствия сделать хоть что-то, не подвергаясь слезке. Она звонила членам своей семьи с городских телефонов в магазинах и пару раз встречалась с Эстер в помещении, где дамы пудрят носик, в «Харвей Николс». Одновременно она пыталась оправдать поведение Торквилла перед родственниками, используя его аргументацию, даже не понимая ее смысла, просто как хорошо обученный попугай.

А потом, совершенно неожиданно, ей позвонил Сэм.

— Привет, Феде, это Сэм.

— Сэм? — удивленно воскликнула она. — Боже мой, я не слышала о тебе с момента своего замужества.

— Насколько я знаю, ты почти ни с кем из нас и не встречаешься с момента замужества, — ответил он. — Я понял так, что муж тебя ото всех прячет.

— Нет, вовсе нет, — горячо возразила она. — Просто я очень занята, а время идет.

— Два года занята?

— Неужели прошло уже так много времени? — ахнула она.

— Ладно, как у тебя дела? — спросил он.

— Хорошо. Очень хорошо. Знаешь, ты очень удивишься, но я изучала литературу со старым преподавателем из Кембриджа, — гордо заявила она.

— Я поражен. И как его зовут?

— Доктор Лайонел...

— Свенборо, — восхищенно перебил он. — Да ты счастливица, ведь он весьма известный ученый муж. И что ты прочитала?

— О, практически все — от Золя до Гарсия Маркеса.

— На испанском?

— Не будь смешным. Я давным-давно забыла свой испанский. — Она засмеялась.

— Это позорно.

— Вовсе нет.

— Итак, он хорошо учил тебя, а? — спросил он, с отвращением вспоминая лощеную физиономию Торквилла Дженсена.

— Для меня вполне достаточно. А как ты? — спросила она.

— Тихо ненавижу Сити. По правде говоря, я возвращаюсь домой.

— Домой? — удивленно переспросила она.

— Назад в Польперро.

— И чем ты будешь там заниматься?

— Писать.

— Как здорово, — сказала она, переживая молчаливый приступ ностальгии при мысли о пронизанных ветром скалах и покрытом зыбью море. Она не была там с прошлого Рождества.

— Да, Нуньо очень этим доволен и сказал, что я могу использовать его кабинет для работы.

— Это большая честь, — вздохнула она, вспоминая Пиквистл Мэнор и золотые денечки, пролетевшие там.

Сэм почуял нотку грусти в ее голосе и испытал желание узнать, так ли это в действительности.

— О да, конечно. Он ведь никого в кабинет не допускает.

— А как себя чувствует старый Нуньо?

— Старым, и этим все сказано.

— Это звучит печально. Он человек особенный.

— Так оно и есть. После того как Бог отлил Нуньо, он разбил форму.

— Скажи мне, почему ты никогда не называешь его дедом? — с любопытством спросила она.

— *Нонно* — это дедушка по-итальянски, а Нуньо — это его прозвище от этого слова.

— Меня всегда это интересовало.

— Ну вот, теперь ты знаешь.

— Сейчас я почти не встречаюсь с твоими сестрами.

— Я знаю, они мне говорили.

— Столько дел, что просто ничего не успеваешь. — Она вздохнула, оглядывая свою идеально обставленную гостиную и ощущая себя более одинокой, чем когда бы то ни было.

— Я хотел бы пригласить тебя на ланч, чтобы встретиться, прежде чем я скроюсь в глубинах кабинета Нуньо.

— О, я с удовольствием, — с энтузиазмом отозвалась она. — Правда. Ты сможешь на этой неделе?

— Как насчет завтра?

— Отлично, тогда завтра.

— Я подъеду к твоему дому, — сообщил он. — Ты не напомнишь мне свой адрес?

Когда Сэм увидел Федерику, ожидавшую его у дверей дома, он мгновенно заметил, как она изменилась. На ней был элегантный голубой летний костюм с короткой юбкой, демонстрирующий упитанное тело и увеличившийся бюст, и туфли на высоких каблуках. Волосы были зачесаны назад и собраны в конский хвост, выдавая округлившееся лицо, скрытое под макияжем. Любому другому она показалась бы чувственной и очаровательной, но только не Сэму, увидевшему в ней печального клоуна, пытающегося изо всех сил улыбаться сквозь толстый слой грима. Он ощутил, как неровно забилося сердце, пока она шла к нему. Ему захотелось подхватить ее в свои объятия и забрать в тот дом, о котором она тосковала. Но он стоял молча, а она подошла и тепло поцеловала его, говоря, как прекрасно снова встретиться с ним, а потом спокойно села в ожидавшее такси.

Только когда подали кофе, он осторожно попытался проникнуть за ограду ее внешнего благополучия.

— Ты стала совсем другой, Феде. Я едва узнал тебя, когда увидел возле дома, — начал он, глядя в голубые глаза, которым не удавалось скрыть охватившую ее меланхолию.

— А ты совсем не изменился, — ответила она, снова пытаясь отвести от себя нить разговора. — Все еще носишь старые рубашки и потертые брюки. Торквиллу следовало бы повозить тебя по магазинам! — Она засмеялась и бросила в свою чашку два кусочка сахара.

Но Сэму было не смешно.

— Боюсь, что у меня есть более важные занятия, чем беспокойство о состоянии моей одежды, — возразил он, позволив горечи, которую он ощущал в отношении ее замужества, прозвучать в его словах. Но он строго контролировал себя, понимая, что, разозлив Федерику, потеряет ее доверие. — Я очень рад, что ты решила пройти курс литературы, — сказал он. — Надеюсь, что ты также продолжишь занятия фотографией, у тебя ведь всегда была тяга к этому делу.

Федерика опустила глаза и уставилась в чашку.

— Дело в том, что я как-то потеряла интерес к фотографии, — ответила она.

— Как ты могла потерять к этому интерес? Я тебе не верю, Федерика! — воскликнул он, чувствуя, как ярость подступает к горлу.

— Да у меня просто нет на это времени.

— Господи, да чем ты целый день занимаешься?

— О, у меня множество всяких забот.

— Например?

— Ну, я очень много читаю... — Ее голос оборвался. Сэм импульсивно протянул руку над столом и схватил ее за руку. Она встревоженно взглянула на него, а затем окинула помещение паническим взглядом, опасаясь, что кто-то это увидит.

— Феде, ты меня беспокоишь, — серьезно сказал он с озабоченным видом. Она вздрогнула. Сэм медленно покачал головой, а затем продолжил очень тихим голосом, напряженно вглядываясь в ее глаза: — Пожалуйста, дорогая, скажи мне, что это было *твое* решение не изучать больше фотографию, что *ты сама* решила изучать литературу, что это было *твое* решение не приезжать в Польперро, вычеркнуть всех нас из своей жизни, вот так одеваться и так раскрашивать свое лицо... — Его голос прервался. — Твой муж навязал тебе свою волю и потихоньку душит тебя. Я не могу просто стоять и смотреть, как он надевает на тебя поводок и заставляет плясать под свою дудку.

Федерика в смущении уставилась на него, прикусив нижнюю губу, внезапно столкнувшись со своими страхами лицом к лицу. Сэм смотрел на нее, пытаясь прочесть ее мысли, поскольку на ее лице явно отражалась борьба между желанием довериться ему, как раньше, или же уйти в глухую защиту и отвергнуть его помощь.

Воцарилась многозначительная тишина. Сэм сжал ее руку, чтобы дать ей ощутить его поддержку.

— Я ведь спрашиваю только потому, что беспокоюсь о тебе, — мягко произнес он и ободряюще улыбнулся. К его разочарованию, она словно окаменела, а потом выдернула свою руку.

— Я люблю Торквилла, Сэм, — наконец сказала она и затем добавила: — Тебе все равно этого не понять.

— Я постараюсь, — заявил он, но она уже смотрела куда-то в сторону. Связь между ними прервалась. Он был разочарован, но уже не оставалось ничего другого, кроме как оплатить счет и проводить ее домой. Когда он попытался снова приблизиться к ней на мраморных ступенях ее дома, то осознал, к своему отчаянию, что снова потерял ее. Ему оставалось только гадать, представится ли когда-нибудь в будущем еще один шанс.

Федерика свернулась клубочком на диване с пакетом шоколадных бисквитов и стаканом холодного шоколада. Она промокала слезы салфеткой и вспоминала о своем ланче с Сэмом. Разве он способен понять ситуацию, в которой она оказалась? Он не может осознать того факта, что любить Торквилла было ее выбором так же, как и желание стать для него самой лучшей женой. Он нуждался в ней и сам заботился о ней. Его собственнические устремления и желание контролировать ее объясняются исключительно его заботливостью. И она тоже нуждается в нем. Кроме того, сердито подумала она, нюансы их отношений никоим образом не касаются Сэма. Тем не менее в то самое время, как она осушила свои слезы и углубилась в пакет с бисквитами, семена сомнения, посеянные Сэмом, медленно прорастали, попав в благодатную почву.

Когда в тот вечер Торквилл появился дома, его лицо было красным и раздраженным.

— Дорогой, ты выглядишь утомленным. Позволь, я приготовлю тебе горячую ванну и принесу стаканчик виски, — предложила Федерика, горячо его обнимая.

— Нам необходимо поговорить, — холодно процедил он, освобождаясь из ее рук.

Она вздрогнула и мгновенно ощутила собственную виновность.

— О чем именно?

— Ты прекрасно знаешь, о чем, — бросил он, направляясь в свой кабинет за порцией спиртного. Она нервно последовала за ним. — Ланч с Сэмом.

Она вздохнула, признавая свой проигрыш. Нечего было даже пытаться скрыть что-либо от Торквилла, поскольку непостижимым образом он оказался всеведущ, как дьявол.

— Точно. Ланч с Сэмом, — повторил он, в нетерпении щелкая языком. Он плеснул в бокал виски и выпил его, не разбавляя. — Скажи честно, ты собиралась сообщить мне об этом или намеревалась выжидать, рассчитывая, что удастся оставить все в тайне?

— Что за проблема, Торквилл, ведь он мой старый друг? — запротестовала она.

— Я тебя не об этом спросил, — раздраженно напомнил он.

Федерика с трудом сглотнула, в горле у нее пересохло. Она не узнавала его — сейчас он выглядел совершенно чужим человеком.

— Конечно, я собиралась рассказать тебе, но ты не дал мне и рта раскрыть.

— Ты могла поставить меня в известность еще прошлым вечером. Он звонил тебе вчера, — внезапно закричал он, в ярости бросив свой стакан на стол. Федерика содрогнулась от агрессивности, прозвучавшей в его голосе. — Ты мне не сообщила, — продолжил он зловеще, поворачиваясь к ней, — потому что твои намерения не были честными.

Подбородок Федерики задрожал от усилий, предпринимаемых, чтобы не расплакаться. Впервые за время замужества ее охватил приступ страха.

— Я не говорила тебе, поскольку знала, что ты мне не разрешишь, — хрипло выдавила она. — А мне так хотелось пойти.

— Значит, ты лгала мне? — прорычал он, впившись в ее лицо прищуренным взглядом. — Моя собственная жена солгала мне? — Он покачал головой. — Я не могу довериться даже собственной жене.

— Я знала, что ты скажешь «нет», — пояснила она, не в состоянии избавиться от гнетущего ощущения комка, застрявшего в груди. — Я уже около двух лет не встречаюсь со старыми друзьями. Я соскучилась по ним.

— Феде, я для тебя вовсе не тюремщик, — произнес он более спокойным голосом. — За

моими требованиями всегда стоит логика. Только представь себя на моем месте. Как бы ты себя чувствовала, если бы я отправился на ланч со старинной подругой и ничего тебе при этом не сказал?

Она прочистила горло.

— Вероятно, я ощутила бы ревность. — У Торквилла на все случаи были приготовлены совершенно убийственные аргументы.

— Позволь, я объясню тебе такую ситуацию на аналогичном примере, — сказал он, садясь возле нее и беря ее за руку. Торквилл обожал придумывать идеально сформулированные аналогии, чтобы проиллюстрировать ход своих мыслей. — Возьмем порнографическое видео, — начал он. Она нахмурилась. — Нет, ты послушай. Если у тебя есть такой фильм на видеоплеере, то нет ничего проще, чем включить его и заняться просмотром. Но если тебе придется для этого отправиться в магазин по продаже видеокассет с риском, что тебя увидят знакомые, да если представить, насколько неприлично будет спрашивать такой товар, платить за него, а потом тайком нести домой, чтобы посмотреть, то ты вряд ли захочешь со всем этим связываться. Ты понимаешь, о чем я?

— Не хочешь ли ты сказать, что, согласившись на ланч с Сэмом, я рискую попасть в любовную интрижку?

— Точно.

— Но Торквилл, — оборонялась она. — Это какое-то безумие. Он ведь мне как брат.

— Но он вовсе не твой брат, — резко парировал он.

— Для меня роман с ним то же самое, что роман с Хэлом.

— Моя логика проста и понятна. Я не хочу, чтобы у моей жены были близкие друзья-мужчины. Это очень опасно, поверь мне. У меня гораздо больше опыта, чем у тебя, моя маленькая наивная простушка, — сказал он, поглаживая ее щеку. — Я люблю тебя, я обожаю тебя, и я не хочу тебя потерять. В сущности, я готов на все, чтобы не потерять тебя. Абсолютно на все.

Федерика вздрогнула и застыла в нерешительности.

— Если я говорю, что люблю тебя на всю жизнь, то я подразумеваю это. Все мои требования могут показаться тебе странными, но они предназначены для защиты нашего брака. Все это делается ради тебя и меня, — внушал он. Он наклонился и поцеловал ее. Но Федерика не была расположена к поцелуям, она была сконфужена. Он взял ее за руку. — Пошли наверх, я терпеть не могу, когда мы ссоримся. Мы должны помириться.

— Торквилл, прошу тебя, — сопротивлялась она слабым голосом, который был едва слышен.

Он, похоже, не обращал внимания на ее состояние.

— Я хочу показать тебе, почему у тебя в действительности нет нужды в друзьях-мужчинах. Они не в силах дать тебе то, что могу дать я. Пойдем, малютка, ты докажешь, что не сердишься на меня.

Ощущая заторможенность и опустошенность, она позволила ему расстегнуть ее брюки и спустить их. Она лежала на кровати в рубашке и трусиках, стараясь сдерживать рвавшиеся наружу рыдания. Он закрыл шторы, снял телефонную трубку, поставил на CD-плеере альбом «Пинк Флойд» и оставил в спальне только слабое освещение.

— Не плачь, дорогая, сейчас мы помиримся, — успокаивал он, целуя ее лицо. — Я собираюсь надеть тебе повязку на глаза, — добавил он медленно.

— О, Торквилл, я...

— Ш-ш-ш-ш, — прошептал он, прижав палец к ее рту. Затем он просунул его ей в рот и провел по деснам. Ее охватил приступ отвращения. Достав шелковый платок из ящика прикроватной тумбочки, он завязал ей глаза. Она погрузилась в беспросветный мрак, не зная, где он и что намерен с ней делать. Потом она почувствовала, как он расстегивает пуговицы на ее рубашке, распахивает ее и расстегивает бюстгальтер. Проводя по ее телу длинным белым пером, исследуя языком промежутки между пальцами на ее ногах, он получал извращенное удовлетворение от осознания того факта, что занимается с ней любовью, не снимая с нее трусиков, в то время как сама она не ощущала ничего и продолжала всхлипывать.

Ей хотелось крикнуть, чтобы он любил ее нормальным способом. Неожиданно ее озарило, что он всегда занимался с ней любовью без любви, и ее тело сковал леденящий ужас. Однако Торквилл ничего не заметил. Более того, ему нравилась ее неподвижная покорность. Именно в эти мгновения семена сомнений, брошенные Сэмом, пустили корни и пошли в рост. Впервые за годы замужества она позволила сомнениям овладеть ее разумом. Но первые сомнения уже не дали ей возможности контролировать неуверенность, дурманящую ее мысли, как струи черного дыма.

Федерика встала и стала рыться в своем шкафу. Там, в самом низу, в уголке лежала шкатулка с бабочкой, недоступная для педантичных пальцев Торквилла, готовых вышвырнуть ее вон вместе с остальным прошлым Федерики. Она уселась на полу, положила шкатулку на колени и открыла. Дрожащей рукой она перелистывала и читала все письма отца, одно за другим, вызывая в памяти картины прошлого, стоявшие за каждым их нежным словом, пока ее слезы не оставили на бумаге еще один след пережитых несчастий. Потом она уставилась в пустое пространство и ощутила покой от воспоминаний, которые она вновь обрела.

Последующие два лета пролетели в калейдоскопе вечеринок, нудных ланчей в компании светских леди и в бесконечных визитах к гинекологу: Федерика никак не могла забеременеть, а Торквилл был уверен, что у нее есть какие-то женские проблемы. Однако с точки зрения врача у нее все было превосходно.

— Нужно подождать, ведь вы замужем совсем недолго, и вам всего двадцать два, — ободряюще говорил он. — Возможно, вас что-то угнетает. Постарайтесь больше расслабляться.

Тот факт, что Федерика немедленно не забеременела, Торквилл воспринимал как личное оскорбление.

— Едва ли любой другой мужчина так часто занимается любовью со своей женой, как я, — жаловался он, — а ты такая чувственная, что можешь быть символом плодородия, так в чем же дело?

Федерика ощущала обиду. Сидя дома в одиночестве перед камином, посещая бесконечную череду магазинов или работая над списком литературы доктора Лайонела Свенборо, она заглушала ее пирожными и шоколадными рулетами. Торквилл овладевал ею в любой свободный момент, задирая юбку и предметно демонстрируя свою потенцию. Каждый раз, когда он кончал, то обязательно похлопывал ее по ягодицам.

— Я свое дело сделал, малютка, теперь слово за тобой, — говорил он доверительно Федерике, пока она, выполняя его указания, в течение получаса лежала с поднятыми вверх ногами, чтобы помочь сперматозоидам в их борьбе с гравитацией.

Федерика отчаянно хотела ребенка, но в этом желании таилось определенное противоречие. Она чувствовала, что еще слишком молода, чтобы возложить на себя тяжелое бремя связанных с этим забот, но в то же время стремилась угодить мужу. Каждый новый менструальный цикл сопровождался горькими слезами отчаяния и болезненной необходимостью доклада о своей очередной неудаче. Когда она осмелилась предложить ему самому посетить доктора, он резко возразил, что у него все в полнейшем порядке и проблема заключается только в ней самой.

Когда вокруг жалобно застонали холодные меланхолические ветры октября, Федерика нашла утешение в своих книгах, своем шоколаде и своих воспоминаниях.

А потом умер Нуньо.

При таких исключительных обстоятельствах Торквилл позволил Федерике отправиться на похороны в Польперро автомобилем с личным шофером.

— Но я буду ждать тебя до наступления ночи, — сказал он. Когда Федерика пояснила, что это совершенно невозможно, поскольку до Польперро несколько часов езды, он неохотно согласился и разрешил ей там переночевать. — Я буду скучать без тебя, малютка, — добавил он, обнимая ее, — мне нужно, чтобы ты всегда была со мной.

Федерика была очень опечалена смертью Нуньо, но радостный подъем от предвкушения возвращения в Польперро приглушил ее грусть. Она ожидала этого дня с таким воодушевлением, что забыла о привычной осторожности и постоянно звонила матери и Тоби

из телефонной будки, чтобы обсудить все детали предстоящей встречи. Она даже ухитрилась, ссылаясь на постигшее ее горе, избегать секса с Торквиллом.

Похороны состоялись в маленькой деревенской церкви. Те, кто в ней не поместились, выстроились вдоль аллеи, ведущей к церкви, поплотнее укутавшись в свои пальто и шляпы. Ингрид надела черную шляпу с вуалью, чтобы никто не увидел ее слез. Иниго вел ее под руку с опущенной головой и покрасневшими глазами.

— Теперь мы с тобой заняли место на вершине погребального костра, — мрачно произнес он, когда они уселись в первом ряду.

— Не знаю, как ты, дорогой, но я намерена перевоплотиться в прекрасную птицу, вот увидишь, — ответила она, помещая монокль в глаз с тем, чтобы прочитать листок с распорядком службы. Все остальное время службы Иниго провел в размышлениях на тему реинкарнации.

Молли и Эстер постоянно вытирали мокрые от слез лица, а Сэм сидел, неотрывно уставившись на гроб. Он думал о своем обожаемом деде, и его глаза тоже наполнились влагой.

Федерика приехала поздно. Сломанный грузовик на полчаса задержал ее машину в автомобильной пробке, и ей оставалось только плакать от отчаяния. Вся в поту, она протиснулась в церковь в тот момент, когда преподобный Бойбл занял свое место в нефе. Обессиленная Федерика рухнула на скамью между Тоби и Джулианом, которые были очень растроганы ее появлением и крепко взяли ее за руки, чтобы поддержать в этот трудный час. Преподобный Бойбл в ожидании, пока Федерика устраивалась на месте, нервно прокашлялся.

— Никто из нас никогда не забудет Нуньо, — начал он. — Он был одним из немногих оригиналов в этой жизни, редкостным лучом света, согревавшим всех нас. Нам будет очень не хватать тепла этого света. Но сейчас он светит нам вместе с Богом. Так возблагодарим же Господа за жизнь нашего дорогого друга Нуньо, который так много дал нам всем.

Ингрид начала всхлипывать, и ее плечи задрожали в попытке сдержать рыдания. Сэм продолжал смотреть на гроб, будто погрузившись в транс. Федерика потихоньку оглядывалась и молчаливо приветствовала членов своей семьи, которые смотрели на нее как на чужую.

— Я уверена, что она несчастлива, — прошептала Полли мужу. Джек вздохнул и кивнул в знак согласия. — Она набрала вес, но у нее довольно хрупкое сложение. Значит, такой ее сделало несчастье, — добавила она, сообщив то же самое Элен, которая сидела по другую сторону от Джейка. Тоби держал Федерику за руку, и ее переполнило всепоглощающее ощущение утраты не только Нуньо, но и каждого из них. За последние несколько лет она потеряла Польперро, а теперь, когда она возвратилась, ей безумно захотелось остаться. Но она понимала, что это невозможно — Торквилл ждет ее уже завтра.

Сэм медленно поднялся на кафедру, чтобы произнести речь. Его манжеты не были застегнуты и порхали вокруг кистей рук, как белые голуби. Федерика наблюдала за ним. С момента последней встречи его волосы поредели, особенно спереди и на макушке. С побледневшим лицом он окинул взглядом собравшихся. Ему не нужны были записи, поскольку он заранее не обдумывал, что именно собирается сказать. Он снял очки, глубоко вздохнул, как бы собираясь с силами, и затем начал твердым и четким голосом.

— Нуньо был для меня самым лучшим и близким другом, — сказал он. — Он научил меня всему, что я знаю, и я обязан ему за все, что я смог сделать в своей жизни. — Когда он

стал цитировать выдержки из «Пророка», его серые глаза остановились на Федерике. — Да будет все лучшее, сделанное вами, на благо вашего друга, — произнес он медленным и почти артистическим голосом. — Если ему суждено увидеть вас в нищете, то дайте ему увидеть вас и в изобилии. Но не ищите друга, чтобы убить часы безделья. Всегда ищите его, чтобы прожить с ним вместе часы жизни, потому что назначение его в том, чтобы утолить ваши нужды, но не пустоту вашего бытия.

Федерика не опустила взгляд и пристально смотрела в его глаза. Ее потрясла волна сострадания и сожаления. Она с ностальгией вспомнила те прекрасные мгновения, которые они пережили вместе в прошлом, особые мгновения неизъяснимой нежности и взаимопонимания. Но когда она попыталась сосредоточиться на них, они растаяли, как утренний туман, оставив только безысходность настоящего и печальное лицо Сэма.

— Я всегда проводил с Нуньо часы жизни, — твердым голосом продолжал он. — Он утолял мою жажду знаний и жажду мудрости. Он также помог мне лучше узнать самого себя и научил меня не стремиться к тому, чтобы меня понимали или мною восхищались другие. Его самого многие никогда не понимали, и это давало ему огромную внутреннюю свободу, поскольку он всегда оставался самим собой. Мне всегда будет не хватать его блестящих цитат, его педантизма, его нарочитого итальянского акцента и его неповторимого юмора. Но больше всего мне будет не хватать его мудрости, без нее я стану потерянным человеком. Все, что у меня сейчас есть, — это те слова, которым он научил меня в прошлом и которые я буду хранить и повторять в своей памяти, чтобы жизнь стала светлее.

Федерика слушала журчание его речи, которая лилась без конспекта и ограничений, от самого сердца. Он говорил не спеша, держась обеими руками за кафедру, создавая этим определенную атмосферу и одновременно обеспечивая себе поддержку. Он отвел глаза от Федерики только в тот момент, когда посмотрел на гроб, как бы обращаясь непосредственно к Нуньо.

Когда он закончил, никто не пошевелился и не произнес ни звука. Были слышны только тихие шаги Сэма, медленно возвращавшегося на свое место.

Гроб Нуньо предали земле на маленьком кладбище, расположенном рядом с церковью. Семья и близкие друзья стояли вокруг и провожали его в последний путь. Снова в ту же землю, с которой начиналась жизнь.

— Как он умер? — шепотом спросила Федерика у Джулиана, который печально стоял рядом с ней.

— Очевидно, он знал, что пора уходить, — ответил тот, наклонившись и говоря ей прямо в ухо. — Это случилось днем в четверг. Он поцеловал Ингрид, потом попрощался с Иниго и отправился в свой кабинет, где уселся в любимое кожаное кресло с томиком Бальзака. — Федерика удивленно подняла брови. — Ингрид и Иниго подумали, что он отправился на сиесту, но не поняли, что он действительно сказал им «прощайте навсегда».

— Он был непредсказуем до последней минуты, — сказала она, поймав печальный и отсутствующий взгляд Сэма. Он смотрел на нее, но не видел. — Сэм очень сильно переживает, — добавила она, дружески ему улыбнувшись.

Но горе затуманило его глаза. Очнувшись от печальных мыслей, он повернулся и побрел вместе с семьей к ожидавшим машинам, и они отправились обратно в Пиквистл Мэнор.

Федерика подвезла Джулиана и Хэла в своем автомобиле с шофером. На Хэла машина произвела впечатление, а на Джулиана — нет.

— Почему ты не научилась водить, Феде? — спросил он.

— Мне это не нужно.

— Нет, нужно, это вопрос независимости. — Федерика нервно глянула на него и кивнула в сторону шофера. Джулиан понимающе поднял брови. Она знала, что Пол все докладывает Торквиллу.

— Я думаю, что иметь шофера — это классно, — заметил Хэл. — И шикарную машину тоже. Ты очень удачно вышла замуж, Феде.

Джулиан посмотрел на Федерику и увидел, что она улыбается брату. Но за этой улыбкой он заметил неуверенность, поскольку в ее глазах пропал прежний радостный блеск. Он взял ее руку и крепко сжал, а Федерика молча ответила ему тем же, — она не хотела, чтобы кто-либо распознал мучившие ее сомнения.

Атмосфера в Пиквистл Мэнор была значительно менее мрачной по сравнению с тяжестью, нависшей над всеми в церкви, как невидимая пелена ядовитого газа. Все разбавляли свою печаль в вине, а Ингрид попросила гостей не оплакивать Нуньо, а радоваться тому, что он жил с ними. Гостиная постепенно наполнилась дымом сигарет, алкогольными парами и теплом набившихся в нее людей. Конечно, все говорили о Нуньо. Когда Люсьен принес промокшего ежика, найденного на дороге, Ингрид разрыдалась, припомнив об антипатии Нуньо к блохастым животным, и разом опустошила полстакана водки.

Элен обняла дочь и рассыпалась в комплиментах относительно ее костюма от кутюр. Затем она пустилась в свой обычный монолог о Хэле.

— Дела в школе не особо хороши, — ханжески твердила она. — Мы провалили экзамены. У нас есть мозги, но мы не желаем ими воспользоваться. — Она безнадежно вздохнула. — У нас сейчас тяжелые времена, но нужно собраться с силами, и все исправится.

Федерика почти не слушала ее, что было обычным, когда мать начинала демонстрировать свое беспокойство о Хэле. Она почувствовала облегчение, когда вмешался Джейк и перевел разговор на другую тему.

— С Хэлом все в порядке, Элен. Твоя проблема состоит в том, что ты мешаешь ему стать самостоятельным, — мудро заметил он.

— Он нуждается в своей матери, папа, — обиженно парировала она. — Мне все равно, что вы все говорите. Я не могу бросить его на произвол судьбы без своей поддержки.

Молли была настолько уязвлена изменой Федерики, что даже не поздоровалась с ней. Увидев, как та приближается сквозь толпу в своем идеальном черном костюме, идеальных черных туфлях и идеальной черной шляпе, она повернулась и направилась в другую сторону. Но Эстер осталась на месте и обняла подругу с той же дружеской симпатией, которую демонстрировала на протяжении всех прошлых лет.

— Ты прекрасно выглядишь, — доброжелательно сообщила она, отметив про себя ее раздавленные формы и бледную кожу и гадая, в чем же причина таких изменений.

— У меня все хорошо, — сказала Федерика.

— Как Торквилл? — спросила Эстер, думая о том, будет ли Федерика с ней так же откровенна, как раньше в их тайной пещере. Однако ее ожидало разочарование.

— Он — мечта, а не мужчина, — последовал ответ, полный напускного энтузиазма. —

Жаль, что его нет сегодня с нами. Я ненавижу, когда приходится с ним расставаться, даже на минуту.

— Как хорошо, — формальным голосом отреагировала Эстер. — Это прекрасно, когда чувствуешь в мужчине родственную душу. Я вот пока еще нахожусь в стадии поиска.

— Значит, никого?

— Никого. Вокруг будто пустыня, — вздохнула она. — А у Молли вошло в привычку знакомиться со строителями, — добавила она, пытаясь оживить разговор. — Она почти счастлива, находясь на строительной площадке.

— Это похоже на Молли. Как мне повезло, что Торквилл нашел меня так рано. Но ты еще очень молода и пока можешь не слишком озадачивать себя поисками. Наслаждайся свободой, пока она у тебя есть.

— Ты права. Кстати, а у Торквилла случайно нет каких-нибудь знакомых красавчиков, а? — Они рассмеялись, но этот смех прозвучал несколько натянуто.

— Сэм очень расстроен, — сказала Федерика, наблюдая, как он хмуро подходит к отцу.

— О, он просто подавлен, — согласилась Эстер. — Но какую хорошую речь он произнес.

— Он такой талантливый.

— Я знаю и очень им горжусь. — Она вздохнула и прикоснулась к руке Федерики, с мольбой глядя на нее. — Пойди и поговори с ним. Он очень нуждается в поддержке.

— Сэм, мне так жаль, — сказала Федерика, выждав, когда Иниго удалился искать успокоения в тиши своего кабинета.

— Федерика. — Он поцеловал ее в щеку. — Я рад, что ты смогла приехать. Мы здесь уже почти забыли, как ты выглядишь. — Федерика нерешительно улыбнулась, припоминая их последнюю встречу. — Давай уйдем, а то у меня здесь скоро начнется приступ клаустрофобии, — предложил он. Сэм повел ее по коридору в кабинет Нуньо. Войдя в комнату, он плотно прикрыл дверь, отсекая шум голосов. — Теперь ты узнаешь, почему Нуньо так любил здесь сидеть. Здесь тихо и уютно, — сообщил он, располагаясь в старом кожаном кресле деда. Федерика присела на диван, избегая дырок в коже, сквозь которые виднелась белая набивка, и аккуратно скрестила ноги. — Я все еще ощущаю его запах, — продолжал он. — Это единственная комната во всем доме, которая буквально наполнена его присутствием, даже сейчас. Я прихожу сюда и чувствую, что он жив и может войти в любой момент и застать меня за чтением книги из области эротики.

— Только не говори мне, что у Нуньо есть эротические книги, — засмеялась она.

— Да, конечно. Нуньо был большим поклонником литературной эротики, — ответил он. — Но к реальной жизни это не имело никакого отношения.

— Он должен был сделать это когда-то, чтобы родилась Ингрид.

— Однажды да, но потом он забыл об этом навсегда.

— Неужели?! — воскликнула она, опуская глаза, поскольку взгляд Сэма смущал ее. — Он был на редкость необычным человеком, — вздохнула она, меняя тему беседы. — То, что я знала его, для меня большая удача.

— И для тебя, и для всех нас. — Он поднялся и стал перебирать бумаги на старинной работы столе, за которым проводил время Нуньо. — Но как же Торквилл смог тебя отпустить?

— Он не мог запретить мне приехать на похороны Нуньо, — холодно ответила она, втайне надеясь, что он не повторит слова, высказанные во время того памятного ланча.

— С момента замужества ты здесь почти не появлялась.

— Я знаю.

— Полагаю, все еще проходишь этот поглощающий время курс литературы?

— У меня теперь другие курсы, — отрезала она. — И они занимают мое время полностью.

— Феде, — произнес он серьезным голосом, усаживаясь в рабочее кресло Нуньо и опустошая его стакан. — Ты ведь любишь Польшерро. Только не говори, что ты не скучаешь по этим местам.

— Конечно, скучаю. Но дело в том, что у Торквилла совсем другая жизнь, и мы занимаемся другими делами.

— Но ты даже не навещаешь своих родственников. Раньше семья была для тебя всем.

Федерика неловко заерзала на диване. Ей не понравилась эта внезапная атака на выбранный ею стиль жизни.

— Семья для меня действительно все, Сэм, но сейчас я замужем, — сказала она напряженным голосом. — Все в этом мире меняется, и яле хочу больше об этом говорить.

— Ты замужем, но ты несчастлива, — произнес он, внимательно глядя на нее.

Федерика окаменела. Да, она набрала вес, ну и что?

— С чего ты решил, что я несчастлива? Ты судишь обо мне сугубо со своей точки зрения, — возразила она. — А я не хотела бы сидеть здесь и писать книжки.

— Ты захотела бы сидеть здесь и заниматься фотографией.

— Ну, конечно, — засмеялась она, — но это было так давно, я ведь тебе уже говорила. Я обожаю Лондон и не хочу жить где бы то ни было еще.

— Ты живешь в прекрасной витрине магазина. Но за ней ничего нет, Феде. Если два года назад я беспокоился о тебе, то сегодня ты меня просто тревожишь.

— Ради бога, Сэм, это смешно. Что тебя так тревожит?

Он снова встал и подошел к окну.

— Потому что ты — мой старый друг, — тихо сказал он, глядя на мокрый сад.

— Потому что ты поцеловал меня однажды в амбаре?

— Потому что я поцеловал тебя однажды в амбаре, — повторил он с горькой усмешкой и мысленно добавил: «и потому, что я дал тебе уйти, когда не должен был отпускать».

— Я беспокоюсь, Феде, потому что ты выросла на моих глазах и стала членом моей семьи. С того момента, как я вытащил тебя из озера, и до тех времен, когда ты пришла и заплакала у меня на плече, я был тебе старшим братом. Я забочусь о тебе. Господи, Федерика, да посмотри на себя. — Он повернулся и впился в нее своими серыми глазами, а его бледное лицо исказило страдание. Федерика почувствовала, как грудь сжалась и выдавила наружу ее жалость к себе. — Дорогая, ведь ты — уже не та, что раньше. Он изменил тебя. Та Феде, которую я знал, не носила костюмы от кутюр с соответствующими сумочками. Та Феде, которую я знал, не скрещивала ноги с видом королевы. Та Феде, которую я знал, не улыбалась строго от кончика носа и ниже. Она улыбалась глазами и всем лицом. Она была прекрасным лебедем на озере, но супруг обрезае ей крылья.

Они уставились друг на друга, не зная, что делать дальше. Сэм безнадежно смотрел на Федерику, подавляя желание заключить ее в свои объятия и снова поцеловать. Только в этот раз он бы не остановился и целовал ее всю свою жизнь.

Федерику охватил неприятный жар. Она сконфуженно смотрела на него, в то время как ее истинная сущность отчаянно сражалась с той личностью, в которую она превратилась

сейчас. Наконец одинокая слеза прервала эту битву, но она так и не узнала, кем же сейчас является.

— У меня все в порядке, — холодно заявила она. — Я довольна и счастлива. Я понимаю, ты просто разволновался из-за смерти деда, — запинаясь, произнесла она. — И я тоже. Но я люблю Торквилла, а он любит меня. Не думаю, что ты поступаешь правильно, критикуя мой стиль жизни, — добавила она, прежде чем покинуть комнату.

Сэм развернулся и бросил унылый взгляд на озеро. Небо было укутано плотными и почти черными облаками, а струи мелкого дождя слегка колыхались на ветру. Несколько пожелтевших листьев кружили в печальном хороводе на брусчатке под окном. Они как Федерика, подумал он, сорваны и брошены на произвол по чьей-то воле. Он вспомнил робкую неуклюжую девочку, лазившую с Эстер по пещерам и забавлявшуюся бивуачными кострами, которую он почти не замечал. Потом она превратилась в забавную девушку-подростка, замиравшую, когда он заговаривал с ней, и красневшую от своей первой влюбленности, но он снова ее не замечал. Он не мог вспомнить точно, когда именно впервые обратил на нее внимание. Возможно, что чувство прокралось в его сердце незаметно, вызвав неожиданную ревность, заставившую его удивиться силе собственных переживаний.

Он беспомощно наблюдал, как она выходила замуж за Торквилла. С самого начала этой истории признаки несчастья горели на ней большими неоновыми буквами, но никто не попытался заставить ее их увидеть. Он вспомнил мудрые слова Нуньо: «Ты можешь дать людям знания, но мудрость, мой дорогой мальчик, постигается только на опыте». Федерика ничему не научилась. Сколько же ей еще предстоит падать, прежде чем она обретет способность к самоанализу и внутреннюю силу? Он погрузился в старое кожаное кресло Нуньо и сосредоточился на разработке плана ее спасения.

Федерика вернулась в гостиную и постаралась забыть о странном разговоре с Сэмом. Она изобразила на лице любезную улыбку и прислушалась к беседе окружавших ее людей. Но в ее ушах звучало эхо его слов, и как ни пыталась она их игнорировать, все же сердцем понимала, что он был прав — она не была счастлива.

Шофер доставил ее в коттедж Тоби и Джулиана, где она собиралась переночевать. В течение всего обеда Раста просидел возле ее стула, положив ей на колени свою постаревшую белую морду и глядя на нее преданными глазами. К ним присоединились Элен, Артур и Хэл, так что они смогли вдоволь наговориться за вечер. Забравшись под одеяло, она вспоминала семейную встречу, прошедшую как в старые добрые времена. Коттедж совсем не изменился, а приглушенный аромат моря, смешанный с запахами осеннего увядания, взволновал ее чувства и наполнил ностальгией по беспечным дням не такого уж далекого детства. Сегодня все дружно ударились в воспоминания и смеялись над старыми, бесконечное число раз рассказанными историями, которые уже давно превратились в семейный фольклор. Даже Хэл забросил свои тинейджерские заботы и с энтузиазмом присоединился к семейной компании. Элен была счастлива, поскольку счастлив был Хэл, а Федерика радовалась тому, что снова обрела себя.

Но все без исключения заметили происшедшие в ней изменения и были встревожены этим обстоятельством.

Покидая на следующее утро Польперро, она испытала грандиозный приступ тоски по

родному дому. Предстоящее возвращение в Лондон с монотонной каруселью обедов и вечеринок с коктейлями, ланчей для леди и шопинга ужасало, а мысль о настойчивых попытках Торквилла оплодотворить ее вызвала содрогание. Она посмотрела на свою сумочку из крокодиловой кожи и наманикюренные ногти и вздохнула. Неужели во всей этой внешней мишуре есть хоть капля смысла?

Тоби проследил за отъездом Федерики и подумал, что не знает, когда снова сможет ее увидеть. По мере того как месяцы превращались в года, она все больше удалялась от них, как маленький плот, едва удерживающийся на плаву среди мощных подводных течений моря разочарований. Замужество не стало воплощением ее мечты и тем, чего желала бы для нее семья. Тоби вынужден был признаться самому себе, что потерял ее.

— Встреча с Феде заставила меня ощутить безнадежную печаль, — сказал он Элен.

— О, с ней все в порядке. У всех нас случаются свои взлеты и падения, — возразила она, будучи слишком озабоченной плачевным состоянием собственного брака, чтобы разделять сомнения относительно брака дочери. — Торквилл любит ее, — добавила она, не желая выглядеть слишком эгоистичной. — Они вместе справятся со своими проблемами.

— Я бы не был столь уверен в этом, — ответил он, возвращаясь в дом.

Элен разозлилась. Вокруг все только и говорили о Федерике. Какой несчастливой она выглядит. Как она набрала вес. Как может разрушиться ее брак. Можно подумать, что ни семье Эплби, ни другим жителям Польшерро нечего было больше обсудить. Когда и Артур решил внести свою лепту в развитие этой поднадоевшей ей темы, терпение Элен лопнуло.

— Бога ради, Артур. Ты ведь ровным счетом ничего не знаешь о ее замужестве. Ты даже ни разу толком не поговорил с ней. Я не понимаю, почему ты вдруг решил без спроса постучаться в ее внутренний мир, — раздраженно воскликнула она.

Терпение Артура тоже потихоньку таяло под непрерывными атаками ее сомнительного толка юмора. Похоже было, что она получала удовольствие, споря с ним по любому поводу. Если причин для размолвки не было, она их изобретала, предпочитая барахтаться в собственных проблемах, а не пытаться найти выход из порочного круга саморазрушения.

— Послушай меня, Элен. По известным причинам я не вызываю симпатий у Федерики, но она росла на моих глазах, и меня очень беспокоит ее состояние.

— Не больше, чем меня, — огрызнулась она. — Она моя дочь, а не твоя.

Артур только вздохнул и прищурил свои маленькие карие глазки, преодолевая страстное желание закричать на нее.

— Я всего лишь предлагаю сделать что-нибудь, чтобы помочь ей. Совершенно очевидно, что она переживает тяжелые времена в своей жизни. Она нуждается в нашей помощи, — мягко произнес он.

— Ну и что ты намерен предпринять? Ворваться в их дом на белом скакуне? — презрительно засмеялась она. — Феде вовсе не нужна наша помощь. Если она ей понадобится, мы узнаем об этом от нее самой. Она с головы до ног одета от кутюр, денег у нее больше, чем у царя Мидаса, а ее муж поклоняется земле, по которой она ходит. Ее несчастный вид очень просто объясняется похоронами Нуньо, если ты помнишь об этом обстоятельстве, которое вовсе не является поводом для веселья.

— Но она никогда нас не навещает.

— У нее нет времени.

— Она любит свой родной дом, наши края, семью Эплби.

— Она ушла далеко вперед, но никто не желает это признать. Мы все остались позади, но мне это нравится. Она выбрала для себя лучшую жизнь вместо того, чтобы торчать здесь, в этом захолустье.

Артур, охваченный приступом ярости, уставился на нее. Он крайне редко выходил из себя, но на этот раз Элен зашла слишком далеко.

— Вот как! Ладно, мадам, если вас не устраивает ваша участь, почему бы вам не удалиться отсюда! — закричал он, в бешенстве бросая подвернувшиеся бумаги на пол. Элен удивленно смотрела на него. Он никогда еще не повышал голос. — И прошу, спрячь свои деньги в то место, где у тебя располагается рот, поскольку я устал от твоей бесконечной трескотни! — С этими словами он вышел из комнаты.

- Что это такое? — спросила Лючия, извлекая шкатулку с бабочкой из ящика прикроватной тумбочки Федерики, где она прятала свое сокровище под книгами.
- Не знаю, — сказал Торквилл, принимая вертикальное положение и зажигая сигарету.
- Какая прелесть, — ахнула она, открывая крышку. — *Адорабиле*.
- Ну, и что там в ней?
- Письма.
- Письма?
- М-м-м. — Она вздохнула, вытаскивая одно из них. — *Че карина*.
- Дьявольщина, от кого они могут быть? — спросил он, мгновенно разъярившись и выхватывая письмо из ее рук. Раскрыв красивый конверт, он развернул первый листок. Его плечи облегченно расслабились. — Это от ее отца.
- Дорогой, — восторженно произнесла она, — ты такой собственник.
- Как я тебе уже говорил, она — моя жена, она принадлежит мне, и я ее обожаю.
- А как насчет меня?
- Ну, ты не принадлежишь никому. — Он ухмыльнулся.
- Торки! — воскликнула она, прикидываясь обиженной.
- Хорошо, — согласился он. — Ты принадлежишь мне частично.
- Ты ведь знаешь, что я больше ни с кем не сплю.
- Знаю. Я бы убил тебя, если бы такое случилось, — заявил он и пристально посмотрел на нее своими бесстрастными зелеными глазами.
- Дай мне одно из этих писем, я хочу его прочитать, — возбужденно попросила она. Ей нравилось, когда он проявлял свою властность.
- Нет, не разрешаю, — отказал он, складывая письмо и возвращая его на место в шкатулку.
- Торки, прошу тебя, не лишай меня удовольствия.
- Я сказал нет — и точка. — Он обожал натравливать Лючию против жены.
- Не разговаривай со мной в таком тоне. Я позволяю тебе проводить набеги на мое тело, но и только. — Она рассмеялась.
- И ты наслаждаешься во время них каждой минутой. Когда я буду готов, то снова возьму тебя.
- Я ведь могу тебе не позволить, — подстрекала она.
- Я сильнее тебя. Я распластаю тебя и проткну как бабочку для коллекции. Даже не думай останавливать меня, когда я чего-либо захочу.
- Меня здорово заводит, когда ты говоришь так грубо. Прямо настоящий гангстер. — Она улыбнулась и потянулась как сытая кошка. — Мне бы хотелось, чтобы Федерика почаще проводила ночи не дома.
- Ни в коем случае, — резко возразил он. — Чем меньше, тем лучше. Я хочу, чтобы она всегда находилась под моим присмотром.
- Ты очень ревнивый муж.
- Она расцветает под моей опекой. Она нуждается во мне и без меня пропадет.
- Тогда какого черта ты спишь со мной?
- Торквилл снисходительно усмехнулся.

— Потому, мой ангел, что ты работаешь совсем в другом отделе. Феде — моя жена. Ты — моя любовница. Я люблю вас обеих, но по-разному и не хочу лишаться ни одной из вас. Кроме того, мы с тобой очень старинные приятели. Так что нас связывает вовсе не интрижка. Скорее это продолжение старой дружбы.

— Откуда ты знаешь, что у нее нет романа на стороне? — спросила Лючия, сверкнув своими большими итальянскими глазами.

Торквилл продолжал самодовольно покуривать.

— Потому, ангелочек, что я осведомлен о каждом ее шаге.

— Ты — маленький шпиончик, — промурлыкала она, перекатываясь на живот и проводя длинным ногтем по его груди. — Ты и за мной присматриваешь?

— Не твое дело.

— Печально, что ты докатился до слезки за собственной женой.

— Это не слезка. Похоже, что ты меня не понимаешь. Я оберегаю ее. Она еще так молода и уязвима.

— Нет, ты за ней шпионишь. Если бы она была похитрее, то спала бы с твоим информатором. Я бы так и сделала. — Она захихикала.

— А я бы тебя прикончил, — сообщил он, глядя на нее каменным взглядом. Лючия содрогнулась от извращенного удовольствия, которое получала, когда ощущала исходящую от него угрозу.

— Твоя маленькая женушка уже не так и мала, — усмехнулась Лючия и провела языком по своему ногтю.

— Она совсем не толстوشка, если ты это подразумеваешь.

— Не толстая, но полнеет.

— На ней теперь мягче лежать, и мне это нравится, — заверил он. — Кроме того, если бы она была такой же худощавой, как ты, я бы мог вас в темноте перепутать.

— У нас обеих итальянские имена. Я удивлена, что ты до них не добрался.

— У меня всегда все под контролем. Ты должна знать это, как никто другой.

— Ты ее любишь? — нахмурившись, спросила она.

— Да, — ответил он. — Я люблю ее до безумия.

— Что ж, тогда у тебя очень счастливый брак, не правда ли? — констатировала Лючия с сарказмом.

— Да, но я и тебя обожаю.

Она села и надула губки, позволив длинным черным волосам заструиться по крепким грудям.

— Почему ты на мне не женился? Я более красива, чем она, более умна, более умудрена жизнью. Я независима и знакома со светской жизнью, и, вне всяких сомнений, я лучшая любовница. Так почему же не я? *Димми, перке нон чи съамо май спосати?*

Торквилл сунул окурок в пепельницу и встал с кровати.

— Именно по всем этим причинам, — ответил он. — По всем, что ты назвала.

Когда ранним утром Федерика вернулась, Торквилл уже ожидал ее. Он заключил ее в свои лживые объятия, но она не почувствовала ничего, кроме оцепенения, и не увидела перед собой ничего, кроме черного тумана сомнений.

— С тобой все в порядке, малютка? — спросил он, поглаживая ее волосы. — Ты выглядишь измученной.

— Это было очень печально, — ответила она, качая головой и стараясь не смотреть ему в глаза.

— Я скучал без тебя, — сказал он. — Без тебя я почти не могу заснуть.

Федерика натянуто улыбнулась.

— Мне нужно принять горячую ванну, — пробормотала она, выскользывая из его рук.

— И массаж, — предложил он.

— Нет, думаю, что ванны будет достаточно. — Она вздохнула, освобождаясь от туфель и сумочки.

— Я хочу стереть твои страдания, — сообщил он и последовал за ней по ступеням. — Я точно знаю, как улучшить твоё настроение.

Федерика содрогнулась.

Торквилл приготовил для нее источавшую пар ванну с лавандовым бальзамом и сидел рядом с ней, пока она смывала с себя воспоминания о Сэме и свою ностальгию. Он сообщил, что намерен отправиться с ней в долгий и жаркий отпуск на Маврикий. — Ты расстроена, любимая, и, без сомнений, тебя одолевают тревоги, — сказал он.

Федерика ощутила приступ паники, перехвативший ее горло и затруднивший дыхание.

— То, что тебе нужно, это расслабляющие каникулы под горячим солнцем. Мы сможем там целыми днями заниматься любовью.

— Да, — хрипло ответила она, хотя высказанная идея вызвала у нее приступ отвращения.

Отклонив его повторное предложение массажа, она стала одеваться, но он продолжал настаивать.

— Боже, ты так напряжена, — заявил он, поглаживая ее плечи. — Видишь?

— Но со мной все нормально, — сопротивлялась она.

— Ложись.

— Я в порядке, Торквилл, прошу тебя.

— Малютка, я лучше знаю, что для тебя лучше, разве не так? — заверил он, подталкивая ее к кровати. — А теперь расслабься и разреши мне снять с тебя все накопившееся напряжение. — Она нерешительно легла на живот в обнаженном виде и поскорее закрыла глаза, опасаясь, что если будет держать их открытыми, то расплачется. Его сильные руки нанесли на кожу порцию лавандового масла и начали разминать застывшие мышцы плеч и шеи. В комнате было тепло, и ванна тоже ее согрела. Вскоре его умелые действия сделали свое дело, и она почувствовала, как тело расслабляется помимо ее воли. Ее сознание освободилось от мыслей о Нуньо, о семье и ее разговоре с Сэмом и сосредоточилось на приятных ощущениях, вызываемых движениями его пальцев по телу. Она балансировала на зыбкой грани между медитацией и сном, когда ее чувства были встревожены внезапным изменением положения.

Одним быстрым движением он раздвинул ее ноги и навалился на нее, проникая в самую глубину естества и резко возвращая ее в состояние бодрствования. Он распорядился ее податливым телом жестко и эгоистично, будто чувствуя, что теряет контроль. Она открыла глаза и зафиксировала их в одной точке на стене, ощущая, как потихоньку тает ее любовь к нему. Затем произошло совершенно странное со бытие. Она ментально отделилась от своего тела, будто все происходило не с ней и будто кто-то другой беспомощно распластался на постели. Ее разум вернулся назад в Чили, снова в Качагуа, на теплый и мягкий песчаный берег, а море гипнотизировало и умиротворяло, растворяя в своих глубинах ее проблемы и

унижение.

В последующие бессмысленно прошедшие месяцы шкатулка с бабочкой превратилась для нее в единственный источник утешения. Она открывала ее, чтобы убежать от своей несчастливой жизни, перечитывала письма отца и улетала далеко-далеко в своих воспоминаниях, вызываемых магией необычных сверкающих камней. По мере того как секс Торквилла становился все более грубым, шкатулка с бабочкой превращалась для нее в жизненную необходимость. Она стала единственным источником, дававшим ей поддержку.

В тот момент, когда Федерика ощущала себя в нижней точке своего падения, она получила анонимную записку, брошенную кем-то прямо в ее почтовый ящик, минуя почту, будто послание с небес.

«Ты обрешь подлинную свободу, когда дни твои будут наполнены заботами, а ночи желанием и страданием. И тогда, несмотря на то что эти проблемы опутают твою жизнь, ты восстанешь над ними, обновленная и свободная».

Она перевернула листок в поисках каких-либо указаний относительно автора, но ничего не обнаружила. Только лист белой бумаги с напечатанным на нем текстом. Тогда она еще раз медленно прочитала записку, вдумываясь в каждое слово. Тот, кто послал ее, хочет ей помочь — это очевидно, но в то же время предпочел остаться неизвестным. Существовала только одна личность из всех, кого она знала, у которой были причины скрывать свое имя. Ее сердце учащенно забилося, наполняя вены адреналином и медленно пробуждая чувство печали.

Рамон Кампионе. Эти слова мог написать только ее отец. Как это похоже на него — послать анонимное письмо. Он никогда не сообщал о своих намерениях и всегда появлялся неожиданно. Это сводило с ума ее мать, но это был его неповторимый стиль жизни. И содержание послания полностью соответствовало его стилю. Она стала припоминать его рассказы, порой мистические и зачастую несущие в себе зерна чего-то возвышенного. Построение фраз напоминало его поэзию, но, прежде всего, это была его философия. Он всегда был выше забот и печалей, так высоко, что они его уже больше не касались. Его не трогали даже заботы и нужды собственной семьи, которые отдаляли ее от него. Он просто предоставил ей возможность отдалиться. Когда-то он заботился о Федерике. В сущности, были времена, когда она верила, что его любовь будет безоговорочной и вечной. Но ее ожидало разочарование, лишь горькое разочарование. Быть может, сейчас она получила предварительную заявку, в которой он просит о прощении? Возможно, он пытался таким образом как-то пояснить свои поступки и беззаботное поведение. Но ведь она не видела его уже долгие годы. Почему же он внезапно о ней вспомнил? Где он? Каким образом мог узнать о ее несчастье? И почему его это беспокоит?

Позже, лежа в темноте рядом с мужем, становившимся с каждым днем все более чужим для нее, Федерика думала о записке, спрятанной на дне заветной шкатулки. Отец проявил о ней заботу. Он не прислал бы этот листок, если бы не беспокоился о ней. Он узнал, что она страдает, и решил помочь. В этих строчках присутствовало ясное указание. Она должна подняться над своими проблемами. Фокус состоял в том, чтобы не дать им пригнуть ее к земле, завладеть ею, и ключ к их решению лежал в ее сознании. Причина ее несчастий

состояла в том, что она позволила жизненным неурядицам парализовать волю. Впервые за время замужества Федерика ощутила прилив всееляющего уверенность возбуждения, предприняв первые осторожные шаги по овладению ситуацией. Она устала выступать в качестве жертвы — наступила пора твердо встать на ноги. Она решительно настроилась соблюдать диету, ходить в тренажерный зал и восстать над своими проблемами, обновленная и свободная. Но главное — теперь она уже не была в одиночестве, снова ощутив ласкающий луч солнца на лице и согревшись в любви своего отца.

Рамон засел за печатную машинку и приступил к работе. С момента смерти Эстеллы, после которого прошло уже больше трех лет, он даже не пытался написать книгу, а создавал только поэмы. Каждая строчка длинных поэтических творений была наполнена болью его утраты и горестным сожалением. Он не покидал Чили, предпочитая оставаться с сыном неподалеку от могилы Эстеллы, куда часто отправлялся, чтобы побыть с ней рядом, хотя его рассудок и говорил ему, что она уже не в земле, а в духовной реальности. Он с гордостью наблюдал, как сын стал отражать свои мысли и чувства в дневнике. Иногда они сидели на берегу, и Рамонсито читал ему строки, посвященные матери. Поначалу они были неуклюжими, часто — громоздкими, когда он нетерпеливо пытался излить свою печаль, которая не находила другого пути для выражения. Но мало-помалу он усовершенствовал свой стиль, стал больше работать над материалом и в конце концов начал создавать поэмы, поражающие своей искренностью и красотой. Рамон был тронут.

— Мама будет так гордиться тобой, Рамонсито, — говорил он, взъерошивая волосы на голове сына.

— Но как она узнает? — спрашивал мальчик.

— Она может видеть тебя, сынок, — отвечал он, уверенный, что духовно она была вместе с ними. — Потому что любовь не знает границ.

Им обоим было трудно. Но если Рамонсито отвлекался от грустных мыслей школьными занятиями и общением с друзьями, то его отец, поглощенный жалостью к своей участи, оставался в одиночестве, в доме на берегу, где все напоминало ему об Эстелле. Иногда летом густой аромат роз поднимался в воздух, проникая в окна и достигая его обоняния. Он выныривал из своих мечтаний, почти поверив, что она лежит где-то рядом с ним, готовая приласкать его взглядом своих медовых глаз и нежной улыбкой. В такие мучительные мгновения он готов был разрыдаться, как ребенок, прижимая к лицу ее подушку и вдыхая в себя запах воспоминаний. Потом он включал свет и изливал свои чувства на бумаге. Проанализировав свои ощущения, Рамон наконец понял, почему всю жизнь спасался бегством. Вначале от родителей, потом от Элен, затем от своих детей, наконец, от Эстеллы. Он бежал от любви. Любовь страшила его. Оставаясь один, вдали от людей, заботившихся о нем, он оказывался в безопасности от удушающей его силы их любви. Ответственность за других стала для него непосильной ношей. Поэтому он предпочитал наслаждаться их любовью на безопасном расстоянии, время от времени возвращаясь, чтобы проверить, не угасла ли она, а затем снова исчезая, чтобы она не захватила его в свои всепоглощающие объятия. Его намерения всегда были самыми лучшими. Он испытывал угрызения совести, наблюдая, как Элен и дети уходят из его жизни. Он хорошо помнил тот день, когда приехал в Англию и застал на паперти церкви Федерику, взхлеб рыдающую оттого, что она тосковала без него, и когда увидел ее в другой памятный день на велосипеде, прищурившуюся в потоке солнечного света.

Он ужасно страдал, поскольку любил их, но в то же время боялся своей собственной способности любить. И от этого он тоже убегал. С Эстеллой все было иначе. Вначале он убежал от нее, так же, как и от Элен. Но Эстелла любила его, не претендуя на право обладать им. Она любила его так сильно, что подарила ему его свободу. Ее любовь была искренней, без капли эгоизма и дала ему тот жизненный урок, о котором он вначале даже не подозревал. Именно этот урок побудил его написать книгу, но не для публикации, а лично для Элен. В форме аллегории со скрытым подтекстом. Он хотел, чтобы она узнала, почему он отказался от нее, хотел, чтобы и она извлекла свой урок из беззаветной любви Эстеллы.

Сэм взобрался на вершину скалы и любовался морем, которое в любое время года сохраняло удивительное постоянство. Зимние морозы украсили покрытые травой скалы сосульками, сковали реки и ручьи, но море осталось прежним. Оно могло быть бурным или тихим, но никогда не покорялось сезонным изменениям климата. Оно принадлежало только себе самому.

Нуньо тоже принадлежал только себе самому. На него никто и никогда не мог повлиять. Сэму очень не хватало его. Дом продолжал хранить следы его присутствия, а домочадцы говорили о нем так, будто он все еще был жив, вспоминая смешные истории, рассказанные им, и его эксцентричные поступки. Иниго предоставил кабинет Нуньо в распоряжение Сэма, который был растроган этим решением до слез. Отец похлопал его по плечу и заявил, что он может делать с этой комнатой все, что захочет. Но Сэм оставил все в неприкосновенности. Ингрид была благодарна ему за то, что он решил сохранить память о ее отце в той комнате их дома, которая действительно была пропитана его духом. Сэм очистил стол, сложив все листки Нуньо с неразборчивыми заметками в пару коробок, ничего не выбрасывая. Затем он перешел к ящикам письменного стола. Именно в них он наткнулся на пожелтевший томик «Пророка» Калила Гибрана. Он был хорошо знаком с этой книгой. Нуньо часто цитировал этот текст, и подарил Сэму такой же экземпляр в день его конфирмации. Но в личном экземпляре Нуньо было нечто глубоко трогательное: он записывал на полях свои размышления и идеи. Кроме того, там оказалось письмо, заставившее Сэма воспрянуть духом.

Именно тогда Сэм подумал о Федерике.

Письмо было адресовано жене Нуньо Виолетте, бабушке Сэма, и датировано 8 мая 1935 года. Оно было послано из Рима и свидетельствовало о его глубокой любви к ней и желании сделать ее своей женой. Было очевидно, что ее родители были против этого брака, поскольку она находилась в состоянии безысходного отчаяния. Будучи далеко, Нуньо не видел иного способа поддержать ее, кроме как послать ей свою книгу со словами ободрения, размещенными на полях, вместе со стихами, которые, как он полагал, придадут ей сил. Сэм был настолько взволнован, что перечитал его еще раз. Затем он прочел стихи и комментарии Нуньо. Все это сработало, и в конечном итоге они поженились и прожили вместе много счастливых лет.

Сэм снова вспомнил о Федерике. Если это помогло Виолетте, то почему не поможет его любимой? Сев за пишущую машинку, он напечатал несколько строк, решив послать их анонимно, поскольку чувствовал, что это даст больше шансов, что она их прочитает и использует для своего блага, если не будет знать, что это от него. В конце концов, он дважды пытался достучаться до нее и оба раза потерпел неудачу. Чтобы доставить свое послание, он отправился в Лондон на поезде.

Сэм стоял в ожидании неподалеку от дома под черным зонтиком, чтобы она его не

узнала. После часового топтания по тротуару он вдруг осознал, что она уже дома. Уставившись на окна, он успел заметить, как она ходит по комнатам в халате с пакетом хрустящего картофеля в руках. День был в самом разгаре, и очевидно было, что она дома одна. Он подавил желание нажать звонок и бросил письмо в ящик на двери, а затем вернулся в Польперро, успев на дневной поезд.

Всю долгую обратную дорогу до Польперро он провел, погруженный в мысли о ней. Образ Федерики, потерянно блуждающей по комнатам своего большого элегантного дома в халате и непрерывно что-то жующей, чтобы заглушить свое несчастье, вызывали у него одновременно гнев и ощущение вины. Он хотел бы подстеречь Торквилла и разом покончить с ним, но понимал, что единственным способом освободить ее была возможность научить, как сделать это самостоятельно. Он надеялся, что письмо воодушевит ее, как когда-то воодушевило Виолетту. Он мечтал, что когда-нибудь сможет сказать ей о своей любви, но эти мечты казались всего лишь мимолетными облаками на горизонте.

— Ты знаешь, что твоя жена посещает тренажерный зал? Она уже потеряла в весе. Прошлым вечером в Блайтс она ела только салат. Это совсем на нее не похоже, — с насмешкой сообщила Лючия. — *Поверина*. Я ненавижу упражнения и диету. Секс — вот единственный приятный способ держать себя в форме.

— Она не ходит в зал, — высокомерно поправил Торквилл. — У нее есть личный тренер. Я сам его нашел. Полагаю, это полезно для здоровья, ей действительно следует немного сбросить вес.

— Ах, дорогой, — вздохнула она. — Ты же знаешь, что все это делается для тебя.

— Знаю. Последнее время она какая-то странная. Мне тяжело с ней общаться, а ее молчание сводит меня с ума. Не понимаю, что с ней могло произойти. Возможно, уменьшение веса вернет улыбку на ее лицо. — Он покачал головой, стряхивая с себя домашние проблемы, и ухмыльнулся своей любовнице. — Как насчет того, чтобы одеться в маленький черный комплект, который я купил тебе, а?

— Хорошо, но ты должен действовать быстро, у меня назначена встреча с Феде за ланчем в «Мирабель».

— Тогда иди сюда, — произнес он, прижимаясь к ней и проводя руками вдоль спины и ниже.

— Ты еще занимаешься с Феде любовью? — спросила она, когда его пальцы достигли ее ажурных чулок.

— Конечно.

— И пока никаких результатов?

— Никаких.

— Уверяю тебя, что я могу забеременеть.

— Я уверен, что это так, мой ангел, — заверил он, шлепая ее по обнаженным ягодицам. — Полагаю, что ты готова принять меня?

— Я никогда не надеваю трусики, когда ты приходишь, — сообщила она хриплым голосом.

В то время как Торквилл пытался утопить свои заботы в роскошной плоти Лючии, он не мог заставить себя прекратить думать о своей жене. Он чувствовал ее отчужденность, и это тревожило его.

Элен легко могла бы распознать, что ее дочь несчастлива, потому что и сама она тоже страдала и знала о неудовлетворенности в браке больше, чем кто бы то ни было. Но она никогда не обладала способностью видеть дальше собственного носа и собственных нужд. Исключение составлял Хэл, поскольку, в отличие от Федерики, она в нем нуждалась. Он всегда был в ее глазах частью Рамона, которую она могла удерживать возле себя. И чем больше она пыталась доказать себе обратное, тем больше убеждалась, что никогда не сможет разлюбить Рамона.

Артур был человеком добрым и сострадательным, преданным и щедрым — то есть обладал всеми качествами, которые женщина желает видеть в муже, но, тем не менее, ее продолжала жечь тоска по фантастической магии любви тех первых лет, прожитых с Рамоном. Мысли об этом преследовали ее по ночам в форме чувственных сновидений, напоминавших ей о быстро пролетевших годах райской жизни, а днем — в виде постоянного и мучительного сожаления о случившемся.

В начале их совместной жизни она с благодарностью принимала заботу Артура и полагала, что наконец обрела все, о чем мечтала. Но прошло время, и ее мысли снова улетели за океан к другой жизни, где, как она верила, ей удалось познать истинное счастье. Она ничего не могла поделать, но жаждала чего-то еще, чего-то большего, чего-то лучшего, постоянно проявляя недовольство. Но терпение Артура было безграничным. Он чувствовал, что понимает жену. Ею пренебрегли и ее обидели. Она нуждалась во внимании и понимании, а вовсе не в упреках. Он был уверен, что со временем она смягчится и обретет свой кусочек счастья. Он надеялся, что его любви для этого будет вполне достаточно.

Чем более неуправляемым становился Хэл, тем крепче Элен держалась за него. Федерика всегда была самодостаточной — как и ее отец, она чувствовала себя вполне комфортно, будучи наедине с собой. Но Хэл постоянно нуждался в матери и ее безраздельном внимании. Если что-то отвлекало ее от него, он всегда находил способы снова обратить ее внимание на себя. Однако Элен приводили в отчаяние его внезапные перемены настроения, когда в него будто вселялся другой человек — существо, запрограммированное на самоуничтожение.

Хэл оказался гораздо более сложной личностью, чем предполагала его мать. Если его характер можно было бы сравнить с рекой, то изначально чистая, она постепенно наполнилась толстым слоем ила, накопившегося за долгие годы эмоциональных детских стрессов. Достаточно было малейшего раздражителя, чтобы все эти наносы поднимались со дна и замутили поток его сознания. Именно брак матери с Артуром и последующие события вызвали у него эмоциональное потрясение. Но семена происшедших в нем изменений были посеяны много лет назад, в то последнее лето в Качагуа, когда он был еще совсем маленьким ребенком.

В возрасте четырех лет Хэл очень болезненно воспринимал очевидную привязанность отца к Федерике. Он не был в состоянии выразить свою ревность ни в чем другом, кроме слез и вспышек раздражения, а Элен эгоистично верила, что он чувствует разлад между родителями и таким образом пытается защитить ее от Рамона. В действительности Хэл тоже хотел попасть в медвежьи объятия отца и быть любимым им так же, как и Федерика.

Каждый раз, когда Рамон уходил из дома вместе с его сестрой, он ощущал свою отверженность и, хотя и обожал свой игрушечный поезд, подаренный отцом, остро завидовал тому вниманию, которым была окружена волшебная шкатулка, подаренная Федерике. Когда Рамон остался в летнем доме вместо того, чтобы поехать с ними вместе в Запаллар, Хэл воспринял это своим еще ограниченным детским сознанием как отторжение. Рамон едва замечал его, но каждая такая мелочь давала свой осадок в его характере, приближая день, когда накопившаяся муть должна была выплеснуться в форме отчаяния и бунта. Он прицепился к матери как вьюнок, понемногу удушая ее своими нуждами, пока она не была вынуждена постоянно думать только о нем. Тогда, еще в Чили, Элен не решилась сказать ему, что они уезжают навсегда, и пообещала купить Федерике собаку. Хэл, не выносивший невнимания матери, посчитал это почти предательством. Отчаянно боясь потерять ее, он впился в Элен изо всех сил, стараясь даже спать возле нее, занимая место, оставленное Рамоном, и заполняя собой стремление Элен быть любимой.

Хэл рос, и вместе с ним росло его самосознание. Он чувствовал собственную вину в том, что так сильно любил мать, и страдал от ужасных перемен настроения, обожая ее в один момент и испытывая к ней омерзение — в другой. Хэл хотел бы ненавидеть Артура, поскольку мать любила мужа, но Артур нравился ему вопреки собственному желанию. Это частично было обусловлено определенными чертами характера, присущими Артуру, но в не меньшей степени и тем обстоятельством, что сестра его ненавидела, и Хэл видел, как ее бунтарство раздражает мать. Он всегда был готов угодить Элен, но ревность тихо кипела в нем, подобно черной смоле, и унималась только тогда, когда он видел, что она не любит Артура так, как любит его. Артур уделял ему внимание, которого не удосуживал его отец. Хэл обнаружил в себе потребность отвечать на его доброту, которая с годами росла, так что со временем он стал обнимать отчима с такой же привязанностью, как и мать. Артур уделял ему свое время, выслушивал его, покупал ему подарки, брал его одного с собой на прогулки — то есть делал все те вещи, которые делал Рамон для Федерики, но только для него одного, учитывая презрительное отношение к нему его сестры. Артур принадлежал только Хэлу и его матери. Наступила очередь Федерики оказаться вытолкнутой на холод одиночества до тех пор, пока Элен не позволила ей жить с Тоби и Джулианом.

С этого самого момента Хэл ощутил болезненное отстранение от сестры, которую уважал и любил. Снова желание Федерики было удовлетворено. Он страдал молча, не в силах выразить свою обиду и дискомфорт. И тогда он открыл для себя утешение в мире спиртного и сигарет.

Когда ему исполнился двадцать один год, Хэл учился на последнем курсе школы искусств в Эксетере. Но ему удалось попасть в компанию студентов университета, и в течение всего курса обучения никто не догадывался, что он не учится в высшем учебном заведении.

Он вместе с пятью друзьями снимал дом, расположенный посреди грязного поля, без отопления и электричества, которое можно было активировать, только бросив монету в щель счетчика. По кухне шныряли мыши, а вдоль наружной стены выстроились мешки с мусором, которые никто не удосуживался вывозить. В доме было достаточно холодно летом и невыносимо холодно зимой, но они грелись у костров и спали в верхней одежде. Хэл нигде не работал. Он согласился продолжить образование только потому, что не мог понять, чего же хочет в этой жизни. Пока он учился, это не составляло проблему и дало ему дополнительных три года свободной и почти праздной жизни.

Он стал курить, потому что курили все остальные, и, кроме того, данный процесс обеспечивал ему иллюзию тепла. Он стал пить, потому что это позволяло ему забыть о собственной никчемности и о матери, звонившей каждый день, чтобы удостовериться, что с ним все в порядке, и выложить свои проблемы, которые нельзя было обсудить с мужем. Алкоголь придавал ему уверенности. Пока спиртное действовало, он превращался в харизматическую, загадочную и уверенную в себе личность, такую, как Рамон Кампione. В эти быстротечные часы он даже выглядел почти в точности как отец.

Часы упаднического настроения были невыносимыми. Его тревоги проникали сквозь тающую броню спиртного и впивались в его самосознание с еще большим ожесточением, чем раньше. Когда деньги кончались, Элен передавала ему то, что ей давал Артур. Когда же и этого оказалось недостаточно, он соблазнил Клер Шоутон, похожую на мышку девицу с невыразительным бледным лицом и длинными худыми ногами, поскольку ее отец был владельцем «Шоутон Стил» и его банковский счет был неиссякаем. Увлечшись непостижимым Хэлом, Клер неустанно обеспечивала его деньгами на выпивку и сигареты, на азартные игры и прочую блажь.

— Я вовсе не алкоголик, — пояснял ей Хэл, когда она пыталась выразить свой протест. — Просто это позволяет мне расслабиться. Я все тебе верну, обещаю. У меня небольшие проблемы с моими счетами, но это временно.

Но никаких счетов и других источников средств у него, разумеется, не было, за исключением разве что слепой щедрости Элен.

Использование Клер Шоутон в основном сводилось к ее банковскому салдо; в физическом аспекте она не могла удовлетворить Хэла. Он отправлялся в сексуальные приключения с теми же деструктивными настроениями, которые касались и всего прочего в его жизни. Он переспал с дюжинами девушек, суля им свою преданность, а затем бросал их, как только они проявляли желание пообщаться вне спальни.

Клер знала о его похождениях, но вместо того чтобы захлопнуть свою чековую книжку и гордо удалиться, она снова давала ему деньги, получая взамен поцелуи и заверения, полные раскаяния и благодарности.

Когда Хэл вернулся в Корнуолл на каникулы, Артур мгновенно обратил внимание на его исхудавшее, бледное лицо и неспособность долго усидеть на месте и сосредоточиться. Он проспал почти весь день, а потом до утра смотрел видеофильмы. Когда Артур поделился своими опасениями с Элен, та объяснила их переутомлением вследствие усиленных занятий и потребностью расслабиться во время отдыха.

— Не докучай ему, Артур, он очень болезненно это воспринимает, — собственнически заявила она. — Он просто ощущает некоторую неуверенность в себе. Предоставь мне самой с ним разобраться.

В который раз Артуру оставалось только закатить глаза и отступить. В последние несколько месяцев Элен вела себя холодно и отстраненно. Ее настроение резко менялось в диапазоне от обожания до полного равнодушия, но он уже привык к этому. Привык он и к постоянным нездоровым шуткам, которые, казалось, стали неотъемлемой чертой ее характера. Подобно угасающей свече, ее тяга к нему явно ослабевала с каждым днем. Если он ничего не предпримет, это пламя потухнет навсегда. Но он не знал, что именно нужно делать. В отчаянии он стал выдвигать предположения, не появился ли у нее кто-то другой.

У Элен был кто-то другой, и этим другим был... Рамон. Точнее тот, кого судьба послала ей в образе Рамона, наделив теми же внешними данными и даже похожим голосом. Испанец Диего Миранда появился в ее жизни при обстоятельствах, вызвавших у нее ощущение *дежа вю*. Когда она закрывала ночью глаза и ее разум отдалялся от дневных забот, и когда она лежала в грубых объятиях Диего Миранды, она видела перед собой лицо Рамона Кампione — единственного мужчины, которого, как она верила, она любила в своей жизни. Она пролила уже столько горьких слез сожаления, что их хватило бы, чтобы потопить один из кораблей, на которых плавал Диего. Оглядываясь назад на свою жизнь, она признавала совершенную непоправимую ошибку. Мариана была права, говоря о том, что нельзя узнать истинной ценности того, что имеешь, пока его не потеряешь.

Она знала, где находится Рамон, но не слышала о нем ничего уже долгие годы. Она даже не удосужилась разыскать его, чтобы сообщить о свадьбе их дочери. Теперь она сожалела о том, что не сделала этого тогда. Ведь как раз в тот момент был прекрасный повод для звонка, а сейчас в этом не было уже никакого смысла.

Элен не предпринимала никаких попыток обзавестись любовником. Она даже не думала об этом. Ее сердце витало где-то в прошлом, почти не беспокоясь о том, что происходит вокруг. В одно холодное летнее воскресенье она находилась в пабе в Польперро вместе с Артуром, когда ее случайно толкнул незнакомый молодой человек с длинными черными волосами и глубокими черными глазами, опрокинувший ее стакан с красным вином на ее же белый кашемировый свитер. Она мгновенно вышла из себя, размахивая руками и разразившись громкими проклятиями, но не из-за него, а из-за сиюминутного осознания ничтожности своей жизни.

— Я очень сожалею, — оправдывался юноша, в отчаянии повернувшись к бармену. Тот вручил ему полотенце для посуды, которое он стал в смущении прикладывать к ее груди. — Я не знаю, как мне вымолить ваше прощение, — произнес он, в то время как Элен в ужасе уставилась на него.

— Ваш акцент, — бормотала она. — Откуда вы приехали?

— Из Испании. — Она явственно почувствовала, как захватывает дух и словно на качелях кружится голова вместе со странным ощущением *дежа вю*. Его голос звучал в точности как голос Рамона. Посмотрев в его глаза, она тут же уверилась, что они похожи на глаза Рамона. Дошло до того, что мучившие ее страдания заставили ее поверить, что это тень Рамона, магически отделившаяся от него.

— Диего Миранда, — представился он, протягивая руку.

— Элен Куки, — ответила она. — Раньше я жила в Чили, — добавила она, позабыв о мокром пятне на своем свитере.

— Неужели? — вежливо удивился он. — Тогда вы должны говорить на испанском.

— Да, конечно, — радостно подтвердила она охрипшим от охватившего ее возбуждения голосом. — Но у меня не было практики уже много лет.

— Вы никогда не сможете забыть такой язык, как испанский.

— Да, думаю, вы правы, — согласилась она, наслаждаясь музыкой его голоса, которая, казалось, звала ее с туманных берегов далекого прошлого. — Чем вы занимаетесь?

— Морские перевозки.

— А, армада. — Она засмеялась.

— Нечто в этом роде, — снисходительно ответил он. — Позвольте дать вам мой адрес, чтобы вы могли прислать мне счет.

— Счет?

— Счет за сухую чистку, — пояснил он удивленно, слегка нахмурившись.

— Ах да, счет. — Она рассмеялась, глядя, как он заулыбался, и снова ощущая, как захватывает дух. — Вы живете в Польшперро?

— Нет, здесь я проездом.

— О, — вздохнула она, пытаясь скрыть свое разочарование. — Где вы остановились?

— У друзей.

— Осматриваете достопримечательности?

— Да.

— Как странно, — вспомнила она, качая головой. — Именно так я и встретила с Рамоном.

— Кто такой Рамон?

— Это было в другой жизни, — сказала она, отбрасывая воспоминания и одновременно улыбаясь им. — Я водила его по старым пещерам и тайникам контрабандистов. Эти места вы не найдете в путеводителях.

В больших глазах Диего загорелся интерес.

— Правда? — спросил он и улыбнулся. — Боюсь, что мне придется пользоваться картой.

— Вы хотите сказать, что ваши друзья ничего вам не показывают?

— У них просто нет времени, они работают, — сообщил он.

— Если вам нужен гид, я могу показать вам места, о которых знают очень немногие.

Видите ли, я выросла в этих краях, — пояснила она.

— Это для меня большая честь, — мгновенно согласился он, целуя ей руку.

Она подарила ему кокетливую многообещающую улыбку и тут же была отвлечена настойчивыми жестами Артура, находившегося в другом конце паба.

— О Боже, — раздраженно вздохнула она. — Я совершенно забыла о нем. Не беспокойтесь, — отреагировала она на вопросительный взмах его бровей и покачала головой. — Ждите меня здесь завтра в одиннадцать часов. — Он понимающе кивнул и улыбнулся, не веря в свою удачу, поскольку успел заметить ее обручальное кольцо и заботливость мужа. Но он был испанцем, и этим было все сказано...

Диего удивил энтузиазм, с которым Элен окунулась в любовное приключение, и он решил, что их у нее было уже достаточно много. Она возила его по побережью и разрешала ему заниматься с ней любовью на скале с видом на море или прямо в автомобиле. Позже она пригласила его к себе домой, где отправилась с ним в постель, наслаждаясь его грубыми объятиями, нежными поцелуями и чувственными ласками. Закрыв глаза, она требовала, чтобы он обращался к ней только на испанском, и мысленно пересекла пространство и время, возвращаясь к тем временам, когда Рамон еще не уезжал от нее, а она еще не оттолкнула его от себя.

Когда Артур впервые с трудом повернул кран в душе, он удивился, — Элен всегда оставляла его не закрытым до конца. В следующий раз он был озадачен, а на третий раз интуиция подсказала ему, что душем пользовался другой мужчина. Он оперся о стену, ощутив, как сердце уходит в пятки. В последние несколько дней Элен выглядела более дружелюбной, счастливой и не пыталась его оскорблять или игнорировать. Она обнимала его слишком уж тепло и с очевидным теперь чувством вины. Стоя под горячим душем, он

предоставил горячей воде возможность смыть нараставший в нем крик протеста, мешавший рассуждать рационально.

Он полагал, что ее отчужденность кроется в озабоченности непутевым сыном. Беспокойство о Хэле превратилось для нее в повседневное занятие. Он не считал это признаком охлаждения к нему самому, поскольку боготворил ее. Секс никогда не составлял у них проблемы; они любили друг друга в постели, предаваясь утехам даже в тяжелые времена. Осознание того факта, что она отдалась другому мужчине, вызвало у него приступ тошноты и головокружения. Его ранило ее вульгарное предательство после всего того, что он для нее сделал.

Он мог только гадать, кто бы это мог быть. Но Артур вовсе не был глупцом. Ему казалось, что он это знает. От его внимания не ускользнул ее разговор с темноволосым иностранцем в пабе. Она вернулась к столику с раскрасневшимся и несколько безумным лицом. И весь вечер продолжала смотреть на него, следить за ним, скромно опуская глаза, когда встречалась с ним взглядом. Артуру все это не понравилось, но в тот момент он, как обычно, нашел ей оправдание. В легком флирте ведь нет ничего плохого, если он позволяет ей ощущать себя более счастливой и привлекательной.

Потом она ушла с Артуром в веселом настроении и без умолку болтала в машине всю дорогу домой. Обычно же она уныло смотрела в окно, односложно отвечая на его попытки начать беседу. Но тогда он ничего не заподозрил, поскольку даже не мог себе представить, что она способна на такое падение.

После отчаяния пришло озлобление. Он стучал кулаком по мокрой плитке стен ванной комнаты, а его легкие наполняла ярость, исторгая из них мучительные хрипы. Он вспоминал их первый поцелуй, первые прикосновения, день их свадьбы и то, как хорошо они вначале жили вместе, но не ощущал ничего, кроме ненависти и отвращения. Потом он в точности припомнил все те оскорбительные выпады, которые она позволяла себе в его отношении, ее пренебрежительное к нему отношение и прикусил губу, презирая себя самого. Он мужественно выдерживал все это ради любви к ней, но испытанное сейчас унижение переполнило чашу его терпения.

— Я никогда не забуду прекрасный облик Польперро, — сказал Диего, проводя пальцами по лицу Элен, потом по ее губам, полным удовлетворения, затем по подбородку, притягивая ее лицо к себе и целуя.

Элен застонала от удовольствия.

— Когда ты уезжаешь? — спросила она, стараясь говорить беспечно, но выдавая нотку отчаяния, прозвучавшую в ее голосе.

— Завтра.

— Завтра? — повторила она, чувствуя, как ее бросает в жар. — Неужели так скоро?

— Знаешь, в чем твоя проблема? — спросил он, качая головой.

— Что? — обиженно отодвинулась она.

— Ты слишком прилипчива.

— Прилипчива? — удивилась она. — Я вовсе не прилипчива.

— К сожалению, это так, *ми амор*. Ты прилипаешь, и это душит. Своим поведением ты напоминаешь осьминога. Попадая в твои руки, мужчина чувствует, что у него нет спасения.

— Как это мило с твоей стороны, — возмутилась она, выбираясь из гостиничной кровати.

— Элен, *ми амор*, я вовсе тебя не критикую, — настаивал он, изумленно наблюдая за внезапной переменой ее настроения. — Ты прекрасная женщина. И с тобой хорошо. Я уверен, что ты разбиваешь сердца по всему Корнуоллу.

— Но не твое.

— Элен, — снисходительно произнес он. — Иди ко мне. — Она сердито вернулась и присела на край постели, позволив ему гладить ее волосы. — Ты напоминаешь мне падшего ангела. Я понадобился тебе потому, что ты одинока. Ты — неудовлетворенная жизнью женщина, это способен увидеть любой мужчина. Но не беспокойся, будут и другие.

— Что значит другие? — возмущенно воскликнула она.

— Другие мужчины. Разумеется, *ми амор*, я ведь не первый мужчина, с которым ты изменяешь мужу?

— Что? Конечно же, ты — первый. Кто я такая, по-твоему? Шлюха?

— Пожалуйста, не приписывай мне то, чего я не говорил, — быстро произнес он, пытаясь исправить свою ошибку.

— Я хочу, чтобы ты ушел, — произнесла она ледяным тоном, внезапно испытывая сожаление о том, что он вообще появился в ее жизни. Услышав в его словах отдаленное эхо безразличия, присущего Рамону и будто прозвучавшего сквозь годы, она удивилась, почему раньше вспоминала об одной лишь магии их былых любовных чувств.

— Элен.

— Уходи! Прямо сейчас! — продолжала она, вставая и швыряя ему его одежду. — Я захотела тебя потому, что ты напомнил мне другого. Но я оказалась дурой! Ты — такая же иллюзия, как и он. Я окунулась в сон, но теперь я проснулась. — Диего уставился на нее, пытаясь понять, что она такое говорит. — Проваливай!

— Хватит, Элен. Не надо передергивать, — уговаривал он, медленно вставая. — Давай, по крайней мере, расстанемся как друзья.

— Начнем с того, что мы никогда не были друзьями, — возразила она. — Мы были любовниками, но это уже в прошлом, а теперь мы друг другу уже никто.

— И что же случилось с твоей «иллюзией»?

— Он никогда не существовал в действительности, — буркнула она. — Так же, как и ты.

— У тебя приступ отчаяния, Элен. Ты гонишь от себя мужчину, которому ты очень нравишься.

— Уходи!

— Это правда. Но в любом случае у нас была красивая любовь, — усмехнулся он, надевая туфли. — Ты желанная женщина, Элен Куки.

— Я больше никогда не хочу тебя видеть! — крикнула она ему вслед. Дверь захлопнулась, и он ушел. — Боже, о чем я только думала? — воскликнула она, падая в кресло. Все, что ей осталось, — это смятая постель и мучительное чувство отвращения к самой себе. Она обхватила голову руками и содрогнулась в приступе бешенства. Как смел он подумать, что она готова изменить мужу с первым встречным? Как могла она сама оказаться такой беспутной? Она подумала об Артуре и ощутила, как на нее накатывает волна стыда. В кого она превратилась? Вина Артура только в том, что он обожает ее. Какой был смысл в том, чтобы цепляться за призрак Рамона, когда Артур был настоящим, а его любовь — абсолютной? Получалось, что она совершила ужасную ошибку.

Когда она вернулась домой, уже сгустились сумерки. Солнце позднего лета утонуло за

городом, освобождая место яркой полной луне. Она ощущала усталость и опустошенность. К своему удивлению, она обнаружила, что в спальне горит свет, что указывало на присутствие в доме Артура. Ее настроение стало улучшаться, сначала медленно, но потом со все увеличивающейся скоростью, пока ей не захотелось побежать к нему, как ребенку, и извиниться за все свои провинности. Мысль о привычном запахе Артура, его теплых объятиях и подбадривающей улыбке вызвала у нее угрызения совести. Ей захотелось свернуться калачиком у него под боком, как они делали, когда только поженились, и насладиться ощущением защищенности, интимности и дружбы. Ей хотелось позабыть о Диего Миранде навсегда, как о страшном сне. Она много дала бы за то, чтобы эта встреча в пабе вообще не произошла. Как близко подошла она к тому, чтобы потерять все ради безрассудного увлечения. Ну почему она постоянно гоняется за миражами?

Она вставила ключ в замок и попыталась повернуть его. Когда это оказалось невозможным, она нажала кнопку звонка. Артур не появился, и она стала кричать в окно. Свет в спальне, к ее ужасу, погас, оставив Элен в одиночестве на пустынной улице, охваченную страхом при внезапном осознании, что он все знает. Каким-то образом он узнал или же ему просто все надоело.

— Артур! — в панике кричала она. — Артур! — Но дом оставался молчаливым и неприступным. — Артур,пусти меня! — Она продолжала кричать, пока не охрипла. Потом она опустилась на землю и зарыдала. Терпение Артура все же лопнуло.

Он наблюдал за ней сквозь щелку в шторах до тех пор, пока его жена наконец не вернулась в свою машину и скрылась в ночи. Горло было напряжено от сдерживаемых эмоций, а сердце лихорадочно стучало в груди, поскольку он знал, что рискует потерять единственную женщину, которую когда-либо любил. Но он также понимал и то, что она сама довела ситуацию до крайности и зашла слишком далеко. Наступила пора для того, чтобы вернуть себе ее уважение. Ее необходимо было оставить одну, чтобы она осознала истинную цену своей жизни с ним как чего-то очень важного, священного, лелеемого, что нельзя просто так отшвырнуть как ненужную безделицу ради своей прихоти.

Он лег на кровать, закрыл лицо руками и впервые за много лет зарыдал.

Хэл совсем отдалился от Федерики. Теперь она была замужем, и ее жизнь протекала в иной, параллельной плоскости. Тем более он был удивлен ее звонком вскоре после похорон Нуньо и приглашением на ланч в Лондоне во время летних каникул.

— Мне необходимо увидеться с тобой, Хэл, — сказала она, и голос ее прозвучал как-то странно. Хэл был рад сбежать из дома матери. Она уже успела утомить его своими бесконечными расспросами и молчаливым требованием ее присутствия в его жизни. Элен интересовали малейшие подробности о жизни в Эксетере, о его друзьях, о том, есть ли у него девушка и чем он занимается по вечерам. Ее пристальное внимание одновременно доставляло ему удовольствие и вызывало раздражение, поскольку носило удушающий характер.

Артур смотрел, как он бродит по дому подобно зомби, и пришел к выводу, что наконец-то парень стал взрослым и самостоятельным. Но ему крайне не нравились бледность и тревожное состояние Хэла.

Хэл встретился с Федерикой в «Ле Каприз». Он сразу заметил, что за прошедшие пару месяцев она значительно похудела. Она тоже заметила его бледность и изможденный вид.

— Ты выглядишь ужасно, Хэл. Что такое с тобой происходит? — спросила она,

заказывая бутылку негазированной воды.

— Мне «Кровавую Мэри», — сказал Хэл. — Я в порядке, а ты хорошо выглядишь.

— Спасибо, — ответила она. — Я решила собой серьезно заняться, — с гордостью добавила она. Ей удалось сбросить почти четырнадцать фунтов.

— Молодец. Ты оплатишь счет, хорошо?

— Хорошо.

— Ладно, давай сделаем заказ. Я проголодался, — предложил он, открывая меню.

— Как мама?

— Думаю, с ней все нормально. Донимает как обычно, — пробурчал он.

— Тоби и Джулиан?

— Почему бы тебе самой у них не поинтересоваться? Ты никогда не удосуживаешься их навестить.

— У меня так мало времени.

— Ну конечно.

— Правда.

— Я буду стейк с жареной картошкой, — заявил он, захлопывая меню.

— Ты не выглядишь как человек, который питается бифштексами с картошкой. Ты скорее напоминаешь человека, у которого проблемы с пищеварением.

— Ради бога, хватит. Ты говоришь в точности как мама, — взмолился он. — Так для чего ты затеяла этот ланч? Не поверю, чтобы просто пообщаться.

— Именно пообщаться. Я тебя годами не вижу.

— Я в этом не виноват.

— Разумеется, нет. Но мне нужна твоя помощь.

— Что такое? — он выкатил глаза.

У нее было намерение рассказать ему о записке отца, но он казался таким равнодушным и даже враждебно настроенным, что она в последний момент передумала.

— Я хочу, чтобы ты взял у мамы телефон Абуэлиты, — сказала она.

— Почему бы тебе не взять его самой?

— Потому что я не хочу, чтобы она узнала, — пояснила она. — Все, что тебе потребуется, — это заглянуть в ее записную книжку, он точно там записан.

— Почему ты не хочешь, чтобы она знала? Абуэлита — наша бабушка.

— И мама отца, — добавила она. — Хэл, не будь таким наивным. Мама не общается с ней уже много лет. Ты же знаешь, как она ненавидит папу. Она была в ярости, когда он нам писал.

— Тебе писал, — едко уточнил он. — Мне он никогда не писал.

— Не важно. Но лучше оставить все в тайне, поверь мне.

— Это будет тебе дорого стоить.

— Что?

— Да, тебе придется раскошелиться, — решительно заявил он.

— Ты что, серьезно?

— Само собой, серьезно, — бесстрастно подтвердил он. — Иначе зачем мне себя утруждать?

— Ладно, говори сколько, — прервала она его.

— Сто фунтов.

— Сто фунтов? — задыхнулась она от такой наглости. — Ты, верно, шутишь!

— Мне нужно заплатить за билеты на поезд. Кроме того, это работа. Это самое малое, что ты можешь для меня сделать. В любом случае это деньги Торквилла, а он им уже счет потерял.

Федерика смотрела на брата и едва узнавала Хэла, рядом с которым выросла. Она нахмурилась.

— Ты сегодня очень странный. Что с тобой случилось? — спросила она, пытаясь найти в его лице знакомые черты.

— Деньги — или никакого телефонного номера.

— Адрес и телефон, Качагуа и Сантьяго, — твердо произнесла она.

— Ладно, заметано.

— Хорошо, — отозвалась она, укоризненно покачивая головой и наблюдая, как он воткнул нож в свой стейк.

— Мне деньги нужны сейчас, — сообщил Хэл, вставая.

— Ты куда?

— В туалет, я на минутку. — Она проследила, как он вяло бредет через ресторан, и подумала, знает ли отец что-либо и о нем, но тут же вспомнила, что Хэлу Рамон никогда не писал.

Элен было слишком стыдно говорить родителям об истинной причине того, почему Артур не пустил ее в дом. Она вернулась в свою прежнюю комнату и стала мерять ее шагами в бессильном озлоблении.

— Бедняжка Элен, — плакалась Полли мужу. — Она в ярости на Артура.

— Вовсе нет, — возразил Джейк. — Она в ярости на себя. Снова оказалась ни с чем.

Элен не давала никому и слова сказать против Артура. Когда она позвонила Федерике, чтобы сообщить ей свои печальные новости, то бросила трубку, как только дочь стала обвинять отчима.

— О Федерика, — вздохнула она в раздражении. — Ничего ты об этом не знаешь.

На следующее утро она снова отправилась стучаться в дверь и даже последовала за ним на работу.

— Артур, я все объясню, — умоляла она, но он ничего не желал слушать.

— Ты зашла слишком далеко, Элен, — ответил он. — Ты довела меня до крайности. Я не хочу твоего возвращения до тех пор, пока ты сама не захочешь измениться, а такое решение за один день не принимается. Иди и подумай над этим.

Шокированная его словами, она отправилась домой, чтобы выплакаться на плече матери, причитая, что он ее разлюбил.

Только Тоби узнал правду.

— У меня был любовный роман, — призналась она, когда они сидели на продуваемом ветром берегу, разговаривая под шум прибоя и крики чаек.

— Элен, Элен, — вздохнул Тоби. — Ради бога, и с кем же?

— С испанцем.

— С испанцем? — воскликнул он, укоризненно качая головой и удивляясь глупости поступка сестры.

— Проклятый испанец, — сказала она, сложив руки на груди и засопев от жалости к себе.

— Но почему?

— Потому что он напомнил мне Рамона.

Тоби задумчиво чертил палкой абстрактные фигуры на песке.

— Тебя одолевает призрак, Элен, — мрачно заявил он.

— Знаю, — ответила сестра и озлобленно добавила: — *Сейчас* я уже это знаю.

— Ты всегда хочешь того, чего не можешь иметь.

— Я не желаю выслушивать от тебя нравоучения, — оборонялась она. — Да, я была идиоткой, но сама первая это признала.

— Ты когда-нибудь любила Артура? — спросил он. Она посмотрела вдаль, где над волнами быстро двигались серые тучи. — Так что, любила? — повторил он свой вопрос.

— Конечно, любила. Но только раньше я об этом не знала. — Тоби нахмурился. — Это совсем не то, что всепоглощающая любовь к Рамону, такая, словно гром среди ясного неба, — пояснила она. — Это нечто более тихое. Моя любовь к Артуру более нежная, и сейчас я слышала ее.

— Гром всегда через некоторое время стихает. Тебе очень повезет, если ты останешься с чем-то более долговечным, — усмехнулся Тоби, подумав о Джулиане. — Артур — хороший человек.

— Сейчас я это осознала. Не могу поверить, что понадобилась бессмысленная пустая интрижка, чтобы проснуться и понять, как много он для меня значит. Я так плохо к нему относилась. И он все это терпел. Какой другой мужчина мог бы быть настолько снисходительным? Я его недостойна. — Потом она взглянула на брата большими печальными глазами. — Я его потеряла, да?

Тоби обнял ее за плечи и поцеловал в щеку, пахнувшую солью.

— Не думаю, дорогая. Но похоже, что твои ошибки ничему тебя не учат.

Сэм слушал, как дождь монотонно барабанит в оконное стекло кабинета Нуньо. Пламя потрескивало в камине, где его дед любил ворошить поленья стальной кочергой, когда ему нужно было собраться с мыслями, а Троцкий развалился на ковре, тяжело пыхтя во сне. Сэм чувствовал холод, пробиравший до костей, и никак не мог согреться. Он сосредоточил взгляд на кожаном диване, где однажды сидела Федерика, и вспомнил ее глаза, наполненные непробиваемой покорностью судьбе, и ее бедное тело, страдавшее под натиском чересчур обильной еды. Он потерял не только Нуньо, своего любимого деда и друга, но и Федерику, он отдал ее другому, причем совершенно неприемлемому мужчине. Сэм понимал, что винить во всем этом может только себя, поскольку когда он мог получить эту девушку, до безумия влюбленную в него, то не сделал этого.

Он встал и прошелся по комнате, чтобы согреться. Ему даже пришлось натянуть свитер на заледеневшие пальцы и ссутулиться. С тех пор как он вернулся домой, чтобы начать писать, из-под его пера не вышло ни строчки. Его тешила идея приобретения коттеджа, как это сделали Тоби с Джулианом, потому как молодой человек в возрасте тридцати одного года не должен жить с родителями, но у него не хватало энергии или стимула, чтобы заняться поисками подходящего дома. Пока он базировался в Пиквистл Мэнор, ему не было необходимости выходить куда-либо в поисках компании, готовить для себя, платить за проживание или за ипотечную ссуду. Отец был благодарен за то, что нашел в нем достойного собеседника, и развивал ему свои теории, сидя перед камином в гостиной, где когда-то еще ребенком бегала Федерика вместе с Молли и Эстер.

Ингрид проплывала по комнатам как ярко разукрашенный парусник в своих развевающихся одеждах, оставляя за собой шлейф сигаретного дыма и едва замечая присутствие Сэма. Она продолжала руководить приютом для животных, который был настолько переполнен, что, когда Сэм возвратился домой из Лондона и открыл свой ящик для свитеров, то обнаружил в нем впавшую в зимнюю спячку белку, свернувшуюся клубочком на его любимом кашемировом джемпере. Когда он с упреком рассказал об этом матери, та радостно улыбнулась и ответила:

— Так вот где спрятался Амос! Дорогой, представь себе, я разыскивала его всю зиму. Ты ведь не будешь беспокоить его до весны, да?

Сэму не оставалось ничего другого, кроме как позаимствовать свитера у отца. Все они были в дырках от моли, поскольку тот в жизни не ходил на работу и гулял так мало, что его вещи почти не видели дневного света. Когда Иниго увидел на сыне дырявый на спине свитер, то, не признав собственную вещь, похлопал его по плечу и сказал:

— Сынок, если тебе нужны будут деньги, ты ведь не будешь слишком горд, чтобы попросить их?

Сэм ответил, что ни в чем не нуждается. Два его младших брата приезжали домой на уик-энды. Люсьен учился в Кембридже, а Джои заканчивал школу. Молли и Эстер навещались, когда у них появлялась возможность, — обе работали целыми днями и свободного времени у них было мало.

Молли постоянно ухитрялась сказать что-нибудь ехидное в адрес Федерики, в то время как Эстер печалила потеря подруги.

— Раньше мы были так близки, — вздыхала она. — Мы абсолютно все друг другу

рассказывали.

— Вот-вот, так и случается, когда кто-то богатеет и проникает в светское общество, — недружелюбно заметила Молли. — Если бы мы с тобой были важными особами, то, смею тебя уверить, она не бросила бы нас, как ненужный хлам.

Сэм знал всю правду, поскольку не был, подобно Молли, ослеплен завистью. Но он предпочитал помалкивать об этом, скрываясь за тяжелой дубовой дверью кабинета Нуньо.

— Сэм в точности копирует поведение отца, — подсмеивалась Молли в один из выходных дней, когда он появлялся только для того, чтобы поесть, — он тоже становится затворником.

Сэму очень хотелось позвонить Федерике, но он не знал, что сказать, и не хотел, чтобы она узнала в нем автора записки. После их разговора на похоронах Нуньо он сомневался, что она особо обрадуется, услышав его голос. Будучи в отчаянии от отсутствия возможности пообщаться с ней, он решил написать еще одну анонимную записку. Открыв книгу Нуньо, он уселся возле камина, поеживаясь от холода, и стал выискивать несколько строк, которые могли бы ей помочь. Отмеченные Нуньо строки очень отличались по содержанию от того, что было бы приемлемым для Федерики. Виолетте нужно было ободрение в любви, а Федерике — поощрение к жизни — жизни самостоятельной, а не подчиненной прихоти другого человека. Он листал страницы, сосредоточенно покусывая кончик карандаша. Можно было бы использовать стихи о любви, но они больше подходили для его собственного случая, поскольку именно он страдал от любви к Федерике, измучившей его мысли и ранившей его сердце. Строфы о печали поведали бы ей о том, что радость и печаль неразделимы и что без одного невозможно узнать о другом.

Когда он напал на строки о свободе, то понял, что это именно то, что нужно. Он восторженно постучал карандашом по странице и подумал: Федерика в силах сама выйти из порочного круга. Торквилл обращается с ней так, как она разрешает ему с ней обращаться. Она всегда может сказать «нет», и она должна наконец это сделать. Он громко прочитал стихи Троцкому, открывшему глаза, зевнувшему и потянувшемуся, прежде чем внимательно насторожить уши.

«Разве может тиран править свободными и гордыми иначе, чем подавляя их свободу и попирая их гордость? Если есть у вас забота, от которой должно избавиться, то, скорее всего, это забота, избранная вами, но не та, что возложена на вас. И если есть у вас страх, который следует рассеять, то причину этого страха ищите в собственном сердце, а не в руке, дрожащей от него».

Сэм устроился за столом Нуньо перед своим компьютером и напечатал этот текст. В течение последующего получаса он распечатал его, подготовил и заклеил конверт, работая с такой тщательностью, будто это было любовное письмо, содержащее тайны его сердца. Взволнованный перспективой хотя бы мельком увидеть Федерику, следующим утром он сел на ранний поезд и всю дорогу просмотрел в окно, поскольку был слишком возбужден, чтобы читать.

Он приехал к ее дому на такси в тот самый момент, когда она выходила из него и садилась в ожидавшую машину.

— Следуйте за «Мерседесом», — сказал Сэм шоферу, затем откинулся на сиденье и

прислушался к лихорадочному стуку собственного сердца и круживших в его голове мыслям, наполненным оптимизмом. Он сразу отметил изменения в ее фигуре. Она стала более стройной, ее походка приобрела ту энергичность, которой она отличалась до замужества, а кожа снова выглядела упругой и здоровой. Он мог только догадываться, сыграла ли его записка какую-либо роль в этих переменах. Затем его лицо омрачила мысль о том, что и здесь приложил свою руку Торквилл.

Федерика была увлечена своим новым подходом к жизни, хотя он давался ей нелегко. Чтобы похудеть, ей пришлось очень серьезно поработать с персональным тренером и изменить рацион своего питания. Но в предшествующий этому подъему период она была полностью деморализована. Она месяцами не подходила к зеркалу, боясь посмотреть на себя, а когда уже невозможно было втиснуться в одежду, просто просила Торквилла купить другую. Она стала толще, чем могла себе представить, набрав около тридцати фунтов, а ее кожа страдала от слишком калорийной пищи. И вдруг она лишилась возможности прятаться, поскольку по понедельникам, средам и пятницам стал приезжать Джон Берли, чтобы взвесить ее, сделать замеры и довести с помощью физических упражнений до состояния, когда пот начинал лить с нее градом, часто заставляя ее выкрикивать в отчаянии: «Я больше не могу, я создана, чтобы быть толстой».

На это он обычно отвечал: «Хорошо, если хочешь оставаться толстой, то пожалуйста, но я тебе тогда вообще не нужен», — и ей волей-неволей приходилось просить его остаться и продолжать занятия. Она позаботилась о том, чтобы холодильник был забит фруктами и овощами, и перешла на безжалостную диету. Всякий раз, когда ей хотелось угоститься порцией хрустящего картофеля или шоколадным батончиком, она припоминала грубые определения, которые с довольным видом давал ее полноте Торквилл, и принималась ожесточенно жевать морковь.

Вместо того чтобы растрачивать деньги Торквилла на одежду, она стала регулярно посещать косметолога и снова начала гордиться своей внешностью. По мере убывания веса росла ее уверенность в собственных силах. Она черпала энергию в записке отца, спрятанной на дне шкапулки с бабочкой. Извлекая ее днем, когда Торквилл находился на работе, Федерика могла побыть наедине со своими мыслями. Она была уверена, что отец побывал здесь, увидел ее и послал ей это письмо. Ей хотелось бы увидеться с ним, но она понимала, почему он вел себя так скрытно. Федерика хотела, чтобы он знал, что она его не осуждает и по-прежнему все еще любит.

С приближением Рождества дни стали заметно холоднее. Федерика ожидала звонка Хэла, чтобы получить информацию о телефонном номере Абуэлиты, однако он молчал.

И тогда она предприняла первые маленькие шаги к собственной независимости. Она отправилась на Слоун-стрит и купила новую одежду, чтобы заменить вещи, ставшие для нее слишком большими. Это по-прежнему были брючные костюмы в серых и синих тонах, которые всегда выбирал для нее Торквилл, но сам факт, что она поехала и купила их самостоятельно, дал ей приятное ощущение удовлетворения таким своего рода неповиновением. Это был первый тихий бунт.

К ее удивлению, Торквилл ничего не заметил. Он восхитился ее ставшей более стройной фигурой, обнял как собственник и поцеловал своими повинными в адюльтере губами.

— Ты просто умница, моя малышка, и я так горжусь тобой, — заявил он. — Ты стала

почти той же Федерикой, на которой я женился.

Наверное, ей нужно было бы растрогаться, ведь, в конце концов, она худела ради него. Или нет? Мало-помалу Торквилл стал вытесняться из центра ее мира.

Сэм следовал за Федерикой до Сент-Джеймс, где она вышла из машины и пошла по улице. Он немного подождал, а затем тоже покинул такси и пошел за ней. На ней было длинное черное пальто, светло-серый брючный костюм с шелковой кремовой рубашкой и черные замшевые ботинки. Она выглядела элегантно и утонченно, с длинными очень светлыми волосами, связанными в конский хвост и спадавшими поверх пальто по спине. В ней не осталось ровным счетом ничего от худенькой девушки, полной неуверенности и сомнений, которую он знал в Польперро. Она стала взрослой и очень женственной, а ее движения выдавали возросшую уверенность в себе. Эмоциональное возбуждение сковало его горло, поскольку такой он любил ее еще больше и страстно желал выказать ей свои чувства.

Пару раз она останавливалась, чтобы осмотреть витрины магазинов и взглянуть на свое отражение, которое не переставало ее удивлять. Он шел на сотню ярдов позади с лицом, скрытым под фетровой шляпой отца, и руками, засунутыми в карманы пальто с прилипшей собачьей шерстью и дыркой на локте, прогрызенной, безусловно, какой-то излишне усердной мышью. Ссутулившись, он следил за ней из-за очков, стекла которых запотевали от холода и мелкого дождя. Сэм ощущал себя сталкером и краснел от стыда, что заставляло очки еще больше увлажняться, пока он уже едва мог что-либо сквозь них разобрать.

Он последовал за ней по Арлингтон-стрит к Ритцу, где, как он был уверен, она встречается с кем-то за ланчем. Но, к его удивлению, она проследовала мимо портье, которые как по команде прикоснулись руками в белых перчатках к своим кепи, и прошла дальше в направлении Грин-парка. Он ускорил шаг, обгоняя толпу людей, высыпавших со станции подземки, и увидел, как она входит в парк.

Сэм укрылся за воротами, а она, как голубка, летящая домой, уверенно прошла по аллее к скамейке, стоявшей под оголенными зимними деревьями. Присев, Федерика положила сумочку на колени и стала смотреть на окутанный туманом парк.

Сэм прошел вдоль чугунной ограды примерно на сотню ярдов в сторону и уставился на одинокую фигурку Федерики, которая, как уже стало ясно, никого не ожидала, — она не оглядывалась по сторонам в нетерпении и не посматривала на часы, а просто глядела прямо перед собой, погруженная в свои мысли.

Сэм вытащил руки из карманов и вцепился в мокрую решетку ограды, отделявшую его от любимой женщины. Ему хотелось позвать ее по имени. Его звучание на губах доставило бы ему наслаждение, ведь он никогда ни с кем о ней не говорил. Но он не заслуживал этого права. Оставалось только стоять с примерзшими к металлу руками и гадать, о чем она размышляет, довольствуясь пребыванием вблизи нее. В линии ее опущенных плеч и задумчивом наклоне головы угадывалось одиночество, причины которого были Сэму очевидны и понятны. После того как в течение часа она не предприняла никаких попыток удалиться, он принял решение возвратиться к ее дому, чтобы бросить записку в почтовый ящик на двери.

Нехотя он оставил ее и, пройдя по улице, вернулся к Сент-Джеймс. Дрожа от холода, он снова глубоко засунул руки в карманы. Из любопытства он прошел мимо ее автомобиля и обнаружил, что шофер спит, опустив голову, а из уголка его рта на подбородок стекает струйка слюны.

Сэм улучил момент и бросил свое послание сквозь щель в заднем окне, стекло которого Федерика оставила приспущенным. Он увидел, как конверт опустился на сиденье лицевой стороной вверх с именем Федерики Кампионе, напечатанным им с любовью.

Федерика сидела и наслаждалась тем фактом, что Торквилл не знает, где она находится. Ее тешили такие моменты одиночества, когда она находилась наедине со своими воспоминаниями. Памятуя о своей неспособности скрывать чувства, она пришла к выводу, что родить ребенка в таком вызывающем сомнения браке было бы неправильно. Очевидно, такова была воля Божья, поскольку Бог видел и все возможные последствия. Она подумала о Рождестве и о том, поедет ли Торквилл с ней в Польперро, чтобы побыть там с ее семьей. Каждый год он обещал ей это, но каждый раз взамен увозил Федерику в какое-нибудь экзотическое место. Ей приходилось звонить матери и извиняться за него с таким пылом, что, в конце концов, она сама начинала верить пояснениям собственного изобретения. Но в глубине души она ощущала отчаянную пустоту и больше всего на свете хотела вернуться домой в Корнуолл.

Она любила мысленно перебирать события юности. Воспоминания умиротворяли ее и уносили далеко от теперешней жизни и несчастья. Она вспоминала об их домашних пикниках на побережье, когда песок на ветру летел прямо на сэндвичи и было так холодно, что они дрожали даже в шерстяных свитерах, ожидая, когда Тоби организует их для охоты на морских ежей и крабов. Джулиан собирал ракушки и помогал строить замки на песке, в то время как Элен сидела на коврике, беседуя со своей матерью.

Она общалась по телефону с Тоби и Джулианом, с матерью и иногда с Эстер, но не так часто, как раньше, а лишь изредка, пользуясь платными телефонами в «Хэрродс». Время и обстоятельства легли между ними подобно неприступной горе. Она находила в такой ситуации приемлемые пояснения и извинения, но самой себе должна была признаться, что все это вызвано только неприязнью Торквилла к ее семье. Он считал их провинциалами и делал все возможное, чтобы отдалить от них Федерику.

Она намеревалась преодолеть эту гору, но не знала, хватит ли ей храбрости бросить открытый вызов мужу.

Федерика настолько привыкла любить Торквилла, что это вошло у нее в привычку. Поначалу она нуждалась в нем, а он поощрял такую зависимость, пока не дошло до того, что она уже ничего не могла делать без его указаний. Затем она потеряла способность думать о себе. За четыре года их брака он незаметно превратил ее в свою рабыню, но дорога из этого унижительного положения была только одна — вверх. Как своевременно, в момент полного отчаяния, она получила от отца записку, вдохновляющую ее на то, чтобы вернуть свое «я» и утраченную уверенность в себе. Ей так нужна была точка опоры, поскольку она не могла решиться на это в одиночку.

Она подумала об отце и решила, что, скорее всего, он уже уехал. Рамон никогда не задерживался на одном месте слишком долго. Неожиданно она ощутила затылком, что кто-то на нее смотрит. Она заправила завиток волос за ухо, но не отважилась оглянуться. Заерзав на скамейке, она подумала, что в силе этого взгляда есть нечто знакомое — приятно знакомое. Представив, что, может быть, это отец смотрит на нее с улицы, не желая быть увиденным, она почувствовала внезапный прилив храбрости и обернулась. Полными надежды глазами она сквозь зимний туман оглядела толпу незнакомых лиц, но никого не узнала. Она разочарованно вздохнула, посмотрела на часы и решила, что пора возвращаться

к машине.

Опустив взгляд на тротуар, она брела по улице, раздумывая над проблемой предстоящего Рождества. Вернувшись к автомобилю, она обнаружила, что шофер уснул, и постучала в окно. Он мгновенно очнулся, отпер замок и вышел, чтобы открыть для нее дверь. Но Федерика уже заметила письмо и самостоятельно уселась в машину. Она распорядилась доставить ее домой и трепетной рукой взяла конверт с ее именем. Почти наверняка это было очередное послание отца, поскольку он не знал ее имя по мужу, и ни один из ее знакомых не использовал бы фамилию Кампione. Раскрыв конверт, она так жадно впиалась глазами в напечатанный текст, как будто это было послание от самого Бога.

«Разве может тиран править свободными и гордыми иначе, чем подавляя их свободу и попирая их гордость? Если есть у вас забота, от которой должно избавиться, то, скорее всего, это забота, избранная вами, но не та, что возложена на вас. И если есть у вас страх, который следует рассеять, то причину этого страха ищите в собственном сердце, а не в руке, дрожащей от него».

Она ощутила, как ее щеки охватывает жар стыда.

— Остановите машину, мне нужно выйти, — внезапно приказала она.

— Что, прямо сейчас? — воскликнул шофер, глядя на нее в зеркало.

— Сейчас, — повторила она.

— Да, мадам, — ответил он, не скрывая своего изумления. Он свернул на тихую улочку и припарковался у обочины. Федерика распахнула дверь и вышла на мокрый тротуар. Она быстро шла по дороге, пока не нашла маленькое кафе. Зайдя в него, она присела за столик, заказала чашку чая и в ужасе уставилась на записку. Неужели у нее совсем нет гордости? Действительно ли ее жалкое положение вызвано собственной слабостью и бесхарактерностью? Является ли в действительности Торквилл, человек, которого, как ей думалось, она любит, тираном, контролирующим каждый ее шаг?

Она так слепо барахталась в невзгодах, испытывая к себе исключительно жалость, и никогда даже не смела помыслить, что ее спасение полностью находилось в ее руках. Повиновение оказалось для нее более привычным, чем противодействие. Сейчас она раболепствовала из-за недостатка внутренней силы. Она задумалась и снова перечитала эти строки, внезапно все стало очевидным. Уставившись в свой чай, она беспощадным лучом истины осветила свое замужество. То, что она увидела, устало ее. Она позволила Торквиллу полностью контролировать все стороны своей жизни — от одежды, которую она носила, до людей, с которыми она общалась. С горечью вспомнила она, как ловко удерживал он ее от поездок домой в Польперро. Один за другим припоминала она все его постепенные шаги, предпринятые к завоеванию полной диктатуры. Ее любви оказалось ему недостаточно, он пожелал и ее свободы. Сэм оказался прав. Ей хотелось бы набраться тогда храбрости и взять его протянутую руку помощи. Даже Артур предупреждал ее, но она ничего не желала слушать.

Когда уже в конце дня она возвратилась домой, Торквилл отсутствовал. Она открыла холодильник, достала бутылку грейпфрутового сока и затем поднялась наверх, чтобы набрать в ванну воды. В приступе решительности ее тело охватила дрожь. Она отправится на Рождество в Польперро, независимо от того, понравится это Торквиллу или нет. В сущности,

она приготовилась к восстанию. Она разделась и надела пеньюар, продумывая, что собирается ему сказать. Все казалось простым, но она боялась, что, когда встретится с ним лицом к лицу, ее горло сдавит привычный страх.

Затем она запаниковала, что он может применить новую уловку, припомнив его угрозу увезти ее на Маврикий, и сжалась в приступе отчаяния. Она все равно не скажет... Федерика задумалась вдруг о том, что даже не имела ежедневника, всегда разрешая ему планировать все самому. Ей следует быть настороже, чтобы он не смог больше ею манипулировать. Она спустилась вниз, в его кабинет, и начала открывать все ящики в его письменном столе. Там все было педантично разложено по местам, даже карандаши лежали аккуратным рядом, заточенные до одинаковой длины, хотя ими вряд ли пользовались. Ничего не обнаружив в столе, она продолжала обыск в шкафах, но снова ничего не нашла. Ни билетов на самолет, ничего. Она бросилась наверх, в большую гардеробную комнату, где начищенные до блеска туфли, каждая пара которых была снабжена аккуратными распорками из красного дерева, выстроились парадными шеренгами.

Внезапно целью ее поиска стал не ежедневник, а что-либо еще, будто она вдруг сразу выросла и получила наконец способность видеть мир вне пределов кокона, изобретенного для нее мужем. Ее пальцы лихорадочно обыскивали карманы его пиджаков и брюк, развешанных идеальными рядами на деревянных плечиках. Сердце Федерики тревожно стучало, поскольку она понимала, что он может появиться в любую минуту. Неутоленное любопытство привело ее к его прикроватной тумбочке, где ее пальцы нащупали квадратную книжку. Она достала ее и раскрыла. Это оказалась записная книжка в кожаном переплете, страницы которой от руки были заполнены перечнями необходимых дел. На первой странице лежала поляроидная фотография молодой женщины, сидевшей в обнаженном виде на стуле с бесстыдно раздвинутыми ногами и улыбавшейся с осознанием силы своих сексуальных чар. Сердце Федерики сковал лютый холод. Она узнала лицо и тут же вспомнила ситуацию, при которой было сделано это фото. Но почему же ей понадобилось так много времени, чтобы все вспомнить и все раскрыть?

Федерика позвонила Эстер. Подруга сразу же уловила в ее голосе странные нотки и поняла, что произошло нечто драматическое.

— Что он с тобой сделал? — прямо спросила она.

— Ты мне срочно нужна, прямо сейчас, — взмолилась Федерика, и ее глаза наполнились слезами. — Сможешь приехать и забрать меня отсюда?

Эстер положила трубку, прихватила свою связку ключей и захлопнула дверь, ни слова не говоря Молли, высунувшей голову из ванной комнаты и терявшейся в догадках, что же такое происходит.

Когда Эстер подъехала к дому Федерики, та стояла в дверном проеме в одном пеньюаре, прижимая к груди простую деревянную шкатулку. Она спустилась по ступеням, испуганно огляделась и нырнула в ожидавшую машину.

— Ты поедешь в таком виде? — изумленно прошептала Эстер.

Федерика разразилась плачем.

— Да, потому что это все, что я взяла с собой после свадьбы. Свою шкатулку и свое доверие.

Только после того как она оказалась в безопасной квартире в Пимлико, всхлипывания Федерики превратились в истерический смех. Молли и Эстер озабоченно переглядывались,

припоминая свадьбу Элен, во время которой она с таким же маниакальным видом рыдала по Сэму. Когда она успокоилась настолько, что могла уже говорить, то вытерла глаза рукавом пеньюара и зашмыгала носом.

— Ты в порядке? — с тревогой спросила Молли.

— Да, мне уже лучше, — ответила она, с трудом контролируя свои эмоции. — Но только я забыла закрыть кран в ванной!

Торквилл вернулся домой и обнаружил, что по ступеням течет вода. Испугавшись, что с Федерикой что-то случилось, он помчался в спальню, путаясь ногами в мокром ковре и чувствуя, что от тревоги кровь ударяет в голову.

— Федерика! — кричал он. — Федерика! Ты в порядке? — Скользя и спотыкаясь, он направился в ванную, откуда лились потоки воды. Он закрыл краны и вытащил пробку. Раздался чавкающий звук. — Дерьмо! — выругался он, глядя на дорогие ковры, которые придется заменить.

Он стал разыскивать жену, но все, что от нее осталось, — это одежда, аккуратно сложенная на кровати. За дверью он обнаружил, что ее пенюар отсутствует. Он снова позвал ее и перешел к осмотру остальной части дома. Ответа не последовало, за исключением эха собственного голоса, отражавшегося от стен.

Он был очень встревожен. Она просто исчезла, но нигде не было следов борьбы, взлома или беспорядка, не считая переполненной ванны. Наконец он взял телефон и вызвал шофера.

— Да, мистер Дженсен, — говорил Пол, припоминая последовательность событий, — она ходила в Сент-Джеймс по магазинам в течение часа, затем, когда я вез ее обратно, она совершенно внезапно попросила остановиться. Ну, как вы понимаете, мистер Дженсен, я был несколько обеспокоен. Она выглядела возбужденной...

— Нет, мистер Дженсен, я не знаю почему, но она побледнела, выскочила на тротуар и потом около часа сидела в кафе. Когда я снова привез ее домой, она выглядела вполне нормально. Потом я отправился к себе, мистер Дженсен, потому что она сказала, что больше во мне не нуждается. — Последовала короткая пауза. — Мистер Дженсен? — спросил шофер, боясь, что, возможно, совершил ошибку. — Мистер Дженсен? Миссис Дженсен больше не нуждалась во мне, разве нет?

— Хорошо, Пол, — ответил Торквилл, но его голос на середине фразы прозвучал надтреснуто. Он положил трубку и задумчиво почесал подбородок. Затем что-то подсознательно привлекло его взгляд. Ящик его прикроватной тумбочки был слегка приоткрыт, поскольку Федерика не удосужилась его полностью закрыть. Торквилл всегда замечал детали. Он открыл ящик и обнаружил в нем лежавший вниз обложкой ежедневник совсем не в том положении, в котором он его оставил. Торквилл поднял его и раскрыл. С глубоким стоном, вырвавшимся из груди, смотрел он на фото Лючии, которое он засунул изнутри под обложку. Теперь все стало на места... Она бежала в таком состоянии, что даже забыла закрыть краны.

Он вытащил снимок и разорвал его в мелкие клочки, прежде чем в ярости выбросить в мусорное ведро. Она превратно все поняла, ведь эта фотография была сделана много лет назад. Он все объяснит ей, и она простит его. Торквилл окинул взглядом комнату, чтобы выяснить, упаковала ли она чемодан, но понял, что она этого не сделала. Более того, она ничего не взяла, даже нижнего белья, и исчезла в одном пенюаре. Он облегченно расслабил плечи. Очевидно, что она планировала вернуться. В конце концов, как далеко можно отправиться в одном пенюаре?

Федерика все рассказала Молли и Эстер, опустив только эпизод, связанный с анонимными поэтическими строками, которые должны были оставаться ее тайной, пока она

не найдет отца.

Три подружки сидели у батареи газового отопления с двумя бутылками дешевого красного вина, а Кенни Роджерс пел *«Это прекрасное время для того, чтобы ты оставила меня, Люсиль»*.

Молли была шокирована безрадостной ситуацией Федерики. Оказалось, что она ничего не увидела за одеждой от кутюр и сумочками из крокодиловой кожи.

Эстер слушала подругу с глубокой симпатией.

— Скажу тебе, Феде, — я догадывалась, что ты несчастлива. Что ты намерена сейчас делать?

— Отправиться домой в Польперро и начать все сначала, — просто сказала она.

— Ты хочешь сказать, что бросаешь Торквилла? — воскликнула Молли, зажигая сигарету.

— Разумеется, она собирается бросить Торквилла, — заверила ее Эстер. — Это настоящее чудовище. Ты заслуживаешь лучшей участи, — добавила она, дружески сжимая руку Федерики.

— О, я больше в жизни не посмотрю на другого мужчину, — порывисто выдохнула Федерика. — Я хочу побыть одна и принять собственное решение. Мне нужно узнать саму себя. Сейчас я уже ни в чем не уверена.

Когда прозвенел телефонный звонок, девушки застыли на месте. Молли и Эстер взглянули на Федерику, смотревшую на них в страхе.

— Молли, ты ответишь, — сказала она огрубевшим от волнения голосом. — Ты меня не видела, — добавила она, нахмурившись.

Молли встала, и вино быстро переключалось из ее головы к ногам, приведя ее в состояние трезвости. Она глубоко вздохнула и сняла трубку. В комнате воцарилась тишина ожидания.

— Алло, — ответила Молли, пытаясь говорить нормальным голосом. Ее плечи опустились. — Сэм! Какого черта ты мне сейчас звонишь? У нас кризис, вот почему. Что, сейчас? Боже! Тебе придется спать в гостиной, а Федерика ляжет с Эстер... это долгая история, расскажем, когда приедешь... Ладно, до встречи. — Она с улыбкой положила трубку. — Еще один участник нашей вечеринки, — засмеялась она. — Давайте достанем еще бутылочку вина.

— Сэм опоздал на свой чертов поезд, — провозгласила Молли, отправляясь в кухню.

— Ну, это на него похоже, — вздохнула Эстер. — С тех пор как умер Нуньо, он витает где-то в собственном мире.

— Бедняга Сэм, — сказала Федерика. — Он действительно любил Нуньо, правда?

— Больше, чем кто-либо другой. Думаю, что больше отца и мамы, — ответила Молли, возвращаясь с очередной бутылкой бордо. — Видишь ли, Нуньо проводил с Сэмом большую часть своего времени. У него никогда не было сына, вот Сэм и заменил ему наследника. Бог его знает, что Сэм там писал, но он проводил весь день взаперти, так же, как и отец. Единственной допускаемой к нему персоной был Троцкий, — добавила она, откупоривая бутылку.

— Ему следовало найти себе подругу, — сказала Эстер. — У него раньше, говорят, было много друзей.

— Это было в те времена, когда у него еще была шевелюра, — ехидно рассмеялась

Молли.

— Он вовсе не Самсон, Моль, — выступила в его защиту Эстер. — Я полагаю, что без волос он выглядит даже лучше. В любом случае он симпатичный.

Молли неприязненно сморщила нос.

— Это дело вкуса, полагаю, — фыркнула она, кольцами выпускающая изо рта дым.

— Благодаря Торквиллу я поняла, по крайней мере, одну вещь, — печально сказала Федерика, — внешность может быть обманчивой. Никто не красив так, как Торквилл, но и никто так не эгоистичен, как он. Я предпочитаю внешнюю простоту и красоту души.

Молли опустила глаза, устыдившись того факта, что раньше восхищалась этим монстром.

Когда приехал Сэм, Федерика была поражена стремительными изменениями, происшедшими с внешностью когда-то золотоволосого и блестящего юноши, напоминавшего прекрасную греческую статую. Он ввалился в квартиру с ссутуленными плечами, дрожа от холода. Его лицо было таким же посеревшим, как на похоронах Нуньо, а глаза выдавали глубокую усталость, поскольку измучившая его страсть лишила его энтузиазма и энергии. Увидев ее, он застенчиво улыбнулся, хотя в душе хотел броситься к ней и заключить в свои объятия. Федерика вспомнила их последний нескладный разговор и улыбнулась в ответ, заметив, что все прощено и забыто. Она встала, чтобы приветствовать его.

Он положил руки ей на плечи.

— Ты в порядке? — озабоченно спросил он.

— Сейчас уже да, — ответила она, отстраняясь. — Я ушла от Торквилла, — добавила она, снова садясь на ковер перед обогревателем.

— Ты ушла от Торквилла? — повторил он, не веря своим ушам и отворачиваясь, чтобы она не заметила вернувшегося в его глаза блеска и радостного возбуждения, вызвавшего на его губах улыбку триумфатора. — Ты ушла от Торквилла? — повторил он.

— Все кончено, — подтвердила она.

— Мы отмечаем это историческое событие вином, — весело добавила Молли.

— Я бы сказала, что мы с помощью вина выражаем свое сочувствие, — сказала Эстер. — Бедняжке Феде действительно пришлось много пережить.

— Что же случилось? — спросил он, снимая пальто и усаживаясь на диван. Выбравшись из дырявого джерси отца, он остался в синей рубашке с расстегнутыми манжетами, свободно свисавшими на запястьях.

— О, это долгая история, — произнесла она, отпивая глоток бордо и чувствуя себя значительно лучше.

— Моль, дай мне стакан, — попросил он, оживляясь. — Феде, ты такая сильная. Я очень горжусь тобой. То, что ты сделала, — это самая трудная вещь в мире, и ты совершила все это сама.

— Не совсем, — ответила она. Сэм отвел глаза. — Скажем так, я раскрыла глаза на многие вещи и, полагаю, немного повзрослела. Не могу поверить, что могла быть настолько слепа и слаба. В результате пришлось вычеркнуть из своей жизни четыре года.

— Ничто не бывает напрасным, Феде, ты не только много узнала о сущности мужчин, но, и это прежде всего, о себе самой, — мудро возразил он и тут же переменял тему. — Что ты собираешься теперь делать?

— Я еду домой. Мы с мамой будем достойной парой.

— Да, мы слышали об этом, — сказала Эстер. — Нам так жаль.

— Она совершила глупость, — вздохнула Федерика. Все дружно удивились, услышав о внезапной перемене ее мнения об отчине.

— Я полагала, что ты не выносишь Артура, разве нет? — вмешалась Молли, стряхивая пепел на ковер.

— Скажем так, я неверно его воспринимала. Сейчас все становится намного яснее, — улыбнулась она Сэму. — Мне следует перед ним извиниться. Он — еще один человек, к мнению которого следовало бы прислушиваться.

Сэм подбодрил ее ответной улыбкой.

— Я провожу тебя на поезд, если не возражаешь, — предложил он.

Федерика кивнула с благодарностью.

— Правда? — Она с облегчением вздохнула. — Я боюсь, что он разыщет меня и попытается вернуть.

— Я убью его, если он только посмеет к тебе приблизиться, — заверил Сэм и хмыкнул, поскольку не хотел, чтобы она знала, что он действительно готов на все.

В ту ночь Федерика и Сэм почти не спали. Они сидели, пили вино и еще долго беседовали после того, как Эстер и Молли отправились в постель. Она поведала ему свои заботы и тайны, а он слушал ей с той же симпатией, что и в тот памятный день в лесу с подснежниками много лет назад. — Жаль, что мне не хватило храбрости рассказать тебе все это тогда, за ланчем, — сказала она.

— Ты почти сделала это.

— Я знаю.

— Что тебя страшит? — мягко спросил он.

Она немного подумала, глядя, как золотистое пламя газовой горелки радостно пляшет за решеткой.

— Я не понимала, что несчастлива, — честно призналась она и разочарованно покачала головой. — Знаю, что это звучит ненормально, но я не могла признаться в этом себе самой. Я верила, что люблю его.

— В этом нет ничего ненормального.

— Разве?

— Нет, — подтвердил он и взял ее за руку. — Ты не ошибалась в отношении того, что любила его. Но он ошибся, растоптав твою любовь.

Она посмотрела на него с благодарностью.

— Ты так хорошо все понимаешь.

— Не все, — ответил он, — а только тебя.

На следующее утро Федерика позаимствовала одежду у Эстер. Не успела она натянуть на себя джинсы, как услышала из гостиной вопли Молли.

— О Боже, Боже! — кричала та. Все бросились к окну. — Нет, Феде, не подходи, только не ты, — сказала Молли, преграждая ей дорогу. — Он уже здесь! Дождется тебя, — прошипела она. — Он увидел, что я смотрю.

Федерика закружила по комнате. Молли задернула шторы и украдкой следила за красавцем, стоявшим возле своего «Порше» со скрещенными руками.

— Вот дерьмо, что же мне делать? — нервно сказала Феде, покусывая большой палец.

Сэм оперся о подлокотник дивана.

— Все просто. Я закажу такси, и мы уедем вместе, — решительно заявил он, снимая трубку телефона.

— Не думаю, что смогу встретиться с ним лицом к лицу.

— Ты сможешь. У тебя хватило сил уйти от него, разве нет? — настаивал он. — Значит, ты сможешь найти силы, чтобы сообщить ему, что все кончено.

— Мне кажется, что я не смогу.

— Ты сможешь, и ты это сделаешь, — серьезно произнес он. — Или я сделаю это вместо тебя.

— Ты зашла слишком далеко, Феде, и пути назад уже нет, — согласилась с ним Эстер.

— Я бы точно не захотела возвращаться к мокрым коврам и взбешенному мужу, — заявила Молли. — Однако какой он все же красавчик.

Сэм закатил глаза и заказал такси.

— Только подумай, к чему тебе придется вернуться, Феде? — осторожно сказал он. Сэм молчал, в то время как она беспрерывно металась по комнате, обдумывая свои последующие шаги. — Феде, тебе нравится та личность, в которую ты превратилась под руководством Торквилла? — Она испуганно посмотрела на него и замотала головой. — Тогда забудь о нем и отправляйся со мной. — Он встал и взял ее руки в свои. — Ты ведь знаешь, что поступаешь правильно.

— Но он меня любит, — слабо протестовала она.

Сэм сжал ее руки.

— Нет, Феде, не любит. Он хочет владеть тобой, как этим автомобилем, стоящим возле дома. Если бы он любил тебя, то радовался бы твоей свободе, твоей растущей уверенности в своих силах, в своем успехе. Если бы он любил тебя, то поощрял бы к тому, чтобы найти свой путь в жизни. Он бы купил тебе фотоаппаратуру и оплатил бы занятия вместо того, чтобы задаривать туфлями и сумочками, как куклу, с которой можно забавляться. Но ты ведь не кукла, Феде, ты — личность со своими собственными мыслями и индивидуальностью. Если ты вернешься, он полностью лишит тебя своего «я» и тогда ты окончательно превратишься в его послушную игрушку, не способную самостоятельно мыслить. Подумай об этом.

Она стояла, глядя в его глаза и понимая, что он прав, поскольку и сама пришла к тому же самому выводу.

— Хорошо, идем, — твердо сказала она. — Но, когда мы выйдем, я хочу поговорить с ним, — настаивала она. Увидев, что Сэм поднимает брови, готовясь возразить, она поспешно добавила: — Я сама должна ему все сказать. Мне необходимо доказать себе, что я способна на это.

Через двадцать минут, когда Сэм и Федерика спускались по ступеням, ведущим на тротуар, Торквилл подбежал к ней и обнял. Сэм немедленно попытался их разделить.

— Оставь нас! — прорычал Торквилл. Последовала короткая схватка, во время которой Федерика пыталась освободиться.

— Проваливай, Торквилл! — кричала она. — Все кончено. — Затем она обратила внимание на его удрученное лицо, красные глаза и повинно опущенные плечи.

— Я не спал всю ночь. Я так беспокоился, — говорил он, воздевая руки к небу.

Федерика повернулась к Сэму.

— Жди меня в такси, — распорядилась она.

С замирающим сердцем Сэм отошел от нее и остановился возле машины, готовый вмешаться, если ей потребуется его помощь, но надеясь, что в этом не будет нужды. Она должна была научиться обходиться без помощи отца, мужа или кого бы то ни было. Если она сумеет это сделать, то будет готова найти свою истинную любовь. Он не знал, на сколько времени затянется этот процесс, но готов был ждать ее столько, сколько нужно.

— Эту фотографию сделали много лет назад, малышка. Разве ты не заметила, что она уже старая? — начал оправдываться Торквилл, приближаясь к ней. Но Федерика отступила на шаг, поднимая руки, чтобы держать его на расстоянии. — Послушай, дорогая, у меня нет любовницы. Я люблю только тебя и без тебя стану потерянным человеком. Ведь нам было так хорошо вдвоем.

— Все кончено, Торквилл, — ответила она, качая головой.

— Не глупи, Федерика. Я понимаю, что ты разозлилась. Давай отправимся домой и все хорошенько обсудим. Нельзя отбрасывать все, что у нас было, ведь это так дорого нам обоим, — убеждал он, украдкой поглядывая на Сэма, который застыл в боевой готовности.

— Не смей называть меня «малышкой», я ненавижу это слово, — поспешно выпалила она, чувствуя, что горестный вид Торквилла начинает оказывать на нее свое действие. — Я не вернусь домой.

Торквилл попытался игнорировать дерзкие интонации в ее голосе.

— Это не то, что ты думаешь, черт побери! — прорычал он, пытаясь подавить нараставшее отчаяние. — Да, я совершил ошибку, сохранив эту фотографию, но неужели ты так жестоко покароешь меня за такую малость? Важно только то, что я тебя люблю. Любовь предполагает и умение прощать.

— Любовь предполагает доверие, — холодно возразила она.

— Тогда поверь мне, когда я говорю, что у меня никого нет, кроме тебя. Лючия — это просто старая подруга, а этот снимок был сделан в шутку.

— Я тебе не верю.

— Тогда поверь, когда я говорю, что люблю тебя, — умоляющим голосом произнес он.

— Ты не любишь меня, Торквилл. Ты хочешь мною обладать так же, как своим автомобилем или домом. Я для тебя всего лишь кукла, которую ты одеваешь, выводишь погулять и с которой играешь, но только не любишь. Если бы ты любил, то позволял бы мне принимать решения самостоятельно, — говорила Федерика, ощущая, как вместе с просветлением в ее голове возвращается и ее уверенность в себе.

Торквилл был потрясен. Она никогда раньше не разговаривала с ним в таком тоне. Он зафыркал, как разъяренный бык, не в силах контролировать охвативший его приступ бешенства.

— Куда ты едешь? — сказал он тихо, агрессивно прищуривая глаза. — В провинциальное городишко на берегу? Назад к своей невротической мамаше и буржуазным старикам? — Затем он кивнул в направлении Сэма и едко добавил: — Или к семейке этих оригиналов? — Сэм едва сдержал улыбку. — Я могу дать тебе все, что ты только пожелаешь.

Федерика резко выпрямилась.

— Что же именно? Еще несколько дамских сумочек, еще несколько пар туфель? Прошу тебя, Торквилл, не учи меня жить. У тебя пустота в душе, и я больше не желаю тебя видеть. Мы будем общаться через адвокатов, и не пытайся меня преследовать, поскольку знаешь что? Экцентричность членов семьи Сэма очень заразна, а ты ведь не хотел бы ею

заразиться так же, как я?

— Ты будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, потому что обратно я тебя уже не приму. Ты очень пожалеешь! — выкрикнул он, видя, что она уходит в сторону Сэма, приготовившегося открыть ей дверь такси. Тот улыбнулся, когда она садилась, гордясь ее поведением, затем последовал за ней и захлопнул дверцу. Посмотрев наверх в окно, он увидел радостные лица Молли и Эстер, улыбавшиеся ему из-за стекла. Эстер победно вскинула вверх большой палец.

Торквилл так резко рванул с места, что колеса его «Порше» оставили на дорожном покрытии две яростно дымившиеся полосы.

— Хорошо повеселились, шеф? — спросил Сэм у шофера, с наслаждением наблюдавшего за развернувшимся на его глазах скандалом. — Это было поинтереснее, чем матч Вестэндерс, уверяю. А теперь, пожалуйста, на станцию Педдингтон, — сказал Сэм, обнимая Федерику за плечи.

Она позволила ему сделать это, перебирая в памяти со смешанным чувством облегчения и сожаления события последних четырех лет.

Федерика погрузилась в атмосферу праздника не только потому, что наступило Рождество, но и потому, что все были очень рады ее возвращению. Ингрид тут же не преминула заметить, что всегда считала Торквилла «отвратительным типом», в то время как Тоби и Джулиан признались, что вспомнили, при каких обстоятельствах видели его раньше, слишком поздно. «Тогда он был надменным и самоуверенным, — говорили они. — Мы подвели тебя, Феде».

Элен обрадовалась, что не одной ей приходится страдать, и стала сопровождать дочь в долгих прогулках среди скал, сокрушаясь в связи с болезненно затянувшимся молчанием Артура. «Я потеряла его, Феде. Он даже не желает со мной разговаривать», — плакалась она.

Джейк и Полли поддерживали Федерику так же, как и ее мать. В этот драматический период произошло сплочение семьи. Полли готовила большие овощные лазаньи, и они все вместе усаживались вокруг стола, окруженные игрушечными флотилиями Джейка, которые сейчас свисали с потолка, так что их уже нельзя было сбросить на пол неловким движением локтей и рук, и пили из больших стаканов вино и фирменный сок Полли из бузины, одновременно болтая на разные темы.

Федерика вернулась к Тоби, Джулиану и Расте, которого брала с собой на прогулки вместе с матерью. Она помогла Тоби украсить комнаты к Рождеству, а Джулиан ездил с ней в город за подарками.

— У меня нет ни гроша, — призналась она, думая о грудах денег, оставленных в Лондоне.

— Но они есть у меня, — радостно заверил ее Джулиан, — и ты можешь покупать все, что тебе только будет угодно.

Она проводила в Пиквистл Мэнор не меньше времени, чем у Тоби и Джулиана. Белка на полке для свитеров Сэма проснулась раньше времени, так что Ингрид перенесла ее гнездо на елку, а под его кроватью ухитрилось поселиться мышинное семейство, поэтому он вынужден был спать в одной из свободных комнат, чтобы не беспокоить непрошенных гостей. Обе семьи отмечали Рождество, устраивая вечеринки и ланчи, которые продолжались и после праздника, а Новый год был отмечен тостами с шампанским и теплыми объятиями.

Сэм обнял Федерику и поцеловал ее в щеку со словами:

— Это будет твой год, Феде, вот увидишь.

Ей оставалось только надеяться, что он окажется прав.

Торквилл слал пространные письма, не теряя Надежды вернуть ее назад. Он писал о своей глубокой любви к ней и сожалел, что вообще был знаком с Лючией. «Ты — это все, что у меня было, и я только хотел защитить тебя. Моя вина лишь в том, что я слишком о тебе заботился». Вначале Федерика читала все письма, но по мере того как они становились все более частыми и жалостными, она просто уничтожала их, не распечатывая. Однако одна строка врезалась ей в память: «Моя вина лишь в том, что я слишком о тебе заботился». Сказанная предателем Торквиллом, она звучала как пустая фраза, однако применительно к Артуру она приобретала совсем иное звучание.

Федерика ужасно сожалела о своем отношении к Артуру, забывая о крушении собственного замужества. Она прекрасно знала, насколько тяжело жить с ее матерью и при этом проявлять о ней беззаветную заботу. Наслушавшись полных раскаяния монологов Элен, она решила, что наступило время действовать.

Увидев Федерику у своей двери, Артур ощутил приступ разочарования. Он ведь надеялся, что это окажется Элен.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Я пришла, чтобы извиниться, Артур, — ответила она. Он с раскрытым ртом застыл в дверном проеме. — Я могу войти? — спросила она.

— Конечно, конечно, — запинаясь от неожиданности, произнес он, отступая, чтобы дать ей возможность пройти. Она прошла в кухню и сняла пальто. — Пожалуйста, присаживайся и позволь я тебе помогу, — сказал он, вешая пальто на спинку одного из стульев. — Чай?

— Да, пожалуй, на улице холодно, — согласилась она, потирая покрасневшие руки.

— Как ты добралась сюда?

— На такси.

— Твоя мать знает, что ты здесь?

— Нет.

— Хорошо.

Он приготовил ей чашку чая и присел напротив. Федерика добавила молока и смотрела, как оно растворяется в кипятке.

— Я ушла от Торквилла, — сообщила она без предисловий.

— Хорошо, — одобрил Артур.

— Мне следовало прислушаться к вашему мнению.

— Нет, вовсе нет, — поспешно возразил он, обезоруженный внезапной переменой в ее отношении к нему. — Это не мое дело.

— Нет, ваше, — настаивала она. — Вы — мой отчим.

— Был, — с горечью заметил он.

Она посмотрела в его страдальческие глаза и осознала, что никогда толком не пыталась понять его.

— Вы им и сейчас остаетесь, — мягко сказала она. — Мама очень без вас тоскует.

Его лицо озарилось надеждой.

— Неужели?

— Она думает, что потеряла вас. — Федерика увидела, как в его маленьких умных глазках блеснула слеза.

— Не знаю, — произнес он, покачивая головой и поджимая губы. — Просто не знаю, что сказать.

— Я здесь вовсе не для того, чтобы вести переговоры о мире. Я пришла, чтобы извиниться за свое обращение с вами. Вы были очень добры к маме, но уж я-то знаю, каким ночным кошмаром она может быть, — усмехнулась она. — Но вы благородно терпели все ее выходки. — Она пристально посмотрела на него. — Вы должны дать ей возможность вернуться, поскольку никто другой не сможет с этим справиться.

— У нее тяжелый характер, но с ней не соскучишься.

— Чем она вас привлекла в самом начале? — из любопытства спросила Федерика, но, вовсе не желая того, открыла своими словами дверь в счастливые воспоминания, которые он до этого момента преднамеренно подавлял в себе.

Он откинулся в кресле и улыбнулся.

— Скажу так: с ней было трудно. Ей пришлось пережить тяжелые времена, но под слоем льда она осталась маленькой девочкой, которая отчаянно хотела быть любимой...

Федерика пила чай и слушала рассказ Артура об их встрече и браке, о том, что было хорошего и плохого до тех пор, пока он сам не осознал, что должен бороться за то, что имел.

Было уже поздно, когда Артур отвез Федерику домой. Он высадил ее возле дома дяди и в нерешительности застыл за рулем, колеблясь между желанием поехать к Элен и альтернативой возвращения в пустой дом. Его все еще согревало душевное тепло их разговора с Федерикой и нахлынувших нежных воспоминаний. Тем не менее он понимал, что восстановление их отношений может произойти только по инициативе Элен, иначе баланс сил будет нарушен в ее пользу и он снова потеряет жену, тогда уже, возможно, навсегда. Более того, она должна извлечь урок из своих ошибок и проявить желание и волю для того, чтобы изменить себя. Ему оставалось только надеяться, что она не откажется от него.

Сэм сопровождал Федерику на побережье, где он собирал ветки и устраивал костры, как они делали это в добрые старые времена. Он обеспечивал ее книгами для чтения и потом обсуждал их с ней по вечерам под веселое потрескивание дров в камине в кабинете Нуньо, прежде чем отвезти ее домой в отцовской машине. Теперь он уже мог сидеть в одной рубашке не только в кабинете, но даже на продуваемых ветрами скалах, поскольку ощущал невероятное тепло в своей груди, независимо от того, где находился — в помещении или на улице. Пока он был рядом с Федерикой, ему больше ничего не было нужно в этой жизни, кроме возможности делить с ней воздух, которым он дышал, и осознавать то, что она рядом. Мало-помалу он привык к ее присутствию так же, как к старому кожаному креслу Нуньо. Она всегда с нетерпением ожидала очередных прогулок и экскурсий, обедов с его родителями и дискуссий на темы литературы и истории. Пролетали недели, и мысли Федерики все реже обращались к Торквиллу, не считая нескольких ночных кошмаров, которые, когда она просыпалась, напоминали ей о том, почему она ушла от него.

Но о записках отца она забыть не могла и знала, что не успокоится, пока не найдет его.

Странный телефонный звонок подтолкнул ее к решению лететь в Чили. Она уже собиралась выходить из дома, когда вдруг зазвонил телефон. Отвечать не хотелось, — это мог быть Торквилл, но потом Федерика уверила себя, что это вряд ли возможно, поскольку

уже несколько недель он не давал о себе знать. Однако когда она все же сняла трубку, ее рука дрожала.

— Алло, — тихо произнесла она.

— Алло, — отозвался молодой женский голос. — Я говорю с Федерикой Дженсен?

— Да, вы говорите с Федерикой Кампione, Дженсен — моя бывшая фамилия, — твердо заявила она. — С кем я беседую?

— Мое имя Клер Шоутон. Я — подруга Хэла.

— О, привет, — дружелюбно отреагировала Федерика. — Чем могу быть полезна?

— Ну, дело в том, что вопрос очень деликатный, — начала та. — Я не хотела говорить с вашей мамой, поскольку знаю, как Хэл к ней относится.

— Хорошо, — согласилась Федерика, гадая, как именно Хэл сейчас относится к матери.

— И я не хотела бы иметь дело и с вашим отчимом, поскольку Хэл считает его человеком несколько странным.

— Ладно, все понятно.

— Он очень вас ценит, — продолжала Клер. — Я обнаружила ваш телефонный номер в его записной книжке. По телефону в Лондоне никто не отвечает.

— Понятно, — пробормотала Федерика, стараясь не думать о Торквилле. — Что там с Хэлом?

— Он стал алкоголиком, — заявила девушка, — и он нуждается в помощи. Дела у него совсем плохие.

— Что? — Федерика была напугана. — Что с ним случилось?

— Он не ходит на занятия, весь день отсыпается, а потом всю ночь пьянствует.

— Вы уверены, что он превратился в алкоголика?

— К сожалению, да. Я знаю это наверняка, потому что оплачиваю его выпивку и азартные игры в течение последних нескольких месяцев.

— Азартные игры?

— Да, игровые автоматы, покер, ставки на скачках, ну, вы знаете. За все это плачу я.

— Но почему?

— Потому, что я его люблю, — пристыженно ответила она. — У него денег нет, а у меня их полно. Но все вышло из-под контроля. Он стал пить слишком много и очень изменился.

— Где он сейчас?

— Спит.

— В такое время?

— Да. Видите ли, он пьет всю ночь напролет, а потом не может заснуть. Поэтому он принимает снотворное, много таблеток. Но после этого он уже не может толком проснуться. Он превращается в живого мертвеца. — Она запинаясь, и ее голос дрожал от волнения. — Я просто не знаю, что делать, — всхлипывала она.

— О Боже! — вздохнула Федерика. — Чем же мы сможем ему помочь?

— Но он очень нуждается в помощи.

— Понимаю. Я приеду. Но не одна, — сообщила она, помня, что не умеет водить.

Сэм был счастлив отвезти Федерику в Эксетер. Всю дорогу они беседовали о том, что следует предпринять. Сэм настаивал, что пьянство является симптомом более сложного заболевания.

— Он пьет, чтобы спрятаться от себя самого, — мудро заявил он.

— Все следы ведут к отцу, — вздохнув, согласилась с ним Федерика. — Я знаю это наверняка.

Они обнаружили Хэла спящим на кровати с пожелтевшим и безжизненным лицом, и Федерика принялась неистово трясти его, опасаясь, что он не спит, а уже умер. Когда он очнулся, его глаза были красными, а взгляд отсутствующим. Это был совсем не тот Хэл, которого она знала. Сэм окинул глазами убогую комнату, в которой тот обитал.

Грязные тарелки с остатками еды были заполнены окурками, в пустых винных стаканах и кофейных чашках уже накопилась пыль, а отсыревшая и смятая одежда была разбросана на полу. В комнате стоял запах хуже, чем возле клетки с кроликами, которых Эстер держала как-то в детстве.

— Хэл, ты болен, — мягко сказала Федерика.

— Убирайтесь и оставьте меня в покое, — завопил он, размахивая руками. — Я не просил вас приезжать и читать мне нотации.

— Я беспокоюсь за тебя, Хэл. Посмотри только, в каком ты состоянии. Ты живешь как животное.

— Это не так уж плохо, — протестовал он.

— Это просто ужасно. Тебе нужна помощь, — внушала она.

— Я в порядке, — упорствовал он.

— Ты алкоголик, — без обиняков заявила Федерика.

— Я пью только иногда, как и все. Это вовсе не характеризует меня как алкоголика, — оправдывался он, пытаясь говорить уверенно.

Затем из тени появилась Клер.

— Я ей все рассказала, — сообщила она, вытирая слезы.

Он уставился на нее, стараясь сосредоточиться. Затем его лицо исказила злоба.

— Ах ты сучка, — выругался он.

— Я люблю тебя и не могу просто так стоять и смотреть, как ты себя уничтожаешь.

Он закрыл лицо руками и зарыдал.

Хэл позволил Сэму и Федерике забрать его домой. Клер сказала, что соберет его вещи и приведет комнату в порядок. Федерика поблагодарила ее, хотя и понимала, что Хэл вряд ли захочет снова ее видеть. Он сидел на заднем сиденье автомобиля, дрожа от холода и дискомфорта. Его кожа теперь приобрела нездоровый бледно-зеленый цвет — он выглядел так, будто одной ногой уже стоял в могиле. Федерика и Сэм решили, что будут держать причину его болезни в тайне, чтобы не беспокоить родственников. Они договорились озвучить версию о нервном срыве. Федерика твердо знала, что ему нужно побыть где-то далеко и заняться чем-то другим вне досягаемости собственнической любви Элен и собственных страхов.

— Я намерена поехать с Хэлом в Чили, — сообщила она Сэму.

— Когда? — встревоженно воскликнул Сэм.

— Как можно скорее. Ему необходимо уехать из нашей страны. Есть только один человек, который сможет помочь ему справиться, поскольку мне он тоже помог.

— И кто это? — спросил Сэм, чувствуя, как невидимая рука сжимает его горло.

— Мой отец.

— Твой отец?

— Да, в нем истоки проблемы Хэла.

— Но как он сможет помочь? — спросил Сэм, глядя на дорогу перед собой и вцепившись руками в руль в попытке сдержать свои эмоции.

— Я не собиралась тебе говорить, боясь, что это покажется тебе смешным, но папа посылал мне анонимные записки с потрясающими поэтическими строками. Вероятно, он сам их написал, ведь не следует забывать, что он не только известный прозаик, но и талантливый поэт.

— Понимаю, — напряженным голосом произнес Сэм. Его сердце разочарованно стучало, но он не в силах был лишить ее радости и рассказать, что все послания в действительности пришли от него.

— Он человек большой силы духа и философского склада ума. Думаю, что его записки раскрыли мне глаза и помогли ясно увидеть свое положение как бы со стороны. Я ощущала, что не одинока, что он мне помогает. Он придал мне сил, чтобы избавиться от Торквилла, и я должна поблагодарить его. Но думаю, что и Хэлу он сумеет помочь.

— Как долго ты намерена там оставаться?

— Столько, сколько потребуется. Здесь меня ничто не удерживает.

— Понятно, — вяло согласился он, проглатывая обиду с тем, чтобы потом пережить ее уже в одиночестве. — Конечно ничто.

Хэл выразил намерение изменить свою жизнь. Полли заявила, что это первый и очень мужественный шаг к тому, чтобы стать другим человеком. Элен вначале испугалась, но Федерика стояла на своем.

— Ему необходимо переменить обстановку, — сказала она. — И мне тоже.

Элен сопротивлялась, говоря, что вначале она должна помочь ему вернуть здоровье.

— Ради бога, тебе нет никакой необходимости везти его через весь мир, — восклицала она, обиженная готовностью Хэла к дальней дороге и униженная тем, что оказалась неспособной помочь ему сама.

— Мы намерены разыскать папу, — решительно заявила Федерика. — Я знаю, что корни проблем Хэла лежат в его чилийском детстве. Отец должен обязательно поговорить с ним.

Элен побелела от негодования, будто Федерика обвинила ее лично за то, что она ушла от Рамона. Она сидела, поджав губы, злясь, переполняясь чувством вины и ревностью и ощущая, будто ее выставили за дверь.

Артур, обрадованный тем, что кто-то все же взял на себя ответственность за Хэла, купил им билеты до Сантьяго.

— И не говори *мне* спасибо, — сказал он Федерике, — все это благодаря *тебе*. Ты просто не знаешь, как я тебе признателен.

Федерика понимала, что он благодарит ее не только за сохранение здоровья своего пасынка. Она поцеловала его в пухлую щеку и прошептала:

— Не забывайте о хороших временах с мамой, ладно? Ведь хорошего было больше, чем плохого.

Но Артур был решительно настроен на ожидание. К сожалению, у него не было иного выбора. Если Элен не вернется по собственной инициативе, ему придется распрощаться с ней навсегда.

Сэм был подавлен тем обстоятельством, что Федерика покидает Польперро, и обижен ее словами о том, что у нее нет причин оставаться. Он хотел встряхнуть ее, сказать, что любит всем своим сердцем и душой, но он знал, что если поступит так, то разом перечеркнет все свои надежды.

Она придет к нему, когда будет готова, или не придет вообще. Но он должен быть очень терпеливым. Накануне ее отъезда он приехал в дом Тоби и Джулиана, чтобы попрощаться. Сэм купил ей подарок, рассчитывая, что она будет вспоминать его каждый раз, когда будет им пользоваться.

— О Сэм, тебе вовсе не следовало покупать мне подарок, — сказала она, принимая у него пакет. Он стоял, засунув руки в карманы своего дырявого свитера, едва справляясь с холодом, пробиравшим его до костей. Она развернула упаковочную бумагу и обнаружила под ней шикарную профессиональную камеру «Пентакс». — Мой Бог! — воскликнула она. — Вот это камера!

— У нее есть даже устройство трансфокации^[10], — сообщил он, улыбаясь, чтобы скрыть охватившее его в последние дни отчаяние.

— Спасибо, Сэм, ты так добр ко мне, — ответила она, целуя его в щеку. Он вдохнул ее

запах, борясь с желанием прижать к себе и поцеловать по-настоящему, как сделал это когда-то в памятном амбаре.

— Не забывай своих друзей, — произнес он, подавляя свои эмоции.

Она посмотрела на него с благодарностью.

— Ты был для меня таким хорошим другом, Сэм. Я так обязана тебе. Если бы не ты, я не знаю, как пережила бы последние несколько недель.

— Ну, не забывай, что ты сделала все своими руками, — заметил он. — Тебе больше никто не нужен, у тебя теперь есть уверенность в своих силах.

Федерика нахмурилась, размышляя над тем, что же скажет ей отец.

Мариана только вернулась с прогулки по побережью, когда вдруг зазвонил телефон. Она взяла трубку и услышала отдаленный гудок и затем высокий голос молодой женщины.

— *Хола, куэн эс?* — спросила она, прижав ладонь другой руки к уху, чтобы приглушить голос Рамонсито, комментировавшего свою азартную партию в шахматы с дедом.

— Это Федерика.

Мариана затаила дыхание.

— Феде? Это ты? — ахнула она уже на английском языке.

— Абуэлита, это действительно я! — воскликнула та, ошеломленная ураганом ностальгических ощущений.

— Прошло столько лет! Как ты поживаешь?

— Завтра я прилетаю в Чили вместе с Хэлом. Мы можем у вас остановиться?

— О Боже, конечно можете, — возбужденно ответила Мариана. — Я не могу поверить.

Мне казалось, что вы о нас совсем забыли.

— Я никогда не забывала тебя, Абуэлита. Мне так много нужно тебе рассказать, так много... — говорила Федерика. — Папа живет с вами? — охрипшим от волнения голосом спросила она.

— У него дом на побережье между нашим поселком и Запалларом.

— Но он сейчас там?

— Да, — радостно ответила Мариана. — Он будет так счастлив увидеть вас обоих! Я пришлю за вами машину. — Затем она с надеждой добавила: — Сколько вы намерены гостить?

Федерика не могла сдержаться и рассмеялась, поскольку бабушка совсем не изменилась.

— Не знаю, — ответила она, подумав, что, быть может, вообще никогда отсюда не уедет.

Когда Мариана появилась на террасе, ее старые глаза излучали счастье. Игнасио оторвал взгляд от шахмат.

— Что случилось? — спросил он, гадая, какое чудо могло заставить ее лицо так засиять.

Не в силах сдержать свою радость, Мариана удовлетворенно потирала руки.

— Рамонсито! — воскликнула она. — Тебе предстоит встретиться со своими сводными братом и сестрой. Они будут здесь через два дня и останутся у нас.

Рамонсито посмотрел на деда, морщинистое лицо которого выражало крайнюю степень удовольствия.

— Женщина, ты точно знаешь, как можно отвлечь наше внимание, — усмехнулся он

ей. — А я уже совсем было уверился, что они нас забыли, — добавил он, снимая очки и вытирая увлажнившиеся глаза.

— Вовсе нет, и даже не думали, — засмеялась она.

— Может, они возвращаются к себе домой, — заметил он, нежно глядя на жену.

— Может быть. — Она бросилась в прохладную глубину дома, чтобы приготовить им комнаты. Она намеревалась сделать это лично, поскольку в таком важном деле нельзя было довериться Гертруде. Гертруде вообще нельзя было давать серьезные поручения, но, по некоторым причинам, Игнасио она нравилась, и он не спешил ее увольнять.

— Абуэлито? — спросил Рамонсито, передвигая по доске свою фигуру. Дед снова водрузил очки на нос и посмотрел на внука поверх стекол. — Как ты думаешь, мне понравятся Хэл и Федерика?

— Конечно да, ты их обязательно полюбишь. Но ты должен помнить, что их оторвали от отца, когда они были еще очень маленькими. Они привезут с собой большой багаж эмоций. Будь терпелив и дай им время, чтобы разобраться с ними. Твой отец любит тебя, Рамонсито, и он любил твою маму больше всех на свете. Никогда об этом не забывай.

Мальчик кивнул и увидел, что дед снова погрузился в игру.

Рамон напечатал последнюю строку своей книги с огромным удовлетворением. Это будет подлинным катарсисом [\[11\]](#). Эстелла показала ему, что можно любить, не будучи собственником, любить так, чтобы подарить своему любимому его свободу. Ее жизнь в буквальном смысле изменила его. Он полагал, что она принесла себя в жертву, чтобы он стал другим. Она послужила ему примером, которому он последовал с благодарностью. Единственное, о чем Рамон сейчас мог только сожалеть, — это о том, что должен был выучить этот урок еще при ее жизни. Он очистил свои чувства от ощущения вины и совершенной ошибки, которые мучили его совесть с тех пор, как он по своей воле покинул детей, используя аллегорические образы трех птиц: павлина, требовавшего полного подчинения любви своим прихотям, ласточки, улетающей от любви прочь, и феникса, который дарил свою безоглядную любовь, не требуя ничего взамен. Когда феникс исчез в языках пламени, павлин и ласточка, наконец, получили урок любви без стремления безраздельно владеть предметом своего поклонения. Рамон был удовлетворен своим творением. Он назвал его «Любить — вот все, что нужно» и посвятил «Тем, кого я любил».

Он подумал о Федерике и Хэле. Было слишком поздно пытаться как-то компенсировать его пренебрежение ими в прошлом, и это очень печалило его. Но у него был Рамонсито, которому он отдал всю любовь, предназначенную для троих. Рамон откинулся в легком кресле в полумраке своего кабинета и перечитывал рукопись с начала и до конца. Ставни были закрыты, чтобы блокировать полуденную жару, но тихий шум прибоя все же был слышен и, вместе с ароматом жимолости и жасмина, ласкал его душу, все еще скорбящую после утраты Эстеллы.

Рамонсито обнаружил отца с закрытыми глазами, погруженным в воспоминания, но не мог ждать, чтобы выложить ему новости, — он знал, как обрадуется отец.

— Просыпайся, папа! — произнес он. — У меня для тебя хорошие новости.

Рамон открыл глаза, выныривая из своих теплых, пропитанных запахом роз мечтаний, и заморгал, выжидательно глядя на сына.

— Хэл и Федерика приезжают через два дня из Англии, — сообщил он, наблюдая, как отец изумленно моргает, пытаясь осознать услышанное. — Это правда. Федерика сегодня

звонила Абуэлите. Наконец-то я встречу со своими братом и сестрой, — сказал он и широко улыбнулся.

Рамон выпрямился и протер глаза.

— Повтори то, что ты сказал, — смущенно попросил он. — Федерика и Хэл приезжают сюда, к нам? Ты уверен?

— Да, — радостно подтвердил Рамонсито.

— И Элен?

— Нет, только Федерика и Хэл.

— Они намерены остановиться у моих родителей, так?

— Да.

— О Боже, я этого не заслуживаю, — пробормотал он, вставая и испытывая головокружение.

— Нет, заслуживаешь, — возразил Рамонсито. — Мама всегда говорила тебе, что нужно поехать и навестить их.

— Но я никогда ее не слушал.

— Она была бы сейчас счастлива.

— Я знаю.

— Ты уже закончил?

— Книгу?

— Да.

— Да, закончил.

— Отлично, давай откроем бутылку вина. Теперь у нас есть две причины для праздника, — с удовольствием констатировал Рамонсито.

Но Рамона не покидала тревога, ведь Федерика и Хэл ничего не знали о Рамонсито.

Брат и сестра сели на самолет, отправившийся в долгое путешествие до Чили. Они не знали, чего ожидать, но надеялись, что призраки прошлого будут повержены и изгнаны. Хэл был бледен и явно ощущал дискомфорт, поскольку тело страдало без отравы, которая так долго его разрушала. Федерика постоянно заставляла его пить воду, чтобы поскорее очистить организм, и хлопотала вокруг него, как заботливая нянька. Как только они зашли в салон самолета, он рухнул в кресло, закрыл воспаленные глаза и погрузился в сон.

Федерика пыталась читать, но была не в силах сосредоточиться. Мысли одолевали события прошедшего месяца, не давая ей покоя. Она снова вспомнила Торквилла. Она оказалась несчастлива с самого начала своего замужества, но поверила, что любит его, и старалась сделать все, что он только ни попросит, чтобы порадовать его. Как легко оказалось для него манипулировать Федерикой, превратив ее в безропотную пешку в своей игре. Она сносила все унижения и ограничения, пока настолько не привыкла к его властному характеру, что уже ничего не замечала и не осознавала, что в силах противостоять его собственнической хватке. Она остро нуждалась в личности, напоминавшей отца и защищавшей ее от всего окружающего мира. Это был мираж, который она сама взрастила в удушающей атмосфере их брака, где его всевластная личность подавляла все ее попытки проявить самостоятельность. Однако ей все же удалось справиться с собой и осознать, что она больше не желает, чтобы кто-то жил вместо нее, а хочет сама пройти той дорогой, которую для себя выберет. В ретроспективе все выглядело достаточно просто. Ей следовало все понять и уйти гораздо раньше. Ее подвела собственная бесхарактерность, и теперь она

молча давала себе клятву, что больше никому и никогда не позволит с собой так обращаться. Она вспомнила об отце и поэтических строках, которые он ей прислал. Именно благодаря его помощи смогла она оглянуться и непредвзято посмотреть на свое замужество. Последующая дружеская поддержка Сэма помогла ей не упасть духом и оставаться на плаву.

Подумав о Сэме, она внутренне заулыбалась, пока эта улыбка не дошла до контура ее губ, заставив их края приподняться. Она мысленно нарисовала перед собой его взъерошенную фигуру, поношенные свитера, которые он всегда носил, пыльные туфли, никогда не знавшие щетки и крема, его высокомерный вид и интеллигентный взгляд. С тоской вспоминала она, каким прекрасным юношей он был, припомнила и их первую встречу на озере. Тогда на его глаза падала густая светлая челка, на бледно-розовых губах блуждала сардоническая улыбка, а гладкая кожа излучала уверенность и харизму молодого человека, знавшего, что он гораздо умнее всех других.

Но что же с ним случилось? Годы украли добрую часть его золотистых волос, опыт умерил его амбиции, а смерть Нуньо лишила самоуверенности. Сейчас он казался более доступным и менее отчужденным. Но Федерика не позволяла себе думать о своих былых чувствах к Сэму; пока она еще не была готова к этому. Она достала шкатулку с бабочкой из сумки и снова вернулась к мыслям об отце и его родителях, оживляя в памяти все прекрасные моменты золотого детства, длившегося до тех пор, пока мать не увезла их с собой за океан.

Хэл проспал почти весь полет, просыпаясь лишь для того, чтобы поесть и посетить туалет. Только после того как они приземлились в аэропорту Сантьяго, он выпрямился в кресле и уставился в окно на панораму Анд, задевшую какие-то струны в его душе и заставившую горло сжаться, а глаза увлажниться. Он тяжело сглотнул, вцепившись в подлокотник, когда где-то в животе завращался вихрь радостных эмоций.

— Мы дома, Феде, — сдавленно произнес он и повернулся к ней. Она только кивнула, поскольку тоже была глубоко взволнована и не могла говорить, и сжала его руку.

Мариана послала шофера, чтобы доставить их в Качагуа. Он представился как Рауль Ферро, но не понимал ни слова по-английски, а Хэл с Федерикой уже забыли испанский, на котором когда-то бегло разговаривали. Поэтому общение проходило в основном на уровне жестов, после чего они прошли за ним к машине. В Сантьяго стояла удушающая жара, но Хэл и Федерика воспринимали ее с удовольствием, вызванным нахлынувшими на них давно забытыми воспоминаниями. Поначалу они сидели на заднем сиденье молча, наблюдая за пролетающими за окнами пейзажами и теряясь в пыльных холмах своего прошлого. Затем, когда машина выехала за пределы города и вырвалась на автостраду, проложенную среди голых гор к побережью, они посмотрели друг на друга уже другими глазами. После многих лет отчужденности они ощущали себя снова вместе, объединенные общим детством и обоюдным желанием вернуть его себе.

— Мне было всего четыре года, когда мы уехали, но я так много помню, — с грустью в голосе говорил Хэл, вытирая рукавом вспотевшее лицо. — Мне уже стало лучше!

— Я подумала, как странно увидеть все это снова, но у меня такое впечатление, что я никогда отсюда и не уезжала, — вздохнула Федерика, наблюдая, как сверкает от жары воздух над дорогой, переливаясь невесомыми перламутровыми струями.

— Я никогда не ощущал свою близость к папе, — внезапно заявил Хэл.

Федерика посмотрела на его встревоженное лицо и ласково улыбнулась ему.

— Я знаю. Он игнорировал тебя, да? — мягко согласилась она.

— Странно, ведь тогда я был совсем маленьким, но почему-то все эти годы ощущал его отчужденность.

— Но зато ты у мамы был золотым мальчиком.

— За это пришлось дорого заплатить, поверь мне.

— Ну, понятно — ласковая удавка, — покачала головой Федерика, вспоминая всепоглощающую потребность матери в Хэле и ее постоянную неудовлетворенность жизнью.

— Она — глубоко несчастная женщина, — задумчиво произнес Хэл. — Я вырос вместе с обязанностью делать ее счастливой, что не в силах был обеспечить никто другой. Ты ведь знаешь, что и Артур тоже от нее отказался, так же, как и папа. Но я думаю, что как раз Артур смог бы сделать ее счастливой.

— О, не ставь на нем крест раньше времени, — усмехнулась она.

— Что ты этим хочешь сказать? — Он нахмурился. — Я всегда считал, что ты ненавидишь Артура.

— Так и было. Но я никогда не давала ему шанса. Он хороший человек, и маме повезло, что она встретила с ним. — Она заметила на его лице растерянность и кивнула. — Я с ним встречалась, Хэл. Они по-прежнему любят друг друга.

— Да, так это здорово. — Хэл вздохнул с облегчением. — В сущности, она не такая уж и плохая. Только чересчур неуправляемая.

— Ей нужно было время, чтобы прийти в себя после разрыва с папой, но, думаю, она запомнит полученный урок. Чем больше мудрости, тем больше сожаленья, — процитировала она к месту.

— Ты говоришь почти как Сэм Эплби, — заметил он.

Федерика вздрогнула.

— Разве?

— Да, его напыщенность заразительна. Похоже, что ты провела слишком много времени в его обществе. — Хэл глянул в окно. — Как ты думаешь, почему папа от нас отказался? — неожиданно спросил он, меняя тему. Раньше они никогда не обсуждали вместе поведение отца, поскольку не осмеливались задавать кому бы то ни было подобные вопросы.

Федерика опустила глаза.

— Не знаю, — честно призналась она, позволяя мыслям о Сэме Эплби раствориться в отцовской тени. — Но я намерена спросить его об этом. Мне необходимо это знать, и тебе тоже.

— Почему ты считаешь, что он будет счастлив, увидев нас?

— Я просто это знаю, — твердо заверила она.

— Он имел возможность в любой момент приехать, чтобы навестить нас в Англии, но не сделал этого. Почему же теперь он должен нам обрадоваться?

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Хэл, — осторожно произнесла она. — Но поверь мне. Я знаю, что он сожалеет о прошлом, и уверена, что он все-таки беспокоится о нас.

Хэл стал увлеченно рассматривать открывавшиеся вокруг прекрасные виды, так непохожие на холодные скалы Корнуолла, осознавая, как его охватывает глубокое и неизъяснимое ощущение. Он чувствовал, будто невидимая сила наполняет его душу чем —

то невесомым, заряжая тело бодростью и оптимизмом.

* * *

Рамон сидел на террасе летнего дома родителей, глядя на притихшее море, блестящее в ярких лучах последних утренних часов. Накануне он почти не спал, охваченный чувством вины и озабоченностью предстоящим объяснением с детьми, которых покинул много лет назад, оставив без отцовской любви и внимания. Как он сможет рассказать им о Рамонсито и об Эстелле? Смогут ли они понять его? Как будет чувствовать себя Рамонсито, обнаружив, что должен делить с другими привязанность отца, если он вырос и свыкся со своим исключительным правом на нее? Он посмотрел на часы — они должны были приехать уже совсем скоро — и ощутил в животе пульсирующий комочек нервов. Он понимал, что должен был встретить их в аэропорту, но не смог этого сделать, поскольку остро нуждался в моральной поддержке родителей.

Мариана согласилась с ним.

— Гораздо лучше, если они увидят нас всех в домашней обстановке, это поможет снять напряжение, — сказала она.

— Именно здесь, сын, — подтвердил Игнасио, подавая ему стаканчик рома. — Похоже, тебе нужно немного взбодриться.

— Я просто не знаю, чего же следует ожидать, — неуверенно произнес Рамон.

— Не надо об этом слишком уж много раздумывать, — посоветовал Игнасио, усаживаясь напротив Рамона и надевая свою панаму, чтобы защитить голову от солнца. — Они приезжают, потому что ты — их отец, а не для того, чтобы помучить тебя. Нужно оставить в прошлом былые обиды, и тогда вы снова обнимете друг друга. Вот мой совет.

— Так много всего случилось, — сказал Рамон, уставившись в свой стакан. — Эстелла, Рамонсито...

— Жизнь не стоит на месте. В ней много глав, но только одна книга. И все главы связаны единой нитью.

— И что это за нить, папа? — тяжело дыша, спросил Рамон.

— Любовь, — просто ответил Игнасио. Рамон нахмурился, но отец только кивнул: — Я уже стар и умудрен годами, сынок. Мне уже больше восьмидесяти четырех лет, и я знаю не так уж много важных вещей в этой жизни. Это одна из них. Попробуй немного поучиться у старика. — Он усмехнулся. — Любовь объединит вас всех, вот увидишь.

— Любовь и прощение, — добавил Рамон, опрокидывая залпом свой стаканчик. — И последнее понадобится в очень больших дозах.

* * *

Когда машина выехала на побережье, Федерика и Хэл стали предаваться воспоминаниям с еще большим возбуждением. Они узнали хижину, возле которой всегда останавливались по дороге к старикам и где Рамон покупал им напитки и эмпанадас, и где под раскидистыми платанами босоногие чилийские ребята играли в футбол пустой банкой из-под кока-колы. Их поразило, как мало здесь все изменилось за столько лет, будто

сейчас они путешествовали в особом пространстве, над которым время было бессильно.

Во время спуска по пыльной дороге, ведущей непосредственно в Качагуа, они замолчали, будучи слишком взволнованы и озабочены, чтобы говорить. Хэл взял Федерику за руку, что ее очень удивило, — обычно подобная инициатива исходила только от нее. Она сжала его ладонь, благодаря за поддержку, поскольку тоже очень нервничала. Крытые тростником дома, утопающие в зелени деревьев и кустов, остались прежними, но их стало больше. Когда автомобиль остановился у стен знакомого дома, они услышали, как громко и в унисон стучат их сердца.

— Мне страшно, — признался Хэл.

— Мне тоже, — хрипло ответила Федерика. — Но мы уже приехали, так что осталось только нырнуть. Идем, — сказала она, стараясь подавить охватившую ее неуверенность.

Рамон услышал шум двигателя машины, сменившийся тягостной тишиной ожидания. Затем его слух уловил, как открылись и закрылись дверцы. Он посмотрел на родителей и Рамонсито. Все они дружно встали и пошли в дом. Старые ноги Марианы уже потеряли былую прыть, но она прошла через гостиную так быстро, как только могла, тяжело дыша от волнения. Рамонсито разделял энтузиазм стариков и не понимал нерешительности, охватившей отца. Его всегда интересовало, как выглядят его сводные брат и сестра, и он часто представлял, будто они живут в Чили, так что он мог наслаждаться собственной большой семьей, как и у всех его школьных друзей, имевших до десятка братьев и сестер.

Игнасио повернулся к сыну, испуганно застывшему на террасе с побледневшим лицом.

— Сын, это ведь как ныряние в море — ожидание неприятно, но потом, уже в воде, становится тепло и хорошо. — Он понимающе улыбнулся. — Тебе просто нужно нырнуть и больше ни о чем не думать.

Рамон кивнул и последовал за ним в полумрак дома, где царила прохлада и аромат туберозы. В своем сознании он все еще представлял Федерику тринадцатилетней девочкой, которую он в последний раз видел в Корнуолле, на велосипеде. Хэла он помнил еще меньше, и это заставляло его ощущать свою вину как никогда остро.

Когда Федерика и Хэл увидели бабушку, поспешно выходящую из дома, чтобы их приветствовать, их сердца на мгновение замерли от волнения, но потом забились еще быстрее от охватившей их радости. Ее волосы побелели, а сама она казалась меньше ростом, поскольку они видели ее в последний раз еще детьми. Но улыбка и слезы по-прежнему выдавали ее добрый характер, как и почти два десятка лет назад, и они бросились к ней, чтобы обнять. Ей хотелось сказать, какими они стали большими, как прекрасна Федерика и как красив Хэл, но ее горло сковал спазм, а губы дрожали от сожаления, что она так постарела и потеряла без них все эти долгие годы, пока они росли. Она обняла внуков, жестикулируя трясущимися руками и выражая мимикой и взглядом все те эмоции, которые не могла пока выразить словами.

Следующим в дверном проеме появился Игнасио, поскольку Рамонсито подался назад, внезапно охваченный робостью. Он крепко сжал внуков в своих объятиях, смеясь от радости, хотя из-за волнения тоже был не в силах говорить. Хэл помнил прогулки у него на плечах, но с трудом мог признать могучего мужчину из своего детства в худом мудром старце, стоявшем перед ним.

Затем на пороге вместе с младшим сыном нерешительно появился Рамон.

Федерика увидела тревогу в его глазах и бросилась к нему, как делала это всегда, будучи еще ребенком. Рамон был потрясен той уверенностью, с которой она продемонстрировала свою привязанность, и с благодарностью заключил ее в свои объятия. С удивлением он узнавал в ней черты юной Элен, в которую влюбился на пирсе в Польперро. Ее волосы были такими же светлыми и волнистыми, кожа такой же светящейся, а глаза сияли такой же чистой и голубизной, которая когда-то обезоружила его в ее матери. Он держал ее лицо в своих ладонях, охваченный глубоким сожалением.

— Ты так выросла, — задыхаясь, произнес он. — И ты сделала это без меня? — сказал он, снова обнимая ее.

— Без тебя? Конечно нет, — фыркнула она, вдыхая его знакомый запах, который помнила все эти годы, не позволяя себе забыть отца. Рамон посмотрел через плечо Федерики и увидел побледневшее лицо сына, смотревшего на него затравленным взглядом. Он нежно отстранился от дочери и направился к нему.

— Хэл, — сказал он, протягивая руку. Хэл попытался произнести «папа», но из его горла раздался только сухой хриплый звук. Он впился взглядом в лицо отца, стараясь найти в нем признаки привязанности, но увидел только страх и неуверенность. Он тяжело сглотнул и снова поднял глаза на отца. — Хэл, мне так жаль, — прошептал Рамон. Глаза сына потеплели, и Рамон сделал к нему шаг, протягивая руки и прижимая к себе дрожащего от эмоций молодого человека. Хэл издал стон и затем разрыдался. — Мы все восполним, сынок, — сказал Рамон, — обещаю.

Рамонсито следил за сценами воссоединения с порога, чувствуя, что его исключили. Ему были чужды слезы и чрезмерные эмоции, ведь он не плакал даже на похоронах матери. Он с любопытством наблюдал за Федерикой и Хэлом и слушал, как они говорят на языке, который не понимал. Федерика оказалась совсем непохожей на Рамона, но Хэл был почти точной его копией, если не считать его худобу и болезненный вид. Ему хотелось подойти и представиться самому, но он понимал, что у него нет своей роли в этом семейном единении, поскольку все они сейчас горевали о разлуке, постигшей их еще до его рождения.

Вдруг Рамон вспомнил о Рамонсито. Он выпрямился и повернулся к сыну, нерешительно застывшему в тени.

— Рамонсито, — позвал он. — Иди сюда, сын, и поздоровайся со своими братом и сестрой. — Он произнес эти слова на испанском, но Хэл и Федерика все поняли и удивленно переглянулись. На освещенном солнцем пространстве появился пятнадцатилетний подросток. Он был высоким и атлетически сложенным, с волосами цвета воронова крыла и сияющими глазами цвета молочного шоколада.

Федерика сразу уловила в его улыбке и походке черты Рамона, но его кожа была медового цвета, а лицо более удлиненным и мягким, чем у отца.

Хэл тоже увидел собственное отражение в смуглых чертах Рамонсито и, собравшись с силами, шагнул ему навстречу, чтобы пожать руку.

— Я всегда хотел иметь брата, — сказал он.

Когда Рамон перевел эту фразу, лицо Рамонсито расплылось в широкой улыбке и он ответил на испанском:

— Я тоже.

Федерика взяла его за руку и поцеловала. Он покраснел до корней своих блестящих волос. Федерика улыбнулась ему, поскольку, кроме крови, у нее с ним тоже оказалась общая особенность.

И Хэл, и Федерика помнили большую террасу в этом доме с видом на морские просторы. Ароматы гардении и эвкалипта снова вернули их в детство, но сейчас они стали другими и та счастливая пора уже казалась совершенно другой жизнью. Все расселись на солнце, и жара понемногу растопила их тревоги и опасения, хотя атмосфера все еще оставалась скованной. Было так много всего, что они хотели бы сказать друг другу, но никто не знал, как начать.

Гертруда принесла поднос *писко со* и обнесла присутствующих, ломая голову, почему это место так наполнено одновременно и радостью, и печалью. Затем ее охватило любопытство при виде двух подозрительных незнакомцев. Еще больше ее удивила просьба Хэла принести ему стакан воды.

— До сих пор не могу поверить, что вы здесь, — радостно сказала Мариана. — Что же вернуло вас нам через столько лет?

Федерика отпила напиток со спиртным, который ей никогда не давали попробовать в детстве, и поморщилась.

— Какая кислятина! — воскликнула она.

— Это из-за лимона, — сообщила Мариана. — К нему нужно привыкнуть.

— Один стакан может свалить тебя с ног, — предупредил Игнасио.

— Так что же заставило вас приехать спустя столько лет? — спросил Рамон.

Федерика вздохнула и посмотрела на Хэла, который уселся в кресло и жадно пил воду.

— В жизни случаются вещи, которые заставляют оглянуться назад, — начала она, тщательно подбирая слова. — У меня было неудачное замужество, а Хэл... ну, Хэлу пришлось пережить тяжелый период в своей жизни. У нас возникла потребность вернуться назад, к нашим корням. Нам нужно было снова вас увидеть. Это вовсе не естественно так долго быть разделенными со своей семьей. — Она опустила глаза, не желая, чтобы отец снова ощутил вину за то, что покинул их. Мариана посмотрела на сына и почувствовала неуверенность. — Это так прекрасно — вернуться и найти нового члена семьи, — продолжала Федерика, заполняя неловкую паузу. Все посмотрели на Рамонсито, который снова покраснел и застенчиво улыбнулся.

— Вы, наверно, совсем забыли свой испанский? — спросила Мариана.

— Боюсь, что да, — призналась Федерика. — Я кое-что понимаю, но очень мало.

— Папа, а где твоя жена? — спросил Хэл, опустошив свой стакан.

Лицо Рамона омрачила печаль.

— Она умерла, — ответил он.

Хэл смутился и пробормотал извинения. Мариана прокомментировала погоду, а Игнасио встал.

— Сын, почему бы тебе не прогуляться по берегу с Федерикой и Хэлом? Вам нужно о многом поговорить. Когда вы вернетесь, мы сможем начать все сначала.

Рамон с облегчением вздохнул и перевел все сыну. Рамонсито кивнул и проследил, как брат и сестра встали и пошли вместе с отцом.

— О Боже, обстановка оказалась напряженной, — констатировала Мариана, когда все ушли.

— Спокойно, женщина, им нужно обсудить все наедине, — сказал Игнасио. — Как

насчет партии в шахматы, Рамонсито? — спросил он у внука, который смотрел на него и улыбался.

— Какая красивая у меня сестра, Абуэлито, — восхищенно произнес тот.

Рамон не захотел отправляться на берег.

— Я хочу повезти вас в другое место, — сообщил он, открывая машину и усаживаясь за руль.

— Я слышала, что у тебя есть свой дом на берегу, — сказала Федерика, замечая, что его волосы совсем поседели на висках, а прозрачная кожа под глазами обвисла под слишком длительным воздействием не отпускавшей его меланхолии. Он выглядел очень постаревшим.

— Да, конечно, но мы отправимся не туда, — ответил он, выруливая по песчаной дороге. — Я отвезу вас на встречу с Эстеллой.

— Кто такая Эстелла? — спросил Хэл.

— Мама Рамонсито.

— О, — закашлялся Хэл, скрывая свое замешательство.

Кладбище располагалось на вершине холма с видом на море и встретило их божественным покоем и тишиной. Было жарко, воздух наполняли ароматы цветов и сосен. Рамон припарковал автомобиль, и все они прошли к тому месту, где была похоронена Эстелла, стараясь не наступать на могильные плиты и не тревожить души усопших.

— Вот место, где покоится Эстелла, — сказал Рамон, поправляя цветы, которые оставил на надгробье этим утром.

— У нее здесь прекрасный вид на море, — произнес Хэл, стараясь исправить невольно допущенную им бестактность.

Рамон улыбнулся ему.

— Да, это верно.

— Ты расскажешь нам о ней, папа? — спросила Федерика. — Должно быть, она была прекрасна, поскольку Рамонсито очень красивый юноша.

— Да, она была прекрасна, — горестно согласился он. — Но я хочу все же начать сначала. Начнем с вас, с Федерики, Хэла и Элен. Давайте присядем здесь, — предложил он, указывая на покрытый густой травой склон, ведущий вниз к скалам.

Они присели на солнце и смотрели на гипнотический морской прибой, размеренно шумевший под ними. Рамон взял каждого из них за руку.

— Я прошу вас двоих простить меня, — сказал он. Хэл и Федерика не знали, что ответить и в изумлении смотрели на него. — Я ушел от вашей матери потому, что ее любовь оказалась слишком напряженной и удушающей. Нам следовало в первую очередь подумать о вас и постараться урегулировать свои проблемы, но мы оказались слишком эгоистичны. Я не предпринял никаких усилий, чтобы убедить ее остаться, а она не попыталась измениться ради меня. Я любил вас обоих, но не понимал, что потерял, а потом было уже поздно, и еще слишком стыдно, так что я просто бежал и бросил вас. Бежать казалось легче — ведь я всю жизнь убегал от любви. — И Федерика, и Хэл были потрясены искренностью его слов.

Затем он стал перечислять эпизоды из их детства, которые его особо трогали, и мелкие подробности их характеров, которые он помнил и пронес с собой через все эти годы.

— Хэл, именно тогда ты привык цепляться за мать. Думаю, я испугал тебя. Ты оказался

таким чувствительным, что ощущал размолвку между нами, и это меня очень беспокоило. Ты был еще слишком маленьким, и я привык брать с собой повсюду Федерику, а тебя оставлять с Элен. Я никогда по-настоящему не знал тебя. Но я хочу начать все сначала и сделать это прямо сейчас, — признался он, глядя в тревожные глаза сына и понимая мучения, которые они скрывали. — Ты мой сын, Хэл, и нет ничего важнее, чем кровные узы. Сейчас я это осознал. Для этого мне пришлось многое пережить, но теперь я знаю, что это главное.

— Так и будет, папа, — пробормотал Хэл, способность которого к самовыражению была подавлена жарой и алкоголем, который еще не до конца вывелся из организма.

Рамон рассказал им о том времени, когда он отправился в Англию, чтобы увидеть детей, и о том, как Элен защищала их от него. Не скрыл он и тот эпизод, когда в последний свой приезд увидел Федерику на велосипеде, но уехал, последовав совету Элен.

— Но никогда не обвиняйте свою мать за это. Я проявил черствость, вторгаясь в вашу жизнь тогда, когда хотел, и только для того, чтобы успокоить свою совесть. Она была права, вам это не принесло бы никакой пользы.

— Гибель Эстеллы научила меня ценить жизнь, — печально продолжал он. Как ни старалась Федерика вспомнить красивую молодую женщину, проплывавшую по комнатам дома на побережье и наполнявшую его нежным ароматом роз, у нее ничего конкретного не получалось. — Я не могу сказать, что мгновенно влюбился в Эстеллу. Она вызвала у меня физическое влечение, которое потом переросло в нечто большее, важное и глубокое. Когда я был с ней, остальной мир переставал для меня существовать. Такого состояния я никогда раньше не испытывал. Я провел всю жизнь, убегая от людей и стараясь остаться в одиночестве, не желая никому принадлежать. Эстелла была совсем другой. Она не выдвигала никаких требований и не досаждала мне демонстрацией чрезмерной привязанности. Все, что ей было нужно, — это моя любовь. Поэтому я и стал писать здесь на берегу, вместо того чтобы скитаться по всему миру. У меня уже не было потребности уезжать, поскольку она стала моей музой, и с ней я написал свои лучшие книги. Рамонсито стал живым воплощением нашей любви. Когда она погибла на дороге, у меня было такое ощущение, будто весь мой мир взорвался. Горе поглотило меня. Я должен был жениться на ней, но более удобно было ощущать себя не связанным. Мне следовало чаще говорить, как я люблю ее. Мне следовало и вам двоим говорить, что я вас люблю, и предпринять большие усилия, чтобы стать частью вашей жизни. Сейчас я на это уже способен. Своим приездом сюда вы дали мне второй шанс. К сожалению, с Эстеллой его уже никогда не будет.

— Папа, мы тебе все прощаем, — прошептала Федерика, взяв его руку и крепко ее сжимая. — Теперь мы снова вместе, правда, Хэл? — Хэл кивнул. — Если бы не твоя поэзия, у меня никогда не хватило бы сил уйти от мужа, — продолжала она.

— Правда? — удивленно сказал Рамон, не понимая, что именно она имеет в виду. Тогда она рассказала ему о своем замужестве и о том, как шкатулка с бабочкой, где хранились его письма, помогала ей в трудные времена.

— Ты не знаешь этого, папа, но ты всегда был со мной. Ты приходил, когда я больше всего в тебе нуждалась, — сообщила она.

Рамон улыбнулся ей, но одновременно обратил внимание, что Хэл почти все время молчит.

Они просидели на склоне холма до тех пор, пока солнце не стало так припекать, что им пришлось укрыться в тени сосен. Радуюсь встрече, они долго говорили о прошлом, строя

мосты друг к другу через пропасть, разделившую семью, пока ощущение голода не отвлекло их от потока эмоций и не напомнило о том, как быстро пробегает день.

— Гертруда будет в ярости, что мы опаздываем на ланч, — заметил Рамон и подмигнул Хэлу.

Гертруда действительно выглядела более недовольной, чем обычно. Ланч проходил на террасе, и на этот раз атмосфера была уже почти праздничной. Все дружно ударились в воспоминания, а Федерика рассказывала об их жизни в Англии, красотах Корнуолла и необычных людях, которые там живут. Хэл делал героические попытки игнорировать многочисленные бутылки вина, украшавшие стол, и утолял свою жажду бесчисленными стаканами воды. Чувствуя усталость от жары и длительного путешествия, он вскоре отправился в свою комнату, чтобы поспать во время сиесты.

Рамон использовал возможность, чтобы расспросить Федерику о состоянии его здоровья.

— Боюсь, что со здоровьем у него плохие дела, — призналась она.

— Он ужасно выглядит, *побречито!* — сочувственно вздохнула Мариана, припоминая маленького мальчика, питавшего пристрастие к мороженому, *манджар бланко* и катанию на плечах у деда.

— Если помнишь, он съедал столько мороженого, что хватило бы на целую армию, — заметил Игнасио.

— Он был глубоко несчастен, — сообщила Федерика, — и потихоньку уничтожал себя, пытаясь найти утешение в алкоголе и беспутной жизни. Я подумала, что приезд сюда поможет ему преодолеть свои проблемы. — Затем она посмотрела на отца. — Я надеялась, что ты сможешь найти к нему ключ. В конце концов, мне ты сумел помочь.

— Я постараюсь, — искренне ответил он.

— Каким образом Рамон сумел тебе помочь, Феде? — с любопытством спросила Мариана, горя желанием обнаружить доказательства того, что он не совсем забыл о своих детях, как она полагала.

— Он посылал мне поэтические строки, — сказала она, нежно ему улыбаясь. — Вам может показаться странным, что всего несколько строк могут изменить чью-то жизнь, но именно так и случилось. Я была совершенно слепа в той ситуации, в которой оказалась, и эти мудрые строки раскрыли мне глаза. Сознание того, что папа думает обо мне, придало мне храбрости и позволило оставить Торквилла. Я точно знаю, что не смогла бы сделать это в одиночку.

Рамон в смущении улыбнулся ей, но Федерика приняла его недоумение за скромность.

— Ты у нас темная лошадка, Рамон, — гордо заявила Мариана. — Федерика, после ланча я хотела бы показать тебе альбомы с семейными фотографиями. Там есть прелестные детские снимки с тобой и Хэлом.

— А я хочу взять свою камеру и поснимать вас всех. Я никогда не забуду о нашем воссоединении.

Зайдя в приготовленную ей спальню, чтобы отдохнуть, Федерика сразу же почувствовала запах лаванды от своих простыней и обратила внимание на букет крупных тубероз на тумбочке. Ставни были закрыты, чтобы сохранить в комнате прохладу, но она их открыла, впуслав солнечные лучи, осветившие ее воспоминания о знакомой мебели и

картине на стене. Федерика достала камеру. Усевшись на кровать, она вытащила из защитного футляра объектив, вспоминая указания Джулиана о мерах предосторожности, чтобы его не повредить. Потом она подумала о Сэме. Ей захотелось позвонить ему и рассказать обо всех происшедших событиях. Но она решила, что следует сделать несколько снимков, которые свидетельствовали бы о практическом применении его подарка.

— Феде, можно мне войти?

Она повернулась и увидела в дверях отца.

— Конечно, — ответила она. — Я сейчас как раз собираю эту потрясающую камеру, чтобы сделать несколько фотографий и показать их всем в Англии.

— Отличная идея, — одобрил Рамон, садясь на другую кровать. — Я насчет этих поэтических строк, — начал он.

— Они очень меня ободрили, — радостно сообщила она. — Сейчас я стала другим человеком.

— Я их не посылал, — признался он.

С лица Федерики медленно сползало радостное возбуждение.

— Ты их не посылал? — в изумлении повторила она.

— Нет, — подтвердил он, качая головой. — Но я не хотел говорить это при всех, чтобы не поставить тебя в неловкое положение.

— Нет, конечно, ты их посылал, — сконфуженно сказала она. — Было всего две записки: одну бросили в ящик на моей двери, а другую — прямо на заднее сиденье автомобиля.

— Они были подписаны?

— Нет, — произнесла она, прищуривая глаза.

— Я уже много лет не был в Лондоне, — признался отец.

— Правда?

— Правда. Послушай, когда Хэл проснется, я возьму его с собой в мой дом на берегу. Там есть книга, которую я хочу дать ему почитать. Ты не возражаешь?

— Конечно нет, — нерешительно произнесла она. — Но я не могу поверить, что ты действительно не посылал мне эти записки.

— Извини, — сказал он, вставая. — Но я хотел бы, чтобы я их тогда послал.

— Это не важно. Кто бы ни был их автором, результат остался бы тем же, — небрежно сказала она, будто это действительно не имело особого значения.

Когда Рамон ушел, она уставилась на камеру в полном недоумении. Затем, когда ее пронзила мысль о том, что это мог быть только Сэм, она ощутила тяжесть в животе. Он заботился о ней с самого начала. Он спорил с ней за ланчем, а потом на похоронах Нуньо, но она не желала слушать. После этого он уже не мог обратиться к ней снова, во всяком случае открыто. Это было совершенно очевидно, и все же ей так мучительно хотелось верить, что за этими посланиями стоял отец, что пришлось убеждать саму себя. Как бесчувственно с ее стороны было отдать все свое доверие Рамону. Без всяких сомнений, Сэм был очень этим удручен.

Пока Мариана показывала ей альбомы из ее детства и последующих лет, когда ее уже здесь не было, Федерика заставляла себя сосредоточиться, поскольку не способна была думать ни о чем, кроме Сэма. Мариана сопровождала каждый снимок краткой историей, как это любят делать старые люди, но Федерика была слишком взволнована и поедала глазами телефон. Рассеянно слушая рассказы бабушки, она обдумывала, будет ли удобно попросить

разрешения сделать звонок в Англию. В этот момент Мариана добралась до фотографии Эстеллы, которая отвлекла внимание Федерики от своих мыслей. Она вглядывалась в ясное лицо женщины, укравшей сердце ее отца. Она была красивой и нежной, с таким же выражением лица, как у Рамонсито. Инстинктивно она тут же поняла, что полюбила бы ее, если бы они могли встретиться. Трагические обстоятельства ее смерти глубоко затронули Федерику и напомнили ей о бренности собственного существования. Эстелла была слишком прекрасна и молода, чтобы умирать. Федерика тут же вспомнила о Тобакуай и представила себе, что та должна была выглядеть в точности как Эстелла. В этих смертях она увидела переходящую суть жизни и важность полноты проживания каждого мгновения, поскольку смерть может явиться в любой момент, чтобы забрать человека навсегда.

Игнасио беседовал с Рамонсито, заканчивая с ним партию в шахматы. Солнце еще пекло, так что деду приходилось периодически снимать шляпу и вытирать лоб белым носовым платком, припасенным в кармане. Эти секунды Рамонсито использовал, чтобы взглянуть на прекрасное лицо своей сестры, когда она не могла видеть, что он за ней наблюдает. Ему не терпелось сообщить Пабло и Марии Рега о внезапном приезде давно утраченных детей его отца. Все, что касалось Рамона, очень интересовало их, поскольку он был представителем совсем другого мира, но в то же время любил их Эстеллу.

Проснувшись после долгой сиесты, Хэл не сразу осознал, где находится. Он оглядел комнату, ее белые стены и добротную деревянную мебель, медленно вспоминая, где он находится. Его голова болела от жары, а тело страдало от отсутствия спиртного, которое его чуть не доконало. Собравшись с силами, он принял душ, позволив холодной воде смыть усталость и следы несчастья, преследовавшего его до самого Чили. Когда он появился на террасе, Рамон уже ждал его, чтобы взять с собой в свой дом на берегу.

— А Федерика поедет? — спросил Хэл, когда Рамон предложил ему отправиться в путь.

— Нет, только ты и я. Я хочу, чтобы ты кое-что прочитал. — Хэл последовал за отцом к машине, ощущая прилив оптимизма и одновременно стыдясь этого, поскольку был необычайно рад, что отец наконец-то взял с собой его одного.

— Это дом Эстеллы, — пояснил Рамон, когда они подъехали. — Я поселил ее здесь, когда родился Рамонсито. Ее нравилось жить у моря, да и мне тоже.

— Здесь просто очаровательно! — воскликнул Хэл, наконец обретя голос. — Совершенно очаровательно, — повторил он, глядя на оплетенные вьющимися растениями стены и крышу и на величественные горы, возвышавшиеся позади. Внезапно его охватило какое-то непонятное ощущение. — Наверное, здесь все напоминает тебе о ней? — спросил он.

Рамон кивнул.

— Все, — ответил он. — Не проходит и дня, чтобы я не думал о ней.

— Я хотел бы так полюбить, — задумчиво признался Хэл.

— Наступит и этот день, я уверен, — сказал Рамон. — Ты еще очень молод.

— Я знаю, и у меня еще вся жизнь впереди, — отозвался Хэл. — Но пока я растрачивал ее без всякого смысла.

— Всегда есть время, чтобы начать сначала.

— Я хочу начать сначала, папа. И я хочу сделать это здесь, — решительно ответил Хэл. — Не могу объяснить это, но я чувствую свою связь с этим местом.

— Это в твоей крови, сынок, — пояснил Рамон.

— Наверное, так и есть, — согласился Хэл. — Это в моей крови.

Рамон провел его по дому, прихватил по дороге свою рукопись, написанную для Элен, и бутылку воды, а затем отправился с Хэлом на берег. Они устроились на солнце, жар которого уже начал ослабевать, и говорили о жизни и о любви. Потом Рамон показал ему свою книгу.

— Я написал ее на английском языке для твоей матери, а также для тебя и Федерики, — сказал он. Хэл взял ее и быстро перелистал. — Она не очень большая. Я бы действительно хотел, чтобы вы ее прочитали. Ее еще никто не читал.

— Для меня это будет честь, — искренне ответил Хэл. — А что, ее действительно никто еще не читал?

— Нет.

— Почему ты решил ее написать?

— Потому что она стала для меня катарсисом, потому что я хочу, чтобы Элен поняла, в чем была наша ошибка. — Он замолчал, а потом улыбнулся Хэлу и поправил себя: — В чем была моя ошибка.

— Похоже, ты действительно измучил себя этим чувством вины, да?

Рамон посмотрел на него и рассмеялся.

— Ты считаешь, что я перестарался?

— Я не думаю, что тебе следует слишком бичевать себя, — произнес он, улыбаясь в ответ.

— Значит, ты полагаешь, что я занимаюсь самобичеванием, так? — спросил Рамон, шутливо толкая сына в спину.

— Что-то в этом роде. Тебе не стоит так уж винить себя. Множество людей разводятся и оставляют детей. И ничего, все они выживают, не правда ли? И мы выжили.

Рамон с любовью посмотрел на него и обнял его за плечи.

— Знаешь, для человека, который не очень хорошо себя чувствует, ты вполне прилично рассуждаешь.

— Я рад. А мне уже казалось, что я совсем потерял дар речи.

— Что ты еще потерял, как думаешь? Может, руки?

— Ты хочешь поплавать? — с энтузиазмом спросил Хэл.

— Если ты составишь мне компанию.

В волшебном свете заката они бросились в золотые воды Тихого океана. Хэл завопил от холода, пронзившего его тело, но Рамон крикнул, что нужно быть мужчиной, и нырнул. Следуя примеру отца, он тоже нырнул, ощущая, как вода сковывает холодом конечности до тех пор, пока у него уже не оставалось сил терпеть ледяную температуру моря. Он поплыл обратно, смеясь и перебрасываясь шутками с отцом, чувствуя, как ласковые волны уносят куда-то бессмысленную суету последних лет. Когда они наконец улеглись на песок, чтобы согреться и просохнуть в лучах угасающего солнца, Хэл уже твердо осознал, где ему следует жить.

— Папа, а что, если я никогда не вернусь назад? — спросил он, глядя на отца сияющими глазами.

— В Англию?

— Да, что, если я просто не вернусь?

— Ты будешь там, где подскажет тебе твое сердце, Хэл. Кроме того, ты ведь вернулся на родину, — сказал он, серьезно глядя на сына.

— Спасибо, папа, — облегченно вздохнул Хэл, переводя взгляд на горизонт и снова вздыхая уже с удовлетворением. — Я вернулся домой.

Федерика спросила у Марианы, можно ли будет позвонить в Англию.

— Звони, сколько пожелаешь, — с радостью сказала Мариана. — Твоя мама захочет узнать, как у вас идут дела.

Но Элен Федерика звонить не стала. Она позвонила Сэму. Долго раздавались гудки, пока на другом конце не взяли трубку. Это оказалась Ингрид.

— Ингрид, это Федерика, — сообщила девушка.

— А, Феде, дорогая, как ты? — весело спросила Ингрид.

— Я звоню из Чили, — ответила Федерика с замиранием сердца.

— Какая прелесть.

— А Сэм дома? — спросила она.

— Нет, он уехал, — рассеянно сказала Ингрид.

— Уехал? — Федерика была разочарована. — Куда уехал?

— К какой-то своей старинной подруге, полагаю.

— К старинной подруге?

— Да, которая ему долгое время нравилась. Бедный мальчик, ему пора уже задуматься о своем будущем.

— Конечно, — ответила Федерика, машинально отмечая в голосе Ингрид полное отсутствие какой-либо озабоченности.

— Он ведь не становится моложе, — продолжала Ингрид, добавляя соли на раны Федерики.

— Он не сказал, сколько будет отсутствовать?

— Нет, дорогая, ты ведь знаешь Сэма! Он никогда ни с кем не делится своими планами.

— Он не оставил телефонный номер?

— Снова нет, дорогая. Похоже, это какой-то большой дом в Шотландии, если это тебе о чем-то говорит. Впрочем, ты знаешь всех его друзей лучше меня. Сказать ему, чтобы позвонил тебе, когда вернется?

— Нет, все в порядке. Просто скажите ему, что я звонила, — попросила она, проглатывая свое разочарование.

Не успела Ингрид положить трубку, как появился Сэм, вернувшийся с прогулки с собаками по скалам.

— Кто это был, мама?

— Никто из тех, кого ты знаешь, — сообщила она, взяв в руки крошечного лисенка и поглаживая его влажный мех. — Интересовались, есть ли у нас сейчас в доме какие-нибудь звереныши, — добавила она, целуя лисенка. — Жаль, что они не интересовались малюткой Рыжиком, да, Рыжик? — Она посмотрела на унылое лицо Сэма и подумала, что Федерике следовало бы знать, как она любит сына, особенно когда возникает опасность его потерять. Сэм взял из вазы яблоко. — Куда ты направляешься, дорогой? — спросила она, стараясь скрыть свою озабоченность.

— В кабинет Нуньо.

— Ты там скоро совсем затеряешься.

— Надеюсь, что да.

За ужином Федерика предоставила Хэлу полную инициативу в разговорах и рано отправилась спать.

— Должно быть, ты очень устала, Феде, — участливо заметила Мариана. — Ты можешь отсыпаться и вставать, когда захочешь, ведь ты снова дома.

Федерика обошла вокруг стола, целуя всех членов семьи. Лицо Рамонсито запылало огнем, когда ее губы коснулись его щеки, и продолжало пылать в течение всего ужина. Хэл и Рамон оживленно беседовали, а Игнасио переглядывался с Марианой по этому поводу. Они улыбались и подмигивали один другому, прекрасно понимая друг друга без слов и чувствуя, что Хэл намерен остаться, но Федерика выглядела как-то странно. Мариана решила, что это обычные женские перемены настроения.

Федерика оставила ставни открытыми, так что лунный свет свободно проникал в ее комнату вместе с ночным стрекотом сверчков и шумом моря. Она лежала в постели, наблюдая, как тени медленно крадутся по потолку, и думала о Сэме. Какая горькая ирония, размышляла она, в том, что в Англии она тосковала по отцу, а в Чили тоскует без Сэма. После разговора с Ингрид она ощущала неуверенность. Ей оставалось только гадать, к кому мог отправиться Сэм, и чувствовать где-то в глубине своего подсознания неприятный приступ ревности. Испытывая разочарование, она перевернулась на живот и уставилась на качавшиеся за окном деревья и звездное небо. Вспоминая небритое лицо и мученический взгляд Сэма, она гадала, что явилось причиной его негласного вмешательства в ее брак — дружеское участие или любовь. Анализировать свои чувства она не смела, страшась любви.

Она вспоминала их долгие вечера, проведенные перед камином в кабинете Нуньо, посвященные обсуждению литературы и поэзии, барбекю на холодном берегу и веселые прогулки среди скал. Он стал для нее необходимым, но если он влюбился в кого-то еще, то она потеряет его... Но она не может позволить себе его потерять. Когда сон все же одолел Федерику, на смену тревожным мыслям пришли тревожные сновидения. Во сне она видела Сэма. Он сбегал со скалы, а она звала его, но он не слышал, и, как быстро она ни бежала, ей не удавалось его настичь. Утром она проснулась, чувствуя себя такой же усталой, как и после предыдущей ночи.

На следующий день Хэл выпрыгнул из постели с таким зарядом энергии, о наличии которой в себе даже не подозревал. Он не мог вспомнить, когда в последний раз ощущал такой позитивный жизненный настрой. Он жадно впитывал в себя ароматы детства, так, будто этот пьянящий воздух достигал самой глубины его легких. Он прочитал книгу отца *«Любить — вот все, что нужно»* и нашел в ней как потрясшее его объяснение его собственного открытия себя, так и философию любви, применимую к кому бы то ни было: братьям и сестрам, друзьям, любовникам и семейным парам. Он читал ее в эти ранние утренние часы, но не чувствовал усталости, и его глаза продолжали скользить по строкам прозы, пока нежный свет рассвета не рассеял тьму за окном.

Он почти бегом выскочил на террасу, где уже царил солнечный свет, а запахи тостов и кофе были настолько дразнящими, что он снова с наслаждением сделал глубокий вдох и подумал о своей удаче.

— Доброе утро всем, — провозгласил он, наклоняясь, чтобы поцеловать бабушку. — А где папа?

— Он скоро будет, — сообщила Мариана. — Мы подумали, что хорошо было бы провести ланч в Запалларе, где ты привык лакомиться *локос* в «Цезаре», помнишь?

— Конечно, помню, — ответил Хэл, потирая руки от охвативших его радостных эмоций. — Просто великолепная идея. — Он сел и налил себе чашку кофе. — Я очень проголодался! — воскликнул он, намазывая маслом круассан. Мариана наслаждалась, видя, как к нему вернулся аппетит, а на щеках заиграл румянец. Он выглядел радостным и посвежевшим. — Абуэлита, я хочу учить испанский язык, — внезапно заявил он.

— Это легко можно организовать, — ответила она, поглядывая на мужа, который отложил газету и начал проявлять интерес к беседе.

— Я не собираюсь возвращаться в Англию, — спокойно сообщил Хэл. — Я хочу остаться здесь.

Мариана не могла скрыть своего удовлетворения. Она широко заулыбалась и сложила руки вместе.

— *Ми амор*, я так счастлива! Ведь здесь твоя родина, — сказала она, касаясь его руки. — Как хорошо, что рядом с Рамонсито теперь будет брат. А как насчет Федерики? — спохватилась она.

Хэл ухмыльнулся.

— Нет, она не останется, — заверил он. — У нее кое с кем любовь в Англии. Но она пока об этом не знает.

Только на пятый день, когда Рамонсито и Хэл погрузились в шахматную партию, а Рамон и Игнасио прогуливались по берегу, у Марианы появилась возможность поговорить с Федерикой наедине.

— В последние дни ты выглядишь очень озабоченной, Феде, — сказала Мариана, присаживаясь рядом с ней на диван. — Значит, проблема в этом молодом человеке?

Федерика выглядела удивленной.

— Что за молодой человек? — в недоумении пожала она плечами.

— Тот самый, о котором говорил Хэл.

— Но как Хэл может знать? — воскликнула она.

— Видимо, он оказался более наблюдательным, чем ты думаешь. — Мариана хихикнула. — Он просто расцвел под чилийским солнцем, — добавила она, наблюдая, как он смеется на пару с Рамонсито, будто они знали друг друга всю жизнь.

— О Абуэлита, — в смущении вздохнула Федерика. — Мне тоже хочется остаться здесь, потому что я очень рада быть рядом с тобой и Абуэлитой. Так чудесно вновь увидеть папу и покончить наконец с прошлым. Теперь мы снова друзья. Я всегда об этом мечтала. Но...

— Но ты уже стала взрослой, Феде.

— Я провела последние пятнадцать лет, думая о папе. Я перечитывала его письма, когда была несчастлива, и помню все необычные истории, которые он мне рассказал. Я цеплялась за детство. Полагаю, что брак с Торквиллом был попыткой найти отца в ком-то другом. А теперь есть еще и Сэм, — тихо сказала она и опустила плечи. — Думаю, что я люблю его.

— Так в чем тогда проблема?

— Наверное, я обидела его, — задумчиво произнесла она.

— Каким же образом?

— Ну, в детстве я его обожала. Он на девять лет старше меня, умный и необычный —

второго такого в мире нет, хотя таких, как Торквилл, можно найти сотни. Он раньше был красив, но теперь уже нет, хотя и сохранил свою обаятельность и привлекательность. Во время моего замужества за Торквиллом он писал мне анонимные поэтические записки, изменившие мою жизнь. Он любил меня на расстоянии, помог мне вырваться от деспотичного мужа и поддерживал после возвращения домой. Я не смогла бы ничего сделать без него. Однако я подумала, что эти послания от папы. Так я ему и сказала. А потом я сказала... — Она смолкла и покраснела.

— Что же ты ему сказала? — с участием спросила Мариана.

Федерика заерзала в кресле.

— Я сказала ему, что уезжаю в Чили и не знаю, как долго буду отсутствовать, поскольку в Польперро меня ничто не удерживает.

Мариана сочувственно похлопала ее по колену.

— О, моя дорогая, — вздохнула она. — Думаю, что тебе лучше вернуться и поведать ему о своих чувствах.

— Проблема в том, что я не уверена в себе. Я просто боюсь что-либо почувствовать к нему. Теперь я думаю, что сказала это преднамеренно, надеясь, что это подтолкнет его открыть свои чувства. Но он промолчал, хотя и выглядел обиженным. Я не могу все это выносить, мне кажется, что я вела себя чудовищно. Сейчас я понимаю, что он мне нужен. Очень нужен. Но что, если уже слишком поздно?

— Но почему?

— Потому что я звонила его матери, — сообщила она, опуская глаза, — и она мне сказала, что он уехал погостить к своей давней подруге и что она не знает, когда он вернется.

— Но ты ведь не веришь, что он мог настолько быстро влюбиться в кого-то еще?

— Просто не знаю. А что, мог? — спросила Федерика, с надеждой глядя на бабушку.

— Дорогая моя, любовь — это вовсе не то, что можно включать и выключать по своей прихоти. Это совершенно невозможно. Если он тебя любит, то будет ждать. Если же нет, то не будет. И еще, Феде, если он тебя не ждет, то не стоит и выжатого в *писко* лимона!

— Что же мне делать?

— Возвращайся в Англию.

— Но я хочу быть здесь, с тобой.

— Дорогая девочка, Чили — это не на Луне. Только позвони мне, когда захочешь вернуться, и я обеспечу тебе билет, или это сделает Рамон. Теперь расстояние между нами уже не в пятнадцать лет, а всего в пятнадцать часов полета. — Затем она улыбнулась. — Быть может, ты захочешь привезти его с собой.

Федерика засветилась радостью.

— О, Абуэлита, надеюсь, что так и случится, — взбодрилась она, кидаясь обнимать бабушку. — Спасибо тебе, — уже серьезно добавила она, глядя в умудренные опытом глаза Марианы.

— Нет, спасибо тебе! — ответила бабушка, касаясь ее щеки нежным движением своей морщинистой руки. — Я думаю, что совсем скоро именно так все и будет.

Опечаленная внезапным отъездом детей в Чили, Элен сидела на диване у Тоби, делясь с Растой пакетом шоколадных бисквитов. Она сердито жевала, представляя себе душераздирающие картины их воссоединения с Рамоном и его родителями, дом на побережье в Качагуа и все прочее, что с этим было связано. Но к тому моменту, когда она добралась до дна пакета, ее мысли как-то незаметно сосредоточились на Артуре.

Это казалось невероятным, но Артур не предпринимал ни малейших попыток к общению с ней. Даже во время драматических событий с Хэлом и их последующего отъезда. Ни слова. Она ощущала себя безнадежно брошенной и одинокой. Она нуждалась в нем, нуждалась в его обществе и его сочувствии, но, что самое удивительное, она понемногу стала скучать без тех его особенностей, которые раньше высмеивала: его смешной походки, его энтузиазма и задора, его упитанной фигуры и мягких толстых пальцев. Физически он не имел ничего общего с Рамоном, но ее сердце стремилось к Артуру, и она полностью возлагала на себя всю вину за то, что он ее прогнал.

Последние несколько недель, по мере того как она понемногу избавлялась от былых иллюзий, проходили болезненно. Рамон, живший в ее памяти, не был реальным человеком. Он принадлежал к прошлому, которое давно иссякло и умерло. С равным успехом она могла тосковать по призраку. В то же время она не сумела разглядеть достоинства человека, с которым решила разделить свою жизнь, который был настоящим и нуждался в ней. Она оказалась полной дурой. Как мудро заметил Тоби, она никогда не удосуживалась учиться на собственных ошибках и никогда не была счастлива тем, что имела. Элен искала счастья только в прошлом. Тем не менее Артур всегда любил ее, несмотря на все ее недостатки. Она смяла опустевший пакет и швырнула его в огонь, где тот мгновенно вспыхнул и превратился в пепел.

Она начнет все сначала и на этот раз сделает все правильно.

Артур сидел в своем офисе, глядя в окно на шумную улицу. Последние несколько дней непрерывно моросил дождь. Он ощущал внутреннюю опустошенность и неспособность сосредоточиться на работе, что было очень странно, потому как работа всегда была для него способом ухода от домашних проблем и снятия напряжения. Держа в руках карандаш, он машинально рисовал в блокноте печальные лица. Пришлось попросить секретаря передать необходимые сообщения, поскольку он был не в настроении для телефонных звонков, требующих концентрации внимания. Он мог сейчас думать только об Элен. У него была надежда, что она сможет предпринять усилия, чтобы вернуть его, но, к сожалению, он ее переоценил. Никаких новостей, кроме гнетущей тишины, которая говорила сама за себя. Неужели их брак действительно почти ничего для нее не значил?

Он уставился на настенные часы, наблюдая, как секундная стрелка не спеша, с меланхолической регулярностью ползает по циферблату. День тянулся медленно и тоскливо. Как, впрочем, и все последующие дни, после той ночи, когда он не впустил Элен в дом. Ее крик все еще звучал в его ушах, но он подавлял в себе жалость, убеждая себя, что поступил

правильно. Но, тем не менее, она не вернулась, и он оказался перед тем грустным фактом, что она уже никогда не будет с ним.

Наступило время надевать пальто и уходить из офиса. Сопrotивляясь порывам ветра, он сел в автомобиль и отправился домой, сражаясь с плотным потоком машин. Но больше всего ему приходилось сражаться с желанием сдать свои оборонительные позиции и попросить ее вернуться. Ему приходилось выдерживать такие сражения каждый день, но пока решительность позволяла ему одерживать в них победу.

Уже стемнело, когда он подъехал к дому. В подавленном настроении он подумал о том, что надо что-то придумать на ужин, мысленно перебирая варианты, включавшие тарелку овсянки или сыр и бисквиты, и припоминая, что и в меню телевизионного вечера тоже не предполагалось ничего достойного. Неожиданно он заметил, что в доме горит свет. Очевидно, освещение забыла выключить уборщица, приходившая дважды в неделю. Он подумал, что это самое малое, что ей следовало бы делать, поскольку работы у нее теперь было мало, так как солидная уборка требовалась только после Элен, а за ним убирать не было нужды. В доме царили порядок и уныние, достойные музея. Но как сильно он хотел, чтобы хаос, вносимый супругой, снова наполнил этот дом жизнью.

Он вставил ключ в замок и открыл дверь. Когда он шагнул внутрь, в его ноздри ударили ароматные запахи, распространявшиеся из кухни, и он мгновенно узнал знакомый дух жареных цыплят — фирменного блюда Элен. У него перехватило дыхание, а сердце ускорило свой ритм, наполняя его надеждой и одновременно придавая сил на тот случай, если все это обернется миражом и ему придется очнуться в унылой действительности. Не снимая пальто, он стал нерешительно продвигаться по коридору. Слышались звуки шагов и легкий звон посуды, будто кто-то расхаживал за закрытой дверью. Он страшился ее открыть, схватившись дрожащими пальцами за ручку и боясь ужасного разочарования, которое последует, если он обнаружит там не жену, а уборщицу, или свою дочь, или кого-то еще.

Наконец он набрался храбрости и распахнул ее. Подняв глаза, он увидел Элен, одетую в фартук поверх вельветовых брюк и шелковой рубашки и колдующую над дымящейся кастрюлей. Артур в изумлении впился в нее удивленным взглядом. Она закрыла крышку и повернулась к нему. Тщательно наложенный макияж едва ли мог скрыть слезы раскаяния, заблестевшие в ее глазах. Она нервно улыбнулась ему, но тут же, мгновенно распознав в его лице радость и страсть, без колебаний бросилась в его объятия.

Они ничего не говорили друг другу — в этом не было нужды. Артур прижал жену к себе, тяжело дыша ей в шею и ощущая тонкий аромат духов. Они долго стояли так, как никогда раньше, чувствуя силу своей любви. Потом Элен отстранилась, посмотрела в сияющие глаза Артура и почти рыдая прошептала:

— Я больше никогда не буду себя так вести.

Артур взглянул на нее.

— Я знаю, — ответил он серьезно, — потому что я никогда этого не допущу.

* * *

Рамон помахал рукой вслед автомобилю, увозившему Федерику по песчаной дороге в аэропорт Сантьяго, оставляя за собой облако пыли и радостное ощущение того, что все завершилось благополучно. Он еще долго улыбался ей вслед, после того как машина

скрылась из виду, вспоминая душераздирающую сцену пятнадцать лет назад, когда она со слезами прощалась с ним, не зная, удастся ли им когда-нибудь встретиться снова. Но сейчас она стала взрослой женщиной и сама могла решать, когда возвращаться. Он был горд ею и благодарен за то, что они обнялись уже не только как отец и дочь, но и как друзья. Он передал ей свою рукопись для Элен и сказал, что она тоже может почитать ее в самолете. Федерика тепло попрощалась со стариками, с Рамонсито и, наконец, с Хэлом. Но ее слезы уже были не слезами печали, а слезами радости, потому что все они вновь обрели друг друга. Да и, как говорила Мариана, «Чили — это не на Луне», так что они сказали напоследок «до свидания», но не «прощай».

Затем Рамон отправился на кладбище, чтобы поговорить с Эстеллой. Рамонсито не поехал с ним, поскольку увлекся напряженным шахматным сражением с Хэлом.

— Скажи ей, что я сейчас с братом, — гордо сказал он, и Рамон улыбнулся и кивнул. Шахматы были тем языком, который они оба хорошо понимали.

Рамон припарковал машину в тени и направился к могиле Эстеллы сквозь густые тени деревьев. Был ранний вечер, и густые ароматы трав и цветов смешивались в воздухе с неуловимым ощущением смерти, часто навещающим безмятежную вершину холма. Он останавливался у могил и читал высеченные на камне слова, что вошло у него уже в привычку. Однажды он снова появится здесь, чтобы уже никогда не возвратиться обратно. Неизбежность смерти не страшила его, наоборот, она давала ему ощущение умиротворенности. В конце концов, в этом неопределенном мире это было единственной вещью, в которой каждый мог быть абсолютно уверен.

Приблизившись к высокой зеленой сосне, он увидел Пабло Регу, который спал у надгробья, уткнувшись подбородком в грудь с надвинутой на глаза шляпой. Он приветствовал его, чтобы разбудить, но Пабло не шевелился, оставаясь недвижимым и безжизненным. Рамон как-то сразу понял, что Пабло совершил свое последнее путешествие, и наклонился, чтобы проверить пульс старика и окончательно убедиться в своих предположениях. Все так и оказалось: его душа уже покинула немощное тело и присоединилась ко всем тем, кто ушел раньше него, в том числе и к Освальдо Гарсия Сегундо, и, конечно, к Эстелле. При этой мысли Рамон почувствовал острый приступ зависти. Он был уже немолод и одинок. Его сыновья, безусловно, найдут свою любовь, как и он когда-то нашел ее, но сам Рамон был уже слишком стар для новой любви. Эстелла приручила его сердце бродяги, и оно уже навечно будет принадлежать только ей.

Ему остается лишь провести остаток своей жизни в воспоминаниях о настоящей любви, которую даровала ему судьба.

Федерика смотрела на величественную панораму раскинувшихся внизу Анд, когда самолет с шумом, потрясшим ее до мозга костей, набирал высоту. Ей очень хотелось остаться. Так же, как и Хэл, она ощущала свою принадлежность к Чили, это было у нее в крови. Но она страстно хотела увидеть Сэма, и это желание почти что душило ее. Она сравнивала детскую влюбленность далекого прошлого со зрелой любовью, которую испытывала к нему сейчас, и пришла к выводу, что ее брак с Торквиллом стал важным жизненным уроком. Без него она продолжала бы поиски отца в руках другого мужчины, такого же, как Торквилл, и никогда бы не поняла, что является жертвой самой себя. Сэм освободил ее от этого наваждения, а она даже не поблагодарила его.

Когда в проходе появилась стюардесса с газетами, Федерика взяла одну из них, чтобы

просмотреть, хотя и не могла ничего прочитать на испанском. Открыв ее, она взглянула на разворот, чтобы отвлечься от мучительных раздумий о Сэме, и увидела фотографию замороженного тела молодой девушки инка, найденной в перуанских Андах. Она затаила дыхание и в изумлении выпрямилась в кресле.

Повернувшись к соседу по креслу, она спросила, говорит ли тот на английском. Получив положительный ответ, она попросила его перевести ей текст, сопровождавший эту фотографию. Он был рад завязать разговор с красивой попугачицей и начал чтение вслух.

Федерика слушала, прикусив губу. Это оказалась мумия молодой женщины, сохранившаяся в горном холоде и пролежавшая там в течение пятисот лет. На ней было фантастического качества и красоты одеяние, сделанное из шерсти, волосы украшали драгоценные кристаллы, а на голове сохранились остатки плюмажа из белых перьев. Предполагалось, что она была принесена в жертву богам. Когда мужчина вернул ей газету, она стала рассматривать лицо девушки, вспоминая финальные моменты давнишнего рассказа своего отца, пронизанные ужасом смерти, расставания и загубленной любви.

«Она была одета в изысканные узорчатые шерстяные одежды, ее волосы были заплетены в косу и украшены сотней сверкающих кристаллов. К груди она прижимала деревянную шкатулку. На ее голове развевался огромный плюмаж из белых перьев, которые должны были унести ее в иной мир, отпугивая по пути демонов. Ванчуко не мог спасти ее».

После нескольких попыток завязать беседу, мужчина понял, что она не намерена отвечать, и разочарованно вернулся к своей книге. Федерика сидела недвижимо, уставившись в лицо Топакуай так, будто своими глазами увидела воскресение. Все эти годы она верила в легенду, несмотря на голос рассудка, говорившего ей, что это всего лишь миф. Она улыбнулась себе. Кто знает, может, и шкатулка с бабочкой в действительности окажется волшебной.

Сэм встал очень рано, испытывая томившее его душевное беспокойство, и отправился с собаками бродить по скалам. Он уже замечал первые признаки весны в набухших почках, наполнявших лес скрытой вибрацией, распространявшейся по ветвям, будто зеленый дым. Но ничто не могло помочь ему избавиться от охватившего уныния. Он потуже закутался в пальто, но холод шел и откуда-то изнутри, заставляя его тело дрожать. От Федерики не было никаких вестей с того момента, как она уехала неделю назад, и его охватило ужасное предчувствие, что она может уже никогда не вернуться. В конце концов, она сама сказала, что здесь ее ничто не держит. Сила этих слов никак не уменьшалась от той периодичности, с которой он их вспоминал, и продолжала еще больше угнетать его.

До сих пор он так и не придумал, о чем писать. Прошли уже в буквальном смысле годы с тех пор, как он оставил свою работу в Лондоне, чтобы по совету Нуньо использовать свои творческие способности, но его творчество оказалось малопродуктивным. Он пытался пару раз начать роман, но его разум постоянно был занят Федерикой, что привело лишь к появлению мрачных поэм о неразделенной любви и смерти. Ему не оставалось ничего другого, как забросить писательство и углубиться в чтение книг из библиотеки Нуньо. Это было все же лучше, чем отдавать себя на растерзание душевным страданиям.

Прогуливаясь в одиночестве среди скал в робких лучах рассвета, он думал о том, как будет жить, если Федерика не вернется. Нужно будет набраться сил и посмотреть в лицо своему будущему. Он не мог позволить себе бесконечно барахтаться в сожалении к собственной судьбе. В конечном итоге разве не он учил ее в своих посланиях не сдаваться на

волю обстоятельств? Он оказался в роли врача, самого не верящего в прописываемые им лекарства. Надо взять себя в руки и начать писать, приобрести собственный коттедж и, возможно, собаку и свинку, и затем понемногу выбираться из состояния добровольной ссылки, в которую он себя загнал.

Путешествие Федерики не казалось бы таким долгим и томительным, если бы не охватившее ее лихорадочное нетерпение, заставлявшее грудь сжиматься от тревоги, а голову болеть в попытках изменить обстоятельства, повлиять на которые она была не в силах. Прежде чем приземлиться, самолет вынужден был кружить над аэропортом Хитроу около двадцати минут. Она чувствовала подкатывающую тошноту, как от беспокойства, так и от бесконечных разворотов воздушного лайнера, а уже в подземке, по пути на вокзал, ее одолевал приступ икоты. Было холодно, и моросил дождь, словом, стояла типичная для Лондона весенняя погода. Сев на поезд, она устроилась в кресле у окна и погрузилась в созерцание монотонных городских пейзажей. На мгновение закрыв глаза, она открыла их только через несколько часов, обнаружив за стеклом хорошо знакомые картины сельской местности Корнуолла.

Глядя на эти зеленеющие поля, она вспоминала свои долгие прогулки с Сэмом и думала о том, что же скажет ему при встрече. Ей оставалось только надеяться, что он уже вернулся из Шотландии, поскольку она понимала, что сойдет с ума от отчаяния, если не застанет его дома. Она стала молча прокручивать в голове их предстоящий разговор. *«Сэм, я должна тебе что-то сказать... нет, это слишком грубо... Сэм, я люблю тебя... нет, я не могу это сказать, не могу... Сэм, я поняла, что это были записки от тебя, и вернулась специально... нет, нет, это ужасно... Сэм, я не могу поверить, что мне понадобилось столько времени, чтобы понять, что я люблю тебя... нет, не могу. О Боже, я не способна выразиться в подобной манере. — Она вздохнула. — Я просто не знаю, что собираюсь ему сказать».*

Пока поезд утюжил равнины Корнуолла, Федерика наблюдала за коровами, пасшимися на полях, за очаровательными белыми домиками и казавшимися игрушечными фермами и думала о красоте этих мест, которую не портили даже серое небо и непрерывный дождь. Она стала мечтать о жизни в коттедже с Сэмом, возможно, в компании одной или двух собак, но непременно с видом на море, и улыбнулась про себя. Ее не волновало богатство или магазины на Бонд-стрит, а также перспектива лишиться шопинга на всю жизнь. У нее уже раньше все это было: бесчисленное количество сумочек и пар туфель, чтобы понять пустоту, скрывавшуюся за ними. Единственное, к чему она стремилась, это оказаться в объятиях Сэма, а остальное не имело значения.

Когда поезд наконец добрался до ее станции, она швырнула свою сумку на платформу и осталась наедине с моросившим дождем. Вначале она хотела отправиться домой, в коттедж Тоби, но сжигавшее ее нетерпение заставило сесть в такси и поехать прямо в Пиквистл Мэнор. Когда машина свернула на проселок, ее сердце тревожно забило в предчувствии возможного разочарования, если он еще не приехал. Она поискала глазами его автомобиль, но на обычном месте перед домом его не оказалось. Она вышла из такси и отпустила водителя. Если Сэма не окажется дома, она позвонит Тоби и попросит заехать за ней. Кроме того, будет неплохо повидаться с Ингрид. *«Черт побери, — прошептала она, — я просто пытаюсь себя обмануть! Если его нет дома, то я хочу находиться в доме, где он был, сидеть в кабинете Нуньо, где он сидел, чувствовать эхо его присутствия в воздухе и ждать».*

Она прошла в холл, опустила сумку на мраморный пол и посмотрела на себя в висевшее на стене зеркало, пытаясь привести в порядок волосы и похлопыванием пальцев добавить немного краски на свои бледные щеки.

— Сэм, это ты? — крикнула откуда-то сверху Ингрид.

— Ингрид, — охрипшим голосом позвала Феде. — Это я, Федерика.

— Феде, дорогая, — радостно ответила Ингрид, спускаясь вниз по ступеням в длинном, почти до пола, бирюзовом одеянии. — Мы не ожидали, что ты так быстро вернешься.

— Да, я приехала сегодня утром, — ответила она, пытаясь обнаружить какие-либо следы присутствия Сэма.

— Ты, должно быть, устала, бедняжка. Может, желаешь чашку чая или чего-нибудь согревающего? — предложила она и принялась разглядывать Федерику через монокль, увеличивавший ее светло-зеленый глаз, так что тот казался оком игуаны. — Дорогая, ты вся дрожишь. Откровенно говоря, ты вообще не слишком хорошо выглядишь.

— Спасибо, со мной все в порядке, — вяло возразила она. — А Сэм дома? — спросила она, стараясь говорить спокойно.

— Он с самого утра отправился на прогулку с собаками.

Федерика не смогла сдержать улыбку, внезапно расцветшую на ее лице, как весенняя роза.

— Вы не будете возражать, если я пойду и попробую его разыскать?

— Тебе понадобится пальто или ты рискуешь умереть от холода. Не думаю, что Сэм обрадуется, если ты замерзнешь, — заявила Ингрид, алые губы которой выдавали ее полное удовлетворение тем, что она услышала.

Федерика ощутила, как кровь приливает к ее щекам, покрасневшим от радостного возбуждения. Она последовала за Ингрид в гардеробную и надела предложенные ей теплые ботинки и дубленку.

— Это папины вещи. Сэм их тоже очень любит. Если они тебя не согреют, то об этом позаботится Сэм. Попробуй пройти к скалам по лисьей тропе. Думаю, он где-то в том месте, — сообщила она, проследив за тем, как Федерика выбежала наружу. От волнения она даже забыла закрыть входную дверь, так что Ингрид можно было рассчитывать, что о Шотландии она тоже забыла.

Федерика бежала под дождем, не боясь промокнуть. Бежать в дубленке было трудно, поскольку та была громоздкой и тяжелой. Она озабоченно окинула взглядом вершину скалы, выискивая среди камней и деревьев собак и их хозяина.

— Сэм! — закричала она, но ее голос растворился в порыве ветра. — Сээээм! — Она беспомощно застыла на месте, глядя, как внизу волны разбиваются о скалы, и гадая, не отправился ли он в безумное путешествие вниз, на берег. Она вспомнила свой сон и вздрогнула. Затем какое-то движение среди деревьев заставило ее обернуться. Она прищурилась под дождем и приложила руку, чтобы прикрыть от него лицо. Вначале она заметила двух собак, а затем серую фигуру Сэма в длинном пальто и шляпе. Он остановился и смотрел на нее. Не веря своим глазам, он тоже прищурился и приложил к лицу руку, сложенную козырьком.

— Сэм! — снова выкрикнула она.

— Федерика? — отозвался он, и ветер понес к ней звук его голоса.

— Сэм! — крикнула она, торопливо шагая к нему.

Уже уставшие бегать по холоду собаки бросились к ней навстречу, приветственно виляя

хвостами и высунув языки. Она похлопывала их по мокрым спинам, радуясь, что капли дождя на лице маскируют охватившую ее нервозность.

— Федерика! — крикнул он, приближаясь. Она посмотрела на него и часто заморгала, чтобы очистить от влаги затуманенный взгляд. — Откуда ты взялась? — удивленно спросил он.

— Я... — начала она, но волнение перехватило горло и мешало говорить. Она посмотрела вниз на собак и снова приласкала их. Внезапно оказалось, что она не знает, что сказать.

Сэм заметил, что ее рука дрожит.

— Ты в порядке? — спросил он, шагнув еще ближе.

Она кивнула, подняла глаза, затем прижала дрожащие пальцы к губам и с трудом сглотнула. Ее хотелось сказать, что она любит его, но она могла только молчаливо смотреть на него, чувствуя, как грудь распирают эмоции.

Сэм положил руку на ее ладонь.

— Ты приехала ради меня? — спросил он.

Федерика услышала нотку надежды, прозвучавшую в его голосе, и яростно кивнула.

— Я люблю тебя, — прошептали ее губы, но ветер погасил ее голос. Сэм склонил голову. — Я люблю тебя, — повторила она, хватаясь за отвороты его пальто и со страстью глядя в серые глаза. Сэму не нужны были дальнейшие подтверждения ее привязанности. Он схватил ее в объятия и покрыл поцелуями мокрое и такое родное лицо. Она ощутила теплоту его губ и закрыла глаза, чтобы ничто уже не могло отвлечь ее от ее любви.

* * *

Когда Федерика с Сэмом любили друг друга в маленькой комнатке мансарды, она ощутила, что впервые в жизни почувствовала наиболее мощное физическое выражение истинной любви. Он уверенно ласкал ее, глядя в глаза, будто все еще не веря, что она действительно с ним, и делился с ней своими чувствами, которые скрывал так долго. Каждый поцелуй был проявлением его влечения, а его любящие ласкающие пальцы доставляли Федерике невероятное наслаждение. Они смеялись и разговаривали, а потом, когда взаимные чувства переполнили их через край, глаза обоих влюбленных наполнились слезами счастья. Любовное томление, сдерживаемое им все эти долгие годы и выплеснувшееся в эту страстную ночь, не давало Сэму заснуть. Он не мог наглядеться на нежное лицо спящей Федерики и мысленно касался его, пока сила мыслей Сэма не заставила ее с улыбкой оторваться от своих сновидений.

Федерика открыла глаза и окунулась совсем в другой мир. Она слышала, как где-то внизу на дороге лаяли собаки, пока почтальон бросал им из окна своей машины пару конфет, чтобы они погнались за ними и дали ему время проскочить до крыльца и снова вернуться в автомобиль, оставив их с носом. Затем по гравию прошуршали шины, и пару раз раздался скрежет переключателя скоростей при выезде на шоссе. Федерика грациозно потянулась, привыкая к ярким лучам солнца, проникавшим сквозь щели в шторах и освещавшим незнакомые стены комнаты, в которой она побывала только однажды, когда Молли и Эстер представляли ее скунсу Мармадюку. Покраснев, она провела рукой по лицу, ощущая на нем горячее свечение любви, которое излучали ее щеки, и радостно улыбнулась. Она вспоминала

его нежность, его поцелуи, страстные объятия и то наслаждение, которое испытала потом, когда лежала у него на плече, осознавая, что наконец нашла свою любовь.

Она повернулась и обнаружила на его подушке маленький букет ранних подснежников вместе с потрепанной книжкой в коричневом переплете. Она села в постели и поднесла цветы к лицу, вдыхая аромат весны и утренней росы, заставивший ее сердце наполниться восторгом. Потом она посмотрела на старую книгу. Это был «Пророк» Калила Гибрана. Она раскрыла ее и поняла, что это был личный экземпляр Нуньо со стихами, отмеченными его рукой, и комментариями на полях. Она сразу же узнала в этой поэзии источник записок, которые посылал ей Сэм. Затем она нашла закладку и открыла соответствующую страницу. Несколько строк были подчеркнуты карандашом. Она внимательно прочитала их, а затем, чтобы глубже постичь их смысл, перечитала снова.

*Краса есть жизни проявленье, когда, снимая покрывало,
Являет жизнь нам свой священный лик,
Но ты и есть та жизнь, и ты то покрывало.
Краса есть вечность, что любит себя собой,
Как в зеркало в красу глядясь,
Но ты и есть та вечность,
и то зеркало в глазах твоих бездонных.*

Когда Сэм вошел в комнату с завтраком на подносе, Федерика, прижимая букет к сердцу, читала книгу Нуньо. Она взглянула на него и улыбнулась, нежно и игриво. Поставив поднос на тумбочку, он забрался на кровать рядом с ней. Им не нужны были слова, ведь их лица сияли от чувств, для которых одних слов не хватало. Он крепко обнял ее, твердо зная, что на этот раз уже никогда не отпустит.

Прошло несколько лет, прежде чем Федерика Эплби снова нашла шкатулку с бабочкой в глубине одного из ящиков в их коттедже, расположенном в предместье Польперро.

Сэм успешно опубликовал свое первое произведение, «Нуньо. Постижение книги», а Федерика была беременна их вторым ребенком.

Она вытащила шкатулку и стерла пыль с крышки. С чувством ностальгии, которое ее счастье сделало светлым, она присела и открыла крышку. Оказалось, что камни, когда-то украшавшие ее, кучкой лежали на дне, обнажая деревянные стенки, сверкавшие раньше магическим блеском, и это было грустное зрелище.

Она медленно оторвалась от прошлого, промелькнувшего перед ее глазами, и, подняв взгляд, с восхищением увидела великолепную оранжево-красную бабочку, севшую на подоконник. Бабочка замерла, будто молчаливо приветствуя ее, а затем раскрыла свои нежные крылья и, устремившись в воздух, скрылась в потоке солнечного света...

Устав плакать, она положила на колени шкатулку с бабочкой и открыла крышку. Глядя на сверкающие кристаллы, она наблюдала за тем, как бабочка расправляет крылья, меняя свой цвет с красных оттенков на голубые. В гипнотизирующих переливах древних камней она спряталась от своих горестей и внезапного ощущения отторжения, сжимавшего сердце холодными когтями.

— Я люблю тебя, — прошептали ее губы, но ветер погасил ее голос. Сэм склонил голову. — Я люблю тебя; — повторила она, хватаясь за отвороты его пальто и со страстью глядя в серые глаза. Сэму не нужны были дальнейшие подтверждения ее привязанности. Он схватил ее в объятия и покрыл поцелуями мокрое и такое родное лицо. Она ощутила теплоту его губ и закрыла глаза, чтобы ничто уже не могло отвлечь ее от ее любви.

www.bookclub.ua

ISBN 966-343-257-8

9 789663 432571

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

notes

Сiesta (*исп. siesta*) — в Испании, Италии, странах Латинской Америки и некоторых других полуденный (послеобеденный) отдых; самое жаркое время дня. (*Прим. ред.*)

Бугенвиллея (*bougainvillea*) — представляет собой пышноцветущий древесный вечнозеленый вьющийся кустарник, достигающий иногда 5 м в длину. (*Прим. ред.*)

Ломонос — садовое растение, другое название клематиса. (*Прим. ред.*)

Слаксы — брюки с прямыми свободными штанинами и заглаженными продольными складками-стрелками. *(Прим. ред.)*

Остракизм (греч. ostrakismos, от ostrakon — черепок) — в переносном значении — изгнание, гонение. В VI–V вв. до н. э. в Др. Афинах, Сиракузах и др. городах изгнание отдельных граждан по решению народного собрания (обычно на 10 лет). Каждый обладавший правом голоса писал на черепке имя того, кто опасен для народа и подлежит изгнанию. (*Прим. ред.*)

Замбары — животные из семейства оленей (Cervidae). (*Прим. ред.*)

Неф — прямоугольное в плане вытянутое помещение, покрытое сводом. В Средневековье использовался при строительстве части романских и готических соборов, а также церквей стиля эпохи Возрождения. *(Прим. ред.)*

Кокни (англ. cockney) — 1) пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из средних и низших слоев населения; 2) один из самых известных типов лондонского просторечия, на котором говорят представители низших социальных слоев населения Лондона. (*Прим. ред.*)

Спиричуэлс (от англ. spiritual song — духовная песня) — жанр американской духовной музыки; некультовое песнопение, передающее настроения трагичности, одиночества, отличающееся поэтической глубиной. С 1930-х годов спиричуэлсы возрождены на эстраде (*П. Робсон*), а с 1960-х их уже можно было услышать в рамках поп-музыки в стиле соул. (*Прим. ред.*)

Трансфокация (или зум) — изменяемое фокусное расстояние объектива цифровой камеры. *(Прим. ред.)*

Катарсис (от греч. katharsis — очищение) — сильное эмоциональное потрясение, которое вызвано не реальными событиями жизни, а их символическим отображением, например в произведении искусства. Термин был привнесен в психологию и психоанализ из античной трагедии. (*Прим ред.*)